

В. С. Арсенъев

ВОСПОМИНАНИЯ
И ДНЕВНИК

РУССКОЕ МАСОНСТВО
МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

6

Составление, подготовка текста
и комментарии
А. И. Серкова
М. В. Рейзина

~~2 $\frac{05 - 64}{322}$~~

В. С. Арсеньев

ВОСПОМИНАНИЯ

21 $\frac{42}{60 - 7}$

ДНЕВНИК

МАТЕРИАЛЫ
СЕМЕЙНОГО АРХИВА
ГЕНЕАЛОГИЯ
РОДА АРСЕНЬЕВЫХ

С. ПЕТЕРБУРГ
2005

Федеральная целевая программа «Культура России»
(подпрограмма «Поддержка полиграфии и книгоиздания России»)

2007326383

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
2005

ISBN 5-87991-019-9

© Издательство имени Н. И. Новикова, 2005.

ПРЕДИСЛОВИЕ

ДНЕВНИКИ И ВОСПОМИНАНИЯ АРСЕНЬЕВЫХ

Среди многочисленных дневников и воспоминаний, затрагивающих различные стороны российской жизни XVIII—XX столетий¹, очень мало мемуаров, в которых рассказывалось бы об истории масонства в России. Тем ценнее впервые публикуемые в этой книге воспоминания В. С. Арсеньева, ярко раскрывающие место масонства в культуре и быте дворянской семьи, в частности — тайную жизнь масонства в условиях его запрета. Уникальность публикуемых материалов заключается также в том, что эта семья на протяжении целого века хранила, передавая из поколения в поколение, масонское наследие: В. А. Лёвшин — В. Д. Комынин — С. Н. Арсеньев — В. С. Арсеньев — И. В. Арсеньев — М. Ю. Арсеньев².

¹ См. справочные издания: История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. Аннотированный указатель книг и публикаций в журналах. Т. 1—4. М., 1974—1986; Государственная библиотека им. Ленина. Отдел рукописей. Воспоминания и дневники XVIII—XX вв. Указатель рукописей. М., 1967.

² Сведения об Арсеньевых см. в публикуемой ниже родословной, составленной В. С. Арсеньевым-внуком. Все даты до 1 февраля 1918 г. приводятся по старому стилю.

В. Д. Комынин, дед В. С. Арсеньева, был в начале XIX века одним из активных членов московской ложи Нептун, которой руководил П. И. Голенищев-Кутузов, считавший себя наследником традиций Н. И. Новикова¹. В конце 1817 г. часть бывших членов указанной ложи вышла из подчинения П. И. Голенищеву-Кутузову и перешла под покровительство И. А. Поздеева, создав новую свободнокаменщическую мастерскую под именем Ищущих Манны. В. Д. Комынин становится вторым после Поздеева человеком в этой ложе, заняв в ней пост 1-го надзирателя. Хотя ложа Ищущих Манны считалась «родственной» ложе Трёх Добродетелей в Санкт-Петербурге, но уже с первых дней ее работы отличались своеобразием, прежде всего — особым вниманием к масонскому идейному наследию. Для углубленного изучения масонства новый круг московских вольных каменщиков создал ложу Гермес, работавшую в «шотландских» степенях.

В 1819 г. в Москве при активном участии И. А. Поздеева были тайно открыты и работы так называемого «теоретического градуса», где проводились посвящения в высшие степени. Руководил этими собраниями Ф. П. Ключарев, а пост секретаря занял В. Д. Комынин, который предоставил для встреч свой дом. После 1822 г., когда Орден вольных каменщиков в России был запрещен, указанный масонский круг не прекратил свои собрания и в полной мере сохранил традиции. Только в 1823—1834 гг. было проведено 169 заседаний тайного теоретического круга в Москве².

¹ Подробнее о масонстве этого периода см.: Серков А. И. История русского масонства XIX века. СПб., 2000. С. 264—290.

² Тайный масонский круг существовал и в Петербурге (сохранился архив одного из его лидеров С. С. Ланского), но его активность была меньшей.

Одной из причин успешного сохранения наследия была прямая преемственность. Дело в том, что в конце своей жизни преемник Н. И. Новикова на посту руководителя внутреннего Ордена В. А. Лёвшин решил передать свой пост не «белевским» масонам (братья Перваго, П. И. Шварц и др.), а своему зятю — В. Д. Комынину. Пост «брата-вводителя» в тайном московском круге вольных каменщиков занял, в свою очередь, зять Комынина С. Н. Арсеньев, отец В. С. Арсеньева. Данные о работе московского центра масонства дошли до нас во многом благодаря архиву Арсеньевых¹.

Собрание В. С. Арсеньева имеет сложную судьбу. Перед кончиной Н. И. Новиков повелел отдать все внутриорденские документы и значительную часть духовных сочинений своему преемнику В. А. Лёвшину. Последний (еще до решения о назначении своим преемником В. Д. Комынина) передал подлинники масонских сочинений П. И. Шварцу, а копии А. В. Перваго. Бумаги А. В. Перваго перешли к его брату, М. В. Перваго, но уже у наследников последнего их не было. Можно с большой долей вероятности утверждать, что часть этого собрания была распродана. В частности, в начале XX века документы братьев Перваго частично оказываются в руках собирателя

¹ Основная часть архива хранится: НИОР РГБ. Ф. 13; Ф. 14. См.: Майкова К. А. Собрание В. С. Арсеньева // Рукописные собрания Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. Указатель. Т. 1. Вып. 2 (1917–1947). М., 1986. С. 187–199. Часть архива Арсеньевых хранится также в РГАДА. Ф. 1254 (см.: Российский государственный архив древних актов: Путеводитель. Т. 4. М., 1999. С. 177–178) и в ОПИ ГИМ. Ф. 43.

А. Е. Бурцева¹. Но какая-то часть рукописей осталась у потомков М. В. Перваго — Стаховичей. По крайней мере, в 1968 г. некий И. Г. Сильвестров предложил Отделу рукописей Ленинской библиотеки приобрести писарскую рукопись из собрания Перваго, которая затем хранилась у Стаховичей; к сожалению, в 1969 г. рукопись была возвращена владельцу.

Хотя братья Шварцы и Перваго были против соединения с бывшими сторонниками И. А. Поздеева, тем не менее после кончины Петра Ивановича Шварца его часть собрания Новикова—Гамалеи переходит к Арсеньевым.

Главный персонаж этой книги, Василий Сергеевич Арсеньев (1829—1915) — правнук В. А. Лёвшина, внук В. Д. Комынина, сын С. Н. Арсеньева — в 1849 г., 20 лет от роду, окончил с серебряной медалью Императорское Училище правоведения и был определен на службу в Сенат. В 1849—1852 гг. он служил в 5-м и 7-м (Московских) департаментах Сената. С началом самостоятельной жизни В. С. Арсеньева возник вопрос и о привлечении его в масонство — из всей семьи Арсеньевых он по своему складу был наиболее близок предшествующему поколению вольных каменщиков. 8 мая 1850 г. В. С. Арсеньев посвящают в масонство, 19 (12) апреля 1852 г. возводят во 2-ю степень масонства, а 21 июля 1854 г. — и в 3-ю, мастерскую степень.

Теперь уже к В. С. Арсеньеву с уходом из жизни вольных каменщиков переходят их собрания масонских рукописных книг,

¹ См.: Бурцев А. Е. Библиографическое обозрение древне-славянской и русской письменности от XIV до начала XX века. Т. 5. СПб., 1904. С. 16—20. № 1662. В настоящее время собрание А. Е. Бурцева хранится в Институте русской литературы (Пушкинский Дом). Ф. 123.

например, С. И. Соколова, В. А. Бибикина, Н. А. Орлова, С. П. Фонвизина, С. А. Маслова, И. А. и А. О. Поздеевых и др.

С 1853 г., будучи камер-юнкером, В. С. Арсеньев являлся статским секретарем канцелярии Министерства юстиции (чиновником особых поручений при товарище министра В. Н. Панине). Петербургская атмосфера вредно действовала на В. С. Арсеньева, и лишь с переездом в Москву и с посвящением (10 октября 1857 г.) в 4-ю масонскую степень (шотландского мастера) его духовная жизнь становится насыщенной. В Санкт-Петербурге люди служили, в Москве — жили, как в бытовом, так и в духовном смысле; Москва была средоточием людей, желавших «пожить» и не сводивших к карьере смысл существования.

В 1856—1862 гг. В. С. Арсеньев занимает пост инспектора казенных училищ Московской губернии. В 1857 г. В. С. Арсеньев вместе с Д. И. Поповым планирует издание журнала «Наблюдатель», который состоял бы из масонских речей (предполагалось выпускать по семь номеров в год), однако эти планы не сбылись. Впоследствии В. С. Арсеньев активно сотрудничает в православных периодических изданиях (в том числе под псевдонимами А-ев, Адонаев): в «Душеполезном чтении», «Православном обозрении», «Страннике», «Радости христианина» и др., где печатает статьи о церковном иконописании¹, о воспитании², помещает свои экзегетические опыты и переложения библейских молитв, переводы сочинений Фомы Кемпийского³ и современных

¹ См., например: Арсеньев В. С. О церковном иконописании: По поводу последнего Археологического съезда. М., 1890.

² Арсеньев В. С. Мысли о желательных началах воспитания. М., 1904.

³ Цветы из сада Фомы Кемпийского // Радость христианина. 1900. Кн. 11/12. С. 434—436; Фома Кемпийский. Цветник роз. М., 1901.

западных христианских мыслителей, занимается публикацией переводов и оригинальных сочинений предыдущего поколения вольных каменщиков (прежде всего, С. И. Соколова).

Одновременно В. С. Арсеньев, как и другие воспитанники императорского Училища правоведения, во второй половине 1850-х — начале 1860-х гг. активно участвует в общественной жизни страны. Дело в том, что воспитанники указанного Училища заняты в это время разработкой судебной реформы в России, положившей начало отделению судебной власти от административной. В. С. Арсеньев активно посещает собрания не только вольных каменщиков, но и кружка юристов (Д. А. Оболенский, К. А. Победоносцев, Н. И. Стояновский и др.).

Примечательно, что основатель Училища правоведения принц П. Г. Ольденбургский после воцарения Александра II направил новому императору (который, по преданию, еще в бытность свою наследником престола получил масонское посвящение во время поездки в Великобританию) записку о необходимости восстановления масонского Ордена¹. Надо сказать, что подобная инициатива вполне могла увенчаться успехом; достаточно вспомнить, что сразу шесть министров нового кабинета ранее были активными вольными каменщиками: А. С. Норов — министр народного просвещения, П. Ф. Брок — финансов, В. А. Шереметев — государственных имуществ, В. Ф. Адлерберг — императорского Двора, С. С. Ланской — внутренних дел, а Ф. И. Прянишников являлся главноначальствующим над почтовым департаментом.

Тем временем происходит возвышение В. С. Арсеньева в масонских степенях: 30 ноября 1858 г. его принимают в шотланд-

¹ См.: ГАРФ. Ф. 109. 1-я эксп. 1858. Д. 59.

ские степени масонства, 20 мая 1861 г. — в теоретический градус, а 21 ноября 1863 г. — в 6–8-ю степени розенкрейцеровского («внутреннего») Ордена.

Продолжались, хотя в условиях запрета очень редко, посвящения в масонство и других лиц; помимо самого В. С. Арсеньева назовем несколько ключевых имен: Ф. А. Голубинский, Н. А. Орлов, В. А. Бибиков, И. С. Друцкий. Воспоминания и дневники В. С. Арсеньева раскрывают деятельность последнего круга московских масонов. Их собрания проводились более или менее регулярно по 1879 г. и фактически прекратились с кончиной С. А. Маслова (1879) и В. А. Бибикова (1883). Затем семья В. С. Арсеньева становится последним оплотом масонства в России, и лишь его ближайшие родственники и друзья продолжают читать и обсуждать масонские сочинения. Среди последних масонов — И. Ф. Дюмутель (ум. 1899), И. В. Арсеньев (он был посвящен в масонство отцом, В. С. Арсеньевым, в 1900 г.)¹. В начале XX столетия к В. С. Арсеньеву становится близкой и семья Казначеевых; последние, однако, не получают посвящения в масонство.

В условиях запрета масонство не имело питательной среды, вольные каменщики не могли открыто привлекать новых адептов в свой Орден, а занимались лишь пропагандой основополагающих идей масонства. Со второй половины XIX столетия происходит всё большее сближение последних вольных каменщиков с официальным православием, чему способствовала активная

¹ В приемники по Ордену готовился и внук В. С. Арсеньева — М. Ю. Арсеньев. См. любопытное стихотворение М. Ю. Арсеньева «Моему мастеру», посвященное делу: РГАЛИ. Ф. 1346. Оп. 3. Д. 35.

работа в их рядах православных священников: Ф. А. Голубинского, В. И. Кутневича, А. С. Милованова и др.

Масоны теперь активно работали преимущественно в благотворительных организациях и православных братствах. Особо следует отметить Общество любителей духовного просвещения. Оно было основано в 1863 г. в Москве по инициативе митрополита Филарета (по некоторым данным, в прошлом масона) с целью «способствовать распространению и возвышению в духовенстве, а также в прочих класса народа, религиозно-нравственных и других, потребностям православной веры способствующих, познаний». Почётным попечителем Общества становится сам Филарет, митрополит Московский. Первоначально в Общество входило лишь московское духовенство, но вскоре в нем появилось немало светских лиц. Общество составило большую епархиальную библиотеку, выпускало свои собственные «Чтения», газету, «Воскресные беседы». В нем было несколько отделов; например, отдел по распространению в народе духовно-нравственных книг преимущественно бесплатно распространял религиозно-нравственные книги и брошюры тиражом по 100 тысяч экземпляров каждая.

Многие масоны нашли выход своим силам в широкой благотворительной и воспитательной деятельности. Например, Е. Н. Воронцов-Вельяминов был директором училищ Тверской губернии, С. Д. Нечаев (некогда принятый в масонство по рекомендации В. Д. Комынина) — Тульской, А. С. Волоцкий — Вологодской, Ю. Н. Бартенев — Костромской, Д. И. Дмитриевский — Владимирской губернии; С. Н. Арсеньев и Е. С. Жарков были соответственно почётным и штатным смотрителями Можайского уездного училища, В. С. Малаев — почетным

смотрителем Симбирского, Н. С. Арцыбашев — Чебоксарского уездного училища. М. П. Баратаев являлся почетным попечителем Симбирской губернской гимназии, Дома трудолюбия и местного Женского общества христианского милосердия. Образцовые школы в своих имениях организовал бывший мастер стула минской ложи Монпошко¹.

Действительными членами Московского попечительного комитета являлись П. А. Курбатов и И. А. Ру. П. А. Ржевский занимал посты члена попечительского совета заведений общественного призрения в Москве и попечителя уездных богоугодных заведений Московской губ.; Г. И. Вилламов был членом попечительного совета Общества призрения.

Один из активных членов московского масонского крута «теоретистов» П. Д. Голембовский по протекции других участников этих же собраний П. А. Курбатова и С. П. Фонвизина получил место смотрителя Екатерининского (Матросского) богадельного дома. Курбатов был также казначеем Комитета для разбора и призрения просящих милостью, который возглавлял С. Д. Нечаев.

Особое внимание вольные каменщики уделяли опекунам советам. Бывшие члены правящего масонского «триумвирата» М. Ю. Виельгорский и С. С. Ланской стали почетными опекунами Опекунского совета в Санкт-Петербурге. Первый из них был также управляющим Санкт-Петербургским и Гатчинским Воспитательными домами, Александринским сиротским домом, Училищем глухонемых, временным управляющим Мариинской больницы для бедных, попечителем и председателем частного

¹ Polski Słownik Biograficzny. Т. 1—34. Wrocław; Kraków; Warszawa, 1935—1993.

собрания попечительного совета учреждений общественного призрения, попечителем городских богаделен; второй — управляющим сохранной и сберегательными кассами ведомства опекунского совета, тем же Гатчинским сиротским домом, вице-президентом Комитета для разбора и призрения нищих и т. д. Почетными опекунами в Москве были С. И. Гагарин и В. С. Арсеньев (с 1883 г.), в Санкт-Петербурге — Г. С. Попов.

Детище петербургских масонов — Комитет призрения малолетних бедных после запрета Ордена вольных каменщиков перестал быть чисто масонским благотворительным учреждением, хотя его председателями оставались масоны Р. С. Шулепников и А. Н. Шахматов, а управляющим письмоводством, заведующим домом и воспитанниками О. С. Табаровский. Уже в 1824 г. С. С. Ланской в письме к Г. П. Алухтину предложил передать Дом призрения малолетних бедных, где в то время жило 17 человек, в ведение Человеколюбивого общества, поскольку вольные каменщики не имели средств содержать его¹. Отметим при этом, что руководители Комитета призрения малолетних бедных не отказывались от благотворительности и активно работали и в других благотворительных учреждениях: например, Р. С. Шулепников был директором Дома убогих, а А. Н. Шахматов одновременно являлся председателем попечительского комитета о бедных и руководителем распорядительным собранием Общества посещения бедных.

Еще одним центром деятельности масонов традиционно было императорское Человеколюбивое общество. Управляющим канцелярией и секретарем совета этого общества был Г. А. Шверин, а почетными членами совета С. Д. Нечаев и Ф. И. Прянишни-

¹ См.: НИОР РГБ. Ф. 48. П. 63. Ед. хр. 5. Л. 54–55.

ков. Впоследствии помощником главного попечителя данного общества стал А. С. Норов.

Директором Дома воспитания бедных детей был бывший член ложи Елизавета к добродетели В. Ф. Кошанский.

Членами Московского попечительского совета заведений общественного призрения были С. Д. Нечаев и А. Д. Чертков. Президентом Комитета о просящих милостыню в Москве был С. Д. Нечаев, а его вице-президентом — Е. И. Классен. Последний являлся также членом Московского попечительского комитета о бедных.

Продолжали вольные каменщики свою активную деятельность в попечительных комитетах о тюрьмах. В Санкт-Петербурге директорами подобного комитета были П. П. Помиан-Пезаровиус, П. А. Вяземский, Ф. П. Лубяновский, Д. Ф. Флитнер и Н. И. Кусов, вице-президентом — Г. С. Попов, в Москве — С. А. Маслов (он же и секретарь) и В. И. Розенштраух, в Одессе — Л. А. Нарышкин, в Вологде вице-президентом комитета был Н. П. Брусилов, а членом А. А. Зубов, в Калуге вице-президентом — И. М. Бибиков, в Витебске аналогичный пост занимал Н. И. Шредер, в Санкт-Петербурге — М. М. Карниолин-Пинский и Пётр И. Шварц, в Туле членом сходного комитета являлся Е. Н. Воронцов-Вельяминов и т. д.

Жажда общественно полезной деятельности находила проявление и в развитии новых методов хозяйствования. Это наглядно показывают даже списки ряда официально работающих обществ. Традиционным центром новаторства было Вольное экономическое общество, президентом которого одно время был масон Н. С. Мордвинов, а секретарем — уже упоминавшийся В. А. Лёвшин. Членами Вольного экономического общества

являлись И. П. Бунин, А. Р. Томилов, Ф. Ф. Стефани, Г. И. Шостак, Г. А. Шверин, А. С. Меншиков, Л. Л. Карбоньер, Андрей Б. Голицын, П. П. Свиньин, Н. А. Дивов и многие другие бывшие вольные каменщики. Особенно много имен вольных каменщиков встречается в 3-м отделении Вольного экономического общества (сельского домоводства и опытного хозяйства).

В новаторском русле велась работа Московского общества сельского хозяйства. Это общество было основано в 1818—1820 гг. по инициативе масона С. И. Гагарина, который в 1823—1844 гг. был его 2-м вице-президентом, в 1844—1860 гг. — президентом, а затем почетным президентом. В период его президентства Московским обществом сельского хозяйства была устроена первая сельскохозяйственная выставка (1852), были открыты Школа практического шелководства, комитет акклиматизации животных и растений. Видные посты в Московском обществе сельского хозяйства занимали также другие вольные каменщики: Д. В. Голицын (президент), А. А. Прокопович-Антонский и Н. И. Яниш (начальники соответственно 1-го и 3-го отделения), С. А. Маслов (секретарь и правитель дел). Действительными членами общества были А. А. Прокопович-Антонский, В. Д. Комьпин, Я. Ф. Скарятин, Н. М. Шатров, Г. Н. Коробьин, П. П. Новосильцев, А. Д. Чертков, А. Д. Боборыкин, В. Н. Ладомирский, Е. И. Классен, Ф. Ф. Рейс, Д. Л. Алексеев, М. П. Баратаев, М. Ю. Виельгорский, А. И. Дмитриев-Мамонов, С. Д. Нечаев, Н. И. Яниш и многие другие видные масоны.

В качестве примера новаторской деятельности московских масонов можно упомянуть еще, что С. И. Гагарин активно распространял в России тонкорунное овцеводство. Президентом Главного Московского общества овцеводства был Д. В. Голицын, а его директором С. А. Маслов.

Бывшие масоны (Н. С. Мордвинов, В. Ф. Адлерберг, А. Х. Бенкендорф и др.) были в числе создателей первых страховых обществ в России¹.

Возвращаясь к В. С. Арсеньеву, скажем несколько слов о его служебной карьере. После 1862 г. на протяжении пяти лет он находился за обер-прокурорским столом в 6-м департаменте Сената. Одновременно с 1865 г. В. С. Арсеньев был временноуправляющим Московским архивом Министерства юстиции. Затем, в 1867–1874 гг., В. С. Арсеньев является членом Московской судебной палаты, в это же время получает чин камергера. В 1874 г. В. С. Арсеньев переезжает в Санкт-Петербург, где исправляет должность статс-секретаря, является членом комиссии принятия прошений, на Высочайшее имя приносимых. В родную Москву он возвращается лишь в 1884 г., получив должность почетного опекуна Московского опекунского совета.

Фактическое прекращение собраний вольных каменщиков заставляет его задуматься над сохранением наследия вольных каменщиков. Как известно из его писем к Д. Ф. Голубинскому, в начале 1890-х гг. В. С. Арсеньев готовил к печати «Архив С. Н. Арсеньева: Сборник по христианской философии... Часть первая, включающая в себя письма Новикова и друзей его, воспоминания о них и документы с конца XVIII до половины XIX века». При этом предполагалось опубликовать сразу и последующие части, чтобы читатель мог «судить в целостности и совокупности о направлении»².

¹ Барышников М. Н. Деловой мир России. Историко-биографический справочник. СПб., 1998.

² См.: Рукописные собрания Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. Указатель. Т. 1. Вып. 2. С. 191.

Когда же стало ясно, что и этому изданию не суждено увидеть свет, В. С. Арсеньев начинает активно дарить книги (реже рукописи) своего собрания, прежде всего своему внуку И. В. Арсеньеву и П. М. Казначееву¹.

Распродаваться богатейший архив Арсеньевых начал в 1919 г., уже после кончины В. С. Арсеньева и его сына Ю. В. Арсеньева. Затем последовали аресты И. В. Арсеньева, В. С. Арсеньевана внука и других представителей рода. Встал вопрос о сохранении семейного архива. Решение было во многом predetermined тем, что сын В. С. Арсеньева Сергей и его внуки В. С. и С. И. Арсеньевы служили в это время в Румянцевской библиотеке. Именно они и положили начало собранию Арсеньевых в Отделе рукописей, материалы которого легли в основу настоящей книги.

Для истории арсеньевского собрания важно также упомянуть тот факт, что в середине 1910-х гг. издательство «Задруга» начинает выпускать трехтомный труд «Масонство в его прошлом и настоящем»; первые два тома вышли в свет в 1915 г., третий же предполагалось, несмотря на сложность обстановки, посвятить современному масонству. Вокруг издания объединились видные исследователи масонской истории и литературы: Т. О. Соколовская, А. В. Семека, И. Н. Розанов и др. В. С. Арсеньев-внук предложил издательству «Задруга» приобрести всё имеющееся у него собрание, однако получил отказ из-за ухудшения положения издательства (его пайщики были близки Партии социалистов-революционеров). При посредничестве «Задруги» значительную

¹ Книги с пометами В. С. Арсеньева, впоследствии перешедшие к Казначеевым, в настоящее время находятся в Библиотеке иностранной литературы в Москве.

часть рукописей для Румянцевского музея и для себя приобрел Н. П. Киселёв, ставший крупнейшим знатоком истории русского масонства¹. Он и в последующие годы играл большую роль в сохранении материалов Арсеньевых, продолжая поиски редких масонских печатных книг и рукописей из их собрания. Например, в 1928 г. им были приобретены у известного московского антиквара и букиниста П. П. Шибанова две рукописи для Румянцевского музея.

Однако больш́ая часть рукописей и редких печатных книг оказалась в руках частных владельцев, некоторые — в других архивах в Москве, Санкт-Петербурге и Туле.

Поскольку Румянцевский музей отказался приобрести в полном объеме масонское книжное собрание Арсеньевых, многие книги купил Н. П. Киселёв. После его кончины в 1965 г. некоторые уникальные экземпляры поступили в фонды Российской государственной библиотеки и Библиотеки иностранной литературы, основная же часть собрания была распродана через букинистические магазины (книги с пометами В. С. Арсеньева встречались в них вплоть до середины 1990-х гг.).

Основу настоящей книги составляют воспоминания и дневники В. С. Арсеньева. Они дополняются мемуарами других членов семейства — представителей четырех поколений арсеньевского рода.

В роду Арсеньевых в нескольких поколениях были литературно одаренные люди. Родоначальником литературной династии можно считать В. А. Лёвшина, одного из самых плодovitых

¹ О нем см. нашу ст. в кн.: *Киселев*.

писателей России. Среди его многочисленных произведений в настоящее время особый интерес представляют «Русские сказки, содержащие древнейшие повествования о славных богатырях...», где автор впервые в русской литературе обратился к традиции европейского авантюрно-рыцарского романа.

Внучка В. А. Лёвшина, дочь В. Д. Комьнина, мать В. С. Арсеньева, Надежда Васильевна Арсеньева (1805—1855) была автором беллетризованного переложения в прозе и стихах избранных мест из Библии «Поучительные слова для детей...». Она занималась переводами, писала стихи и приобрела известность, написав во время Крымской войны (одновременно со своей знакомой, Е. Ростопчиной) полемический ответ на стихотворение А. С. Хомякова «России»: «Стыдись, о сын неблагодарный, / Отчизну-матерь укорять». Поэтический талант Н. В. Арсеньевой унаследовал ее сын Николай.

Хорошим литературным языком написаны и воспоминания самого В. С. Арсеньева. Но, обратившись к мемуарам, он ставил перед собой отнюдь не литературные задачи; прежде всего, он хотел оставить духовное «завещание» своим детям, кроме того, стремился исправить искажения других мемуаристов (например, в 1881 г. он был вынужден опубликовать полемические замечания по поводу воспоминаний гр. М. В. Толстого¹).

Поддержал брата в сохранении памяти рода и Дмитрий Сергеевич Арсеньев (1833—1915). Его воспоминания тесно примыкают к воспоминаниям В. С. Арсеньева, зачастую описывая одни и те же события.

¹ См.: Русский архив. 1881. Кн. II. С. 507—508.

Примечателен устойчивый интерес детей В. С. Арсеньева к истории. Во-первых, следует упомянуть об исторических работах сына В. С. Арсеньева — Юрия Васильевича Арсеньева (жена его, О. Л. Волкова, также занималась литературным трудом). Работы этого этнографа, историка-краеведа печатались в «Ниве», «Голосе», «Московских ведомостях» и др. изданиях¹. Как и отец, Ю. В. Арсеньев обратился к мемуарному жанру, опубликовав дневник-воспоминания: «Из пережитого. Дневник моряка на Дунае и в сухопутном походе на Балканы. (1877—1878 гг.)». Другой сын В. С. Арсеньева, дипломат Сергей Васильевич Арсеньев стал автором ценных работ о русском дворянстве в Швеции.

Двое сыновей В. С. Арсеньева стали священнослужителями. Иван (1862—1930) был автором интересных работ по истории церкви и о современном положении католицизма² (мы публикуем его юношеский мемуарно-литературный опыт), Николай — автором стихотворений и богословских статей (его жена, Х. С. Голицына, также была писательницей).

Не стали исключением из правила и дочери В. С. Арсеньева: Надежда, принявшая в 1920-е гг. монашеский постриг, была писательницей для народа, Мария (1865—1918) — переводчицей (ее незаконченные воспоминания печатаются ниже).

Помимо интереса к историческим исследованиям в целом, следует отметить и важные работы представителей рода в области

¹ Печатался также под псевдонимами Новосилец, Новосильский дворянин.

² Большой интерес представляют неопубликованные богословские статьи И. В. Арсеньева, которые были написаны им после 1917 г. в стремлении сохранить Русскую православную церковь (хранятся в Ф. 13 в НИОР РГБ).

генеалогии. Уже В. А. Лёвшин в 1810-е гг. опубликовал сочинение «Историческое сказание о выезде, военных подвигах и родословии дворян Лёвшиных», но, пожалуй, наибольшую известность как генеалог приобрел сын дипломата С. В. Арсеньева — Василий Сергеевич Арсеньев-внук (1883—1947).

Детство и отрочество В. С. Арсеньева-внука прошли в московском доме и в имении деда (также Василия Сергеевича) — Красном Новосильского уезда Тульской губернии. Затем он окончил 5-ю Московскую гимназию, а будучи еще студентом юридического факультета Московского университета, опубликовал книгу о своих предках, «Род дворян Арсеньевых», которая получила признание знатоков генеалогии (Н. Н. Кашкина, М. А. Таубе, Д. Корсакова). Он становится действительным членом Историко-родословного общества в Москве (1905), Русского генеалогического общества (1906). После окончания учебы В. С. Арсеньев изъявил желание служить в должности земского начальника в Тульской губернии, однако был направлен во Владимирскую губернию. Тем не менее его связь с Тульским краем не прервалась; он сотрудничает с выдающимся местным генеалогом М. Т. Яблочковым, а после его кончины в 1906 г. — с В. И. Чернопятовым по составлению многотомного издания «Дворянское сословие Тульской губернии»¹, которое не имело аналогов в России. В 1910 г. состоялся долгожданный перевод В. С. Арсеньева в Тулу, где он стано-

¹ Книга «Род дворян Арсеньевых» была выпущена в качестве 6-го тома этого издания. В 1905 г. в 9-м томе этого издания В. С. Арсеньев-внук опубликовал родословные дворян Горяиновых, Исуповых (Юсуповых) и Павловых, затем составил поколенные росписи для 3 (12) тома.

вится членом Тульской палаты древностей, губернского статистического комитета, Тульского общества любителей естествознания (1912), Белевского научно-образовательного и художественного общества.

Знаток и любитель русской старины, В. С. Арсеньев активно занимается устройством исторических обществ в провинции. Он становится учредителем и одновременно председателем Витебской (1909), Тульской (1913) и Псковской (1916) ученых архивных комиссий, Тульского отдела ревнителей памяти Отечественной войны 1812 г. (1912). В это же время В. С. Арсеньев становится членом-сотрудником Московского археологического института (1909), членом Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины (1911). Как уже упоминалось, в 1913 г. В. С. Арсеньев возглавляет организованную при его активном участии Тульскую губернскую ученую архивную комиссию, налаживает выпуск ее «Трудов»¹, собирает при комиссии ценнейшие музейные и архивные коллекции, историческую библиотеку. Его работы по историко-родословным вопросам печатаются в «Русской старине», «Русском архиве», «Известиях Русского генеалогического общества», «Летописях историко-родословного общества в Москве», «Чтениях в Обществе истории и древностей российских», «Витебских губернских ведомостях» и др. изданиях.

Получив отставку, в июле 1917 г. В. С. Арсеньев был зачислен на военную службу в канцелярию запасного полка в Хамовниках,

¹ См. материалы В. С. Арсеньева в его личном фонде: ГАТО. Ф. 2, а также в Ф. 1 того же архива (Тульская губернская ученая архивная комиссия).

а затем — в Александровское военное училище, юнкером которого в октябре 1917 г. участвовал в обороне Кремля на стороне Временного правительства¹. Член «Союза 17 октября», убежденный монархист², в послереволюционные годы он подвергается череде политических репрессий. Об этом мы узнаем благодаря материалам, извлеченным сотрудниками НИЦ «Мемориал» из рассекреченных архивов Политического Красного Креста и Помполита (ныне хранятся в Государственном Архиве Российской Федерации, Ф. 8419, 8409). Вот красноречивая цитата из письма-ходатайства его сестры А. С. Арсеньевой в Политический Красный Крест от 4 октября 1919 г.: «Брат мой поступил 15-го июля с. г. в канцелярию означенной школы [Высшая школа

¹ См. об этом времени его воспоминания: Арсеньев В. С. Октябрьские дни 1917 года. Воспоминания юнкера Александровского училища // Московский журнал. 1993. № 3. С. 40–43. Этот же мемуарный текст под заглавием «Воспоминания юнкера Александровского училища об октябрьских днях в Москве» (1917, июль–ноябрь) хранится: НИОР РГБ. Ф. 369. К. 375. Ед. хр. 18 (автограф и машинопись, 1932 окт. 31, 21 стр.). См. его же «Воспоминания о революции 1917 года»: ОПИ ГИМ. Ф. 43. Д. 110. Л. 13–26. См. о нем также: Присенко Г. П. Проникновение в былое. Тула, 1984. С. 121–122; он же. Личные фонды тульских историков о развитии краеведения в XIX — начале XX в. // Советские архивы. 1984. № 3; ТБС. Т. 1. (здесь же краткая библиография его трудов); Русская интеллигенция. Автобиографии и биобиблиографические документы в собрании С. А. Венгерова: Аннотированный указатель. Т. 1. А–Л. СПб., 2001; *Обречены по рождению*. С. 48–49.

² Об этом можно судить на основании многочисленных документов «Союза русских людей», «Кружка дворян» и др. подобных обществ, которые сохранились в личном архиве В. С. Арсеньева-внука. См.: ОПИ ГИМ. Ф. 43. Д. 78; ГАТО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 165; Д. 176. В 1908 г. в Витебске в переводе В. С. Арсеньева вышел «Трактат о монархии» Данте Алигьери.

военной маскировки] в качестве переводчика, 20-го числа того же месяца он поехал в Орел с целью привезти жену, где и был арестован 23/VII и содержался в Орловском концентрационном лагере в качестве заложника. 12/IX он был освобожден и приехал в Москву 17/IX. Здесь ему предложили более выгодную службу в Главном Управлении Архивными Делами, кот<орую> он и хотел принять. По предложению Д. Б. Рязанова (комиссара архивов) он отправился 20/IX в канцелярию школы, чтобы ликвидировать свою тамошнюю службу. Там всех проходящих арестовывала засада от Особого Отд<ела> ВЧК. С тех пор он находится в заключении»¹. В начале декабря по ходатайству Политического Красного Креста В. С. Арсеньев был освобожден, однако вновь арестован уже 27 декабря, в третий раз за неполные полгода, причем на этот раз вместе со своими родителями и сестрами Анной и Верой. Вскоре они были освобождены, но не выпали из поля зрения репрессивных органов.

В. С. Арсеньев переходит на преподавательскую работу. В 1920—1923 гг. он занимает должность профессора кафедры генеалогии и геральдики Московского археологического института, с 1925 г. преподает в Первом московском институте социального перевоспитания.

Долгое время В. С. Арсеньев не мог опубликовать ни одной своей работы, и лишь когда он — совместно с библиографом, краеведом и генеалогом Ильей Михайловичем Картавцовым (1895—1971) — обратился к изучению «истории революционного движения», а точнее — к жизни декабристов, так или иначе связанных с Тульским краем (И. Б. Аврамов, Д. А. Арцыбашев,

¹ Обречены по рождению. С. 48—49.

А. Н. Вяземский, Н. А. Загредский, М. М. Нарышкин, В. Н. Соловьев, А. Н. Фролов, Н. Р. Цебриков, Н. М. Чижев), его имя появилось на титульном листе книги «Декабристы-туляки. (Биографический словарь)» (Тула: Тулпечать, 1926)¹.

Тем не менее В. С. Арсеньев продолжает активно заниматься научной и общественной деятельностью. Он является членом правления персональных научных работников ЦЕКУБУ и клуба Дома ученых, членом Общества друзей книги, Русского библиографического общества, Московского и Тверского обществ краеведения, работает в комиссии по редактированию сочинений и составлению примечаний к биографии Льва Толстого (1920—1928), сотрудничает в комиссии «Старая Москва», принимает участие в подготовке неизданного библиографического словаря русских историков.

Новая полоса арестов начинается в конце 1920-х гг. В. С. Арсеньева приговаривают к 3 годам концлагеря и отправляют в Соловецкий лагерь особого назначения. После освобождения, начале 1930-х гг., В. С. Арсеньев готовит многочисленные работы для сборников Государственного литературного музея «Звенья»: Орловский театр в 1820 г. по письмам кн. Д. И. Долгорукова; Три письма декабриста Назимова; Тула в 1820 году (рабочие в Туле) по письмам кн. Д. И. Долгорукова; Где сундук из Болдина; Из воспоминаний о художнике В. Д. Поленове; Из рукописи «Мои воспоминания, или Заметки путешественника, едущего на почтовых». Однако ни одна из них, несмотря на положительные отзывы В. Д. Бонч-Бруевича, не была опубликована².

¹ Ранее эта работа частично публиковалась в журнале «Тульский край» (1926. № 1. Апрель. С. 53—66; № 2. Июнь. С. 31—37).

² См. НИОР РГБ. Ф. 369. К. 54. Ед. хр. 15—17; К. 125. Ед. хр. 122.

В январе 1933 г. В. С. Арсеньева арестовывают по обвинению в «антисоветской агитации». 14 марта он освобожден, и дело прекращено. Негласный запрет на научные исследования, аресты, ссылки родных и близких — всё это заставляет В. С. Арсеньева покинуть Россию. Формальная причастность к дворянству Курляндии (а в действительности денежный выкуп, внесенный братом Н. С. Арсеньевым) позволяет ему выехать в Кёнигсберг. Вместе с ним уезжают мать, две сестры, жена, невестка жены с сыном. Затем ученый живет в Берлине, Брюсселе, сотрудничает в «Готском альманахе», в генеалогических и исторических сборниках и журналах, но его научную карьеру в эмиграции нельзя назвать удачной. После 14 лет скитаний, не имея работы и постоянного места жительства, В. С. Арсеньев умирает от рака в Брюсселе.

В. С. Арсеньев-внук — автор более 150 печатных работ (в библиографии его трудов только за 1903—1917 гг., составленной О. Н. Наумовым, зафиксировано 147 работ). Перечислим лишь некоторые из них:

Черта биографии императора Николая Павловича // Русский архив. 1905. Кн. 3. № 11;

Родина В. А. Жуковского // Старые годы (Тула). 1911. № 12;

И. И. Лажечников в Витебске. Витебск, 1910 (отдельный оттиск из «Трудов Витебской ученой архивной комиссии»);

Арсеньевские шведские бумаги. Ч. I—V. Новгород, 1911—[1918].

Церковь села Подмоклого // Старые годы. 1913. № 12;

К столетию со дня рождения М. Ю. Лермонтова, 1814 — 2 октября — 1914: Документы к родословной Лермонтовых... Тула, 1914;

Записки о роде Арсеньевых // Русский архив. 1914. № 2;

Документы к родословной рода Арсеньевых // Труды Тульской губернской ученой архивной комиссии. Т. 1. Тула, 1915;

К столетию со дня рождения М. Ю. Лермонтова и родственных им семейств Виолевых и Арсеньевых // Там же;

Псковская ветвь рода дворян Арсеньевых // Сборник Псковской ученой архивной комиссии. Вып. 1. Псков, 1917;

Описание записок Пестова // Новик (Афины). 1934. № 3–4.

Другой внук В. С. Арсеньева Николай Сергеевич Арсеньев (1888–1977) был философом, богословом, культурологом, поэтом. В 1910 г. он окончил историко-филологический факультет Московского университета, затем слушал лекции в немецких университетах: в Мюнхене, Фрейбурге, Берлине. В 1914 г. был зачислен на должность приват-доцента Московского университета по кафедре западноевропейской литературы, а также стал преподавать на Высших женских курсах. В годы Первой мировой и Гражданской войн Н. С. Арсеньев пытался пойти добровольцем на фронт, но из-за плохого зрения был «забракован», служил уполномоченным Красного Креста. В 1918–1920 гг. Н. С. Арсеньев занимал пост профессора кафедры западноевропейской литературы (первоначально кафедра носила название «сравнительной религии») вновь основанного Саратовского университета. В 1919 г. он дважды арестовывался, содержался в тюрьме; в марте 1920 г. эмигрировал в Восточную Пруссию. В эмиграции Н. С. Арсеньев работал в Берлине, Риге, был профессором в Кёнигсберге и на православном факультете Варшавского университета, часто ездил читать лекции в Англию, Швейцарию. Активный деятель экуменического движения, в 1944 г. Н. С. Арсеньев, которому нацисты запретили заниматься преподавательской деятельностью, уехал в Париж, где

преподавал в Католическом институте при Сорбонне. С 1948 г. и до конца жизни он являлся профессором Свято-Владимирской Православной Духовной академии в Нью-Йорке. За свою долгую и плодотворную научную жизнь Н. С. Арсеньев опубликовал 28 книг и около 2000 статей и рецензий по вопросам античности, Средних веков, эпохи Возрождения, современной культурной и религиозной жизни¹.

С кончиной Н. С. Арсеньева фактически прервалась одна из ветвей рода, известного с конца XIV в. Родовая, семейная традиция, ее роль в передаче культурного достояния нации от поколения к поколению составляли предмет постоянных размышлений ученого, питавшихся, в том числе, и личными воспоминаниями².

¹ См. «Автобиографическую заметку» Н. С. Арсеньева в его кн.: О Жизни преизбыточествующей. Брюссель, 1966. С. 3–4; см. также: некролог Н. С. Арсеньева: Новый журнал (Нью-Йорк). 1978. Кн. 131 (автор — И. Бадуев); Записки русской академической группы в США. № 12. Нью-Йорк, 1979 (номер памяти Н. С. Арсеньева и библиография его трудов, составитель Thomas E. Bird); Шевеленко И. Материалы о русской эмиграции 1920–1930-х гг. в собрании баронессы М. Д. Врангель (Архив Гуверовского Института в Стэнфорде). Stanford, 1995.

² Наряду с книгой «Дары и встречи жизненного пути» (1974), фрагменты которой публикуются ниже, см.: Единый поток жизни. К проблеме единства христиан. Брюссель, 1993; Из русской культурной и творческой традиции. Франкфурт-на-Майне, 1959 (переиздано — London, 1992; примечательно, что вступительную статью ко 2-му изданию книги написал масон — Серафим Милорадович, являвшийся автором и некролога Н. С. Арсеньева: Русская мысль. 1978. 5 января. № 3185). В России пока что опубликовано лишь несколько статей Н. С. Арсеньева. См.: Русские философы (конец XIX — середина XX века): Антология. Вып. 1. М., 1993. С. 5–47 (статья Л. Г. Филоновой); Духовная традиция русской семейной культуры // Московский журнал. 1993. № 12; Духовные силы в жизни русского народа //

Завершить вступительную статью хотелось бы мудрыми словами Н. С. Арсеньева: «Пришло время подводить итоги русскому культурному достоянию, русской духовной и творческой традиции. Подводить итоги не для того, чтобы хоронить или ставить на полку в музей старинных, отживших культур, а чтобы *питать и вдохновлять жизнь, чтобы создавать жизнь*: готовить новую восстановленную, свободную жизнь в освобожденной России. <...> Без традиции нет истории, нет жизни народа. <...> Мы должны критически расценивать эту историю, эту традицию, и с любовью беречь и „культивировать“ то ценное, что она произвела, и творить новую жизнь и новые ценности духовные, питаясь из тех же источников духовных, не в рабском внешнем подчинении или подражании, а в *динамическом росте*. В этом и есть смысл культуры»¹.

А. И. Серков

Литературное обозрение. 1994. № 1/2 (статья В. Е. Хализева); Арсеньев Н. С. Что общего у нас со средними веками? // Человек. 1996. № 2.

¹ Арсеньев Н. С. Из русской культурной и творческой традиции. London, 1992. С. 7.

ИСТОЧНИКИ ТЕКСТА

Н. В. Арсеньева. Отрывок из воспоминаний о В. А. Лёвшине. Печатается по автографу: НИОР РГБ. Ф. 128. Рукопись не озаглавлена. Она была приобретена Н. П. Киселёвым 6.10.1922 (нов. ст.) у В. С. Арсеньева-внука за 500 тыс. рублей. К рукописи приложены пояснительные записки рукой В. С. Арсеньева-деда, из которых следует, что «начало этих воспоминаний покойной матери нашей о деде ее *Василие Алексеевиче Лёвшине*, к прискорбию, не сохранилось». В. С. Арсеньев также включил воспоминания своей матери в текст собственных мемуаров (тетрадь, обозначенная нами литерой В, см. ниже), в конце их сделав примечание: «Здесь прерывается биографическая записка, рукой покойной матери нашей писанная. Последняя строка объясняет причину пребывания матери нашей в года первой юности в Темряни. (Лёвшины пробыли в Тёсове до ее седмого года.)».

«*Воспоминания*» В. С. Арсеньева представляют собой сводную редакцию из различных сохранившихся мемуарных текстов. В конце 1920-х годов эти воспоминания были подготовлены к печати С. П. Щуровым, который также составил «Данные для биографии В. С. Арсеньева» (то и другое см.: НИОР РГБ. Ф. 128). С. П. Щуров основывался на трех переплетенных тетрадях с воспоминаниями, которые были обозначены им

как А, В и С; мы сохранили те же литеры, обозначая ими на полях, по какому источнику печатается тот или иной отрывок.

Тетрадь А. В четверку писчей бумаги (17,5 × 22 см). Переплет позднейший бумажный, с коленкоровым корешком. 93 л. — Вся тетрадь писана В. С. Арсеньевым собственноручно и содержит в себе: краткое общее введение, описание годов учения в Училище правоведения и женитбы на княжне Н. Ю. Долгорукой. Хронология событий перемешана, поздние факты рассказаны прежде более ранних. Сам В. С. Арсеньев называл эту часть своих мемуаров: «Старческие воспоминания мои». Это самый поздний из известных мемуарных опусов Арсеньева. В начале указанной тетради имеется авторская ремарка, указывающая на необходимость дополнения «Воспоминаний» по другим записям: «О временах жизни моей, предшествовавших моему поступлению в Училище Правоведения, были мной написаны эпизодические воспоминания, вроде картин, в *Мемориале сельца Благодатного*, в котором писали и дети, а Лизенька тогда была с нами и также там писала. — Рукопись же та находится у внука моего Васи. Кроме того, написал я еще несколько воспоминаний по просьбе брата моего Дмитрия, когда останавливался в доме его и Варвары Владимировны, на Литейной (в доме, где родилась жена моя)». Основываясь на этой ремарке, мы сочли себя вправе сделать необходимые перестановки при редакции сводного текста из всех сохранившихся тетрадей. При этом, кроме перестановки больших кусков и некоторых абзацев, подлинный текст сохранен без всяких изменений и поправок. При публикации произведены незначительные сокращения повторов; опущены некоторые стихи Н. В. Арсеньевой, малозначительные цитаты из переписки Арсеньевых. (Отметим однако, что Н. П. Киселёв собирался опубликовать в качестве отдельной работы переписку Арсеньевых.) Одно время тетрадь А находилась у В. С. Арсеньева-внука, а в настоящее время хранится: НИОР РГБ. Ф. 13. К. 7. Ед. хр. 7.

Тетрадь В. В настоящее время хранится: Там же. Ед. хр. 5 (М. 5980а). Тетрадь формата 21,5 × 28 см. Переплет позднейший, бумажный, с коленкорovým корешком. 95 лл. (2 лл. были вложены отдельно и озаглавлены «Аппехе»). Автограф В. С. Арсеньева, содержит, по его собственному свидетельству, «несколько воспоминаний, [написанных] по просьбе брата моего Дмитрия». Записки частично были написаны в Санкт-Петербурге, во время приезда к Д. С. Арсеньеву, частично в форме писем к брату, и поэтому состоят из отдельных небольших тетрадок и листков, переплетенных крайне беспорядочно и неряшливо: многие листы вплетены даже вверх ногами, а иные — перепутаны. Рукопись обрывается на полуслове. Предположительно, эта часть воспоминаний датируется второй половиной 1870-х гг.

Тетрадь С. Озаглавлена: «Mémorial de Благодатное 1879. — Essai d'un mémorial de famille collectif en 1879. — Moscou & Благодатное». На заглавном листе, подчищенном и переделанном из прежнего «Memoires de Chimie», нарисованы акварелью: улей с летающими пчелами и химические приборы с монограммой. Старинная тетрадь в четверку, размером: 20 × 25 см, бумага верже с водяным знаком 1812 года. Переплет старинный, бумажный, на сафьяновом корешке оттиснуты золотом инициалы: «А. Д. М.», т. е. «Александр Дмитриев-Мамонов», а прежнее название книги выскоблено. 115 лл. В начале тетради корешки вырезанных 22 листов прежней рукописи, прочие листы оставались чистыми, и В. С. Арсеньев воспользовался ими для своего «Мемориала». Мемориал писан всеми наличными тогда членами семейства Арсеньевых, проводившими лето в Благодатном, а более всех прочих писал сам В. С. Арсеньев. Все части «Мемориала», заключающие в себе его воспоминания о прошлом, включены нами в сводный общий текст. Рукопись, как явствует из приведенной выше записи В. С. Арсеньева, еще при его жизни хранилась у В. С. Арсеньева-внука, в настоящее время хранится: Там же. К. 9. Ед. хр. 6 (М. 5982).

Наконец, еще две тетради воспоминаний В. С. Арсеньева (литеры Е и F) не были известны С. П. Щурову.

Тетрадь Е. Хранится: Там же. К. 7. Ед. хр. 6. Автограф. Рукопись обрывается на полуслове, последние ее страницы чисты. На л. 1 находится выполненный В. Д. Комыниным рисунок ковра шотландской степени ма-сонства. На обороте рисунка пояснительная надпись В. С. Арсеньева: «Сей самый ков<ер> послуж<ил> при моем принятии в X м<астера> в 1857 г.».

Тетрадь F носит заглавие «Семейные воспоминания на память детям». Хранится НИОР РГБ. Ф. 128. Черновой автограф. На втором листе рукописи пометы В. С. Арсеньева: «Проект», «Дополнения и поправки, которые прошу брата Дмитрия делать здесь, и сестру и всех братьев», однако никаких дополнений или поправок другой рукой нет. Из фразы «Прошло уже два года с кончины отца...» следует, что воспоминания были написаны в 1862 г.; судя по пометам Н. П. Киселёва, они принадлежали ранее И. В. Арсеньеву.

Литерой D обозначена небольшая мемуарная заметка В. С. Арсеньева, озаглавленная им «Замечательный случай из моей жизни». Печатается полностью по автографу: НИОР РГБ. Ф. 128. Вверху первой страницы — помета карандашом рукой В. С. Арсеньева: «1852».

Воспоминания генерал-адъютанта, адмирала Дмитрия Сергеевича Арсеньева. Публикуются без изъятий по печатному экземпляру с авторской правкой (впоследствии он принадлежал В. С. Арсеньеву-внуку) из Российской государственной библиотеки. Книга была издана в Санкт-Петербурге в типографии Морского министерства в 1907 г. (53 стр.). Издание было отпечатано небольшим тиражом и в продажу не поступало, в Российской национальной библиотеке отсутствует и значится в дезидератах.

Дневник В. С. Арсеньева. Сохранились отрывочные дневниковые записи В. С. Арсеньева за 1843, 1845–1846, 1848, 1850, 1853–1855, 1860, 1868, 1873–1876, 1884, 1887, 1902 и 1904 гг., некоторые записи не датированы. Записывал на клочках бумаги, преимущественно карандашом, записи достаточно сложны для прочтения. Сравнительно регулярно автор вел свой дневник лишь в 1856–1859 гг. Именно эта часть и была выбрана для публикации. Дневник объемный, печатаются лишь отрывки из него, преимущественно выбраны события, имеющие отношение к продолжению масонских собраний после запрета масонства в России. Опущены интимные переживания автора, сведения о его личной жизни и служебной деятельности, выписки из литературы (преимущественно масонской и богословской). Дневник печатается по автографу, который в настоящее время хранится: Дневник за 1856 г. — НИОР РГБ. Ф. 13. К. 7. Ед. хр. 15 (389 л.); за 1857 г. — там же. К. 8. Ед. хр. 1 (436 л.), за 1858 г. — там же. К. 9. Ед. хр. 1 (294 л.), за 1859 г. — там же. Ед. хр. 2 (33 л.).

И. В. Арсеньев. Курилово. Воспоминания являются частью «Mémoires de Благодатное, 1879». Судя по авторским пометам, записи были сделаны 18, 22, 25, 31 июля, 2 и 6 августа 1879 г. Печатаются по автографу: НИОР РГБ. Ф. 13. К. 9. Ед. хр. 6. Л. 32, 40об.–41, 47, 54об., 61об., 75об.–76.

М. В. Арсеньева. История моей жизни. Печатается полностью по автографу: НИОР РГБ. Ф. 128. В начале текста помета карандашом рукой неустановленного лица: «Записки Марии Васильевны Арсеньевой (1865–1919)». В подзаголовке рукой автора указано: «(написано в Красном, осенью 1916 г.)». Судя по тексту, мемуары не были завершены.

Н. С. Арсеньев. Дары и встречи жизненного пути. Печатается по: Арсеньев Н. С. Дары и встречи жизненного пути. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1974. С. 15–30 (Ч. I. Гл. I, полностью), 70–97 (Ч. I. Гл. IV, полностью), 130–140 (Ч. I. Гл. VI, выборочно).

В. С. Арсеньев-внук. Потомство Михаила Ивановича Арсеньева. Печатается по машинописной копии с авторской правкой, которая хранится: НИОР РГБ. Ф. 13. К. 1. Ед. хр. 1. Л. 1–27. В тексте исправлены очевидные опечатки, без особого на то указания раскрыты сокращенные написания слов.

* * *

Текст в основном приведен к современной орфографии и пунктуации, исправлены опiski и мелкие стилистические огрехи. Вставки в угловых и квадратных скобках, а также набранные более мелким кеглем отсылки к библейским стихам добавлены публикаторами. Постраничные сноски всюду авторские, комментарии в конце текста принадлежат публикаторам. В комментарии не включены сведения о персонажах, хорошо известных из историографии масонства (И. Е. Шварц, Н. И. Новиков, С. И. Гамалея, И. В. Лопухин, кн. Н. Н. Трубецкой, Ф. П. Ключарев, А. Ф. Лабзин) и из общей истории. О членах семьи Арсеньевых см. публикуемую ниже родословную роспись. Более развернутые справки о масонах (включая членство в ложах, родственные связи, архивные шифры, библиографию) см.: Серков А. И. Русское масонство. 1731–2000. Энциклопедический словарь. М., 2001. По этому же изданию (С. 19–22 (перечень), 943–1222 (роспись)) приведены номера лож (в квадратных скобках) в *Указателе масонских мастерских*. В *Указателе имен* знаком * отмечены масоны.

Н. В. АРСЕНЬЕВА

ОТРЫВОК ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О В. А. ЛЁВШИНЕ¹

<..> видимых следов его внутренних занятий. Ни книг, ни картин мистических не встречали мои взоры в его комнате. Возле постели лежала Библия — над ней висело распятие: вот все, по чему можно было заключить, что тут живет христианин.

Меня любил он особенно — и не было минуты, в которую моя болтовня казалась ему помехою. Прибегу к нему, бывало, или с жалобою, или с просьбою — часто так, чтобы взглянуть на моего доброго дедушку и приласкать его, — и теперь еще согревает сердце мое воспоминание кроткой улыбки его, любовного взора прелестных черных его глаз, и движение, с которым он покидал кормящее его перо и, отодвигаясь от стола, сажал меня к себе на колена, гладил по голове и утешал своею ласкою! Иногда сажал на самый стол. Тут стояла его табакерка, с резным золотым изображением монумента Петра Великого на голубом земле из орденской ленты, которая составляла предмет удивления моего, и детские рас<с>просы мои о ней нисколько не выводили его из терпения.

Кажется, никогда бы не кончила я, если б стала год за год описывать воспоминаний моих; но так как оно таким образом

стало бы скорей моей собственной биографией* — то пропускаю период первого детства и перехожу к тем чертам, которые врезались в память мою позднее.

Вот 1812^й год! — События этой эпохи известны всем из истории, но живая сторона ее понятна может быть только ее современникам. Спокойно жили мы в деревне (Тёсове Можайск<ого> уезда). Дед и бабушка² проводили лето с нами, по случаю пожара, истребившего все достояние их (в Бельском уезде, в селе Темряни). В одно утро июля месяца необыкновенное движение в доме поразило и нас, детей, еще очень небольших. Мне было тогда шесть лет. Отец мой³ пришел поцеловать нас, одетый в мундир — на лицах матери моей⁴, бабушки и всего семейства тревога и волнение — в Можайске встречали Государя Императора Александра Павловича, куда и ехал отец. В недоумении и страхе всегда искали мы убежища в комнате деда, и в этот раз побежала я к нему. С спокойным, но важным видом сидел он за столом своим, и от него узнала я о нашествии французов. Он рассказал мне все сообразно детскому моему понятию — но помню, как первый раз тут сжалось сердце мое от отсутствия улыбки на его устах. Скоро ход политических дел заставил нас оставить деревню. 19^е августа выехали мы в дорогу, и дед мой, забрав всю детскую компанию нашу, состоявшую из пяти человек⁵, в свою карету, был опять и весел и покоен! Все время странствования нашего были мы под его покровительством и присмотром — мать моя была больна, бабушка тоже и батюшка с двумя тетками⁶ моими ехали в других экипажах, отягченные недугом, грустью-заботою... а мы наслаждались счастьем и без-

* Oh, que ne l'a-t-elle fait!⁷ (примеч. В. С. Арсеньева).

заботностью! Проезжали ли мы через город — дедушка останавливал лошадей и покупал яблок — вишен — баранок; достигали ли мы ночлега — больная матушка моя и все семейство помещались в особой квартире — а мы, дети, с дедушкой в другой. Радость быть выпущенными из кареты — кушанья, которыми он сам занимался, чтобы нас накормить, — басенки и песни, им рассказанные и спетые, составляли наш мир — наше блаженство. А человек, нас убаюкивавший и сберегавший, носил в сердце своем горе и заботу! Дочь его, мать троих детей, воспитательница двух сирот, опора своих отца и матери, счастье супруга, который в свою очередь был сыном с родителем, — дочь эта была смертельно больна чахоткою — нашествие неприятеля лишало убежища — средств к существованию — а он переносил все с христианскою твердостью, с ясностью на челе, с тем же приветливым обращением со всеми, и принял на себя тягость детского воспитания.

В. С. АРСЕНЬЕВ

ВОСПОМИНАНИЯ

Вечерний свет солнечный нередко проникает в самую глубину [А] рощей, погруженных в тьму приближающейся ночи, и своими удлинёнными лучами ласково озаряет скрывавшиеся уже от взора отдаленные деревца, придавая им как бы новую жизненную ясность и привлекательность. Не могут ли уподобиться такому позднему освещению и старческие воспоминания, об дорогих сердцу впечатлениях и о просветивших разум истинах, в давно протекших годах, давших направление всей жизни? — «К вечеру есть, и преклонился день», — сказали воскресшему Спасителю ученики, в Эммаусе просившие Его, чтобы *остался* Он с ними (Лк. 24, 29). Да озарятся же тихим светом Солнца Правды мои воспоминания, в вечеру жизни собираемые, для возбуждения в сердце моем благодарности за Божии благодеяния, мне, с юношеских годов моих, оказанные; а также для напамитования мне тех истин, которыми руководились лучшие люди, с которыми сблизило меня Божие Провидение.

Но, к прискорбию, сколь поздно я стараюсь теперь собирать драгоценные следы светлых и живительных влияний! — Не подвергнуться бы мне осуждению, заслуженному скрывшим в землю нерадения и забвения мнасы, вверявшиеся Богом! (Лк. 19, 20–24)

Чувствую глубокую потребность переживать духом те благодатствованные времена протекшей жизни, в которые были мной получаемы залогов вечности, и вспоминать о светлых личностях, с которыми был я сближен: о родителях моих, о друзьях их по направлению и о возлюбленной покойной жене моей, и ее родителей, и о всей сфере, в которой протекли года мои, с выпуска из Училища Правоведения и до вступления моего в супружество: (года с 1849-го по 1852-й год).

Этим начну я исполнять и желание Богодарованного мне семейства.

- [Е] Если современный уровень нравственности не возвышается, а падает все ниже, при усилении тьмы и запутанности в понятиях, не пользующихся Светом истинным, — если самопознание показывает нам и наше собственное недостойство и виновность пред Первообразом нашим, которого подобие сознает в себе каждая мыслящая душа, внимающая совести, — то нельзя не признать, что полезно останавливать взор на светлых личностях, прошедших по земле и оставивших в нас отрадные впечатления, и, собирая наши воспоминания о них, заносить их на бумагу, возобновляя чрез то некоторым образом сношения с такими личностями и входя в утешительное единение с лучшими людьми во всем добром, истинном и прекрасном. Если кто знал таких людей, о которых не может вспоминать без уважения, соединенного с желанием подражать примером, сообразным с истинным достоинством человека, то можно сказать даже, что на нем лежит нравственная обязанность собрать свои беглые воспоминания, записать их, не зарывать в земле забвения того добра, которое было вверено его впечатлениям, которое имело благотворное влияние на его развитие

или, по крайней мере, при оживлении в его памяти, действует на него благотворно.

Я имел счастье знать таких людей, расти посреди их попечений обо мне, жить с ними в обмене чувств и мыслей, пользоваться их благодетельными наставлениями, беседами, примером жизни их, и я видел христианскую их смерть, достойную человеческого назначения! Сознывая нравственный долг, берусь за перо, к сожалению, поздно для полноты воспоминаний, но я не мог бояться изглаждения их из памяти моего сердца! Эта память неизменна!

Воспоминания наши о возлюбленных и приснопамятных родителях наших, которых дух и направление есть наше святилище, а благословение их привлекло на нас все счастливое в течение жизни нашей и дало нам в скорбях мужество и преданность воле Божией, — имеют глубокие корни. [В]

Чтобы видеть причины высокого настроения и всего изящества сердечного, отличавшего наших покойных родителей, необходимо устремить взоры и в ту среду, в которой они сами жили и развивались в гармонии добра и истины и скончали земную свою жизнь в благодатнейших чувствах, в живой вере и уповании на обетования Божеские о блаженной вечности. Нужно выяснить себе, где нашли они живительные источники благотворного направления, в котором застали мы их и в котором они жили с тех пор, как мы стали себя помнить в сфере их. А так как Добро и Истина вечны, то и воспоминания о наставниках наших, которые возвещали нам Слово Божие, имеют вечную своею свойство.

Важность *традиции* несомненна. Если мысль наша направится в глубь времен протекших, то ей предстанет первое человеческое семейство, и человек скажет: «И предок мой единственный — был

Бог!!!» (выражение Ф. Н. Глики¹, в падении Адамовом, в I части евангельской поэмы: «Таинственная капля»). Настанет время воскресения мертвых, и увидим родителей наших, а они — своих родителей, и предков, и тогда мы все, как один человек, возведем очи наши горе к Всеобщему Отцу нашему небесному, и вместе будем прославлять Имя Его святое, то есть Сына Божия, которому слава вовеки!

[В] *«Бог есть Бог живых: Ему все живы»* (Лк. 20, 37), — изрекла Жизнь Присносузая, источник нашей жизни и нашего блаженства! В особенности, живы те, которые жили с Богом, и те, которые жили любовью к нам и пробуждали в нас истинную, внутреннюю жизнь, уча нас живительной той истине, что *«тело создано для души, а душа — для Духа Божия»*. Лобызаем благословенную память милых наших родителей, в дорогой сфере которых расцвела наша юность, окрепла сила лет наших и озаряются, умиротворяющим светом вечерним, года нашей начинающейся старости! Присные наши друзья и благодетели наши вечные! Удалясь от нас, в мире вещества, вы не престали быть близкими к нам, в том, существенном, мире духовной телесности, из которого все произошло, и [куда] все возвратиться должно. — Мы ощущаем на себе силу той, таинственной, связи обоих миров, которая именуется *молитвою*, — ощущали неоднократно в событиях нашей жизни действие родительских молитв за нас, а молясь о них, чувствовали единство Церкви невидимой с видимою, столь выразительно названное, в древнем апостольском Символе веры, «общением святых»!

Соберутся около своего центра все! *«Идеже есмь Аз, ту и слуга Мой будет»*, — рек Господь. — *«Возму вас к Себе!»*

(Иоан. 14, 3) — И взяв прежде нас наших родителей, сестру, друзей и благодетелей, пересадил в вечность наши корни и тем готовит и нашу туда пересадку. О, дай-то Бог, чтобы она была блаженною, по сказанному в Псалме: *«Насажденные в дому Божиим во дворах Бога нашего процветут!»* (Пс. 91, 14)

Сказано нам и это: *«Вспоминайте наставников ваших, которые возвещали вам Слово Божие, и, взирая на кончину их жителства, подражайте вере их; ибо Иисус Христос вчера, и днесь, и вечно — Тот же»* (Евр. 13, 7–8). — Побуждаемые этим, устремляем взоры «сердечной памяти» (т. е. благодарности) в глубину протекших многих, многих лет, и там, «на утре наших дней» (как говорил Адам, в поэме Ф. Глинки²), видим благословенный быт родителей наших. Это будут не просто картины дней минувших, столь часто не оставляющие никакого следа в людях, — не больше птиц пролетевших или следа судов, прорезавших на мгновение пучины водные; а будут световыми точками, из которых будут нас озарять не только ясные, но и согревающие душу лучи.

Мы ощущаем потребность, во-первых, выяснить себе причину того, что сфера родителей наших имела особенное духовное изящество, которое выделяло их и семейный быт наш, как бы незаведомо для них самих, так как они были всегда полны дружелюбия ко всем знакомым и соседям; но у них было высшее и тонкое воспитание сердца, и культура духовная и эстетическая, а при том много воспоминаний семейных и традиций, происходивших из особой сферы, о которой припомним в своем месте. И это давало им особенную печать, которая привлекала к ним и была нашим нравственным гнездом, так сказать. Пронизаемый светом камень многоцветный не величается пред булыжником и может скромно лежать в массе земной, но, по своему свойству, он существенно выше.

Но слабо сравнение это, в виду изреченного Самою Премудростию Божиею чрез Петра апостола, — о приступивших к живому Камню драгоценному, краеугольному, чтобы они, *как некие живые камни, зиждими были в духовный дом*, Богу благоугодный, в Храм Духу Божиему, хотящему жить в человечестве святом (2 гл. I посл. Петра) (1 Пет. 2, 4–5).

«Но не забудьте — (писал прадед наш со стороны материнской, Василий Алексеевич Лёвшин, которого приятно назвать первым здесь, как воспитателя нашей милой матери и вводителя деда нашего Василия Дмитриевича [Комьнина] во внутренний Союз истинных философов Христианских), — не забудьте, что неотесанный, дикий камень, — в строение сей святыни не годится» *.

Подобно розовым, удлинненным лучам заходящего солнца, — воспоминания о давнопрошедшем дорогом сердцу времени удлиняют зрительные лучи сердечной памяти и освещают каким-то розовым, трогательным, прощальным светом милые картины жизни, не только нашей, детской, но, так сказать, и *доколыбельной*, устремлены будучи на детские годы и наших родителей. Хотя мы далеки от современных, матерьялистических теорий атавизма, как бы механического и неотразимого, уничтожающего и свободу человеческую, — заменом фатальной природностию эволюционизма способностей, наклонностей и действий, — но авторы,

* В семейные воспоминания наши не может входить историческое исследование о процветавшем некогда в Отечестве нашем Обществе, — предмете книги покойного Михаила Николаевича Лонгинова, — о Новикове, Шварце и друзьях их Ордена, прозванных было «Мартинистами» (по любви их к писаниям Louis Claude de Saint-Martin, французского переводчика писаний Иакова Бёма)³. — Печать направления того обозначится, в этих воспоминаниях, лишь цитатами слышанных или читанных речений.

развивающие а la Zola такую теорию, «слышали звон, да не знают — где он» (по пословице нашего умного народа). Ибо есть атавизм духовный, факультативный, и достаточно нам вспомнить о сказанном св. апостолом Павлом Тимофею, что «вера, жившая в его матери Евнике, и в ее матери жить начала и в нем» (2 Тим. 1, 5), — а в другом месте Св. Писания, что «сердца отцев будут возвращены детям» (Лук. 1, 17) и прочее.

Покойные родители мои принадлежали к замечательной семье людей, проникнутых истинным религиозным просвещением, отличавшихся образованием ума и сердца. Их собственное развитие происходило среди целой плеяды людей замечательных и по своим качествам, и по своему направлению; а потому, для верности изображения любезных, светлых личностей отца моего и матери, войду в некоторые подробности обстановки их, где в том встретится надобность. О себе же буду касаться лишь настолько, насколько может того потребовать нить воспоминаний о присных моих. [Е]

Покойные родители мои провели вместе двадцать восемь лет жизни, с 1827^м по 1855^й год, когда оставила сей мир мать моя, которую отец мой пережил пятью годами. Господь, соединивший их, да упокоит их, где жизнь бесконечная и вечное блаженство в соединении с Ним!

Покойный отец мой родился в 1801^м году, 24^м июня, в Митаве, когда Курляндиею управлял дед мой Николай Иванович, столь уважаемый и любимый курляндцами, что ему поднесен был индигенат⁴ на тамошнее рыцарство, с потомством. Николай Иванович был человек отличного образования и приятнейший член высшего круга общества; бабушка моя, покойная Анна Александровна, рожденная княжна Хованская (которой род от Ягеллона

и Гедвиги Литовских), была женщина чрезвычайно умная и одаренная сильным стремлением к истинному добру. Ее очень уважал покойный государь Александр Павлович, так что не велел беспокоить ее, когда она во время ареста одного из дядей моих* за историю в Семеновском (Шварц—Потемкин⁵) полку, в которой он принял честное участие со всеми последствиями, — по любви к сыну поселилась на адмиралтейской гауптвахте и для его здоровья выходила с ним гулять по бульвару пред гауптвахтой, несмотря на протесты военного начальства. «Оставьте, — сказал Государь, когда ему докладывали, — она огорченная мать и вполне достойная женщина».

[E] Возвращаясь к покойному отцу моему. Благодетельное влияние на душу его имела его няня, совершенно святая женщина Татьяна. Отец рассказывал о ней, что ее живая вера, ее молитвенная жизнь наполняли детскую душу несказанным уважением и желанием проникнуть в эту благодатную сферу, которая привлекала сердце своею тайною прелестью. Впоследствии он сравнивал ее с Анною пророчицею, о которой сказано, что она *«постом и молитвами служаще Господу день и ночь»* (Лк. 2, 37). — Образ жизни старушки Татьяны светил каким-то явственным для oka души светом; то был свет нравственный, а вера ее светила из ее слов и из ее умного молчания. Я еще помню достойную старицу,

* Старше покойного моего отца были братья его Дмитрий, Федор и Александр Николаевичи и сестра Екатерина Николаевна, все уже скончавшиеся. Из них на духовное развитие отца моего имел большое влияние Федор Николаевич, женатый на Марии Сергеевне Слепцовой. Упомянутая историчка была с дядею моим Александром Николаевичем, женатым на Татищевой. Дмитрий Николаевич был женат на Рукиной, а Екатерина Николаевна была замужем за бароном Медем.

кончавшую дни свои в глубокой старости в доме моих родителей и погребенную при церкви Преображения в Горячкине. Отец говорил еще, что чрез нее он впервые стал знакомиться с духом нашей церкви и, будучи уже юношей, находил необыкновенное удовольствие в хождении с нею в церковь ко всенощной, что ему не всегда позволяли зимой, и лишение этого причиняло ему скорбь. Впоследствии отец в знании сокровищницы богослужебных книг наших почерпал великий свет и утешение. Одаренный чрезвычайно восприимчивою, светоспособною натурою, он с быстрым тактом схватывал истину под всеми ее покровами. Эта способность имела важнейшее влияние на все его развитие. Замечая в брате своем Федоре Николаевиче возникновение каких-то новых свойств, очень привлекательных, а именно небывалой терпеливости и скромности, приятной задумчивости и покорности родителям, прежде слабой, он стал обращать на это особый наблюдательный взор своей умной и восприимчивой к добру души. «Федор, — спросил он однажды, — скажи, пожалуйста, как это ты делаешь *теперь*, что когда маменька начнет бранить, то ты не грубишь, а соглашаешься, или молчишь?» Вопросающему было 16 лет, а вопрошаемый был уже офицером в Семеновском полку. Федор Николаевич взял брата за руки, нежно посмотрел ему в глаза и спросил его: что ему кажется лучше: покоряться родителям, или не покоряться? Вытерпеть, если бы даже и не всегда заслуженное, взыскание, или принимать его с гневом и неуважением? — Ответ был понятный, но отец мой продолжал доискиваться причины происшедшей в брате перемены, столь ему понравившейся. Тут дядя мой Федор Николаевич прикрылся скромностию и сказал только, что, видя товарищей, которые таких правил держатся, он нашел, что это хорошо, а что хорошо, то

надобно усвоить себе. «Кого же ты видишь?» — «Да вот сегодня у меня будут два мои товарища, на которых я желал бы походить быть». — «Кто это?» — «Все равно кто, а важно, что за свойства в людях». — Отец задумался; прекрасное лицо его осветилось умным лучом. «Федор, — сказал он, — познакомь и меня с твоими товарищами. Позволь мне быть в твоей комнате, когда они будут». — «Очень рад, душа моя, приходи». Впечатление, произведенное на отца моего разговорами трех молодых людей: Федора Николаевича Арсеньева, Ивана Николаевича Хрущова и Алексея Михайловича Зилова⁶, было глубокое, имевшее влияние на все его направление: его сперва поразила тон какой-то средний между обыкновенным тоном молодых людей и серьезностию зрелых, мыслящих людей; веселость, не изгнанная из их беседы, была как-то чужда всякой глупости и непристойности и как-то естественно переходила в мысли занимательные, новые и симпатичные для души; ощущалось внутреннее согласие с тем, что они говорили. Дальнейшие впечатления были от заметного единства в них между познаниями и нравственностью, между натуральным и духовным.

Эти прекрасные молодые люди послужили отцу моему проводниками к личностям, далеко выходящим из ряда даже обыкновенных порядочных людей, к людям редким по просвещению ума и сердца, по направлению, которое могли дать современному обществу и науке. Разговоры же товарищей Федора Николаевича были живым обменом впечатлений о Петербургской жизни и суждений о происходившем в обществе салонном, и в гвардии и городе, но при этом — и о происходившем в них самих. Собеседники не имели тем для разговоров, но во всем, чего они касались, слышалось что-то здоровое, благоразумное, при тоне хорошего

воспитания, вынесенного из здоровой семейной среды и не потерянного в жизни полковой и городской, к счастью. Посему, знакомясь чрез них впервые с внешним миром, покойный отец, благодаря хорошему их направлению, получал не превратные, а правильные понятия о том, что делается на свете, порок признавая за порок, богатство, знатность, красоту, развлечения, удовольствия, — за предметы далекие от *истинных благ*, а *страсти* — за *врагов истинного счастья*. Эти товарищи, и некоторые другие, которых имен я не припомню, разве еще Романа Сергеевича Шулепникова, Николая Алексеевича Яковлева и Петра Ивановича Маклакова⁷ (но знаю, что было много других достойных молодых людей, с которыми отец постепенно знакомился), приняли его очень ласково и сделали, в течение пяти лет его жизни, средою, в которой совершалось его развитие, и совершалось при благоприятных условиях; образование получил отец мой домашнее, в то время, когда дворянство имело на то более средств, а сближения между всеми сословиями в народных училищах еще не происходило. Его готовили к офицерскому экзамену дома, однако он поступил на гражданскую службу, которую начал в Государственной комиссии погашения долгов; мне не известно, что именно имело влияние на изменение плана, помню только, что отец говорил, что скорбел о том, что мундира не наденет; может быть, родители опасались для него казарменной жизни и влияния политических партий, действовавших тогда в полках и подготовлявших события 14го декабря 1825го года, хотя в них ни один из моих дядей также не участвовал. Федор Николаевич и ближайшие его приятели часто ходили к весьма замечательному человеку, имевшему на них благотворное влияние, к Сергею Степановичу Ланскому⁸, человеку тогда еще молодому (это было за 35 лет до

занятия им должности министра внутренних дел), но отличавшемся прекраснейшим направлением, наилучшим тоном высшего аристократического круга, к которому принадлежал, и, что лучше этого, — образованием такого свойства, что в нем *научность гармонировала с религиозностью*.

Вот из какого направления происходила та привлекательная особенность, которая пленила моего отца в приятелях брата его и которая богато развилась и раскрылась в нем самом, когда он сам сблизился с Ланским, а чрез него с людьми еще замечательнейшими, каковы были *граф Михаил Юрьевич Вьельгорский и Андрей Петрович Корсаков*, сами находившиеся под благотворным влиянием лучших людей своего времени, как *Иосиф Алексеевич Поздеев, Руф Семенович Степанов, Николай Александрович Головин*⁹, *Василий Дмитриевич Комынин* (дед мой, отец матери моей). Но эта из друзей Божиих состоявшая роза была для него еще нераскрытою, и он был привлекаем благоуханием еще самых внешних лепестков ее. — Но таково свойство добра и истинного просвещения, с ним неразлучного, что прикоснувшийся только к тем людям, которые стоят как бы в электрической цепи, и ухватившийся за руки самых отдаленных от электрического аппарата членов цепи сей ощущает уже искру электричества одинаковым образом с теми, которые стоят ближе к источнику; таков закон *и в физическом, и в нравственном, и в умном мирах, имеющих Одного Законодателя и законы однородные*, гармонирующие между собою! — Самое важное событие этого периода жизни покойного отца моего было сближение его с графом Михаилом Юрьевичем Вьельгорским. Этой светлой личности суждено было двинуть сильнейшим образом умственный и нравственный прогресс покойного отца моего и многих

других лиц, подошедших под влияние этого замечательного человека, втянутых в фотосферу его христианской философии, в сферу чудной гармонии в направлении его трех светов, светящихся нам в жизни: света разума, света природы и света благодати. Но сближение отца моего с ним может быть оценено только при ближайшем знакомстве с личностью и направлением отца моего, а эта ретроспективная оценка отношений его к Велегорскому возможна после прожития с ним других периодов жизни его, в которых богатство направления, им полученного, вполне раскрылось и было так живо и действенно, что обогатило и меня, зажгло и мой светильник драгоценнейшим светом Премудрости Божией, которая не отринула меня недостойного, столь мало боявшегося угашения этого света заблуждениями жизни! Если свет этот для меня не угас, то это чудо Милосердия может объясниться только тем, что Господь до того благ, что указывает грешникам путь и пришел разыскать и спасти погибшего (Мф. 18, 10). Ему слава Единому и честь, и поклонение вечно!

Теперь, оставя моего отца в С.-Петербурге на двадцать втором году его благословенной жизни в сношениях с гр. Михаилом Юрьевичем и его друзьями, переношусь с воспоминаниями, от родителей моих полученными, в Москву, которая имела решительное значение в судьбе его и где в это время уже процветало изящное существо: умная, богато одаренная, полная благороднейших качеств и необыкновенных способностей девица Надежда Васильевна Комынина, от которой мне назначено было родиться в мир сей, участвовать в Искуплении Господом нашим Иисусом Христом, соделавшись членом тела Церкви Его!!

Воспоминания же о моей покойной матери требуют обращения взора на семейство моего деда и прадеда с материнской

стороны, родных мне по духу! Сближение с этим благодатным семейством было уготовано отцу моему Провидением, путеводителем нашим, которого Рука ведет нас ко благу, если мы предаемся руководству сего путеводителя и стараемся познавать его очами умными.

Мать моя происходила от брака Василия Дмитриевича Комынина с девицею Евгениею Васильевною Лёвшиною. Богородный род Комниных (от греческого выходца, одного из братьев Императора Алексия Комнина *) или Комыниных, служивший царям нашим, — так же, как и род Арсения, сына крещенного при Дмитрии Донском мурзы из Золотой Орды Прокопия, от которого происходил отец мой, — верою и правдою, отличался христианским благочестием и патриархальным образом жизни, умея соединять его с обладанием богатыми поместьями в Московской и Ярославской губерниях. Простота нравов, полезное служение благу общему, верность св. Церкви отличали родителя деда моего Василия Дмитриевича, уважаемого сенатора Дмитрия Васильевича Комынина ¹⁰, погребенного в родовой вотчине его селе Тёсове, Можайского уезда **. Смерть его, по рассказам деда, была спокойным переходом в мир лучший, с необыкновенною радостью.

* От чего и в гербу рода Комыниных коронованный орел и два жезла, носимые пред византийскими императорами.

** От Тёсовской вотчины впоследствии отделена была вотчина Горяччинская с семью деревнями, данная дедом моим в приданое моей матери, в 1827^м году, когда и построил для моих родителей дед мой прекрасный дом Горяччинский или, правильнее, Преображенский, ныне с землями принадлежащий брату моему Дмитрию Сергеевичу, воспитателю великих князей Сергея и Павла Александровичей, — в котором наиболее отразились светлые личности моих родителей!

Без сомнения, душа его осталась в этом чувстве и в загробной жизни, и о молитвенном состоянии его и по смерти были некоторые данные <...>.

Сын его, дед и крестный мой отец Василий Дмитриевич, служа при Императоре Павле в С.-Петербурге, в это трудное время держал себя с отличным благородством, сосредоточивавшим на нем уважение его знавших. Возвратясь в Петербург после погребения отца своего <...>, он часто помышлял оставить придворный город, где был церемониймейстером, и поселиться в древней, патриархальной Москве, вдали от скользкого, да и холодного, как лед, пути почестей, дабы посвятить себя занятию науками, семейной жизни и отеческому управлению своими крестьянами. Часто, выезжая из дворца, где был замечаем Государем Павлом Петровичем, не только не причинившим ему зла, но и благоволившим к нему, — он спрашивал себя, умно ли посвящать свою жизнь, все силы существа своего — на снискание или сохранение милостей смертного человека, облеченного властью? «Часто, — говаривал дед, — останавливал свое удовлетворенное честолюбие простым *рассуждением*: прибавилось ли во мне, от милостивого монаршего со мною обращения, какое-либо внутренне достоинство? Даже по внешности что во мне переменилось? Знают ли, например, прохожие, что эта карета едет из дворца и что сидящий в ней виделся с Государем?» — Глубокий ум его, соединенный с внутренним зовом к сближению с Умом умов, не мог удовлетворяться придворною жизнью и не находил себе пищи в суете. Жажда к Истине искала утоления; дух его предчувствовал *возможность найти путь к Добродетели, Премудрости и Просвещению* — в сфере тайной посреди мира... Он искал науки, не той, которая по внешности вещей

ходит ощупью, но истинной науки, сосредоточивающей в себе познание человека, природы и Творца; искал Добродетели, — не той, гражданской, которою обладал и по свойствам природным и по воспитанию и которая, нередко, в тех, в которых не развит принцип высший, имеет формою одно приличие, а содержанием эгоизм, — а той, которая от самого источника Добра проистекает и к нему непрестанно приближает; — искал Премудрости, не той, которая, злоупотребляя этим именем, есть только ошлифовка слепотствующего, змеиного по свойству, разума, еще невозрожденного, и которою гордятся лишь «князи века сего», — но Той, о которой сказано: «глаголем Премудрость Божию тайную, сокровенную, юже представи Бог в славу нашу, юже никто от князей века сего разуме; аще бо быша разумели, то не быша Господа славы распяли» (1 Кор. 2, 7–8). — Он искал, и обрел, он стучался, и отворили ему — Провидение сблизило его с мужем, шествовавшим по пути Сей Премудрости. Дружба соединила его с почтеннейшим князем Григорием Алексеевичем Долгоруким (дядею моего тестя)¹¹, по внешности — опытным высшим офицером морской службы, а по внутреннему своему ходу — опытным кормчим к Истинному Просвещению человека. Князь Григорий Алексеевич принял деда моего в любовь свою в 1812² году, в г. Киеве, в бытность моего деда, Василия Дмитриевича Комынина, с другом его Сергеем Павловичем фон-Визиним¹², в ополчении. Князь Григорий Алексеевич сблизил деда моего с обществом истинно мудрых мужей, христианских философов, с которыми он вступил в теснейший, можно сказать — братский союз. — Магнитная стрелка нашла точку, к которой стремилась, Василий Дмитриевич нашел, чего искал на земле: училища истинной мудрости и добродетели, неразлучно здесь связанных, — училища не

явного, не под вывескою красующегося, а тайного, как бы народ, состоящий из людей, не родившихся в нем (а есть такой *род избранный!* — «*Est enim gens, in qua nemo nascitur*»¹³), составленный из ищущих *истинного света* и связанных святою дружбой, дабы помогать друг другу стремиться к высокой цели рода человеческого, при освещении самого пути к тому — трояким светом: религии, разума и естества. — Тут-то, в сообществе таких людей, в занятиях в этом вселенском университете, в этой мировой академии тройственного просвещения, получили светлые способности деда моего — истинно свободное развитие, как корни дерева, пересаженного из тесной кадки в свежую, возделанную землю, как светильник, перенесенный, из обыкновенной душевной комнаты, в пространство, обогащенное кислородом; и так приготавлился он и сам сделаться по воле Божией светильником для многих... Глубокомысленный ум его нашел учение внутреннее, а не поверхностное, заключающее в себе существенное, а не мнимое познание человека, природы и, сколько дано человеку, познание Бога в природе, в человеке, в Св. Писании, так что ему одна из этих книг открывала, объясняла другую, «*liber librum aperit*»¹⁴, и познание глубокое, всеобъемлющее, которого университетские ученые и семинарские академики не познают и от того заблуждают или задерживают других идти. — Благородное сердце его нашло истинные правила, отличающиеся центральным своим направлением, в котором соединяются мораль, естествознание и Богопознание узлом, достойным искания. *Sapienti sat!*¹⁵ Скажу только, что все сказанное о сближении деда моего с князем Григорием Алексеевичем, а чрез него с Иосифом Алексеевичем Поздеевым и друзьями его, можно и должно отнести и к сближению отца моего с графом Михаилом Юрьевичем Вьелегурским, и, прибавлю со

слезами благодарности, и к сближению моему с отцом моим и его друзьями...

Дед мой Василий Дмитриевич не долго оставался в Петербурге, как было сказано выше, при Павле Петровиче. Еще тогда Провидение вело его к сближению с избранным орудием Василием Алексеевичем Лёвшиным, впоследствии поведшим его далее того даже, чем он был обязан Долгорукому и Поздееву. Но это сближение, тайными путями Провидения, подготовилось семейными событиями. В Петербурге Провидение указало ему на достойную для него супругу в лице младшей из дочерей первого, по учреждении Вольного Экономического Общества, неременного секретаря этого общества, Василия Алексеевича Лёвина, известного передового деятеля в распространении агрономических сведений в России и переводчика Теэра¹⁶ и бесчисленного множества книг. Но деятельность этого замечательного человека далеко не ограничивалась официальной стороною: он не менее потрудился для внутреннего Просвещения и перевел Библию и множество важных сочинений. Василий Алексеевич Лёвшин — потомок древней рыцарской фамилии Лёвенштейн, германских выходцев также при Дмитрие Донском, был одним из образованнейших людей своего времени и друг великого деятеля для просвещения, известного Николая Ивановича Новикова. Родившийся в эпоху, когда свет наук едва начинал проникать в Россию (в 1746 году), он с юных лет посвятил себя распространению научного просвещения и полезных практических знаний в нашем отечестве. Но к его личности и к личности жены его, моей прабабушки Феодосии Степановны, возвращусь после, — а теперь скажу только, что бабушка моя Евгения Васильевна была по всем свойствам своим достойною дочерью замечательных по

уму, благородству и благочестию родителей. Изящное существо, девушка, тонко образованная, сердце пылкое к добру, энергичское в отвержении всего дурного, благотворительная до самопожертвования, — вот какова была Евгения Васильевна, на которую по характеру и уму весьма походила моя мать. По окончании Евгениею Васильевною образования в Смольном институте, дед мой Василий Дмитриевич, узнав ее после неоднократных встреч в обществе и при дворе, стал искать ее руки. Родители ее изъявили полное свое согласие, видя, что вверяют судьбу ее человеку с истинными достоинствами, а Императрица Мария Федоровна и Император Павел, которыми она пожалована была фрейлинским шифром за отличие по курсу, так как она вышла первою по успехам из Смольного, благословили брак сей иконою Св. Иоанна Богослова (которою в свою очередь благословлена была родителями моими сестра моя на брак с покойным Николаем Васильевичем Шеншиным¹⁷, героем Бомарзунда и освобождения крестьян). Не задолго пред тем Император Павел сделал деда моего Василия Дмитриевича Комынина рыцарем Мальтийского ордена.

Дед наш Василий Дмитриевич Комынин был церемоний- [В]мейстером при Императоре Павле и был им лично посвящен (*armé chevalier avec accolade*¹⁸) в Мальтийские рыцари; по ударе меча по плечу, Василий Дмитриевич как-то замедлил встать с колен, тогда Император сказал ему: «*Levez vous, Monsieur, — nous sommes frères*»¹⁹. Государь был посаженным отцом на бракосочетании Василия Дмитриевича с Евгенией Васильевной; но придворная жизнь его не привлекала, и он переселился в Москву, где, при том, и был корифеем друзей своих по Ордену свободных каменщиков. Он с осторожностью относился к светским обычаям,

хотя давал им свое место, имел и своих музыкантов и своих актеров, и давал балы <...>.

[Е] <...> И ныне дом их под Новинским, в приходе св. Иоанна Предтечи, в Кречетниках, впоследствии место моего рождения.

Покойная мать моя родилась в 1805^м году, 17^м сентября, во время путешествия Евгении Васильевны и Василия Дмитриевича в селе *Субботниках* Козельского уезда. Она была младшею дочерью, и в ней гармонировали отличные свойства ума и сердца отца и матери ее. По приезде родителей ее в село Тёсово, главное их местопребывание, они были встречены находившеюся там дочерью Василия Алексеевича Лёвшина, девицею Надеждою Васильевною, сестрой Евгении Васильевны и другом ее, очень почитаемою дедом моим Василием Дмитриевичем. Он, взяв на руки новорожденного младенца Надежду, понес ее на половину, Надеждою Васильевною Лёвшиною занимаемую, и сказал ей: *«Когда мы в пути праздновали день вашего ангела, Бог даровал нам этого ангела: лучшего подарка не могу и я сделать вам, другу нашему: жена и я дарим вам Наденьку; помогите нам ее воспитать во славу Бога, Спаса нашего!»*

Мать моя и была отдана на воспитание, на года своего детства, тетушке своей Надежде Васильевне Лёвшиной, или, лучше сказать, всему семейству Лёвшиных под начальством патриархальной, благодатной четы, моего прадеда Василия Алексеевича Лёвшина и Евдокии²⁰ Степановны, прабабушки моей. Однако еще она после того пожила с своею матерью и узнала ее высокие качества. Так, например, слышал я от покойной матери моей, что Евгения Васильевна, никому не поручая детей, ездила с ними посещать бедные семейства и возила с собою узлы белья и провизии. Раз продала она свои бриллианты, чтобы выручить из

беды семейство родителей своих после неурожайных годов, чтобы они могли сохранить поместье свое село Темрянь в Белевском уезде, место приятнейших детских воспоминаний покойной матери моей. В имени же мужа своего она, благотворительностию и вместе сдержанностию своего мыслящего и молчаливого по смирению характера, оставила глубокое впечатление в сердечной памяти многих. Я забыть не могу, что однажды последо<...>²¹

А быт семьи Темрянской был преисполненный любви и дружбы, связуемой главою семейства, прадедом нашим Василием Алексеевичем Лёвшиным, другом Николая Ивановича Новикова и Семена Ивановича Гамалея, великим розенкрейцером, как и они. Сыновья Василия Алексеевича²² переводили на русский язык Священное Писание и очень много сочинений розенкрейцерских. — (составивших до 50 томов рукописной библиотеки, Новикову посвященной)²³. Семья собиралась на совокупные молитвы утром и вечером, и происходило чтение из Библии вслух главою семейства. Понятно, что такой склад семейной жизни производил на душу нашей будущей матери сильное и благотворное впечатление. На ее вкус к познанию истины действовало и влияние старшего из братьев: Владимира Васильевича Лёвина²⁴, посоветовавшего ей делать выписки из лучших авторов, с изложением ее собственных мыслей, впечатлений и вопросов. Мы видели одну из уцелевших тетрадок такого мемориала, с надписанными ее стишками и заглавием: «Sagesse d'autrui»²⁵.

Цветок Премудрости святой!
Привейся к сердцу моему!
Я жизнь хочу провести с тобой:
Презренье низкому всему!

С тобою легче мне несчастье,
 С тобою — радости живей,
 С тобой, в душевное ненастье,
 Спокойней буду в жизни сей.

Это было писано в 1823-м году. <...>

[В] На выбор ее чтений имел влияние очень образованный дядя ее Владимир Васильевич Лёвшин. Семья Левшиных состояла из патриархального отца, Василия Алексеевича Лёвшина, друга известных Новикова, Шварца, Гамалея и всей плеяды учеников истинной Премудрости. Лев Васильевич, Александр Васильевич²⁶ служили в морской службе и привезли из кругосветного плавания много редкостей, произведений природы, и разнообразных впечатлений. Благочестивая мать их, Феодосия Степановна была аскетического направления. <...>

[В] Другие члены семьи Лёвшиных были: Алексей Васильевич (горбатенький, но преумный, благочестивый и очень оригинальный). Елена Васильевна, по мужу Щулепова, и Екатерина Ивановна Козяева, племянница Феодосии Степановны. Образ жизни их был очень благочестивый. <...> Любовь соединяла их, и весь быт их был любезный, время проходило в интересных занятиях садоводства, химии, в переводах книг религиозных и самой Библии с немецкого Лютерова перевода и с Вульгаты, и в переписке с друзьями по направлению. Образчиком духа корреспонденции их могут служить письма *Семена Ивановича Гамалея*, высокой духовности и строго практические. Василий Алексеевич, прадед наш, до того был трудолюбив (поддерживая своими трудами и семью), что не мог ни дня провести без пера; <...> (чем и объясняется множество его произведений). <...>

О своей матери, наша мать помнила о ее благотворительности, что, бывало, посадит детей в карету с собою, а в карете все узлы с бельем, одеждами, пищею и проч., которые она и развозила сама по бедным, а детей при этом оставляла посидеть в карете.

Евгения Васильевна скончалась от чахотки, оставя троих детей: Настасью Васильевну (впоследствии бывшую за Коробьиным)²⁷, Надежду Васильевну, нашу мать, и сына Дмитрия Васильевича (отца Марии Комьниной).

Бабушка наша Евгения Васильевна скончалась во время бегства семейства в 1812-м году. Погребение последовало в Ярославской губернии, в селе Курбе, принадлежавшем деду нашему Василию Дмитриевичу. По кончине Евгении Васильевны, воспитательное влияние сестры ее, девицы Надежды Васильевны Лёвшиной, было для матери нашей благотворным. Впоследствии ей и закрыла глаза в нашем доме мать наша. А бабушке Надежде Васильевне мы обязаны еще и тем, что она, по оставлении Темряни в пятидесятых годах, перевезла оттуда и передала покойному отцу нашему много рукописей, принадлежавших Василию Алексеевичу Лёвшину, Семёну Ивановичу Гамалея, Николаю Ивановичу Новикову и Ивану Егоровичу Шварцу, древней плеяде теософской, имевшей в нашем отчестве некогда благотворнейшее влияние. В Темряни оставались тогда наши grandes-tantes Авдотья Васильевна Лёвшина и сестра ее Елена Васильевна (по м<у>жу Цулепова) с братом — Львом Васильевичем.

Перелетим <...> в Белевский уезд (ныне Тульской губернии, а в первой четверти нашего XIX столетия принадлежавший к губернии Калужской). Вот дубрава Темрянская, подобная [C]

Мамврийской! — Вижу вас, древние дуплистые дубы, вижу вас, рощи тенистые, ручейки журчащие и потоками стремящиеся в неотдаленную Оку; прекраснейшие сады, тучная земля, подобная богатому вековому гумусом Благодатному; приосененные чашами горы, прелестные овраги, самые разнообразные виды! Внимаю пение соловьев, почти сливающихся голоса свои, вдыхаю живительный воздух, проникнутый ароматическими испарениями рощ и трав, услаждаю вкус плодами фруктового сада, в котором гнутся до земли обремененные ветви грушевых деревьев, и яблонь, и слив; черешня и вишня аллеями... Ищу хозяина, ибо не грустна ли и лучшая природа без человека? Но, — что вижу?.. Жилища нет!?.. Обгорелые столбы виднеются между старыми деревьями рощи; разрушенный очаг, запустение... А там, в некотором отдалении, толпа народа, сердечными пожеланиями провожает три повозки крытые, из которых отдают поклоны какие-то почтенные, добрые путники, бросающие по взору на оставляемое пепелище... *«Не имамы зде пребывающаго града, но грядущаго взыскуем»* (Евр. 13, 14), — говорит почтенный старец, сидящий в первой повозке, с почтенной спутницей и миленькою девочкою, выглядывающею черными глазками, полными слез... То уезжает мой прадед Василий Алексеевич Лёвшин, с семьей своей и внучкой (моей матерью), в Тёсово, куда зовет его зять (дед мой Василий Дмитриевич), узнавший об истреблении пожаром жилища благословенного Темрянского, гнезда горлиц, в котором постоянно сиял свет Премудрости и все семейство жило в любви и занятиях душ истинно просвещенных... Но теперь этот свет, эта любовь, эти занятия переносятся в Тёсово, или лучше сказать в близь лежащее прелестное лесистое место, где построен временный дом, под именем «Васильевского», в том месте, где вижу себя дитятей,

собирающим москворецкие раковинки. Целый год провел прадед мой со всем семейством своим, состоявшим из трех дочерей (а четвертая, Евгения, и была родною моею бабушкой) и четырех же сыновей, у зятя, с которым проводил время в занятиях людей, озаренных трояким светом, имеющих правилом, познавая натуру, себя и Бога, угождать Господу и служить ближнему; и, в беседах, чтениях, переводах и в преизящнейшем союзном бытге, любовию и дружбою связуемом, незаметно протекли месяцы осенние, зимние и весенние. В один добрый день, Василий Дмитриевич говорит своему тестю: «Батюшка! Не съездить ли нам проведать Темрянь, оставя всех в Тёсове?» — «Хорошо бы, друг мой, — отвечает прадедушка, — я давно не видал своего хозяйства». — Едут в Белевский уезд, и, доро́гой, еще более сближаются на пути Премудрости Божией, в ознаменование чего Василий Алексеевич надевает на палец Василия Дмитриевича сердоликовый перстень, которого тайну хранит дед мой, а впоследствии и отец мой и мне передает... Приезжают в Темрянь. Вдруг, удивленным взорам прадедушки моего Василия Алексеевича представляется дом, как бы никогда не горевший, тот самый дом, которого лишился, так, что он потирает себе глаза и спрашивает: «Не сон ли это?» — И какая трогательная благодарность вознаграждает деликатнейший поступок деда моего, который, секретно от тестя, строил ему дом в Темряни в то время, как все проводили год в Тёсове и Васильевском; и выстроил все точь-в-точь, как было прежде пожара, до того, что, кроме новости леса, иллюзия тождества была совершенная: все, до малейших подробностей, было восстановлено. Таков был подарок Василия Дмитриевича своему тестю. И первые в этом доме обнялись эти два Божии человека. Потом выписал Василий Алексеевич свое семейство из Тёсова и Васильевского обратно,

и зажили опять в родной Темряни, и воссиял опять луч благодати в занятиях целой семьи, преданной святому учению Премудрости: один переводил св. Писание на русский язык (Владимир Васильевич Лёвшин); другой из сыновей переписывал драгоценное наследие Николая Ивановича Новикова, Ивана Егоровича Шварца и вел переписку с Семеном Ивановичем Гамалея и другими друзьями о Господе²⁸; третий занимался медициной и высшею химией; четвертый — сельским хозяйством; а отец семейства, направлявший все эти занятия, был образцом благотворной деятельности, о которой свидетельствуют более 150 сочинений, переведенных им с немецкого языка на отечественный по сельскому хозяйству, агрономии, садоводству, огородничеству, скотоводству, птицеводству, медицине и пр. Сборники, многотомные компиляции, словом, целая литература сельскохозяйственная обязана своим появлением в России Василию Алексеевичу Лёвшину, бывшему, в царствование Екатерины II, первым непременным секретарем Общества вольного экономического. А сколько неизданных и сохранившихся у друзей и семейства духовных сочинений теософских, мистических и по высшей химии! Для примера назвать шесть огромных томов in-folio перевода его: Готфрида Арнольда Церковной и о еретиках истории, у меня хранящихся²⁹. Как же успевал всем заниматься так деятельно и успешно чудный старец, милейшего характера человек, веселый и важный, кроткий и строгий к самому себе, трудолюбивый, как пчела, любовный, как ангел? О, если бы секрет его, — как все делать успешно, достался бы мне, вместе с его маленькою конторкою, перевезенною внучкою его Надеждою Васильевною в Горячкино, а мною оттуда к нам!*

* Теперь эта конторочка легендарная, которую я давал Сереже, когда он учился писать, поставлена у нас во Ржаном.

В первом Псалме Давида показано нам: *«дерево, насажденное при исходящих вод, еже даст плод свой во время свое...»* (Пс. 1, 3). Поучимся тут! А не мало содействовало прадедушке и его искусство искупать время: у него не терялись никогда остатки времени от иных дел и занятий, а всегда наполнялись предначертанными занятиями, до того, что и во время путешествий труды его не прекращались. Тогдашние переезды совершались «на долгих», то есть на своих собственных лошадях, которых кормить останавливались, и приходилось давать лошадам по несколько часов выстаиваться; в эти часы прадедушка преотлично работал, как бы в своем кабинете, с наслаждением; проедет, бывало, верст 20, да и остановятся; надевается халатик, вынимается толстая книга, в которой пишет, переводит что-либо, дорожная чернильница, переводимая книга — целая сфера любезнейшего трудолюбия! Как непохожи на это наши современные путешествия, но это еще ничего, ибо нельзя писать в вагонах, и на станциях не сидят долго, но то худо, что и живя на месте так не трудятся, как инии трудишася! За то и нет уже той веселости постоянной, которая делала прадедушку столь приятным. И все дела его благословлял Господь: трудами своими он поддерживал свое семейство, маленькое имение преизобиловало всем, так что не только сами сыты были, но и немущим уделяли. Жизнь была патриархальная и вместе с тем редкая по образованности, так что в то время семейство Лёвшиных составляло и в этом отношении оазис... <...>

В Темряни провела детство свое и первую молодость моя мать, и всегда вспоминала об этом с восторгом, так что я из ее рассказов заимствовал понятие о чудном семейном быте среди чудной природы, которую видел я с братьями моими и сестрой в 1838-м году, когда не было уже на сем свете прадедушки

Василия Алексеевича, а из его детей были в живых: Надежда Васильевна, Елена Васильевна и Евдокия Васильевна (ангел, еще живущий на земле, думается, — хотя года за три, около 1876-го года, о ней слышал, что она расправляет крылышки улететь к своей стае райской), Владимир Васильевич, Лев Васильевич и Алексей Васильевич; прочие же члены семейства были уже пересожжены в вечные селения. — Обычай семейства сего были очень благочестивые, всякий день утром и вечером все члены семейства, с мала до велика, собирались на молитву и чтение Слова Божия, что в детской душе воспитывавшейся там, восприимчивой ко всему прекрасному Наденьки оставило навсегда глубокие, благотворные следы. Так-то и наши дети не забудут никогда, как и в Виднове, и в Красном, и в Москве, и всюду, где были они с милой незабвенной бабушкой, читали они Слово Божие, и пели тропари праздничные, и слушали объяснения.. И не пропадет и за Богом добро, зане всякое даяние благое — от Него, Отца светов!

[В] После вступления деда нашего Василия Дмитриевича Комынина во второй брак (с Анною Васильевною Тутолминою^{30*}) он

* Анна Васильевна, вторая жена деда нашего Василия Дмитриевича, рожденная Тутолмина, сестра Ивана Васильевича Тутолмина, кавалера ордена св. Андрея Первозванного, скончавшегося в Москве, еще при жизни деда нашего и оставившего ему на воспитание покойного Алёшу Пасхина. Другая сестра Варвара Васильевна Друцкая, мать князей Даниила (убитого в польскую войну и нравившегося нашей матери, когда она была еще не замужем), Дмитрия и Ивана Сергеевичей³¹. Последний был другом нашим и впоследствии присоединился к нашему духовному кругу и направлению. Он скончался на молитве в Троицком соборе, близ мощей преподобного Сергия Радонежского.

мог дома направлять воспитание дочерей, и потому мать наша возвратилась из Темряни в отчий дом. Все это в ней озарилось глубоким религиозным и изящно поэтическим чувством. В тог-
дашнее Московское воспитание высшего общества входили изящ-
ные искусства; из них было выбрано пение, и мать наша и покой-
ная сестра ее Настасья Васильевна (впоследствии вышедшая
замуж за умного и поэтического Григория Николаевича Коробь-
ина, артиллерийского полковника, участника кампании 1814-го года)
преуспевали в итальянском пении. (У нас еще хранятся ноты,
переплетенные, с лит<ерами> N. K. и с именем: Nadine Kaminine.)

Рассказывала наша милая мать нам, что, когда она дебютиро- [В]
вала в свете и была впервые на большом бале, у генерал-губерна-
тора князя Дмитрия Владимировича Голицына³² (тогда же был
и дебют Елизаветы Петровны Д<олгорукой, урожденной Давы-
довой>³³, впоследствии тещи моей); то с половины бала предло-
жил ей отец возвратиться домой, что ей не очень было приятно, но
она почтительно покорилась. И что же произошло? Через полча-
са по возвращении домой (под Новинское) узнали они, что в
доме генерал-губернатора произошел страшный пожар, при чем
серебро, приготовленное для ужина, обратилось в слитки, и мно-
гие из гостей простудились, не найдя шуб своих. На это мать
говорила, что помнила стишки о скользящих по льду, подобно
чему и бывающие в светских удовольствиях: «Glissez, mortels,
mais n'appeyez pas!»³⁴

Жизнь при отце была для нее истинной поэмой любви, а
духовное соответствие направлений Темрянского быта с Тёсов-
ским и Московским давало этим годам изящной, восприимчивой
девицы и нежнейшей, любимой дочери невыразимую приятность,
о которой она всегда с глубоким чувством вспоминала.

Бракосочетание ее с возлюбленным отцом нашим находится в особом отношении к его принадлежности к избранному кружку друзей Василия Дмитриевича [Комьнина], избравшего отца нашего в женихи ей по особому совету друга своего Николая Александровича Головина, дружески руководившего юношеские года нашего отца. Но для объяснения этого влияния надо нам перенестись в предшествовавшие тому года, когда отец жил при родителях своих в Петербурге и принят был в ложу свободных каменщиков, в которую ввели его: брат его Федор Николаевич, Сергей Степанович Ланской и граф Михаил Юрьевич Виельгорский. Эта интересная и симпатичная страница в жизни юноши, соделавшегося родителем нашим, должна составить предмет особого эпизодического описания. Принятие его в Орден произошло в 1826-м году в Петербурге³⁵, а свадьба родителей наших была в 1827-м году в Москве 22-го июля. Но надобно прежде поговорить и о родителях отца нашего, — почтенном Николае Ивановиче Арсеньеве (первом русском губернаторе Курляндии) и почтенной нашей бабушке Анне Александровне, рожденной княж^{<не>} Хованской. <...>

[F] «Учи их уважать свое родство».

«Отец наших Боже благословен еси!» (Дан. 3, 26).

«Странник я у тебя, яко же и все отцы мои» (Пс. 38, 83).

Дети мои! Голос Божий во Св. Писании вещает: *Поминайте наставники ваша, иже глаголаша вам Слово Божие, их же взирающе на скончание жительства, подражайте вере их. Иисус Христос вчера и днесь тойжде и во веки...* (Евр. 13, 7–8)

Кто внимает внутреннему голосу, тому сердце объяснит эти слова, без особого толкования. Для меня они служат указанием нравственной обязанности передать из моей сердечной памяти в вашу благодатные воспоминания о моих родителях и благодетелях: да будет и вам все это дорого. Удаляйтесь в жизни от людей, не дорожащих подобными преданиями. — Вера, говорит Апостол Павел Тимофею, которая была в бабке твоей Лоиде и в матери твоей Евнике, перешла и в тебя. Покойные родители мои обращали мое внимание на это изречение, и выражение Св. Писания: Боже отец наших! — всегда находило глубокий отголосок в их сердце.

С тех пор как я себя помню, надо мною наблюдало любящее, умное и нежное существо: мать моя, которая была единственной воспитательницей и моего младенчества и отрочества моего; вместе и с отцом моим, наставителем моей юности (совокупно с матерью), отец же и возымел важнейшее влияние на духовный мой ход и все мое направление. Я бы мог, дети мои, передавать вам воспоминания мои в естественном порядке, держась последовательности моих собственных постепенных впечатлений, и в этой постепенности знакомить вас с моими родителями, но мне приятнее сначала прямее и более говорить о них, нежели о себе, и поэтому начну с воспоминаний о их жизни, оставляя, впрочем, в стороне семейное родословие, почтенная древность которого может быть известна вам из других источников.

Отец мой был призван в земную жизнь и вместе с тем и в христианство в начале текущего века. Он родился 24го июня 1801 года в Митавском замке, по бытности отца его, деда моего Николая Ивановича Арсеньева начальником Курляндской губернии, в то время только что присоединенной к России. Мать

его, бабка моя и крестная моя мать, Анна Александровна, дочь князя Александра и кн. Анны Хованских³⁶, была женщина, одаренная отличными способностями и силою воли. Дед мой, Николай Иванович, был человек тонкого ума и образования и весьма деликатного характера, имевший развитое религиозное чувство, сохранившееся непосредственным посреди господствовавшего при Екатерине II вольтерьянского неверия. <...>

[E] Дед мой Николай Иванович чрезвычайно любил науки, хотя не вдавался ни в какую специальность, чему препятствовала его служба (прежде упомянутого губернаторства он был губернским прокурором в Твери). Он отличался строгим применением законов и неразлучением законности от правосудия; известно, что гармонии между тем и другим, в особенности в делах гражданских, умеют достигать только люди, обладающие истинно юридическим образованием при отличных свойствах ума и общественного своего характера. В любви же к наукам он не разделял, безусловно, наук точных от классицизма, при убеждении, что никакая односторонность не имеет за собою права на присвоение всестороннего развития человека. Как хороший камералист, он любил историю и вводил здоровые теоретические воззрения в административную свою практику, а как человек, интересовавшийся в успехах наук философских и естественных, наслаждался Лейбницем, Кантом, Боннетом и Ньютоном и следил за всеми открытиями физики, химии, энтомологии, астрономии. Эта последняя сблизила его с стариком Эйлером, от которого он получил экземпляр его замечательных писем к германской принцессе^{*37}

* Экземпляр, находящийся в библиотеке правнука его Сергея Васильевича Арсеньева.

(Ангаль<т>-Цер<б>стской, имевшей столь славное влияние на судьбы нашего отечества, что могла без гордости начертать под памятником основателя Петербурга только эти слова: «Петру первому, Екатерина вторая»). [В Митаве жил астроном, которого имени не помню, — до того интересовавший губернатора своими наблюдениями и столь им обласканный, что входил без доклада; покойный отец, рассказывая о комете 1812 года и сильном впечатлении, произведенном появлением этого страшного небесного явления, занимавшего с полнеба при первом взгляде, говорил мне о впечатлении совсем другого рода <...>] ³⁸

Религиозность Николая Ивановича была чужда всякого ханжества: он веровал, он был убежден в истине священных догматов Символа веры, он был верным сыном церкви, которой таинствами он пользовался по существу, он не разлучал внутреннего от его оболочки — внешнего, а разумел их живую связь, почему не допускал мысли, чтобы безнравственность и правоверие могли идти рука об руку: христианство, столь изящно, столь практически, столь привлекательно представленное нам Иоанном Арндом, понимал он как дело всей жизни, объемлющее всего человека, требующее очищения сердца и покорения воли, чтобы действительно светила истина в уме и просвещала разум, служащий вне этого только адвокатом страстей. Покойный отец говорил мне, что весьма глубокое впечатление произвело на него то, что отец его отличался необыкновенною сдержанностию в суждении о людях, контролем над словом, чудною кротостию и терпением, при стоическом выполнении обязанностей звания и строгости к самому себе, а также рыцарском благородстве. При таких качествах всякое слово его ценилось, а ежедневная его молитва, голос которой доходил до отца моего (помещавшегося в соседней комнате)

и к составу которой Николай Иванович всякий раз прибавлял произнесение с сосредоточенным вниманием слов Символа веры, напечателась в душе отца моего такими чертами, которые во всю его жизнь соединяли память его отца с коренными понятиями о значении религии в жизни человека.

[F] К сожалению, я мало имею подробностей о первоначальном развитии возлюбленного моего отца. Он был похож на свою мать, как изящной своей наружностью, носившей отпечаток душевного благородства, так и богатством своих способностей. В чертах его (судя по его младенческому портрету, находящемуся у сестры моей, где он изображен на коленях своей матери) видна необыкновенная гармония ума и сердца в правильных чертах лица. От братьев своих, Дмитрия, Александра, Федора, он имел как бы отдельную судьбу, будучи младшим по возрасту, и лишь впоследствии имел влияние брат его Федор Николаевич на его духовное развитие, а сестра на его сердце.

Родители его были строги, и эта строгость послужила солью, предохранявшей его от нравственной порчи и от сильных увлечений его темперамента, который по самой живости ума и впечатлительности представлял ему немалые опасности. — Мать занимала его корреспонденцией, заставляла много читать вслух, что иногда было не по вкусу молодости, и не давала ему много свободы, до того, что даже живому желанию чаще присутствовать при церковных служениях, пленявших восприимчивую душу своей многозначительностью, своими песнопениями, он мог удовлетворять лишь изредка; однако это не вредило развитию религиозного чувства, и можно думать, что умная мать употребляла в пользу даже естественную реакцию от умерения самых благих желаний.

Отец его не оставлял случаев укоренять в нем правильное о вещах понятие, практические правила жизни и должное почтение к себе и к матери, и хотя говорил с ним редко, но метко.

У покойного отца моего было только одно письмо, писанное к нему отцом его, писавшим мало, а делавшим много. — Это письмо, хранящееся у правнука Николая Ивановича, — Сергия Васильевича, старшего нашего сына и друга, — следующего содержания³⁹. [E]

7^м июля 1821^м.

[F]

Любезный мой Сережа!

<...> Посылаю тебе 50 р. на рождение твое и день твоего ангела*, я на будущей неделе намерен ехать к Троице, 60 верст от Москвы, где святые мощи Сергия Радонежского чудотворца почивают, и усердно ему помолиться, да мощным** заступлением его всеблагий Творец охранит и спасет тебя от всех бед и напастей, в которые ввергают нас сильные и пылкие страсти; ты в тех опасных летах, в которые рассудок слаб, а данные советы благонамеренных людей, даже родителей, кажутся юноше притеснением, мужайся и не предавайся очарованию сладострастия, пагубные следствия за собой влекущему; пользуйся позволительными утехами, но не употребляй их во зло к разрушению твоего здоровья, и к потереанию тем вечного блаженства. Вот мое родительское тебе наставление; уважай оно, и ты увидишь плоды сладчайшие всех земных удовольствий.

У сердца свой порядок: я чувствую потребность говорить о дальнейшем развитии отца не прежде, как описывая благодатную сферу тех людей, которые имели влияние и на вечную судьбу его,

* Который праздновался 5^м июля.

** Покойный отец мой обращал мое внимание на это удачное выражение, соединяющее в себе понятия о силе или о мощи благодати и о мощах св. его покровителя.

и на временную: дед наш Василий Дмитриевич Комынин отдал за отца дочь свою любезную как за человека, принадлежавшего к истинному училищу христианской мудрости, и не посмотрел ни на недостаток богатства, ни на недостаток чинов. Много, многое весьма светлое в этой эпохе жизни отца, в сближении его с 1822го года с петербургскими друзьями и дальнейшее — отнесу к описанию первого знакомства покойных родителей наших между собой, когда начну описывать юность матери. Теперь же сердце мое так грустно, так грустно, что две могилы их — одна на юге, в Харьковской губернии в Святогорском монастыре, другая в Москве в Андрониевом монастыре, — болезненно приковывают всю мысль, и я чувствую потребность записать здесь конец прежде начала: кончину отца, блаженную его кончину, прежде юности. — И что наша жизнь? Поняли ли мы таинственное отношение кончины ко всей жизни? *Один конец показывает, каков был человек:* описывая конец отца, я своим детям лучшее дам средство понимать и его жизнь. Ах, звучит в сердце моем слово: поминайте наставники ваша <...>.

Еще в трудовую эпоху своей жизни, в 1846 году, покойный отец и друг наш находился в тех сторонах, где было назначено ему сложить с себя земную одежду плоти! Святые горы произвели на него глубокое впечатление, о котором он часто говорил с отрадой: как странник утомленный, в разлуке с семейством он тогда отдохнул тут сердцем... Вечный покой в предчувствии повеял на его душу, и он любил Святые горы особенным образом, так что в моих училищных воспоминаниях оставили след рассказы его об этом его любимом месте. В родительском доме в деревне давно хранились брошюры о Святых горах, с изображением этого места. В ту же эпоху своей жизни был покойный отец в том же

краю — в Ахтырке, откуда вывез икону Богоматери, ту самую, которой была благословлена Геничка на сочетание с Николаем Васильевичем Шеншиным в 1850 году. В Ахтырке в 1845 году отец провел ночь в светлой беседе с покойным благочестивым архимандритом (горбатеньким) Сергием, который окончил беседу замечательным, оставшимся в сердечной памяти у отца словом: «Одно помните, Сергей Николаевич, что Господь, обильный прощением ко грехам нашим, ждет нашего обращения, но, в чем застанет нас кончина, в том и судить будет». В чем застаю, в том и сужду!⁴⁰

Господи! Милостиве! Упокой души рабов Твоих родителей наших Сергия и Надежды, в вере и в надежде воскресения скончавшихся. Оживи нас Правдою Твоею, то есть Христом. Он Бог наш и оправдание наше и не вниди в суд с рабами твоими!

Послушайте, дети, в чем застала кончина деда вашего, моего отца и благодетеля, и взирающе на его скончание жительства подражайте вере его. Так скончалась, истинно христиански, и мать моя (о кончине ее опишу вам): то, *взирая на скончание их жительства, подражайте вере их!*..

Прошло уже два года с кончины отца, друга, благодетеля моего! с кончины, предсказанной в сновидении возлюбленной страдалницы, матери, — после которой была в самый день 5 ноября 1855 года найдена у ее тела в Псалтыри ее* записочка ее руки с словами:

«1860^й год!»

Там же между прочими слова: «Муж и я отпеты в церкви... Сладостное чувство быть отпетыми для греха...»

* Находящейся у вашего дяди Мити.

Итак, то было у нее предсказание о годе кончины его: 1860 год! В этом году я лишился того, кто ровно за 10 лет, в 1850 году, благодетельствовал меня на вечность.

Не стало их на земле! Не сохранили мы, не поберегли лучших друзей наших, не услаждали жизни нежных, добрых, высоких душ их... то Господь взял их к себе, в лучшую жизнь идеже несть ни болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но Сам Он — Жизнь бесконечная. Да утешит их Сам Он в месте успокоения!!! Да подвигнет же сердца наша молиться о душах их с частым, благодетельнейшим для душ приношением за них при Святой Евхаристии. Это наша священнейшая обязанность... Лейтесь слезы мои, плачь сердце, не оценившее по достоинству таких родителей!!..

«Трудно без жены!» — сказала в агонии своей мать об отце..

Трудно, трудно ему было без нее, скорбные были 5 лет его после кончины...

Она в агонии своей позвала: «Serge!!» и...

Этому зову он последовал в год, ей показанный, последовал после пяти скорбных лет, в которых вполне, вполне испытал правду слов: «Трудно без жены», какой лишился. Грусть, одиночество, тоскливые заботы, потеря здоровья, лишения всякого рода, величайшие огорчения...

Отец был в Славянске еще за год до кончины. Это место его привлекало особой роковой судьбой; он все туда рвался. В 1859 году, заехав туда и находясь в нужде, он нашел себе одно утешение в открывшихся в книге Подражания Христу словах: «Все наши беспокойства происходят от недостатка преданности в волю Божию и от грубой привязанности к земному и преходящему»⁴¹. Славянск 3го июля 1859 г. Эти слова он показал мне и повторил там ровно через год, в последней своей болезни...

Братья мои *Дмитрий*, Николай, Александр и сестра [Евгения] знают, как простился с ними отец перед самым его последним в жизни путешествием и перед отплытием *Дмитрия* в кругосветное долгое путешествие... Как хорошо повидался он с ними в последний раз! Вторая поездка его в Горячкино, почти на одной недели после первой, была последней для них чертой отеческой любви... Таким образом, в самое краткое время, проехал он, при его здоровье, около полутора тысяч верст, считая две поездки эти с дороги до Славянска. Он утомился очень и едва доехал до Славянска, где я, неожиданно для него, находился...

Последним действием его в Москве, уже на выезде, было приведение в некоторый порядок могил родителей его, наших деда и бабушки Арсеньевых в Даниловом монастыре. Действие сыновнего почтения было последним его в Москве, о котором оставленные им в Москве не знали. В Даниловом он провел часа четыре. Какое трогательное прощание с родителями, простившись с детьми. Поехал же он из Москвы с глубоким впечатлением кончины духовного отца своего и моего *Семена Ивановича [Соколова]*⁴² (за 40 дней до его собственной!), который, как жил в Боге весь, так и скончался, прося, чтобы внуки его произносили ему слова песни великой субботы: *«Да молчит всякая плоть человека и да стоит со страхом и трепетом и ничтоже земное в себе помышляет: Царь бо царствующих и Господь господствующих приходит заклатися...»* Эти слова беспрестанно были в памяти и у отца и готовили и его к блаженной кончине!..

Дорогой он ехал весьма поспешно! Не ночуя, не отдыхая почти... только остановился у *Сем. Ив. Языкова*⁴³ близ Мценска, что, говорил, давно имел на совести. Потом он еще более спешил

ехать, но едва не слег больной в Курске, откуда, перемогши себя силою воли, доехал, не без путевых препятствий, до Славянска 25^ш июня, на другой день после своего последнего дня рождения: 59 лет земной жизни притекли уже к концу. У меня же, ожидавшего его, все твердились слова: «Ин мир тебе душе ожидает». Я жил близко кладбища, всё поправлял кресты на могилах, и был в ожидании великого и важного. Во сне получил я известие о кончине благодетеля нашего Семена Ивановича и от него во сне слышал нечто важное относительно отца. Комету смотрел я над домом, где после отец скончался, с благоговейным ужасом, сам был пред его приездом опасно болен именно в той ужасной комнатке, где он скончался... Меня Бог готовил к его исходу!

Отъезд из Москвы отца был для него некоторым приготовлением к оставлению всего. Он распростился, по возможности всем распорядился при помощи Николая, о котором с утешением отзывался, собрался самым порядочным образом в дорогу и приехал в Славянск точно отдохнуть...

Подъезжая, он был очень утешен, увидев меня на лугу, где я, идя купаться, встретил его в 7^ш часу утра в дорожном экипаже. Он не знал, наверное, в Славянске ли я, а я в эту пору не ожидал его.

Приезд этот последний был 25^ш июня: я кинулся к нему, а у него во взоре было выражение несказанной и *vague tristesse*⁺⁺, которое рассеялось при свидании нашем, после чего он чрезвычайно наслаждался своим приездом и даже с особою веселостью занялся устройством комнатки, в которой чрез несколько дней ожидала его смерть!

За несколько часов до его приезда (накануне) я, идя по полю, где находился смертный домик, вдруг услышал несущиеся с холмов (со стороны Святых гор) звуки хора, певш<его> чудно и

протяжно: Воскресение Христово видевши. Повтори, сердце мое, всю песнь, петую ехавшими поселянами, — это пение мужичков со всей прелестью малороссийских голосов, с сердечным благоговением, не без причины наполнило душу мою необыкновенным чувством: они пели песнь Воскресения для нас в долине смерти! Воскресение Христово видевше! Поклонимся Святому Господу Иисусу! Единому безгрешному! Кресту твоему поклоняемся Христе! И святое Воскресение твое поем и славим! Ты бо еси Бог наш разве Тебе иного не знаем: Имя Твое именуем! Приидите вси вернии, поклонимся святому Христову Воскресению: Се бо прииде крестом радость всему миру! Всегда благословяще Господа! поем *Воскресение Его: распятие бо претерпев, смерть разруши!*

Певшие это люди ехали ровно на встречу тому пути, по которому чрез несколько дней везли гроб отца! О, друзья мои! Проживите со мною следующие часы и дни болезни и агонии отца нашего и в молитве к Тому пребудем, Кто есть Воскресение и Жизнь!

Личность деда нашего, с отцовской стороны, — Николая Ива- [В]
новича [Арсеньева], — была высокопоставленная, рыцарская, стро-
гая, но вместе необыкновенно мягкая и деликатная, что так редко
соединенным встречается. Он, при том, был человек очень обра-
зованный, чрезвычайно любивший научные знания и ими интере-
сованный. По службе своей, он, прежде губернаторства в Курляндии (где уважение дворянства выразилось в поднесении ему индигената на Курляндское рыцарство), был губернским проку-
рором в Твери <...> и даже за точное сохранение законом [С]
имел недоброжелателей; но восторжествовали его достоинства.

- [В] Эпизод с пребыванием герцога Артуа (впоследствии Людовика XVIII) в Митаве и снабжением его 5000 дукатов, из своих собственных деда нашего средств безвозвратно, довольно известен и упоминается здесь лишь как характеристика свойств Николая Ивановича.
- [Е] Когда Император Павел, давший убежище в Митаве эмигранту Людовику Бурбону, впоследствии возведенному Александром на престол Франции под именем Людовика XVIII^е, — вдруг переменял политику, как и часто делал, и, подружась с Наполеоном Бонапарте, приказал объявить Людовику, чтобы он выехал из пределов России в 24 часа, то обязанность завершить таким объявлением оказанное Людовику гостеприимство выпала на долю моего деда, у которого в Митавском замке помещался Людовик, угощаемый все время им как губернатором. Нелегко было деликатному человеку и государственному мужу, дорожившему честью русского слова и гостеприимства, выполнить это щекотливое поручение. Бумага, заключавшая Высочайшее повеление о высылке Людовика из Митавы и России, сопровождалась предписанием на имя казначея великого герцогства Курляндского о выдаче Людовику на дорогу пяти тысяч червонцев. Когда Николай Иванович приехал к казначею с этим предписанием, то казначей ему отвечал отказом на том основании, что имел секретное *контр-предписание* по Высочайшему же повелению: «Когда Арсеньев приедет за 5000 червонцами для Людовика, то велено вам отвечать, что денег в кассе нет». «Что прикажете делать?» — спросил казначей. «Вам больше делать было нечего, — сказал мой дед, — как исполнить секретное повеление, вам данное, а до меня оно не относится и потому я возьму на себя выполнить Высочайшее повеление, мне данное». «Но каким же образом можете

вы это сделать?» — возразил казначей. «Это я знаю», — сказал губернатор, и уехал. Людовик получил пять тысяч назначенных на путевые расходы его червонцев. Откуда? Из собственных средств моего деда, о чем не узнал от него ни Людовик, ни казначей. Николай Иванович и Анна Александровна богаты не были... Людовик уехал, оставляя деду моему письмо в самых лестных выражениях в благодарность за гостеприимство, оказанное ему нашим семейством, и за весь характер этого гостеприимства, «при котором, — говорил Людовик, — имел я случай узнать Ваши высокие качества и пользоваться Вашим сообществом, в котором я чувствовал себя в сродной мне среде во всех отношениях и получая все возможные утешения в моем удалении от дорогого мне отечества». Помню до сих пор почерк этого письма, хранившегося в семействе до случившегося пожара дома сестры моей, которой покойный муж, незабвенный Николай Васильевич Шеншин, получил это письмо от моего отца вместе с индигенатом вышеупомянутым. Сжатый шрифт, с длинными буквами <...>. Бурбоны с своей стороны никогда не вспомнили этого не оставшегося безызвестным им инцидента. Дед же мой без сомнения проехался бы в Сибирь, если бы остался Павел I в живых. Но в это самое время последовала смерть Павла, а Император Александр, вступив на престол и узнав как-то о поступке моего деда, выразил ему свое уважение рескриптом при знаках Св. Анны 1^й степени⁴⁵.

Однажды спросил я у отца моего, что за письмо вставлено у [С] него в рамку так, что с одной стороны виден гравированный профиль Louis XVIII, а с другой, если перевернуть, — письмо, начинающееся словами: «C'est un devoir, c'est une consolation pour moi, que de témoigner a Monsieur le Gouverneur Arsénieff toute l'étendue de ma reconnaissance...» — а оканчивавшееся подписью: «Louis».

[В] Этот документ, кажется, сгорел, вместе с индигенатом Курляндского рыцарства, ему поднесенным, в Новгородском, у покойной сестры, пожаре^{46*}.

Дед наш ходил всегда с тросточкой, после бывшего с ним случая слома ноги, и долго хранилась у нас (в «боскетной») эта палочка деда, желтенькая, с черной ручкой крючком. Из книг дедушки Арсеньева сохранились у меня только две (в темно-зеленом переплете): *L'échelle céleste du bienheureux Jean Climaque* (Иоанн Лествичник)⁴⁷ et *les fables d'Esopre, le Phrygien* (с изображением горбатенького первого баснотворца).

[С] Дед мой был очень уважаем за свою прямоту и благородные правила на службе. — А уважение к нему в Курляндии было такое, что курляндское рыцарство поднесло ему индигенат, — и герб нашего рода до сих пор виден в Митаве в *Ritter-Schlosse*'e и мы, как дворяне курляндские, имеем право приобретать земли там; впрочем, право покупки земель в Курляндии распространено теперь на все сословия и в особенности на обладателей *du vil metal*⁴⁸.

[В] У бабушки нашей Анны Александровны были странности, происшедшие от бросившегося у ней в голову молока после рождения нашего отца. Эти странности были, конечно, весьма невинного свойства; например, приказала она выстроить мезонин на доме своем в одну ночь, не согласясь спрашивать на то разрешения, и говоря: «Чтобы я не могла в своем доме делать и строить что мне угодно? Это пустяки». — Детей укладывала спать среди дня в искусственной ночи; впрочем, это могло быть и в силу

* В *Ritterhaus* в Митаве остался наш герб фреской.

тогдашней детской гигиены. Характер ее был весьма повелительный, а вид — истой королевы, с типом Ягеллоновским; и детей своих называла она: «des Jagellons». — Мнения ее опасались не соблюдавшие правил чести или приличия; она, бывало, при всех скажет таковым: «Что это, батюшка, ты, говорят, стал делать (то-то и то-то) да жену свою мучить?» (И тому подобное.)

Дед наш Николай Иванович был уступчив в отношении к ней.

В кабинете отца моего был портрет его матери, изображенной [С] с ним, трехлетним младенцем, на руках; эта миниатюра находится у брата моего Дмитрия, равно и портреты Хованских.

Теперь летаем еще в прошедших временах. Из-за облаков [С] виднеются прощальные сияния вечерней зари. Вечерним, розовым светом озаряются всегда воспоминания! Да, ни одной картины прошедшего не видела душа моя иначе, как в освещении светом вечерним... А всякая новая истина всегда блистает каким-то утренним светом! Вечерний же свет, и в природе, позлащает все невыразимую прелестью, румянит все каким-то поэтическим лучом. В душе слышится тогда слово: «*День прешед*, песнословлю Тя, Святый!..» А при взорах на прошедшее слышится в душе: «*Мимоидоша!*» (2 Кор. 5, 17) — Но вот блеснул свет истины, и душа, осиянная «светом, просвещающим всякого человека, грядущего в мир» (Иоан. 1, 9), вопиет Ему в возношении молитвенном: «*Ты-же той-жде еси*, и лета Твоя не оскудеют!» (Пс. 101, 28)

Вижу в розовых зорях давнопрошедшего, — младенческие годы покойного моего отца... 24-го июня 1801 года, в Митавском дворце (Mittau-Schloß) узрели свет голубые глаза, из которых смотрела светопримная, светоспособная душа...

Отец мой был одарен добрейшим сердцем, при пронизательном уме, очень живом, — но, вместе с тем, расположенном к глубокомыслию. Превосходная память удерживала до малейших оттенков принятой истины, благоговейное воображение угадывало и созидало столь стройно, что неизвестное для него, с поразительной верностью, дополняло то, что ему было известно, по аналогии, которую открывал ум любознательнейший... Религиозное чувство было до того развито, что все впечатления этой прекрасной души освещались и были согреваемы этим чувством, и свет религии усиливал, умножал свет мысленности его. Подражательность, отлично направленная, усвоила без труда все доброе, истинное, изящное. Ум его быстро проникался сиянием истины, пленявшей его, а озаренная духовным светом мысль скоро, беспрепятственно углублялась в душе его, проникала в сердце, и тогда «соединялся ум с сердцем», как говорят святые отцы в Добротолюбии⁴⁹; и это вожащенное соединение выражалось невольно в сердечном умилении: слезы драгоценные прерывали часто голос читавшего отца. И чувствовалось, как «*близ Господь сокрушенных сердцем...*» (Пс. 33, 19)

Наружность отца была также самая счастливая: стройные черты благороднейшего лица были, в молодости его, столь красивы, что нередко на него заглядывались прохожие. Темперамент его был тоже счастливейшею комбинацией сангвинического с флегматическим и холерическим, в такой пропорции, что воздух и вода были сильнее огня; или, говоря просто, — для него легче было прощать, нежели помнить зло, легче давать, нежели удерживать, легче терпеть, нежели требовать. Вспыльчивость в нем умиралась самообвинением, а строгость — милосердием. Доверчивый отчасти по благородству души, отчасти по инерции, раздражительный по-детски, щедрый и чрезвычайно впечатли-

тельный, быстро схватывающий новое и преданный познанной истине до нетерпимости к несогласующемуся с нею — характер отца сохранил до старости необыкновенную приятность и юность. Он провел на земле 59 лет и перенес в жизнь вечную душу восприимчивую к Добру, разум, плененный в послушание веры, волю, преданную Господу! Описание кончины родителей моих, сделанное мной в роковые для них года 1855-й и 1860-й⁵⁰, — свидетельствует о высоких свойствах этих светлых, избранных душ, — и в сердечной памяти нашей останется для нас путеводителем к небу. Внимаю глаголющему: *«Поминайте наставники ваша, иже глаголаша вам слово Божие! Их же взирающе на скончание жителства, подражайте вере их!»*

О дяде Дмитрие Николаевиче, который был старшим братом, у нас мало воспоминаний, — разве что анекдот, что, быв за что-то посажен на гауптвахту (адмиралтейскую), он был водим гулять по Адмиралтейскому бульвару матерью, говорившей, что это необходимо для его здоровья <...>. Дядя слишком любил карточную игру, и это имело вредное влияние на весь ход его жизни. В старости женился он на Рукиной, и оставил двоих детей, из которых жива, кажется, одна Серафима, — не помню за кем замужем. [В]

Дядя Федор, овдовев (он был женат на Слепцовой, Марии Сергеевне, родной сестре Глафиры Сергеевны Ниротморцевой⁵¹, воспитавшей Анну Федоровну, кузину нашу), — посвятил себя исключительно двум сыновьям своим — Сергею и Николаю Федоровичам, из которых один, почти еще студентом, женился на Елизавете Михайловне Гольинской (из родной нам семьи кн. Шаховских)⁵²; а второй, неженатый, был убит на Кавказе, где

поступил в Нижегородский Драгунский полк и увлекся смелым, опрометчивым подвигом против горцев, при Вревском⁵³. Часто дядя Федор с сыновьями гащивал в Горячкине, где мы видели, как он баловал детей своих, из которых младший делал из него все что хотел. В семье Шаховских, сентиментальной, все поочередно влюблялись: то Сергей Фед<орович>, то Николай Федорович, то, впоследствии, и я влюбился в Sophie Муравьеву⁵⁴, до того, что в момент ее кончины (за 100 верст, и не зная и о болезни) имел, единственное в моей жизни, видение грациозной ее тени (лилового цвета), испытующим взглядом на меня в упор посмотревшей.

[D] *Замечательный случай из моей жизни*

В молодости моей имел я поэтическую привязанность к одной благородной девице (дочери Александра Николаевича Муравьева, Софии) и намеревался быть ее женихом, хотя покойная мать моя прозорливо старалась меня от этого отвлечь, и говорила мне: «Я чувствую, что другая тебе назначена». — Накануне 31го августа 1851го года в часу в 4^м утра спал, и сон мой вдруг перешел в состояние просонок, так что я окинул взглядом комнату, в которой я лежал (на матраце на полу), и мебели тут стоящие видел, освещенные утренним светом, а еще увидел стоящую предо мной человеческую девичью фигурку очень невысокую лилового цвета, который имела не только ее одежда, но и тени лица и цвет глаз, пронизательно, глубоко смотревших на меня, глаза эти как бы пронизывали меня насквозь. Лица Софии Муравьевой узнал я, и глаза ее насквозь смотрели мне прямо в душу столь испытующим взором, что я содрогнулся. Тут мне точно кто-то вложил в мысль, что от меня зависит избавиться от видения сего, или продлить его. Я немедленно избрал первое, и с тем намерением

перекрестился: видение исчезло, и я, так как было рано, опять заснул. — В следующий за тем день получил я письмо от тетки, которая, любя меня, с большими предосторожностями, извещала меня о — кончине той, которую я любил, последовавшей в ночь 31го августа. Я был целый день как схваченный чем-то, ни о чем думать не мог и все сидел вперя глаза в механизм часов, пораженный мыслию, что я во времени, а она в вечности. Потом поразила меня мысль, что я имел видение то, именно в ночь ее кончины, и что вероятно была то ее душа, по разлучении от тела явившаяся мне, как говорится — прощаться, а как мне казалось — испытать или осмотреть, точно ли я любил ее, почему и посмотрела мне в душу так, что я испугался, тем более, что ни прежде, ни после я никаких видений не имел. При жизни своей покойная девица Софья Александровна не разделяла моих чувств к ней и не завлекала меня, а моя платоническая еще привязанность все росла и может быть и преувеличивалась в воображении моем. Во всяком случае, нельзя не заметить совпадения времени ее кончины, о которой я и не знал, да и о болезни ее ничего не знал, — и времени видения, называй его как угодно и объясняя как угодно. — Еще замечательнее то, что когда я женился на той, которой желала для меня мать моя, на любезной моей Natalie, то день бракосочетания выпал на 31^е число августа! Итак, 31го августа скончалась та, которая не была мне назначена, на 31го августа пришлось венчание с тою, которая была мне назначена и которую Бог да благоволит сохранить для моего и детей наших счастья.

Дядя наш Александр Николаевич [Арсеньев] масоном не [В] был, но тоже очень благородно себя вел во время известной Семеновской истории, и предпочел выйти в отставку, как и другие

настойчивые. Единственным орденом его был Кульмский крест. Это достаточно указывает на его предшествовавшую военную доблесть; был он и при взятии Парижа. Не захотел являться Людовику XVIII; а когда ему, дяде, говорили потом: что же он не напомнил королю о 5000 дукатах митавских, — то Александр Николаевич отвечал, что не нашел этого сообразным с Арсеньевским характером и русским достоинством.

Дядя Александр Николаевич был женат на Анне Алексеевне Татищевой и имел двух детей — Николая и Марию; все они перешли, после трудной жизни их, в вечность. Упомяну только о страсти покойного дяди Александра к музыке. Он проводил за фортепиано по восьми часов в сутки, бросил все дела, даже забыв заплатить проценты за имение, заложенное; лишился его, но рояль царствовал. И эта страсть и жизни ему стоила; ибо после разлуки с роялем своим, пока перевозили из Петербурга в 1852 году, он, увидав его по выложению из ящика, бросился страстно играть на холодном (зимой это было) инструменте, а сам был в халате, — и воспаление в легких прекратило дни этого благороднейшего и незлобивого человека. А вот замечательный сон, который он имел за много лет и рассказал отцу нашему, спрашивая: что бы это могло значить? — А отец и сказал ему: что твое пристрастие к музыке обратилось в какое-то идолопоклонство. — Сон такой: «Вижу я, — говорил дядя Александр, — что я умер, и душа моя стала летать кверху, поднимаясь в рай. Достигнув двери райской, я вижу пламенный меч Херува, которым он и ударил меня по ногам, и ноги мои стали гореть; но это сгорание не только не было болезненным, но я ощущал какую-то сладость от сгорания. Райские двери уже отверзлись, но вдруг меня смутила внезапно пришедшая тут мысль: „А что же буду я делать, если он меня

ударит и по рукам, и руки у меня отгорят, — то каким же образом стану я играть на клавикорде?» — И при этом я стал падать стремглав на землю, а внизу, вижу, сидит демон и сеет снег в решете...»

Тетя Екатерина Николаевна была самая старшая в семье. Любила сочинения Madame Guyon⁵⁵, так что Болховская (жена сенатора), у которой по дружбе жила тетя (до кончины Болховских и своего, на старости, замужества за барона Медема), называла ее самую: «Madame Guyon». — Часто говорила тетя и нам, делая нам подарки, об учении *de l'abandon*, или самопреданности, составляющем главную истину писаний Гиюнши, напрасно обвиняемых в индийском квиэтизме à la Nirvana; — нет, надо ее понимать, читая без предубеждения, — и в ней человек, в особенности светский, нуждающийся в такой помощи, найдет совсем другое.

Тетя Catherine любила отца нашего с детства до того, что имела за него и предчувствия; а раз, когда он был у Шаховских в гостях, в селе Белый Колп, Волоколамского уезда, и прислонился на балконе верхнего этажа, то решетка затрещала, балясы упали, и отец чуть-чуть не упал со второго этажа. А тетя Екатерина Николаевна, находившаяся в это время в Москве, в это самое мгновение вскричала: «Ах! Сережа в страшной опасности!».»

У нее были состояния загадочные; например, однажды, при жизни еще родителей ее, находясь в театре, она вдруг почувствовала, что умирает, и умолила отца скорее из театра взять ее к бабюшке Семену Ивановичу [Соколову], духовному отцу; и он ее исповедал и причастил немедленно, после чего она успокоилась, и протекла вся долгая ее жизнь, нам известная.

Другой раз вышивала она для церкви так называемые «воздухи»; погода была тихая, благодатворенная, — и вдруг, откуда

ни возьмишь, как бы влетел в комнату какой-то ураган и, вырвав работу и узорный патрон, унес все это на разные крыши; и так и не нашли ничего. Тетя была уверена, что это было сделано духом враждебным. Впрочем, тетя не фантазировала, а читала и списывала всегда практические истины.

[С] Отец мой был младшим в семействе и любим был особенно, как Вениамин. Старшие его были уже на службе, когда он дорос-тал. <...> Ему очень хотелось быть военным, но мать на это не соглашалась и долго держала его при себе и не отдала его ни в какое училище; а потом у него образовался совсем иной склад мыслей. Провидение предназначало его к поступлению в иное воинство, духовно благоустроенное, — воспитало его в ином училище, — в училище Премудрости, о которой говорит Апостол: «Глаголем Премудрость Божию, тайную, сокровенную, юже предустави Бог прежде век в славу нашу» (1 Кор. 2, 7). — «Во Христе бо Иисусе суть вся сокровища Премудрости и разума сокровенна» (Колосс. 2, 3). — «В Том-то обитает полнота Божества телесне» (Колосс. 2, 9). — «И в том и вечная жизнь, да знают Тебе Единого Истинного Бога, и Его же послал еси в мир: Иисуса Христа» (Иоан. 17, 3). — Отец мой был для меня проповедником Премудрости сея, готовил меня к принятию учения ее с детства; желание приближения к ней сохранило меня в чистоте во все время моей юности и служило мне презервативом от всего дурного во время семилетнего курса в Училище заповедения (которое назвал бы я «правоведением», если бы в нем было правое ведение истины...), и приуготовительное благовествование отца было мне лучом света...

Первые годы отца моего были под благотворным влиянием святой женщины: благочестивой няни Татианы, о которой он всегда вспоминал с благоговением. Она, впоследствии, скончалась

святою кончиною в Горячкине (когда мне было года 4), дожив до глубокой старости и «постом и молитвами служив Господу день и ночь». — Ей был обязан отец мой особою приверженностью своею к Церкви, знанием Богослужения и любовью к церковным благодатным песнопениям и многознаменательным обрядам, к чему, впоследствии, присоединились глубокие богословские понятия и взгляды, проникавшие в символическое их значение. Всенощные, на которых бывал он, в детстве и первой юности, с подвижницей благочестия, старицей Татианой, оставили глубокие благотворные следы в душе светоспособнейшей, в сердце восприимчивом ко всему небесному. О такой всенощной умиравший отец вспоминал на одре болезни, единственной в его жизни (как он сам сказал: «Эта болезнь — первая в моей жизни, это огненная болезнь. *Да будет о мне воля Божия!*») — «Послушал бы я теперь хорошую всенощную!..» (Слова его за 6 дней до кончины.)

К влиянию родителей своих и Татианы отец присоединял, в своих воспоминаниях, еще благотворнейшее влияние на него брата его Федора Николаевича, бывшего для него орудием к истинному просвещению, лучшему, нежели университетское или академическое. Этого влияния, однако, бабушка моя долгое время не допускала, потому что опасалась встречи отца моего с военными товарищами дяди моего Федора, служившего тогда в Семеновском полку, хотя и знала, что направление тех сослуживцев Федора Николаевича было высоконравственное и религиозное; только не хотела она, чтобы вид военных усиливал бывшее тогда в отце моем желание надеть мундир.

Бабушка наша, Анна Александровна [Арсеньева], дочь князя [В] Александра Хованского (о котором заповедала детям прино-

силье части за проскомидиями, об упокоении), — была женщина замечательная по прямоте характера, по уму и энергии, и мнение ее было очень уважаемо в Петербургском обществе (где бывали и свои Фамусовы); после губернаторства Курляндского, то есть по воцарении императора Александра I-го, дед наш Николай Иванович жил в Петербурге (у Аничкова моста, где теперь дом Дворянского клуба). Это было временем службы старших сыновей их в гвардии, в Семеновском полку. А отец наш, как младший из братьев, состоял еще безотлучно, и несколько слишком несвободно, при матери. Она его почти никуда не отпускала от себя, до того, что не всегда мог он пользоваться и собиравшимся у военных братьев офицерским обществом, хотя это было и в доме; впрочем, у нее была особая причина, — она говаривала: «Как бы Федор не записал бы тебя в масоны».

Возвращаясь к впечатлениям отца от направления брата его Федора Николаевича. К уважению, которое внушало юноше направление религиозно-мыслящее и нравственно-культурное, присоединялась и привлекательность хорошего тона, так как Федор Николаевич был в кружке графа Виельгурского, Ланского и [С] других масонов. Отец сам рассказывал мне, что <...>, по живости его характера, случилось, что он отвечал однажды несколько грубо матери; немедленно раскаивался он в том, а она сказала Федору Николаевичу: «Федор! Введи его теперь в круг друзей твоих, чтобы он исправился». — В этом выразилось ее уважение к тому направлению. — Замечателен был и ответ Федора Николаевича: «Маменька, — покуда он не будет кроток и послушен как овечка, то не может он быть в нашем обществе». — Эти слова и произвели на отца моего глубокое впечатление и привлекли его к тому направлению, которое давало

Федору Николаевичу печать благоразумия во всем поведении, изящества в тоне и манерах; отец мой сам рассказывал об этом, и как ему хотелось быть похожим на посещавших брата образованных, религиозных и вместе приятных светски собеседников. Действительно, в то время было какое-то высшее воспитание людей, поддерживавшее их в добре по оставлении школьной скамьи и курсов высших, — какое-то истинно высшее образование для окончивших курсы, признаваемые теперь за высшие; наука гармонировала с религиею, философия — с церковью, или лучше сказать — то была Христианская философия и воспитание небесного человека.

Благодетельна была эта школа и для вступающих в жизнь, и [С] для всех возрастов, и служила оплотом против господствовавшего тогда в русском обществе вольтерьянства, а в наше время *служила бы* оплотом против умственного и нравственного разложения, — а для людей хорошего направления была бы точкой опоры и соединения, и умножением света. <...>

Преосвященный Михаил, бывший митрополит Петербургский и Новгородский⁵⁶, которого можно назвать нашим Фенелоном, был из друзей Семена Ивановича [Соколова]; и направление *этих* избранных мужей было вполне подобно Св. Клименту Александрийскому.

Мораль, физика и Богословие связуются, в этом направлении, неразрывным узлом, так как познание себя, природы и Бога не должны быть разлучаемы, и обработка сердца должна идти рука об руку с образованием разума. Еще мудрые древности говаривали: «*Quis proficit in litteris, ac deficit in moribus, plus deficit, quam proficit*» (Кто преуспевает в науках, а не преуспевает в нравственности, — тот более теряет, нежели успевает). — Конечно, истинное образование с истинным благочестием всегда

одно, — только редки люди, убежденные в необходимости этого единства и вводящие это единство в практику. А с такими людьми познакомился отец мой, и сближение с ними было для всей жизни его светильником, путеводителем, утешением и сделало его и моим благодетелем, братом во Христе и другом.

В описываемую эпоху отец часто внимал чудным проповедям преосвященного Михаила в Александро-Невской лавре, произносившимся этим северным Златоустом всегда живою речью, без тетрадки и с необыкновенным воодушевлением, светлыми сравнениями, новыми, убедительными мыслями, — и понимал юный слушатель, что Добродетель и Мудрость суть едино, что человеческая природа, глубоко падшая и поврежденная, необходимо нуждается в Спасителе, Восстановителе всего падшего; и что науки тогда только будут основательны, когда будут строиться на сем Камне (I Кор. III, 11); если же науки не из этого центра исходят и не к нему ведут, то свет наук *совсем угаснет*. Кажется, мы теперь и видим последнее, и на месте наук возникают уже теперь *псевдо-науки*, подобные современной *Антропологии*, которой туманность именно и прельщает нынешнюю: «гуманность», — ибо *возлюбиша люди тьму* (Иоан. 3, 19), как сказано в Евангелии. Но мой отец от юности воспринял стремление к свету, — и свет совести, сей свет, просвещающий всякого человека, грядущего в мир, вел его, а он старался познать сего путеводителя, старался, отрясши мглу страстей, познать Его очами умными... То был истинный путь к Мудрости; ибо мудрость есть очищение от страстей и пороков и познание внутреннего света!

[В] В 1826 году отец введен был в ложу «Трех Добродетелей» (знак, состоявший из эмблем христианских: креста, сердца пламенеющего и якоря, хранится у нас до сих пор).

Сильно и благотворно было действие принятия на его прекрасную, восприимчивую душу. Он говорил, что как бы вдруг научился видеть, слышать и чувствовать; связь вещей стала для него проясняться и в особенности достоинство человека и место его между Богом и натурою. Мораль, физика и Богословие являлись тут связуемыми центрально, как бы узлом, и потому свет благодати, свет ума и свет природы сливали лучи свои и, по выражению мудрых: одна книга раскрывала смысл другой; а книги эти: человек, природа и священное Писание («*liber librum aperit*»). Библия нередко находилась тогда и в палатках молодых офицеров. Оплотом против господствовавшего тогда вольтеррианства было масонство, в этом великая заслуга Ордена, недовольно оцененная, да и неблагодарно отвергнутая при фанатической борьбе Фотиевой⁵⁷. Неспорно, что были и увлечения, и недоразумения и в направлении князя Александра Николаевича Голицына⁵⁸, и мало тогда знали дух Церкви нашей; но не то нашли бы у Розенкрейцеров, если бы не прекратили всего этого, послушав князя Миттерниха⁵⁹, посовествовавшего Государю нашему (хотя и лично знавшему хорошую сторону масонства, как верного дарю общества), — запретить всякие ложи, без разбору.

В делах человеческих всему свое время под луною, — одна лишь «*Истина Господня пребывает в веке!*...» Дело в том, что лишь во внутреннем Ордене раскрывались тайны веры и тайны природы, и при том практически; но подводить к тому должен был внешний Орден, «*la maçonnerie bleue*»⁶⁰, как невод, собиравший, как рыб от всякого рода, людей, нуждавшихся в подготовке к полному познанию истины, дабы Истину Господню не профанировать, не бросать жемчужин под ноги прохожих. Трудно было установить этот ход среди русского общества, состоявшего

под влиянием и французских нравов, и собственного брожения разнородных элементов бытовых, и «предрассудков старых при домах новых», и привычек, и происков, и страстей, и фанатизма, столь часто хотящего занять место истинного религиозного просвещения. Недолго цвел оазис Свободного Каменщичества в отечестве нашем! Но дух есть нечто живое, и нечто свободное... *Духа не угашайте* (Фес. 5, 19), сказано во Св. Писании.

Говаривал отец наш милый, что в то время молодые люди находили нравственную умную поддержку в самое опасное для юношества время, а именно, — когда, по окончании первого, а, пожалуй, и второго образования, молодой человек был предоставлен самому себе, пускаясь в океан житейский. Находя же в обществе мудрых как бы высшую Академию (о которой хорошо отвечал граф Михаил Юрьевич [Виельгорский] императору Николаю Павловичу, спросившему его: «Что такое масонство?» — «Это — воспитание небесного человека», — отвечал Велеурский), — молодое поколение в то время находило благотворную поддержку и драгоценную буссоль для направления хода своего. Да и в салонах читали с увлечением, например, Лабзинский журнал: «*Сионский Вестник*»⁶¹, — издание, соединявшее глубокие взгляды и высокие истины с приятными и возбуждающими любознание статьями, оригинальными и переводными. (Журнал просуществовал года с два, и составляет теперь библиографическую редкость.) Появлялись и книги, свидетельствовавшие о направлении Ордена, и читались нарасхват, находя серьезных читателей таких книг, как, например:

О познании самого себя (с английского, перев. соч. Иоанна Мэсона); *Об истинном Христианстве*, соч. Иоанна Арнда; *О последовании Христу* (Фомы Кемпийского); *Избранное чте-*

ние для любителей истинной философии, в которой, между прочим, помещен очень замечательный диалог из книги Law: *La voie de la science Divine*; Избранная Библиотека (с писаниями о внутренней жизни и молитве сердца); *Божественная Философия* Дютуа; Прославленная Любовь, или рассуждение о истинной Премудрости и истинном счастье (неизвестного автора, с французского); *Рассуждение об ислении вещей* (замечательная по охватности взгляда на отношение между законами природы и благодати, и о восстановлении всего и воскресении тел); *Письма Семена Ивановича Гамалея к друзьям* (необыкновенно сильные для христианской практики), и проч., и проч.

(Впрочем, известна целая литература Новиковских изданий.)

Наконец, издавались и такие книги, которые, не имея достоинства предыдущих, действовали на воображение в смысле вкуса к познанию тайн природы, как дела Божия. — Таковы были книги Эккартсгаузена в переводах и возбуждавшее любопытство (но и направлявшее ко благу) сочинение его: «*Ключ к таинствам природы*» (титул, данный переводчиком Александром Федоровичем Лабзиным (издателем «Сионского Вестника») немецкому сочинению Эккартсгаузена «*Aufschlüsse zur Magie*»). Было переведено несколько писаний святоотеческих, — например: «Беседы и слова преп. Макария Египетского»; Максима Исповедника, «О Любви»; объяснения на Евангелие от Матфея Св. Иоанна Златоустого; писания Св. Исаака Сирина^{* 62}.

^{*} По поводу этого издания приведу я анекдотец. Когда были конфискованы издания Новикова (которого и строения в Москве, его обществу принадлежавшие, конфискованы и обращены в Спасские казармы), то о книге Святого отца Исаака Сирина было сказано: «*Поелику сей святой отец принадлежит к мистикам*» (sic!), — то запретить ее.

Первая степень свободных каменщиков была «*ученическая*» (*aprentif*) и была вводной в Орден, имея многознаменательный символизм. «*Ученики*» и «*товарищи*» (*compagnons*) были руководимы «*мастерами*» своими; таковыми были: для дяди Федора — Сергей Степанович Ланской, для отца — Вальховский⁶³ (кажется, если я не запамятовал), — и у мастеров происходили беседы, всегда в *уровне* той степени Ордена, к которой принадлежал руководимый. Записок дяди и отца (с изложением таких бесед) не сохранилось; но есть у меня записочки покойного А. М. Зилова, который был с отцом моим, и Андреем Ивановичем Масловым⁶⁴, членом упомянутой ложи, и впоследствии дружба их во всю жизнь продолжалась, и перенеслась в Москву, когда в Москву переехали наш дед Николай Иванович и бабушка наша Анна Александровна, и тетя наша при них, Екатерина Николаевна, тут познакомившаяся с любвеобильным духовным отцом и родителей наших (и моим, впоследствии), Семеном Ивановичем Соколовым, ее и руководившим, как и нас.

[В] Отец наш в 1824 году был принят в Союз «свободных каменщиков» ложи «Трех Добродетелей». Мы знаем, как держался он во всю жизнь своего данного направления. Оно имело влияние и на судьбу его. Когда, в 1826 году, переехал он, с родителями своими, на жительство в Москву из Петербурга, то в Москве был окружен московскими масонами ложи «Ищущих Манны», в совершенном единении бывших с означенною Петербургскою, и специально был поручен дружескому руководительству Николая Александровича Головина. У него познакомился он с дедом нашим, Василием Дмитриевичем Комьшиным, направлявшим всех Московских братьев Ордена, так как сам Василий Дмитриевич принадлежал к высшему, внутреннему Ордену: братьев Злато-

розового Креста, в который введен был Василий Дмитриевич прадедом нашим Василием Алексеевичем Лёвшиным, другом Новикова. <...>

Николай Александрович Головин, которому из Петербурга тамошние друзья порекомендовали отца нашего и который и вступил с отцом нашим в особое отношение, как руководитель, — чрезвычайно полюбил отца нашего и особо зарекомендовал его Василию Дмитриевичу Комынину, который стал приглашать молодого любителя Премудрости и на свои беседы. Так началось знакомство отца с Комыниными, а при том старшая дочь Василия Дмитриевича, Настасья Васильевна, только что была выдана замуж за принадлежавшего к [ложе] «Ищ<ущих> Манны» Григория Николаевича Коробьина*. Наша милая мать, желавшая посвятить себя отцу своему (хотя и вступившему во второй брак с Анною Васильевною Тутолминою), — не желала выходить замуж. Но дед наш очень стал желать, чтобы и любимая дочь его, Надежда, тоже ввела бы, но уже в дом его, достойного масона, — и его выбор сосредоточился на нашем дорогом отце, к чему увещевал Василия Дмитриевича Николай Александрович Головин.

Однако направление матери нашей милой, как несколько экзальтированно-поэтическое тогда, не склонялось еще к такому выбору, — и долго дед наш ожидал: не склонится ли она к его желанию.

<...> Можно сказать, что направление друзей и сблизило с ними настолько благочестивого молодого человека, т. е. отца наше-

* <...> В выборе жениха делом руководила та же приверженность к масонству, а также и отличные качества Григория Николаевича. (На него очень был похож свойствами покойный двоюродный брат наш Владимир Григорьевич⁶⁵.)

го, что выдать за него дочь любимую, сделалось столь сильным желанием деда нашего Василия Дмитриевича, что он умолял нашу мать на это согласиться, хотя сначала ей и не очень нравился отец наш; но, говорила она, — «когда я увидала отца на коленях предо мною, о том просящего, — то не могла я не согласиться; а потом Бог благословил нашу семейную с Сергеем жизнь».

Вскоре последовала и помолвка родителей наших. Мать откровенно мне говорила, что она лишь в последствии времени полюбила отца нашего, оценив его сердце; но не скоро две личности, и полные достоинств с каждой стороны, приходят в равновесие и в гармонический унисон; и не скоро превращается вода в вино, как на браке в Кане Галилейской; а это дело Спасителя, и это намерение Спасителя *исполняется*, хотя по Его долготерпению и не вдруг*. А послушание ее отцу своему было *основой* того благословения, которое и на нас повлияло (*на судьбы наши*), — я в этом уверен.

[С] «Ehen werden im Himmel geschlossen!»⁶⁶ И великое преимущество есть родиться от благочестивых родителей! И мне даровал Господь вступить в здешнюю жизнь в семействе, благочестивом в нескольких поколениях и даже сохранившем одно направление в трех родах: Василии Алексеевиче Лёвшине, Василии Дмитриевиче Комышине и в отце моем. — Зван есмь и аз! — Но много званых, а мало избранных! — Время сотворити Г<оспо>деви!.....

⁶⁶ Одуховляется союз брачный, христианский, превращаясь в вечную дружбу!

<...> Отец мой не имел состояния, но дед мой Василий Дмитриевич [Комынин] не посмотрел на это, а оценил душевные качества и направление молодого человека, встречаемого им у друзей и в особенности у Николая Александровича Головина, которого почитал мой дед как истинного друга своего на пути Премудрости и который служил средоточием соединения людей, преданных истинному просвещению. Николай Александрович был и нравственным благодетелем отца моего, и поручался за него в этом отношении, советуя деду моему согласиться на желание отца моего соделаться сыном Василия Дмитриевича.

Бракосочетание родителей наших последовало в том 1827-м [В] году 22-го июля. Дом для них был нанят под Новинским, насупротив церкви Св. Иоанна Предтечи, — красивый, одноэтажный дом Бартоломея (теперь Манухиных). Не помню, кто были посаженные; но на свадьбе составляли уже одну семью Николай Иванович, наш дед, с бабкой нашей Анной Александровной, рожденной княж. Хованской; с сыновьями, из которых второй — Федор Николаевич был с женой Марией Сергеевной, рожденной Слепцовой; Александр Николаевич с женой Анной Алексеевной, рожденной Татищевой, и тетушка наша, Екатерина Николаевна; а с другой стороны: дедушка наш Василий Дмитриевич Комынин с сыном Дмитрием Васильевичем, женатым на Софии Дмитриевне Раевской, дочьерю Настасьей Васильевной с мужем ее Григорием Николаевичем Коробьиным; Друзкие со второй женой дедушки — Анной Васильевной, рожденной Тутолминой, — и многочисленное московское общество, бывшее тогда в полном процветании, после того, как оправлялось от разгрома двенадцатого года, а Москва отстроилась

через пятнадцать лет после Наполеонова нашествия. Присутствовали на бракосочетании и друзья деда Василия Дмитриевича и отца нашего по масонству: Сергей Павлович фон-Визин, Петр Александрович Курбатов⁶⁷, Николай Александрович Головин и другие представители дозволенного, в 1817-м году возобновившегося Новиковского общества, до закрытия лож в 1826-м году⁶⁸, пережитого духом их.

Любимой дочери своей, — матери нашей, — отец ее выстроил в Можайской деревне дом по образцу Гагаринского дома, что под Новинским, и подарил его ей с именьями Можайским и Ярославским, наполнив дом и изящной мебелью во вкусе I-й Империи, с серебром, с золотом, наполнявшим целую большую шкатулку, а 450 душ, по тогдашнему выражению, были, конечно, без долгов на имени, а кроме того оно было богато лесными дарами. Все в быте родителей наших было соответственно быту дедушкина Московского дома и села Тёсова. Встретил же новобрачных в деревне — священник села Преображенского-Горячкина, отец Афанасий, помнивший 1812-й год и потом крестивший родившихся в деревне братьев моих, — Николая и Дмитрия и сестру Евгению*.

* Рассказывал мне, в 1850-м году, почтенный отец Афанасий Захарович (Виноградов) avec son air de Melchisedek⁶⁹: «А знаете ли, чем Церковь встретила вторгнувши<x>ся французов? Какой читался в тот день апостол? „Открывается гнев Божий на сынов противления“ и пр. — (т. е. Римл. I, 18). Вот, сударь, с чем встретила их Церковь». — Еще о 1812-м годе рассказывал отец Афанасий, что когда Смоленская икона Пресвятой Богородицы, Одигитрия (Путеводницы), пробыв в армии Кутузова время похода, была поставлена обратно в Смоленском соборе и читалось Евангелие за молебствием, то все невольно переглянулись, слыша слово: «Пребысть же с нею Мариам яко три месяцы, и возвратися в дом свой» (Лук. 1, 56); — а в этот день минуло именно три месяца пребыванию св. иконы в войсках.

Маститый старец (при котором был пономарь Дмитрий, с [В] «адидуей», — его произношением, происходившим от слишком густого баса *ut de poitrine*, не меньше Lablache⁷⁰).

Тёсово находилось от Преображенского или Горячкина в [С] 25 верстах. Тёсово основало свою колонию — Горячкино, где мой дед Василий Дмитриевич Комынин выстроил дом (которого изображение набросано мной вчера и дано Володе) для моей матери, при выдаче ее в замужество в 1827-м году. Горячкинский дом строился в 1825-м и 1826-м; в то же время еловый лес обращен был в английский парк, а перед домом выкопан был огромный пруд, сделан большой остров, усаженный ароматическими тополями, и сделаны березовые клумбы и цветники.

Церковь во имя Спасова Преображения существовала в Го- [С] рячкине издавна, — дом возник в виду ее, и от церкви к дому насажена была березовая аллея, которою, без сердечного умиления, не можем въехать, — ни брат мой Дмитрий, ни брат мой Николай, ни брат мой Александр, ни я! Судьба Горячкинского дома хорошая, ибо он сохраняется без изменения во владении брата Дмитрия, который, приобретя на него право собственности, охраняет его свято, как семейную легенду. Мысли мои возвратились невольно в Горячкино, когда хотел я писать о Тёсове, но связь тут глубокая. Основатель и семейства, и дома, и крестный отец мой Василий Дмитриевич Комынин приезжал в созданное им Горячкино, к любезной дочери своей, как солнышко возвращается весною обрадовать поля своим живительным присутствием. Для отца моего тесть был, кроме того, и другом о Господе, — одна преданность Богу и Премудрости Его связывала их *во святом союзе*, и занятия их могли, поистине, назваться «работами» духовными. Видели мы тогда, что Тёсово светило Горячкину и

что в брачном союзе моих родителей было, при этом патриархе семьи нашей, поистине «*humanarum ac divinarum rerum conjunctio*»⁷¹ (как сказано в Институтах Юстиниановых о союзе брачном). На руке дедушки блистало тогда колечко заветное: *сердоликовый перстень*, с гербом его с одной стороны и таинственным крестиком на другой стороне шатона. (Дети знают, как это колечко от меня скрывалось.)

[В] С первого же водворения в Горячкинской усадьбе, родители наши поместили, в надворном флигеле, старушку няню отца нашего Татиану, благочестивую и строгую постницу, которой влияние еще в Митаве и Петербурге положило основание в отце нашем любви к Церкви.

Помню ее важно-смиренную фигуру, с платочком черным на голове и в черном одеянии. Сильное впечатление на меня произвел вынос тела усопшей, из усадьбы, — по-видимому, первое виденное нами погребение; а было это, если не ошибаюсь, в 1834^м году.

У меня осталось в памяти, как первое в жизни сведение о том, что человек смертен, — впечатление похорон няни Татьяны, что нам показали лишь из окна той комнаты, где впоследствии была детская, иллюстрированная изобретательностью другой няни, Анны Петровны Кишговой, умевшей занимать нас играми, литием воска, рассказами, гриболюбием (она, для отгадывания месторождения грибов, была просто гениальна).

А в одной избе со столором жил очень уважаемый нами, детьми, благочестивый отставной морской солдат Василий Алексеевич, сын упомянутой выше няни отца, Татьяны. Он, казалось, имел тайну какую-то хорошую, и как бы несколько юродствовал...

Нам казалось, что когда Василий Алексеич на все наши вопросы, даже на вопросы о здоровье, всегда отвечал словами: «Бог

знает, батюшка, Бог знает, батюшка!» — то сдавалось, что в них он сокрывал многое, ибо с таким трогательным чувством он это говорил! Умер же он, кажется, в 1847-м году, без нас.

Прадед наш, Василий Алексеевич Лёвшин, — по-видимому, не видал Горячкинского устройства, так как умер он в 1827-м году. <...>

Покойный отец был окружен сферой дружбы, на вечных началах основанной. Она ввела и его в семью нашего деда Василия Дмитриевича [Комынина], корифея истинных любителей Премудрости Божественной, так как друг обоих, Николай Александрович Головин и сблизил их, и дед наш Василий Дмитриевич вымолил у нашей матери согласие на замужество. В лице матери нашей соединились лучшие предания обоих семейств и все традиции, дорогие прадеду нашему Василию Алексеевичу Лёвшину, другу Николая Ивановича Новикова, Ивана Егоровича Шварца, Семена Ивановича Гамалея, Федора Петровича Ключарева, Иосифа Алексеевича Поздеева, — нашли в нашем семейном гнезде себе оазис. Сфера эта, и дружба Петра Александровича Курбатова, Сергея Павловича фон-Визина, священника Семена Ивановича Соколова, Руфа Семеновича Степанова и других друзей этого благословенного направления (соединившего в аналогии и гармонии: свет разума, свет природы и свет благодати, и сосредоточивающего основные истины, для которых создан человек), — эта сфера окружила и наши колыбели: мы родились и были воспитаны в доме Святой Премудрости, среди верных сынов Церкви, людей теософского направления. — О, да не исчезнет это Богу приятнейшее направление!

<...> Один из друзей отца, Иван Ив. Кашкаров⁷² <...>, обладая дивной памятью и глубоким сочувствием Руфу Семеновичу

Степанову и друзьям его, записал его беседы дословно, в как бы драматической форме. Я списал их <...>, в Царском Селе пребывая, для генерала Петра Александровича Степанова⁷³, очень желавшего иметь это воспоминание о Богомудром его дяде <...>.

С ним часто встречался отец наш у мудрого слепца Руфа Семеновича Степанова, очень любившего отца нашего. Впоследствии надо привести те из бесед у Степанова 1827-го года, в которых отец наш участвовал; так что в записках Кашкарова обозначается и имя отца нашего, и всех собеседовавших.

<...> Дружба отца нашего возлюбленного с Иваном Николаевичем Хрущовым продлилась на всю жизнь (Хрущов скончался, сколько помню, в 1858-м году), и я еще пользовался беседами Хрущова в приезды его в Москву и разделяя его благоговение к учению Божественной Премудрости, при свете которой видна аналогия между благодатью, натурой и разумом.

Центром дружеских сношений и собеседований был дедушка Василий Дмитриевич и его кабинет вверху его московского дома; и всего чаще с ним виделся отец наш, так как родители наши жили во флигеле дедовского дома в Москве, вид которого иллюстрирует дорогие воспоминания возлюбленного брата моего, Дмитрия.

<...> Матерь наша жила в сфере благочестия и изящества. Душа наша слышит ее пение при арфе, у нас хранятся уцелевшие стихи ее (но не все, так как она многое уничтожила). Все деликатное, все изящное, возвышенное, истинное и доброе, — вот ее элемент! Любовь ее к отцу своему имела характер благоговения. Между ними происходила интимная переписка, к прискорбию не

сохранившаяся, кроме двух писем^{*74} <...>. Еще будут несколько строк при рассмотрении нами последующих годов; когда же дойдем до 1842-го года, — времени кончины деда нашего, то, если Бог даст, опишем его истинно христианскую кончину, при которой присутствовали родители наши (за двенадцать дней пред тем похоронившие маленького брата нашего Лёвиньку). Не для того проходят люди жизнь, чтоб исчезнуть и лишь дать место другим; но для перехода в жизнь *полную и бесконечную!* Там разовьются все дарования, воспитанные Богом в людях Его во время земного существования.

<...> Своевременно, для пишущего и читающего эти воспоминания, привести здесь хотя несколько из любимых нашим дедом Василием Дмитриевичем изречений друзей его в Господе. Открываю его тетрадь сафьянную с золотыми украшениями и застёжками и выписываю некоторые афоризмы⁷⁵, например^{**}:

К удобнейшему понятию о вездесущии Божеском, служит подобие вездесущности, т. е. воля человека в его теле: мы не видим формы ни разума, ни воли нашей, но уверены о существовании их, и что они то и составляют человека!

Физические болезни имеют корень свой в нравственном существе и служат к предостережению от падения, и к очищению.

^{*} <...> Нет основания предполагать, чтобы писем иных и не было, — разве что после поселения родителей в Московском доме деда число писем стало ограничиваться деревенскими?

^{**} M'imaginant les amis réunis autour de Grand Papa soit dans son cabinet (aux Sphynx qui sont chez moi), soit dans son cabinet de Тёсово⁷⁶.

Два суть пути к спасению: крестный и благодатный: кто не обратится из любви к Спасителю, приведен будет первым путем, то есть Богом Отцом (Его правосудием).

Весь мир концентрирован в человеке, и потому человек должен в себе самом весь мир принести Богу в жертву.

Воля должна правиться разумом, ибо в ней одного нет, а принадлежность ее есть только хотение, в коем нет собственного смысла.

В человеке разум или свет есть тройкий, а именно: разум небесный, разум мирского, и разум захваченный от нижних сфер. Следовательно, каким разумом воля правится или дает себя управлять, сообразно тому и хотение свое устремляет.

Слово есть корона человека, и оно должно быть исполнено премудрости и разума.

Мы живем Божиим дыханием, и потому, кто покушается на отнятие жизни, тот пренебрегает Божиим дыханием.

Сатана всячески ругается над плотию и ее пачкает и марает. Блудодеяние есть первый шаг к идолопоклонству.

Вся числительность, вся измерительность от Бога. Он все создал по числу, весу и мере.

<...> Не выдавай сырого, ибо сам потеряешь, а другому не дашь.

Линия света очищалась от Эввы до Марии, в коей и получила первоначальную чистоту.

До тех пор человек не возрожден вполне, пока не получит семи даров Духа святого.

Бог столько милосерд, что Он согрешающего лишает света своего не вдруг, а понемногу.

Чувствуемая охота к исправлению должна почитаться особенной милостью Божеской.

Сообразность Архетипу должна быть целью нашей жизни. <...>

Что думаем, с тем разговариваем.

Блажен человек, узнавший и нашедший молитвенное состояние сердца.

И по падении, нам оставлено, чем придержаться к древу жизни.

До Бога вне природы не достичь. Бога, к природе приближавшегося, мир безумный презирает, а явившегося Бога осязательным образом гнал и распял.

Ежели бы за все Бога умели благодарить, то единой благодарности было бы достаточно, дабы войти в царствие Божие.

Без Христа не ведали мы Бога.

Аппетит есть собрание сил готовых к варению и усвоению пищи.

Более таких людей, кои боятся Бога в громах, а мало тех, кои признают Его в Его милости.

Высочайшее здравие есть сердечное.

Допусти осемять себя Словом Божиим и добродетелями.

Отвергающий посредства может быть уподоблен такому, кто мнит взойти на лестницу, из коей вынуты ступени.

Премудрость есть высший порядок, надзирающий и поправляющий все другие порядки. В ней всякий смысл и всякие

способности. Без нее дух человеческий не может сойтись с Богом.

Бог не вводит в искушение, но попускает человека входить в искушение, дабы он собственным опытом познал гнусность пороков <...>.

[A] Полезно мне припоминать и слышанное на беседах друзей отца моего. — Начну приводить здесь хотя нечто из говоренного в их беседах. Вот некоторые следы направления их.

Они высказывали, что

Познание самого себя приводит человека в его центр. Человек же есть сокращение или концентрация всего существующего.

что — Молитва, за другого приносимая, вводит в любовь.

что — Ближайшее подобие вездесущию Божию есть вездесущность воли человеческой в теле своем. <...>

что — Человек поставлен в здешний мир для того, чтобы одуматься и возвратиться в те райские селения, которые, до его грехопадения, были его отечеством.

что — Слово Божие приспособляется к сердцу каждого и дарует мир сердцу человека смиренного и простоту намерения имеющего.

что — Бог никогда не нарушает свободы воли человеческой, ибо она есть то, что наиболее делает человека сотворенным по образу Божию.

Они говорили:

Отделяй пороки от человека, ибо они суть чуждые примеси; а когда от них очистится, то посмотри, что такое человек.

Возрожденные видят и во сне своем не вздоры, а что-нибудь ангельское или даже Божественное; ибо они, отходя ко сну, погружаются в Создателя своего и в Его милосердие.

В душе человеческой есть место, в которое никто, кроме Бога, проникнуть не может.

Вездесущий Бог всего ближе к человеку в собственном сердце человека.

Истинное училище Мудрости есть то, в котором соединяются — познание человеком самого себя, Творца и природы, чрез очищение от страстей и пороков.

Мы за наказание подвержены разрушительному действию стихий.

Человек не привык входить в тот пункт насыщения (то есть в Слово Божие), где все его чувства и силы могут вдруг довольно насытиться; но привык он всякое чувство в разделимости кормить.

Чтобы в магните не терялась сила, то привешивают к нему железо, и тем сила его питается, изоцряется.

Железные опилки, которые ближе к магниту, — те скорее к нему стремятся; а отдаленные только, что шевелятся. — Приближайтесь к Богу, и вы тем повод Ему дадите сильнее и скорее влечь вас к себе, а приближается человек к Богу чрез очищение своей души и жизни.

Лишь только семечко начинает гнить, тотчас появляется из гниения росток сладости. Умирай, чтобы легче воскреснуть.

Елей есть средняя сущность между огнем и водой. — Потому он целителен.

Читать легче, нежели молиться. Чтение — теория, а молитва — практика. — Теория лишь грозит злой воле, а практика вступает с ней в борьбу.

Не следует безмерно привязываться ни к человеку, ни к книге.

Много читать — значит материала много наготовить; а как много наготовить, то волю этим только испугаешь, и она от страха ни за что не примется.

Молиться надобно в безмолвном воздыхании. В слове: «воздыхание» — большая тайна; а чтобы узнать ее, надобно разобрать происхождение слова: «воз-дыхание».

Когда приспеет время вздохнуть, то советуют при сем вспомнить о Господе Иисусе.

Чувствуемая охота к исправлению себя должна почитаться за особенную милость Божию.

Обыкновенно бывает, что гневающийся усиливает голос, даже до крика; вероятно потому, что гнев делает внутренне глухим. <...>

Кто платит злом за зло, тот умножает царство злобы.

Пока на что-нибудь не решишься, то командуешь судьбой дела, но, когда на него решишься, то уже судьба тобой правит; а потому всегда надобно мыслить и решаться на доброе.

Надобно приучаться мыслить сердцем.

Загадочное твое сердце испытывай силой духа.

Спрашивай себя чаще о том: кто повелевает тобой?

Самопознание есть наука преломления себя.

Бог ненавидит грех, но Своей любовью не оставляет грешника. — А человек ненавидит грешника, а любит грех.

Тот падает, кто идет; а кто не идет, — нельзя такому и падать.

Чем защищать Истину? Добродетелью и молчанием.

В истинном учении необходимо нужна постепенность, которая служит приготовлением к познанию внешних вещей, которые, без этого, будут невероятны, непонятны.

Любовь есть устремление воли.

Ежели мы осуждаем какой-либо порок в другом, то, верно, мы имеем глаза того порока в самих себе, иначе же мы не видели бы его в других.

Лень есть величайший наш враг. Ибо нам не только трудиться, но и вздохнуть к Богу тяжело.

Сколько воля человека становится мягка близь Бога, столько жестка она в отдалении от Бога, — и чем далее, тем жестче и упорнее.

Одному человеку, который, будучи виноватым, увертывался, — сказано было: не мешай мне тебя любить.

Приучай себя отказывать своему: «хочу». Довольно это трудно, однако не мучительно; а там, где все вдруг отнимется, это мучительно будет.

Весьма дурно смотреться часто в зеркало, ибо это означает тайное побуждение любоваться собою. Ангелы, сколь ни были велики, но, быв конечны, от того и пали. Еще хуже на себя озираться внутренними глазами, ибо воззрение на свое изрядство весьма опасно.

Спешить есть дело ребяческое.

Мы живем в таком мире, что должны все подогревать: чувства телесные — умеренностью, разум — истиной, а сердце — любовью.

Воля должна быть управляема умом, ибо в ней его нет: принадлежность ее — только хотение, в котором нет собственного смысла.

Человек редко может сказать: «Это невозможно», — ибо понятия человеческие ограничены. А чтобы сказать прямо: «Это невозможно», — надобно знать все пределы возможности.

Располагать предприятия свои либо по здешнему, либо по вечному миру, — это составляет единственное различие между безумным и разумным.

Главнейшее подобие человека с Творцом его, — есть свобода. Ибо она есть часть той свободы, каковой обладает Сам Господь.

Пока человек управляется духом мира, до тех пор он есть человек лишь естественный; а когда предается он в управление Духа Божия, тогда делается он уже возрожденным, или человеком небесным.

Внутреннюю нашу глухоту производит шум от мыслей.

Человек в теперешнем состоянии уподобляется такому кругу, в котором потерян центр и потому искривлены радиусы. Все дело состоит в том, чтобы отыскать центр, — и тогда радиусы выпрямятся и придут в меру.

Поелику крайне сузились понятия, ощущение и воображение человека, то поэтому нужна бережливость в сообщении Истины, дабы чрезмерным преподаванием Истины не обременить слабые сосуды.

Так как человек пал своеволием, то покорением воли только и восстать может.

Подобными мыслями я пленялся и приводился в зависимость Премудрости, — не внешней, не школьной или условной и поверхностной, но существенной, внутренней. Однако, те благотворные впечатления были только предвкушением важнейших, внутренних *событий* жизни моей, которые *не подлежат внешнему воспоминательному* описанию. Ибо, полученные от Премудрости Божией, благодеяния, относясь к тому порядку вещей, который должен начаться в земной жизни, а продолжаться в вечности, — имеют быть хранимы в уме и сердце запечатленными, а применяться в жизни!

Не менее сильное и благотворное влияние имел на покойных [В] родителей наших и друг Николая Александровича Головина и всей Новиковской плеяды, священник Семен Иванович Соколов († в 1860 году), сперва руководивший отца нашего и тетю Екатерину Николаевну как духовный отец, а после того сделавшийся духовником матери нашей (да и моим впоследствии). Это был Христов иерей, полный любви по духу Св. Иоанна Евангелиста, истинный христианский любитель Премудрости Божией, опытный, приятный, смиренный и любвеобильный*.

* Семен Иванович Соколов, протоиерей церкви Воскресения в Барашах, на Покровке в Москве, был очень уважаем покойным Филаретом, митрополитом Московским⁷⁷, поручившим ему в духовное руководство, между прочими, и почтенную Екатерину Владимировну Новосильцеву, лишившуюся единственного сына, убитого на дуэли⁷⁸. Эту душу так вел он, что когда, во время освящения церкви на месте дуэли, в дачах Петербургского Лесного Института,

1827-й год нерадостно окончился для семьи: тяжелой утратой для семейного и вместе для дружеского круга была кончина прадеда нашего, Василия Алексеевича Лёвшина, о котором сильно горевала наша дорогая мать, еще более потому, что провела года детства (по кончине своей матери) и первой своей юности в милой сердцу ее Лёвшинской Темряни *, и мы видели из найденной приведенной нами отрывочной записки воспоминаний ее о прадеде, какое место занимал он в ее сердце. В том же 1827-м году скончался и почтенный дед наш, Николай Иванович Арсеньев, которого не долго пережила и наша бабушка, Анна Александровна, оставя в душах родителей наших отпечаток своих благородных, возвышенных, так сказать, рыцарских характеров. Их сфера не много имела общего с настроением Лёвшинским и дедушки Василия Дмитриевича и родителей наших; однако, были они верующие и строго нравственные люди; но при том и несколько более светские, как по образу жизни кн. Хованских, так и по служебной сфере Митавского губернатора, т. е. деда нашего Николая Ивановича <...>, потом долго жившего в Петербурге. — Да и драгоценные камни бывают различных цветов, сквозь которые один и тот же солнечный луч проходит.

прислали спросить у Е. В. Новосильцевой: позволит ли она помолиться и за убийцу сына, — то она, по мучительной минуте колебания, столь естественного, — согласилась на общую молитву.

* Где побывали и мы в нашем детстве, в 1838-м году; и застали еще там дядей матери нашей, бывших моряков, приведших нас в восторг подарением разных собранных ими <...> минералов и раковин. Помнится и надпись рукой прадеда на кусочке ткани диких: «Матерья с островов Маркизовых; там дикие обитатели выделывают из коры древесной», — и т. п. <...> «Сосуд, найденный близ Лимы, в древних гробницах, — в которых перуанцы приносили жертву солнцу» <...>.

Так как пишущий эти строки, и милый читающий их, по воспоминаниям этим находимся в 1827-м году, то и по существу характеризующих для нас эту эпоху предметов, да и для соблюдения окраски (*couleur locale*), — взойдем-ка опять мысленно в кабинет дедушки Василия Дмитриевича. Сперва опишем комнату родную. Против входной двери — итальянское окно, дающее вид на церковь Св. Иоанна Предтечи в Кречетниках. Пред окном — письменный стол, на котором лежит Библия и стоит маленькое распятие близ чернильницы, изображающей компас, а магнитная стрелка буссоли направляется в сторону распятия. — Сбоку лежат на столе любимые книги: «Об истинном Христианстве», Иоанна Арнда; «О познании самого себя», Иоанна Мэсона; «О последовании Христу», Фомы Кемпийского и рукописный том Новиковской «Герметической библиотеки», с трактатом «Об ислении и сожжении всех вещей, по чудесам восстановления в царстве природы и в царстве Благодати»^{*79}. Лежало и изображение мертвой головы, из слоновой кости, принадлежавшее Н. И. Новикову (от известного теософа Эккартсгаузена).

На стороне комнаты, окну противоположной, налево от входной двери, был шкаф с избраннейшими книгами, над которым стоял сфинкс окрыленный, с подписанными под ним (Головиным)

* Особенность направления состояла в познании глубокого соответствия между «светом благодати и светом природы» (как тогда выражались), и в соображении, или в гармонии нравственности, естествоведения и религии, для восстановления согласия между науками и Боговедением, к которому старались приводить постепенно, как и все человечество было ведено сперва чрез естественный закон, далее — чрез Синайское законодательство, наконец в Евангельское домостроительство Божие (показывалась и соединительная линия между религией и гражданским законом).

словами по-гречески: «Познай самого себя!»*. Из этого шкафчика выходили иногда и подарочки, — например, осчастливил меня дедушка, дав мне, в 1840 году, оттуда портфельчик карманный, с изображением Петербургского памятника Петра Великого; делать удовольствие было дедушкиным наслаждением; хорошо нам было у него под крылышком, и как мы любили из нашего флигеля переходить в «*тот дом*», где и обедали, и вечер проводили в играх.

Другой сфинкс стоял над таинственной дверью в комнатку молитвенную, внутренности которой нам не удалось видеть.

Над диваном была гравюра Тайной Вечери, с Леонарда Винчи (подобные были у всех друзей дедушки, как изображавшие истинное собратство с главой своей, Господом). Вот, в этом-то кабинете собирались дедушкины и отца нашего друзья: Сергей Павлович фон-Визин, Петр Александрович Курбатов, Юрий Андреевич Зверев, Николай Михайлович Шатров (слепой поэт**),

* Сфинкс темного гипса; как объясняли мне, изображалась сфинксом тройственная натура человека: лицом человеческим ум или дух, крыльями — душа, а лапами и хвостом — тело. Дедушкины сфинксы прежде побывали в [ложках]; сфинксы (из коих один лучше сохранился) находятся у меня, в комнатке, напоминающей дедушкину галерею, в которой последовала, в 1842-м году, его блаженная кончина.

** Однажды Шатров, быв приглашен родителями нашими, из Тёсова, погостить и в Горячкино, где ему отвели тот флигель, что к саду (к оранжерее), то Шатров написал в честь хозяйки дома стишки, начинавшиеся, сколько помню, словами:

«Если Фэб певца невежду
Сделал умником певцом, —
Он тогда б воспел Надежду,
Как Любовь — Анакреон».

известный патриотическими одами своими 1812-го года и переложениями Псалмов); потом Степан Алексеевич Маслов, Алексей Михайлович Зилов, граф Михаил Юрьевич Виелгорский (когда в Москву наезжал), Руф Семенович Степанов, Иосиф Алексеевич Поздеев (по смерти своей замененный между друзьями нашим дедом), Григорий Николаевич Коробьин, Илья Михайлович Воинов (священник)⁸⁰, Алексей Иосифович Поздеев, Семен Иванович Соколов (священник), а всякий раз — Николай Александрович Головин. И побеседовавши, останавливались на какой-либо живительной истине, обдумывая ее и разбирая. В упомянутом дедушкином альбомчике и записаны им самим некоторые из истин таковых, как, например:

Приучение себя сердцем воображать и размышлять, в добродетели, способствует даже поддержанию телесной храмины.

Вера заказывающего икону, соединясь с верой пишущего икону, привлекает Божеское внимание и творит оную посредством Его милосердия: ибо Бог столько любит человека, и толико желает, чтобы сей Его придержался, что даже сходится с ним чрез вещи неодоушевленные.

Тело есть противовес: если б не тело удерживало, то человек, по падении своем, спустился бы в огненный мир падших ангелов. Тело есть то, чем теперь душа действует, оно есть подножие души, яко пята. (Сказано было: «Змий будет блюсти твою пята») (Быт. 3, 15)).

Суета есть барыня с весьма широкой юпкой, которая всех приближающихся к ней покрывает и уже оттуда не выпускает.

Мы не ведаем еще, что лень есть из первых наших врагов, а потому ей весьма и поддаемся; плоть у нас в первом виду, а потом разум мира сего; вот две лапы зверя, коими он нас придерживает к миру сему; коли одну мы поослабим, то другого он прихватит.

Человек, научающий в познании самого себя, начинает быть двойствен, т. е. новый и ветхий, до настоящего возрождения, покуда сделается един.

Три «Совершишася!» Первое — при творении. Второе — на Кресте. — И третье будет в Славе. <...>

Опасно проповедовать с низу.

Творец мог создать вдруг все твари, но явил в творении постепенность, дабы твари приучились уразумевать Его милосердие и Премудрость.

Что скрыто — сатана, то в наруже — суета.

Падшего человека можно изобразить кругом, в котором потерян центр, а радиусы перепутаны и искривлены.

Натура есть одежда Невидимого.

Грех есть нечистота, которая должна очиститься водой покаяния или огнем правосудия.

Священное Писание есть из всех книг подобно солнцу, а Евангелие есть солнце в Библии.

Религия есть Закон, а Христианство — Благодать.

Десница Божия означает Правосудие, а шуйца — Милосердие.

Ведение тайн природы сообщается только тем, кои научились за всякое познание благодарить Бога, и все творить для чести и прославления Его.

В мире все сладости от светового начала.

Что у наружного человека ноги, то у внутреннего — мысли.

Болезнь есть ослабление света.

Натура восходит от материального к тонкому, к невидимому.

Что мы к себе притягиваем, то над нами и действует.

Болезни телесные суть лекарства от болезней душевных.

Огонь очищает жесткие тела, а вода — мягкие. Помыслим об огне Правосудия и о воде Милосердия, при познании жесточения или умягчения сердца.

Не иметь никаких искушений есть величайшее искушение: ибо можно ложно успокоиться.

Стараться надо и в человеке отделять небесное начало от чуждых смешений, — тогда будешь любить его. Для отделения нужен сепаратор, который бы то и другое показывал.

Нет ничего нового, а все старое; и потому, читая историю, все находишь прежнее в сущности; — а люди все ищут нового, дабы успокоиться. Желание искать в корне своем хорошо; но, когда будучи искать вечного, тогда только найдут спокойствие.

Дух есть действующий, а душа есть пассивное. Сия на всех языках — женского рода.

Где Бог? — В правилах; кто исполняет заповеданные от Него правила, тот Бога знает и любит.

Сила состоит не в огромности и тяжести, но в тонкости.

Бог хочет сойтись с человеком на всем, а паче на разумении.

Самолюбие человеческое ищет столба, о который он опирается; подруби столб, — оно упадет и расшибется.

Покаяния дух есть дар Божий за добрые дела.

Не суди книг, писанных возрожденными людьми, ибо они писаны от Бога.

Познание есть началом удостоверения, а удостоверение есть началом к исполнению; познание полезно, удостоверение необходимо.

При двух свидетельствах утверждается всякое удостоверение: один свидетель есть Библия, а другой — натура. Един есть и Автор обеих книг сих. А познаватель их — человек. Поэтому и говорили мудрые, что «одна книга другую открывает — *Liber librum aperit*»^{*}.

Мы могли бы и здесь привести нечто из других бесед 1827-20 года, происходивших у Руфа Семеновича Степанова, в которых участвовали и дед наш Василий Дмитриевич [Комынин], и отец наш; но слишком объективные выдержки, свидетельствующие о

^{*} Большая часть подобных изречений была из уст Иосифа Алексеича Поздеева, основателя [ложи] *Ищущих Манны*, дозволенной в 1817-м году в Москве. Девизом на ее печати, изображавшей крест в сфере, были слова: «*Исполняй понятное. — поймешь непонятное*», — изречение, которое очень любил и повторял и мне отец наш, сблизивший меня с друзьями деда и своими в 1850-м году. — Конечно, афоризмы, приведенные и подобные им, были только *прелюдиями* к занятиям, личным и совокупным, а при том в *градальном порядке*, основанном на свойстве учения истинной Премудрости.

благотворности направления, унаследованного нашими родителями, отвлекли бы нас от воспоминаний о них более субъективного характера. Поэтому пока ограничимся замечанием о том, что 1827-й год был временем высшего процветания того направления. А Руф Семенович Степанов был мудрый старец святой жизни и великого глубокомыслия, — слепец по плоти, но «ум, зряй Бога». Он жил у друга своего Иосифа Алексеевича Поздеева в Москве, в части ее, именуемой Красным Селом (по дороге к Сокольникам). Туда, на беседы к Руфу Семеновичу съезжались друзья, не только московские, но приезжали и петербургские друзья одного с ним направления, например, граф Михаил Юрьевич Вьелгорский, графы Алексей и Лев Кирил<л>овичи Разумовские⁸¹, Александр Федорович Лабзин, Сергей Степанович Ланской и другие, и изнутри России последователи Новикова. (Сохранились собеседования друзей, происходившие у Степанова, записанные Ив. Ив. Кашкаровым в форме живых личных разговоров. Также сохранились и письма Руфа Семеновича Степанова, писанные до потери им зрения и в высшей степени замечательные, в драгоценном архиве остатков этой эпохи.)

Хотя на беседах отца своего и не присутствовала наша возлюбленная мать; но дух этих бесед, проникая к ней и подтверждая ее собственное направление, легшее в основу душевного настроения ее, как с примеров благотворительности ее матери, бабушки нашей Евгении Васильевны, так и всего быта семейного, в Темряни бывшего; она слагала слышанное в своем сердце, и по духу составляла себе избранный мысленный букет <...>.

В следовавшем 1828-м году родился у наших родителей первенец Ипполит (в мае 1828 г., — а умерло это дитя шести месяцев от роду и погребено в Тёсове, у церкви). Имя ему дано

было по причине чисто поэтической, так как мать наша в то время была довольно молода и в особенности еще в поэтически-романтическом настроении. Но не суждено было жить нашему старшему брату, и о нем сказать было можно: «*A reine nous sortions des portes de Trézène...*»⁸² Жизнь его перенесена в вечность, где (слышала мама предание, что воспитывает малых детей там Святой Иоанн Креститель) — несомненно, развилась данная Богом человеческая личность, а Господь ничего не делает напрасно.

Я же был призван к жизни вторым, а милый брат Дмитрий — четвертым.

Таинственная судьба младенцев, прошедших быстро чрез земную жизнь, освященную кровью Искупителя! Это было запечатленное... «Блаженни их же избрал и приял еси, Господи!» Мы не можем сомневаться в близости их ко Спасителю, — «по неложному Его обещанию», говорит Церковь, при младенческом погребении. Таковы избранная и от Вас ангельская душа. Таков и наш маленький Алексей человек Божий, спогребшийся Христови крещением и имевший днем преставления своего день рождения своего (4 марта 1859 года, еще при жизни отца нашего).

И другой ангел, бывший не долго между нами, скоро расправил крылья, но узнав крестный в жизни путь: сестра наша милая Геня, несомненно, молитвенница наша и друг наш вечный, с нежной любовью смотрящая на наше земное плавание... Она — ангел и родителей наших, и три голоса их соединенно хвалы Божии воспевают, и о нас молятся! Любовь не умирает! Это связь миров! Не как Декарт скажем: «*Je pense, donc-je suis*», а глубже того мы ощущаем эту истину, и предлагаем сказать: «*J'aime, donc je suis éternel!*»⁸³ — Любовь нас и воссоединит!.. «*Воскреснут мертвии! И восстанут вси сущие во гробех, и вси земнороднии возрадуются!*» (Ис. 26, 19) <...>

Осенью 1828-го года скончался единственный сын деда нашего, Дмитрий Васильевич Комынин, вследствие удара в грудь, ему нанесенного лошадыю, вследствие чего у него развилась чахотка. Горе отца его было неопишимо; в первое время дед думал даже поступить в монахи, но ему дал благоразумный совет испытать себя прежде вступления в монастырь бывший в Андрониеве монастыре игумен (имя которого стыдно мне не помнить, ибо он был из друзей дедушки, — но теперь имя вышло у меня из памяти). Пожить по уставу монастырскому, — вот испытание, которое было им присоветовано. И дед наш направил дух свой в сферу внутреннего, а не внешнего токмо уединения; помню его выражение (родителями нашими мне приведенное), что «уединение состоит в том, чтобы у *Едино*го быть».

Припомнил я: имя Андрониевского Архимандрита (из братьев) <...>: *Гермоген*⁸⁴.

Весь быт деда нашего изменился. Уничтожил он все суетное, — например, театр Тёсовский, на котором играли дворовые; перестал давать балы и т. п. А оставил только духовую музыку (которую и мы, застав, помним) и хор песенников, которым приказывалось петь и гимны; но *rigidité*⁸⁵ не доходила до отмены народных песен (у меня в слухе до сих пор остался петый в Московском доме «Соловей» Варламова).

Подобно тому, как катящийся по земле шар прикасается к ней лишь одной из точек своей поверхности, так и отрешившийся от пристрастия к миру христианин, хотя и имеет соприкосновение с землей, но преходящее и движимое свободно, так что все прочие точки его возвышены над землей. Так жил и дед наш, хотя отдавал общественным требованиям все должное и обычное.

<...> В 1829 году, когда родители наши милые ожидали рождения второго чада, после кончины первенца <...> и через год после смерти Дмитрия Васильевича Комынина, весь семейный быт был в молитвенном настроении, а влияние веры и Богу преданности моей матери, меня в себе носившей, несомненно, глубоко влияли на чревоносимого младенца... Опасались очень неблагоприятных родов, как по необыкновенному замедлению события (за девятимесячный срок даже), так и по тому, что, когда, пред концом беременности, ехали родители из деревни в Москву, то за ними, во весь путь, везли пустой гроб; но, когда, по приезде в Москву, мать, в страхе, раскрыла Евангелие, то в сердце ее пролилось ободрение при раскрывшихся словах: *«Жена егда раждает, скорбь имать, яко прииде год ея: егда же родит отроча, ктому не помнит скорби за радость, яко родися человек в мир»* (Иоан. XVI, 21). — О! Да осуществится во мне, недостойном и грешном, реченное: *«Такожде и вы помышляйте себе мертвых убо быти греху, живых же Богови, о Христе Иисусе Господе нашем!»* (Рим. VI, 11). О сем молил крестный отец мой, дедушка Василий Дмитриевич.

Здесь идет к описываемому времени рассказать, что дед наш записал бывший ему, в 1829-м году, сон (в январе): «Видел я во сне батюшку Дм. Васил. *, который держит меня за руки и, поставив на свои ноги, и в сем положении старается меня поднять вверх, и сам со мной взлететь; но я его своей тяжестью тяну вниз, а он с величайшим трудом продолжает меня поднимать». (Глубоко это дедовское сновидение и меня трогает, которого столько

* Его отца, сенатора Дмитрия Васильевича, погребенного в Тёсовской церкви.

старались поднимать и восподнимать! Должен сказать я, пишущий эти воспоминания!)

Дедушка имел способность видеть важные сны, к чему, как тогда выражались, он по своей констелляции, или темпераменту своему, был предрасположен. Сохранился и альбомчик, в котором он записывал особо замечательные свои сновидения, из которых всего поразительнее то, которым ему было предречено время его кончины; а именно: «1814 год. Видел во сне покойного моего родителя с обличием и услышал голос, говорящий: „*Quand Vous serez paralytique, preparez Vous de suite à mourir*“⁸⁶. — Сие меня весьма встревожило, — и после сего я вижу его, дающего с гневом мне приказание...» А когда, в 1842-м году, с дедушкой сделался удар и отнялись ноги, то он, свой уже старческой рукой, *приписал*, в альбомчике, под сном 1814-го года, слова: «NB. Кажется, что сие предсказание и по грехам моим сбылось чрез 40 лет». — И дед приготовился немедленно к истинно христианскому переходу в вечность.

Приведу здесь и остальные сны деда, исключая только имевшие особое отношение к священному собратству, к которому он принадлежал и был связующим звеном между союзами Новиковским, бывшим при Екатерине II до заточения Новикова* и

* Здесь можно припомнить, что когда Новиков был без всякой вины взят и отвезен в Шлюссельбургскую крепость, то с ним выпросил дозволение сидеть в каземате его друг, доктор Багрянский⁸⁷. И вот, после шести лет заточения, раз Новиков ночью будит Багрянского, говоря ему: «Ну, друг, недолго нам оставаться здесь сидеть! Ибо я сейчас видел Государыню, вошедшую в порфире и бросившуюся к ногам моим со словами: «Прости меня, Николай Иванович!» И что же? К утру было получено в Шлюссельбурге известие о кончине им<ператрицы> Екатерины II, и вместе указ императора Павла: «Освободить Новикова и представить его немедленно Его Величеству».

вновь разрешенным в 1817-м году, — а потому таковые и не могут получить объяснения общего. А из снов личных и семейных, — вот несколько:

1812 г. Жена моя 1-я, Ев<гения> В<асильевна> была при дверях гроба, я видел подходящий к ней хор ангелов, и первый от них, в образе ее ангела, подошел к ее кровати, сделал знак рукой, и все исчезло. Я подумал, что сие видение означало ее кончину, в приближавшийся день ее имени; но потом увидел сквозь стену проходящую руку, которая мне вложила в рот кусок сахара, и я услышал при сем голос: «*Не бойся, она не умрет*». Вскоре после сего, и не задолго пред ее кончиной, я видел (находясь еще тогда в Вологде*), что она скончается в Ярославле, и видел всех присутствующих на ее похоронах, что совершенно так и случилось.

(Наша бабушка, Евгения Васильевна Комынина, рожденная Лёвшина, и погребена была в бывшем Ярославском имении деда, селе Курбе. Никому из нас там побывать не приводилось).

Пред самой ее кончиной, 31-го** 1812-го года *на яву*, мы все слышали стук в стену в ее комнате, подобно ударению молотка; сколько было ударов, — мы не догадались считать; но чрез 18 часов она скончалась.

* В Вологду ездил дед наш к тогдашнему почтеннейшему брату, правившему Орденом, Иосифу Алексеевичу Поздееву, для беседований, записанных дедом, и по делам братства. А пред тем, бывши в Киеве, дед наш был принят в св. Орден князем Григорием Алексеевичем Долгоруким; портрет последнего (работы Боровиковского)⁸⁸ был мне подарен, когда я сделался женихом кн<язны> Долгор<укой>, — соседом родителей наших, Н. П. Лайкевичем⁸⁹.

** Декабря или января, — не могу разобрать.

(Сон и событие).

1813 г. Вскоре после погребения Ев. Вас., я увидел ее лежащей в гробе, и говорящей мне, чтобы я проснулся: ибо нахожусь в опасности. Вскочив после сего сна, я увидел, что в той горнице начался пожар; я приказал ударить в колокол тревогу; вынесли все имущество, ибо это было перед отъездом нашим из с. Курбы. Потом увидели, что пол в печи горит; снегу нанесли и без всякого бедствия пожар прекращен.

Сего же года видел я покойную жену мою как бы не умершую, и, подходя к ее постели, хотел по обыкновению лечь: и поражен был, увидя в ногах у кровати большой крест прозрачный, сделанный из соли.

В сентябре видел я себя в церкви при слушании литургии, и когда я хотел подходить к св. причастию, прежде того повергся на землю и взрыдал в покаянии; сие ощущение было неизъяснимо сладостное, не мог из одного выйти, и, проснувшись, невыразимо сожалел о прекращении моего сна, и поныне не могу забыть одного. С сим покаянием никогда мое не равнялось.

Видел я В. А. Лёвшина, что он получил великую милость от Господа, с чем я его после и поздравил^{*}; но он мне не открыл, что такое.

Видела дочь моя Надина во сне^{**} разговаривающего меня с ней о христианстве: удивляясь, слыша много таинственного, она

^{*} Поздравление это было при жизни прадеда нашего Василия Алексеевича [Лёвшина], скончавшегося в 1827-м году. А от него сам Василий Дмитриевич [Комынин] получил великую милость, сокровенную, — а именно, принятие из внешнего Ордена (С. К.) во внутренний Орден (Р†).

^{**} L'année 1824.

рассуждала, — откуда мне Господь сии ведения посылает, — и услышала голос: что сие происходит из *Жертвенного Агнца*. Полагая, что есть такая книга, она на другой день просила у меня — нет ли оной?

В 1829 г. я еще видел во сне Руфа Семеновича, разговаривающего со мной о важнейших материях, и упомянул о Бёме, сказав, что это высокий муж.

Видел я во сне Г-жу Софью Алекс<еевну> Верецагину, к которой был подведен*; она взяла у меня ладонь левой руки и, приподняв кожу, сказала приятно и с веселым видом: «Кто вам дал эту теплоту?»

После, когда ее узнал, и увидел в первый раз, — точно похожая, и в таких же лентах алых, как я ее видал во сне моем.

Уже, коль рассказывать необычайные вещи, то сделаем здесь маленькую депрессию.

* В Москве в то время была в высшей степени замечательная по своему благочестию и по своему ясновидению во время болезни своей, София Ал<ексеевна> Верецагина, урожденная Аргамакова. Из сохранившегося дневника ее магнетического состояния приведу что имеется (вслед за выписками из братских бесед у Р. С. Степанова)⁹⁰. Образчик состояния Верецагиной, например: она видела Спасителя в терновом венце, у постели ее стоящего, и она в своем сомнамбулическом состоянии говорила о зоре Его. Видела она и Христов чертог, и заметив к удивлению своему, что на стенах и колоннах дворца того висят ее разные платья (которые бывали подаваемы ею бедным), она спросила Господа: Что она видит? И услышала от Спасителя, что это лучшее украшение Его дворца. — (Nous avons connu, plus tard, le mari de cette dame, le colonel, puis général Лев Николаевич Верецагин, que nos chers Parents aimaient beaucoup⁹¹.)

В селе Тёсове был почтенный священник, отец Афанасий, которого я еще помню. У него жена имела трудные роды, и он, по благочестивому обычаю раскрывать в это время в церкви царские двери, пошел в церковь; а было то ночью, и он поделикатился позвать ключаря, а сам, взяв ключи, пошел в церковь, стоящую среди площади, в некотором отдалении от жилищ. В этой церкви, между колоннами, погребен отец деда нашего, покойный сенатор Дмитрий Васильевич Комьнин, который, когда умер, то 18 дней его не хоронили, ждав из Петербурга сына его, т. е. Василия Дмитриевича, а также и по тому, что покойник лежал все это время с румянцем во всю щеку.

Отец Афанасий, вошед в церковь, по обычаю поклонился помещику, стоявшему на своем обычном месте и молившемуся. Потом, — говорил отец Афанасий, я, помолившись за жену и закрыв царские двери, собираюсь идти из церкви, — да вдруг и вспоминаю, что я ведь хоронил Дмитрия Васильевича за год перед тем: то каким же образом видел я его сейчас в церкви? И ведь мне приходится идти опять мимо его к входу... То я от страха едва дотащился до входа; тем и кончилось, — а видел я это верно.

Ниже приведу из братских бесед, бывших у Руфа Семеновича Степанова, несколько мест, — именно такие, которые происходили при покойном отце нашем и в которых иногда приведены и его слова. Эти цитаты нужны для характеристики родительского духа и настроения.

На одной из бесед у Руфа Семеновича. — (Transportons nous у⁹²).

Сергей Николаевич [Арсеньев]: Когда у новопринимаемого спрашивается: зачем он сделался учеником, — отвечается: «Я был объят тьмою и желал увидеть свет!» А в другом месте: «Как путешествуют ученики?» — «От Запада к Востоку, для искания света».

Руф Семенович [Степанов]. Хорошо, что Вы это помните! А как Вы думаете: что такое есть Запад? — Материя темная; стало быть, рекомендуется ученикам: от материальности восходить к духовному, где и можно обрести свет! А все это делается чрез самопознание, почему эта наука необходима. Когда увидишь свою худость, то весьма неприятно делается тут, и загрустишься. А что эта грусть значит? — Истинное покаяние, или благодать. Ведь и сказано: Явися Благодать Божия, спасительная всем человекам, наказующая нас, дабы отказались мы от мирских похотей (Тит 2, 11–12). И конечно и наказует.

Василий Дмитриевич [Комьнин]. А имя: Иоанн означает: благодать <...>.

Руф Семенович. Да, тут все гармонирует, лишь бы вникали. Стало быть, без самопознания не будет и покаяния, не будет и благодати.

На другой беседе, сказал Николай Александрович Головин: «Как незаметно подошел праздник! Вот приближаются важные дни воспоминания Рождества Христова. Это великая радость для ангелов, и для благой воли! А для злой — печаль; помните, сказано, — как Ирод смутился и весь ветхий Иерусалим с ним^{*}»

Алексей Иосифович (сын Иосифа Алексеевича Поздеева). Вот я замечание сделал: посторонний человек недолго усидит между братьями.

Р <уф> С <еменович>. Это замечание давно известно, ибо ему в тягость, да и он в тягость, — от того, что духи не согласны. Чтение

^{*} Ирод мятящися, яко Бог во плоти явися! (говорит Церковь).

назидательных книг тяжело от того, что мы тяжеленьки; а чтоб сделаться таковым, как там описывается, это не вдруг. То высоко, а мы низки. То писано уже для тварей лучшего мира.

Лев Селиверстыч [Оржиховский]⁹³. <...> Когда читаешь Арнда, и т. п., то гнушаешься собою.

Р. С. — То-то и хорошо. Лучше гнушаться собой, чем любоваться. Сатана от того и пал, что залюбовался собой, пригож, хорош был. А нам в здешнем мире любоваться собой не годится*. Ибо мы не для сего мира сотворены, а естественно родимся, чтобы жить в нем некоторое время. А от рождения человек бывает без всякого различия в скотском состоянии, ибо ни о чем не мыслит и не рассуждает; когда же в человеке начнут развертываться понятия, и дастся ему рассудок, тогда он переходит в так называемую астральность, а из сего уже вступает в жизнь Божественную, если будет стремиться к ней и из огненного своего начала возрождаться в световое.

Влечение Отчее к Сыну, Фома Кемпийский разумел, говоря: Когда ты скорбишь и мятешься, то знай, что уже время служить Богу! Подобных случаев не должно оставлять без внимания.

Ив. Ив. Кашкаров (записывавший беседы). В Св. Писании сказано: Когда услышите глас Его, не ожесточите сердец ваших (Евр. 3, 7–8).

Руф Сем. — Это еще не к нам относится. Чему ожесточаться, когда сердца наши и так каменные?

А <лексей> И <осифович>. — Сказано: отниму сердце каменное, а дам сердце плотяное (Иез. 11, 19).

Р. С. — Вот тогда-то и должно остеречься, чтобы не ожесточить его. Почти все в Св. Писании относится к возрожденным, а к нам весьма

* Ф. Н. Глинка говаривал: «Сатана гордился — с неба свалился. Фараон гордился — в море потопился. А нам гордиться — никуда не годится».

малая часть. Вот нам причлещует читать псалом: *Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей!* (Пс. 50)

Сергей Николаевич. — И какая постепенность видна в этом псалме: «*Сердце чисто созижди во мне, Боже!*» А потом: «*И дух прав обнови во утробе моей! Не отвержи мене от лица Твоего*» и, наконец: «*И Духа Твоего Святого не отъими от мене!*»

Руф Сем. Хорошо, что, читая, вы так разбираете. Вот вам на мысль это и приходит. А ведь тексты Св. Писания суть силы. Я помню: покойный Осип Алексеевич* часто мне твердил: «Псалтырь читай!» — Тогда я дивился этому, а уже гораздо после убедился в пользе того. В Псалмах говорит и Бог, и кающийся грешник, и нередко оба в соединении!

Сергей Николаевич. — В том же Псалме, пророк просит Бога: «*духом Владычным утверди мя. Научу беззаконные путем Твоим*». — Стало он просил Владычественного духа, для научения беззаконных путям Божиим?

Руф Сем. — Точно так! И первый человек, сказано, поставлен был в раю *делати и хранити* (Быт. 2, 15), то есть служить очищению и охранять натуру от зла, которое сталося после падения Люцифера с его полчищем. Так известно нам, что великие есть приставы и хранители и над сим миром, мужи, достигшие в сей жизни совершенства первоизданного. Им поручено бодрствуя охранять от зла, гораздо большего, нежели при творении (при втором творении, или шестодневном) оставшегося и проч.**

* Иосиф Алексеевич Поздеев, корифей второго, по Новикове, Братства, в домике которого остался мудрый слепец Руф Семенович и проходили эти беседы, — умер года за четыре пред сим.

** Ici, cher Ami, Руф Семенович faisait allusion à ce que le *chaos*, dans lequel la première création matérielle (celle du premier verset de la Bible) était *tombé*, devenu *informe*, et *ténébreux* par suite de la chute des anges <...> L'apôtre saint

Руф Сем. — Часто говорят: «*собраться с силами*». А это значит: помолиться; а без молитвы никакого доброго дела не должно начинаться.

Враждующую волю нашу нельзя иначе назвать, как *сущий* диавол, ибо *идет против Бога*. И *сей род*, — говорит Спаситель, — *изгоняется токмо молитвою и постом...* А разум-то наш старается угождать воле. Изволь попробовать во всем поступать против воли, — то она так взбунтуется, что потребен уже подвиг, дабы устоять. Ну, как устоишь, то она присмирет и умрет. Тогда на место ее дастся другая воля. А если уступит, то и труды твои все пропадут.

Сергей Николаевич. — Много случаев представляется, дабы поступать против воли; но все считаешь их безделицами.

Р. С. — Для того и безделицами, чтобы ничего не делать. Ведь мы весьма материальны и ленивы.

Сергей Николаевич. — Осип Алексеевич в одном письме объяснил, что лень от тяжести, тяжесть от грубой материи, а грубая материя — от нечистоты.

Р. С. — Весьма хорошо, что вы это помните. — Чем более исполняем нечистых пожеланий нашей воли, тем более облакаемся в материальность.

Сергей Николаевич. — Я замечал в себе: когда случится быть в рассеянии, или в излишнем увеселении, то совесть тотчас упрекает, и тогда взойдешь в себя и ко всему делаешься равнодушным.

Jude nous dit⁹⁴: «*ангелов же, не соблюдавших своего начальствования и оставивших свое жилище, Бог узлами мрака связал*» (Иуд. 1, 6). А потом, Бог извлек пенный свет из хаоса Люциферьянского, сказано: «*Повелел Бог свету паки воссияти из тьмы*». И шестодневное творение было все отделением чистого от нечистого, и вновь сотворенный мир поручен был уже Адаму...

Р. С. — Если б совесть наша была очищена Спасителем, то, конечно, служила бы Ему орудием. Вот, дух мира сего есть тоже орудие: здесь, в мире, все ему подчинено; он, по Божию попущению, и веселит, и печалит, наделяет всем и всего лишает. Но прикосновенный к учению Божественной Премудрости находится под особым правлением, и уже дух мира сего, или судьба, не имеет над таким человеком влияния.

Человек запер собою, т. е. своим падением, всю натуру, да и сам заперт он так, что ни вверх, ни вниз не идет, и принес бы все в жертву своим идолам, которые суть его страсти. А получая благая чрез натуру, не воздает благодарения Богу.

В Евангельской притче о сеятеле, упоминается о доброй земле, которая произращает обильный плод. Но прежде того исчислены три рода дурной земли: до доброй земли не скоро доберешься (Мф. 13, 3–9). Наше дело состоит в том, чтобы приготавливать нашу землю и очищать оную от терния, и возделывать не ослабевая. Повиновение ее умягчить, а безмолвное внимание к высшим влияниям привлечет добрые семена. — Земля наша, сердечная, делается магнитом, который будет привлекать оные. У одного пророка сказано: «Распахивайте поле новое и не сейте между терния» (Иерем. 4, 3).

В Евангелии говорится о трех сатех муки, в которые жена положила закваску и поставила, пока все вскиснет (Мф. 13, 33). Тут говорится великая тайна. Так и мы, принимая с благоговением Слово Божие, и сами не знаем*, что в нас происходит; однако это семя растет. Мужик посеет, да спит, а семя между тем невидимо как вырастает; но вырастают также и плевелы, которые враг во время сна посеивает, и для того-то должно всегда бодрствовать.

* По благому и мудрому Промыслу, от человека скрывается духовное егоращение, для того, чтобы он не возгордился. Мы и растем, да не знаем того, потому что лишь только узнает человек, что он в том-то сделался лучшим, тотчас это скрывается и отнимается от него.

Куда нам грустно пораздуматься, что такое великое множество людей высоких перешло в тот мир; это внешнего человека приводит в меланхолию. Особенно такие мысли приходят при виде кладбища, а кладбище называется «нивой Господней» (Gottes Acker), потому что в этой ниве посеяны семена, которые должны взойти. Вот, в притче о сеятеле, Спаситель изволил говорить, что вместе с добрым семенем возросли и плевелы, посеянные врагом во время сна людей. В здешнем мире также происхождение терния и будильнику уже не от светлого источника, но от тьмы^{*}: терния и волчцы суть следствия проклятия. Человеку надлежит бороться сначала с домашними своими врагами; иметь брань в малом мире (т. е. в себе); а когда управится с ними, то поставят в строй да заставят сражаться с врагами и в большой натуре.

Все узаконения гражданские и религиозные устремлены на волю человеческую; да и все неприятности, болезни и прочие случаи посылаются для того, чтобы покорить все воли Общей Воле. Это есть суд нашей воле; а пословица есть: «Своя воля и добра мужа портит». Вот тут нужно самопознание, ежели кто хочет приняться за исправление себя, тот начини ломаться с своею волею, — не тешь ее; — по мере того, как станет она околевать, станет открываться Общя Воля.

Для сопротивления своей воле потребно великое мужество^{**}.

Воля человека до падения была умна и сильна, потому что была согласна с волею Божиею... Но, по падении, стала она уже глупа и

^{*} Кн. Бытия III гл., ст. 17.

^{**} При этом вспомнился мне рассказ отца нашего, что когда у одного из посетителей бесед сих, спросил Руф Семенович (кажется, что у своего племянника, Александра Петровича Степанова, событиями потом отдаленного от Москвы и от друзей): *что вас к нам привлекает?* — то ответом был очень доволен: *«Меня, к вам, то привлекает, что в беседах ваших нахожу я обличение себя»*.

бессильна, так что данного ей в помощь: разума не слушает, а разум и чувства уже ей во всем прислуживают. Самолюбие во всем ей льстит; так каково человек успеваеt покорить свою волю, таков он и сам, потому что какова воля, таков и человек; и такое в светлом мире и место занимает; а степени бесчисленны; высшие степени называются уже «умами».

Есть у нас слух о всеобщем языке; ну, кто бы мог сказать, — что это за язык? В Св. Писании сказано, что до столпотворения Вавилонского все люди говорили одним языком и единокорно созидали столп. Но когда Бог смесил их языки, то и не стали разуметь друг друга и разбредлись врознь. — Примечательно, что в день Пятидесятницы, когда собрались вместе все, и апостол Петр стал говорить проповедь народу, то всякий понимал его на своем языке, хотя было тут племен с 18; то на каком же он говорил языке? Да тут апостолы были также в единокорности, — сказано там «и бе сердце едино» (Деян. 4, 32). А св. ап. Павел, в посл. Коринф. говорит, что он знает все языки. Тут же прибавлено еще, что он лучше желает пяти слов (1 Кор. 14, 18–19). — Какие же это, которые апостол предпочитает прочим?

Есть связующая оба мира, соединяющая земную жизнь с вечною, сила всех сил: это Имя Сына Божия! Блажен, кто в себе держит, в уме и сердце, это Имя, ибо нет иного имени под небесем, которым бы нам спастись (сказано в Деяниях Св. Ап<остолов>) (Деян. 4, 12). Пять словес — *Господи Иисусе Христе помилуй мя*, — привлекают к нам ангелов, отгоняют от нас бесов и наводимые на нас, от них и от духа мира и плоти, помыслы и мечты (отцами именуемые: «прилоги»). Так, пребывая в непрестанной молитве или «умном делании» о имени Спаса нашего, имеет истинный язык обоих миров.

Самоиспытание и рассуждение есть око души; аще чисто око, и весь человек, — «все тело» — светел будет. — А муж, творящий что без совета (Притч. XXV, 29), то есть не испытывающий самого себя и не входящий в себя для совета (с голосом Божиим: со-вестию), подобен городу без ограды

и потому разоряемому, что в него всякий, кто хочет, может входить и расхищать сокровище его.

Чем ты ничтожнее сам для себя, тем более начал быть; чем далее от самости своей, тем ближе к Богу.

<...> «В Священном Писании изображено, что мы по природе чада гнева есмы, и ежели хотим быть вечно блаженными, то должны сделаться чадами Любви, по тем правилам и примерам, которые в Евангелии преподаны: но может ли оное исполниться без труда, борения и дел, и столь скоро, как бы самость наша хотела, когда Сам Господь сказал: „Без Мене не можете ниче-со-же“ и уподобил в притче росту постоянного семени, и пр. Желая милости Божией вам и вашим любезным и пребуду с истинным усердием и почтением ваш покорнейший слуга Семен Гамалея* февраля 5 дня 1819 года».

Полезно припомнить о различии ветхого и нового рождения, говоря о времени призвания в мир сей, последовавшего для меня 8-го ноября 1829-го года, в Московском домике Комынинском, на самый праздник святого Архистратига Михаила и сил небесных. Я был вторым сыном родителей наших. — Духовный отец их (а впоследствии и мой) Симеон Иванович Соколов молился обо мне над колыбелью моей и благословил ее. Обрадованный рождению внука, дедушка Василий Дмитриевич помолился, чтобы Господь присоединил меня «к своему избранному стаду, породив

* Боголюбезный друг Николая Ивановича Новикова и Василия Алексеевича Лёвшина и других искренно искавших познать «Премудрость Божию тайную, сокровенную». Это письмо приведено как fac-simile к письмам Гамалея, изданным Курбатовым в 1836 г. — Любимая книга отца нашего, у коего и портрет был Гамалея (в малой рамочке).

меня водою и Духом». — Святое крещение освятило меня 13-го ноября того 1829-го года, в день св. Иоанна Златоустого. Восприемниками были дед наш Василий Дмитриевич Комынин и бабка наша Анна Александровна Арсеньева. (Няней мне дана была прибывшая из Лёвшинской Темряни Софья Ивановна Маркова, покойная; а кормилицей — покойная Дарья, из крестьян наших.)

Покровитель отца нашего с рождения, святой Иоанн Креститель, Предтеча Господень, сделался и моим покровителем (о чем имею два особые свидетельства в жизни моей, — одно: в принятии меня в Св. Общество, состоящее под патронатом Святого Иоанна Крестителя, что последовало 8-го мая 1850-го года, в деревенском уединении; а другое: в сбывшемся, рождением сына моего, Иоанна, обетовании, данном во сне мне, что родится у нас сын Иоанн). Не должен я забывать, что Предтеча — проповедник покаяния! Чувствую побуждение привести здесь читанное мне отцом 24 июня 1857-го года*, наверху родного дома, где я и принят был, за семь пред тем лет, — и откуда вид на церковь Преображения Господня — из рукописного сборника орденового, подаренного ему Сергеем Павловичем фон-Визиным, следующее. Это речь, некогда произнесенная в братском собрании на день Св. Иоанна Крестителя, но уже в одной из высших степеней ☉).

<...> *На рождество Святого Иоанна Крестителя*⁹⁵.

Нынешнее торжество паче всего напоминает нам о обращении нашем к Богу и приуготовлении себя к Его царствию: и для

* Через два почти года по кончине мамы навесил я отца в Горячкине, за три года до его кончины, — и мы назидались как друзья и духовные братья!

того весьма прилично будет, если мы, с помощью Божией, рассмотрим некоторые к тому нас руководствующие истины.

Бог есть истинный источник всякия жизни и всякого блага. Он, создав различных тварей, явил чрез то Божественные свойства свои, и Премудрость Его одарила каждую тварь пристойной мерой жизни и способностей, возвышение коих и улучшение зависит от Его Всемогущества и милосердия; но сие возвышение и усовершенствование тварей есть в то же время и полнейшее прославление и явление Божества Его. Свободные твари суть те, коим ваянная в них жизнь, со всеми способностями к ее распространению, дана в свободное употребление.

NB. Если воля, яко главнейшая пружина всех деяний свободной твари, будет добровольно погружаться в Бога, не исходя из-под Его правления, то она будет средством, чрез которое, яко чрез центр, польется чистейшая жизнь, — не только во всю тварь, но даже и вне ее, — и Бог полнее будет явлен. Сие погружение воли в Бога называется страдательностью твари и действием Бога; подобно как древо, коего корень погружен будучи в землю и, следовательно, прикосновен к целому земному шару, тянет из оного свойственную себе влагу, наполняющую его, и вынаруживая оную в листьях, в цветах и плодах, является во всей красоте своей; так и воля, будучи погружена в неизмеримую повсеместность Божию, наполняет всю тварь избытком жизни и красоты, разливая оные и вне ее; и если бы многие свободные твари восхотели погрузить воли свои в безмерную полноту Божию, — то в них всех прозеленела бы жизнь Божественная, и составилось бы из того райское, блаженное и Божественное царство или общество, как и ныне суть общества, кои наполняют небеса и славословят непрестанно Единого истинного Бога и

Творца всяческих, и в коих, без сомнения, несравненно с большею полнотою Божество явлено, ибо оне, так сказать, все утопают в безмерном океане Вседовольства Божия. Различие их красоты, кажется, должно зависеть от меры страдательности или погружения их воли в Господа: — так как и в здешнем мире все постепенно погружено в дух природы, и в котором субъект оный полнее явлен, тот и изящнее. К сему погружению воли, Бог свободную тварь не насилует, а иначе она не была бы свободна: следовательно, таковая тварь может и независимо от Бога действовать, то есть чрез единое Его попущение: попущение же не иное что есть, как Его страдательность в твари; ибо тварь, когда грешит, то силы, употребляемые ею к произведению сего действия, не суть ее собственные, понеже она не есть причина самой себе, но действует она во зло, употребляя дарованные ей от Бога силы; а оные ей даны не на грех, но на прославление Творца своего. Из этого видны и возможность злоупотребления величайших даров Божиих, посылаемых человеку на пути возрождения, так и нужда поставляет человека на опыт при всех сообщенных ему дарах, дабы он научился верности. И так, помыслим, что такое есть грех, и ужаснемся оного! — Чем более я грешу, тем менее бывает явлен Бог, — тем более я являю самого себя⁹⁶, выхожу из полноты Божеской, становлюся ограниченнее, слабее и безобразнее; подобно тому, как древо, не притягивающее коренной возможности, засыхает, гниет и истребляется. Здесь уместно, кажется, привести слова Св. Писания, что «всякое древо, не творящее доброго плода, отсекается и во огонь вметается...» (Лук. 3, 9) Но благость Божия и любовь к тварям своим толь велика, что и при самом грехе, находясь во твари страдательно, не перестает, однако ж, сию бунтующую тварь, обличая в ее святотатстве и неверности,

увещевать непрестанно к обращению, к погружению воли своей паки в Него. Сие-то увещание, именующееся толь различными именами, как то: укоризною совести, говорящим законом, судом и пр., — производит в нас внутреннее страдание, и толь часто, даже посреди самых буйных наших радостей причиняет скуку, от коей тщетно мы уйти стараемся; а хотя чрез рассеянность и убегаем в жизни сей, но в полной мере принуждены будем ощутить всю горечь ее в будущей.

Сии увещания Божеские или сей отеческий призыв имеет, некоторым образом, свои степени, соответственно коим он бывает слышим сильнее, или слабее, смотря по внутреннему состоянию твари и по мере того, сколь много или мало она обращена к Богу. Оборот ко внутренности своей, внимание гласу сему и терпеливое и покорное переносение содействующих тому промышлению Божию обстоятельств — есть шествие к покаянию; а безусловное покорение оному гласу, опорочивающему все наши распутные услаждения и вкушения от запрещенного плода, есть очищение. Се есть приуготовление к возрождению, за коим следует уже начало, продолжение и конец одного, даже до самого «совершилось»; ибо возрождение есть постепенное исхождение в нас Божества из страдательности в действие⁹⁷, а наше возвращение из действия в страдательность, поглощение ветхой жизни, умирание собственности и, наконец, потеряние себя в Боге и полное явление Божества Его. Постепенный же процесс одного возвращения называется: самоотвержением. Вот в теории те истины, которых силу мы можем дознать единою только практикою и коим полное и преизбыточное подтверждение мы можем найти в самом Евангелии, начинающемся проповедью Иоанновою⁹⁸, — гласом, вопиющим в пустыне и приуготовляющим путь Господень. Ибо

все убеждения, свидетельства и предварительные познания должны послужить нам средством к лучшему услышанию проповеди Иоанновой, а сей уже прямо укажет нам на истинного нашего Учителя и Спаса и Освятителя. И так, будем, при толь обильном путеводстве истинного училища Премудрости, приуготовляться к царствию Божию, чрез частое собирание рассеянных сил своих, при воззрении на дела Божии, толь непрестанно нам повсюду о Нем свидетельствующие. Будем просвещать разум наш предварительными познаниями истин, руководствующих нас к лучшей жизни, обращая их по всей возможности в деятельность. Просвещение сие нам необходимо нужно, — не для бесплодной хвастливости и утучнения пагубного самолюбия, толико противного Господу нашему и толь тягостного и для самой твари, начинающей, хотя несколько, чувствовать мерзость самолюбия, — но, паче, для отнятия всех возможных уверток и софизмов у ветхого человека, долженствующего умереть в нас.

Будем привыкать к созерцанию Божества во всех делах Его; и, в тихом погружении в самих себя, ближе приходить к услышанию гласа вопиющего в собственной пустыне нашей! Ибо внутренняя бедность наша от того только нам и не ощутительна, что мы, по несчастной нашей привычке к рассеянности, заглушаем чувства глада и тоски, которыми давно уже души наши мучатся.

Привыкая же к обращению в самих себя, гораздо лучше познаем и причины, в толикое просеяние нас ввергающие; — узнаем, говорю, мрачное, гладное наше основание, яко глубочайшее и неописанное несчастье, в котором находимся мы *от самого нашего рождения* и которое, изливаясь во все наши дела, покажет горькие плоды свои, ибо деятельность наша не иное что есть, как явление тех побуждений, коими сердце наше оживляется.

И так, да не страшимся погружаться в сию мрачность, чрез которую нас ведет ко Свету благотворная невидимая рука Божия; ибо сим только путем шествуя, можем мы достигнуть во внутреннее святилище Божие. Тогда-то уже живым образом и в полной мере удостоверимся в тех истинах, которым еще доньше научаемся только теоретически!

Тогда-то навывкшее в обращении сердце наше со всей полнотой и готовностью примет в себя идущее Царствие Божие и, облекшись в Правду Его, учинит нас и проводниками, как друг для друга, так и во внешнем мире. И притчи Господа нашего соделаются для нас ясными. Вот каких плодов от сего простого и искреннего искания мы ожидать должны. Да поможет нам в том Господь Бог Милосердием Своим, и да дарует нам благословение, мир и единство!

Всемогущий Боже! Привлеки нас к Себе неизреченной Премудростью Твоей! Просвети сладчайшим светом Твоим тьму нашу и даруй — во всем творении твоём узреть сокровенный свет, о Царстве Твоем возвещающий, дабы паче и паче возбудились в нас алкание и жажда познавать Тебя, любить всем сердцем и прославлять неизреченное милосердие Твое! Очисти склонность сердца нашего, дабы мы, проходя чрез милостивые дары Твои, час от часу становились бескорыстнее, и при свете Твоем, видя крайнюю худость нашу, не отчаивались в милости Твоей, и охотно предавались бы тому очищению, какое нужно нам для достижения к Тебе, первоначальному Источнику всякия чистоты и святости! Дабы мы толико возлюбили Правду Твою, чтоб всегда с радостью желали бы слышать оную, в нас глаголющую! Не попусти овладеть нам суете, и греху ложною и убийственною своею сладостью отравить сердца наши! Содей для нас все то горьким и болезненным, что

противно святой воле Твоей, и учини тройственность нашу: душу, дух и тело, способною к прославлению Божественного Троиинства Твоего, в честь и славу всесвятого Имени: Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа! Аминь!!!

Вот с какими чувствами пребывали наши дорогие дед и отец в то время, как впервые послышался мой колыбельный крик: призван я был, недостойный, родиться и развиваться в таком облагодетельствованном семействе и Братстве! И все мы призываемся к жизни в искупленный Спасителем нашим мир! — «Самих себя, и друг друга, и всю нашу жизнь Христу Богу и предадим!»

[В] Если современные нам, живые фотографии сохраняют пред нами не только формы предметов и выражения лиц, но и моменты движений, — то память о былом обладает способностью еще более живую, а при том находящуюся в полной зависимости от магии воли нашей, устремляющей взор души в давно прошедшее, насколько желает, соединяя настоящее с минувшим и сознавая единство своей личности, пред которой находится и будущее, но лишь скрывающееся под таинственной завесой (которую приподнимать и не желает предающееся Богу чувство надежды и покорности). — А милье образы присных наших, прошедших чрез совместную с нами жизнь и, хотя удалившихся от нас на расстояния, неподлежащие физическому измерению, но сохранивших *связующие* их с нами *линии*, подобно лучам отдаленных светил, до нас достигающих: — эти образы живы и даже дышат любовью, взаимною с нами...

Не говори, что их уже нет, —

Но с благодарностью, что были!⁹⁹ —

Вот комната милой матери, вторая из коридора, казавшегося нам каким-то таинственным входом во все важное и хорошее. Простота убранства маленького апартаamenta трогательно выражала равнодушие ко внешнему, за исключением поэтического значения некоторых вещей, — например, ангела, задумавшегося, за письменным столиком, на котором было писано немало живительных писем, немало стихов, отзвучивавших внутреннее пение души, слышавшей мелодии мира ангельского и гармонировавшей с небесной музыкой духов, предстоящих пред престолом Божиим.

Есть голос внутренний, глубокий,
Который, как пустынный глас,
На покаянья путь высокий
Зовет и привлекает нас!

Но этот голос, — в шуме света,
Молчит, за шумом суеты!
Так, эха горнего ответа
Не слышно нам среди толпы;

Войдем в себя, уединимся
В пустыне внутренней, — в тиши,
И там с Единым съединимся,
В ком мир и отдых для души!

Ему в затишье сердце внемлет,
Расслышав Его зов в скорбях,
Его внушенья вновь приемлет!..
Вот голос совести в душах!..

У итальянского окна читалось Евангелие, и говаривала милая читательница, что, до молитвы и чтения Слова Божия, она не любила отворять окна, — «Точно душу выпустить скитаться», — говорила она об этом.

Смиранный молитвенный столик, покрытый салфеткой, стоял в углу у коридорной двери, — так мало она для себя требовала, что ничего никогда не просила переделать или уютнее устроить. Эта душа, «не имевшая зде пребывающего града, но грядущего желавшая». Маленькое распятие в бронзовой, черненой рамке находится у меня, с согласия милого брата, бывшего горячкинского хозяина. На столике лежала Псалтырь <...>, а в ней — записанная мной, для нее, по ее желанию, молитва *девятого* часа, которой она восхищалась («Владыка Господи Иисусе Христе! Боже наш! Долготерпивый о наших прегрешениях...» и пр.).

<...> Все было изящно в этой комнате; простота здесь неразлучна была со вкусом и поэзией. Веночек из серого меху окружал семейку незабудок. Арфа и плющ, портреты и книги. Избранная библиотечка наполняла шкаф одного стиля с туалетом, находившимся в соседней комнате, и с зеркальными шкафами, стоящими в гостиной, наполненными коллекциями раковин и минералов, древностями и произведениями нового искусства. На письменном столике раскрытая книга: «*Méditations poétiques*»¹⁰⁰ и недоконченное стихотворение... Карандашом написанные первые строфы ожидали вдохновения для продолжения поэтического полета над всем земным...

[С] ...Резеда* сливала свой аромат с запахами сена, косимого в саду, и с испарениями земли, проникнутой первыми лучами солнца, воссиявшими 29-го июня 1845^м года. Ароматы утра возносились одновременно с духовным фимиамом утренней молитвы... Молилась мать! Молитва ее, смиренная и пламенная, проникала

* Смиранный цветочек, любимый моею матерью, всегда был на клумбах пред ее окнами. Она любила запах резеды и жасмина, также ландышей.

небо: она молилась о детях, она прикасалась к ногам Спасителя и приносила Ему жертву, Ему благоугодную, — в самопреданности. Тишина была в раю души ее, тишина была и в природе. Потом повеял ветерок из рощи еловой и принес на крыльях своих запах леса и трав чрез открытое итальянское окно в родную комнату. — Кисейная занавесь, разделявшая эту комнату на две части, приподнялась, и ручка нежная, изящно удлиненная, с жилками, сквозившими сквозь нервную ладонь, взяла со столика Псалтырь. Из-за колыхавшейся, от ветерка, занавеси, тихий, сердечный голос слышится: *«Благословен Ты, Господи! Научи меня уставам Твоим... — Душа моя повержена в прах, — оживи меня по слову Твоему!.. — Руки Твои сотворили меня и устроили меня, — вразуми меня, и научусь заповедям Твоим. — ...Исповедается душа моя о спасении Твоем; уповаю на слово Твое... — Оно — светильник ноге моей и свет стезе моей!.. — Вымыслов человеческих ненавижу, а закон Твой люблю. — Ты покров мой, и щит мой! На Слово Твое уповаю. Удалитесь от меня беззаконные, и буду хранить заповеди Бога моего! Укрепи меня по слову Твоему, и буду жить; не посрами меня в надежде моей...»* (Пс. 118, 12, 25, 73, 81, 105, 113–116) — Голос замолк. Окриленная душа еще молилась в тишине. Потом возвысился голос, полный священного благоговения: *«Да не смущается сердце ваше. Веруйте в Бога и в Меня веруйте. В дому Отца Моего обители многи суть...»* (Иоан. 14, 1–2) — Слезы читавшей оросили страницу Евангелия. Молитва за умершего ее отца соединилась с глубоким размышлением о произнесенных словах жизни... Мамаша почтала потом § из книги: *«Надпись на Кресте Господа нашего Иисуса Христа»*^{*101}.

* Теперь подаренной милому Ваничке, как благословение от нее.

Звоночек серебристый. — «Софья! Позови детей...»

[С] Меня позвал гулять добрый, почтенный наш гувернер Monsieur Рауен, Александр Иванович, старый наполеоновский воин, бывший с ним во всех кампаниях, участвовавший и в сражении Бородинском <...> и оставшийся в плену в России в 1812-м году. (Благочестивый старец окончил жизнь в доме нашем, в 1851-м году).

Пред прогулкой пошел я здороваться к моей матери и отнес к ней дневник свой, который писал по ее совету, так, что в одной части тетради вносил я наблюдения над собой, — исповедь поведения своего, а мать, в конце недели, писала там свои чудные педагогические замечания для меня о поведении моем; а в другой части записывал все интересное, что мне удавалось узнавать, преимущественно из физики, меня интересовавшей, в «беседах отца с детьми» (Mr Azaïs), также из книг Pascault: «Les quatre saisons de l'année»¹⁰². — Однако я больше любил исторические сочинения, *рыцарские* времена, потом *Наполеона I-го*, — и проч. — Образчиком такой познавательной части дневника служила мне книжка экстрактов, писанная матерью моею в молодости ее, с эпитафией, ею сочиненным к тому в следующих, столь симпатичных выражениях. «Sagesse d'autrui» называла она ту свою тетрадку, а эпитафией служили стишки «Цветок Премудрости святой...» <...>

[В] Ее симпатии всегда оставались к Тёсову, дому отчому, и при ее направлении символическом, заимствованном ею от отца, теософа и мистика, она уподобляла удаление из Тёсова — странствие души, вышедшей из дома отчего вечного и туда стремящейся

возвратиться. Эту мысль она выразила и в двух маленьких поэмах («Психея, новая Душенька» и «Слепорожденный»¹⁰³), а также имела мысль такую и при ее переводе Бюнианова «Путешествия странника к блаженной вечности»¹⁰⁴. Тёсово нас и не забывало. Часто приезжал дорогой дед к любимой своей дочери, для которой и был выстроен им (почти совсем по плану Гагаринского дома под Новинским в Москве) симпатичный Горячкинский дом, с простертыми, как объятия, боковыми галереями, из котор<ых> одна включала в себе милый кабинет отца в «Боскетной», где я проводил с отцом часы утренних важных чтений, давшие мне направление; а бывало брат Николай, идя гулять, говорил: «Ну, Васю ведут читать».

Тут съезжались и соседи, и Можайский диакон (отвечавший [В] на все вопросы с этой формой, которую он считал верхом приличия: «С позволения сказать»). Приезжали и чудачки, вроде покойного Александра Петровича Лайкевича, qui était un peu timbré¹⁰⁵, и говорившего, например, мне басенки в роде этой: «Английский розан упал на английскую солому, и она заблагоухала...» Или, — что он опоздал к обеду потому, что по большой дороге его ухватывали за волосы все пиковые дамы и вaletы, что мол иногда и дома случается у стен. Или, на вопрос: «Что же так давно его не было видно в Горячкине?» (а он был предобрый, приятный человек) — отвечал: «Вот извольте видеть, Надежда Васильевна, — я боялся Адамского оскудения» (probablement il voulait dire¹⁰⁶: «как бы не надоест»).

Милая наша мать была глубоко любима друзьями, каковы были: Александра Александровна Замятнина (соседка), Маргарита Михайловна Тучкова (впоследствии мать Мария, игуменья основанного ею монастыря на Бородинском Семёновском редуте,

где был убит муж ее в великом сражении гигантском de la Moskowa); Юлия Самойловна Колесова, госпожа Аргамакова в Москве (сестра Верецагиной, о замечательном религиозном сомнамбулизме которой сохранился журнал); София Дмитриевна Алексеева (бывшая вдова Дмитрия Васильевича Комынина), госпожа Фон-Визина (жена гроссмейстера масонов Сергея Павловича), а также ее дочь¹⁰⁷; — словом, кто ни узнавал нашу дорогую мать по ее симпатичной прямоте и задушевности, привязывался к ней на всю жизнь. Не красотой лица, а умным и добрым взором и верностью в дружбе привлекала она сочувствие душ.

Библиотечка ее состояла из немногих, избранных книг. Она любила сочинения Madame Guyon, — и можно сказать, что весь ее характер, смиренный и внимавший Богу, был образчиком практикования de la doctrine de l'abandon! Любила она творения Шекспира, любила стихотворения Жуковского, имевшие решительное влияние на образование вкуса ее и поэтического ее таланта; любила книги, «рекомендованные» отцом ее и бывшие у нас настольными (Новиковские издания); помню у нее «Полярную Звезду» (Рылеева); много читала по-английски и знала всю французскую литературу, а журнал: «Revue étrangère» имел в ней подписчицу столь же пристальную, как ты, [брат Дмитрий,] читающий эти странички, есть почти юбилейный подписчик, de fondation¹⁰⁸, журнала «Revue des deux mondes».

(Еще мысленно видим шкаф из красного дерева у окна к двору; а в комнате рядом и ее большой туалет красного дерева.)

Характер отца нашего был больше сангвинический, чувствительный, восприимчивый чрезвычайно к познанию истин (его нота-бене в книгах свидетельствуют о его глубокомыслии); он

был и весел характером во время нашего детства, и нам памятливы еще его веселые шуточки-сюрпризы с князем Сергеем Андреевичем Друцким, которого изумление и легкое негодование, весьма невинного свойства, до слез отца смешило. Два смешные анекдотца сюда просятся. — У деда нашего было до 200 человек дворовых; а старик Друцкой жил и в Тёсове у Василия Дмитриевича; вот отец и подучил нескольких дворовых идти к князю с кренделями, говоря, что они — именинники, — а им надо было давать на именины полтинники. Князь допрашивает: «Каких же нынче святых-с? Что это такое-с? Как же это все нынче именинники-с?» — В это время слышится из-за ширм несдержавшийся смех отца, и князь кричит: «Ах, это все Сергей Николаевичевы штуки-с! Пошли вон-с, все!» — А другой анекдотец, — что в соседстве, в Красновидове, у дружной с нашей матерью Ольги Дмитриевны Аникеевой (рожденной княж. Горчаковой)¹⁰⁹ жил старичок, которого фамилии не помню, а похож он был на старого маркиза. Он, приезжая в Горячкино, просил дать ему романчик на прочтение; вот ему раз и дал отец: «Последний новик», Загоскина, — и он осенью отвез книгу с признательностью. Но на следующее лето, — отец и говорит ему, что нового ничего нет, а «Последний новик» он ведь читал. — Но тот говорит отцу, что «никогда не читал этого». Тогда отец дает ему опять «Последний новик»; и это повторялось из года в год, — столь был размягчен читатель.

Переносится мысль моя теперь в отцовскую комнату, «боскетную»: стены, расписанные тою же кистью, которой расписаны стены в родном Тёсове, метрополии Горячкина, — изображают лес. Между написанными деревьями в одном месте изображены

грибы, на которые часто смотрели мы в детстве, всегда жалея, что в этот нарисованный лес войти нельзя и тех грибочков сорвать не можем. Лесенка, изображающая каменную развалину, ведущая в «боскетную», сама по себе уже приводила в восторг детей, любящих декорации. Но и теперь это ребяческое чувство, видно, не прошло; ибо я описал стены комнаты прежде ее содержания. А в боскетной комнате, на камине, — мертвая голова, с надписью: «Memento mori». А в углу комнаты изображение *Жизни*, себя дающей: «И познася има в преломлении хлеба...» * (Лук. 24, 35)

У письменного стола сидит отец мой... Глубокая дума отражается на его высоком челе и на его умных устах. — Он читает книгу, озаглавленную: «Рассуждение об ислении и сожжении всех вещей, по чудесам оного в *царстве природы и благодати*, относительно к большому миру и малому миру (человеку), яко ключ, которым отверзается путь к *усовершенствованию*, обнажается *сокровенное* в тварях, и основательно познается *просветление смертного тела*». — Эпиграфы: Иоан. XII, 27 и II Петр. III, 10.

В раскрытом пред отцом Евангелии подчеркнуты слова: «Проповедите Евангелие — всей твари» (Марк. XVI, 15). — Настольные книги «О познании самого себя», Иоанна Месона — «Об истинном Христианстве», Иоанна Арда — и «О последовании Христу», Фомы Кемпийского. — Также лежат книги: «*La voie de la Science Divine*», par Law. Précédée de: «*La voix qui crie dans le désert*», par Lodoïk¹¹⁰, и: «*Tableau naturel des rapports qui existent entre Dieu, l'homme et la nature*», par le Philosophe Inconnu¹¹¹. — Над столом — картины на стене: *Тай-*

* Этот образ, нарисованный акварелью, работы покойного брата моей матери, Дмитрия Васильевича Комынина, отца Marie Комыниной.

ная Вечера, с Леонарда Винчи, Иоанн Креститель, в пустыне, и Иоанн Богослов, и еще гравюрка, изображающая Св. Симеона Богоприимца, читающего Св. Писание. Под ими портреты: маленький, в рамочке красного дерева в квадратный вершок: — Семен Иванович Гамалея, автор «Писем», напечатанных Петром Александровичем Курбатовым^{*}; один том этих замечательных «Писем» раскрыт на окне боскетной, у оставленной недопитою чашки чаю, — и карандашом только что отмечены слова:

«В священном Писании изображено, что мы, по природе, чада гнева есмы, но призваны в царство Любви Сына Божия. Так о сем всяк из нас должен наипаче заботиться, и примечать: в чем растет — в духе, или во плоти? Во свете или во тме? А по смерти поздно уже будет думать об оном. Понеже к чему воля устремлена и прилеплена, — к Богу, или ко твари, — с тем и будет человек, ибо то есть сокровище его...»

Другие портреты: один смотрит оживленными глазами, лице серьезное, учительское^{**}. Другой, — изображенный с закрытыми слепотою глазами, взирает как-то всем выражением благоговейно-мыслящего лица^{***}. Под этим портретом приколоты бумажка с четверостишием А. М. Зилова, служащим и эпитафиею Руфу Семеновичу Степанову (в Андрониевом монастыре погребенному,

^{*} О покойном Петре Александровиче можно сказать, что он был в полном смысле слова: «весь любовь». — Ю. Н. Бартнев назвал его: «воплощенная мелодия».

^{**} Первый — покойного Николая Александровича Головина, имевшего самое благотворное влияние на отца моего, как и на многих друзей. Переводчик Руководства к благочестивой жизни, St François de Sales и многих других книг, могущих служить к истинному просвещению.

^{***} Другой — покойного Руфа Семеновича Степанова.

близь деда моего Василия Дмитриевича Комьнина, друга его о Господе, и близь друзей их: Богопросвещеннейшего Иосифа Алексеевича Поздеева, Николая Александровича Головина, Алексея Иосифовича Поздеева и других друзей):

«Он жил, *вседневно* умирая,
И умер так, чтоб вечно жить;
Был слеп, но, в лучший мир взирая,
Умел страдать, молчать, любить».

Отец мой рассказывал мне о благотворном влиянии Николая Александровича Головина на него, — многое, вместе с передачею мне многих драгоценных преданий о плеяде чад Премудрости, сиявших в отечестве нашем в первой четверти [XIX] столетия, направление которых представляет истинное согласие света Благодати, света природы и света разума, а нравственность которых есть *соединительная линия* между религией и гражданским законом*. — Душа моя влюбилась в направление этих людей, и с отроческих лет стремилась к ним, к учению Премудрости...

Желтенькие шкафчики**, ясеневые, заключали избраннейшие книги... Самые заглавия их воспламеняли во мне любовь к Божией Премудрости, к направлению центральному... Но ключик от шкафов не давался мне, я скорбел об этом; но то была мудрая экономия в раздавании, строгая бережливость в отношении света

* Этому выражению хорошим объяснением служит выписка на странице 115-й сего мемориала¹¹².

** Со сфинксами, бывшими прежде в кабинете моего деда Василия Дмитриевича [Комьнина], которые и теперь стоят у меня на эти шкафчиках, побывавших и в Лицее Серези.

истинного просвещения, — то есть благоразумие отца моего не давало мне книг иначе, как в строгой постепенности; и таким образом становилось мне понятным, что сердце необработанное подобно *дикому камню*, который еще не годится в строение святыни, о которой высказано во второй главе первого послания Св. Ап. Петра, в стихах 4^м, 5^м, 6^м, 7^м.

Оригинальность всегда производила на отца сильное впечатление [В] а эпоха масонства, в которой прошли его лучшие года, обильную пищу давала мыслям и воображению. Книгами отца я восхищался, увлекался, и знал их почти все; сознаюсь, что и любил без спросу читать их, — а может быть, это была благонамеренная хитрость отца: *en les mettant à ma portée dans son cabinet*¹¹³.

Не останавливаясь на неимевшей большого для нас значения [В] обстановке соседской (разве только что припомнив о добрейшей Авдотье Васильевне Благодаровой*, о первом моем гувернере или «тепи»¹¹⁴ Дерримане (недолго и бывшем, — был он добрый юноша, с которым я научился несколько английскому языку), о Юлии Филипповне и Юлии Ивановне, двух сиротах, призренных бабушкой, предоброй Анной Васильевной, и выданных замуж, — одна за Евграфа Сергеевича Жаркова¹¹⁵, зрителя

* Помещица, владевшая семнадцатью крестьянами сельца Грязь, которыми она правила добродушно, снисходительно собирая с них оброк, жившая в домике в роде Гоголевских старосветских помещиков, где одна дверь, что в спальную, визжала дишкантом, а дверь в переднюю — басом; имела восхищавший нас фруктовый садик и угощавшая нас превосходным вареньем, часто гостившая у родителей наших и рассказывавшая им свои чисто детские сновидения. Младенец душой! Погребена у церкви Горячкинской, где и бабушка, Лёвшина. Мир их памяти!

Можайского уездного училища *, а другая за немца Фаренколя, гувернера воспитывавшегося у деда Алеши Пасхина), — перейдем к воспоминанию о милом нашем гувернере Александре Ивановиче Рауеп и о милом нашем друге князе Иване Сергеевиче Друцком.

[В] Князь Иван Сергеевич Друцкой был родной племянник второй жены дедушки Комьнина, Анны Васильевны, так как и его мать, княгиня Варвара Васильевна, была урожденная Тутолмина (сестры почетного опекуна Ивана Васильевича Тутолмина, имевшего как-то одно время и портфель Министра Внутренних Дел, но напугавшего, и потом жившего в Москве, с Андреевской лентой). Князь Иван был симпатичнее брата своего, женатого на Кропоткиной, а Иван Сергеевич был влюблен в Софью Дмитриевну, вдову Дмитрия Васильевича Комьнина; но по возвращении из какой-то командировки, князь Иван узнает от матери нашей, очень с ним дружной, что Софья Дмитриевна помолвлена за Н. И. Алексева ¹¹⁶; князь Иван остолбенел на полчаса, смотря в окно; а когда пришел в себя, то у него оказался седой вихор вместо бывшего черного. Он, в сущности, и провздыхал во всю жизнь, и хотя в него влюблялись, — например, одна его кузина, Аграфена Ивановна Сабурова, но это разошлось. Часто кн. Иван гащивал у родителей наших еще и при жизни его родителей — князя Сергея Андреевича (с карамельками и собачками) в Тёсове.

* Евграф Сергеевич был принят в первые степени масонства и ездил наиздасть в Тёсово и в Горячкино, читал хорошие книги и списывал орденские трактаты с уважением. О нем анекдоты о печати, подаренной ему прадедом нашим Василием Алексеевичем Лёвшиным с буквами: «Ер. Ж^м», и о вопросе Николая Коробьина: «Граф (Евграф) Сергееиче, вы — человек?» — «Да, душенька, я человек». — «То как же вы здесь сидите, а не в передней?» (А он был грубо одет).

Но для меня самое интересное в сношениях с ним было время, когда он сблизился с нами с духовной стороны, хаживал ежедневно к батюшке Семену Ивановичу [Соколову] на Покровку, записывал его беседы и вступил в братство наше. Пред тем присутствовал он на моем бракосочетании, как и милый мой брат Дмитрий, в Красном, в 1852 году.

Главное же, что не должно выходить из памяти сердечной о Друцком, — это ежедневные его молитвы поименно за всех нас за литургией; он бывал часто у обедни в церкви Св. Николая Явленного в Москве, на Арбате, где в это время священствовал божественный по смирению и благочестию Павел Игнатъевич Беневоленский¹¹⁷, из друзей отца нашего, — тот иерей Христов, который готовил к смерти покойного Дмитрия Васильевича Хвостова¹¹⁸. — И раз в алтаре там находясь, князь Иван, поклонясь одновременно с священнодействовавшим пред Святыми Дарами, приподнявшись, увидел на дискосе — Богомладенца. Видев это, он пал ниц; а после обедни, когда сказал об этом священнодействовавшему, то Павел Игнатъевич сказал ему: «Вы это видели, но сохраните это в тайне. Это бывает!»

Князь Иван Сергеевич последние года жизни своей провел в Троицкой Сергиевой Лавре, живя в Старой гостинице и посещая ежедневно св. мощи и церковные службы; и раз, приложась к мощам и иконам, на коленях скончался блаженной кончиной, у иконы Св. Одигитрии — скончался с закрытыми глазами, что необыкновенно, — а он всегда закрывал глаза свои, когда умилялся; и так он отдал в умиления душу Богу! <...>

Полетаю на крыльях воспоминаний. — Я упоминал о гувер- [С]
нере нашем, почтенном и добром *Mr Payer*. Далеко он был от

язычества, хотя и носил имя: *рауен*¹¹⁹. Он был человек тепло верующий и не угасивший светильника своего в бурях жизни. А видел он много бурь. — Еще в младенчестве видел он ужасы первой Французской революции <...>.

Мг. Рауен был воином Наполеона, гусаром корпуса Даву; участвовал во всех Наполеоновских кампаниях, кроме Испанской и Египетской, — так как открывшаяся в Египте чума заставила воротить со Средиземного моря суда, на которых везли войска. — В одном замке в Германии Мг Рауен был ранен пикой казака, сбросившего его с лошади, при чем спасен был Мг Рауен благодаря тому, что пика встретила грудную кость. — В битве под Бородиным он тоже участвовал, а во время отступления французов Мг. Рауен был взят в плен, или лучше сказать спасен от морозной смерти <...> распоряжением какого-то генерала Богданова, приказавшего мерзлых французов завернуть в навоз и рогожи, <...> что и избавило их от смерти или отморожения членов. Потом Мг. Рауен был в Саратове учителем детей этого генерала Богданова¹²⁰, о котором он всегда вспоминал с благодарностью. — Преданность старого воина к своему бывшему Императору, — *pour le petit caporal*¹²¹, — была так сильна, что когда по заключении мира (по взятии нашими войсками Парижа) предложено было всем находившимся в плену французам и другим воинам «великой армии» возвратиться на родину, то Мг. Рауен не захотел воспользоваться этим потому, что Наполеон уже не царствовал, а в подданные к Людовику XVIII Мг. Рауен идти не хотел.

[В] Воспоминания *разветвляются*, там, где судьба каждого из детей семьи начинает идти по отдельному направлению. Образчиком

таких записок могут служить превосходные, нравственно изящные, личные воспоминания твои, милый, возлюбленный брат и единственный друг [Д. С. Арсеньев]; которые прошу тебя сообщать мне, и они будут и во мне вызывать свои отголоски, поскольку Богу будет угодно продлить для нас свет солнца жизни <...>.

[М-г Рауен] сделался русским подданным; и был пред поступлением к нам преподавателем французского языка, в Московской губернской гимназии (при Акулове¹²², которому государь Николай Павлович говорил: «Акулов, я не спрашиваю у тебя, что делается у тебя в гимназии, потому что ты этого не знаешь»). — К нам поступил он в 1838 году, когда было мне 8 лет, и провел у нас весь остаток многотрудных дней своих. — <...> Бывший гусаром корпуса маршала Даву <...>, храбрый, как Duguesclin¹²³, прямодушный и несколько бурливый, — Monsieur Рауен был глубоко религиозен, и нам памятно, как он, уложив нас спать на ночь и загоротив свечки картоном, сперва читал, а потом становился на молитву и трогательно, тихо молился с поднятыми к небу руками. (Много видел на своем веку этот человек, еще пяти лет от роду видевший, как вели на казнь Шарлотту Кордэй и заставляли девиц осыпать цветами труп Марата, — не только в Париже заставила Директория¹²⁴ возить другие трупы, изображавшие Марата же и цветами осыпать.) В славнейших сражениях был Мг. Рауен, — например, при Иене, Аустерлице, Прейсиш-Эйлау, Ваграме, Боцене, Бородине наконец. Можно себе представить его чувство при виде Бородинского поля, где он узнавал место редутов и пр. — Замечательно, что он, хотя благоговел пред памятью Наполеона до того, что не мог без слезы смотреть на его изображения, но тщательно воздерживался от увлечения своих воспитанников этим чувством; и лишь по свойственной впечатлительным

детям экзальтации, во мне, по реакции его уклонению от рассказов, развилась, было, платоническая страсть к личности Наполеона I. Припоминаю, что милая мать, желая направить мою впечатлительность так, чтобы я без резону не увлекался, — сказала мне: «Я позволю тебе любить Наполеона, если ты мне напишешь, какие причины ты к тому найдешь». — Разумеется, что я стал в тупик с исканием причин, для русских. А дедушка очень не любил Наполеона, потому что после 1812-го года богатство его бывшее убавилось на половину, так как у помещиков до половины крестьян разбежалось и без вести пропали.

За молитвенным уголком (*prie Dieu*¹²⁵) Mr. Payen ухаживал брат Дмитрий, ставя ему на autel¹²⁶ букеты из цветов; но когда было много возни с этим, Mr Payen сердился, хотя и называл иногда «Mitinka — mon sacristain...»¹²⁷ <...>

[С] Во все время нашего домашнего воспитания мы ежедневно, утром и вечером, видели его усердную молитву, и это производило на нас глубокое впечатление. У него был уголок, устроенный на манер алтаря католического; мы убирали ему этот столик, треугольный, цветами и гравюрами; он по воскресеньям в деревне зажигал свечи и читал молитвы литургии Римской. Однако много раз бывал он и в церкви нашей, говоря: «Le bon Dieu est partout...»¹²⁸ Характером был он очень добродушный, несколько вспыльчивый, но сдержанный; любил читать, ходя по комнате или саду.

Избегал экзальтировать нас рассказами о Наполеоне, но любовь к M^r. Payen и к Наполеону росли неразлучно, до поступления моего, в 1842-м году, в Училище правоведения, когда и братьев моих, Николая и Дмитрия, отдали родители одновременно в Морской кадетский корпус, то M^r. Payen посвятил себя всецело

брату нашему младшему, Александру * и до того к нему привязался, что Sachinka овладел им до деспотизма, свойственного детям несколько балованным; и, по его желанию, М^т. Рауен читал и перечитывал ему вслух одни и те же книги: так, *Le Robinson Suisse*¹²⁹ был прочитан Саше нашим старым другом четыре раза сряду, по крайней мере. — В бытность покойных родителей моих в Петербурге, М^т. Рауен познакомился с ревностными католиками Фольнезичем, очень достойным человеком, акварельным портретистом, желавшим руки девицы Гречь, которую он обратил в католичество, — и с библиотекарем или книгопродавцем при католической церкви Св. Екатерины г-м Hainglaise, которые очень полюбили его, но несколько экзальтировали его в том смысле, что сузили отчасти его широкое религиозное чувство, уговорив его не посещать наших церквей. Впрочем, доброе основание не испортилось; видно, оно было «вырыто глубоко». При том, Фольнезич был чрезвычайно нравственный человек, а это справляло и его нетерпимость ультрамонтанскую; а Hainglaise был очень образованный католик, и столь преданный церкви своей, что почти разорился, не допуская в свою книжную торговлю ни одной книги не религиозной и не католической; у него видел я богатейшее собрание апологетических писаний о религии. Добрые эти друзья нашего милого М^т Рауен пели гимны духовные пред картинами и транспарантами, которые устраивались в квартире Folnesitch'a. Он делал портреты наши — и единственно сохранившийся портрет Monsieur Рауен, с братом моим Александром на коленях его сидящим, — портрет, находящийся у брата моего Дмитрия <...>. — Благодарнейшая, бескорыстная личность был наш добрый Mr. Рауен!

* В 1842-м году, 13-го ноября, умер братец мой маленький Лёвинька, четырех лет от роду, — очень умный был.

- [В] День кончины его был 21-го февраля [1851 года].
Он скончался у нас в доме, и мне привелось присутствовать при кончине праведника, молившегося: «O mon Créateur! Prenez-moi! Prenez-moi <...> dans Votre sein!»¹³⁰
- [В] Погребли мы друга на Введенских горах, в Москве. При его кончине был достойный аббат Кодер, искалеченный разбойниками на Ходынском поле, когда ехал причащать больных солдат.
На Введенских горах поставили камень с его [Mr. Payen] именем и надписью: «La famille Arsenieff à leur ami, Monsieur Alexandre Payen»¹³¹. Мир душе твоей, добрый, верный друг нашего детства! «Блаженни, их же избрал и приял еси Господи!»
- [В] — В 1839 году император Николай Павлович совершил воспоминательные, битвы Бородинской, маневры, на которые собрано было 160 тысяч войска и в том числе несколько полков императорской гвардии. Имение покойных родителей наших, находившееся в 6 верстах от Бородинского поля, гостеприимно принимало, также как и Тёсово, военных гостей, а сёла и деревни были полны солдат. Нашему другу, Monsieur Payen, это оживило впечатления Бородинского сражения, в котором он в 1812 году участвовал, и задумывался он при виде находимых в земле Бородинской ядр, картечи, пуль, пуговиц, штыков и т. п. Памятник, поставленный на Шевардинском редуте, с иконой Спаса нерукотворного, и надписью: «В нем спасение» — был освящен в присутствии государя и остававшихся в живых сподвижников Кутузова и при игуменьи Марии Тучковой*. У подножия

* Которая после была, в 1841 году, восприемницей государыни цесаревны Марии Александровны при переходе ее в православие¹³².

памятника положен был перевезенный из калужского имения прах князя Багратиона, павшего в Бородинском сражении.

Впечатления наши детские, полученные от вида военных эволюций, — были, понятно, сильные, в особенности при виде государя на коне своем, окруженного блестящей свитой и прибывшими иностранными посланцами на знаменитые маневры. Движение целых полков по горам и долинам было зрелищем, превывавшем обыкновенные разводы, нами когда-либо виденные; а нас одели родители в форменные военные шинельки, застегнутые, — и все это говорило воображению, и мы думали, что нас возьмут в корпус. — Покойная сестра Геня, имев тогда от роду лет 5, не отходила от военных посетителей, а угощения, им делаемые, были хлебосольством не мало стойким, и в сущности не имевшим и цели, а состояние родителей скорее требовало сбережений; впрочем, такое было тогда время, что дворянство не знало состояния своего, никто почти не обращал никакого внимания на свои бюджеты, и бывали увлечения бесплатные (вроде дорогой игрушки — модели домика с утварью, на которой разорился Нащокин¹³³).

Замечательно, что мы, дети, имели какое-то верное ощущение нерасположения ко всему тому, что вводило в наш мирный быт что-либо новое и чуждое. Дети вообще живут в идиллии. Для них все предметы, окружающие их, персонифицируются и делаются как бы говорящими: не удивились бы, кажется, дети, если бы из любимых ими роц показались бы какие-нибудь нимфы, или дриады. А прелесть наших роц была для нас каким-то родным чувством: Антошкинский лес («Antoschki» où nous allions «chercher des rigi» (рыжики) comme disait le bon Mt Payen¹³⁴) был нам мил всякой полянкой, всякой перспективой своей и казался каким-то святилищем, как леса для друидов; извивавшаяся же между

деревьями и кустиками прелестная речка *Воиновка* (приток боевой Колочи), как бы манившая нас вверх по течению к хутору Четверти (где всегда мы угощались цельным, чудным молоком, душистым черным хлебом и медом), приводила нас в восторг, — право, не из-за меду, а восхитительным ландшафтом.

Говорил еще более нашему воображению дремучий лес «Колгановка», находившийся подальше и начинавшийся за дорожным леском, а лежащий за кладбищем. Там была подобная лесу в Фрейшютце¹³⁵, называвшаяся именно «Волчьей долиной» среди леса, в которой нас очень занимала волчарня, то есть такая плетеная западня или лабиринтная ловушка для волков, которая имела вот какой неглубокий план: то есть: в запертой ротондочке¹³⁶ <...> сажали овцу, бляевшую от ужаса; а волк, войдя во входец, <...> бывало, и *застрянет*; а нам объясняли, что волк не может повернуться изгибом тела, почему и оставался в теснине, до поимки. Обилие грибов (боровиков в особенности) Колгановских было колоссальное, а к воспоминанию о таких прогулках присоединяли мы самые фантастические приключения, при чем у нас, подобно сказкам Гофмана, действительное и вымышленное сливались и перепутывались. В уборной, мы, в известные моменты, удивляли своими рассказами слугу, — Семена Лашина.

Более мирные прелести представлял для нас нелегко доступный грунтовой сарай со шпанскими вишнями; но мы завидовали воробьям, которые угораздивались клевать несколько вишен и сквозь натянутую сетку; а нас не иначе угощали вишнями, как на балконе, когда вишни, сливы, персики, клубника и проч. приносили бывали родителям.

Зато в полное наше распоряжение предоставлены гряды с клубникой, кружовником, смородиной и целые клумбы с малиной;

и тут желания наши погружаться «в лоно природы» не были стесняемы никакими пределами, не исключая и пределов благо-разумия; а когда за нами присылали, то и тут не легко было нас оттуда извлечь. Впрочем, вознаграждаемы были мы и напитком *hydromel*, который казался нектаром олимпийцев. Помещичий день вмещал много угощений... <...>

В числе предметов, говоривших детскому воображению, был остров, искусственно сделанный среди запруженной реки Войновки, овальный, обсаженный тополями, реченными, пахучими, и мало доступный и тогда, когда к нему можно было подъехать плотиком. Прелесть малоизвестного была столь сильна, что и гораздо позднее, когда прошли детские года, и обмелел и пруд, — вступить на наш, как нам казалось, древний остров было привлекательно и соединено со странным впечатлением и вопросом себе: как жили бы мы тут, — не подобно ли Адаму и Еве? Неподалеку оттуда другой был *мирок* золотого века нашего, а именно беседка среди шумящих вершинами елей и пред ней кучи песку, в которых дети устраивали горки, гроты, прудики. (Картинка: маленький прелестный Митинька, налив воды в ямку песочной горки, макает туда кусочек хлеба, при чем няня его оттаскивает.)

За камнем серым (престранной формы) была сажелка, внушавшая нам уважение, потому что мы видели человеческий труд при ее изрытии, и помнили находку там допотопного дуба, — из которого, как теперь делают из искусственно зачерненного («мореного») дуба, отец заказал столяру Дмитрию (пойманному после скитания по монастырям, как он говорил) — делать шкатулки и разные орнаменты. <...> А беседка оправдала предо мной свою таинственность, ибо 24-го июня отец, празднуя день рождения своего, среди дня, уклоняясь от гостей, брал меня и Евграфа

Сергеевича [Жаркова] с собой в беседку, и запершись, читали, из актов орденских, ученическое принятие, в честь Св. Иоанна Крестителя, как покровителя Свободных Каменщиков.

В Тёсовском саду были также беседки, из которых в одной, бывшей в самой глубине сада, собирались друзья деда Василия Дмитриевича читать и беседовать с ним; и тайны их были не политические, а из рода тех тайн, о которых сказано в одном из псалмов: «Тайна Господня — боящимся Его, и завет Свой открывает Он им» (Пс. 24,14).

А в другой беседке, не имевшей стенок, а лишь колонны, и из которой был вид на Москву-реку, — собиралось общество светское, то есть приезжавшие во множестве гости. Для них дедушка имел и другую бытовую грань, а именно — садился с ними играть в вист* и занимал их духовой музыкой, певчими, даже театром, на котором играли дворовые люди (хотя последнего мы уже не застали, так как после кончины сына, Дмитрия Васильевича, дед уничтожил свой театр, оставя только музыкантов). — Покойная мать рассказывала о том театре, что, например, когда играли «Горе от ума», то актер, дворовый Василий Ушаков, изображавший Скалозуба, произносил, как ему понималось, — вместо слов: «Москва — дистанция огромного размера» — так: «Москва — не станция!»

* Очень памятный партнер: соседка тёсовская, жившая близ Апарина (деревни твоей [Д. С. Арсеньева] кормилицы), Фиона Николаевна Неелова, в огромном чепце; помню, что она своей дочке, вышедшей из Института, сказала: «Annette, allez parler avec la moine»¹³⁷ — то есть, чтобы могла занять приехавшую туда монахиню.

Подобно тому, как синеюшая даль соединяет в один план [С] предметы, находящиеся на значительном расстоянии друг от друга, и делает из отдаленных местностей одну, как бы нераздельную местность, в картине, — так и в объективе сердечной памяти моей гармоническое сочетание Тёсова с Темрянью рисует вместе и в одной картине два благословенные быта родные, составлявшие задушевную легенду моей милой матери. Частые пребывания и мои в Тёсове*, и двукратное в жизни моей посещение Темряни дают основу краткому, но полному для меня сердечной прелести, изображению этих двух оазисов благодатных, в которых росла и развивалась дочь Василия Дмитриевича и Евгении Васильевны Комыниных Надежда, родившаяся 17-го сентября 1805-го года и с детства порученная благочестивым отцом благочестивому семейству деда ее — Василия Алексеевича Лёвшина; и когда моя мать лишилась матери своей, вверена была специально почтенной своей тетушке, девице Надежде Васильевне Лёвшиной (впоследствии окончившей земную жизнь в доме родителей моих, в 1851^м году).

Но перелетим теперь в Тёсово.

Мы поворачиваем с большой Смоленской дороги (на которой в 1812-м году шел Наполеон с полчищами своими, после битвы гигантской под Бородиным, здесь находящимся, — битвы, надломившей крылья хищного и гордого орла), — поворачиваем влево, на дорогу, усаженную на семь верст ракетами, совершенно

* Кажется, и с Тёсовым случается то же, что случилось и с Красным, и с Темрянью: и оно идеализировалось, поднялось в мыслях моих над землею. Вчера [1879] у Горяиновых слышал я от бывшей соседки Тёсова, г-жи Казаковой, что Тёсово продается! А Темрянь давно в чужих руках.

так, как наша Благодатненская аллея; проезжаем чрез деревню Опарино, принадлежащую к огромному имению деда моего, и приезжаем в грандиозное село Тёсово, очень похожее на село Отраду фигурой старинного, каменного, высокого дома, которого стены так толсты, что каждая амбразура окна в полсажени; этажа три построены, однако, довольно нестройно: в нижнем этаже, во всех направлениях корридоры, на сводах, вмещающие то кладовые темные и погреба, то, со стороны сада, несколько жилых комнат. Балконы на обе стороны, с которых чудный вид: с одной стороны на гору, по которой раскинулось село с красными крышками, крытыми красной черепицей^{*}; ближе к дому — великолепная, очень большая церковь во имя св. Димитрия Солунского, усыпальница рода Комыниных, и возле которой погребен и мой старший братец: Ипполит (он жил всего 6 месяцев, а я родился уже вторым); влево от церкви — большие пруды в роде Пресненских, с островами и извилистыми дорожками и тенистыми клумбами по горе к селу; вправо — дома дворовых (этого люда было при Тёсовском доме до 200 человек и более; из них были всякого рода свои ремесленники, между прочими и музыканты, и актёры домашнего театра, что немало содействовало к соединению всего общества соседей и городских жителей Можайска и Рузы под кровом деда моего, тогдашнего Можайского уездного предводителя дворянства); а балкон, обращенный к Москве-реке, над которою дом возвышался на нагорной стороне, показывал чудный вид на низменный противоположный берег реки и даль, верст на

^{*} Как умно строили тогда: помещик выстроил все избы из кирпича и покрыл все черепицей, — гореть бывало нечему. А милости к крестьянам делали их счастливыми, без эмансипации!

тридцать. В две стороны от дома шли цветники и очень старинные липовые аллеи, в сторону же западную — огромный парк, самого разнообразного характера, с многочисленными беседками и статуями. Un château dans toute la force de terme, presque une abbaye¹³⁸, ибо многие из комнат были мрачны и соединены какими-то странными лесенками.

Тёсовская гостиная была расписана фресками au bistre, изображавшими виды Тиволи, дворцов, ландшафтов (и может статься, и теперь еще это есть в древнем доме, переходящем, как слышал я, в военное ведомство, с садом и землей, для полигона. Попробую набросать на следующей странице одно из тех фресковых изображений гостиной Тёсовской¹³⁹). — А рядом с гостиной — огромная зала в два света, высокая, расписанная музыкальными эмблемами, и в ней висели две люстры из хрустальных камешков (люстры, подобные находящимся во дворце в Павловске, а также видел я таковые и в Гатчинском дворце).

А боскетная в Тёсовском доме нам казалась страшной, так как она была темная, освещенная лишь внутренним окном из другой комнаты (в которой при том читали Псалтырь по умершем князе); а вела боскетная темной же лестницей на верхний этаж чрезвычайно странный, так как там комнаты были расположены какими-то уступами и при том были иные низки, другие высоки, очень запущены и похожи на комнаты старого замка с привидениями, о которых, впрочем, и слухи были, положим, глупые, но на детское воображение чрезвычайно действовавшие.

<...> Возле нее — бильярдная, окна которой были на Московецкий балкон; темная спальня с балдахином между колоннами и винтообразной лестницей вверх в другой комнате, темной же; а в сад — миленькая комната, расписанная полосами [С]

зелеными и букетами сирени, а возле нее — большая светлая гостиная, с окнами в парк, и на церковную площадь; эта гостиная вся расписана видами аль-фреско бистрою в роде en seria; до сих пор вижу и помню, что изображает каждая стена (например, за главным диваном — развалины водопровода, водопад, на скалах беседка греческая ротондой, даль); по бокам камина — два портрета Императоров Александра I-го и Николая I-го, поясные, а в углу — большое распятие, из литого серебра (которого не тронули даже неприятели, ограбившие дом в 1812-м году; но впоследствии опекуны Марьи Дмитриевны, моей кузины, гг. Р<аевски>е, превзошли французов и не уважили неприкосновенности Тёсовского). Из гостиной входим в грандиозную залу, в два света, то есть составленную из двух этажей. Она расписана лирами, барабанами, оружием, площадями, разными эмблемами, на фоне под розовый мрамор, а с высоты спущены были две мостры из множества призм и миндалеобразных, связанных между собою хрусталиков, об обладании которыми дети, мы, всегда мечтали. Нам, детям, эта зала, по высоте и объему, казалась миром, — и в ней мы бегали до бесконечности, пока не наступило время нашего ученья. Тут в одно семейство слиты были и по крови родные: мы, Коробьины, Машенька Комынина. В зале этой была древняя икона св. Иоанна Крестителя, написанная в большом размере, как поясной портрет, — и стояли часы Нортонa, в башеннообразном футляре, у двери в гостиную.

К зале примыкала розовая комнатка для гостей (которых многих помещали и в верхнем этаже), и упомянутая боскетная, и буфет, и переход в комнаты родителей моих, и на парадную лестницу с двумя спусками. Кабинет дедушки был внизу, к Москворецкой стороне сада, — окруженный почтением, как некое святилище.

А древний дом имел еще и подвалы, вроде катакомб, и был [В] очень старинный, каких теперь и не строят. — В саду же было много бюстов мифологических, что, также, придавало и саду отчасти фантастический вид, в особенности вечером и при лунном освещении.

Близ Тёсова, на берегу Москвы-реки, находился, на крутом берегу, красивый лес, называемый Васильевским; у подножия же горы была песочная мель, на которой мы собирали тончайший Москворецкий песок, раковинки и камни блестящие (дресва), а также и камешки, дающие розовую краску, которые мы называли мылом. А про лес были рассказы, что там водились лешие, и что один, там охотившийся человек слышал громкий хохот, по направлению которого повалилась целая полоса деревьев. Но, вероятно, это был простой бурелом, и хохотом показался ему треск, а может быть и громовые удары. Местность эта, по молве, имела кое-где клады, ибо этот уезд, ближайший к Смоленской губернии, был часто театром сражений и проходным местом преследований, при чем могли нередко быть зарываемы клады. — Раз к покойному деду пришли какие-то иностранцы, прося позволения рыть под его кухней, и может быть и срыть ее, обещая ему половину клада; но он не согласился и, не расспрашивая их, прогнал. А у города Можайска случилось иное. На горе за Можайском показывали нам три сосны, под которыми такие авантюриеры нашли большой самовар с золотыми монетами, обманув помещика, искавшего, по их указанию, клад в другом месте (а он сперва не согласился делиться с ними, если найдет).

Против Тёсовского берега находилась, на низком берегу, деревня Халдеева, чрез которую мы приезжали вброд чрез Москву-реку в мелкое время; вот один из средневековых способов переезда,

когда ни мостов, ни железных дорог не было. О Халдееве помню анекдот, — что раз кто-то предлагал дедушке взять билет на тогдашнюю лотерею польскую, но он не согласился, говоря, что он уже раз выиграл в лотерею, то есть когда родился в Тёсове, а не в Халдееве.

Когда бывала гроза и гром, он становился на молитву. После грозы раз говорит ему один из Лёвшиных: «Ну, Василий Дмитриевич, — каков-то был *выговорец?*» (разумея о сильном громе). Дедушка одобрил это выражение.

Сфера Тёсовская была важная...

[С] Расскажу что-нибудь смешное. Когда мне было лет пять, слышав из какого-то разговора больших, что, когда вешают (казнят повешением), то делается апоплексический удар, и от того и смерть. Я пошел гулять с гостями, из которых некоторые, проходя пред амбаром, где были большие весы для сена, сказали: «Зайдемте вешаться?» (Они хотели сказать — свешать, кто из нас тяжелее). А мне показалось, что будут вешать, нас казнить. Когда предложили и мне идти, то я зарыдал, а на вопрос, — «что со мною, отчего я вдруг заплакал?» — я, плача, отвечал, что «ведь когда вешаются, то смерть от удара...» Общій смех, — и стали мне говорить: «Прощай, прощай, Васинька, — в самом деле конец пришел...»

Я вспомнил об этом, увидав у Горяиновых госпожу Казакову, виденную мной в Тёсове в детстве, в описанное в сем смешном анекдоте время...

С семи до девяти лет я восторгался рыцарством, и мечтал постоянно о рыцарях, — до того, что до слез сожалел, что не застал рыцарей, что родился не в их время и не участвовал в Крестовых походах. Зато с алчностью собирал я все возможные сведения о них из книг и рассказов, с картинок и даже из сатири-

ческого сочинения Дон Кихот. Я от души сочувствовал этому достойному гидадьго, и насмешки автора над ним принимал в смысле несправедливых нападков, и ни мало не охлаждался тем в моем рыцарском энтузиазме. Благородные правила рыцарей пленяли меня, но, по правде сказать, не менее, если не более, пленялся я их доспехами, — все рисовал рыцарские латы, шлемы, щиты, оружие, мантии крестоносцев и знамена. Все эти мечты стремились к осуществлению своему в наружности, к выполнению в действительности, хотя бы театральной: получив изображение рыцарского арсенала, попросил я повара нашего, умевшего картонировать (он был кондитер), — склеить мне латы из картона и шлем, и оклеить их серебряной бумагой.

Долго, долго (мне казалось вечность) кроил он и прилаживал, примерял и ошибался: выходило то смешно, то неуклюже, — наконец, стройно и верно. Не было дня без нескольких вопросов повару — *скоро ли* будут готовы доспехи? Повар, занятый и печением хлебов и сухарей, не мог скоро справиться с моим вооружением, и я томился, как Дон Кихот до открытия de l'armet de Mambriñ ¹⁴⁰. Но, о счастье! Я, наконец, в латах и шлеме! Читайте рыцарский роман (весь из подвигов самых гигантских, из цикла Карла Великого): «*Les quatre fils d'Aymon*» ¹⁴¹ — и все это живет с восьмилетним витязем. Но теперь настало время вооружения рыцаря... Приезжают соседи наши из Красновидова: приятельница моей матери Ольга Дмитриевна Аникеева (рожденная к<няжна> Горчакова) и дочь ее — Александрина, лет двадцати тогда, а рыцарю было 8 лет*. Юный рыцарь избирает

* Обе давно уже скончались. О<льга> Д<митриевна> была теткой княжны Елены Сергеевны Горчаковой ¹⁴².

последнюю «дамой своих мыслей» (сохраняю галлицизм свой). Она соглашается, и обещает сделать *шарф* рыцарю и приехать на вооружение рыцаря, на его *veillée d'armes*¹⁴³.

Томится душа рыцаря или кандидата на рыцарство. О, когда наступит день вооружения? Что же не едет *la dame de mes pensées*? О жестокая! Ты не внемлешь тоске давно готового к вступлению при содействии твоём. Между тем избирается девиз: *Полярная Звезда*, с надписью: «*Unique!*»¹⁴⁴ Уроки страдают... Добрый Monsieur Rayen ворчит: «*Parce que vous n'avez que les chevaliers en tête, Monsieur Basile*»¹⁴⁵. А мне и в этом выговоре нравится, что идет дело о рыцарстве... Не таково ли сердце человеческое во всех мечтах своих? Одна история!..

Наконец приезжает Дульцинея. Накануне Monsieur Basile собирался провести всю ночь без сна, под оружием, с мечем своим деревянным; но добрый Monsieur Rayen рассердился и не позволил, угрожая, что скажет à *Madame votre mere*¹⁴⁶. — Страх, что, пожалуй, запретят всю церемонию, предположенную на другой день, заставил покориться; и во сне совершилась *la veillée d'armes* еще лучше, нежели на яву. Снилось кандидату, что сам Байр ударяет его по плечу и вооружает рыцарем... Просыпаюсь от приятнейшего волнения. Свет луны тихо сияет в комнате, отражаясь, — о счастье, — на серебристых латах моих. Итак, то не сон — я завтра буду рыцарем в самом деле... Утро. Солнце взошло. Но что-то не встают! Слышится храпение доброго Monsieur Rayen. Выглядываю из постельки: спят крепко и братцы: Коко и Митя. — Часы безжалостно, не сочувствуя моему нетерпению, мерно, степенно постукивают — «тик-так». Не вставая, — не сплю и думаю о сказанном накануне мне «мамашей». — Мать, во всем имевшая целью пользу детей, обратила все мое

рыцарское предприятие к цели педагогической. Она имела со мной разговор, о котором я и думал: условием позволения «быть рыцарем» поставила она соблюдение рыцарских правил, которые она резюмировала тогда в неизменной искренности с нею и доброты с братьями. Она же и упросила Аникеевых de se prêter à la cérémonie¹⁴⁷. — Наступает желанная минута. В Горячкинской гостиной все собрались. Посредине преклонил колена «рыцарь». Дама его надевает на него *шарф* (голубой, с серебряной бахромой...), с улыбкой, вполне ободрительной к рыцарским добродетелям; а старый воин М^r Рауен мечом ударяет меня по плечу, говоря: «Je vous arme chevalier»¹⁴⁸.

Прошли первые дни рыцарства. Все идет благополучно. Классные занятия превосходны. Дневником моим довольна мать. Я рыцарь. Мать, обняв меня, говорит: «Когда вырастешь, будешь истинным рыцарем, если будешь на страже своего сердца, воевать с пороками, которые притесняют все доброе. Ты и маленький, лет четырех, все о рыцарях говорил, — ходил по детской и провозглашал о себе: „Я льщаль добел и умен“. А на самом деле посмотрим еще, что будет. Остерегайся самонадеянности».

Недели через три собирались мы в Красновидово к Аникеевым. В это утро придумал рыцарь отвезти гостинец своей даме, а la dame de ses pensées — и решил, что отвезет ей «Les quatre fils d'Aumon»; но ничего не сказал об этом намерении матери своей. Вдруг в Красновидове рыцарь, к удивлению матери, вынимает спрятанные книжечки «Les 4 fils d'Aumon» — и подносит Mlle Alexandrine, при восторженных словах: «А la dame de mes pensées!» — Мама строго на меня посмотрела, не сказав ничего. Дорогой я оттолкнул от себя моего брата, слишком близко наклонившегося ко мне смотреть бывшую у меня картинку... По

возвращении домой, рыцаря зовут: «Пожалуйте к мамá вниз». — Не забуду я разговора дорогой матери моей. «Васинька! Что ты обещал мне? Где же твои намерения? Сохранил ли ты обещанную мне искренность при поступке твоём с книгами, о которых ты не сказал мне, что желал бы отвезти их à Mademoiselle Alexandrine? Нехорошо ты поступил против меня, — именно в том, что сделал это потихоньку. Разбери себя: с каким побуждением сделал ты так? Почему не спросил совета моего, и все прятал книжечки от меня в дороге? — Подумай. — Ещё ты от себя оттолкнул брата твоего. Вспомни, как обещал ты обращаться с ним? Где же добрые чувства? Где же твои обещания? — Вспомни, кто первый согрешивший против брата своего! А то чувство твое, которое толкнуло брата, — не есть ли одинаковое с Каином чувство? — Ты молчишь и плачешь: тебе должно много работать над собой, друг мой! — А теперь я скажу тебе о твоём рыцарстве: вышло, что одни мечты о рыцарстве тебе нравились, а правила ты не соблюдаешь! Итак, я не позволяю тебе уже быть рыцарем. — Tu es un chevalier dégradé!»¹⁴⁹

Прошло более сорока лет... И мать моя в вечности давно... А слова ее слышатся мне, и я ещё чувствую всю правду их...

[A] В 1842-м году родители мои поехали с нами (мною, Николаем и Дмитрием) в Петербург, поместить нас в Училище. Я выдержал экзамен в Уч<илище> правоведения, а братцы — в Морской кадетский корпус, после чего родители наши возвратились в Москву. В тяжкой разлуке с ними я находил единственную нравственную поддержку в письмах <...>.

Привожу себе на память — как тяжело было мне, и братьям, в разлуке с родителями и сестрой, не говоря уже об ужасном

контрасте между сферой семейного гнезда, в столь раннем возрасте нами оставленного, и суровым бытом школьным, с товарищами дикими и несимпатичными. Я искал поддержки в книге Фомы Кемпийского, подаренной мне воспитателем детства моего, М^r Рауен, и все подчеркивал в ней находимое обильно, утешительное и возвышающее чувства. (Сохранился тот экземпляр — свидетель скорби одиннадцатилетнего.) Стон души моей выразился, в то время, и в стихах (списанных матерью моей из писем моих — сгоревших) <...>.

О том же состоянии души моей было выражено мной в письме моем к любимой и почитаемой бабушке: (тетке моей матери) Надежде Васильевне Лёвшиной <...>.

Вскоре после этого последовала кончина возлюбленного моего деда (25 ноября [1842 г.], чрез несколько дней по смерти моего четырехлетнего брата, — Лёвеньки), о чем, узнав, я так плакал, что добрый директор Семен Антонович Пошман¹⁵⁰, чтивший моего деда издавна, предложил, чтобы я провел дня два в училищном лазарете, а не в классе <...>.

Московский дом нашего деда [В. Д. Комынина], при кото- [В] ром жили мы в садовом его флигеле, существует до сих пор, но от прежнего его вида сохранилась лишь столь любимая нами, детьми, полукруглая гостиная с диваном такой же формы. Прочее и переделано, и принадлежит чужим людям... «Преходит образ мира сего» (1 Кор. 7, 31), — говаривали родители о доме и быте отчем, после кончины деда нашего Василия Дмитриевича, последовавшей в 1842-м году, когда мы были уже помещены в казенные заведения в Петербурге. Кончина дедушки была высоко-христианская; сама наша мать, при ней присутствовавшая, уподобляла ее какому-то духовному торжеству.

Знав о признаках своей кончины по таинственному сбывшемуся сну, о котором говорили мы уже, — дедушка имел столь мужественное состояние души, что своеручно записал в альбомчик (в котором имел он обычай записывать замечательные сны в его жизни), что сбылось предсказание. Вместе с тем рано утром послал он просить священника со святыми дарами, исповедался и приобщился; а лишь после этого позволил послать за доктором; впрочем, сказал: «Что вы ни делайте, это ни к чему не поведет», — и прибавил, делая рукой знак прощального поцелуя: «J'ai pris mon passeport!..»¹⁵¹ — Тихо он отходил в агонии, сидя в кресле, иногда как бы отмахивая рукой что-то; благословлял мать нашу неоднократно и говорил ей интимные слова. А иногда слышались тихие молитвы, или выражения в роде этого: «Вот тут-то устоя!»

На надгробном камне деда нашего в Андрониеве монастыре рука его друга, Петра Александровича Курбатова, свободным распоряжением дружбы святой, изобразила Псаломские слова: «Благословит Господь о боящихся Его, о надеющихся на милость Его» (Пс. 146, 11).

Кончина его воспоследовала 25-го ноября упомянутого года, предваренная за 13 дней смертью брата нашего Лёвиньки. Лёвинька четырех лет был и одарен был не по возрасту; а в день своей кончины подошел к матери и пристально на нее и долго смотрел, так что она, удивляясь, сказала ему: «Что ты на меня так смотришь, Лёвочка?» — А он отвечал загадочно: «Смотрю, мамаша, да смотрю!» — У него сделались конвульсии и воспаление мозга, — и его не стало. Вот, и к нему отнесем сказанное матерью нашей о водительстве детей в той жизни Крестителем Иоанном!

Беспокойство родителей о нас было сильное, и они нуждались [А] в утешении. В виду этого, написала к ним письмо родственница отца моего (внучатая), княжна Клеопатра Михайловна Шаховская¹⁵², — обо мне (от 13-го ноября 1842 г.) <...>.

Нежные, полные пламенной заботы о нас письма родителей подкрепляли наши сердца посреди труднейшего для нас первого школьного времени. Но, для сильнейшего утешения нашего, к рождественским праздникам приехал в Петербург повидаться с нами и успокоить мать нашу, возлюбленную и скорбевшую, отец, и (остановясь в гостинице «Париж», — тогдашней, на Морской) — взял нас к себе на праздники <...>.

После этого не долго и продолжалась наша разлука: родители переехали в Петербург, дабы с нами быть, и провели в Петербурге года два. Поэтому наша корреспонденция собственно началась в последующих годах, за исключением кратких отсуствий. Вспоминаю, какое благотворное влияние начал, до их приезда, производить на религиозное мое чувство незабвенный училищный священник и законоучитель наш, покойный Михаил Измайлович Богословский¹⁵³, которому обязан я много! Его одухотворенное церковное служение наполняло душу мою несказанным утешением при училищных скорбях моих и возводило мои мысли к христианским истинам. Его объяснения нам чтений Евангелия и Апостола, всякое воскресенье пред литургией, делали меня внимательным к читаемому в Церкви. Его превосходные лекции по ветхозаветной истории были увлекательны, до того, что мне случалось уступать пирожки товарищам для замена мной посещения ими тех уроков. Его ученость, соединенная с высоким благочестием и приятностью в обращении, производили на меня особое впечатление. Его педагогическое влияние было благотворно <...>.

Желанное [свидание] исполнилось к Рождеству 1843 года, которое встретили мы с возлюбленными родителями, сестрой и младшим братом и с другом нашим Monsieur Payen. Праздники провели у нас и двоюродные братья мои — Коробьины. Приятны были сношения с директором училища Семеном Антоновичем Пошманом, вспоминая дружески о прежних посещениях села Тёсова и расположении к нему покойного моего деда — Василия Дмитриевича и семьи.

Отец в Петербурге тогда свиделся с некоторыми друзьями своими, с которыми имел он, в 1824-м году, назидательные сношения.

Петербургское утешительное пребывание моих родителей с нами продолжалось более двух лет; а по возвращении их в Москву, — возобновилась наша письменная корреспонденция, — которая составляет другой цикл воспоминаний; так что я заканчиваю настоящие маленькие Мемуары здесь, увещанием себя «помянуть наставников моих, иже глаголаша мне Слово Божие», — носить в сердце моем чувства благодарности к благодетельным влияниям на меня моих родителей и возлюбленной жены моей, а взирая на святое скончание их жительства, желать подражать вере их!!

Господь наш Иисус Христос вчера и днесь Тойжде и во веки!

Самих себя, и друг друга, и всю нашу жизнь, отныне, Ему предадим!!!

[A] *Краткий обзор годов учения*

По окончании курса в Училище правоведения, в которое вступил я в 1842-м году, на 12-м году жизни, — и где, среди сферы,

чуждой мне, я был поддерживаем благотворным влиянием родительских ко мне писем и впечатлениями, производимыми на меня священником, законоучителем того Училища, покойным Михаилом Измайловичем Богословским, а также достойнейшим покойным первым директором Училища правоведения, Семеном Антоновичем Пошманом, — возвратился я, по выпуске, в июне 1849 года, в родную Москву, в благотворную сферу моих родителей.

Обращу последний воспоминательный, благодарный взгляд на незабвенного основателя Училища правоведения, покойного принца Петра Георгиевича Ольденбургского¹⁵⁴, которого ощущал я благодетельную любовь. Он любил воспитанников своего Училища отечески и принимал к сердцу все встречавшиеся в быте заведения трудности, а также оказывал всякое покровительство бывшим воспитанникам, по окончании ими курса и при поступлении их на службу. Я имел и особый случай испытать и то и другое. А директор Семен Антонович Пошман был человек превосходного направления, благочестивый, культурный, любитель изящных искусств (он имел и сам замечательную картинную галерею, в которой находились и замечательные картины прерафаэлитов, а также Гольбейна, Аннибала Карраччи, Рюисдаля, Вувермана и много мастеров фламандской и испанской школ). Он был дружен с Федором Ивановичем Прянишниковым¹⁵⁵ (другом князя Александра Николаевича Голицына, бывшего министра духовных дел и вместе и народного просвещения). К воспитанникам Училища Пошман относился с отеческой горячностью и деятельно заботился о нравственном нашем благе, а также и принимал в дальнейшей судьбе воспитанников теплое участие: хлопотал за них и не терял их из виду; но, к прискорбию, скончался в 1848 году. Быв, по вероисповеданию, католик, он чтил и любил православную

церковь, был очень дружен с нашим законоучителем Михаилом Измайловичем и принимал самое деятельное участие в обновлении в Училище правоведения домово́й церкви. С православною женою и с сестрою, реформаткою, он центрально назидался общим их семейным чтением книг И. Арнда: Об истинном христианстве.

Другим благодарным воспоминанием о времени моего училищного петербургского пребывания должно быть знакомство с почтеннейшею Юлиею Самойловною Колесовою (урожденною Волкланевскою). Она была почитательницей моей покойной матери, зная ее с молодости. Юлия Самойловна, по кончине мужа своего, проходила чрез тяжкие лишения, при которых дать воспитание двум сыновьям своим было подвигом ее жизни. (Один из них был отличным учеником Училища правоведения, другой офицером, окончившим курс в Военной академии.) Юлия Самойловна была высоко религиозна, а при центральности ее религиозного чувства она постоянно молилась в церкви православной, хотя, по вероисповеданию, была реформатка. В составе же семьи ее были пожилая сестра, Данилова, и друг семьи, няня их Мария Ивановна, прошедшая с Юлиею Самойловною чрез величайшие трудности жизни, — душа, полная христианских добродетелей. Колесовы брали нас по воскресеньям и праздникам из Училища и Корпуса к себе и были к нам очень добры; а Марья Ивановна, читавшая духовные книги, за которые принимался и я, содействовала развитию религиозного во мне чувства, уже поддерживавшего меня в Училище, при моей грусти о родителях, с которыми разлучило меня поступление в Училище.

Родители мои, после того, провели в Петербурге года с два, к великому для меня и братьев моих утешению и к нравственной

пользе нашей; но, по обстоятельствам имения, вынуждены были опять с нами расстаться.

С благодарностью должен я вспомнить и о семействе Шаховских, — о добрейших княжнах, сестрах князя Валентина Михайловича¹⁵⁶, и о жене его Софье Гавриловне (урожденной графине Модён)¹⁵⁷; мы ходили к ним на все праздничные дни.

Возвращение в Москву и родительский дом в 1849 году

По окончании училищного курса и поступлении на службу в Московский Сенат (младшим помощником секретаря), — возвращен был я в сферу любви родителей моих, и ожил в ней душою: как бы новую жизнь сердцу и разуму дали мне: дружба с матерью моею и сближение с отцом, которого направление духовное все более и более привлекало меня, а начиналось это еще и в мои училищные года. Встретила меня и любовь ангелоподобной четырнадцатилетней сестры моею и почтенной бабушки (тётки матери моею, благочестивой девицы Надежды Васильевны Лёвшиной <...>). С любовью встретил мое возвращение и почтенный воспитатель детства моего, Александр Иванович Паен <...>.

В беседах отца моего с друзьями его стала привлекать меня выяснявшаяся в них аналогия между предметами духовными и предметами физическими, в усматриваемых соответствиях между познанием природы, познанием души и Богопознаванием, а также и замечательная постепенность в раскрытии основных истин. Такое направление носило характер как бы исторического учения и притом традиционного, пред которым все полученное мною внешнее образование оказывалось поверхностным и недостаточным к разрешению важнейших для вечного человека вопросов. Пленяла меня также, связывавшая дружеское собратство, любовь.

Я начал, с первых пор моего жительства в родном городе, искать усвоения себе того же направления и просил отца моего сблизить меня с его друзьями; однако желания мои не вдруг могли исполниться. Ведь и в природе для пересоженного дерева требуются условия акклиматизации, ориентировки и правильного, постепенного питания; тем более нужна была постепенность при усвоении душою учения христианской Премудрости (I Коринф. гл. 2, ст. 7), ведущего прямым путем к истинному свету и к *внутреннему, центральному* или гармоническому познанию тех истин, которые будет изучать человек и во всю вечность.

Первым, из числа друзей отца моего, был друг моего покойного деда и направителя собратства, Василия Дмитриевича Комынина, — Петр Александрович Курбатов, старец богомудрый, любвеобильный, имевший тогда лет 70 и служивший центром беседований дружеских. С Петром Александровичем сперва и познакомил меня отец мой, и я еще не ездил на беседы друзей, о которых буду говорить впоследствии, когда буду приводить слышанные истины; тогда же и будет место таким воспоминаниям, которыми возобновлю в памяти характеристику личностей, знакомство с которыми приобретал. Выдающимися же из них были: Петр Александрович Курбатов, Сергей Павлович фон-Визин и священник Семен Иванович Соколов, настоятель церкви Воскресения, в Барашах, духовник наш и мудрый наставник.

Петр Александрович Курбатов был человек, проникнутый истинно-христианским духом, — любвеобильный, снисходительный, деликатный и приятнейшего обращения, кроткий, смиренный, благотворительный, а высокие свои познания духовные хранивший под печатью величайшей скромности, сообразно чему сдерживал и порывы мои к тайноведению. Его центральное благоче-

ствие направляло друзей ко внутреннему, а именно к работе над сердцем, и к благоговейному отношению к существенной истине. Он, таким образом, был центром окружавшего его содружества; и был он и собирателем и издателем назидательнейших и мудрых писем Семена Ивановича Гамалея (друга незабвенного Новикова). По этим, драгоценным письмам воспиталась внутренняя христианская жизнь прилежно их читавших и в практику приводивших; а о таковых отрадно будет вспомнить и впоследствии, и вскоре и в относящемся к описываемому здесь жизненному периоду моем сближении с двумя светлыми личностями: (покойными Николаем Васильевичем Шеншиным и графом Николаем Алексеевичем Орловым¹⁵⁸).

Сергей Павлович фон-Визин, умерший в 1858 году, был интимным другом покойного моего деда Василия Дмитриевича и Петра Александровича Курбатова. Сергей Павлович был деятельным хранителем упомянутого дорогого направления учеников Божией Премудрости. По личным свойствам своим, он уравновешивал стремления друзей, и, по выражению отца моего, был «муж совета», так как совет, испрашиваемый у Сергея Павловича, всегда получал мудрое указание. И мне еще удалось это испытать, а одно из его указаний дало мне направление в вопросе, имевшем решительное влияние на судьбу мою.

Духовный мой отец и благодетель души, Семен Иванович [Соколов], благословивший и колыбель мою, и ведший меня, с 1850-го года, по пути Святой Премудрости, был исполненный Иоанновской любви старец, истинный христианин и христианский философ самого центрального направления. Влияние этого Божия человека на духовных его детей (между которыми была и сестра отца моего, благочестивая Екатерина Николаевна) было столь

велико, что привело многих к Спасителю и укрепило корнями в добре. В его благодатной сфере была такая сила, что приходившие к нему в состоянии чем-либо взволнованном вдруг ощущали, в его присутствии, тишину духа и мирное расположение.

Семен Иванович Соколов был другом Павла Ивановича Кутузова¹⁵⁹, современника Николая Ивановича Новикова, Ивана Егоровича Шварца, Федора Петровича Ключарева, Иосифа Алексеевича Поздеева и сына его Алексея Осиповича и Руфа Семеновича Степанова, и Николая Александровича Головина, — и других сочленов общества этих истинных учеников Премудрости. Случилось, что бывший митрополит Московский (Августин)¹⁶⁰ спросил у Семена Ивановича Соколова: «Отец Симеон! Правда ли, что ты у них (м<асонов>) учился?» — На это Семен Иванович отвечал: «*Дочувался, Ваше Высокопреосвященство*». <...>

Семен Иванович любил эти стишки Павла Ивановича Кутузова:

О любви

Все в мире побеждает
 Небесная Любовь,
 Из мертвых воскрешает
 И нас рождает вновь.
 В Любви — всех выше сладость,
 В Любви — чистейша радость,
 Блаженства верх в Любви.
 Одною ей живи!
 Чего ж ты хочешь боле,
 Коль знаешь: как любить?
 Как можешь жить в неволе?
 Как можешь цепь носить?
 Оковы разорви —
 И будь всегда в Любви.

Ничто противу силы
 Любви не устоит, —
 И даже — мрак могилы
 Любовь нам осветит.
 Любовь глаза закроет,
 Утешит, успокоит,
 И даст нам чувства вновь, —
 Что примет нас Любовь!»

В Семене Ивановиче господствующим чувством и была Любовь. Он в ней пребывал, и в нее вводил, прощал врагов своих, молился за них и, в своей самопреданности воле Божией, покорился лишению зрения, после неудавшейся операции, вследствие которой он не мог продолжать служения своего; он провел остальное время жизни своей у сына (имевшего крайне бедный приход в Москве)¹⁶¹.

Когда, после глазной операции, лежал Семен Иванович с воспалением глаз (причиною чего было непринятие окулистом мер предосторожности, т. е. неприготовление больного), то навестил Семена Ивановича Федор Петрович Гааз¹⁶², любвеобильный подвижник милосердия и ему друг, и, наклонясь к страдальцу, спросил: как он себя чувствует? На это Семен Иванович отвечал Гаазу словами: «*Per crucem ad lucem!*»¹⁶³ А готовясь к переходу в вечность, говорил: «*Птица к своей стае летит!*» — Но тогда он еще остался жив, но слеп. Его наружное зрение угасло, но внутренний свет до того сильно отпечатлевался на выражении лица его, что оно казалось зрячим, при своей небесной улыбке, — что видно и в сохранившемся портрете, незаметно для него с него срисованном и впоследствии появившемся в журнале: «Радость христианина»* (с рисунка моей дочери)¹⁶⁴. <...>

* Изд. протоиерея Полотебнова.

Семен Иванович говаривал:

Молитва есть божественный огонь, который поддерживается любовью к Богу и ближнему.

Молитва есть исход души из самости своей, со всеми силами и способностями своими и предание себя в собственность Богу.

Мы — Христова собственность (сказал он нам, плачущим о кончине матери).

Истина, как роса небесная: чтоб сохранилась она чистою, надобно принимать ее в чистый сосуд.

Надобно истине проникнуть в глубину сердца нашего.

Спокойствие обретается под игом Христовым.

От ежедневных подвигов дух укрепляется.

Истина проста и нага и не имеет нужды закрываться, а ложь имеет необходимость принимать на себя разные виды и личности — чтоб скрыть себя и выдавать за истину.

Вкус к простой истине истреблен в нас умствованиями нашими.

Нет никакой твердости в такой добродетели, которая не основана на смирении.

Пагубно грешить, — пагубнее услаждаться грехом, а еще пагубнее — оправдывать грех.

Решиться надобно! Или корень вон, или полон двор.

Где нет добродетели, там нет и свободы.

Христианин! (говорил Семен Иванович). Твое благородство: не быть рабом ничего постыдного, а сохранять душу в свободе и обновленной жизни.

Мы не здешние! Носите эту мысль, как свечу, и не попускайте задувать ее.

Не привязывайте своего сердца к гостинице: никакой благоразумный человек, в своем странствовании, не строит дома на пути.

Что есть Христов дух? — Дух любви, который дает нам силу и расположение любить друзей и врагов, отвергать земное, пламенно желать небесного, попираť плоть с похотьми ея и воздерживать сердце от вожелений.

Любовь слабеет, если сводит взор с любимого предмета и смотрит на постороннее.

Кто делится любовью и с Богом, и с миром, тот не ведает истинной сладости любви.

Сильный пламень любви к Богу обыкновенно истребляет суетные воспоминания.

Давая мне советы о служебной деятельности, Семен Иванович говорил:

Чудесно помогает Господь тем, которые верны своей должности, и лучше подвергать себя крайним затруднениям, нежели оставлять ее.

Учение мудрых мужей сопутствуется внутренним увеселением, сильным влечением и некоторым сладким усилием и твердым удостоверением в том, что предлагаемой ими истине должно посвящать себя на век и охотно поработить и сердце, и ум ее правилами.

Отрекись себя, смирайся, умайяйся, будь младенцем в сердце твоём, и прогнанное самолюбие твоё уступит место мудрости.

Кто потерял стыд, тот имеет сердце мертвое.

Желаешь ли хорошо жить? Умирай чувственным привязанностям.

Делай добро делающему тебе зло, и ты одержишь над ним победу.

Не мсти врагу твоему, осмелся сделать ему добро.

Мы должны вести жизнь внутреннюю, и вживаться в жизнь вечную — в духе и истине.

Великая тайна: упраздниться и наполняться — упраздниться от себя и от мира, и наполняться Богом. — Нет пустоты и в природе.

Как семя распускается в земле, умягченной дождем или росой, так и слово Божие разворачивается в сердце, размягченном росой молитвы.

Благодать ведет желающего веденья, за руку, но он должен при этом сам передвигать ноги свои.

Слушая благодатные слова этого богомудрого старца, испытывал я на себе, что сердце, подобно почке цветка, при воссиянии первых солнечных лучей, распускается к новой жизни.

И еще более стал я ощущать после сближения с друзьями отца моего и Семена Ивановича такое действие дружеских бесед, которые меня согревали, просвещали мои понятия и воспламеняли ко всему доброму, истинному и изящному.

По окончании делаемого теперь обзора описываемых мной годов надеюсь я собирать и беседы друзей, записанные и у меня хранящиеся, и мысли их из оставшихся в архиве моем их писем и исследований.

Возвращаюсь, пока, к воспоминаниям о годах жизни с 1849-го по 1852-й.

Я не упомянул о друге нашем, князе Иване Сергеевиче Друцком, тоже принявшем меня сердечно в Москве родной, и о двоюродном брате моем, Владимире Григорьевиче Коробьине, с которым я был дружен и с Училища, а потом и еще более. А также о том, что брат мой младший, Александр, тогда одиннадцатилетний, находился еще при родителях и был предметом добрых попечений нашего друга М^r Рауен; а братья наши Николай и Дмитрий оставались в Петербурге: первый — в Училище правоведения, а второй — в Морском корпусе, куда потом поступил, ненадолго, и брат Александр. Но мне желательно поместить здесь воспоминания о покойной возлюбленной сестре моей.

Она прошла чрез жизнь, как пролетает птичка после кратчайшего пребывания в наших странах. Чистой душе сестры был предназначен путь крестный. По весьма раннем выходе замуж (16 лет), она с ним, также шедшим по трудному пути и часто разлучавшимся с ней в военное время (1853, 1854 годов*), — она с мужем провела не более четырех лет, из числа восьми, — так как умер же он в 1858 году; а она — в 1873 году.

Здесь должен я упомянуть о предшествовавшем нашему знакомству и сближению с незабвенным Николаем Васильевичем Шеншиным, — обстоятельстве. — Во время бытности моей в старших классах Училища правоведения виделся я часто (по воскресеньям и другим свободным от классов дням) с дальним

* В особенности тяжело было ей во время опаснейшего, геройского его подвига объявления царского повеления о несдаче Бомарзундским нашим осажденным, для чего Шеншин проехал в лодке между кораблями англичан и французов.

родственником отца моего Дмитрием Васильевичем Хвостовым, человеком очень сердечным и оказывавшим ласку братьям моим и мне. — Он, при средствах жизни малодостаточных, живя в гарни бывшей гостиницы Дюмэ, угощал нас завтраками и вообще был к нам очень добр. При частых его отсутствиях, мы сживали в его двух комнатках, писали наши письма к родителям и проводили часы свиданий наших, отдыхая от училищных дней в мирном уединении среди шумного Петербурга.

Помню, что в один из таких дней взглянул я на книгу, лежавшую у постели Дмитрия Васильевича, и мне впервые сделалось известным: «Добротолубие, или писания отцев о духовном трезвении». Недоумевая: что бы такое это было, а открыв книгу наугад, прочитал я место, произведшее на меня сильное и глубокое впечатление, а впоследствии припомнившееся мне: было сказано, что душа, в которой имя Спасителя будет в молитвенном призывании, — та пройдет, по смерти тела, сквозь все вражие нападения и чрез мытарства. О, если бы я практиковал это в течение последовавших лет жизни моей! Здесь же упомянул я об этом для охарактеризования Дмитрия Васильевича Хвостова, который изучал «Добротолубие» по совету друга своего (и нашего впоследствии) покойного Александра Степановича Кроткова. Еще воспоминание о Д. В. Хвостове: не имел, чем помочь бедному человеку, он дал ему почти все свое белье. Дмитрий Васильевич любил изящное, был знатоком картинной живописи и имел поэтический талант. Пред описываемым временем, он долго жил в Париже, но не сделался космополитом. В 1849-м году познакомился он с Александрою Васильевною Шеншиною, дочерью доблестного генерала Василия Никаноровича Шеншина¹⁶⁵, стяжавшего особое уважение парижан в 1814 году, а в 1825 году 14-го декабря раненного

тяжко в голову, но пережившего, сохраняя рану лба (после чего родившийся у него сын, Николай Васильевич, имел на лбу как бы стигмат раны той). По кончине родителей своих, Николай и Александра были предметом попечений сестры матери их, почтенной девицы Софии Петровны Неклюдовой¹⁶⁶, воспитавшей их с самого их детства превосходным образом. Умная, тонко образованная, благочестивая Софья Петровна была представительницей высшего воспитания и тона, — «de la vieille roche»¹⁶⁷, — обладала слогом Sévigné¹⁶⁸ и самостоятельно приятным юмором. Принадлежа к аристократической петербургской сфере, она сохраняла долго свое влияние на тогдашнее общественное мнение, а воспитанием сирот сестры своей совершила дело, не всегда удающееся и семейным людям.

Николай Васильевич Шеншин (крестник императора Николая I^ш), по окончании своего образования в Пажеском корпусе, вступил офицером в Царскосельский гусарский полк. В Пажеском корпусе началась дружба его с сыном графа Алексея Федоровича Орлова¹⁶⁹, Николаем Алексеевичем, о котором вспомяну сердечно, говоря о содружестве моем с Шеншиным и с ним.

Александра Васильевна Шеншина была в это время (1849) помолвлена за Дмитрия Васильевича Хвостова. На их свадьбе я был незадолго до возвращения моего на жительство в Москву. Когда новобрачные приехали к родителям моим, то Александра Васильевна, с первого же знакомства, сделалась очень симпатичною моей матери, а Хвостовым, обоим, до такой степени понравилась сестра моя, что они стали желать, чтобы она сделалась женою Николая Васильевича Шеншина, и высказали это моим родителям, говоря тогда о сердечных его качествах. Через несколько месяцев они нас с ним познакомили, — а тогда этот превосходный

человек сделался предметом нашего общего сочувствия. Нельзя было не полюбить в нем сердечную чистоту, ум, идеальные стремления, благочестие, приятность. Это была изящная натура, полная благородства и прямоты, восприимчивая, очень экзальтированная, а потому не очень уравновешенная. Он был очень увлечен славянофильством, в особенности под влиянием Юрия Самарина и Алексея Степановича Хомякова, и воодушевлялся стремлением к отмене крепостного права; впоследствии же была посвящена делу освобождения крестьян вся его деятельность, после военных подвигов.

При первой встрече двух душ, предназначенных к вечному союзу Провидением, — ощутили: сестра моя и Николай Васильевич, — внутреннее сближение, предварившее и самый обмен выражений, — почувствовали, что они избраны свыше друг для друга. «Ehen werden im Himmel geschlossen», — можно было сказать об этом провиденциальном сближении их. При том, сестра моя и не имела, прежде этой встречи, никакого подобного состояния сердца, так что первая любовь могла уподобиться раскрытию бутона при действии солнечного влияния. И Николай Васильевич, сдружась со мной, высказывал мне, что, увидав сестру мою, был тотчас увлечен не столько ее изящною красотою, сколько ее сферою чистоты ангелоподобной, в которой отсутствовала всякая искусственность.

Они вскоре получили родительское благословение. После этого Шеншин должен был ехать в Киев, на одно следствие, порученное ему военным министром (при котором он тогда состоял адъютантом), и эта поездка была первою разлукою сблизившихся сердец, которых сношения уже носили в письмах, друг другу посылаемых, характер благословенного единства. Из Киева,

где Николай Васильевич имел свидание с Богоносным отцом Парфением¹⁷⁰, — приехал он в одуховленном настроении, еще более нас сблизившем, и привез мне списанное о молитве наставление (начинавшееся, помнится, так: «Молитва, яже не во множестве словес, но в пламенеющем сердца желаний, возносить его к Богу»).

Во время, последовавшего за сим, пребывания Николая Васильевича в Москве познакомил он со мной друга своего, графа Николая Алексеевича Орлова, и нас соединила, троих, истинная дружба на религиозном основании. Началось же это с того, что Шеншин сказал Орлову, что я — читатель *писем Сем. Ив. Гамалеи* и книги Мэсона «*О познании самого себя*», что возбудило в Орлове желание познакомиться со мной. А причина тому мне объяснилась уже гораздо позднее: оказалось, что эти книги были у него любимые, вследствие сближения его с Виктором Александровичем Бибиковым¹⁷¹, верным последователем того направления, которое соединяло Курбатова и других друзей, на вечных основаниях. Потом возникла дружеская корреспонденция между Орловым и мной¹⁷², а впоследствии, когда я возвратился в Петербург на службу, — я часто виделся с возлюбленным Николаем Алексеевичем Орловым, и у себя, и у Виктора Александровича Бибикова, где наши беседы были в том направлении, которым обязан я отцу и друзьям его.

Бракосочетание сестры моей с Шеншиным последовало вскоре, в имени Александры Васильевны Хвостовой (тогда им владевшей), селе Каралове (Звенигородского уезда). А потом новобрачные уехали в Петербург.

Но припомнить здесь желательно об эпизоде, предшествовавшем их свадьбе. В то время как Шеншин и сестра моя были

еще женихом и невестой, происходили у моих родителей и у Алексея Михайловича Зилова чтения евангельской поэмы Федором Николаевичем Глинка, производившие глубокие на слушателей впечатления. Поэма Ф. Н. Глинки: «Таинственная капля» была читана им и в доме князя Юрия Алексеевича¹⁷³ и княгини Елизаветы Петровны Долгоруких, которыми приглашены были на это чтение: мои родители, я и сестра моя невеста, с женихом ее. *Этот вечер имел для меня величайшее значение в жизни: я тогда впервые увидел ту, кого даровал мне Господь подругою моей жизни.* Княжна Наталия произвела на меня столь глубокое впечатление — соединением в ней ума с добротою и приятностию, что я, с того дня, стал молиться, всякий день, о даровании ее мне в жену, как даровал Бог Ревекку Исааку. А когда я был в Училище, то видел во сне, что мне сказал Некто Светлый: «Твой брак будет как брак Исаака, Богоданный».

И была мне дарована она, боголюбезная супруга, друг моей жизни, возлюбленная моя Наталия, истинная христианка и душа, исполненная самых высоких качеств ума и сердца: она посвятила мне пятьдесят лет супружества, воспитала возлюбленных детей наших, соделав их христианами, и предварила меня в вечности, в которой да соединит меня с нею Господь!

О возлюбленная душа! Ты всегда была для меня образцом всего истинного и изящного! Ты и мою душу воспитывала пред Господом! Благодарю тебя за все, за переносение моих немощей и недостатков, за претерпение тобою всех трудностей и лишений, за все советы твои, за всю любовь твою, за пример несения креста и страданий в болезнях и предсмертных твоих страданиях, за дух молитвы, одушевлявший тебя и собиравший нас, за дружбу твою снисходительную, за твои о нас заботы, которыми ты устроила

наше жительство, за воспитание детей, за пример предания духа в руце Господа!!!

Моли о нас Бога, раба Христова Наталия! И я, грешный спутник твоей жизни, молю о тебе и прошу Бога соединить меня с тобою, возлюбленная, дорогая моя жена и друг души моей! Молю Бога даровать у Себя тебе вечное блаженство в раю сладости, награды и упокоения! Аминь!

С живейшей благодарностию, соединяю с дорогой памятью святой супруги воспоминание о светлых личностях родителей ее. Дорогой и почтенный тесть мой, человек глубокого ума и сердечной доброты, мыслитель христианский и тайноведец важнейших истин, прикрывавший это величайшей скромностию, был направителем чтений моих, а меня удостоивал сообщения своих мыслей (философских, мистических и спиритических). Друзей этого направления он любил, принимал и навещал. Впервые видел я его у почтенного Дмитрия Ивановича Попова¹⁷⁴, в 1850-м году, не зная, кто был высокопросвещенный посетитель, которому понравился я, как впоследствии я узнал, и что им было сказано Дмитрию Ивановичу и брату своему князю Григорию Алексеевичу¹⁷⁵, что ни за кого не желал бы отдать замуж дочь, как за меня. Ибо симпатично было ему в молодом человеке искание Истины и внимание к ее последователям.

А покойная моя теща была женщина высоко верующего направления, умная, тонко образованная, многосторонней культуры и великого благочестия. Ей, основательнице школ по имениям своим и радетьнице, дорого было все истинное, благое и изящное; она была глубоко предана церкви православной и ревностно защищала ее и все христианские убеждения, а воспитывая детей в страхе Божиим, она приуготовила христианскую мать в лице дочери.

Впоследствии ее педагогические заботы перенеслись на первое воспитание дочери нашей, Надежды; а сфера семьи, соединявшей христианские добродетели с просвещенною верою, и бывшей светоносным центром среди современного общества, в котором занимало высокое, подобающее положение семейство Долгоруких, — сфера эта сделалась навсегда тем оазисом, в котором и теперь мы семейно оживотворяемся. Да воздаст Господь верной своей рабе, княгине Елизавете, вечные милости и радости, после многих скорбей ее жизни, и да сохранит в детях моих и внуках и внучках высокие правила жизни родителей возлюбленной жены моей, а их бабушки. В помраченное время, в котором живем, обязанность верующих, сохраняя в себе свет христианских убеждений и живя по правилам евангельским, светить и другим (Еванг. Матф.). — Помню, что духовный наш отец сказал причастице: «Вы приняли свет, который паче всего света; вы приняли в себя Любовь, превосходящую всякую любовь: светить и любить — вот ваш долг!»

В семью же возлюбленной жены моей вступил я, воспитанный такой же сферой моей возлюбленной матери, — истинной христианки, достойной дочери Богомудрого отца своего (моего крестного), — женщины, одаренной тонкой чувствительностью, возвышенными стремлениями, поэтическим талантом и эстетическим сенсоризмом. Она воспитала мою душу, поселила во мне желание познавать Истину и следовать правилам Божией Премудрости. Сама воспитанная (по кончине матери ее) в христианском семействе своего деда, — Василия Алексеевича Лёвшина, — друга Н. И. Новикова и продолжателя его направления, — она была для меня первой просветительницей и сблизила меня и с отцом моим, как представителем собратства истинных учеников Божией Премудрости.

Ее влияния на сердце мое были величайшим для меня благодеянием, обличали мои недостатки, увещевали к добру. Храню ее истинно педагогические замечания на дневничке, ведшемся мной по ее совету, и ее письма, внушавшие мне иметь на младших братьев моих хорошее влияние чувства любви. Храню и читаю и списанную для меня ею столь любвеобильную книгу *Премудрости Иисуса сына Сирахова*, — в 1850 году ею подаренную. — Письма ее имели спасительное действие на меня во время моего семилетнего пребывания в Училище, среди товарищей, лишенных доброго направления и правил. Господь да воздаст родителям моим вечными своими милостями!

Стихотворения моей возлюбленной матери носили печать ее направления. <...>

Поэтическое дарование ее все развивалось, а вместе углублялось, при одуховлении ее души. Ибо у таких поэтов изящество внешней формы слова переходит в свойства душевной красоты, а, наконец, душевное возвышается до духовного, откуда идет истинное, высшее вдохновение. <...>

Помяни, Господи, мать мою! И приняв ее скорби и страдания, воздай ей небесное Твое утешение! Упокой родителей моих, и жену мою, и содейлай меня достойным их молитв за меня, недостойного!

Воссоедини меня с ними у Тебя Господи, Спаситель наш!
Святых лик обрете Тя, Источниче жизни, и райскую дверь!
Да обрящу и аз путь, покаянием!

В настоящую минуту (не имея здесь под рукой драгоценных [В] родительских писем, обнимающих эпоху нашего воспитания в казенных заведениях, — с которых писем вменяю себе в сердечный

долг списать копии для милого автобиографа [брата Дмитрия], у которого эти строки пишутся), — прибавлю только, к набросанному на днях мной страничкам, одну картинку: о такой встрече родителями нашими одной замечательной и симпатичной личности, которая даже особенно повлияла на их мысленный строй последних годов их земной жизни.

Эта личность, оригинальная и расположившаяся к ним сердечно (а тебя [Д. С. Арсеньева] как-то отечески возлюбившая, — так что носился с получавшимися от тебя из кругосветного плаванья известиями не меньше нас) — была никто иной, как Юрий Никитич Бартенев¹⁷⁶. Привлекательность его ума и характера и самая разнообразность форм его выражения, и оригинальнейшие со всеми приемы (напр<имер>, всем говорил он: «ты», а дамам иногда: «ты, лапка», и в глаза анализировал всех, напр<имер>, говорил: «Ведь ты вот какой человек», или: «У тебя вот какой дар, а ты, в чести сый, не разумеешь; и пожалуй, что твоя вода в пески уйдет». Или: «Ну, брат, — подымай выше» и т. п.), — сперва озадачивали, иногда не нравились, — ибо, надо сказать, что он, под видом простоты и некоторой искусственной тривиальности, позволял себе глубже въезжать, нежели хотели; но потом это по большей части нравилось, — в особенности, когда за этим открывалось добрейшее сердце и глубоко религиозное направление. Юрий Никитич соединял прежний мистицизм времени князя Александра Николаевича Голицына (при котором он был мистическим, так сказать, секретарем, на котором лежала обязанность знакомить князя, а чрез него и императора Александра Павловича, с творениями аскетов, мистиков и феооффов), к чему содействовало то, что Юрий Никитич Бартенев состоял членом Лабзинской ложи, довольно оригинального названия (ложи «Умирающего

Сфинкса», — а ведь Сфинксу приходилось умирать, когда разгадывали его загадку: «Что такое человек?»). Привлекательность разговоров Юрия Никитича была такова, что к нему сходились люди различных направлений, как бы находя для себя родную, среднюю почву. Раза по два в неделю у него бывали: милый наш отец, и симпатичный мыслитель, — мой тесть князь Юрий Алексеевич Долгорукий. Даже дамы ездили к нему, сидевшему в халате и ермолке, — а это было много для чопорности моей тещи и делает честь ее качествам и религиозности. А к нашей матери Юрий Никитич имел как бы культ, усматривая в ней душу высокого зова, которую он приравнивал к благоговейно чтимой им святой Терезии, и так сказать изучал психологически, от чего покойная мать захотела укрыться пред своей кончиной, сказав отцу, спрашивавшему у страдальцы нашей: «Можно ли ввести Юрия Никитича?» — «Нет, мой друг, уже не вводи! — Он все ищет во мне высоких духовных даров, а я — бедная, страдающая тварь!» — У меня хранится Библия с гравюрами, подаренная Бартеневым ей в знак благоговейной дружбы и сочувствия. Он увидел ее уже опочившей, и тогда сказал о выражении, застывшем на лице преставлявшейся: «Проторжение духа, напечатлевшегося на земной оболочке!» — А нам сказал: «Ну, теперь ваши корни в небесной жизни!» Много утешительных бесед имел отец наш с ним после кончины ее, — так что свидания с Юрием Никитичем стали для него особой необходимостью. — Чтобы еще ближе объяснить секрет влияния Юрия Никитича на прекрасные души родителей наших, — влияния и много ощущавшегося и доньне продолжающегося оставленными, как в фонографе, впечатлениями, — выскажу (конфиденциально), что он был *делателем умной молитвы*, и к этой практике все увещал друзей своих: отца нашего и мать

особенно, но и меня, говаривая: «Если ты хочешь зажить высшей жизнью духа, без которой ты останешься с одной животнo-рациoнальнoй жизнью и не достигнешь жизни истиннoй, жизни *духо-человека*, — если ты хочешь, чтобы твоя династия процветала: привлекай на семью благословение молитвенным делом! Старайся узнать и усвоить, голубчик, тайну и практику *непрестанной молитвы*! Господь Иисус хочет в тебе *присутствовать*, в твоём молитвенном *состоянии*. Не отлынивай от этого, зная, что в *самовнутреннейшей* глубине души человеческой, по образу *Божией сущей* и от Бога *вдуновенной* и потому Богу родной (да, братец, — *мы Ему с родни, „мы Его и род!*“ (пропов<едь> Св. Апостола Павла в ареопаге, смотри)) (Деян. 17, 28); в глубине души есть *внутреннее святилище*, некое *место*, в которое никакая тварь проникнуть не может, а *удержал это место для Себя* один Бог, и там и *пребывает и присутствует*, а *мы-то должны входить потому в себя, или возвращаться*». — «Понял?» — спрашивал Юрий Никитич. «А если не понял, то жалею о тебе; да и вздор, братец, — значит, не хочешь понять. А дело-то касается твоего счастья, и в этой жизни и в будущей! Но скажи себе, как Давид: *„Покуда не найду места Господу, покоя себе не дам...“* (Пс. 131, 4–5) Вот, касаточка, как дело-то ведется! Но тут надо охотичков. *„Восхождение в сердце своем положи“*, а иначе замучишься *„в юдоли плачевней“* (Пс. 83, 6–7); и мы от того и видим, что люди, воображающие, что можно довольствоваться одной внешней и разумной жизнью, доходят до отчаяния и самоубийства. А демоны только и ждут, чтобы человек запутался и, не зная того внутреннего восхождения, *через имя или свойство Иисусово*, представил бы себе свое положение безвыходным. И сколько диавольского искусства и ухищрения в устройстве

облавы около душ, брустверов, осадных работ адских, — чтобы загнать человека в отчаяние, не дать ему опомниться, не дать ему *войти в себя*, — это главное, — а ведь ты, Базиль, помни, что блудный сын начал возвратный путь лишь тогда, когда *в себя придешь* (Лук. 15, 17), — сказано в Евангелии. — А видел ли ты в Евангелии Иоанновом, в прощальной беседе Спасителя о тайне молитвы во Имени Его совершаемой, духовной, непрестанной как ощущение присутствия друга бывает; когда с нами высочайшая личность, мы ощущаем ее присутствие и молча, и действуя, и внимающая; не так ли и это, — но тут еще заповедано: „доселе не просили вы ничего *во Имя Мое. Просите*“ (Иоан. 16, 24). Но тайны сообщаемы бывают лишь от Могущего открывать тайны, то есть от Духа Божия! — Молитвенному деланию (а *делати* было заповедано и падшему Адаму, в раю) — учат святые отцы драгоценной книги, Добротолубием названной. Начинающему всего лучше читать там о *трех образех молитвы*, преподобного Никифора монашествовавшего»¹⁷⁷. Все это говорил Юрий Никитич, прибавляя, что «*внутри груди*, неужто лучше, чтобы пребывала всегда *болтовня*? А ты, братец, попробуй сладость имени *Иисусова*! Тогда и не расстанешься!» (Привел я, недостойный, об этом в исполнение слова Писания: «Поминайте наставников ваших».)

NB. Когда я, держа руку умиравшей матери нашей, призывал внутренне имя нашего Спасителя, то она, открыв глаза еще раз, сказала мне: «*Надобно постоянно!*»

Но вот заря утренняя. Где я? Все покрыто туманом утренним. [С] Не различаю места и времени. — Слышится нежный, родной голос и стройные звуки арфы... Откуда? Кто это поет? Как не узнало голоса задушевного сердце мое?!.. Но внимаю — и

слова льются в душу мою, и вспоминает она... И слеза соединяет ум с сердцем.

Поверь мне, друг мой, — есть семья,
 Рассеянная в здешнем мире,
 Как травки в поле, как цветы,
 Как звезды в голубом эфире...
 Но не поэзии мечты,
 А чувство тайное, святое —
 Друг друга в той семье влечет:
 В ней узнают всегда родное!
 И если тех судьба сведет,
 Кого святое Провиденье
 Назначило родиться в ней, —
 Для дружбы их, для их сближенья
 Не пужно многих, долгих дней!

Родная мать моя! Это голос твой! И твоих же уст слышу слова: «Молись, чтобы тебе дана была эта достойная девица! — Я чувствую, что она, именно она тебе назначена!» — — —

И познал я истину слов: «Ehen werden im Himmel geschlossen» = «Яко от Г<оспо>да приводится мужеву жена» (чин венчания).

Вижу две картины: рамки одной — Москва — мой родной город; другая орамлена Петербургом.

Москва! Круглая гостинная дома Олсуфьева, бывшего (теперь неизвестно кому принадлежащего, на Тверской на углу Леонтьевск<ого> переулка).

У камина ротонды, на диванчике сидит княжна Natalie. При взоре на нее в душе моей ощущается такое действие, какое оказывает магнит на железо. Психическая прелесть мгновенно пленяет душу мою. С этого дня, всякий день, я молился, прося у Бога

в жену себе... Приезжают родители небесной поэмы: Федор Николаевич и Авдотья Павловна Глинки¹⁷⁸. Величественная хозяйка дома принимает их симпатично и как истинная ценительница всего изящного. Начинается чтение, под влиянием которого души слушателей возвышают свое настроение до восторга духовного. В числе слушателей — обласканная хозяйкой молодая чета, над которою в тот самый день было благословение: жених был † Николай Васильевич Шеншин, невеста была † сестра моя!.. Но впечатления этого вечера отлетают, и возвратятся впоследствии. — За этой картиной рисуется уже другая.

Подольны¹⁷⁹. Благословение Василия и Наталии. Ганзен желает нам вечнозеленеющей любви.

Петербург. Hôtel N. Восquin: Окно к Исакиевскому собору. Молодая женщина на утренней молитве. Потом прием кофе вместе, и жена мне напоминает, что мне пора идти в Сенат.

Припоминать должно благодеяния Божии к нам! Виню себя [С] в незаписывании благодеяний Господних постоянно, — а сколько их было к нам и ко мне, грешнейшему, в течение сорока девяти лет жизни, в продолжение двадцати семи лет моего семейного, брачного жития! — Вот уже праздновали мы и *серебряную свадьбу* нашу, и начали уже золотиться колосья наши, и десять ангелов хранителей наших свыклись воссылать дружным сонмом хвалу Господу, привлекая на всех нас Его милосердие!!! Но где мне теперь быть повествователем бесчисленных милостей Божиих! Как человек, забывший давно дарованные ему сокровища и нашедший их снова, не знает, за которое из них взяться прежде, и в руки его попадают, не по порядку, драгоценности, которыми он осыпан, окружен, и, подавляемый невыразимою благодарностию,

ничтожною пред числом их, хватает он то рубины, то сафиры, то бриллианты, то изумруды, то аметисты, то хризолиты, то топазы, то яшмы, то гиацинты, то бериллы, то хризопрасы, то сердолики, — так и я теперь, хотя только исчислять буду, что припомню, а милые мои пусть сами дополняют, подробно вспоминают, и лучше меня научатся своевременно замечать благодеяния Божии и воссылать Ему благодарения, подобающие Ему за милости к недостойным, яко *благ, яко вечна милость Его*, — *Ki lehôlam hasdo!*¹⁸⁰ Аллелуйя!!! (Пс. 135, 1)

Во-первых, восхвали, душе моя, благословенный союз брачный с драгоценною, милою возлюбленною моею и достойною величайшего почтения подругою жизни моей, которой самоотверженная любовь, правдивая дружба, горящая молитва, несение лишений из-за меня и детей сияют ярко и озаряют весь небосклон мой! «Зане от Господа приводится мужеви жена», — и *«обретый ю, обрете сокровище!»* — Истинно сказанное в стихах от 10-го до 31-го главы XXXI Притч. Соломоновых!

1) Вспомни, душе, радость, переполнившую всего меня, когда Бог спас жизнь ее и даровал нам сына первенца! Как рек Спаситель наш, гласом человеколюбивейшим, что «жена, егда раждает, скорбь имать» — «егда же родит отроча, ктому не помнит скорби, за радость, яко родися человек в мир!» — Эта перемена невыразимо радостная: буквально так, что страдания, самые продолжительные, вдруг превращаются в райскую, чудную улыбку, как только мать услышала первый крик новорожденного! Радость объяла меня такая, что я прежде не испытывал подобной! Радость какая-то небесная, как ореолом окружила жену и объяла молившихся при ней двух, в ту минуту подобных ангелам женщин — Ольгу Ивановну и кн. Марию Александровну¹⁸¹, так,

что оне, пред тем не имевшие взаимного сочувствия, бросились в объятия одна к другой. Отраднo вспомнить, что Сережу брали на руки и благословили мои родители, когда потом Natalie приехала с ним в Горячкино из Воронежа. И отраднo мне останавливать взор на том, как мать моя, обнявши ее, шла с ней по аллее парка. Тут исчезли все бывшие недоразумения, и Сережа, в колыбельке, сблизил сердца моей матери и жены моей, достойных друг друга. Благословение родителей моих, на всех детях наших сущее, тут выразилось. Отраднo мне помнить и тот момент, когда моя мать благословила жену мою, беременную Лизенькой и приехавшую в Москву посетить ее еще раз! Тогда совершилось наше путешествие к родителям моим с милой моею сестрою. Хочется здесь сказать, за два года до того как желали добрые наши и незабвенные Шеншины, чтобы совершился брачный союз наш! Письма их о свиданиях с драгоценной моею, *тогда еще*^{*} *далекою*, но уже предчувствием их *влекоюю* Natalie свидетельствуют об этом.

2) Радость о первой дочери вскоре украсила нашу жизнь 15 сентября 1855-го года, в присутствии милой бабушки у нас в Петербурге. *Елизавета* — «обещание Божие».

3) 1857 год. Тихое лунное сияние серебрит изящные главки церкви Рождества в Путинках, в ночь 3-го февраля в Москве. Синеекое дитя пришло на свет. Радость юных родителей узнают утром родители жены милой и мой отец; а в эти минуты ангелы наши хранители сорадуются нам в тишине ночной. И еще сорадуется друг детства и молодости Красненской: Шарлотта

* Когда жили на Морской в доме Норда: дедушка, бабушка, мама и Alexis в Петербурге¹⁸².

Дмитриевна Bourne. «Oh poor little darling»¹⁸³, — говорит она, глядя маленького новорожденного. Благословение родительское встретило его первое утро и почиет и на нем во всю жизнь. Оно сохранило его в первом кругосветном плавании, и в Турецкой кампании и здрава возвратит его нам после предпринимаемого теперь кругосветного плавания. «Твое бо есть, Господи Иисусе, еже миловати и спасати нас! Слава Тебе!»

4) Проходит около пяти лет. Вертоградец наш был из трех отраслей до 1862 года, когда, 7-го марта 1862 г., в самый день ангела моего, дарует Бог жизнь Ваничке. — Когда молились мы в Троице-Сергиевой Лавре, где мы провели целое лето на Вифанской улице в 1861-м году, то, видно, назначено было от Бога рождение его; мы жили тогда в приходе св. Иоанна Предтечи, и святое имя сие, *неожиданно для нас*, впоследствии присоединилось к именам семейных покровителей наших, — имя, освятившее день рождения отца моего (в 1801-м году 24 июня), а внуку его данное по следующему обстоятельству: очень опасались мы оба во время ожидания родов; проходя (кажется в феврале 1862, а может быть и в декабре 1861 года) с Natalie мимо церкви Св. Иоанна Предтечи, в Кречетниках, вдруг вспомнил я, что в эту ночь имел успокоительный сон, — именно видел я, что жена благополучно разрешена от бремени, и что рожден мальчик, и что входит в комнату священник и спрашивает у матери новорожденного: «Как наречь ему имя?» — А что она отвечает: «*Иоанн!*..» — при чем вижу даже движение уст ее, формирующих три первые священные буквы сего имени благодатного. Вспомнив этот сон в ту самую минуту, как, проходя перед церковью Крестителя, жена сказала мне: «Je crains extrêmement!»¹⁸⁴ Я отвечал ей, что имею надежду на благопо-

лучное разрешение ее и рассказал ей из сна только одно, что *будет все благополучно*, а подробности не рассказал, а вместо того, мысленно обратясь к святому Иоанну Крестителю, духом произнес: «Предтече Господень! Моли Бога о нас, да помилует нас Господь! И прими обет мой: если благополучно родится у нас сын, то назовем его по имени твоему». — А когда даровал нам Бог сына, 7-го марта, то Natalie, после страдания, на радость изменившегося, говорит мне слабым голосом: «Надобно назвать его Василием». — Я отвечал ей: «Умоляю тебя, согласишься, чтобы назвали его Иоанном, потому что я дал обет, что такое будет имя, если родится благополучно это дитя». — Она сейчас согласилась, и вошедшему священнику сказали мы имя «Иоанн». — О святой Предтеча Господень! Проповедник покаяния для всякого человека, приготовитель учеников Христу Господу! Умоли Спасителя нашего, да примет и меня, грешного, в святое училище Свое, очищенна покаянием, какого не принес я еще достойных плодов! Путь очищения чрез покаяние да ведет и меня, как вел избранных Божиих, к пути просвещения и к пути соединения! Аминь.

5) В доме Видловского, в котором были мы так и обнадеемы и обрадованы, даровал нам Бог и дочь Надежду. — Слава тебе, Христе Боже, Надежда наша, слава Тебе!

6) В доме Видловского также родилась Машенька. Всегда чтит жена особенно святую Марию Магдалину. А я вспоминаю, что 22-го июля был день бракосочетания родителей моих, так что Машенькин день ангела написан в носимых мной на себе кольцах их венчальных. Три дочери да будут исполнены тремя Богословскими добродетелями: Верою и Надеждою и Любовию, — и сие неразлучно, каковы суть добродетели, чада Премудрости, —

разумея эту неразрывность в том смысле, чтобы в каждом сердце их все три пребывали.

7) Имя сына нашего Николая дано по особому почтению к имени Святого Николая Чудотворца и Защитника Истины и Веры; это чувство было одинаковое у жены с ее двоюродною сестрою Наталиею Владимировною, по такому побуждению назвавшею старшего сына своего Николой¹⁸⁵. Она и была восприемницей нашего Николы.

8) Володя — крестник Сережи; тем скреплена цепь любви семейной, соединяющей детей наших, и является духовное родство, из плотского возникающее. Да совершит Господь претворение воды в вино во всей нашей семейной жизни, по мольбе Пречистой Своей Матери, зане рекла есть к Сыну Своему Пресвятая Ходатаица рода нашего: «*Вина не имут!*» (Иоан. 2, 3) И она же рекла: «*Еже аще глаголет вам, сотворите!*» (Иоан. 2, 5) Сотворим же в союзном бытии нашем еже аще глаголет нам Слово воплощенное, и будет житие наше поистине «благодатное», ибо тогда возможем сказать: «*И бе мати Иисусова ту!*» (Иоан. гл. 2, ст. 1).

† «Спогребохся Тебе крещением, Христе Боже мой, бессмертная жизни сподобихся воскресением Твоим, и воспеваю зову: Осанна в вышних! Благословен грядый во имя Господне!» — Глас блаженного младенца Алексия, человека Божия, прошедшего между нами!! Молися за нас, младенче святей! Вспоминаем о болезненном рождении твоём и о трехчасовом прехождении жития земного, при взирании на икону, здесь находящуюся и свидетельствующую о любви и уважении отца моего к драгоценному другу моему Natalie, — ибо, когда она, чудом Божиим сохраненная в жизни по рождении младенца нашего Алексия

осми месяцев, лишилась этого дитяти (лицом на него похож Володя), — то покойный отец мой поехал достать для нее икону в знак скорбного его сочувствия (то было за год до кончины отца моего). И первая икона, которую он в лавке увидал готовою, без его заказа, а кем-то, для кого-то приготовленная, была эта икона, изображающая святого Алексия, человека Божия и мученицу Наталию!

Икона, теперь находящаяся в моей комнате в Благодатном, [С] дана была дедом моим и основателем дома в благословение Горячкинскому жительству родителей моих, вместе с другими иконами, сгоревшими в Новгородском имении покойной сестры моей. (Одною из тех икон, изображающею Св. Иоанна Богослова, было благословлено бракосочетание деда моего Василия Дмитриевича с Евгениею Васильевною Лёвшиною, Императором Павлом Петровичем, который был у них посаженным отцом <...>, другая икона была Спасителя, изображенного яко Вседержителя.) А вышеупомянутая икона, здесь, в Благодатном находящаяся, изображает следующее собрание святых, виденное покойным дедушкою в сновидении: 1) *Св. Симеон Богоприимец*, держащий на руку Богомладенца, Спасителя мира. 2) Вправо от него — *св. Захария, отец Предтечи*, в первосвященническом облачении, в кидаре, нагруднике Урима и Тумима и с кадиллом. — 3) Влево от св. Симеона Богоприимца — святой Священномученик *Киприан*. 4) За ним — *Святая мученица Иустина*, послужившая к обращению его от волхования. — 5) За ними — святой *Алексий человек Божий*. — 6) За св. Симеоном Богоприимцем — *св. праведная Елизавета* и 7) *св. праведная Анна*, а за св. Захариею: 8) святой праотец *Авраам* и 9) *св. Сарра*. Над всеми святыми — *Пресвятая Владычица*

наша Богородица с Богомладенцем, держащим раскрытый свиток, — икона, именуемая «Утоли моя печали», держима двумя ангелами. Итак: *девять* святых, имея *центром* Слово воплощенное, яко Единицу, присно покланяемую, образуют с Ним полное число: *10*; а если взирать на человеческий и ангельский собор, то является число *два*, славящее Пресвятую Богородицу и Мессию, в котором святая Троица телесне! — Сновидение деда моего было прежде брака родителей моих, гораздо ранее 1827-го года. А мое бракосочетание, в 1852-м году, последовало в день св. мученика *Киприана*. Дальнейшие мысли об отношении этой иконы не развиваю, кроме разве замечания, что моей матери было назначено вступить в семейство *Анны* (матери отца моего), а мне — в семейство *Елизаветы*; и что был у нас блаженный младенец *Алексий*, Божий человек. — А касательно св. *Захарии*, отца св. *Иоанна Предтечи*, то к нему отношение имел отец мой, родившийся в день св. *Иоанна Предтечи*, и имеет сын мой *Иоани*; а день св. *Симеона Богоприимца* есть день рождения сына *Георгия*.

В Горячкинском доме осталась икона св. *Арсения Тверского*, в монастыре коего, *Желтиковском* близъ *Твери*, погребена мать моего деда *Василия Дмитриевича Комынина*. Мощи святого в крестике, ныне находящиеся в *Московском Спасо-Андрониевом* монастыре, находились на мне, когда я, женихом, приезжал к невесте, и когда-нибудь расскажу, как сохранены были эти мощи тогда от потери, и как теперь понимаю это событие.

Остальные святыни семейные хранятся у нас: *le grand reliquaire* створчатый, и мощи св. *Сергия* в медальоне, и крест с мощами серебряный, — благословение деда моего *В. Д. К<омынина>*, и ныне крест маменькин, благословение жене моей и детям.

ВОСПОМИНАНИЯ
ГЕНЕРАЛ-АДЪЮТАНТА АДМИРАЛА
ДМИТРИЯ СЕРГЕЕВИЧА АРСЕНЬЕВА

Начаты осенью 1899 года

La vie n'est ni un bonheur, — ni un malheur, — c'est
un devoir grave — dont il nous sera demandé compte.

(Guizot)¹

Жизнь пережить — не поле перейти!

(Русская пословица)

*В Петербурге,
8 декабря 1899 г.*

Детство

От 1832² до 1842 г. — т. е. до времени определения
в Морской Кадетский Корпус

Давно, давно я уже хотел начать писать свои записки — и долго тщательно хранил в памяти своей воспоминания о годах детства и юности; но потом, по окончании, так сказать, приготовительной части своей жизни, когда, окончив курс в офицерских классах при Морском кадетском корпусе (в 1853 году), началась деятельная жизнь, период постоянных морских путешествий, — бросаний из стороны в сторону и, наконец, назначение меня воспитателем к Великому Князю Сергею Александровичу³

(1864 г.), — мне уже некогда было даже и помышлять о писании записок, и жизнь сделалась так полна занятий, забот и хлопот, что я жил, как бы забывая о себе. — Так много было в этот период моей жизни событий, передвижений и тревожений, что даже воспоминания о первой части жизни, — т. е. детства и молодости, — стали тускнеть и многое было забыто или сделалось уже неясным.

То же самое могу сказать и о последующем периоде, когда, по смерти Императора Александра II, я, еще оставаясь попечителем Великих Князей Сергея и Павла Александровичей⁴, был назначен директором Морского кадетского корпуса, и до настоящего времени. И мне довольно трудно теперь восстановить в порядке, и не смешивая, память о прожитом времени. — Но тем не менее мне желательно, с Божией помощью, составить, хотя краткое, свое жизнеописание!.. Это мне поможет, на закате дней своих, — сделать общий обзор своей жизни... И кроме того, мне кажется, что обязанность каждого человека, — перед своими детьми и потомством, — оставить как след о себе историей своей жизни, дабы связать их жизнь, и ум, и сердце с жизнью прошедшего поколения, которой без этого они останутся совершенно чужды. Наконец, мне желательно вспомнить все перипетии своей жизни, испытания, пережитые трудности, чтобы лучше и сознательнее проникнуться благодарностью к Господу за все излинные на меня Его милости, — и проследить, какими неведомыми мне путями Он, по благодати Своей, вел меня, несмотря на мои грехи, неблагодарность и непокорность. Да благословит Господь этот труд и дарует мне довести его до конца!

Я родился 14-го сентября 1832 года, в имени моих родителей — «селе Горячкино — Преображенское тож», в Московской

губернии, в Можайском уезде, в 6 верстах от Бородинского поля сражения; в этом имении, где мы всегда жили летом, — а зимой в Москве, в доме дедушки (отца моей матери) Василия Дмитриевича Комьшина, где и протекло все мое детство, — до поступления в Морской Кадетский Корпус летом 1842 года.

Нас было 5 братьев и одна сестра: старший брат *Василий Сергеевич* (ныне почетный опекун в Москве), на три года меня старше; второй брат *Николай* (ныне сенатор) был старше меня 1½ годом; сестра *Евгения Сергеевна* (бывш^{ая} замужем за фл^аггель-ад^ъютантом) Николаем Васильевичем Шеншиным) была моложе меня годом; брат *Александр* — моложе меня на 5 лет (ныне деревенский житель, в отставке); и 5-й *Лев*, который умер в детстве, в 1842 году.

Но чтобы дать понятие о той нравственной атмосфере и влияниях, среди которых протекли наше детство и юность, необходимо, хотя в нескольких словах, охарактеризовать личности наших родителей.

Отец мой, *Сергей Николаевич*, был младший сын многочисленного семейства: 4 брата и 1 сестра. — Дед мой *Николай Иванович* Арсеньев, скончавшийся в 1832 году, был прекрасный, благовоспитанный и добрый человек; но мы имеем очень мало сведений о нем; он был воспитан при Императрице Екатерине II, в 1-м кадетском корпусе, давшем в свое время столько образованных и полезных деятелей и на военном, и на гражданском поприщах. Впоследствии дед мой был Курляндским вице-губернатором, а потом и гражданским губернатором и был так любим и уважаем в Курляндии, что ему, с его потомством, был поднесен *Курляндский индигенат*, т. е. что наша фамилия была принята в число Курляндских дворянских родов — и, когда я был в Митаве

в 1855 году, то я видел наш герб в Митавском Казино (дворянск<ий> клуб и собрание).

Во время губернаторства дедушки в Митаве жил Король Людовик XVIII (франц<узский> Король) — и когда он, при заключении союза Императором Павлом и 1-м консулом Наполеоном Бонапарте, был принужден оставить Митаву и пределы России — весьма бесцеремонно, то дед мой старался всячески сгладить и смягчить крутость и грубость этой меры и даже поднес Королю некоторую сумму денег, собранную им между дворянами для Короля. У нас в семействе дома хранились портрет и письмо Короля к деду по этому случаю, где Король пишет: «C'est un devoir et une consolation pour moi d'exprimer à M-r. Arseniew toute ma reconnaissance... et j'espère, qu'un jour je pourrai m'acquitter de ma dette. *Louis*».

Дедушка был женат на княжне Анне Александровне Хованской. Бабушку я тоже не помню, ибо она скончалась в 1835 году, когда мне было только 3 или 4 года. Она имела странности: так, напр<имер>, когда ее муж был Митавским губернатором и жил во дворце, в склепе которого погребены герцоги Курляндские, и между ними *Бирон*, — то бабушка — у которой были замучены Бироном двое дядей кн. Хованских, — придя в склеп, отворила гроб Бирона и плюнула ему в лицо, сказав: «мерзавец», и за это дед получил выговор.

На прекрасном пастелевом портрете моего деда, хранящемся у меня, на оборотной стороне написаны посвященные ему стихи, сочиненные его бывшим гувернером — французом и которые характеризуют симпатичную личность моего деда. Вот эти стихи:

Il y a vingt et un ans
 Que je Vous vis jeune enfant
 Aujourd'hui je retrouve un homme aimable,
 Spirituel, instruit, serviable,
 Tendre père et bon mari!
 Puissiez vous de tant d'avantages
 Jouir longtemps en sage!
 Tout ici bas est passager
 La vertu seule peut durer
 J'emporte dans mon coeur le profond Sentiment
 De tout ce que je dois à Votre attachement!⁵

Бабушка Анна Александровна обожала своего мужа и детей своих, но она была очень пламенного нрава, и любовь ее была несколько тяжела.

Отец мой был очень верующий и религиозный человек, но своим духовным развитием, христианскими убеждениями, а главное, решимостью, с молодых лет, жить согласно с этими убеждениями он был преимущественно обязан своему брату Феодору Николаевичу, который был на несколько лет его старше и очень отца моего любил. Феодор Николаевич был масон и принадлежал к той отрасли масонства, во главе которой сначала находился знаменитый Новиков и затем его ученики и сподвижники — Гамалея, Руф Семенович Степанов, Шварц, Головин, С. П. Фон Визин и многие другие лица, соединявшие масонство с полной верностью Православной церкви, но искавшие в нем пути для своего духовного совершенствования, благочестивой жизни и полагавшие, что первая и главная забота и обязанность человека была попечение о спасении своей души посредством благочестивой жизни, молитвенного и умственного возношения души к Господу. В это время масонство*

* В 1819 году⁶.

официально было запрещено, но общество убежденных и верующих масонов продолжало собираться для благочестивых чтений и разговоров и обращения многих душ на путь христианской жизни.

Дядя Феодор Николаевич, с разрешения своей матери, опасавшейся, что ее младший сын, мой отец, увлечется жизненными искушениями, — тем более что мой отец был чрезвычайно красив собою, — обратил моего отца в масонство. Кажется, это произошло таким образом. Сначала он говорил своему брату о значении жизни, ее скоропроходимости, о назначении человека, его обязанностях относительно Господа, необходимости христианской жизни — и представлял ему масонство как тайное общество, основанное для руководства человека на пути спасения. У батюшки душа была религиозная, кроткая и чистая, и он, благодаря влиянию брата, решился жить истинным христианином и поступил в масонство — со всей искренностью и пылкостью души, алчущей и жаждущей правды!

Между масонами батюшка познакомился с одним из наиболее почитаемых тогда в Москве масонов, Василием Дмитриевичем Комышиным — человеком весьма богатым, и в 1828 году отец мой женился на его младшей дочери — Надежде Васильевне — моей матери! Матушка не была красавицей, но имела весьма приятное, выразительное и симпатичное лицо, — она была умна и талантлива и получила очень хорошее воспитание и образование в духе того времени, т. е. она говорила по-французски, английски, немецки, играла на фортепьяно и на арфе, пела, рисовала и отлично вышивала, — но практического знания жизни, т. е. знакомства с веденьем дома и хозяйства, она не имела никакого. Воспитанная в религиозном направлении, матушка была весьма религиозна, благочестива и добра.

Ее нравственная натура была весьма тонкая, возвышенная и поэтическая; она писала стихи (у брата Василия Сергеевича сохраняется альбом ее стихотворений), в которых постоянно звучат поэтические мысли, сердечность, а впоследствии преобладает духовное, молитвенное направление, стремление души к Господу, что и было ее действительным нравственным направлением, особенно в последние годы ее жизни. Но во время нашего детства матушка была еще молодая женщина, — она ездила в свет, любила его развлечения, но и тогда чувствовалось нам, — понятое уже сознательно впоследствии, — какое-то возвышенное понимание жизни, что-то выше стоящее всех тех личностей, среди которых родители мои вращались.

Мы мать всегда очень любили и почитали, — нам и в голову не приходило ослушаться родителей или быть непочтительными. Воспитаньем нашим заведовала всецело матушка — и надо сказать, она внимательно следила за его ходом и нашим нравственным развитием; ежедневно утром мы приходили к родителям — и с самого детства матушка останавливала наше внимание на духовной стороне жизни, объясняла нам наши христианские обязанности; научила нас молиться; порицая за проступки, объясняла их моральное значение; одним словом, с детства приучила нас относить свою жизнь, чувства и дела к *нравственным координатам* — религии и нравственного долга.

Я помню, что в детстве это мне казалось иногда не то что скучно, но как бы несколько продолжительно; а потом, как бы иногда и обидно; но этот обычай, — обращать всегда внимание на голос совести, стараться освещать свою жизнь светом христианского закона и жить в присутствии Божьем, — все это такие высокие и полезные навыки, за которые мы должны быть глубоко

благодарны нашим родителям. Благодаря этому направлению, я избег окончательного падения; старался — хотя, увы! не всегда жил по-христиански — не заглушать голоса совести; удерживался от многого зла и всегда имел в душе желание благочестивой жизни и сознание, что жизнь дана на серьезное дело, а не для одного удовольствия. Отец наш был того же направления, что и матушка, и участвовал с ней в нашем воспитании; но она была его непосредственной распорядительницей, душою дела, мы с ней были гораздо ближе, — а отца в детстве больше боялись и только впоследствии, когда стали приходить в возраст, стали понимать его доброту и деликатность, его любовь к своим детям и не только отсутствие всякой суровости, но даже какую-то деликатную бознь оскорбить детей.

Но родители наши не вмешивались во все подробности нашей жизни. По духу того времени мы росли и жили, как сателлиты, младшие спутники жизни родителей; и отнюдь нам не выказывали, что мы составляли как бы центр их жизни, — и это гораздо лучше, ибо не развивает в детях эгоизма.

Так как матушка была любимой дочерью своего отца, то он пожелал, чтобы она при выходе замуж жила бы постоянно при нем, имея, однако, свой собственный «Номе»⁷. Для этого дедушка Василий Дмитриевич построил на дворе своего большого дома — в Москве, на Поднавинском бульваре, — особый дом для моих родителей, в котором они и жили постоянно зиму и весну, а для лета дедушка построил для родителей большой каменный дом в селе Горячкино (Преображенское тож), которое и дано было в приданое матушке. Кроме этого имения, в четыре тысячи десятин, еще он дал матери небольшое имение в Ярославской губернии; это последнее было потом родителями продано.

Кроме того, дедушка оставил каждому из нас по небольшому капиталу, а сестре дачу в Петровском парке. Это и составляло всё наше достояние. При дедушке родители ни в чем не нуждались, но после смерти его, в 1842 году, обстоятельства родителей очень стеснились, так что они несколько лет прожили круглый год* в деревне и чувствовали недостаток, но об этом речь будет впереди.

Дом родителей в Москве был готов только, когда мне было уже четыре года, так что первые смутные воспоминания моей жизни в Москве связаны с нанимаемым родителями домом Петровского, — недалеко от Поднавинского, в Кудрине. Я смутно помню желтую залу, в которую выходило полукруглое окно из одной из наших детских комнат, находящихся во 2-м этаже, — окнами на двор, помню и эти наши детские комнаты, где мы помещались вместе — брат Николай, я и сестра моя, а брат Василий старший жил отдельно от нас, ближе к родителям, и к нему тогда был взят гувернер англичанин Егор Иванович Дериман, который, впрочем, оставался недолго; мы же трое были на руках у нашей няни Анны Петровны; при ней оставалась, я думаю, года три, и наша кормилица, т. е. моя и моей сестры — Ирина. И мы были совершенно счастливы и обожали няню и кормилицу.

Единственно, что я помню из этого времени, — это как ломали колокольню церкви на Большой Никитской; мы это видели из окна, как верх старой колокольни обвязали канатами и повалили. Помню тоже, что говорили, что гиена убежала из зверинца, — и все были в страхе, пока ее не поймали и не убили. Наконец, ясно помню одно необыкновенное происшествие, которое никогда не мог себе объяснить. Раз, играя в прятки, я зашел в полутемную

* 1846—1847 год.

комнату, в которой и было полукруглое окно, выходившее в залу, — в той комнате всегда стояли сундуки, — я вошел в эту комнату один; вдруг я увидел между сундуками человеческую фигуру, с огромной круглой головой и косою в руках. Сначала я не отдал себе отчета в необыкновенности этого явления, взглянул и инстинктивно ушел из комнаты — и тут только почувствовал испуг и побежал за няней; когда она со мной пришла посмотреть, что такое, уже ничего не было. Но я ясно сознавал, что видел в действительности эту фигуру. И до этого я был совершенно спокоен и никакого возбуждения не ощущал. Так что я всегда думал и думаю, что это не было галлюцинацией.

Я не помню нашего переезда из Петровского дома в дедушкин; вероятно, что это совершилось осенью при возвращении нашем на зиму из деревни в Москву. Дом дедушки выходил на улицу, а на дворе был довольно большой сад — и за ним наш дом. *Вот хоть очень неполный план дедушкиного дома на Поднавинском Бульваре*⁸.

Итак, первые годы моего детства прошли очень счастливо. Няня, кормилица и сестра были мне всего ближе. Никогда у нас не было ссор, ни криков, ни драк. Брата Николая всегда любил меньше; он был совсем другого нрава, чем сестра, и я даже играть с ним не любил. Наши комнаты и в Москве, и в деревне были нашим особенно любимым миром, полным всегда прелести и интереса, и мы не любили из него и выходить; при детской половине был слуга — Андрей Григорьевич (крепостной), кроткий маленький человек, которого мы очень любили, — и всегда одна из девушек, из девичьей. Няня нас очень хорошо занимала, умела наталкивать нас на разные игры, принимала участие во всех наших интересах, устройствах домов, садов, а еще рассказывала нам

сказки или эпизоды из своей жизни. Она была очень набожная, добрая, общительная и веселая. Она, Андрей Григорьевич и кор-милица составляли наше общество в детской — благодаря им, могу сказать, почти все, что мы знаем о нашем народном быте, поверьях, обычаях и прочих особенностях, мы почерпнули из этой первоначально окружавшей нас народной среды — и благодаря им нам стало понятно и симпатично речь и чувство и склад ума нашего народа.

Воспоминания о всех первых годах до 6-летнего возраста очень, сначала, неясны и отрывочны. Я помню, например, осень в деревне, где мы были задержаны коклюшем; помню, как мне на грудь наклеили огромный пластырь, и какие он мне причинял страдания, и как, наконец, его отдирали. Помню еще поездку с родителями в имение бабушкиной семьи Лёвшиных — Темрянь Тульской губернии, где все, тетушка и дядя очень нас ласкали и баловали и где нам понравилось. Так хорош был сад и растительность чудная. Помню там рыбную ловлю на Оке — и тоже, что когда во время этого путешествия мы переехали Оку на пароме, в тяжелой нашей четвероместной карете стали подниматься в гору, то лошади стали, и карета стала катиться назад и докатилась до самой реки. Помню, что мне это было ужасно страшно.

Пребывание наше в Темряни осталось у нас, детей, в воспоминаниях каким-то волшебным и прекрасным сном, и Темрянь, с чудным большим садом, нам казалась каким-то земным раем и внесла в наш детский мир много новых представлений. Владетели Темряни были братья и сестры нашей бабушки Евгении Васильевны Комыниной, и все они с любовью смотрели на нас — детей их милой племянницы, нашей матери, которая в детстве своем часто бывала с родителями в Темряни. Отец нашей

бабушки был известный агроном и писатель по хозяйственной части в России — Василий Алексеевич Лёвшин, человек очень просвещенный и образованный и тоже масон, как и наш дедушка Василий Дмитриевич Комынин. Но с бабушкой он познакомился не в ее семействе, а в Петербурге, где он служил офицером в одном из Гвардейских полков, при императоре Павле. Бабушка была тогда фрейлиной Императрицы Марии Фёдоровны, а до того воспитывалась в Смольном институте. По выпуске оттуда она жила в доме у родственницы своей, известной княгини Гагариной, рожденной Лопухиной (фаворитки Павла I)⁹ — тут дедушка и познакомился с своей будущей женой.

Но немедленно после женитьбы он вышел в отставку и поселился в своем доме в Москве и в своих имениях в Московской и Ярославской губерниях. У дедушки было свыше четырех тысяч душ. — Все были удивлены удалением дедушки из столицы, так как Император Павел очень благоволил к нему и его жене, и никто истинной причины этому у нас в семействе не знал. С тех пор дедушка занимался только своим поместьем, а позже и воспитанием детей.

Мне было всего 10 лет, когда дедушка скончался, и потому мне трудно иметь о нем суждение.

Мы все его любили — и страшно боялись. Матушка обожала своего отца, который и ее особенно любил, но и она его очень почитала и, я думаю, боялась. Он был источник всего нашего благосостояния, мы жили всегда под его кровом. Дедушка для матушки и всех нас — это был высший авторитет и безапелляционный. Это был вполне Патриарх и добрый, но строгий барин! У него был свой хор музыкантов и певчих, все из дворовых, которые при том исправляли и другие должности; так, например: я

помню некоторых музыкантов, которые были и выездными, или служили при буфете и тоже участвовали в хоре певчих. До свадьбы матушки у дедушки была и труппа актеров и театр; но в эпоху нашего детства о театре сохранились только предания, и мы о нем знали только из рассказов матушки.

В своем доме дедушка был как командир на корабле, т. е. всегда сдержан, повелитель и барин; но в обращении с знакомыми, я помню, что он всегда был приветлив и ласков, и все его очень уважали и держали себя относительно его с большим почтением и, многие, с подобострастием.

Дворня у дедушки, и мужская и женская, была очень многочисленна, и, как у хорошего хозяина, у него были всякие мастера, и повара, и сапожники, и портные, и столяры, и даже живописцы, которыми были расписаны плафоны и стены огромного дома в летнем пребывании дедушки, селе Тёсово; но нас никогда не допускали разговаривать много с прислугой и говорили: «la familiarité engendre le mépris»¹⁰, но причина была более серьезная, — родители боялись, чтобы люди не рассказывали нам каких-нибудь глупостей, которых детям не надо знать и слышать, и только для некоторых уважаемых старых слуг допускали исключенье.

Мать нашей матушки — Евгения Васильевна скончалась после родов нашей матери¹¹, и воспитаньем матушки занималась сестра бабушки — девица Надежда Васильевна Лёвшина, которая и жила несколько лет у дедушки, заменяя хозяйку дома и мать для детей. Впоследствии дедушка женился во второй раз, кажется, когда матушке уже было 16 лет. Этот брак не обошелся без семейных переворотов — и бабушка (т. е. наша *grande tante*) Надежда Васильевна покинула тогда дедушкин дом и поселилась в своем имении Темряни.

Но нам родители потом говорили, что дедушка женился, чтобы иметь хозяйку в доме, барыню, — и потому и выбрал старую девицу — Анну Васильевну Тутолмину, сестру друга дедушки Ивана Васильевича Тутолмина, женатого на графине Паниной¹². Иван Васильевич был одним из московских магнатов, — вроде тех, о которых говорил Фамусов: «Что за тузы в Москве живут и умирают!..»

Он был Андреевский кавалер, кажется, первоприсутствующий Почетный Опекун и всегда весьма ласкаем Царской Фамелией при Ее приездах в Москву.

Нас к нему иногда в детстве возили, и я помню, что 1-я Рождественская елка, на которой мы были, была у него в доме и что мы были очень довольны сделанными нам подарками. Иван Васильевич очень любил и ценил матушку.

Мы, конечно, звали Анну Васильевну бабушкой, — других бабушек уже мы и не знали, — она была очень кроткая и добрая женщина, и мы ее очень любили; она к нам была очень добра, но особенной любви она к нам не имела; да и матушка, хотя всегда была с ней почтительна и обходительна, все-таки ее, я думаю, не особенно любила и в душе никогда не могла помириться со вторым браком дедушки, хотя так его почитала, что никогда и в голову не входило ей это показывать.

Да и в жизни дедушки и всей семьи и дома бабушка, кажется, никакой роли не играла и была только декорацией. У ней была сестра княгиня Варвара Васильевна Друцкая. Она и ее муж старый князь Сергей Андреевич иногда всю зиму жили в Москве, в дедушкином доме, а летом в своем имении «Старое село», в 4-х верстах от нашего Горячкино. Князь Сергей Андреевич целый день сидел в креслах, читая Московские Ведомости и не переставая

есть карамельки, которыми были наполнены его карманы; иногда он ими угощал и нас, но, по нашему мнению, — слишком редко! У Друцких было три сына: старший кн. Даниил Сергеевич, которого мы уже не застали в живых; он был женихом нашей матери, но умер за несколько месяцев до свадьбы. 2-й — князь Дмитрий Сергеевич, женатый на княжне Елене Петровне Кропоткиной¹³, которая была крестной матерью моей сестры; и 3-й — князь Иван Сергеевич, который никогда не был женат и был самым близким другом моих родителей и всего нашего семейства и почти всегда проводил у нас лето в деревне. Он получил потом большое наследство от Ив. Вас. Тутолмина (бездетного), но все это имение проиграл в карты, и некоторое время он сильно нуждался. В это время, влиянием моего отца, он обратился сердцем к Богу — и хотя не было уже в это время масонства, но он принял всё их учение и сделался горячим христианином. Двоюродный брат мой (впоследствии сенатор) Владимир Григорьевич Коробьин, который всегда жил в интимности нашего семейства и любил князя Ивана Сергеевича, выкупил его родовое имение Беззубово, уплатил все долги князя — и когда воротил с имения истраченные на это доброе дело деньги, то отдал князю его имение и тем возвратил ему независимость на старости лет. Перед этим князь, тогда уже в 50-х годах столетия, поступил вновь в военную службу, — при Петербургском ордонанс-гаузе — и, получив от Коробьина имение, вышел в отставку и поселился в гостинице в Троицко-Сергиевской Лавре, где и прожил последнюю часть своей жизни; он ежедневно ходил к обедне в Лавру и умер в соборе Св. Троицы, где рака Преподобного [Сергия]. По окончании обедни кн. Иван Сергеевич стал пред Царскими дверьми на колени и тут же

испустил дух! — Он погребен на кладбище в Лавре, у Большого [Успенского] собора.

У князя Дмитрия Сергеевича было трое детей, почти одних лет с нами — две дочери Пашенька и Варенька и сын Саша! Это были едва ли не первые дети, которых мы знали, и первые товарищи игр, — нас возили к ним на детские балы; мы играли с ними несколько раз в домашних спектаклях у бабушки в доме. Но большой интимности с ними у нас не было, да не было и особенного к ним сочувствия и никакого интереса — хотя несознательно, но мы находили, что в них нет содержания.

Наши родители находили, что воспитанье этих детей велось не так, как следует! — всё как-то напоказ и чересчур светски.

Князь Дмитрий Сергеевич был очень добрый человек, но глупый и суетный, и жена его, хотя была умнее, но не благоразумнее.

Мало-помалу они прожили всё свое состоянье и были окончательно разорены при освобождении крестьян, как столько других помещиков, у которых не было порядка.

Дочери, несмотря на суетное воспитание, сделались прекрасными женщинами; старшая, Пашенька, была замужем за Хрущевым, своим родственником, и скоро умерла¹⁴, а Варинька за своим двоюродным братом Пушкиным и жива до сих пор.

Брат их Саша был гораздо моложе своих сестер и теперь живет в Беззубове, наследованном им от своего дяди князя Ивана.

Но все это произошло гораздо позже, а в эпоху нашего детства кн. Дмитрий Сергеевич был блестящим адъютантом Московского Генерал-Губернатора, жена его очень красивая, светская молодая дама, и дом их был одним из самых нарядных в Москве.

Все члены семьи Друцких составляли постоянное общество моих родителей и бабушки Василия Дмитриевича Комынина.

Дедушка всегда по тогдашнему обычаю Московскому обедал в два часа, и всегда у него были гости, — за стол обыкновенно садилось человек не менее 20.

Кто были эти гости, я смутно помню, да нельзя всех здесь вспомнить, а в праздники их собиралось и гораздо больше. Я больше всех любил одну старушку, Анну Николаевну Михневу, рожденную Сабурову¹⁵; она часто гостила летом у нас в деревне; она меня очень любила и наконец подарила мне на счастье Владимирский крестик своего покойного мужа. Я ежедневно молюсь о упокоении ее доброй и чистой души.

Анна Николаевна говорила з вместо ж и я вместо а и так же и писала. Так, во время холеры 1848 года, когда мы летом были с родителями в Горячкине, она им писала: «Конечно влась Бозия, однако я безала от холеры!» — и приехала к нам в деревню. Она была рожденная Сабурова и родня кн. Друцких, о которых здесь говорится. Из ее истории знаю только, что, оставшись вдовой, у нее был один сын, гусарский офицер, который страшно пил и огорчал тем свою мать, и скоро умер. Анна Николаевна была одна из самых постоянных гостей — *Comtemporales*¹⁶ — дедушки, а потом моих родителей.

Мне было 5 лет, когда однажды зимой (5 декабря) нас, детей, повезли на детский вечер к тете Анастасии Васильевне Коробьиной. По возвращении домой, я был страшно огорчен, увидав, что моя кровать занята новым братцем — Александром, как мне сказали. Матушкины роды, верно, случились несколько ранее, чем ожидали, и ничего не было приготовлено для новорожденного. Я плакал навзрыд от того, что мою кровать занял новый братец, и не хотел ложиться спать на импровизированной для меня постели. Наконец няня, чтобы меня утешить, положила меня спать к

себе, и я был этим очень доволен, и так повторялось несколько дней, пока маленького брата не перевели рядом в другую комнату с его кормилицей Агафьей, которая с этого времени и сделалась членом нашей детской компании.

В эту же зиму родители взяли для нас, сыновей, гувернера француза М-г Рауен. Я помню, как нас позвали в гостиную и представили сидящему человеку средних лет — довольно плотному, это и был М-г Рауен; я его немного дичился, но он не произвел на меня неприятного впечатления.

Ему отдали на попечение братьев Василия и Николая, и они поместились в мезонине нашего дома. Этот мезонин состоял всего из 3-х комнат, — буфета, небольшой комнаты, где помещался русский учитель братьев: сначала г. Левицкий, а потом Кельцев, — и, наконец, большой комнаты с тремя окнами в сад, где помещались М-г Рауен и два старших брата, а потом тоже и я¹⁷.

Но я еще целый год оставался внизу с няней и сестрой и был очень счастлив, что продолжалась прежняя жизнь, да еще было лучше, и наша дружба с сестрой Геничкой еще более окрепла.

Только в следующем году, т. е. кажется 1839-м осенью, по возвращении нашем из деревни в Москву, т. е. когда мне было уже 7 лет, меня отдали на попечение М-г Рауен и перевели *наверх* — к старшим братьям. Никогда не забуду этого дня. С утра я сидел грустный и, заливаясь слезами, смотрел, как разбирали мою кровать, сложили ее, перевязали веревками и понесли *наверх*, а потом перевели туда и меня.

Но я скоро привык к новой обстановке; и няня и сестра постоянно приходили к нам *наверх*, и мы много были вместе, да и мало-помалу я очень полюбил Monsieur Рауен, Александра Ивановича, как все у нас его называли, и няня его очень уважала и

сочувствовала, хотя иногда, когда сердилась на него за строгость относительно строптивости брата Николая, — и тогда няня бранила его, говоря: мерзлый француз, живодер и тому подобное.

М-г Рауен в доме все любили — он был прекрасный, добрый, благоразумный человек и очень хорошего нрава.

Он был кавалерийским офицером Наполеоновской армии (4-me Hussards¹⁸) и остался в России, в 1812 году. Во время отступления М-г Рауен стал замерзать на дороге и был, конечно, оставлен. В это время проезжал по дороге русский генерал Богданов, сжалился над умирающим молодым французским офицером, взял его к себе в сани, привел к жизни, оттер — и потом взял его к себе в дом, где он и оставался несколько лет учителем и наставником детей генерала Богданова, le general Bogdanyff, как всегда называл М-г Рауен, упоминая о нем с чувством глубокой благодарности.

Матушке рекомендовали его девицы Солнцева, двоюродные сестры Пушкина, из которых одна, Елизавета Матвеевна, была истинным другом матушки и одних с ней лет; говорили, что М-г Рауен был утомлен служебной должностью и хотел поэтому иметь место воспитателя в семействе. Образования он, конечно, большого не имел, но очень хорошо научил нас говорить и писать по-французски и началам арифметики и географии. Нравственность его была прекрасная. Он вполне подчинился нравственному авторитету матушки, — ее руководению всем нашим воспитанием.

Братья мои и я, мы все очень полюбили М-г Рауен, который сделался как бы членом семейства и совершенно сроднился с нами, и в доме все его полюбили за его доброе сердце, благородство его души и прекрасный нрав. Глубокое уважение к матушке, преклонение пред ее нравственной высотой еще более усиливало

и нашу любовь к М-г Рауен и внушало нам к нему еще более уважения. Благодаря этому отношению М-г Рауен к нашим родителям, мы никогда не слышали осуждения родителей от окружающих нас людей, что бывает так часто и вносит такой разлад и такую смуту в детские души и фальшь в отношения с родителями.

Когда сестре наступило 7 лет, ей взяли гувернантку — швейцарку Августину Андреевну Monier, девицу лет около 30. За неимением места в нашем надворном доме в Москве, сестру с гувернанткой поместили в большой дом — la grande maison, как мы называли дом дедушки. Но M-lle Monier оставалась только один год. Она была грубая натура и обращалась нехорошо с сестрой, даже, говорили, иногда ее била, но Геничка (ум<еньшительное> имя сестры) была так добра и кротка, что никогда ни в то время, ни потом не жаловалась и даже не говорила о худом обращении гувернантки, — однако чрез людей все это узнавалось, и Monier отпустили, чему мы все были очень рады, ибо мы ее не любили; к тому же она свела дружбу с нашим русским учителем Кельцевым (который жил в нашем надворном доме, как указано в плане дома) — и M-lle Monier была уволена, как-то для нас незаметно и внезапно. Ее скоро заменила старая 60-летняя девица англичанка Сара Фоминична Отель (Ottel), очень оригинальная до комизма, с причудами, но добрая, образованная, сердечная, хотя и очень твердая, — словом, прекрасная и почтенная особа. Она поняла ангельскую, милую натуру сестры, полюбила ее, и Геничка тоже ее очень полюбила. В городе сестра продолжала жить в большом доме у дедушки, а летом в деревне, в нашем милом Горячкине, в правом флигеле дома, в котором было 4 очень веселых комнаты, и окна их выходили в тенистую часть сада; ces

chambres étaient très gaies et riantes¹⁹. Геничка училась очень прилежно. Сара Фоминична развивала ее очень хорошо, — я, между прочим, помню, что раз, когда я неожиданно вошел к сестре, я увидел, что Сара Фоминична и Геничка — обе стоят на коленях, на стульях и поют по-английски псалмы. — Мы, братья, тоже учились по-английски у Сары Фоминичны, и всё, что я знаю английского языка, всем обязан ей, — потому что потом в Морском Корпусе я не только в нем не подвинулся, но постепенно забывал, и то считался всегда, в своем классе, умеющим говорить по-английски. Но со мной и братом Николаем Сара Фоминична обращалась строго, и когда мы не знали урока, то она выдумала надевать нам «дурацкие шапки» — *fool's caps*, которые она смастерила из черной сахарной бумаги с плюмажем из белой бумаги. Шапка имела вид сахарной головы. Мне это было очень обидно и унижительно — и, по правде сказать, я этого не заслуживал, потому что учился охотно, но только несколько раз, уступая просьбам брата Николая, гораздо более шустрого и своевольного, чем я, нарочно не выучивал урока.

Когда же мы хорошо учились, то она угощала нас саго, сделанным на вине; но Сара Фоминична ко всему примешивала мускатного ореха, и благодаря этому саго — *malenki sago*, как она говорила, — нам было противно, и мы его кушали из учтивости и чтобы ее не обидеть. У Сары Фоминичны была еще одна странность: она была почти помешана на чистоте своего горшка; горшок этот мылся бесконечно, и она его держала на кровати, под подушкой, и иногда вынимала — показывала нам, до какой степени он чист, и приговаривала: *on peut prendre du thé dedans*²⁰.

И все-таки она была прекрасная женщина; сестра под ее эгидой была счастлива и окружена нежной заботой, и очень

жалко, что пребывание Miss Ottel у нас в доме продолжалось только два года. Зимой 41—42-го года сестра заболела скарлатиной и была несколько дней в большой опасности. Доктора нашли необходимым ей поставить пиявки, но Сара Фоминична пришла от этого в такое негодование, что, когда родители наши не согласились применить английскую систему лечения скарлатины холодной водой, которую она предлагала, то она объявила, что не может видеть, как убивают ребенка, и отошла от нас. С тех пор гувернанток к сестре уже не брали. Геничка стала спать в комнате, рядом с матушкой, которая с этого времени и занималась сама ее воспитанием.

У нас же, братьев, кроме гувернера М-г Рауен был всегда русский учитель, — сначала в Москве г. Левицкий, который только приходил давать нам уроки; потом студент медиц<инского> факультета Москов<ского> университета Аметистов и, наконец, г-н Кельцев, которые у нас жили.

Любовь к чтению развилась у меня с 7-летнего возраста. — Родителями были заготовлены еще для старшего брата Василия много книг.

Так как он был тремя годами старше меня, то понятно, что его учение и развитие было всегда выше моего и брата Николая, с которым мы были погодками. Кроме того, брат Василька был всегда ближе к родителям — и на него обращалось, если не преимущественно, то первое вниманье. — Самого старшего сына, Ипполита, родители потеряли, когда ему было шесть месяцев, и матушка долго была в неутешном горе. Затем, когда у ней родился сын Василий, она привязалась к нему со страстной нежностью и занималась его воспитаньем с большим увлеченьем, заботой и вниманьем. Мы уже вступали постепенно в пробную колею и, можно

сказать, получали обучение меньшее, — так, например, нас никогда не учили немецкому языку. С 8 лет Васиньку стали учить латыни, и мама сама им занималась, чтобы помогать брату готовить уроки. Учителем же латыни у старшего брата был священник церкви 9 мучеников (в Москве на Пресне) Илья Михайлович Войнов, который пользовался большим уважением. Васеньку родители готовили в училище правовередения, которое было недавно учреждено принцем Ольденбургским и уже пользовалось большой репутацией. Родители об училище много знали, потому что директором учил<ища> Прав<овередения> был назначен их хороший знакомый — Семен Антонович Пошман. Он был женат на Савеловой²¹, родители которой были помещики нашей стороны. Брата же Николая и меня хотели отдать в Морской Кадетский Корпус — в честь дяди матушки Льва Васильевича Лёвшина, который был моряком, много плавал и подарил матушке коллекцию камней, минералов и разных заморских редкостей, которые наполнили витрины большого шкафа, стоящего в нашей гостиной, в деревне. Но об этом отдаленном еще определении нас в казенное заведение говорили очень редко, и мы о нем нисколько и не думали. Я был совершенно равнодушен к мысли о морской службе и считал ее, как говорили кругом, очень благородной и поэтической, — не вполне понимая даже настоящее значение этих слов. — Но об этом говорить еще рано, и я возвращаюсь к чтению. Мне было около 7 лет, мы только что приехали в Горячкино из Москвы, и я случайно увидел на окне красную книжку, принадлежавшую старшему брату, открыл ее и начал читать — сначала без особенного интереса, но потом книжка меня так заняла, что я читал с увлечением и самозабвением и почти не отрываясь, пока ее не кончил. C'était un des contes du chanoine Schmidt «Sophie

ou la croix de bois»²². Конечно, мне позволяли ее читать, и когда я выразил желание, то мне дали и другие книжки, тоже каноника Шмидта, которые у нас были, и я в свободное время читал их с великим наслаждением.

Henri d'Eichenfels, Louis ou le petit émigré, Ferando, — les soirées Romaines et toute la série de ces ravissantes histoires — que j'ai retrouvées plus tard — reunies en 2 volumes sous le titre de Bibliothèque Chrétienne ont fait mes délices — et ont développé en moi et probablement chez mes frères et ma soeur une grande sympathie pour la vertu et la religion. — Depuis ces premiers livres la lecture a été toujours ma grande passion et mon délassement favori. — Nous avions entre autres Berquin l'ami des enfants et d'autres livres que nos parents nous donnaient.

Un entre autres, *Mémoires de croquemitaine* Eugénie Foa — devint mon livre de prédilection que je lisais et relisais sans cesse; les mystères du chateau de Plessis-Piquet — et les souterrains qui menaient aux ruines de Verrières qu'habitait Croquemitaine, la grande sale avec les statues qui bougent, le monument de la religieuse qui se lève et engloutit, tout cela me captivait, me charmait et m'absorbait entièrement, et je reproduisais tout cela dans mes jeux, construisant des chateaux avec des souterrains et toutes sortes de mystères. Les mémoires de Croquemitaine étaient toujours avec moi. *Les Contes de Perrault*, traduits en Russe — édition (Плюшар), si connus dans le temps, ont fait aussi mes délices, un peu plus tard à l'âge de 8 à 10 ans. La chatte Blanche, l'oiseau bleu, la grenouille bienfaisante etc. devinrent mes amis et mes grandes préoccupations; — je versais des larmes en lisant les épreuves de l'oiseau bleu, je tremblais qu'on ne le découvre, qu'il ne lui arrive malheur, et j'étais si heureux quand les méchants étaient punis et que les héros de mon coeur

triochaient enfin! De livres russes — nous n'en avions pas beaucoup — c'est qu'il n'y avait presque pas de livres d'enfant en russe à cette époque, quelques volumes — comme le *Детский Собеседник*, *детский альманах*, et c'était tout, mais un jour qu'on avait apporté de la campagne à Moscou les livres de mon père, je trouvai sur une chaise, sur une pile de livres, un petit volume intitulé *Черная курица, или подземные жители*, сочинение Погорельского, ce titre excita ma curiosité et je demandai à Papa, ce que c'était. Il m'en fit cadeau, et cette lecture fut pour moi d'un énorme intérêt. Ce livre aussi fit époque dans ma vie! Je m'identifiai au sujet et me transportai dans le milieu décrit et c'était pour moi comme une autre existence, qui m'absorbait complètement. La «*черная курица*» devint aussi mon ami et je l'ai longtemps gardée dans mon cœur. Je ne prévoyais pas qu'un jour je les retrouverai pour les donner à lire à mes élèves les grands Ducs Serge et Paul, et plus tard à mes propres enfants; la poule noire et Croquemitaine ont eu toujours le même succès et excitaient le plus grand intérêt. Toutes ces lectures, les rêveries et les sentiments qu'elles soulevaient en moi, donnaient un grand charme à mon existence. Elles développaient en moi l'amour, la sympathie du bien, et me communiquaient un tour d'esprit au surnaturel, au merveilleux, mais en somme noble et poétique.

A l'âge de huit ans j'ai été pour la 1-re fois au théâtre; on donnait un balet «*Восстание в Серале*», je ne puis pas exprimer l'impression produite par la salle de spectacle de l'énorme théâtre de Moscou; mais quand la toile fut levée, ce fut un enchantement, et je me rappelle jusqu'à présent les décors et la musique du *восстание в Серале*. On nous a mené voir aussi *Robert le diable*, et nous en étions enchantés — surtout la scène de l'évocation des nonnes maudites au couvent de S-te Rosalie et la valse infernale étaient pour nous

d'un suprême intérêt. Nous avons vu aussi Параша Сибирячка, mais cela nous avait moins intéressés. Ordinairement pendant le carnaval et la semaine de Pâques au boulevard de Поднавинский, où était la maison de grand Papa et où nous demeurions, on construisait toujours les Балаганы et c'est là que se faisait «la promenade» катанье. Il y avait dans ce temps un балаган — celui de Weyle qui était meilleur que les autres et on nous y menait, M-r Payen avec nous trois — Basile, Nicolas et moi. Cela commençait par un cirque avec toutes les choses traditionnelles — mais que nous aimions à revoir et puis sur la scène une Arlequinade avec beaucoup de changements de décors, de changements à vue «Превращения»; tous les malheurs de Pierrot, de Cassandre, des promis de Colombine, tous les miracles et les dangers d'Arlequin et finalement son triomphe et son mariage avec Colombine, bénie par la fée dans un temple éclairé par les feux de Bengale. Nous regardions avec un intérêt intense, une jouissance profonde, et quand la toile tombait nous sentions bien tristes.

Le théâtre et les barraques — балаганы, me tournaient la tête et je passais mes heures libres à arranger des scènes de théâtre, avec des trapes, des changements à vue etc. sur l'étagère. De 8 à 10 ans — ce fut mon occupation préférée et permanente surtout pendant l'hiver à Moscou. En hiver à Moscou nous nous levions à 6 heures — ce qui m'a toujours paru dur; après s'être lavés et habillés nous priions Dieu et M-r Payen veillait toujours à notre prière, puis on prenait du thé; ensuite venaient les leçons entre lesquelles nous descendions chez nos parents, à 11 heures le déjeuner et puis on nous menait promener à pieds. C'était pour la plupart du temps très ennuyeux. M-r Payen, à côté de lui mon frère Basile et Nicolas et moi en avant. Nous allions toujours par le boulevard Поднавинский — un jour à

gauche presqu'au Смоленский рынок et le lendemain à droite — jusqu'à Кудрино. De temps à autre nous allions en voiture et ces dernières promenades quoique plus longues étaient plus variées et plus intéressantes. Un jour devant l'église Никитская nous avons rencontré un grand enterrement, celui d'un général, et cela nous a beaucoup impressionnés.

A 2 heures nous allions dîner toujours chez Grand Papa — dans la grande maison, et nos parents y dinaient toujours aussi. Il y avait toujours beaucoup de monde à ces dîners, quelquefois musique (l'orchestre de Grand Papa) ou des Tyroliens, ou quelque chose dans ce genre, mais seulement les jours de fête. Tandis qu'à la campagne chez Grand Papa la musique jouait pendant dîner presque tous les jours. Au bout d'une heure après le dîner nous étions enchantés de retourner à la maison à nos jeux dans notre petit monde intérieur. Deux fois par semaine nous revenions dans la grande maison, le soir c'est-à-dire à 7 heures pour prendre les leçons de danse — mais j'étais très obtus pour la danse et lourdaut et je n'aimais pas beaucoup ces leçons. Notre premier maître était M-r Flagué un homme très grand, entiché de son importance et de son art, un pedant. Il nous obligeait d'apprendre par coeur les definitions des pas qu'il nous enseignait... «De quoi est composé le chassé!» — Qu'est ce que c'est une jetée assemblée?» Qu'est ce que c'est que le pas de Rigaudon et un entrechat, etc., etc. Nous avions pour M-r Flagué un respect extrême, c'était une célébrité à Moscou. Mais l'année suivante nous avions pour maître à danser M-r Lobanoff — un artiste des théâtres Impériaux, et cela allait beaucoup mieux. Lobanoff était très amusant, très gai, il racontait des anecdotes — aux grandes personnes assises le long de mur à regarder danser les enfants, et après chaque anecdote quand tout le monde éclatait de rire, il baisait

la main de grand maman. C'était alors la mode de la cachucha pour les enfants et Lobanoff enseignait cette danse à Eugénie avec des castagnettes. Eugénie dansait très bien, et grand papa était enchanté. Excepté nous trois, les frères et Eugénie, la cousine Marie Kominine et souvent les Droutskoys et des voisines de la maison de Grand papa — trois demoiselles Глушковы apprenaient à danser avec nous.

La cousine Marie Kominine était la fille unique du frère de maman (le fils unique de Grand Papa mais qui était mort jeune depuis plusieurs années) c'était la cousine Marie qui était l'héritière *présomptive*. Elle demeurait à Moscou chez sa mère Софья Дмитриевна née Раевская et qui s'était mariée avec le fils du Général Alexeïew beau-frère du fameux Вигель auteur des mémoires et connu par la campagne de 1812. Mon grand père était désolé de ce 2me mariage de sa belle-fille, mais juste et bon, il l'avait subit et accepté. Николай Ильич Алексеев était un très brave homme, très bon, mais il buvotait et c'était là son grand défaut, au fond tout le monde l'aimait beaucoup. Il avait eu de sa femme trois enfants — deux fils — Илинъка и Саша et une fille Nathalie qui a épousé M-r Агаров. Nous nous connaissions depuis les premières années, mais comme nous ne restions jamais longtemps ensemble, il n'y avait jamais de véritable intimité. La tante Алексеев était une angélique personne, d'une douceur sans bornes, et elle était très belle, elle ressemblait comme deux gouttes d'eau à la Princesse Marie Wiazemsky (la mère de la C-sse Sheremetiew) née Stolipine, les mêmes traits, la même taille, la même charme de grande et angélique douceur. Elle était si jeune quand elle est restée veuve et si belle qu'il était tout naturel qu'elle se remarie, mais tous de même ce 2e mariage était pénible pour le père et la famille de son premier mari et on considérait chez nous ce 2e mariage comme une degradingolade morale. Pourtant la

tante avec son second mari et tous ses enfans étaient toujours reçus chez Grand Papa comme par le passé; en été ils habitaient un bien à quelques verstes de Тесово, de l'autre côté de la Moskowa, que Grand Papa avait donné en apanage, de son vivant, à son fils défunt. Ce bien se nommait Шишимарово et la maison et l'emplacement étaient très jolis²³.

Накануне некоторых больших праздников и, напр<имер>, в Вербную субботу, или накануне Рождества, вечером у дедушки бывали всеночные, и мы очень любили на них присутствовать; после всеночной там пили чай, и мы возвращались домой.

Иногда у дедушки были для нас детские балы. Несколько раз мы играли в доме дедушки театры. Я помню, что в первый раз, когда я участвовал в спектакле, давали пьесу Verquin «Un bon coeur fait pardonner bien des étourderies»; играли старшие братья, Друцкие дети, кажется Алеша Пасхин, воспитанник дедушки, перешедший к нему после смерти И. В. Туголмина, и воспитанница дедушки, молодая девица Юлия Ивановна Якобсон. У дедушки была еще другая воспитанница — Юлия Филипповна, немка. Они воспитывались у дедушки, и кто они были, я не знаю, но обе были очень добрые, и мы их очень любили. Они скоро вышли замуж: Юлия Ивановна за давнишнего клиента, ученика по масонству дедушки, — Евграфа Сергеевича Жаркова, штатного смотрителя Можайского уездного училища. Он и у нас был свой человек, на положении интимного гостя — как бы барской барыни, и мы, дети, его очень любили; а Юлия Филипповна вышла замуж за г-на Фаренколя — немецкого гувернера Алеша Пасхина и который вместе со своим воспитанником перешел в дом и на попечение дедушки после кончины Ивана Васильевича Туголмина.

Происхождение барона Алексея Пасхина для нас было и осталось тайной. Он был, *soi disant*²⁴, принесен неизвестно кем Ивану Васильевичу Тутолмину, который и оставил его у себя на воспитанье. В это время двор был в Москве, и ребенка принесли к Ивану Васильевичу во время Пасхальной заутрени, а поэтому и фамилию ребенку дали «Пасхин». А так как в ту ночь Ив. Вас. Тутолмину пожаловали орден Андрея Первозванного, то и назвали его Андреевичем. Потом купили ему баронский титул, и на его имя в банке был положен значительный капитал, кажется 350 тысяч, что по тогдашнему счету на ассигнации (т. е. 30 коп. сер. = 1 р. ассигн.) делало доход около 10 000 р. ассигн. В этом мальчике неизвестно почему принимал участие Император Николай I. Я полагаю, что это был сын какого-нибудь близкого государю лица — но не больше, ибо потом, когда Пасхин поступил в военную службу и был офицером Л.-Гв. (Царскосельского) Гусарского полка, то ему, Пасхину, никогда не было оказываемо особенного внимания, и быстрого хода на службе ему не было дано. Пасхин умер в конце 50-х годов, еще молодым²⁵. Ему Ив. В. Тутолмин выписал из Германии гувернера Августа Егоровича Форенколя* и вообще на воспитанье его обращалось внимание; но так как не было за ним материнского и действительно внимательного присмотра, то Алеша, как мы его звали, рос без настоящего призора и загрубел; после смерти Ив. В. Тутолмина в конце 30-х годов Пасхин был взят к дедушке в дом, и в это-то время мы его и видели ежедневно, но близости с ним родители наши не допускали. По смерти дедушки он перешел к князю Дмитрию

* Он потом жил одну зиму у нас в доме, будучи все-таки гувернером Алеша Пасхина; Форенколь учил тогда брата Василия немецкому языку, а мы все его всегда любили.

Сергеевичу Друцкому, где уже решительно не было над ним ни призора и никакого нравственного влияния, и он вырос сам по себе. — *mais en somme — ce n'était pas un mauvais ce jeune homme — seulement sans éducation et développement moral*²⁶.

Мирно и хорошо для нас проходила зима в Москве. Наступила весна, вынимали двойные рамы — весенний воздух врывается в комнаты и мы все как-то оживали, прогулки делались интереснее и больше, нас чаще возили кататься, ездили с М-г Рауен в гостиный двор — город — покупать что нужно для нашей детской жизни в деревне. Помню, что нас возили осматривать несколько раз Кремль — оружейную палату, где больше всего мне понравились и даже несколько страшили конные статуи в латах, очень понравились старинные кареты и двойной Трон Иоанна и Петра Алексеевичей с местом сзади, за занавесом — для царевны Софии. Терема производили на меня чарующее впечатление. В малом дворце мне всего более понравились стеклянные столы в спальне и туалетная императрицы Александры Федоровны. И когда зимой в 1865 я жил в этих комнатах при Вел. Кн. Сергее Александровиче, который для здоровья проводил первую половину зимы в Москве, я узнал и эти столы и всю обстановку комнаты малого дворца.

Но весна в Москве нам скоро надоедала, наш сад казался нам жалким подобием сада. В нем нам нечего было делать, и мы всем сердцем стремились в Горячкино. Наконец, обыкновенно в конце мая отъезд в Горячкино назначался, мы с восторгом укладывали свои вещи, но потом часто отъезд откладывали раз и даже два, что нас очень огорчало, но все-таки, наконец, желанный день настал, и мы уезжали из Москвы. Самая дорога была для нас великим наслаждением.

От Москвы до Горячкина было 120 верст, — сто по Смоленской дороге до Можайска, и 20 от Можайска до Горячкина, из них 12 по той же дороге; проехав Бородино — недалеко от памятника Бородинского сражения и дворца царского села Семёновского, мы сворачивали на проселочные дороги и доезжали до Горячкина.

Мы выезжали из Москвы после раннего обеда. Отец, матушка и старший брат ехали обыкновенно в коляске, а сестра и остальные дети — в большой дорожной карете «la grande voiture» с гувернером и няней. В Перхушкове останавливались кормить лошадей, что продолжалось 4 часа. Перхушкова мы, дети, терпеть не могли, — оно нам было скучно и антипатично.

Деревня Перхушкова имела действительно вид очень грустный; ни одного деревца, и по левой стороне дороги, в конце деревни — пустой, необитаемый, помещичий дом с заколоченными окнами и облупившейся штукатуркой на стенах; при доме был маленький запущенный сад, который наводил уныние: это был прообраз теперешнего состояния (писано в 1902 г.) многих помещичьих усадеб, — но тогда это было редкость. — От Перхушкова мы доезжали до Подлипок, большое село в 45 верстах от Москвы, и здесь всегда останавливались в доме богатого крестьянина Ивана Васильева, у которого и нанимали всегда лошадей для переезда из Москвы в деревню.

Не знаю почему, но мы, дети, страшно любили Подлипки, и нам было тут очень весело. Мы любили двухэтажный дом Ивана Васильева — кажется, что он был чуть ли не единственный двухэтажный крестьянский дом на всей Московско-Смоленской дороге; обыкновенно мы приезжали в Подлипки уже в 9-м часу вечера и помещались в двух больших комнатах верхнего этажа,

собственно предназначенных для проезжающих привилегированных; одна из этих комнат с красными обоями и по ним какими-то золотистыми, блестящими цветами нам особенно нравилась; подавали сначала чай, к которому приносили местные баранки, весьма нами любимые. Тут приглашался к чаю сам Иван Васильев — умный мужик, составивший себе относительно богатство содержанием лошадей по Смоленскому тракту от Москвы до Можайска и дальше. По этой дороге была очень большая езда помещиков в свои усадьбы и купечества. Придя в комнату, он сначала церемонился, не хотел садиться, но потом присаживался и пил чай. Родители всегда любили с ним разговаривать и очень любили его простые умные речи. Долгие годы он жил, держа все семейство свое, хозяйство и дела в большом порядке. По смерти его сын его Василий Иванов продолжал вести дело, но уже не так умело; но не дожив до старости, умер. Вдова его скоро вышла замуж за своего приказчика, который не выдержал своего величия, запил, и дело их расстроилось и уже, наконец, они совсем разорились. Как часто у нас так бывает в крестьянском быту; но все это произошло гораздо позже.

После ужина вносили подушки из кареты и коляски — вместо матрасов для родителей; а нам делали постель из сена, и мы засыпали, довольные и счастливые, предвкушая блаженство приближения в Горячкино.

На другой день рано, часов 6—7, мы выезжали из Подлипок и около 2-х часов пополудни приезжали на станцию Нара. Осанова-Нара — так было ее полное название. Здесь кормили лошадей, что продолжалось 4 часа; в это время мы обедали. (С нами ехала всегда повозка с кухней и поварами.) После обеда, пока родители отдыхали, мы (то есть братья) с М-г Рауен шли гулять

на находящееся рядом с деревней Нарой озеро (кажется, теперь оно уже почти высохло), на самом берегу которого, на большой дороге, часовня. Раз, когда нам позволили в нее войти, из-за иконостаса, служившего перегородкой, вдруг вышел большой черный монах, которого мы испугались; и потом, при посещениях Нары, мы всегда входили в часовню с трепетным ожиданием, не выйдет ли монах; и в том ожидании и состояло все удовольствие.

К вечеру мы приезжали в Можайск и останавливались обыкновенно или у Евграфа Сергеевича Жаркова — в его доме, при уездном училище, или в единственной гостинице в Можайске, на площади. В Можайске всегда ночевали; тут являлись Можайские знакомые: старый городничий капитан Гарденин; исправник Алексей Матвеевич Остафьев; Ев. Сер. Жарков с женой; а также, если в Можайске случалось быть кому-нибудь из соседей; хотя мы, дети, не участвовали в разговорах, но нам было весело видеть опять эти лица, принадлежавшие, так сказать, к нашей жизни в деревне и так ее напоминающие. В Можайске не было ничего замечательного. Против гостиницы был большой гостинный двор — и только; на горе, на берегу Колочи, недалеко от впадения ее в Москву-реку возвышался великолепный красивый собор, построенный уже после 1812 года, а рядом был древний, маленький собор Св. Ильи; но в начале 40-х годов он совершенно неожиданно обрушился. Но я помню его очень хорошо — с его одноглавым макообразным куполом. Теперь от него осталась только груда камней, да и ту растащили на современные постройки.

На другой день утром, мы выезжали из Можайска, откуда до Горячкина было всего 20 верст. Сначала дорога шла скучная; но вот мы подъезжали уже к Бородину, — видим Бородинский памятник, затем Бородинский женский монастырь, любимый мною

с раннего детства; так как мы несколько раз там ночевали у приятельницы матушки — инокини Замятиной. Кроме того, матушка очень почитала и любила игуменью и основательницу монастыря, мать Марию — т. е. Маргариту Михайловну Тучкову; она была вдова генер<ала> Тучкова, убитого в Бородинском сражении, на том самом месте, где теперь монастырь; оставшись молодой вдовой и прекрасной собой, она сначала оставалась в свете, но когда, в год коронации Императора Николая I, она потеряла своего единственного сына, который был тогда камер-пажом, то Маргарита Михайловна покинула свет и поселилась в Бородине, на месте батареи, на которой был убит ее муж, где он и был погребен; здесь же она погребла и своего сына. Долгое время она была безутешна; гроб сына со стеклышком, сквозь которое можно его было видеть, стоял в склепе, который она ежедневно посещала. Митрополит Московский Филарет, бывший ее духовным руководителем, наконец уговорил ее совершенно похоронить своего сына и отказаться от ежедневных воззрений на него, что производило для нее только смущение и страдание. Она послушалась, построила монастырь и постриглась в монахини и скоро была назначена игуменьей Бородинской пустыни. При ней долго жила — ее старая гувернантка г-жа Bouvier, которая принимала деятельное участие в устройстве монастыря и которую все очень любили. Так, например, однажды Mlle Bouvier, — в минуту, когда монастырь очень нуждался, — писала старому князю Друцкому: «Князь, присилай хлеб, а не то пятьдесят сестер будут кушать воздух». — Вначале Маргарита Михайловна устроила нечто вроде общежития (*Comme un Couvent du Mont Aventin*²⁷), — домашнего монастыря, который постепенно разрастался и, наконец, превратился в большой, правильно организованный монастырь. —

Как я помню Маргариту Михайловну, она была высокого роста, с строгим, но симпатичным лицом, живыми глазами и доброй улыбкой. Она была вспыльчива, говорят, но ангельски добра. Она пользовалась общим уважением.

Проехав Бородино, мы сворачивали с большой дороги и ехали проселочной, где всё нам было знакомо и мило. — Вот, наконец, и маленький овражек — граница нашего имения, скоро затем наша деревня Преображенская, всегда бывшая оброчной, — и крестьяне, которые нам встречались, усердно кланялись своим господам, и нас очень радовало, и нам казалось, что они нас очень любят. Вот и миленький Преображенский лесок, расположенный по обе стороны дороги. Еще несколько минут, и потянулись налево от дороги: наш огород, затем дом священника и причта, вот и наша церковь, и от нее до усадьбы широкая березовая аллея. Лошади гибко по ней несутся; на дворе уже заметили наши экипажи, все дворовые побежали к крыльцу барского дома, — встречать господ; собаки залаяли, но, узнав своих, замахали хвостами и присоединились радостно к нашему поезду; между ними наш любимец Медор, большой черный водолаз, которого мы нежно любили и который жил у нас в комнатах. Вот, наконец, мы остановились у крыльца, и нас встречает обступившая экипаж дворян, управляющий Алексей Маркович и жена его София Ивановна.

Мы, дети, с восторгом обегали залу, две гостиные, боскетную и наши комнаты наверху, потом сбегали в сад и затем мало-помалу входили в нашу милую деревенскую жизнь.

Но я хочу описать и самый Горячкинский дом, и всё, что его окружало и что было нам так мило и дорого.

С крытого крыльца в несколько ступенек, на котором люди обыкновенно заседали, — вместо того, чтобы сидеть в скучной

передней, — входили в большую переднюю, в которой были лари кругом стен, круглый стол и вешалки. Из передней одна дверь налево вела в залу, а другая — в большой коридор, разделявший нижний этаж и служащий для сообщений с внутренними комнатами. В нем же была лестница, которая вела в мезонин.

Зала была большая комната, занимавшая всю ширину дома — т. е. от двора до сада; она была всегда светло-желтого цвета. По стенам стояли плетеные стулья и посредине круглый стол, который имел способность бесконечно раздвигаться. По входе из передней в зал, на левой его стороне — с окнами на двор и на аллею, ведущую к церкви, — стояли фортепиано, арфа и этажерка с нотами. Это была, так сказать, часть дома, посвященная музыке. Между окнами были большие стенные часы, с громким боем; по этим часам и распределялась жизнь Горячкинского дома.

Тут же стоял большой бильярд-бикс, на котором мы часто любили играть.

Из залы направо была дверь в большую гостиную, всегда светло-голубую. Окнами и дверью она выходила на большую круглую террасу и в сад, над террасой был такой же полукруглый балкон, который поддерживался колоннами, стоящими на террасе, между колоннами были маркизы, так что на террасе было всегда очень прохладно и приятно. На ней всегда стояли цветы и зелень, и в хорошую погоду там часто сидели. По длинной стене гостиной, противоположной окнам, был большой диван, по концам которого стояли два шкафа со стеклами; в одном были коллекции минеральных камней и редкостей, привезенные дядей матушки, моряком Львом Васильевичем Лёвшиным, а в другом — разные изящные вещицы, что ныне называется *des bibelots*²⁸. Над диваном висел масляный портрет дедушки Василия Дмитриевича

Комынина (портрет этот теперь у нас в доме). Перед диваном был овальный стол и потом с каждой стороны по 4 кресла.

По боковым стенам были маленькие диваны с небольшими перед ними столами и по бокам креслами.

Между окнами были столы с зеркалами. Вся мебель была красного дерева, покрытая малиновым штофом. — Вот и всё!

В большой гостиной обыкновенно батюшка и матушка сидели в свободное время, и тут всегда принимали гостей.

Из большой гостиной проходили в малую гостиную — светло-зеленую, тут было почти то же убранство, что в большой, т. е. по 2-м стенам диваны и перед ними столы и кресла.

Вся мебель, конечно, в стиле Empire, царствовавшем тогда повсеместно.

Из маленькой гостиной по маленькой лестнице в 7 ступень сходили в *боскетную*, и хотя эта комната находилась уже в части здания, соединяющей самый дом с флигелем, но эта боскетная составляла неизменную часть дома, и мы ее очень любили, — она была очень хорошо расписана и изображала лес и развалины. Тут одно время помещался кабинет отца, но больше она оставалась никем не занята и отдавалась иногда для приезжающих гостей.

Коридор, в который входили из передней, разделял дом на две неравные половины и служил внутренней артерией для движения. Из коридора направо дверь вела в две комнаты матушки: 1-я была ее туалетная, и в ней жила сестра, а вторая была кабинет и спальня матушки и младшего брата Саша. Занавесь, в виде перегородки, разделяла эту последнюю комнату, которая была *sanctum-sanctorum* всего дома. Мы обыкновенно приходили всегда в эту комнату к маме после обеда и очень любили эти посещения.

Мама нам давала какие-нибудь лакомства из своего шкафа или книги для чтения из того же шкафа, который теперь у меня в Петербурге (в 1902 г.) и стоит у дочери. По мере того, как мы росли, эти посещения мамшиной комнаты делались нам милее и дороже. — Это были моменты самых душевных разговоров с матушкой, и эти беседы вносили в душу каждого из нас самые возвышающие мысли, чувства и впечатления, благодаря нежности к нам матушки, ее чуткому пониманию наших сердец и мыслей и благодаря ее нравственной высоте, доброте и поэтической ее натуре.

Далее по коридору был вход в девичью и дальше во флигель, в котором одно время жила сестра с гувернанткой-англичанкой и потом бабушка Надежда Васильевна или другие гостившие у нас родные или знакомые.

Посреди длины коридора была лестница, ведущая в мезонин. Он состоял из двух больших комнат. Одна выходила окнами в сад, и перед ней был большой полукруглый балкон. В этой комнате жил батюшка, а другая комната, выходившая окнами на двор, была жилищем нас, детей, — сначала всех с няней, а потом нас 3-х старших братьев с нашим гувернером М-г Рауен, и эту комнату мы чрезвычайно любили. Комнаты эти разделялись тоже коридором, на обоих концах которого были стеклянные двери, ведущие на чердаки, где был всякий хлам и скарб и часть наших игрушек. Мало-помалу эти чердаки, светлые и большие, сделались сукурсалиями нашего апартамента, особенно тот, который окнами выходил на березовую аллею, ведущую к церкви.

Из залы налево маленькая лестница в 6 ступенек вела в *буфет*, проходную комнату и сукурсалию буфета и дальше во флигель, занимаемый кухней и пекарней. Вот и весь наш милый

Горячкинский дом, которого здесь прилагаю вид и план для лучшего понимания моего описания.

Перед домом был большой квадратный двор, середина которого была занята круглым сквером. Перпендикулярно к дому, по обеим сторонам, было по флигелю. На правой стороне флигель, занимаемый конторой и помещением управляющего Алексея Марковича с семьей, а на левой стороне двора, напротив 1-го флигеля, такой же флигель, в котором были все хозяйственные запасы. Эти флигели имели фронтоны с колоннами, и на крышах возвышались очень красивые и оригинальные башни, что очень украшало двор и давало ему в наших глазах какой-то феодальный вид, и мы все жалели, что не было башни над самым домом.

На 4-й стороне двора, т. е. vis-à-vis дома, было тоже два одноэтажных строения с фронтонами и колоннами. В левом были конюшни и экипажные сараи, а в правом — комнаты для некоторых из служителей и тоже для гостей. В середине между этими двумя зданиями был колодезь, водой которого и пользовалась вся усадьба, и за ним деревянная стена, ограждающая сзади двор от окружающего усадьбу леса.

Вне двора были три большие избы, в которых жили остальные дворовые со своими семьями.

Другой фасад дома выходил в сад, который был очень велик и приятен для прогулок, потому что в нем было много тени. Перед домом был большой луг, кругом которого были клумбы с цветами, и этот луг спускался до самой реки, которая несколько ниже усадьбы была запружена и поэтому в саду была очень широка; на середине реки (перед домом) был остров, покрытый высокими, смолистыми тополями; на остров переезжали на плоту. Противуположный берег реки был крутой и покрытый лесом; этот берег

был изрыт оврагами, тоже заросшими лесом, так что вид на сад и реку из дома был очень красивый. Луг перед домом был окружен купа́ми деревьев, и вообще сад был очень искусно разбит. Вправо от дома, в саду были оранжереи и грунтовый сарай с чудными вишнями, а дальше шел английский сад, — большой еловый старый лес, с проведенными на нем дорожками. Тут была и беседка, в виде греческого храма — с фронтоном и 4 колоннами. Эта беседка, окруженная высокими задумчивыми елями, была очень поэтична, перед ней была площадка, с кучей песка, и здесь мы, будучи детьми, ежедневно проводили несколько часов. За садом начинался опять лес Антошкино, куда мы очень часто ходили гулять и искать грибы, а за этим лесом был скотный двор, называемый «Четверти», куда мы иногда с родителями ездили пить вечерний чай. Это место было нам очень симпатично, и поездка на «Четверти» была всегда для нас радостна.

Я уже сказал, что за двором нашей усадьбы был лес; ближайшая часть его была «загоном» для лошадей, дальше был лес, называемый Малой Колгановкой, и еще далее *Большая Колгановка* — *le grand bois* — это был очень старый лес, в котором водились волки; среди его была узкая долина, называвшаяся «Волчьей», и в ней была устроена ловушка для волков. Мы иногда с нашим гувернером М-г Раупен ходили делать экскурсии в этот лес и всегда вступали в него с особенным чувством, похожим на страх, как в леса друидов.

В 8-ми верстах от Горячкина находилась другая часть нашего имения «*Дорники*», тоже со скотным двором. Это место было очень живописно, — оно находилось на высоком берегу Москвы-реки; верхняя часть оврага, идущего к реке, была запружена, и здесь кругом пруда была очень милая роща и скотный двор.

Овраг был весь заросший лесом, очень живописен, и вдоль его шла дорога, по которой спускались на большой заливной луг к самой реке. С высоты вид на противоположный берег Москвы-реки и всю окрестность был восхитительный.

В Дорники мы с родителями ездили раза четыре в лето — тоже пить вечерний чай, и это была наша самая любимая поездка.

Из соседей мы любили ездить только к нашей ближайшей соседке Авдотье Васильевне Благодаровой. Она была помещица 17 душ и жила в деревне Черная Грязь, где кроме ее были еще помещики Ямщиковы (40 душ) и помещица Тюнина, у которой было 4 двора. Ямщиковы мать и дочери были очень благовоспитанные люди, но обедневшие, и они у нас довольно часто бывали, но мы к ним редко, и нам, детям, было у них невыразимо скучно и, не знаю почему, *противно* всё, что у них подавали.

Но ездить к Авдотье Васильевне Благодаровой всем было приятно: и родителям, и нам.

Ее простой и маленький дом был так уютен и симпатичен; в небольшом зале с цветами на окнах одна стена была вся покрыта образами, а маленькая гостиная и спальня были очень хорошо убраны в стиле Louis XVI — т. е. Екатерины II, и она сама принадлежала к этому времени. Авдотья Васильевна была рожденная Лопухина и выдана очень молодой за старого и развратного человека, который, кажется, не долго и жил после свадьбы и оставил по себе только тяжелое воспоминанье. Она никогда о нем не говорила, и портрет мужа висел у нее в передней.

Дом Ав. Вас. был окружен небольшим, но очень старинным садом, это было и в физическом, и нравственном отношении самое уютное место.

Всё дышало здесь миром, тишиной, спокойствием, скромностью и изобилием.

Нигде не было лучшего варения, меда, ягод, всяких домашних угощений, нигде не было более сердечного гостеприимства, кротости, доброты и благорастворения; Авдотья Васильевна была святая женщина: простая, рассудительная, чистоты и доброты ангельской и в высшей степени симпатичная. Мы все, дети, ее бесконечно любили и рады были к ней ездить, и она любила моих родителей и часто у нас гостила по довольно долго; именье ее было всего в 2-х верстах от нас, и она была нашего прихода, поэтому и в церковь, всякое воскресенье, ездила к нам в Горячкино и, конечно, потом у нас проводила день. Она скончалась в 50-х годах как святая и погребена близ Горячкинской церкви; я за нее постоянно молюсь; и уверен, что и ее молитвы услышаны Господом.

Наши родители очень любили Авдотью Васильевну и почитали ее. Несмотря на то, что она была замужем, она была девица и была великой чистоты и смирения и кротости. При этом имела много природного, русского здравого смысла и юмора. В ее обществе родители находили отраду и удовольствие. Кроме нее из соседей матушка любила общество игумении Тучковой и давнишней своей знакомой Ольги Дмитриевны Аникеевой — сестры князя Горчакова (впоследствии главнокомандующего в Севастополе)²⁹; Аникеева со своей единственной дочерью, очень милой и красивой девицей, жила в 7 верстах от нас, в селе Красновидове — Belle vue, как она его называла, расположенном на возвышенном берегу Москвы-реки.

Но всего отраднее матушке была близость к Тёсову — летнему пребыванию ее отца Василия Дмитриевича Комьнина. Тёсово было от Горячкина в 25 верстах, и мы раза два в лето

ездили всей семьей туда гостить недели на две и очень эти поездки любили.

Тёсовский дом находился на высоком берегу Москвы-реки (в 7 верстах от гор. Можайска). Он был окружен огромным садом, тянувшимся вдоль реки, и Тёсовская барская усадьба, со своими красными крышами, казалась нам целым городом. Дом, построенный при нашем прадеде, в царствованье Екатерины II, был огромное трехэтажное здание. Большие сени и широкая лестница вели в большую залу в два света, которая занимала всю середину дома; влево от залы была громадная гостиная, а прямо из залы входили в боскетную, а оттуда большую бильярдную, окнами уже выходившую в сад; за гостиной и до бильярдной был целый ряд комнат, в которые мы никогда и не ходили, а равно и в третий этаж над гостиной; вся эта часть дома имела репутацию, что в некоторых комнатах видали привидения, что еще более усиливало наш интерес. Странно, что, несмотря на наши частые постоянные посещения Тёсова, большую часть этой левой стороны дома мы никогда не видали. Третий же этаж правой части дома отдавался нам, и в него тоже вело несколько лестниц и в нем было много переходов, что нам казалось таинственным. В нижнем этаже мы только знали комнаты дедушки и бабушки, и то не все, а средняя и правая часть нижнего этажа дома, где были службы, нам были и так и остались нам совершенно неизвестными. Дом дедушки — долгое время казался нам типом великолепия, и мы почитали его как бы замком, исполненным таинственности, — *et c'est ce qui faisait son grand charme*³⁰. Сад был копия Царскосельских и других Царских садов окрестностей Петербурга, и очевидно, что дедушка воспроизводил в нем с большей простотой и меньшим изяществом

то, что он в молодости видел в Царских резиденциях. Длинная аллея с гипсовыми статуями вела к площадке среди высоких тенистых лип, к качелям; это было наше любимое место. Тут были и карусели, и качели разных родов, и мы всегда туда просились. Жизнь в Тёсове была очень оживленная, — постоянная музыка, много народа за обедом — гостей, частые поездки всем обществом пить вечерний чай в разных местностях, из которых мы более всего любили поездки в большой Васильевский лес; всё это нас очень забавляло, но под конец мы начинали в Тёсове скучать и с нетерпением ожидали возвращения в наше милое Горячкино, к нашей обычной и исполненной для нас прелести домашней жизни.

Летом 1841 года дедушка В. Д. Комьнин с нашей матушкой, нашим отцом и старшим нашим братом Василием поехали в Петербург, чтобы записать брата Василия в Училище Правоведения, а брата Николая и меня в Морской Кадетский корпус. Это и было исполнено — с тем, чтобы в будущее лето 1842 года нас всех троих поместить в эти заведения. Мы все, младшие братья с сестрой, гувернером, няней и старой гувернанткой англичанкой, оставались лето в Горячкине.

К концу лета родители вернулись из Петербурга. Брат Василий с восторгом нам описывал Петербург, и мы радовались мысли на следующий год его тоже увидеть! Мы были очень довольны привезенным нам из Питера подаркам! — но о поступлении в Корпус не думали, и даже мысль об этом нам очень не правилась.

Все лето 1841 года мы провели по обыкновению очень мирно и осенью воротились в Москву, где провели зиму. Зимой у сестры была скалатина, о которой я уже писал, а у нас, 3-х

старших братьев, была корь, которую получила и сестра, только что выздоровевшая от scarlatины. В мае месяце мы поехали в Горячкино, — но, увы, ненадолго, ибо в июне уже нас повезли в Петербург, и тут и кончилась счастливая пора нашего детства.

В. С. АРСЕНЬЕВ

ДНЕВНИК

[1856 г.] <...> 4 января. <...> У Бибикова слышал речь на Новый год в высшей степени замечательную; по вторичном прочтении коей Густав Адольфович [Шверин]¹ сказал: Достоин удивления, что порядок столь простой, коему следует вся природа, сделался для человека чуждым; вот еще признак его страшного падения.

Путь тройственный к возвращению подлежит: путь очищения, просвещения и соединения. Одно для другого необходимо: очищение для просвещения, просвещение для соединения.

Говорили о ядовитых частях в табаке. В. А. Б<ибиков> сказал: Да ведь повсюду разлит яд, — во всех телах есть ядовитые частицы. Это последствие падения человека — проклятие на всей природе. До того все вещи в природе были светлые, проникнутые светом; а теперь мы не видим, чтобы они были светлые. Тело наше теперь гниет, а прежде не гнило, а было нетленною сущностью.

Скромность уже заключает в себе всё совершенство. Скромность в желаниях есть целомудрие и воздержание, скромность в мыслях, в наружном обращении с другими людьми, во взорах, в словах и пр. и пр. Развивал сие и вышли все добродетели. <...>

16-го января. <...> В Св<ободно>-К<аменщическом> [отношении].

О полуйстине. — Пот<ом> виде<л> одно изр<ечение>, призи<ающее>, что одно сие учение обнимает соотношение тайн природы между собой и Творцом. По поводу того, что в плоти Адам<а> всё то в экстр<акте>, что в вели<ком> мире. <...>

На пути ☉² ли ты, когда с пути очищения сбиваешься? <...>

18 января. У Бибикова: что и всё человечество, и Церковь пред Господом, как один человек. На что есть в Св. [Писании]. Важная истина, имеющая обильные последствия!

«Одна дама в провинц<ии>, мало образованная, — рассказывал В. А. [Бибиков] с удивлением и недоумением, — вопрошала стол: — Кто ты? — Князь Тьмы. — Признаешь ли ты И<исуса> Х<риста>? — Как же не признавать, когда вижу. — За что же ты ненавидишь Его? — За воскресение душ».

В Москве один человек получил от стола ответ на вопро<с>: — Кто ты? — Дамьян N N. — Кто это? — Родственник твой, умерший тогда-то. Отслужи по мне панихиду. Я погребен в таком-то монастыре, в церкви, на таком-то месте. — Тот поехал спрашивать и не нашел. — Говорит о том столу. — Душа отвечает: — Знаю, что ты был, но не так искал. Да поищи же, — у такой-то стены, на которой найдешь надпись. — Тот едет и находит, служит панихиду и получает чрез стол благодарность. — Как это, особенно 1-е, — поразительно! Мысль, что так как за мерзость сию, — ибо чрез перв<ое> открывает<ся> блуждающим душам и темным духам вход в душу, — истреблены были занимавшиеся черной магией народы, — то не для наказания <ли>, по кр<айней> м<е>

ре> отвращения от всего на всю сим занимавшуюся Европу послана была война 1853—1856 года?

⊙ есть как бы христианские мистерии. Ежели в Елевзинских таинствах и Пифагорейских так высоко просвещалась мудрая древность, то какой же тут уготован свет ищущим его?!

В сем учении ключ к тайнам Церкви, природы и человека.

Душа, скитавшаяся 1000 лет. Как подобные вещи страшны и поразительны! Магический ход чело<в>ка! Как отвергая помы<слы> сокрушения и намере<ния> покая<ния> человек в несколько минут глупеет и наоборот! Посему-то сказан<о> вчера у Биб<икова>, что здесь мы под благода<тию>, а там под законом будем.

Беседа братская, если с молитвою, есть сильное подкрепление и освежение и прояснение того, что в собственной практике было бы приобретено.

По возвращении я некоторое время не мог заснуть от теснившихся в душу сильных впечатлений. Мысли о смерти, суде, вечности, погублении себя на вечность грехом и др. Тут ощутил пользу чтения неослабного по утрам, хотя бы и в сухости <...>.

Легенда о Сибилле и девяти книгах³. Объяснение Бибикова примером больного, всю жизнь согласившегося употреблять горькое лекарство, и другого, при конце зараз решившего выдержать сильнейшее и горчайшее лечение. <...>

⊙ можно назвать христианская философия и познание всего при особом свете. <...>

1 февраля 56. <...> Вечер у Бибикова. Чтение письма о предмете общества нашего, подтвердившее мои мысли. Натура, человек, Св. Писание: вот три книги, из коих здесь делается едино. Замечательные слова о том, что мы не должны убежать

общественной жизни, как ратник с поля, — но оставаться в нем и противоборствовать злу. <...>

8 февраля. <...> Бибиков вчера след<ующее> замечает<ельно> говорил: а) При рассуждении об отношении 7 должностей к 9 заповедям Блаженства (при чем справедливо обличил меня в головном изыскании, а не простом практическом) сказал: у нас 7 должностей, ибо они противное суть 7 падшим силам; а 9 заповедей блаженства есть уже высшее учение Христово, а не приготавливательное. Падшие силы суть 7 пороков или смертных грехов. Так, гнев есть может быть извращенная Божественная ревность, и так прочие, что нужно из опыта познавать.

б) О выражении «через 3 раза 3» сказал на вопрос князя Ив. [Друцкого]: Можно понимать, что это относится и к тройственному составу человека, из коего каждая составная часть есть тройственна.

в) Об обязанности прежде всего наблюдать, порядочно ли закрыта ложа, и чтобы двери не отворялись, — привел пример из подвижничества св. отцов, — что один из высоких подвижников ехал на лодке с тремя другими отцами, которые между собой свободно рассуждали о всех предметах, хотя и духовно. По переезде спросил его некто: что, высокие мужи с тобой ехали? Он отвечал: да, высокие, — но жаль только, что их двор без ворот. <...>

15 февраля, среда. У Бибикова сильные и к стыдению приводящие наставления о скромности и о страшном нарушении клятвы, о коей и забываем; а снять ее никто не может с учинившего. Пред Кем и на Чем? На Евангелии клялись: мы уже не свои, и горе нам, если мы покинем путь, на который поставлены и вольно вступили. Противоречия встречаются разуму падшему

потому, что он в существо дела не входит. Так, напр<имер>, мое сомнение о словах: «Кто не предан той вере, в к<оторой> родился?» — разрешилось самым простым образом, ибо сие не значит, чтобы протестант, который будет иметь счастье узнать полноту вселенской Церкви, должен был чуждаться присоединиться к ней и пользоваться таинствами ее; но только то, что кто не верит и тому (и не исполняет сердечно и того), что его вероисповедание на него налагает, — тот не может с пользою вступить в наш ☉. Сие относительно буквального смысла.

О кротости, что она совершенно противное есть слабости: она есть истинное мужество; ибо где следует стоять за истину, там будет стоять до смерти; а где за тело и душу свои, — там уступает и не противится. Потому что кто стоит за неизменное, тот стоит на твердом основ<ании>; а кто стоит за преходящее, — тот на самом зыбком.

В жизни Пресв. Богородицы, описанной одним французским писателем в 2-х томах⁴, — видны такие глубины скромности, что разум и следить не может.

Пс<алом> 102-й вполне поймут те, которые, пожираемые огнем своих грехов и поглощенные своей тьмой, будут исцелены и просвещены Спасителем.

В высшей степени важное и глубокое чтение одного маленького трактата⁵, где говорится о тьме, которая мы есмы, и о сугубо темнейших порождениях тьмы, к<оторая> тем более алчет, чем гуще, — ибо поглощаемый свет внутреннее поглощается, и каково нам будет решать темные порождения наши? И если бы не милосердие Спасителя, то мы бы на веки во тьме остались и погибли; но когда Он туне из жалости к твари является ей, то с какой алчностью сия тьма устремляется к Нему, и тогда только

порождения тьмы уничтожаются: младенцы дщери Вавилонския окаянная разбиваются о камень, т. е. уничтожаются светом Камня Живого, — Спасителя! 4000-летнее пребывание в алчбе тьмы своей современников Ноя. Страшная истина о (fix<atio>⁶ души в св. Ев<ангелии> и п<рочее>) том, что душа по смерти тела, как лава из формы выходящая, остается в тех свойствах, в коих была; и о ужас! Если не формировалась по закону Божию, то не захочет ничего принять с ней несогласного, и так на веки может остаться, сгущая с тьмою, алкая страшнее и отвергая всё, что может изменить ее! Господи! Открой глаза мои на время темной жизни, избави от беспрестанных порождений тьмы, которые замучат меня, требуя пищи (что ощущаю и при молитве, и во сне, ибо тогда-то темные произведения, суета мысли, — толпятся во мне и занимают душу, прося у отца пищи); ибо ни от кого более, как от отца своего получить ее не могут! — Далее поразительно сказано, что Бог постоянно ставит пред нами на весы Себя в Сыне Своем против нас самих на другой стране весов, и нам предлежит постоянно избрать или Его или себя, или свет или тьму. Если же изберем Его, то мы будем жить, но нас не будет и мы будем в той стихии, которая есть единственно наша пища. Разительное изображение нас, живущих и снаружи и внутри в той стихии, из коей и питаться должны, и произвольно избегающих ее и посредством любодейственного алкания себя претворяющих себя в тьму и порождающих чада тьмы и обманывающих голод наш суетою. Ничего нет страшнее сего, а это есть наша и всех невозрожденных жизнь, на земле рождающих вечную смерть и погибель. Углубись в сие, дух мой! Тут всё христианство. Также прочти и так же как вчера войди с трепетом в чтение начала 5-й главы Исаяи пророка. Кажется, ежедневное

чтение ее должно бы устыждать и обращать нас; но увы! Всё скользит к упорной, собою желающей питаться тьме! Г<оспо>-ди помилуй!

Также 1-я глава Исайи, также псалом «на реках Вавилонских» (Пс. 136) понятен вполне при мысли, что так чувствуют отшедшие к Богу души, — говоря о пленивших нас и однако желавших с алчностью падш<его> разума любопытно знать песни Сионские. Но трудно их петь в земле пленения, покуда не разбиты Вавилонские исчадия о камень.

Тон сухой, учительский у Бибикова, — отталкивающий Истину, под предлогом, что не из достоверного источника. Но не касаясь святых отцов, кои суть после Св. Писания основные камни учения христианского (ибо никто в ☉ против сего ничего не говорил), неужели какие-нибудь невежественные проповеди каких-нибудь из православных священников достовернее высоких писаний ☉-ских писателей? Что ближе к коренной Истине, то без сомнения православнее того, что от нее дальше. И так от врага и от суеты внешней жизни все то, что удаляет от доверия к чистому источнику ☉. А клятвы никто снять не может.

Вопросы Бибикова о материальном положении князя Ивана [Друцкого]. <...>

22 февраля. <...> Беседа у Виктора Александровича [Бибикова]. <...>

Кн<язь> [И. С. Друцкий] указал на контраст буйных увеселений масленицы с начавшеюся сего дня великопостной службой с поклонами, призывающею к покаянию. Виктор Александрович сказал: наружное всегда противно с внутренним.

Исполняются о благих желания наши. Сообщено мне и дано позволение записать о 7 эпохах актов и расположение ковра.

Рассказы из жития св. отец: пример, кажется уже и записанный, об отце, несшем корзины продавать и исполнившем всю волю прокаженного, который просил его нести его на плечах вперед и назад и купить пирогов. Сие оказался Ангел. — Другой отец открыл братьям о духовных состояниях, что когда они беседуют о вещах небесных и занимаются важными истинами, то духовно возносимы бывают до небес; а когда низкими или пересудами братьев, то низводимы бывают до бездны. Виктор Александрович заметил: как тонко духовное и с каким страхом после сего должно разбирать слова и мысли: ибо мы переходим беспрестанно из одной сферы в другую. Каково сие будет в нетелесном мире и горе ненавыкнувшим в добре! — Г<оспо>ди помилуй и сохрани нас!

Вы, говорит, спрашивали меня о причине того, что ветхозаветных заповедей 10, а новозаветных 9. Один из отцов объясняет сие, говоря, что число 10 заповедей (четное и infirmius⁷) имеет соотношение с 10 казнями; таковы заповеди Закона; заповеди же благодати имеют соотношение со Святою Троицею, — имея корнем 3.

Заблуждается в неразумении пути ☉-го тот, который, считая его отдельным неким от религии, теряет из виду то, что составляет существенное отличие направления сего учения: а именно учение природы. Простое религиозное направление представляет один свет, а здесь согласованы, по воле Божией, оба света, что весьма Творцу угодно, ибо никого так не любит Он, как пребывающего с Премудростью. (Невежество, родившееся от нерадения моего о познании Премудрости, привело меня к забвению сего и сомнению об ☉. Прости меня, Призвавший меня к полному свету Твоему, Г<оспо>ди, и просвети мя, Свете всё соединяющий!)

О связи телесного с духовным; некоторые примеры, что духовное получало телесное свое выражение.

По учению природы разбирали предметы, переходящие процессы очищения, — напр<имер>, свекловица чрез измождение, давление с беспрестанными изменениями температуры из жара в холод (как с юга на север ученик) приводится в свое нетление, которое есть сахар. Сладкая соль — сущность, не подверженная тлению. Солинка вообще имеет форму куба. Важное указание на кубический камень, — образец для дикого камня. — Тела, по природе нетленные, каковы металлы (золото), могут быть приводимы в прозрачное состояние. Посредством освобождения от проклятия (кое для природы вместе с освобождением человека от проклятия составляет цель ☉-на, о коей также сказал О. А. [Поздеев]: цель ☉ — Бога прославить, человека смирить, врага посрамить) — золото делается прозрачным золотом. Какое чудо природы освобожденной! Но в известных всем вещах уголь и песок, по натуре нетленные, как и минералы, тоже могут быть названы. И так, тела, тлению подверженные, посредством работ очищения могут быть приводимы в нетленное состояние (как, напр<имер>, свекла в сахар), а тела нетленные по природе (или же и приведенные в нетленное состояние) при работах очищения переходят уже в состояние светопрозрачное, прозрачное (из вещей обыкновенных, — из сахара — леденец и т. п.). — Все сии важные законы чудным поразительнейшим образом одни и те же для духовного и для физического мира. В ☉ сие соответствие вполне познаваемо быть может.

Кровь и плоть Царствия Божия не наследуют. Т. е., нынешняя плоть и кровь, ибо наше назначение быть опять тройственными,

по состоянию обнажения нам предназначенном; но у нас будут плоть и кровь другие.

О смерти и вечности. Встреча похорон ночных пред самым входом к В. А. [Бибикову] мне казалось и для того, чтобы остановить меня от привнесения с собою вздора на беседу, как часто случалось. — В. А. сказал: Для всех нас одна дверь сия. Благо приближающимся к ней правильными шагами; а удаляющихся бросят в нее невзначай! Какие ужасы ожидают безумие наше!

О законах прививки (к дурному плодovому дереву прививается только веточка от лучшего — и плоды выходят последнего). — Чудное, поразительное единство законов видимой и невидимой природы.

Чтение замечательной пьесы: объяснения Акта 1 ст<епени> простым проникновением в дух предметов. Совет: чем проще смысл, тем безопаснее не ошибиться.

Говорено было о благодарности. Медведь Св. Сергия. Лев Св. Иеронима. Лев персидского князя, из благодарности сделавшийся его хранением. Неблагодарность — печать падения.

3 окна: ум, разум и воля В<елико>го М<астера>, коим руководятся к Истине. Сила благословения начальства: Серафим, просивший благословить, чтобы женщины его не беспокоили.

Как опасно следовать одной букве, то доказывают скопцы или конвульсионари, себя распинавшие на крестах. И так мы должны из всего извлекать внутреннее, дух вещей.

Негде сказано: Человек — Божие дыхание. Из сего можно видеть, как мы должны все любить друг друга. Учение природы может облегчить любовь к врагам.

Три светильника около ковра: Премудрость, Красота и Сила. — Сии три во всех делах Его!

Циркуль — изображение Божественного естества, ибо оно из средоточия описывает всемогуществом бесконечное.

Столб J с первого шага показывает Св<ободному> Ка<менщик>у, ибо учение природы есть первый столп ⊙ учения (познание малого и великого мира). <...>

1856, марта 30. <...> Посреди шатаний Церквей, ибо и Православие и Католичество и секты в смятении, — благо тому, который, уважая светильники Церквей, держится центра, т. е. Того, Кто по видению Апокалипсиса посреди светильников находится и дарует им свет; сей центральный Сион знают истинные братья ⊙ Св<ободных> К<аменщиков>. — Даруй и мне, Г<оспо>ди, сего держаться! <...>

10 апреля <...>. Были у нас Шеншины, Митя. <...> Споры об ⊙. <...>

18 апреля 1856 г. <...> Спор об ⊙. Превосходное объяснение Филарета к сему припомин<ил> о пути простоты и пути Премудрости. — Пастыри и волхвы. Двоякая нужда душ. Защитники Церкви из второго пути — т. е. Премудрости. Свидетельство Филарета о Ф. А. Голубинском⁸, что лишились столпа Ц<еркви>.

<...> Сегодня утром нашел записку о смертных грехах и видах их, кою забыв опять впал в смутное о них понятие. Списываю ее в особой тетради ⊙-ской. <...>

Акты суть приятелище всего учения ⊙-ского и суть непогрешительны и неприкосновенны, яко экстракт истинного учения,

соединяющего свет естества и свет откровения (закона и благодати). Кроме актов нет канона особого, и изо всех писаний братских можно делать выбор, держась Церкви.

Уголь, мел и огонь — три вещества, коими работают истинные Св<ободные> К<аменщики>: смирение, скромность, чистота и любовь. Почему уголь смирение? Ибо что сожжено, в том ничего своего не осталось, а только нетленная сущность, которая есть уголь <...>.

Брат казначей не есть ли память? Обрядоначальник не есть ли воображение? В<еликий> М<астер> — ум; 1-й надзиратель — разум; 2-й надзиратель — воля. — Остаются: секретарь и ритор. Каким силам в человеке соответствуют? Секретарь есть тот, который записывает, ведет летопись, хранит тайны. Ритор, напротив, высказывает, что должно. Ритор не есть ли дар слова? Секретарь не есть ли искусство читать и писать? Не знаю.

а) Необходимы для составления л<ожи> первые три, то есть В<еликий> М<астер>, 1-й надзиратель и 2-й надзиратель, или ум, разум и воля.

б) Исправляют или подкрепляют — казначей или обрядоначальник (или память и воображение?).

с) Усовершенствуют 2 последние. Мне кажется, что если без них ложа может быть, хотя и не в том совершенстве, то сии два иероглифа означают не коренные силы, а производные, какова дар слова. <...>

У нас познание естества, но не мертвое, какое в профанских науках, а познание живое, т. е. познание в творении Творца и познание творения под руководством Самого Творца, — как бы дома с помощью его хозяина; ибо Господь так сотворил человека, что ищет открыться ему и изнутри его и совне его и чтобы то и другое познание встречались; такое познание весьма Ему благоугодно.

Совне Бог показывает Себя человеку в творении, а изнутри Бог, живя в самом человеке, говорит ему внутренно и Сам ему хочет объяснять свое творение, почему желает, чтобы человек к внутреннему свидетельству прислушивался, а на внешнее свидетельство обращал внимание. <...>

Самое ⊙-ское направление, образ мыслей, занятия недостаточны без действительной связи с братьями, ибо всяк вне цепи стоящий не электризуется — и потому не оставляйте собрания Вашего! <...>

24 апреля 1856. У Виктора Александровича [Бибикова] важнейшее чтение из актов 3-х степеней и некоего важного о 3-й степени объяснения. <...>

3-го мая. Вечер у Бибикова <...> чтение двух псалмов, петьх при Введении Пресвятой Богородицы, один 44, другой заключает в себе стих: Бог яве приидет и пр. (Пс. 49, 3) <...>

Мысль: почему С. И. [Соколов] и прочие Богомудрые братья так любят мудрую древность, напр<имер>, Платона, Пифагора и пр.? — Религисты прерывают всякую связь с древностью, а мудрые сыны ⊙ знают узел, соединяющий свет природы со светом религии, и сей-то узел есть ⊙ учение, а потому мудрые его последователи уподобляются человеку домовиту, иже износит от сокровища своего новая и ветхая (Мф. 13, 52). О сем же предмете Виктор Ал. [Бибиков] сказал: но ветхое от нового — *свет природы от света благодати разнятся как тело от души, как земля от неба; свет природы — сотворенный свет, а свет благодати — несотворенный.*

Но чтобы не смешивались понятия об областях, кажется следует объяснить себе, что когда идет дело чисто о естестве, то это

область науки; когда чисто о Божественном, — то это есть область религии; а к области ☉ относится только то, что объемлет всю троиственность: природу, человека и Бога; в сем мнении утверждают все акты.

Посему не смешивай понятий: ☉ есть не отделенное от Христианства, а узел всё связующий; но братья иногда сие забывают и берут себе монополию истинной религии, отвергают Церковь и т. п. Напр<имер>, когда приводят черты из жития св. отцев пустынных, то это есть уже из области чистой религии; и потому то только принадлежит собственно ☉, что на троиственном языке имеет значение, — иначе мы будем поступать несправедливо, приписывая себе одним принадлежащее Церкви или науке. Справедливо замечено было, что некоторые из хороших братьев говорят языком религии; но в таком случае они не должны претендовать на монополию: просвещенные пастыри Церкви на сем языке с большим авторитетом говорить могут. А на троиственном языке, как всегда говорили мудрые Мастера (напр<имер>, Осип Алексеевич [Поздеев]), — имеют монополию и исключительный авторитет. И так, вот границы нашей особой области.

Важное правило, переданное Виктором Александровичем Бибиковым по преданию: об ☉ и принадлежности к нему ни с кем не говорить и из братьев С<вободных> К<аменщиков>, кроме брата руководителя и сближенных по воле начальства. <...>

Среда, 9 мая. <...> Мысль Виктора Александровича: дерево привязывают к шпалере для блага его, — ведь это распятие. Так и волю должно и пр.

Мысль Густава Адольфовича [Шверина]: в Евангелии воскресном видим, что св. жены идя ко Гробу говорили: кто отвалит

нам камень от двери гроба (бе бо велий зело)? (Мк. 16, 3–4) И ангел отвалили. Суета — камень при двери нашего гроба, препятствует воскресению духа нашего. Для одного смирения, подобно смирению св. жен, ангельские силы отваливают тяжелые препятствия суеты и отдаляют оную. Это прежде слышал князь И. С. [Друцкой]. — Заметить должно, — сказал Г. А. [Шверии], — как начинается Литургия у вас в Церкви: священник держится обеими руками за Евангелие.

Виктор Александрович с ним же говорил о бахrome или связующем узле. Выше всего: Любовь. А дело любви — воссоединение Бога с человеком во Христовом воплощении. Стало быть, связующий узел может изображать Богочеловека, религию, Любовь. Заметили, что этот предмет выше всего на ковре.

Виктор Александрович мне сказал при чтении места актов о положении Библии на угол, а на нее циркуля. Помните ли вопрос — Где найти? — (о потерянном М<астере>). — О ножнах с мечем крестообразно. Ножны, — говор<ил>, — изображают телесность. (И так, тело и дух в отношении †).

В. А. [Бибиков сказал:] Уединение необходимо, но одиночество вредно. <...>

16-го мая. <...> Поездка к Бибикову. Полное его одобрение перехода в Москву. Лицемерие. Обед у тещи. Разительный пример, что одно догматическое учение не утверждает в вере, — что молодой человек, с детства наученный вере, выражает страшное неверие. Посему-то столп веры ⊙ — познание природы. — Природа должна доказывать все истины догматические: вот мета истинной науки. Но вера д<олжна> предшествовать убеждению. Аще не уверите, не имате разумети (Пс. 7, 9); а вера открывает глаза, и тогда человек видит в природе доказательства. <...>

1856 июнь. <...> Коренное отличие ☉ от монашества есть то, что ☉ есть соединительная линия между религиею и природою и с <единение> обоих светов — [натуры и благодати]. <...>

Москва, июнь 1856. Размышляя о ведении Судьбы, вижу благодетельный план Промысла во всех событиях жизни моей. Рождение в семействе, коего весь быт основан был на просвещенной религии и соединенной с нею истинной Мудрости; ибо дед [В. Д. Комьнин] выбрал для матери моей мужем человека бедного, но богатого стремлением к Премудрости Христианской; мать моя всегда любила всё изящное, благородное, высокое, святое. Супружеский союз их начался под сению патриархального быта деда моего, исполненного теплою любовью и христианскою Мудростию. Верный сын Церкви, христианский философ, познаватель природы и науки в истинном свете, богатый помещик, — но богатый по сердцу Божию, привлекательнейший хозяин; теплотою очага его согревались близкие и дальние, опытный гражданин и слуга благу общему, рыцарь в душе, любитель изящного. <...>

Предположение свободного желания, одобряемое совестью. <...>

О посещениях бр<атьев>. — Положенные посещения: Ир<аз> у Н<аместного> М<астера>; др<угой> р<аз> — у М<астера> Руков<одителя>; третий одну неделю 1 раз у Бр<ата> Секр<етаря>⁹; другую неделю раз у отца; третью нед<елю> р<аз> у Андр<ея> Ив. [Маслова]; пят<ую> нед<елю> р<аз> — у Ив. Сем. [Веселовского]¹⁰. <...>

Понедельник, 13-го [августа 1856]. <...> Вечер у Петра Александровича [Курбатова] <...>. О чудесной защите Соловецкого [монастыря]. Дух П. А. [Курбатова]. Говорили: такой-то

принимает горести свои как опыт. П. А. [Курбатов]: «Да, так это и есть; опыты». 12 было: Сергей Павлович [Фонвизин], Петр Александрович [Курбатов], Степан Алексеевич [Маслов], Василий Иванович [Кутневич], Вик. Алек. [Бибииков], Алек. Мих. [Зилов], Серг. Ник. [Арсеньев], Иван Семенович [Веселовский], Андрей Иванович [Маслов], Александр Дмитриевич [Комынин] и Василий Сергеевич [Арсеньев]¹¹. — За отсутствием Семена Ив. [Соколова], Павла Игнатьевича [Беневоленского], Алек. Сем. [Милованова] и князя Ивана [Сергеевича Друцкого] — вот и все московские! <...>

Во вторник 14-го. Утро 14-го — представление Норову¹².
<...>

Сергей Павл. [Фонвизин] был у нас в тот вечер, как Сергей Ник. [Арсеньев] благоразумно отсоветовал мне в тот же вечер, истомленному и осуеченному, ехать на исповедь. Он сказал о ногах Сергея Николаевича: «Вот ведь и кости, и мускулы, и нервы, и жилы — те же, материя та же, а сил нет; так это уже духовная вещь, силы-то!»

Говорили о сношениях с темным миром, — что, однажды отворив самовольно эту дверь, самому ее затворить уже нельзя. И другие могут изгнать род сей только молитвою и постом (Мф. 17, 21). Сергей Павлович сказал: «Да и не одною молитвою, а и постом, и не одним постом, а и молитвою».

Читая изречение о магните и опилках, Сергей Николаевич сказал: «Истины сии нас только пошевеливают, а приближающихся к ним уже влекут к себе».

4-я параболическая степень должна быть средняя, посредствующая между тремя низшими и высшими. Если 1-я есть основ-

ное сокращение ⊙, то 4-я должна быть центральное сокращение. В 1-й степени дается общее понятие об ⊙, а в дальнейших — развитие. <...>

16-го августа <...>. 1-й вечер у Степана Алексеевича [Маслова]. Застал там Александра Семеновича [Милованова]¹³ и Виктора Александровича [Бибикова], слушающих читающего Степана Алексеевича. Они приняли меня с большою любовью и, по обмене нескольких приятно-полезных слов, Степан Алексеевич с начала начал опять чтение тетради, в коей говорилось о таинствах трех эпох: 1-й Отца — обрезание, 2-й Сына — крещение, 3-е Духа — помазанием внутренним. Сии три религии одну составляют, довершая одну другую по закону, что все должно пройти крещение [огнем], [водою] и [Духом]. Только мне кажется, что 3-я эпоха началась уже с ниспосланием Духа на Апостолов (сие подтвердил отец, сказав, что с вознесения плоти Спасителя она началась); впрочем, и тетрадь сия не иначе говорит. По чтении Степан Алексеевич сказал несколько замечательных слов, кои все слушали в молчании и внимании. Вообще это собрание имело характер правильного и сделало мне прямую пользу, ибо я почувствовал себя в истинном уединении и вошел в себя. — Степан Алексеевич сказал: «Когда откроется Слово Божие, тогда [ложь] совершенно открыта». И сделал аппликацию весьма сердечную ко внутреннему человеку. — Заметил весьма выразительно, что никогда не ощущаешь себя в таком уединении, как посреди братьев. Один же в такой компании худых мыслей и пр. бываешь, что и уединением назвать нельзя. — Но враг отвращает нас от полезных для нас собраний. При невнимании к себе одно препятствие, по-видимому законное, а другим отдаляют благие занятия и таким образом за всякую нашу слабость враг заце-

пу делает и так незаметно отвращает от всего доброго. — Посреди сей беседы, сделавшей мне великую пользу, ибо дала войти в себя при молчании всех кроме начальствующего, — поняло сердце, что пребывать внутри [ложи] дверем затворенным есть истинная обязанность камень <щика> и что молитва есть горение сердца о имени Иисусове. Замечательно письмо Семена Ивановича Гамалеи, оказывающееся, при посылке книги «О тройственной жизни»¹⁴, NB приказание никому не говорить о книге и не показывать. — NB. —

Прояснилось различие прилепления к внешности или к Богу. В высшем смысле *прилепляйся к блуднице* едино тело есть с нею — значит: прилепляющийся к падшей внешней природе в обширном смысле, ибо она неверна Богу; прилепляйся же к Господеви — *един дух* есть с Господом! (1 Кор. 6, 16–17)

Степан Алексеевич еще говорил: Всем, что дает Церковь и гражданское общество, мы должны, а сверх того даруется нам экстракт или очищенное учение, кое и как пользоваться теми научает. О благодарности за сие.

Едучи оттуда, поражен был при виде звездного неба и Млечного Пути. Какое величие Творца миров! Хорошо батюшка говорил на днях, что мы безумным образом привыкли смотреть на чудеса обращения светил и пр. как на неувидительные вещи. Внутреннее чувство убеждает меня, что звезд мириады и Млечный Путь суть миры ангельские и жилища блаженных! <...>

19-го августа 56, воскресенье. С утра послушал немного чтение бр<ата> С. Н. [Арсеньева] из тетрадки зелененькой. Подаренной ему Сергеем Павл. [Фонвизиним]. Беседы Те<оретической> Степ<ени>, кои и накануне читать он начал. Особо на меня подействовало следующее, хотя всё золотое:

«Может ли тот презирать своего ближнего, кто даже и в самом прахе усматривает небесное и неизменяемое начало, отличает и отделяет его от чуждых смешений.

Ах, если бы мы, подражая натуре, фиксировали в сердце своем летучее, нежное и subtilное увещание беспредельной любви Божией, слышимое не в шуме рассеянности, но в тишине, собранности сил и уединении от буйного мира!

В сердце человека заключаются центры всех трех миров».

(Мысль о возвращении к сердечной духовной жизни от жизни животной, низшей и различной (головной)).

«Из учения о стихиях вообще познаем, каким образом духовное тело насаждается во всех вещах и что познание сея чистой телесности, в стихиях находящейся, есть ключ к тайнствам природы.

Бог свое творение и ☉ свое учение начинает с хаоса.

Рачительно всеобщий мира дух исполняет свою должность, стягиваясь и расширяясь во всех своих произведениях» <...>.

20-го августа 56, понедельник. <...> Тесть мой застал меня у себя. Чтение книги *Doctrines des sociétés secrètes*¹⁵ очень подействовало на него, раскрыло в нем теплое чувство к Братству; он читал мне некоторые особо понравившиеся ему места и выразился ясно, что тотчас готов вступить, если не потреб<уется> клятвы. О сем предмете мы состязались. Он сказал между прочим, что на Еврейском языке два слова различные для обозначения понятий: клятва как проклятие קלפ [херем] и клятва как обет. В последнем слове קלפ [швуа] заключается смысл обет. Седьмь. Покой.

И по мнению тестя, Господь один может клясться, ибо Он один обладает седьмью. Мои возражения о правильности клятвы.

Ангел помог изложить письмо для тестя. <...> Семен Ив. же [Соколов], коего о сем вечером спросил, — сказал, что это уже давно тестя держит и что это уже духовные причины держать, и что путь наш — не общий путь.

И так, после обеда отправился к Семену Ивановичу, у коего застал Александра Семеновича [Милованова] и слушал чтение выписок из разных отцов Католической Церкви; однако сие мне показало, что и в отцах Православия учиться надо, и еще прежде тех.

Говорили сперва о церемонии въезда, об утомлении Царя¹⁶. Семен Ив<анович> заметил, что и устремление на него тысяч воров не легко действовать должно на дух. <...>

Слово *religiones*, употребляемое об учрежденных орденах в католицизме, не оправдывает ли выражения, что в Св<ободном> К<аменничест>ве потерянная религия обретается? <...>

Один брат говаривал о беседах при вопросе о том, как находит, что уже говорит; только знай, будь подобен мешку опорожненному, да и собирай полный.

Повиновение есть соединение; ибо две воли сливаются в одну. — (Зри, как утешительно повиноваться руке Божией, ибо покоряясь и повинуюсь ты с Ним соединяешься!)

Мысль ясная представилась о чувстве в последние минуты жизни: иди от меня, подлая чувственность, обманувшая меня прилепиться к тебе, чуждой моего существа и обманчивой изменнице! Горе мне, что я к тебе прилеплялся, а не к Премудрости! <...>

Семен Ив. позволил мне читать «Путь ко Христу» Бёма¹⁷, после разговора, что он в этот день впервые яснее увидел действие благодати столь быстрое, что немедленно после молитвы о

покаянии, для приготовления себя к получению благодати, следует благодарственная молитва о получении даров Благодати.

21 авг. 56 г., вторник. С утра писал для тестя моего, что послалось для возражения о ложном мнении его о клятве м<а-сонско>й. <...>

23-го [августа 1856 г.] У Алексея Михайловича [Зилова] вечером был Сергей Павлович [Фонвизин]. Говорено о работе над 4-мя темпераментами, состоящей в уравнивании их и образовании тем 5-й сущности. 5 орденов <так!> архитектуры.

Сергей Павлович сказал: — Общее возражение против ☉: если тут доброе, то зачем тайна? — Тайны нет для желающих вступить и всё узнать, а только для нежелающих.

Падший разум первое полагает препятствие делу. Не по сему ли первое кровное страдание Спасителя нашего началось с главы — наложением тернового венца.

В последние времена, — сказано, — да бегут в горы (Мф. 24, 16). Для нас это суть истины ☉-го учения.

Пред вечером у Алексея Михайловича были у Александра Николаевича Муравьева. Приятность его прямого и добродушного темперамента. <...>

24-го августа. <...> Вечер у Сергея Павловича Фон-Визина <...>.

У Сергея Павловича была живительная для души беседа. Старей сей старший из видимых начальников наших, и я младший из братьев <...>.

Сферу почуял дух истинно ☉-й беседы; атмосфера, в коей к Осипу Алексеевичу [Поздееву] приходившие обретались. Какое

счастье, что я перешел в Москву. Он очень сему радовался и одобрял; об отце спросил. Говорил о спиритуозных средствах для укрепления спинного мозга. Всякий *excès sexuel*¹⁸ отзывается в здоровье рано или поздно. Похоть ведь более разгорячается в воображении, — сказал он, — чем даже в самой крови, и потому это гораздо менее потребность телесной природы, которая знала бы свою меру, как у животных, чем падшее состояние духа. Я искренно говорил о незнании истинного правила для супружества. Он сказал: коренной закон (и после изгнания человека из рая) всё-таки в сем отношении требовал бы, чтобы всякое соединение половое было рождением. <...>

Сперва говорил он о магнетизме. Это *fluide* духовный, соединяющий душу и тело в нервах. Жаль, — сказал он, — что при жизни Осипа Алексеевича и наших дорогих наставников, — мало еще известно было всё раскрытие сей силы в явлениях; но коренное о ней знание у них было, и Осип Алексеевич говаривал, что не советует никому из братьев магнетизироваться, разве от святого. Ибо с сим истечением сообщаются и нравственные свойства магнетизера; так что были примеры, что если магнетизер лгун, то и субъекту прививался сей порок. Душа прикована бывает к магнетизеру и входит с ним в тесное сочетание, так что следит за всеми его действиями. — Верецагина говорила магнетизеру: Что ты сегодня писал о моей болезни, вот это было не так. Магнетическое действие над нею началось неожиданно, когда доктор, сим не занимавшийся, положил руку на больную ее голову. Она видела *fluide* как синий свет. Раз возвращался он после обеда обильного; она с отвращением не велела пускать его в комнату, говоря: прогоните свинью. — Ее замечательный журнал, пропавший.

Николай Александрович [Головин], с работ раз возвратясь, имел акты в кармане. — «Какой свет от тетрадки, которая у тебя за пазухой», — сказала она. Путешествия ее под руководством Спасителя. Убранство чертога Его ее платьями и вещами, розданными бедным. Видение Иоанна Крестителя. Второе зрение при диктовке, — не видя пишущей, кото<рая> сзади сидела <...>. — Чистый магнетизм — тень и убрusy Апостолов (Деян. 5, 15; 19, 12). Примеры сил духовного мира. <...>

Еще говорил Сергей Павлович о болезнях (после разговора о половых делах). Была, — говорит, — сделана карта болезней: от причин коренных (простуда, повреждения и пр.) — реками нисходили болезни, разветвления их и сочетания. Но забыли главную сверху написать причину: *грех*.

Сергей Павлович одобрил привычку записывать слышанное, читанное и так сказать в нас рожденное от слышанного и чтенного. Хорошо сохранять всё сие для будущего, ибо иногда совсем изглаждаются из памяти добрые впечатления, а сверх того записанное может повести тебя к дальнейшей истине.

Читай более Св. Писание; если и не понимаешь чего, старайся и буквальный смысл усвоивать памяти сердечной (как семя, которое иногда и после раскрывается в земле).

Строгость к другим, сказал он еще, есть признак слабости к себе; а истинная снисходительность к другим — признак строгости к себе.

Учреди<ли> о беседах: 2 раза в месяц у Степ. Ал. [Маслова], 2 раза у Алекс. Мих. [Зилова]; — поручен опять Семену Ив. [Соколову]. Сборное место у Петра Александр. [Курбатова]. Обещал ему списать беседы Бибикова.

Возвращаясь от Сергея Павловича, поражен был видом открытой посреди темноты вечера часовни Сретенского Монастыря, и посреди большое распятие в естественном виде, привлекавшее проходящих. О вы, мимоходящие путем! <...>

30-го [августа]. <...> Вечером пошел к Степ. Ал. Маслову. Не застал. У двери встретился с Серг. Павловичем [Фонвизиним]. Нужно же мне было приехать в сей момент, чтобы объявить ему тут о кончине графа Михаила Юрьевича Виельгорского <...>.

31-го августа 56 <...>. Вечером был я со всеми у Андрея Ивановича Маслова, куда приехал Василий Иванович Кутневич проститься со всеми. Несколько раз в сей вечер тронуты мы были все до слез живыми выражениями его верности и благодарности святому центральному учению Ордена — и все получили утверждение. При разъезде он особо утверждал в верности к ☉ Павла Игнатьевича [Беневоленского]. Как сие было хорошо и нужно! Яко член Св. Синода, — какой авторитет имели слова его для священника! «Держитесь крепко, — сказал он Павлу Игнатьевичу, держа его за руку, — благодетельного учения Ордена. Это великое благодеяние Божие для нас. Мне приятно вас тут видеть; не оставляйте святого Ордена. Мы должны держаться сего постоянно и ценить этот Божий дар».

Когда мы просили Василия Ив. о дозволении снять с себя портрет, то он многократно отказывался, говоря: «Не с таких людей изображения снимать: благодетели наши были божественные мужи, а мы люди обыкновенные, плошадные».

Также говорил о том, что единственное утешение в жизни его ☉ учение, — единственная буссоль при изучении философских

систем; кто их не знает, тот держится просто церковности; но кто изучал все это, тому эта succursale церковности — ☉ необходим. Я был влюблен в философию (3 поколения профессоров), думал найти в ней всему развязку. Фесслер¹⁹. Его мыслительные силы. Заслуги, ибо не устоял открыть яда скрытого и говорил во имя Царствия Божия внутри сущаго: «Теперь, кому необходимо познать все системы философские (защитникам Церкви), надо запутаться в дедале, если не быть знакомым с благодетельнейшим учением ☉». — (Как сильно такое свидетельство у милейших и образованнейших людей, как В. И. [Кутневич], Ф. А. [Голубинский] и вместе sommités²⁰ духовенства! И так в последние времена Г<оспо>дь даровал Церкви оплот против философии мира — в ☉; всю Церковь обзирающие могут видеть сие, если знают ☉. А мнение частных духовных, не видящих ensemble'a²¹, — важно ли?)

Вас. Ив. говорил, что, по исследовании всего, нигде нет полнейшего сосредоточенного учения.

Говорил еще о бывших ему на одиночном пути его испытаниях и что не с кем было душу отвести, но Г<оспо>дь Сам утешал и подкреплял его.

Говорил о совете, их спрашивал у него Фед. Ал. Голубинский, приезжавший в Петербург к нему, — принять ли монастырь или проситься на покой: «*Не опереживайте Провидения, — советовал ему Вас. Ив. [Кутневич]. — Переждите.*»

Наконец согласился по настоянию Сергея Павловича [Фонвизина], сказавшего: «После таких слов Ваших мы уже непременно желаем иметь Ваш портрет». — «Когда приказывают начальники, — сказал В. Ив., — то должен исполнить».

Возвратившись с этой утешительной для нас беседы, усилившей наше постоянство в ☉, а тут Вас. Ив. припоминал Руфа Семеновича [Степанова], называя его Богомудрым старцем (о коем покойный гр. Мих. Юр. [Виельгорский] (о смерти коего также говорили) сказал, что это была последняя перла современного ему Московского Братства); — я писал к жене. <...>

1-го сентября 1856. <...> Вечер провел у Петра Александровича [Курбатова], необыкновенно теплый при растворенном благостию его расположении, хотя говорили о предметах посторонних, но тон его столь любовен, столь ласков и приятен, что видно, что внутри его сквозь всякий и внешний разговор. <...> А в таких людях, как Сем. Ив. [Соколов], Петр Александрович Царствие без сомнения пришло, ибо у них именно внутреннее и внешнее одно и пр.

2-го сентября 56. <...> Статья Киреевского²² о новых началах для философии хороша, хоть и отвлеченна, и это из всех славянофилов, мне известных, кажется один более занят был религией и философией, нежели историческими прениями; но если очень счастливо, что в профанской области появляются теперь смелые и добрые мысли, то всё же эта статья для нас имеет достоинство относительное, а не абсолютное, ибо всё еще не в ту силу, если ближе посмотреть, — т. е. она всё еще не коренна и далека от тех начал для философии, кои в Ордене давно известны. <...>

Почувствовал к вечеру как бы давно уснувшую и пробудившуюся потребность — послушать живых словес ☉, — и почитал с отцом Мастерскую степень (приготовление). Замечательное выражение о совести, что это зеркало, в коем законы Γ<оспо>дни

отражаются. — Чем ударяют принимаемого в образе убийства Адонирама? — Свитками бумаги. Отец заметил, что самая бумага — важный иероглиф, ибо из тления приведенная почти в нетление сущность, — какой ужасный процесс очищения и облагорожения проходит. <...>

12 сентября. Занятия утром с отцом. Чтение замечательных изречений О. А. [Поздеева.] <...>

19-го сентября. <...> Бартенев. Его замечательность. Сравнение его себя с домом, в коем освещена передняя комната на улицу, а внутри тьма. Советы и указания о Народном Просвещении. Наблюдай, молчи, изучай — и Господь тебя сделает орудием Своим по сей части. <...>

Барт<енев> указал на выгоду положения. Все профессора готовы открывать свои сокровищницы.

Сей визит к сему умному человеку, посвятившему всю жизнь науке и всегда служившему Народному Просвещению, дает мне толчок из сна лениости моей <...>.

21 сентября. <...> Еще тетрадь бесед князя Григория Ал. [Долгорукого], Осипа Ал. [Поздеева] и др. С. И. Г<амалеи> запи<ски>. Письма к Аф. Лар. [Сафонову]²³ и другие вещи.

25 [сентября]. <...> Бартенев с любовью дал мне новый лучший перевод Св. Терезии жизни, говоря, что чтение это может произвести эпоху в жизни моей.

<...> В разговоре указал на страшную по величию *écharpée de vue*²⁴ о судьбе рода человеческого, — что *никакого* ни в чем различия Господь не сделает между Богом Сыном и человеком; вся разность токмо, что сей по усыновлению! — Августейшие вещи!

О коих мы теперь не более можем познавать, как, напр<имер>, муравей, если есть теперь под домом в моей кухне, — о том, что здесь сидит Сергей Николаевич Арсеньев и об чем говорят. <...>

29 [сентября]. <...> Чтение Сковороды²⁵.

Преступление есть нарушение *нравственного закона*. <...>

[Ярославль,] 1 октября <...>. Raphael. Jésus Christ au milieu des Apôtres²⁶. Яко брат посреди [ложи], радостно объясняющий им о воскресении тела <...>.

Октября 16, вторник <...>. Сегодня отец выразился сильно по смыслу слов С. И. Г<амалеи>, — что когда воля наша не едино с Богом, то она — диавол. <...>

Октября 17-го, среда. <...> Вечер у Петра Александровича [Курбатова]; его слова по поводу разговора о дурном направлении, что удивительного: зло усиливается прогрессивно гораздо сильнее в нас, нежели добро.

Степан Ал. [Маслов]: — Удивительно, что мы, так хорошо рассматривающие других до самой внутренности их, с таким трудом в себя входим и себя рассматриваем. <...>

21-го октября, воскресенье. <...> был у меня Сергей Фёд. Арсеньев; из разговора с ним 2 мысли, в хозяйственном отношении замечательные. Это сравнение дохода от труда вольного и крепостного и значит<ельная> выгода 1-го; также средство освобождения крестьян от рабства, а помещика от невыгоды иметь крепостных, коих кормить должен, — представлением им откупиться за малую цену, напр<имер> рублей по 100 с души, и не по одиночке, а не иначе как миром <...>. — Впрочем, человеколюбивее, как заметил о сем в течение дня бывший у нас Андрей

Иванович Титов²⁷, — дать им откупиться с небольшим необходимым им количеством земли.

Был у отца. — Читал Семену Ив. [Соколову] из проповедей Таулера, французского перевода²⁸. Дело Духа Святого в душе двоякое: *vider et repliri*²⁹. И тем более наполняет душу, чем более пустот находит. Как сие сильно, объемлюще и сосредоточенно сказано. Это формула внутр<енней> жизни. — Бартеневу отвез с живою благодарностью жизнь Терезии и разогрелся теплотою, почерпнутою из сего чтения; благодарил его в упоении Божией теплоты. Он на мое желание дал мне творения Joannis a Cruce³⁰ и тронул меня любовью своею. Как не делиться с призванным на царственное наследие? <...>

24 [октября]. Дмитрий Иванович [Попов]. — Интересные подробности о Иване Владимировиче Лопухине³¹. Просьба Дмитрия Ивановича о душеприказчестве. <...>

25 [октября,] четверг. — Вечер у Степана Алексеевича Маслова <...>, чтение из Гамалея, что *земледелец никого не кормит семенами, в землю вложенными*³². Исаака Сирина о чистоте ума и чистоте сердца; первая скорей приобретается удалением от нечистот, скоро и теряется; не так со 2-ю. О трех степенях ведения <...>.

Пятница, 26-го октября. Был у отца утром, с Семеном Ив. [Соколовым] там виделся. <...>

Чтение из М^{не} Сузон об Арнде <...>. Сродство Арнда с Давидом.

Суббота, 27-го октября. <...> Отец, Сергей Алексеевич Д<олгорукий>, Сергей Федорович [Арсеньев]. — Разбор

писем О. Алек. [Поздеева] к князю Ал. Ив. Д<олгорукому>³³. <...>.

31 окт. <...> Вечер у Петра Александровича [Курбатова]. Об уме Людовика Наполеона. Напр<имер>, еще в заключении обращал в переписке с самыми интересными людьми внимание на современные вопросы промышленные и т. п. Воспоминание о кончине деда моего В. Д. [Комьнина]. «Теперь положили меня *отдохнуть*». NB как он любил говорить с *agière pensée*³⁴. Сергею Павловичу [Фонвизину] за минуту до кончины: «Простимся», прошептал на ухо и умер. Петру Александровичу [Курбатову] за несколько минут выбрал из связки ключ от тайных бумаг и прочие подробности. *J'ai pris mon passeport.* — О Николае Александровиче Головине, как читал в предсмертной болезни псалом 50-й. <...>

1 ноября. <...> У Зилова. Чтение о Богородице. Тело ее — квинтэссенция из всего человечества, а не из стихий. О нынешнем времени, — что и новое поколение всё чувствуют томление. Последние времена! Едва ли > 150 лет?! — На икону зачатия Св. Анны Осип Алексеевич [Поздеев] обращал особое внимание братьев. <...>

2 ноября, пятница. — <...> Поездка к отцу вечером. Беседа Алексея Михайловича [Зилова] и Дмитрия Ив. [Попова] о крестах. Они только нас и восподнимают. А мы всячески их удаляем и отталкиваем, так с утра поступаем. — Слова Р. Сем. [Степанова]: Начать бы только, начать бы только здесь. — О духовном мире. Когда кому бывают видения ясные, то он видит, как это просто и близко. Точное подобие занавеси пред глазами: что за нею кажется им далеким или несуществующим;

а приподнимут только или завесу прозрачнее сделают, — то и видишь, как близко. <...>

6 ноября. Вечер у отца, коему пришлось от Зилова и Попова уехать в клуб записывать иностранцев; а для меня вышла беседа преназидательная. <...> Воспоминания о Руфе Сем. [Степанове] и других братьях, что случалось приехав прямо слышать то, в чем нуждался или сомневался. <...>

10-го ноября, суббота. — <...> Утро у Семена Ивановича [Соколова]. Разбор бумаг. Чудные письма³⁵. Сундук опорожнил. <...>

11-го ноября. <...> Обедня у Николы Явленного. Распятие с стоящим при кресте, подаренное неизвестным. Череп Адамов; в Адаме все мы крещены кровью Спасителя. Ему угодно отделение костей от плоти, яко внутреннего от внешнего. Апостол о благодати и вере: «Благодатию вы есте спасени чрез веру и сие не от нас, — Божий дар» (Ефес. 2, 8). — Евангелие об изгнании бесов в стране Гаддаринской. Внушение о приправе псалмов Иисусовою молитвой через стих: «И ты яко Апостоли можеши испрашивать Духа Святаго, если ничего инаго не желаешь». Видел Павла Игн. [Беневоленского]. Утро — у брата-вводителя. Разогревающее чтение перевода из Бёма о Святой Вечери — главы о приготовлении себя³⁶. Между прочим, — есть ли во мне уста для принятия? Чтение избранных мест Фомы Кемпийского. «Ты обнимаешь Меня, когда соединяешь волю с Моею, так что иной не имеешь». Как должно дорожить философскою книгою Фомы Кемпийского. Дорогое изречение, сообщенное братом-вводителем из О. А. [Поздеева]: «Тление: — по телу — гниение, по душе — покаяние, по духу — молчание».

Обедал у нас Победоносцев³⁷. Опытное самопознание; в сем человеке вкус нахожу, как бы взял в рот нечто простое очищенное. Его язык опыта, теплый верою. Познание себя всему основа; и когда видишь, что всячески виноват против совершенства Божия, и что как не вертись, всё плохо, — тут не так, там дурно: то сознаешь сие и обращаешься к Богу, — и тут-то является оправдание верою даром; вот его слова живые. Его искание везде духа; его чистая, бескорыстная и в сердечных делах дружба. Его любовь к Церкви. Что, напр<имер>, выше сих слов ирмоса, говорит он: Иже от не сущих вся приведый Словом созидаемая, ожитворяемая Духом! В любви Твоей утверди мене! — Драгоценный человек сей должен быть в очах Божиих. <...>

14 ноября. <...> Вечер у Петра Александровича [Курбатова]. Теплота, живые слова обо всем. К слову: война показала, что значит обращать внимание на одно наружное. — Он же: С. И. Г<амалеев> спрашивал: *Желаете* ли быть христианином и пр.³⁸

Но паче не уставайте дух занятым сделать. <...>

17-го ноября. <...> Был я утро у Семена Ивановича [Соколова]. Его любовь и в Боге пребывание как обращают! Ближе к Богу, когда с человеком в Боге живущим пребываешь. Высокая рекомендация Библии Латинской перевода Тремеллия, Юния и Безы³⁹; в ней все имена Божии как в Еврейском; и много важных оттенков, как, напр<имер>, «Живый в помощи (in abscondito) Вышняго» (Пс. 90). — Толкование Арндта на псалмы выше всех толкований на псалмы; Дух Божий в сем несравненно глубже себя открыл, нежели и в Августиновых псалмах. — Мнение Семена Ив. [Соколова], мне сказанное: Арндта безошибочно можно почитать отцом Церкви⁴⁰. <...>

19 ноября, понедельник. <...> Вечер у Оболенского⁴¹. Победоносцев и все правоведы. Не нужно ли мне посещать общество сие и светское у Сушкова⁴², дабы развиваться не односторонне, или это излишнее? <...>

20-го ноября. <...> М<асонс>кая мысль пришла: у человека 2 руки, 2 ноги, 2 глаза, 2 уха: самое его сотворение по предвечному образцу имущего 2 естества Сына Божия. <...> А ныне от симметрии любят удаляться. <...>

25-го ноября. <...> 14 лет минуло с кончины деда моего Василия Дмитриевича [Комьшина]. <...> Поездка в Андрониев монастырь⁴³ с семьей, где застал отца уже выходившего. В этот день уехал Феоктист. Говоря о желании проповедывать, отец сказал: замечательно, что в [ложе] один Вел<икий> Мастер a la parole⁴⁴, а все прочие молчат <...>.

Заехал с отцом к Семену Ивановичу [Соколову] <...>. К разговору Семен Иванович предложил нам прочесть проповедь Арндта на 12-е осьмистишие 118-го псалма (толкование на псалмы Семен Иванович считает выше всех писаний Арндта: тут открылся в нем тот же дух, коим Псалмы писаны) <...>.

27 ноября, вторник. <...> Дмитрий Иванович Попов. По поводу состязания о восстановлении всего (что зло должно иметь когда-нибудь конец) он привел из природы различное действие солнца на благое и злое растение и переработку злого в благое. Потому-то говорят о злодее с сильными страстями, что если он переработается, то может быть в добре силен. <...>

29-го ноября. <...> У Степана Алексеевича [Маслова] видел Александра Семеновича [Милованова], который сказал мне,

что Библию Тремеллия можно иметь у Рено или на толкучках и дешево. Открытие приведения стекла в жидкое состояние. Чтение частички из товарищеской степени. Совет покойного графа Михаила Юр. [Виельгорского] вчитываться в акты прежде разумения их.

Замечательный разговор Степана Ал. [Маслова]. Напр<имер>, по поводу разговора о твердой вере в Провидение. Вот как мы отделились от духовного мира, что как оставят люди, так и думаем, что мы совсем одни и что никто о нас и не заботится; а того не помним или не верим, что много о нас заботятся в духовном близком мире и помогают всячески, что всякий тысящекратно испытал, если хотя мало-мальски обращал внимание. А еще часто горюем о том, о чем другие радуются. Мы, говорит, вот какие крестоносцы, крестимся беспрестанно; а положат только на плечо настоящий крест, так мы и кричать <...>.

1-го декабря 56 г. <...> После обеда приехали отец с братом Сашею и вслед за ними Ю. Н. Бартенев. Он с Наташей и с нами так говорил об Иисусовой молитве, что оживил теплое вожеление ее и познание всей ее необходимости. Говорил мне, что я имею столько к ней элементов, что грешно не втянуться в это дело, что это низведет благословение на всю династию, что подлейшим будет подобием, если представить пользу ее, мелкий расход так сказать, в том, что, напр<имер>, рассердит ли кто, то если прежде уйдешь во внутрь с нею, то выйдешь уже без гнева; или если бы при хозяйке дома стали бы неприлично шуметь и ничего не действует, то она уйдет в свою комнату, запрется, думая: как им там угодно; а после выйдет — всё успокоилось и думает: хорошо, что меня-то там не было. Рассказывал об удобоприемлемости Бога детьми и как Он легко, охотно открывается им.

Опыты Петра Дмитриевича Маркелова⁴⁵, и Господь легко открывался детям, что он узнавал по наивным их о сем выражениям; а когда были грустны, то говорили, что Бог отскочил <...>. Перешед ко мне в кабинет, которым он все любовался, что он так уютен и на келию похож, — показал мне, как молиться умным деланием по четкам <...>. Говорил об ☉, обещал сообщить мне важные бумаги свои. При молитвенном делании, а не без оногo польза от слияния двух светов <...>. При нем припомнил я здоровое слово Победоносцева, что Любовь не в том, чтобы друг в друге отыскивать совершенства, коих нет, а в том, чтобы одно было обоим любезно: или связывает любовь к одному.

<...> Бартенев указал на мысль Пордеча о том, что когда тварь приходит в огонь любви Божией, то тотчас творит. <...>

2 декабря, воскресенье. — <...> Вечером у меня Дмитрий Иванович Попов. Довольно интересный разговор о знакомстве его с Лабзиным, о чем обещал сообщить записку. (Лабзин был чистый холерик.) — Также писания Маркелова о возвращательной молитве, при чем я узнал, что книжечка: «О молитве»⁴⁶, — из которой я сделал выписки — не его сочинение <...>. Узнал я еще, что «Добролюбие» есть только 2 части обширного сборника, который есть на греческом, — отцов об умном делании <...>. Единство истинного монашества с истинным Св<ободным> К<аменщичество>м. Сравнение Лабзина: вишни ешь, — вкус чувствуешь и тогда о цвете вишен не спрашиваешь. То, что в вечности, то есть истинное; различия же ток<мо> здесь кажущиеся.

Иноками без ограда все быть должны. Если не одежда делает инока, то сущность общая всем. <...>

3-го декабря, понедельник. <...> В сей день вечером был у Попова с 6 часов и получил от него интересные вещи, а у него с отцом читал я нечто из Бёма (толкование картин, переписанное Родионом Михайловичем Быковым⁴⁷, верным братом, много трудящимся в деревне).

<...> В этот день поразительно для меня было чтение Наташи из Св. Отцов столь высоких ☉ истин, что я дивился и признался, что в Церкви все есть. Именно, напр<имер>, в писании Григория Синаита (в Добротолубии) о плане Божиим обожить всю природу и привести тело человеческое в нетленное состояние и каково тело было первобытно, — и проч.

<...> **5 декабря.** — Речь застольная Победоносцева на обеде 57 бывших воспитанников Училища Правоведения у Имберха, на который и я поехал, — была сказана после того, как сели <...> и пред официальными тостами сказал свою полуофициальную речь Н. И. Стояновский⁴⁸ <...>.

Речь Победоносцева вот:

«<...> Сегодня Училищу нашему минуло 21 год. Не мудрено, если в 20 лет начинает ослабевать живая связь предания и воспоминания между первыми и последними выпусками. Не дай Бог, чтобы она когда-нибудь исчезла или превратилась в цепь формальных, сухих служебных отношений. Поддержать навсегда эту живую связь может только *идея*. — *Единство идеи, единство цели, единство труда* — вот что не допустит нас всех — и близких и дальних — разойтись и охладеть к своему союзу.

Стоять за правду — всем и каждому, стоять друг за друга — и за кого бы то ни было, — только во имя правды и чести — вот наша идея; и пока она будет жизнью и духом союза нашего — нет

в мире силы, которая могла бы его разрушить, потому что всего сильнее — правда! <...>

В последнее время все говорят о чиновниках. Не забыли и нас. И наше Училище стали называть рассадником чиновников. Постараемся доказать, что оно — рассадник *людей*, и тогда общее мнение повторит за нами: Многие, многие лета Училищу Правоведения!»

Еще тронут я был тостом в память Семена Антоновича Пошмана, которому все правоведаы теперь отдают справедливость <...>.

6 декабря 56 г. <...> Вечером был у Сушковых, у отца был во время его обеда, пред тем был у Бартенева; пред тем — у Ковалевского⁴⁹, где читал тетрадку о знакомстве Д. И. П<опова> с А. Ф. Лабзиным <...>.

В тетрадке об А. Ф. Лабзине много интересного и завлекательно написана. <...>

11-го декабря, вторник. <...> Был я у Семена Ивановича [Соколова], где был отец и Алексей Михайлович [Зилов]. <...> Было замечательнейшее чтение из Aug. Nicolas — о лице Искупителя. От холода в комнате я надел рясу Семена Ивановича и чувствовал облечение в дух его любви и смысл его. Мысли о желанном звании священства и что может быть когда-нибудь исполнится сия моя любимая издавна мысль, и душа трепещет при сей мысли от желания ежедневно приобщаться тела и крови Господней. Очень наслаждался я беседою Семена Ивановича, братски возбужденною присутствием братьев, чего давно не вкушал от него, ибо всё ездил отдельно, хотя по его же назначению <...>.

13-го декабря 56 г., четверг. <...> Час у Победоносцева. Оптимист или прогрессист, но у него сердечная религия при всех

его благородных качествах. <...> Вечер у Зилова (Сергей Павлович [Фонвизин], Андрей Иванович [Маслов], Дмитрий Иванович [Попов], Сергей Николаевич [Арсеньев], Алексей Михайлович [Зилов] и я). <...>

18 декабря 56 г., вторник. — <...> Был у Коробьиных просить Владимира о плане, но застал тетку Настасью Васильевну [Комынину], от коей получил на рассмотрение и вырубку чего-либо если можно за некоторые герметические картинки и бумаги, найденные в старой конторке прадеда [В. А. Лёвшина] в Темряни. Я рассматривал эти бумаги наверху у Володи на столе. (Инструкции о Великом Деле, написанные на лучах луны и солнцелуния, манускрипты о Деле, мелкие картинки герметического содержания.) Таблицу «Открытая Книга природы» я себе взял⁵⁰ <...>.

23 [декабря 1856]. Бартенев — о Моле, главе Тамплиеров, о процессе их⁵¹, о Ватик<анской> Библиотеке, о предрассудке насчет книг: не в книгах, а в личности. Вериги Дубовицкого⁵².

Утром — воздыхания отца об охлаждении нашем к ☉. <...>

26-го [декабря], среда. <...> Бартенев: нам жизни<енный> дух подымать нужно не иным чем как И<исусовой> молитвой <...>.

2 января 1857. О книгах покойного гр. Мих. Юр. [Виельгорского], из коих уже гуляют по рукам любопыт<ных> невеж. Петр Алек. [Курбатов] сказал: о Марии сказано, что она благую часть избра уже (Лук. 16, 22), не отнимется от нее, а всё это отнимется, книги и познания книжные <...>.

Об обращении Ефимовича⁵³ к ☉. Он все спорил с [А. И. Дмитриевым-Мамоновым]⁵⁴, но раз, не застав его, нашел

на столе книгу об ислении и сожжении, да тут же от доски до доски прочел и по возвр<ащении> того говорит: Я твой теперь, введи меня в ☉. Петр Александр. сказал: вот когда судьба для человека, то не нужны человеческие [неразб.]: дома не было того, а книга представилась.

<...> Серг. Павл. [Фонвизин] заметил, что он постоянно читает книгу И. Сираха.

Беседа имела интимный, теплый ☉ характер. Серг. Павл. [Фонвизин] неожиданно для нас приехал из деревни (он прибыл третьего дня в М<оскву>). Петр Александр. [Курбатов], Серг. Ник. [Арсеньев] и я, прибывший прежде и заставший Петра Александровича одного. <...>

4-го января. День весьма замечательный слышанным от Семена Ивановича [Соколова] и от [А. С.] Кроткова. К С. И. поехал я с отцом <...>, едучи рассуждали мы о нем, что он, как и Петр Александр. [Курбатов] и Сер. Павл. [Фонвизин], не имеют никакого педантизма, что весьма д<олжно> заметить, не отнимая отличных ☉ качеств у Степ. Алексеев. [Маслова] и Виктора Александр. [Бибикова]. Отец сообщил Семену Ив. с утешением о том, как накануне Господь тронул сердце Саши, когда помог он отцу с ним говорить с любовью, которая так тронула Сашу. Сем. Ив., тронутый до слез, заговорил о сем чувстве, что любовь трогает и полагает начало влечению Отца к Сыну, на которое, сказал он, так изящно указывает знаменитый иероглиф актов, кои суть священный экстракт всего: буква G в пламенеющей звезде, которая влечет к себе и соделывает св<ободным> каменщиком, тут заключена драгоценность: Слово Спасителя: вся привлеку к Себе (Иоан. 12, 32). <...> Говоря о гневе, привел

[С. И. Соколов] замечательное слово Осипа Алексеевича [Поздеева], истинно принадлежащее мудрому: отчего человек во гневе <...> кричит, хотя бы его и так слышат? Кричат глухие; стало быть входящий во гнев становится внутренне глух, при том и хочет заглушить внутренний голос совести.

<...> Затем Сем. Ив. хвалил слова и речи Филарета, говоренные в Риге, как имеющие особый характер коренного и оригинального направления. <...>

6ое января, воскресенье. Вечером имел я утешение видеть у себя для обновления кабинета, перенесенного в прежнюю столовую, имеющую тройную против прежней пропорцию воздуха и окна на улицу, — почтенных братьев — Сергея Павловича [Фонвизина], Сергея Николаевича [Арсеньева], Дмитрия Ивановича [Попова] и Андрея Ивановича [Маслова]. Разговор был приятный, сквозь который проглядывалась какая-то особая для меня важность сего собрания бр<атьев> к<аменщик>в, на день собора Св. Иоанна Крестителя бывшего. Что был такой настрой, это сказалось из того, что без всякой неловкости я предложил 2 чтения, которые были очень по нутру всем. (Письмо Осипа Алексеевича о кончине князя Григория Алексеевича Долгорукого (письма сии и предыдущие, т. е. к самому Гр. Ал. писанные передал я на рассмотрение Сергея Павловича, которому подарил портрет князя Григория Алекс. «Не могу не принять этой жертвы, потому что это портрет моего благодетеля», — сказал Серг. Павл.). О кончине его он сообщил, что она последовала на коленках в молитве, ибо когда сделался с ним удар, то он велел себя поставить на колена). Потом читали трогательнейшие и сильнейшие назидательные письма дедушки Вас.

Дм. [Комынина] dernière volonté⁵⁵ и к дочери Надежде, кои отец едва мог читать от слез. <...> Пред съездом отец сердечно говорил о действии на него слов кондака праздника Богоявления (что это ☉-ский язык и что Св. Церковь и есть центр ☉). <...>

24го ж янв. <...> В ☉ полное нахожу себе излечение от неверия. <...>

10го февраля 57, воскресенье. <...> Превосходные мысли, даже ☉-го характера, найденные отцом в записках Филарета на книгу Бытия <...> (место читали о соответствии творения «великого и малого миров»). О близости Филарета прежде с А. Ф. Лабзиным и ко вступлению в ☉. Отзыв Филарета о [ложе], в к<оторую> был послан освидетельствовать, что он не нашел ничего противного религии и нравственности. <...>

12го февр. <...> Приехал к Семену Ивановичу [Соколову], у которого кажется с месяц уже не был. Важность 3^й книги Ардта открыл он нам (тут были отец, Ив. Ник. [Хрущов], Андр. Ив. [Маслов] потом, и я), что каждая глава оной есть частица печати Духа Святого <...>.

13го февр./57 <...>. Вечер у Петра Александровича [Курбатова], весьма теплый, веселое расположение братьев почтенных. Серг. Павл. [Фонвизин], Петр Александрович [Курбатов], Сергей Николаевич [Арсеньев], Иван Николаевич [Хрущов] и я. <...> Степ. Ал. [Маслов] приглаш<ал> меня на 1^е след<ующее> засед<ание> общ<ества> сель<ского> хоз<яйств>ва <...>.

15 февр. 57 <...>. Да, мы живем в необыкновенное время. Возвращаются к исследованию мира духовного и тайн природы,

но возвращаются без руководства религии и ☉, брошенных при начале века, и предания необходимые для пути в духовной области забыты. Куда же это приведет? Крайне опасно! Черная магия заменяет религию для многих уже, особенно в Америке. Может быть, ложные чудеса антихристианства проявятся чрез путь сей черной магии под именем магнетизма <...>.

20го февр. 57 <...>. Отец сообщил мне о бывшей накануне у Ивана Николаевича [Хрущова] приятной и важной беседе втроем с Сергеем Павловичем [Фонвизиним], в которой припоминал он и о завещанном старшими бр<атя>ми, как пред кончиною Осипа Алексеевича [Поздеева] Серг. Павл. и Николай Александр. [Головин] просили его разрешения на нужные вопросы касательно управления ☉, и он сказал: да, спрашивайте, спрашивайте, покуда можно, и на изготовленные ими вопросные пункты ответ дал, к<оторый> они и записали. При том сказал им: *не беспокойтесь об ☉: благословение дано в Москву и пребудет, и если и один только верный брат останется, то на нем почует благословение начальников и от него размножится.* Также Серг. Павл. [Фонвизин] вчера спрашивал отца, где кольцо, переданное деду Василию Дм. [Комьнину] по званию, переданному Василием Алексеевичем Лёвшиным (кой еще покойного Ник. Ивановича [Новикова] спрашивал, кому передать правление и тайны, ибо я уже стар? Лихонину или Шварцу? Ник. Ив. [Новиков] дал ответ: ни Л<ихонину>, ни Ш<варцу>, а Бог укажет кому. Тогда уже по кончине Ник. Ив. [Новикова] Васи<лий> Алек. Лёв<шин> передал деду моему Вас. Дм. [Комьнину] и дал ему кольцо, сопряженное с званием, на коем дед из скромности сделал шатон двойным и гербом прикрыл. Не без причины по милости отца оно перешло ко мне, но и не без

причины в моих недостойных руках сломалось) <...>. А пред тем у отца сверх упомянутого из беседы вчерашней у Хрущ<ова> еще воспоминание о Фед. Петр. Ключарева, к<оторый> был истинный каменщик. «Мне от него крепко доставалось, — сказ-<ал> Серг. Павл. [Фонвизин], — потому, что я глуп был». Речь, говоренная Фед<оро>м Петров. Ключ<аревым> в одной [ложе] о тайном любостяжании <...>.

21ое февраля 57, четверг. Вечер у Алексея Михайловича [Зилова]. Нас было 7 (Серг. Павл. [Фонвизин], Ал. Мих. [Зилов], Дм. Ив. [Попов], Серг. Ник. [Арсеньев], Андр. Ив. [Маслов], Ив. Ник. [Хрущов] и я). Беседа была весьма приятная, из ее замечу нечто, напр<имер>, что мир заклеил особой печатью отвержения ☉, ибо в России в закон государственный не введено запрещение ни единой даже секты, а об ☉ подписки. О происхождении орденов <...>. Звезда на месте сердца указывала сперва высокие светлые свойства сердца очищенного, лента с лев<ого> плеча как бы струю крови из сердца, почему все древние ордена имели преимущественно красный цвет. — О посольстве из Китая чрез 60 лет по Рожд<естве> Христове, чтобы узнать, явился ли посланник Неба. Ибо еще Конфуций, когда его называли святым, сказал: нет, я не святой, а будет послан от Бога Его святой, который научит людей истинной святости и явится на Западе <...>. О костях, что в них хранятся начатки будущего тела, Серг. Павл. [Фонвизин] произнес про себя текст: *носим сокровище в скудельных сосудах* (2 Кор. 4, 7). NB.

Не известно, откуда вошел во внешнюю религию важнейший иероглиф Божества — треугольник, у нас он на мастерском гробе <...>.

5го марта. <...> у Семена Ивановича [Соколова], где был Андрей Иванович [Маслов]. С. И. говорит, что Александр Семенович [Милованов] нашел у себя неск<олько> листиков советов Фомы Кемп<ийского> эконому обители своей, столь чудные, что можно сказ<ать>, что превращают эту внешнюю хлопотливую должность в небесную. Оно ведет дальше, сказал С. И., ибо дает заключить, какое то было братство и что другим братьям говорил Фома Кемп<ийский>, когда эконому так. Небесную простоту и духовность этих наставлений великого труда, — сказ<ал> Сем. Ив., — стоит передать в переводе, коим Сем. Ив. сам с А. С. занимается. <...>

О том, что человек, не имея ничего сам по себе, не имея ничего, чего бы не принял (по слову Апостола) (1 Кор. 15, 3), тем и бывает, чему внимают. Из сего — необходимость быть с просвещенными братьями и за недостаточностью их с книгами ☉-ми. <...> Был у отца. Его увещания на счет редкого моего посещения Сем. Ив<анови>ча и вообще охлаждения к ☉.

7го марта <...>. Вечер у Зилова. Разговор Сергея Павловича [Фонвизина] о предчувствиях <...>. Воспоминания о братстве до запрещения [лож] в России.

8го марта, пятница. <...> Семен Иванович [Соколов] наконец изволил начать со мною чтение Пастырского Послания, причем в молитвенном настроении и глубоком внимании и я, грешный, ощущал присутствие Спасителя <...>.

12го марта <...>. Об Арндте Сем. Ив. [Соколов] сказал: да как он проникнут был словом Божиим. Сегодня собрались мы у Сем. Ив.: Андр. Ив. [Маслов], Серг. Ник. [Арсеньев], Ив. Ник.

Хр<ущов> и я, и читали с великим размягчением сердца и молитвенным настроением объяснения чудные Аридата на 84 псалом <...>. Андр. Ив. обратил мысль на борьбу за нас *по смерти*.

Семен Ив. рассказал о первом зове в ☉ при виде на столе у дяди его ⁵⁶, к<оторый> был в бр<атст>ве с Михаилом, проповеди о познаниях сердечных и разумных, уподобляемых свету солнечному и свету лунному, и как сия проповедь сильно на него подействовала. Об обращении Ефимовича по чтении у Мамонова книги об ислении <...>.

Мы всегда с кем-нибудь беседуем, — сказал Семен Иванович, — если не с Богом, то с другими существами.

Бартенев определил Петра Александровича Курбатова словом *мелодия*, действительно в нем господствует стремление всё приводить в гармонию с любовью. А сего же 13^м веч<ером>, как был я у Петра Александровича вечером (где были Серг. Павл. [Фонвизин], Серг. Ник. [Арсеньев], Ив. Ник. Хр<ущов> и я), то Петр Александрович высказался о важности законов музыки и соответствии частных с главной мелодией. Говорили о гармонии тел небесных, хвалили статью о музыке, из коей нечто в Смеси напечатано, и другую пьеску: Взор музыканта. О 1^м стихе Апокалипсиса, из коего видно, кто Один знает тайну откровения сего <...>. Петр Александрович коснулся великой силы самости, которая всюду господствует и всюду вмешивается, — но есть большая сила Христова, которая поглотит или поглотит. <...> Вчера после обеда остался с тестем и самый интимный и увлекательный разговор об ☉, так что он и сон забыл. <...>

14го марта 57. Второй сеанс чтения Пастырского Послания ⁵⁷ с Семеном Ивановичем [Соколовым]. <...>

Вторник, 19^е марта 57. Семен Иванович [Соколов], у коего я нашел отца моего, сего дня говорил с нами важного, из чего по прошествии 3^х дней <...> не знаю, всё ли так упомяну. <...> О Кемписе и Арндте сказал Сем. Ив., что они Орденские отцы <...>.

21ое марта, чтение Пастырского Послания <...>.

Вчера, **12ое апреля пятница** прошла так. <...> Утром был сперва у отца, чтобы ехать к Серг. Павл. [Фонвизину] вместе за манускр<иптом>; там Фед. Вас. Окунь<ков>⁵⁸, Андр. Ив. Масл<ов> и чужой <...>.

В четверг вечер у Алексея Михайловича [Зилова]. Знатное ☉ собрание из всех зимних. Нас было 8. Опять после болезни <...> показался почтенный Иван Семенович [Веселовский]. Читали важную вещь, очень на меня подействовавшую. Сем. Ив. Гамалея к одному брату писание: начало истинного спасения обнять себя самого <...>.

15ое апреля 57. В сей день изведен был из тяжкого уныния и нездоровья, продолжавшегося всю святую неделю, в светлой поистине беседе с Семеном Ивановичем [Соколовым], где чувствовал себя ближе к Богу Спасителю моему и говорил себе: вот я опять возле сего мужа, соединенного со Спасителем, и ко Спасителю ближе и я грешный <...>.

Апреля 20ое. Вчера узнал судьбу книг и рукописей графа М. Ю. Велеурского, отданы дочерями в СПб. Публичную библиотеку⁵⁹ (Булгари<и> говор<ит> такое-то число филантропич<еских>, мистическ<их> и чернокнижных книг и рук<описей>), где NB при бытности в Петерб<урге> можно будет их

рассмотреть <...>. Вечером были у Дм. Ив. [Попова] — Серг. Павл. [Фонвизин], отец мой, тесть. Плач тестя при чтении трактата Шуберга о воде⁶⁰, передал отцу моему, говоря весь в слезах: нет, я не могу читать, отец мой также докончил в глубоком размягчении сердца. Всю эту зиму я нахожу его как бы всегда готовым плакать. Я при сем чтении, которое НВ повтори, когда будешь чувствовать нужду в пособии к отвержению похотей, понял яснее, что органы нижние суть произведение сатаны <...>. О плаче тестя всех (С. П. [Фонвизина], Д. И. [Попова], А. И. [Маслова], А. М. [Зилова]) тронуло, впоследствии справедливо замечено было, что вот бы князю заметить, что та же самая пьеска при одиночном чтении не привела его в такое состояние. Вот магия святая братского единомыслия <...>.

23 апр. 57. Утром после Ков<алевского> заехал я к отцу, с коим поехал к Семену Ивановичу [Соколову]. Тут было 1^е чтение тезисов О. А. [Поздеева], возвращенное наконец от С. П. [Фонвизина]. <...> Утром же у Сем. Ив., Андр. Ив. [Маслов] словами, что ☉ есть больница, напомнил мне незамеченное мною замечательное обстоятельство, что во сне моем пред вступлением в ☉ видел я себя лежащего в больнице, где Пресв. Богородица прикосновением жезла исцелила меня и дала кольцо вечной науки <...>.

1 мая. Вечер на гулянье с Ковалевским <...>. Вечер весьма интересный у Ков<алевского>. Воспоминания его, а мой о себе (☉) открытия ему, и об Орлове нашел я нужным рассказать. Ковалевский разогрелся, вспоминая время своего Астрейского союза: Толстой (през<идент> Ак<адемии>) и Глинка⁶¹. Ков<алевский> ритором <...>. Стихи бр<атски>е. <...> Поверхност-

ное понятие, ибо о круге нашем говор<ил>, что вдались в Мартинизм. Но приятны были его воспоминания, а мне приятно было ему открыться, пусть он знает меня за то, чем я есмь. Не хочу иной судьбы как ту, к<оторую> Г<оспо>дь посылает своему ☉-ну. <...>

24 июня. <...> Заезжал к дому Андр. Ив. Маслова, у коего надеялся узнать, где братья соберутся, но он уехал в деревню. Заехали домой, на почте отдал письма, был у Семена Ивановича [Соколова], где застал Александра Семеновича [Милованова]. Как утешительно [в] сей великий для нас день видеться с утра с почтенными братьями! <...> Читали для меня сначала просматриваемый ими перевод из Vallis liliorum⁶². Божественная простота и помазание каждой из драгоценных главок сих Фомы Кемпийского, коими наслаждался Семен Иванович, говоря, что подлинно каждая есть благоухающая лилия, — что за углубление внутрь Божественного мира чрез слово Божие. <...> Вышел вместе с Александром Семеновичем. Какую пользу ощутил я от свидания с такими людьми после долгого от них удаления! Они являют нам возможность и привлекательность добра и по сравнению с нами необходимость для нас стремиться к оному. — Коснувшись смерти жены его⁶³, я услышал от него важный ответ: *«Без таких ударов не опомнится человек»*. Затем мы пошли в разные стороны. Так 24^ю июня Г<оспо>дь сам помог мне быть в родной Москве и слышать для меня нужное назидание. <...> Обед у тестя и тещи. Князь Андрей Борисович Голицын⁶⁴ тут обедал. И это не случайно 24^ю пришлось (т. е. для меня, ибо к ним он попал невзначай). После обеда он вызвал меня на открытость, сказав, что нынешний день важен для всякого ☉ брата, и я, открывшись ему прикосновением уч<енически>м, имел с ним согретую и интереснейшую беседу. Он открыл мне задушевное

убеждение свое о чайнии сношений с невидимыми начальниками ☉-а. Показал мне всегда с собой носимый им образ Св. Иоанна Богослова, который он с жаром поцеловал, равно и я. Сказал мне: хочешь ли сблизиться с высшими начальниками ☉ и достичь до сношений с ними: ежедневно о том молись Св. Иоанну Богослову. (NB. А я 8го мая был принят.) Показывал мне (это последнее может быть заблуждение, произведенное пламенем желания) еврейское письмо раввинским шрифтом и другое славянское с благословением от Бога старца Иоанна Богослова (свежими же чернилами), подписанное Симеоном пастырем, поклонившимся Спасителю в яслях. Еще заблуждение его — что он бранит видимых начальников и думает иметь непосредственную связь с высшими нач<альника>ми. Со слезами, с плачем выразил он пламенную преданность ☉-ну, твердую уверенность в его судьбе, о призвании России чрез ☉ к великому делу Божию в Европе и мире. Времена наши счит<ает> Апокалиптическими. Философия новая — жена блудницы Вавилонской, с коею оскверняются цари земные <...>. Узнал я, что социализм, коммунизм, революционное начало и анархическое — всё это исчадия иллюминатизма. ☉ враждебен иллюминатизму яко исчадию ада в виде ордена. Князь Андр. Бор. [Голицын] видит действие иллюминатизма во всём зле, посеянном в Европе и России, даже в бывшем в госуд<арственном> гербе Российском изменении⁶⁵ <...>. Был я у Петра Александровича К<урбатова> <...>.

25 июня. <...> Был в Андрониевом монастыре на могиле матери, где вошел в себя и просил ее молитв об изведении из страстей моих; Осипа Алексеевича просил простить мне неверности мои ☉-у; у прочих друзей на могилах приветствовал их с

⊙ праздником <...>. Я пел церковные и ⊙ песни с неизъяснимым услаждением и вкушением их <...>.

3^{ье} июля 57. <...> Дорóгой чтение с тестем книги об истлеении и сожжении вещей, при чем на возражения тестя удалось основательно отвечать в защиту книги. Впрочем он не против сущности возражал, а придирался как вне ⊙ находящийся.

18ое июля (четверг). Утром увлекся разбором книг герметических, из коих отложил дубликаты для Павла Игнат. [Беневоленского] и кн. Андр. Бор. Гол<ицына>. Утро у Семена Ивановича [Соколова] с чтением Паст<ырского> Посл<ания> о падении прародителей <...>.

Четверг, 1ое августа. <...> Вечер у Дмитрия Ивановича [Попова] с тестем и Александром Андреевичем Аничковым. Видно, нужна была для меня хорошая бр<атская> беседа, и таковая вышла. Давно уже я не был на беседе братской. Тесть мой подал к ней повод вопросами о преданности воли Божией и указанием на объяснение у самого Бёма в молитвах пути ко Христу <...>. Беседа же у Дмитр. Ив. была о преданности, о внутреннем водительстве <...>.

6ое октября. <...> С [отцом] одним беседа ⊙-я, меж<ду> проч<им>, что в нем всё утешение его осиротевшей жизни. Важное сообщение, что начальству угодно сообщить мне дальнейшую за маст<ерско>й степень, что за тем он и поджидал меня в деревню <...>.

7ое октября 57. <...> Вечер у Дм. Ив. Попова, первая беседа сего сезона. Чудное чтение 23 гл<авы> 3 кн<иги> Арнд<т>а, прочти со вниманием <...>.

13го октября 57. <...> Визиты княг. Варваре Ник. Долгорукой⁶⁶ и Руничу⁶⁷, коего наконец отыскал; оригинальный портрет и книги Николая Ивановича Новикова; обед у отца; визит Юрию Никит. Бартеневу; вечер частью у отца, частью у тестя с отцом и Бартеньвым.

20го октября вечером был я у Семена Ив. [Соколова], которого не видал 2 недели. Оставшись с ним один, сообщил я ему о пожаловании мне X ст<епени>⁶⁸ и благодарил его: он возрадовался и поздравил меня «с умножением света, — присовокупив, — ах! Умножение света есть отрада единственная; и больше нет и выше нет ее!» — Он осызаял данный мне орд<ен> Хир<ама> и облобызал крест мой и, встав, надел на меня шнурок сей с крестом. Сим он как бы довершил мое прин<ятие>, а также возложением на меня рук своих; то и другое важное действие принял я на коленях и должен сохранить сие в сердце моем. Так-то с благословения сего любви Божией исполненного мужа введен я в Св. ☉ и доведен и в посл<еднюю> его парабол<ическую> ст<епень>. При возложении на меня орд<ена> Хир<ама> и рук, он сотворил молитву: «Да послужит сие на вечную пользу вашу и на служение Богу и ближнему!» <...>

Читали вместе слово из Сионского вестника на Преображение Г<оспо>дне <...>.

22го вторник. <...> Имел счастье быть на беседе Сем. Ив. [Соколова], поручено мне было читать объяснение 109 самого важного по слов<ам> Арнда псалма <...>. Инокентий архимандр<ит>, родственник С. И. [Соколова], из братьев был, и слышал боговнушаемые лекции Шварца, кои слабо записаны, едва ли только как канва. <...>

23го октября 57. <...> Об ☉ алхимии: об этой вещи такое надлежит иметь понятие, что если бы (говоря ad absurdum) предположить, что превращение металлов невозможно, то и в этом случае, т. е. при сей невозможности, высокий предмет ее пребывает — *возвратный ход натуры* — возвращение тварей посредством человека. Но сие имеет свои законы, в числе коих превращение металлов (ибо и растительное, и животное царство имеют тут свое) есть вещь основанная на натуре вещей; одно невежество упорное и не имеющее понятие о деле творения Божия может в высоких истинах ☉-й алхимии сомневаться. — <...> Вечер у отца сперва, затем у Зилова. Чтение лекции о 3 познаниях⁶⁹; у Зилова есть сундук бумаг Сем. Ив. [Гамалеи?]. Зилов размышляющий брат. Замечательные вещи говорил о приня<ии> и прохो<дн>ом слове. По выходе Дм. Ив. [Попова] ☉ всегда завязывается легче. Видно, что Зилов перечитывает постоянно акты и разрабатывает их размышлением <...>.

25го октября 1857 г., пятница. Москва. <...> У отца чтение об ☉ и параболическом к аменщичестве, выше чего я об актах еще ничего не читал! При всей неспособности к духовному <...> дух мой чувствовал после сего чтения, что ничего важнее нет, как принадлежать ☉ истинно Христову! <...>

[27] окт. 57. <...> Мысль, что и мы Х м астера рукоположены на великое служение и что в сей 4 ст епени рукополагаемся уже на все будущее, так как сия есть последняя параболическая ст епень. Вечером был у отца, <...> разговор Бартенева <...> о Гегелевой философии, которой он последнее время пристально занимался: — что это дивное строение, объемлющее всё с удивительною последовательностью и завлекательною

мыслительную всезачерпывающую силою, созидающая все науки, но тончайшая (против предыдущей сети — вольтерианизма) сеть сатанинская, увлекшая весь ученый и современный мир <...>.

8го ноября 57. <...> Также случилось, у отца встретить князя Андрея Борисовича Голицына, который для меня весьма замечателен. Он со слезами говорит всё о приближении великих сроков Божних. Блажен бд<ящ>ий! — восклицал он. Вскоре все удивятся. Предсказание о гибели на Западе и о милосердии Божиим к России. Импер<атрица> Мария А<лександровна> подошла, говор<ит>, под влияние внутр<енне>го ☉ <...>.

9 ноября, 57, суббота. <...> Интересный для меня субъект кн. Андр. Бор. [Голицын]. Его вера в невидимых начальников и возможность подойти под совершенное их водительство, его теплое сокрушенное слезное чувство благодарности к Богу и Его ☉ <...>. Да и удивит<ельные> вещи с ним бывают. На днях получил, как говорит, от высокого начальника — Симеона, пастыря, видевш<его> ангелов в ночь Рождества, приказание готовиться ехать, а куда и с каким поручением — неизвестно. А чрез неск<олько> дней получ<ил> от Потёмкиной⁷⁰ предложение ехать в Иерусалим выбир<ать> место для Церкви <...>.

10го ноября, 57. Сегодня ровно месяц прошел с принятия меня в Х с<тепень>! <...>

12го ноября 57. Важные и таинственные вещи, заключающие *защитительное писание Пастырского Послания*⁷¹, желательно иметь; оно переведено Павлом Игнатъевичем [Беневоленским] и переписано Иваном Семеновичем [Веселовским]. <...> Сегодня имел я счастье попасть, после 2 недель, на беседу к Семену

Ивановичу [Соколову], где был сперва Андрей Ив. Маслов, затем Алексей Михайлович [Зилов] и отец мой. Читали весьма замечательное по силе и простоте Слово Преосв. Филарета Моск<овского> к викарию своему Евгению, произнес<енное> 6^м октября 1857^м года <...>. Эпитафию сказал Алексей Михайлович для Сем. Ив. Гамалея:

Под этим камнем положен
Семен Иваныч Гамалея.
Будь полон мир людей, как он,
То будет в мире посветлее.

Сем. Ив. сказ<ал> на братскую беседу, говорил Афанасий Ларионович [Сафонов], — надобно приходить как *пустой* мешок и принимать, что положить.

Андр. Ив. хорошо сказал и со слезами: Благодетель России Ив. Егор. Шв<арц> ручался за нее своею головою: ныне он еще сильнее продолжает свое ручательство и влияние <...>. Утешительно, что мне досталось переписать его записочки⁷² <...>.

Обедал у отца, а после обеда из герметической библиотеки рукописной, пересмотренной у отца, при чем нашел важное сочинение о каббале⁷³, — особо интересуют меня 15 томов <...>.

У Сем. Ив. отец привел, что при Руфе Сем. [Степанове] некто сказал, что не важна внешняя религия. — «Постой, постой. — сказ<ал> Р. С., — на лестницу как же взобраться, коль вынешь нижние ступени? Если так будешь шагать, то штаны раздерешь». <...>

13^м ноября 57. <...> Маслову завез 1^й лист перевода Молитора, сегодня же списанный⁷⁴. Обед у тещи. Вечер с отцом у Петра Александровича [Курбатова], после 3 недель, где были

Алексей Мих. [Зилов], Степ. Ал. [Маслов], Александр <р> Дмитр. [Комынин], П. А. [Курбатов], отец и я. Реппин, заставлявший ждать короля Польского, а потом отдавшийся в руководство прапорщика Гине ⁷⁵. <...>

14го ноября 57. <...> От 10 до 11 были у Зилова: благодатное братское собрание, в коем по отъезде Дм. Ив. [Попова] ощущали се <...>. Андрей Ив. [Маслов] в сем отнош<ении> образец, да и бывшие тут отец, Александр Дм. [Комынин], Ал. Мих. [Зилов]. Дух бо братства есть дух Христов. Охудали сообщение чего-либо ☉-ского, а наипаче акталного стороннему под видом, чтобы дать лучшее понятие об ☉. <...>

15го ноября 57. <...> Вечер у Победоносцева первый. Нашел друга по душе, непротивящегося направлению моему, хотя сам направл<ения> религиозно-человеческого, подобно Филону Иуд<ею> и Сковороде. — Он благая связь моя с современным поколением. И что за светлая душа! Как хороши его задушевные стихи из стихир церкви <...>.

18го ноября. <...> Вечер у Дм. Ив. Попова, где тесть мой читал вслух вторую статью о м<асонст>ве, написанную Ешевским по поводу статьи Лонгинова: Новиков и Шварц ⁷⁶. Статья Ешевского разнообразнее, <...> но в сей статье больше смешения и тяжело видеть тайные вещи на улице.

19го ноября. <...> Я к Сем. Ив. [Соколову] не поехал. А у него читали книгу Рафаил или врач-ангел, перев<еденную> рукою Сем. Ив. Гам<алеи> ⁷⁷. — Поставили печь. Сем. Ив., прослезясь, благодарил друзей и говорил: благодаря вам я почти не чувствую слепоты моей. <...>

24 ноября 57. <...> Взыскал меня Господь <...> поразительным разговором Юрия Никитича Бартенева, который невежливо для чего произнес мне громкое обличение утопшему в служении сладострастию и громкую проповедь о средстве исцелиться и угодный Богу выход найти — молитвенное делание. <...> Говорил, что не только не оставил масонства, но что для него строение Храма Соломонова в смысле созидания из себя жилища Богу (приидем и обитель у него сотворим) (Иоан. 14, 23) и с сею целью очищение себя и просвещение молитвенным деланием и украшение питательными и интересными познаниями — задача масонства <...>.

25го ноября 57. <...> Был у Юрия Никитича Бартенева. Он опять завлекательно говорил мне о молитве И<исусовой> <...>. В числе благодеяний своих м<асонст>во ведет к открытию Внутреннего Слова. <...> Обещал Ю. Н. передать мне бумаги А. Ф. Л<абзина>. Вечером дома отбирал дубликатные экземпляры герметических книг для отдачи таковых. <...>

28го. <...> Вечер у Андрея Ивановича [Маслова]. Он, Зилов, Попов, отец, Евграф Сергеевич [Жарков] и я. Читали о самопознании из материалов. Говорили о трудности собирать мысли на одном предмете и отгонять сующиеся при сем вздорные мысли. Рецепт, сказ<ал> Зилов, — размышлять письменно, прикрепляя мысли к бумаге, мы сосредоточиваемся на них.

<...> У Андр. Ив. [Маслова] в четверг 28го отец рассказ<ал> о покой<ном> Р. С. Цулепникове, что он говорил о полученном от доктора уроке — в ответ на просьбу об извещении его, когда кончина будет близко, — «зачем вам знать — вы всегда будьте готовы» <...>.

30го. <...> После обеда вскоре собрался ехать к отцу, чтобы с ним ехать на первое для меня X собрание. Тут был Евграф Сергеевич [Жарков]. Он, Васил. Ив. Кутневич не шли далее м<астерской> ст<епени>, а я грешный! — Петр Александрович [Курбатов] принял нас наверху. После нас приехали Зилов, Орлов, Степ. Ал. М<аслов>. Побеседовав в тихом тоне, читали X акт и сокрушенно вздыхали при требованиях и обязательствах к совершенству. По чтении Петр Александрович произнес тихим голосом слова: *«Представлено воспитание всего человечества, по степеням, из одичалого состояния, в состояние просвещения, духовного и даже телесного».*

Степ. Ал. заметил перемену имени того же лица — прежде, в м<астерской> ст<епени>, назв<ание> Адонирам — а ныне Хирам.

Петр Александр. сообщил нам о троекратном явлении умершей матери к больной девице Рохмановой <...>.

3го декабря. <...> Утро у Сем. Ив. [Соколова]. Ах, не полезно ли быть с братьями! Как дружно сели вокруг стола! Чтение 3^й беседы из Voie de la Science divine, столь ново, столь глубоко подействовало. <...> Андр. Ив. [Маслов] читал очень сердечно. Сем. Ив. сказал, что к Бёму нет, по мнению высок<их> бр<ать>ев, яснейшего объяснения. <...>

11го [декабря 1857 г.] <...> Вечер у Петра Александровича [Курбатова] (были: Серг. Павл. [Фонвизин], он, Степ. Ал. [Маслов], отец мой, Андр. Ив. [Маслов], Алекс<е>й Мих. [Зилов], Ник. Ив. [Орлов]⁷⁸ и я). Разговор был преимущественно об эманципации, но и об изреч<ении> «о всех и за вся»⁷⁹. Петр Александр. сказал, что Кровь Искупителя всех и все объемлет. <...>

23 дек. 57. <...> Отец жаловался на свое состояние <...>. Но у Дм. Ив. Попова, на вечеру, когда читал отец первые проповеди 7 слов Арндта на Рождество⁸⁰, то растопилось сердце и неоднократно от слез не мог читать. Были тут полуумерший Ив. Ник. Хрущов (когого видел иногда долго взирающим скорбно на образ), Алексей Михайлович [Зилов], Андрей Иванович [Маслов], отец и я, не бывший у Дм. Ив. очень давно. Важное таинство рождение Христово в душах! И мир о сем знать не хочет! <...>

26го дек. 57. <...> Ездил поздравить Митрополита Филарета с рождением. Замечательно при высокой аскетической жизни спокойствие и некоторая веселость и обо всём самое дельное положительное суждение <...>.

29 дек., воскр<есенье>. <...> Встреча с Андреем Борисовичем [Голицыным], всё твердящим, что С. П. [Фонвизин] не в сношении с внутренним орденом, на что я отвечал: можно ли сие думать, ибо что внешний ☉ без внутреннего. Списывал важнейшие вещи из писем Трубецк<ого> к Н. И. Новикову⁸¹ <...>.

31 дек. <...> Вечерок у отца тихий, гармонический при чтении двух братских важных речей на Новый год. Отец, Зилов, Андр. Ив. Маслов, Хрущов, Дмитр. Ив. [Попов] и я так встречали новый 1858-й год <...>.

Дневник 1858го года.

1го января <...>. 1858^й год встречает Россия с началом важного государственного переворота: — освобождения крепостных; все умы в волнении. Немногие из дворян стоят за сохранение личных прав над крестьянами, но многих затрудняет наделение их

землею. Решение вопроса о крепостном праве может спасти отечество наше от великих бедствий <...>. После того кончил я день в братском собрании у Петра Александровича К<урбатова> н<а>м<естного> м<астера>, и после разговора его, проникнутого благорастворением любви и приятнейшею рассудительностью (о настоящем желании Государя относительно крестьян), с отцом моим, А. М. З<иловым> и мной, при чем я вполне сочувствовал христианскому и следовательно истинному либерализму П. А. [Курбатова]. За тем имел я счастье, в сей первый вечер года, внимать живым словам благодатной его беседы, исполненной глубокого смирения, молитвенной кротостью и какого-то умиротворяющего слушающих тишиной духа, сосредоточившегося в жизни Божией. Он говорил о том, Кто привязывает нас к тишине: *«Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии и Аз упокою вы»!* (Мф. 11, 28) — О мощи неверия, во всяком человеке действующей, почему великий Арндт и молится об избавлении от оной. О недостаточном свете из мертвой головы. О недостойнстве нашем познавать Истину: мы познаем ее единственно по милости Божией и не должны воображать, что сами ее находим и познаем нашим разумом. О письмах Семена Ивановича Гамалея говорил, что находит в них всё новую пищу, как и вообще те же книги в разных состояниях являют совсем новые истины, которых прежде и не замечал; письма эти назвал карманною книгою; читает их понемногу пред сном. Беспокойное расположение говоривших о возможных последствиях эманципации <...>.

4го января <...> Обедал у отца моего, где узнал о его намерении поселиться во флигеле у Комыниных, в котором я родился, где родители мои со свадьбы своей жили более 15 лет, где мы провели наши детские годы, — всё это, с воспоминанием об

отшедшей от нас в вечность матери моей, возбудило во мне чувства грустного умиления и удивления судьбе, опять приводящей отца моего на место, где жил он под кровом высокопочтенного бр<ата> и благодетеля его, тестя, а моего незабвенного деда В. Д. К<омынина>. — Слышал о приготовлении зловредным врагом России Герценом, органом Лондонского революционного комитета, русских прокламаций для возмущения народа объявлением, что Государь хочет эманципации крепостных, а помещики сопротивляются. С. П. [Фонвизин] говорил нам о полученной им в предостережение от правительства бумаге о существовании сих лжеманифестов. Дай Бог, чтобы влияние таких людей не имело места в России, — к сожалению, уже весьма потрясенной врагами явными и тайными!

Провел часть вечера дома с женой и детьми, а потом был у Андр. Ив. М<аслова>, у которого был С. П. <фон> Ви<зи>н, А. М. З<илов>, бедный И. Н. Хрущов, очень ослабевающий, и отец мой. Приятная и назидательная беседа; особое впечатление произвели на меня приведенные С. П. слова И. А. П<оздеева>: «*Не огорчайте Духа ожиданием Его издалека!*» — «Да, — сказал о сем Семен Иванович [Соколов] в следующее за тем свидание наше, — сказано ведь: *Господь близь! Близь ти Глагол — в сердце твоём*» (Рим. 10, 8). <...>

7го января <...>. После нескольких нужных поездок был у батюшки Семена Ивановича [Соколова]; давно не видал я его, давно не согревался и не просвещался в его благодатной сфере любви и света; что за выражение лица у сего в Боге пребывающего ученика Христова, при слепоте наружных очей, внутренним оком созерцающего в непрестанной радости Свет Истинный, просвещающий человека! Имел счастье получить к себе дочитанный

сегодня у Семена Ивановича важный трактат, переведенный и переписанный рукой С. И. Гамалея, — «Рафаел, или Врач ангел», заключающий важнейшие таинства христианские в познании еврейских имен и текстов и тайн природных и пр. Семен Иванович слушал с высоким наслаждением краткое содержание отличного французского издания проповедей Богопросвещенного Таулера, отличающихся внутреннейшими, живыми, коренными истинами. Говоря о простоте, Семен Иванович сказал: «В природе простоту наиболее являет — свет» <...>.

Среда 22 янв. <...> Написал с увлечением проект журнала Седмисвещник <...>. Вечер с Петром Александровичем Курбатовым, очень одобвившим проект. <...> Вечер с 9^м часу у Зилова. Серг. Павл. [Фонвизин] благодарность заявил мне за проект Седмисвещника. Для многих, сказал он, это чтение будет успокоением ума. Алексей Мих. [Зилов] совет <одал> заготовить прежде пропущенных цензурою статей. <...>

Среда 29. <...> Обед у отца. Читал защитительное писание Паст<ырского> Посл<ания>, переведенное Павлом Игн<атьевичем> [Беневоленским] и перепис<анное> Ив. Сем. [Веселовским], который вчера был у Сем. Ив. [Соколова] <...> О родословии Эздры и других во Св. Писании Сем. Ив. сказал: это очень важно: тут выставлена истинная иерархическая цепь ордена.

Слушая <...> чтение первых глав 3^й книги Эздры, где Господь приводит Израилю свои благодеяния, Семен Иванович пролил слезы. <...>

5^е февр. в 7^{1/2} часов по полудни скончался верный брат Иван Николаевич Хрущов, коего душу да упокоит Господь наш

И<исус>с Х<ристос>! 40-летняя его дружба с отцом моим, преданность братству, с коим сближен был чрез посредство покойного дяди Федора Ник., введшего и отца моего и брата Топорова, погребенного во время обручения отца моего, мое с ним знакомство, особенно с выхода моего из Училища правоведения и с вступления и меня недостойного в братство, присутствие Ив. Ник. при погребении покой<ного> М. Рауен, при принятии меня в тов<арищескую> ст<епень>: его беседы о молитве, о смирении, о мастерской степени, в Воронеже, приезд его в Москву сей раз в умирающем состоянии при закрытии способностей головных <...>, видно, что в сердце соблюлось, болезнь его тяжкая, частью молитвенный взор на иконы. Вот мои воспоминания о сем брате ☉. — Еще за три дня до кончины он писал записку к отцу моему, а накануне прислал в собрание братьев в домике комынинском, сказать, что жалеет, что не может быть. Так до последней минуты дорожил он бр<атской> связью, и привелось ему кончить дни в Москве в кругу братьев. Сергей Павлович [Фонвизин] провел с ним день его смерти, и когда на предлож<ение> о приобщении больной отвечал нерешительно, Серг. Павл. сказал: «Дружеская связь и отношения наши обязывают меня советывать вам неотлагательно сие исполнить и даже приказывать вам сие». Родные Ив. Ник<олаевич>а были этим очень поражены и глубоко тронуты. Он успел приобщиться. Был еще немного на ногах, обособовался и часа чр<ез> 3 умер. Сем. Ив. [Соколов] прочел ему отходную <...>.

Веч<ером> **6го февр.** у Зилова собрание: Серг. Павл. [Фонвизин], Алексей Мих. [Зилов], Серг. Ник. [Арсеньев], Ив. Сем. [Веселовский], Дм. Ив. [Попов] и я. Чтение зачит<ительного> писания о Паст<ырском> Посл<ании>. О кончине Алексея Осип.

[Поздеева], что она имела нечто актуальное: умирающий, пред ним на столе распятие с лампой, за ним сидят братья. «Дело идет хорошо, не мешайте», — отв<ет> умирающего. Некто видел двух мужей (в париках и древн<их> кафтанах, готовивших его и спросивших: готов ли он). Свет из очей его <...>.

На похоронах Ив. Ник. [Хрушова] сказал священник прекраснейшую проповедь <...>. Сергей Павлович сказал мне: особенно грущу я о сей кончине, ибо кажется, что *мне быть за ним кандидатом* <...>.

9го февр. <...> Дед мой, В. Д. К<омьнин>, был директором круга, а Серг. Павл. [Фонвизин] уже после него сделался сим, а до того был маст<ером> стула. <...>

10го. <...> Был наконец у Серг. Павл. [Фонвизина] (кого напрасно редко посещаю, не пользуясь последними днями сих мужей). Он принимает меня как наследника в ☉ и говорил мне многое, подобно Ос. Ал. [Поздееву] о верности ☉, благодарности и служений ☉. <...>

11го февр. 58. <...> У Дм. Ив. Попова был, — он указал мне коммод, чемоданчик и портфель, где взять в случ<ае> его кончины бумаги орденские.

17 февр. 58. В беседе у Дм. Ив. Попова при С. П. [Фонвизине] о Татариновой⁸². Ничего не могла произнести и взбесившись ушла, когда П. Д. Маркелов и друг его взглянули др<уг> на др<уга> по условленному и начали внутренне молиться, чтобы Г<оспо>дь показал истинное или ложное. Серг. Павл. у Дм. Ив. сказал, говоря об одном отдалившемся петерб<ургском> брате: «Оставление связи хотя и не есть еще оставление братства,

но всегда ему предшествует». <...> Проект Зилова о смешении земель помещичьих и крестьянских в одну массу и деление плодов пополам. <...>

23^е воскресенье. Был я у Сем. Ив. [Соколова], читал с ним главку *Institutes de Thaulere* <...>.

Чтение из книги *Mundus Symbolicus* о благодати⁸³. Амфитеатр Кунрата есть важнейшая книга, на 4 фигуры из коего писал комментарий И. Арндт⁸⁴. (Она есть по-лат<ински> у тестя в Красном, у Дм. Ив. Попова перевод с нее с рисунками, у Ив. Сем. [Веселовского] она по-лат<ински> без картин.)

24^е понедельник. У Попова нас было 7 братьев. Читали огласительное слово Св. Григ<ория> Нисско<го>. Много списанного в Воронеже <...>.

25. <...> Вечер у Ив. Сем. [Веселовского]. Радуюсь, что списал в Воронеже огласит<ельное> слово Св. Григ<ория> Нис<ского>, ибо братья (нас было 7: С. П. [Фонвизин], А. М. [Зилов], С. Н. [Арсееньев], Д. И. [Попов], И. С. [Веселовский], А. И. [Маслов] и я) наслаждались и возбуждались тем, оживленная орд<енская> беседа. *Пордеч никогда особенно не рекомендовался братьям, а только дозволялся.* <...>

Le 28 Février. <...> Д. И. Попов был у меня, хочет дать мне Амфитеатр Бож<ественной> Премудрости. Говорил, что 30 л<ет> нет сношений русск<их> бр<атье>в со внутр<енним> орденом (т. е. с германским центром). Я отвечал ему, что внешность может переменяться, а Начальник ☉ все один и тот же и во веки. — Он говорил, что в церкви нашей все тайны сокрыты и упомянул в подкрепление сего, что Ивану Егоровичу Шварцу во

время конвента говорили высокие начальники: на что вам в России сие учение, когда у вас есть все тайны в истинной Церкви Восточной? <...>

7го марта 1858го года. <...> Подарок себе сделал, списывая важные вещи из Сем. Ив<анович>а [Соколова] книги Amphitheatrum Sapientiae. <...> Вечер провел я у отца моего с Бартевым и имел счастье получить фигуры тайные Р. К. по нем<ещки> и столь дорогой рукой прадеда В. А. [Лёвшина]! списанные⁸⁵. Сколь это для меня трогательно, многозначуще! <...>

9го марта: вечером в первый раз в жизни читал с отцом акты ☉-е, в домике, в коем родился и крещен, где отец немедленно по свадьбе своей начал жить. Читали мы в сем месте, где может быть и невидимые братья присутствовали, акт X степени. Отец имел эту степень в 1828-м году, до моего рождения! Сколько же в 28 лет он подвинутым должен был на ☉-м пути. Без сомнения, в нем я имею дело с братом, имеющим все степени Св. ☉, в который его благодением введен. Получил в подарок ковер X ст<епени>, нарисованный дедушкой Василием Дмитриевичем [Комьинным]. <...>

10го марта. Сейчас возвратился с вечера у Дмитрия Ивановича Попова, который к радостному удивлению моему осчастливил своим присутствием Батюшка Семен Иванович [Соколов] от Зилова, у которого гостил и где дочь З<илова> списывает с него портрет. <...>

11го. Вечер у Андр. Ив. Маслова больного. Серг. Павл. [Фонвизин] и Семен Ив. [Соколов]. Важнейший разговор о прививке и ее свойствах (при чем пришла ко мне мысль о Св. причастии).

<...> Еще из разговора о золоте. Серг. Павл. ск<азал>, что в нем все 4 стихии в равновесии <...>. Сергей Павл. о книгах сказал: все к вам перейдет, люб<езный> друг, ибо вы моложе всех нас и обязанность моя все мои книги и бумаги так приготовить. <...>

12^{то} среда. <...> Вечер у Петра Александр. [Курбатова]. Чтение из Мейера у него. Лилия — сама по себе иероглиф воплощения; а звезда бо еще пришла и соединилась с своим производением Лилиею <...>.

25^{то} марта. Вечер у Дм. Ив. Попова. Серг. Павл. [Фонвизин], отец, Андр. Ив. [Маслов], тесть и я. Разговор о святой церкви Восточной и сокрытых в ней таинствах. <...> Письмо мое к Михаилу Евгр. Ковал<евскому> о месте пом<ощника> попеч<ителя>⁸⁶. <...>

30^{то} март<а> вечером был я с отцом у Сергея Павловича Фо<н>в<изина> и провели вечер у В<еликого> М<астера>, коему отец тут впервые сказал, что мне сообщена X ст<епень>. В продолжении беседы, помнится, С. П. сказал след<ующее> замечат<ельно>. О X ст<епени> сказ<ал>, что некто сказал принятому в оную: «Итак, вам должно быть известно, как из невидимого делать видимое, а видимое приводить паки в невидимость».

«Всяк человек ложь по выражению самого Духа Святого» (Пс. 115, 2).

«Честолюбие ищет сиятельных почестей, хорошо бы хотя подобно гнилушке просиять».

«Чаще повторять нам: слава долготерпению Твоему, Господи!» <...>

7ое апр. Утром был наконец у Семена Ивановича [Соколова]. Он продиктовал мне 7 степеней книги Премудрости. <...> О Силануме спросил я Сем. Ив. Он, помолчав, сказал: «Вечное и внутреннее слово никогда не умолкает говорить, а вне вынуждения по временам силанум. Но в тишине только Его расслышишь». — О будущей судьбе ☉ в России сказал: О слове Спасителя жатва многа, делателей же мало (Мф. 9, 37) <...>. — Читали вместе в Смеси важныи вещи о золоте <...> и о музыке брата Ефимовича <...>.

8 апр. Обед у отца. Сверял с ним письма ☉. <...>

10ое. Поездка за книгами покойного Протасова⁸⁷ и отобрание. Вечер у Ал. Мих. Зилова. <...>

12ое апреля, день принятия моего в товарищи в 1852 г. <...> Чтение акта 2-й степени в сем домике, в котором родился. Чтение с отцом (сверка) писем. — О замечательных двух случаях с Серг. П. фон Визиним. Когда за месяц пред одним приездом Осипа Алексеича [Поздеева] твердил причины удерживания его от приема [должности] Мастера стула и едучи повторял, а приехав несмотря на свою положительность при вопросе Осип. Ал. все забыл до единого слова. Осип Алек. обнял его, перекрестил, сказав: из этого видно, что причины те не уважены <...>. Сон Сер. П. [Фонвизина], что говоря с умершим отцом своим, чьей плоти хотел поцеловать его в плечи и поцеловал одно плечо, переходя же к другому видит пред собой Осипа Алексеича [Поздеева]. — В сей день воспоминания приняты в товарищескую степень неожиданно приехал к отцу <...> Андрей Иванович [Маслов] и говорил

(удивит<ельно>) именно о товарищеской ст<епени> и о обстоятельствах его принятия в сино и маст<ерскую> степ<ени> <...>.

13 апр. 58. <...> А отец вчера был у брата Павла Дм. Големб<овского>⁸⁸, который откровенно сказал братьям, что одним благом он владеет: — соблюдая распределение времени правильно наполненное, он может сказать, что он хозяин своего времени, а не время над ним. <...>

А сего **15го апреля** был я утром на благодатной беседе у Семена Ивановича [Соколова] с отцом и Иваном Семеновичем [Веселовским], а после и с Андреем Иван. [Масловым]. Читал Ив. Сем. [Веселовский] чудное предисловие Бёма к *Mysterium Magnum* <...>. Гармоническое в Духе того иже среди собранных во имя Его, чтение и беседа. Драгоценность перевода бр<ата> ☉ Павла Игнатьевича [Беневоленского] <...>.

22го апреля. <...> Утро у Сем. Ив. [Соколова], где Андр. Ив. [Маслов] читал интересные письма, кажется, Ив. Вл. Лопухина с одним братом, жившим по поруч<ению> ☉ в Германии⁸⁹ <...>.

24го апреля. <...> Часть вечера дома, а другая у Алексея Мих. Зилова, где был Серг. Павлович [Фонвизин], ослабевший от комитетов. Из сей беседы замечател<ьно> следующ<ее>. В приготовлении истинных лекарств самое важное есть степень *очищения* основной сущности; чем *более очищено* вещество, тем сильнее лекарство (Серг. Павл. ф<он> В<изин>) <...>.

8го июля 58. Ночью. Благодарю тя Милостиве Господи, за сохранение меня невредима при позднем ночью возвращении в

Москву, куда приехал по известию, привезенному женой моей о кончине Сергея Павловича ф<он> В<изина>, последовавшей 7^м июля в 7 часов пополудни!

Упокой, Господи, душу новопреставленного раба твоего Сергия, Христе Боже наш с благоугодившими тебе избранными! Аминь. Чудно, что вчера, ничего не зная, я, в то время как С. П. [Фонвизин] кончался, будучи в саду у крестовой середины парка, почувствовал такое теплое внушение помолиться Богу о С. П. и именно, чтоб Господь сжалился над ним, и именно заступился бы за него, что как бы невольно произнес слова по внушению, а не по мысли: Помози, Г<оспо>ди, рабу твоему В<еликому> М<астеру> нашему С<ергию> и *пойди ему помощь от святого и от Сиона заступи его!* (Пс. 19, 3) <...> Смертью высоких братьев ☉ по видимому ослабевает, а по существу укрепляется и сосредоточивается. <...>

С 3 до 6 [августа] был дома. Затем поехал под Новинское к отцу моему, коего нашел нездоровым всё сие время. Он очень мне обрадовался. Без меня он пригласил Петра Александровича К<урбатова>, с коим разобрал бумаги ☉, после С. П. [Фонвизина оставшиеся,] из коих футляр с бумагами, касающимися до внутр<еннего> ☉, будет находиться у Петра Александровича, а прочее остается у отца моего <...>. Вечер провел с отцом у Дм. Ив. П<опова>. Давно не был я на бр<атско>й беседе. Узнал об ужасном горе П. Д. Голембовского, слепца, лишившегося единственного друга, секретаря, помощницы, всего — жены⁹⁰! Кажется, это венец креста его. — Замечательное свидание А. М. Зилова с Титовым⁹¹. Долго не было приступу говорить по-бр<ат>ски, наконец Т<итов> сказал о том, как ему чужд дух общ<его>

мнения и прочее, теперь-то А. М. сказал, а обратил ли ты внимание, люб<езный> др<уг>, на причину сего, что это такое, что дает тебе ощущать, что это для тебя чуждо. Как ни говори, а достойно замечания сие, когда ты столько лет в сей сфере живешь, а не сроднился, а хранится нечто другое в тебе, что и делает тебя смелым терпеть за правду гонение на службе и пр. Тут, вздохнув, Т<итов> сказал в 1 р<аз>: да, помню, сказ<ал>, о малой искре, к<оторая> мож<ет> возгореться светом. <...>

В среду 13го авг. вечер у Петра Александровича [Курбатова], что за теплота и гармония в тоне сего нашего В<еликого> М<астера>! Я имел счастье везти на коленях ящик со всеми бумагами по внутр<еннему> ☉ <...>.

Присутствовал я при передаче суммы братской С. А. Маслову в билетах, из коих взято было рублей 150 из рублей 600 капитала. С процентами теперь около 500 р. Молитору было послано на издание его книги Tradition 50 руб. <...>

19го августа. С утра списывал Литургию Ап<остола> Иакова и отбирал книги. Поехал к отцу, с ним к батюшке Семену Ивановичу, который в лице очень изменился, но не в любви и пребывании во Христе. Вот христианин в горестях — благодущный и святым образом весел, ибо когда смеется человек, пораженный великими и многими горестями, то это признаки, что он созрел в воле Божией и, по смерти мистической, достиг в радость воскресения. — Смерть любимого сына, бывшего в бр<атст>ве, жены, друзей, зятя, бывшего утехой его и опорой семейства, дочери, опоры сирот его, наконец, зрения! Бедность и болезнь! <...> Вечер у Бартенева, его и отца моего понимание меня, моей жажды просвещения <...>, благодаря ☉-у, чего Бартенов не знает, а сам я ни к

чему бы не был способен, но в ☉-е открывается мне возможность осуществить величайшие чаяния и желания духа. Барт<енев>, обещав ранее отдать бумаги Лабзина (*NB. Ходить к нему чаще*), понял мою судьбу, сказав: в тебе чисто призвание есть. <...>

3^ю окт. <...> Вечер у Андр. Ив. Маслова, где был Юр. Ник. Бартенов, читал книгу гностиков *livre de la Fidèle Sagesse* с коптского ⁹² <...>.

5^ю октября. Обедал у Павла Игн. [Беневоленского]. Он кажется еще более собраннее. Беспределен прогресс внутр<енней> жизни <...>. Ездил с отцом поздравлять Петра Александровича [Курбатова] (П. А. имел важное свидание с Сем. Ив. [Соколовым]) и Алексея Михайловича [Зилова] <...>. Вечером осчастливлен был в доме нашем Знаменском посещением меня братьями: отцом и Андреем Ив. Масловым, которые поражены были приятностью, удобностью и красотой нашего дома и жилища. Так-то братья помогают милости Божией. Андр. Ив. [Маслов] говорил о Литургии. ☉-й путь есть царский: на сие указывает ковер, положенный чрез средне-царские врата, а не в северные или южные, а при том между образами Спасителя и Премудрости <...>.

Вчера вечером **30^ю ноября** имел я счастье (во 2 р<аз>) присутствовать в собрании X М<астеро>в у П. А. [Курбатова]. Нас было 6: он, Ив. Сем. [Веселовский], Андр. Ив. [Маслов], отец мой, Алек. М. [Зилов] и я. В тихом собрании духа провели мы сей благодатный вечер, поговорив дружественно о разных предметах, Петр А. [Курбатов] встал, достал акт X ст<епени> и указал прочесть из него от посылок, и было прочитано об объяснении

ковра. <...> В тишине и молчании закончился вечер, и хотя и беседовали, но в духе молчания. НВ. На мне был, под рубашкой верхней, надет знак Св. Андрея Первозванного на зеленой ленте <...>.

1859^й (30^й год).

2 февр. <...> Был у батюшки Семена Ивановича [Соколова], которому сегодня минуло 89 лет от роду. Великая милость Божия, что он на сих днях остался жив и если он еще поживет с нами. Отец мой тут был. Читали мы письмо Семена Ивановича к Александру Ник. Мур<авьеву>, писанное, когда он еще начал только втягиваться в Ш<веденборгианство?>.

Затем без искания попалась проповедь на день Св. Симеона Богоприимца, превосходная, которую со слезами прочел отец, о коей С. И. сказал, что ее он произнес в Чудове при Филарете, когда он только что был назначен в Москву, коей проповеди он пожелал иметь от С. И. список, и с тех пор благоволил к нему <...>. Вечером я был у Павла Игнат<ьевича> [Беневоленского], беседовал с ним <...>. — Имею счастье иметь полные сочинения > Бёма⁹³.

И. В. АРСЕНЬЕВ

КУРИЛОВО

В верстах 50 от Нижнего Новгорода, немного в стороне от большой Арзамасской дороги, лежит большое село Курилово, играющее важную роль в воспоминаниях нашего семейства. Оно принадлежало прежде моим родителям, потом же было продано за малопродуктивностью почвы, что составляет главный недостаток вообще всей Нижегородской губернии.

Подъезжая к Курилово, путешественник видит еще за три версты стройную колокольню сельской церкви. Церковь эта есть одно из лучших зданий во всей окрестной стране и могла бы занять видное место не только в Нижнем, но и в Москве. Она построена из самого лучшего кирпича нижегородского изделия и оштукатурена. Приятно поражает глаз белизна ее стен при свежей зелени, ее окружающей повсюду: высокие березы осеняют ее своей ароматической листвою, тихо склоняя свои верхушки над мирным покоищем праха отживших сынов Церкви, обративших вечный покой в той же Церкви, на небе. — Архитектура куриловского храма представляется глазам зрителя в самом изящном свете. Главный храм увенчан пятью синими главами, усыпанными золотистыми звездочками, наподобие многих московских церквей. Колокольня также не уступит многим московским по своей высоте (в 3 яруса).

Внутренность святого храма, посвященного воспоминанию чудесного проявления заступничества Пресвятой Матери Божией во Влахернской церкви Царяграда, соответствует его внешнему виду во всех отношениях, исключая иконописи, которая, надо признаться, далеко отстоит от совершенства и истинного художества; правда, первое неприятное впечатление вскоре исчезает, при виде молящихся крестьян, усердием которых расписаны были стены храма, и даже чувство оскорбленного художества переходит в умиление, когда думаешь, что иной мужичок отдал последнюю лепту свою на украшение святого храма и что сие приношение от скудости гораздо усерднее Богу, чем жертвования от избытка; однако же иной раз невольно снова выскажешь и помыслишь что-либо далеко не лестное о художнике. — Куриловская церковь очень поместительна; кроме главной церкви, при ней находится еще придел во имя святителя Николая, где совершается обыкновенно в праздники ранняя литургия, так как в Курилове два священника.

Говоря о куриловской церкви, я мысленно обхожу ее и подробно припоминаю все св. иконы, находящиеся в ней. Вот, между прочим, изображение притчи о Мытаре и Фарисее; насколько важен сюжет, настолько исполнение его относительно художества слабо: Фарисей представлен с вывихнутой рукой, а Мытарь с больными ногами. То же можно сказать и об иконе свяченомученика Харлампия, которая отличается весьма оригинальным выражением фантазии художника, писавшего ее. Икона представляет всю жизнь св. Харлампия и состоит из многих отдельных изображений его деяний, окружающих образ самого святого. Если бы не отсутствие художества, то эта икона могла бы считаться вполне достойною стать наравне со многими иконами московскими или, по крайней мере, нижегородских храмов; всё дело в том,

что господин художник, приступая к исполнению на доске своего сюжета, не постарался припомнить законов перспективы и теней, которые столь важны для всякого живописца, а тем более иконописца, посвящающего труды свои на украшение храмов Божиих. Не буду более распространяться насчет всех отдельных погрешностей художника; скажу только одно: что все человеческие фигуры, изображенные на иконе св. Харлампия, представлены почему-то отлетевшими от земли так, что ноги их не касаются почвы. Несмотря на все сии недостатки, которые, при всём отсутствии художественности, нимало не вредят подобающему св. иконе достоинству и некоторого рода величию в изображении, подобная иконопись может послужить одним из лучших доказательств того, что наша Православная Церковь совершенно правильно или, лучше сказать, *вполне православно* воздает должное почтение святым иконам. Молясь пред священными изображениями Господа Бога и Святых Его, мы, как чада истинной Церкви, не обращаем внимания на краски и тоны, которые иконописец избрал для достойного изображения великого предмета своих работ; не обращаем мы также внимания, при молитве, на качество доски, на которой *изображены* предметы нашего почитания, — другими словами: мы молимся не изображению, а тому, кто изображен на иконе. Посему иконы по справедливости называются святыми, получая сие наименование от святых и великих предметов своего изображения. Невольно приходишь к этой мысли, когда вспоминаешь, с какой умиленной верой и упованием крестьяне падают ниц пред священными и видимыми выражениями своих святынь. — Осмотрев мысленно куриловский храм и так же мысленно выходя из него, мы замечаем, что направо от нас, против придела св. Николая, вся стена между окнами покрыта деревянными полками.

которые во время богослужения уставляются святыми иконами, приносимыми крестьянами из домов. Св. иконы остаются на полках только во время богослужения, после чего снова уносятся в дома. Этот обычай наблюдается не в одном Курилове, но и во многих окрестных селах и представляет одну из особенностей нижегородского края.

Из храма отправимся мысленно в куриловскую усадьбу, где всё живо напоминает о минувших годах. Въехав через околицу на обширный двор, мы видим налево от себя небольшое здание, занимаемое конторою; далее за ним красуется огромный сарай с длинной копошней. Вот, наконец, пред нами помещичий дом, построенный *покоем*. Стены его обшиты тёсом и некрашенные; крыша железная, красного цвета. Перед домом красивая лужайка, окаймленная с двух сторон садом; за домом также видны высокие деревья сада; всё кругом в зелени и цвете. Воздух наполнен чудным запахом тополей и сосен. Мы идем дальше. Вот перед нами крытая терраса зовет нас в дом, к гостеприимным хозяевам. Через отворенную дверь входим мы в скромную гостиную. Первое, что нас поражает здесь, есть та почтенная простота, которая так редко встречается в помещичьих поселениях нашей родины. Пол, стены и потолок одинаковы: всё это — одне доски, неполированные и некрашенные. Направо вы видите что-то, похожее на камин и обмазанное сверху донизу глиной. Мебель везде «гостиной» не менее скромна, хотя и носит на себе отпечаток некоторой роскоши, которая как-то отнюдь не прививается к простоте, ее окружающей. Все почти столы, кресла и диваны относятся к тому времени, когда в Курилове царствовало крепостное право, когда еще и не думали о великой реформе 1861 года; все они из массивного красного дерева и обтянуты вековой материей, какой

теперь найти нелегко. Сядем на ближайший от нас стул и забудем на некоторое время среди воспоминаний, дорогих сердцу.

Вот пред тем столом я часто сиживал, прилежно упражняясь в рисовании и черчении в то время, как мама читала мне роман Загоскина «Юрий Милославский». Никогда не забуду тех счастливых минут, когда я, набегавшись и нарезвившись вдоволь в саду, приходил с тетрадкой и карандашом и располагался около стола, на котором лежала книжка, столь интересная для меня. С нетерпением ждал я той минуты, когда мама открывала ее и начинала читать из нее. Во время чтения я весь превращался в напряженного слушателя. Великие исторические типы, как: Минин, Пожарский или Палицын, оставляли живые образы в моем детском воображении. Сам Юрий Милославский являлся в уме моем так живо, что я не раз ставил себя на его место; понятно, что при таком пылом воображении, как мое, и при той впечатлительности, которая свойственна вообще детям, все приключения героя загоскинского романа оставляли во мне удивительно продолжительные и живые впечатления. Еще до сих пор я очень люблю «Юрия Милославского», автора которого, Михаила Николаевича Загоскина, я никогда не перестану считать одним из лучших представителей нашей родной литературы. Хотя его и обвиняют в подражании Вальтеру Скотту, однако же его сочинения являются настолько верными изображениями различных эпох истории России, настолько характерно рисуют нравы и обычаи наших предков, что трудно не оценить его гения, облекшего в романтическую форму целые века и многие великие перевороты исторической жизни нашего народа... Но со всеми размышлениями и сувенирами далеко не уйдешь, а повредишь только описанию, почему пора снова начать осмотр милых уголков и закоулков куриловской усадьбы.

Направо за камином видим мы дверь; налево также. Куда же нам направиться для дальнейшего осмотра дома? Какую сторону предпочесть, правую или левую? *Jaeta est alea* ¹: идем налево. Вот мы вошли в довольно большую комнату в два окна; прямо перед нами двор в столовую. Комната, в которой мы находимся, по-видимому, не имеет особого какого назначения, так как мебели в ней мало и она проходная. Поэтому мы можем пройти чрез нее без особенного осмотра. Соседняя с ней комната более может поинтересовать нас; как мы уже сказали, это — столовая. Вот и обеденный стол среди нее; он сделан из ясеневоего дерева и очень удобно сдвигается и раздвигается, смотря по надобности. В столовой три окна. У первого стоит письменный стол, упираясь в стену левой стороною; он весьма скромно гарнирован, но тем не менее показывает, что хозяин его человек, питающийся соками многих наук: среди нескольких научных сочинений вы видите известное сочинение аббата Бартеlemi, «*Anacharsis*» или, вернее, «*Voyage du jeune Anarchasis*» ². Кто не узнает хотя лишь по этой книге милого нашего любителя истории и древности, милого брата Серёжу? Да, это он: вот, открывши одну из книг, лежащих на столе, мы читаем лаконическую надпись: *ex libris Sergii Arseniew*. В противоположном углу столовой стоит другой письменный стол; он покрыт почти исключительно тетрадами, хотя есть и книги. На одной тетрадке, аккуратно и заботливо завернутой в красную бумагу, мы видим надпись: «Слова к сочинению Ю. Цезаря „*Commentarii de bello Gallico*“ Георгия Арсеньева, ученика V параллельного класса I-й московской гимназии». Итак, это стол милого классика Юрия, — место многих добросовестных и усидчивых трудов 16-тилетнего чтеца сочинений Цезаря!

Возле стола Юрия стоит шкаф орехового дерева изящнейшей работы. Далее, вдоль стены вы видите другой, совершенно

одинаковый. Оба эти шкафчика очень интересны для нас, как по своей истории, так и по виду. В них помещалась некогда мамашина детская библиотека. Подаренные с этой целью мамá бабушкой, они с тех пор постоянно украшали куриловский дом, в настоящее же время находятся в Благодатном и живо напоминают о Курилове. На вид они отличаются большою оригинальностью: вышиною они около $1\frac{1}{2}$ аршина, сверху и снизу украшены изящной резьбой; в дверца вставлены вышивания, работы покойной бабушки Варвары Николаевны Давыдовой³, изображающие букеты; они уже полиняли от времени, хотя еще и теперь сохраняют печать добросовестных трудов и любвеобильных стараний... Осмотрев все достопримечательности «столовой», мы можем продолжать осмотр. Перенесемся теперь в спальню мамá, занимающую левый выступ дома. Комната эта освещена 4-мя окнами, из которых два помещается по одной стене, а два по другой. Входя в спальню, вы удивляетесь простоте ее. Кроме постели, маленького туалетного столика и коммода, в ней почти ничего нет. Только несколько стульев скромно приглашают вас отдохнуть и полюбоваться видом на сад и на лужайку. Вы садитесь у открытого окна и с наслаждением втягиваете в себя свежий воздух, который живительной своей силой освежает и ум, и чувства ваши и заставляет в одну минуту предпочесть лоно природы всему, находящемуся в доме. Сад куриловский отличается старыми деревьями, тенистыми аллеями и изумрудными лужайками. Особенно памятна мне одна аллея на краю сада, в которой я ежедневно брал уроки английского языка у милой сестры Лизеньки и читал ей «True love's tales». Часто, прогуливаясь под тению дубов и кленов, я забывал часы и минуты, внимая голосу дорогой учительницы и почерпая из него много полезных знаний. Еще памятна мне оди-

нокая скамеечка в ближайшей сосновой рощице, где я сживал по временам и слушал интересную повесть Гофмана «*Die Noth am Höchsten, die Hilfe am Nächsten*»⁴, которую читала мне дорогая мама... Словом, воспоминаниям нет конца, и много еще остается, что описать; но я помещу здесь еще только описание речки Пичеси, протекающей за селом, возле самого Тепелевского леса. Речка эта невелика и мелка, однако же воды ее принадлежат великому Волжскому бассейну, впадая в один из притоков царицы русских рек. В прозрачных струях Пичеси, в жаркие летние дни, мои старшие братья купались со мной, и я выучился порядочно плавать. Не могу забыть одного происшествия, случившегося однажды при купании с братом моим Юрием. Приходим мы к речке и, по обыкновению, готовимся спуститься в нее. Юрий спускается первый. Уже одна нога его в воде, а другой он упирается в мокрый береговой ил, как вдруг он быстро вытягивает ногу на берег и указывает нам на довольно большую змею, подползающую к нам с зловещим шипением. Вероятно, животное было потревожено ногой спускающегося Юрия и, пробудившись от сна, выползло из своей земляной норы, чтобы ужалить того, кто потревожил его. Слава Богу, что дорогой Юрий благополучно избег грозившей ему опасности, иначе нога его распухла бы и он долго не мог бы ходить без боли. Записывая все эти воспоминания, я замечаю, что всё, принадлежащее былому времени, снова проносится передо мной с тою же живостию и ясностию, как и тогда. Как после сего не благодарить Подателя всех благ за ту драгоценную способность, которую Он уделил человеческой душе, за то великое свойство человеческого ума, которое диктует мне сии строки и заставляет меня рассказывать то, что давно совершилось и прошло?

М. В. АРСЕНЬЕВА

ИСТОРИЯ МОЕЙ ЖИЗНИ

Мой отец, умирая, всё повторял слова «влекомый Господом Иисусом» и даже велел написать их на бумажке и приколоть на стене над его кроватью. Эта мысль как нитью проходит всю жизнь всякого, кто с вниманием относится к пережитому. В тишине моего одиночества в дорогом мне Красном, где тишина такая говорящая своими воспоминаниями, что я все время чувствую себя не одной, — хочется мне проследить эту нить и в моей жизни и, вспоминая всё, что имело влияние на мою духовную жизнь, — благодарить за это Бога и удивляться Его любвеобильному ко мне Милосердию! —

Первые годы моей жизни, когда я была еще бессознательным ребенком, — на меня влияла вся обстановка, в которой я жила. Моя мать — женщина глубокой веры и сильного духа имела громадное влияние на жизнь семьи. Моя старшая невестка Екатерина Вас<ильевна>¹ так писала к 1^й годовщине ее кончины к отцу моему: «Всем сердцем с Вами молимся за упокой светлой души, которая и здесь на земле своим невидимым, но ощущаемым присутствием подбодряет и укрепляет своих близких. Да даст нам всем Господь так же достойно совершить наш

земной подвиг и оставить такую же неизгладимую память в сердцах детей наших, как это сделала дорогая Мама! Когда я вспоминаю Мама, у меня всегда делается такое мирное, возвышенное настроение. Вот раба Христова, верная, трудилась, страдала, но ходила всегда пред Лицем Господа Своего и теперь с Ним и в Нем успокоилась». — Жизнь моей матери была трудная, заботы житейские всецело на ней лежали (мой отец был занят службой и по характеру своему вел жизнь отвлеченную). Она одна несла все заботы по имениям и по воспитанию детей — кроме того, была примерная дочь своих родителей, которые были уже стары, и самоотверженная сестра для единственного своего брата, жизнь которого сложилась неудачно. К этому надо прибавить недостаток средств при большой семье — 8 чел<овек> детей. Отличительная черта ее духовного облика — это что среди забот и тяготы жизни ее духовная жизнь была всегда очень ярка, и светильник души ее никогда не угасал. Характера она была живого, все ее интересовало — ум ее был отзывчив на всякие вопросы. Рожденная в очень богатой семье (кн. Долгоруких) и привыкшая в детстве к роскоши — в дальнейшей своей замужней жизни она придерживалась самых скромных вкусов и искала удовольствия жизни во внутреннем ее содержании. Светских друзей у нее было мало — зато все те, которые ее близко знали, пользовались ее влиянием или сами (если были лица духовные) помогали ее духовной жизни. В юности своей она была близка к графине Шуазель, рожд. кн. Голицыной², с которой посещала заутрени в Успенском соборе и сопутствовала в ее паломничествах, которые эта старушка предпринимала. С крестной матерью своей и бабушкой Екатериной Владимировной Новосильцевой она посещала митрополита Филарета и ездила с ней часто в

Троицкую лавру. У нее же видела она часто известного филантропа доктора Гааза, который очень любил молодую княжну и выделял ее своим особым вниманием. — Мать же ее, княгиня Елизавета Петровна Долгорукая направляла ее жизнь на помощь ближнему. В деревне — в с. Красном — молодая княжна сама ухаживала за больными в больнице, которая была устроена на средства помещицы. Еще недавно была жива старушка, учившаяся в школе, устроенной той же помещицей, бабушкой моей, княгиней Елизаветой Петровной. Эта старушка рассказывала, как собирались они по праздникам княжной Наталией Юрьевной и как они все ее любили. Пребывание в с. Красном оживлялось также и многими духовными впечатлениями. Среди посетителей Красного особенно дорогой гость был известный миссионер Макарий Алтайский³. Моя мать любила рассказывать, как он всю ночь провел в молитве в чудном саду нашем, какое внимание он обратил на школу, как старался объяснить ученикам о тройственном составе человека — души, духа и тела, — сравнивая человека с трехэтажным домом. — Большое участие в жизни помещиков принимал местный молодой священник. Княгиня Елиз. Петр. предлагала всем членам ее семейного кружка собираться по понедельникам и сообщать по очереди друг другу то, что каждому удалось написать на какую-либо духовную тему. Эти литературные вечера очень оживляли всё небольшое, но единомышленное и дружное общество. — Молодость матери моей однако имела и трудную сторону в том отношении, что ее мать не могла понять ее характера. От того получалось одиночество духовное для моей матери, — она имела поддержку в брате отца своего, князе Григории Алексеевиче Долгоруком (начальнике Орловского ополчения во время Севастопольской войны), которому была

симпатична и понятна ее живая натура. — Он и имел большое влияние на ее брак. — Еще в ранних годах своего замужества моя мать пользовалась советом и руководством замечательного священника города Арзамаса Нижегородской губернии о. Авраамия — по близости от этого города было ее имение. Сохранились 2 письма этого святого мужа к моей матери⁴.

Мой отец глубоко ценил мою мать и — с свойственным ему смирением — вполне признавал, какое влияние она на него имела. Ее твердая вера и ясный взгляд в делах веры — были и для него руководством в его духовной жизни. Он воспитывался под влиянием масонов, и его богословские понятия иногда были затуманены этим направлением. Моя мать всегда его удерживала на строго церковном направлении, это составляло иногда предмет разногласия между ними — но в последние годы своей жизни мой отец не раз говорил мне, что теперь особенно ему ясно, как была права моя мать во всех таких вопросах веры. — Об духовных вопросах всегда говорили много в семье нашей, но вместе с тем не было никакого принуждения и обрядности. Моя мать часто говорила, что не надо натягивать струну (*il ne faut pas tendre l'arc*⁵) с молодежью. Всего сильнее действует на молодежь безмолвный пример. — Все это я, конечно, оценила впоследствии; ребенком же долго бессознательно этим пользовалась. — Росла я вместе с моим братом Иваном (теперь протоиереем Иоанном Вас. Арсеньевым), который на 3 года был старше меня, но характера был робкого и нежного, я же была бойкая девочка и от него не отставала. Здоровья я была слабого, часто по утрам, когда я становилась на колени молиться, — мне делалось дурно, и я ложилась на пол. Тогда мать моя, спальня которой была рядом с нашей детской, — брала меня к себе на постель, где я и

оправлялась. Это первое сознательное мое воспоминание о любви матери моей. К этому времени относится и другое пробуждение моего сознания. Ясно помню я, как меня вдруг поразила мысль, что не нами одними ограничивается мир наш; что люди, живущие и не с нами, — также чувствуют и думают, или, как представлялось моему детскому пониманию, — они живые, а не картинки. — В 7 лет я впервые исповедовалась. Как меня к этому приготовили — не помню — но первая моя исповедь мне очень памятна. Мы жили на Полянке против церкви Успения в Казачьей. Священник этой церкви о. Александр Семенович Ильинский⁶ очень полюбил нашу семью и часто бывал у нас в доме. Он же и исповедовал меня на дому, в комнате моей матери. Что я ему говорила и что он мне говорил — не помню, но до сих пор живо в моей памяти, какое состояние блаженства наполнило мою детскую душу после того, как я получила разрешение на исповеди. Мне казалось, что я точно окружена ангелами, так светло — так радостно у меня на душе. Теперь мне уже почти 52 года, а такого блаженного состояния я в такой степени не испытывала с тех пор. Вероятно, Господь открыл это тогда младенцу, чтобы на всю жизнь оставило это во мне неизгладимый след.

Воспитательницей моей была очень умная и хорошая особа, Антонина Фёдоровна Вельмот, немка из Остзейских провинций. К ней я перешла от моей няни Настасьи, которая любила меня сильно всю жизнь (умерла она 84 лет, когда мне было уже 34 года). Няня была женщина простая, энергичная и умная, — насколько она могла влиять на меня в моем детстве — я не знаю. Оценку ее личности я могла произвести только уже гораздо позднее, когда она была совсем в других ко мне отношениях.

Антонину же Фёдоровну я помню хорошо. Она была строгая, не сентиментальная, вела мое воспитание твердой рукой. Это, конечно, наложило отпечаток на мою натуру. Жизнь моя проходила в нашей детской, к остальной семье имела лишь поверхностные отношения, как к старшим — так и к маленьким братьям вне детской. Моя мать в эту эпоху жизни была очень занята воспитанием старших, а также часто уезжала или к родителям в Петербург или в имения летом. Мы же по летам всегда ездили в Красное к бабушке, кн. Елизавете Петровне Долгорукой. Эти пребывания у нее летом были для меня очень знаменательны. У бабушки воспитывалась сестра моя Наденька (всего на 1½ г. меня старше). Ваня, Наденька и я были неразлучны, когда находились у бабушки. Бабушка очень любила заниматься внуками. Ежедневно утром звала нас читать Евангелие, любила, чтобы мы ей читали избранные псалмы, а также занималась с нами Священной историей. Это ежедневное чтение приучило нас к славянскому письму и счету. Бабушка плохо ходила, часто лежала на кушетке — вскоре начала плохо видеть — мы, внучки, ей могли услужить то тем — то другим. Она наши услуги принимала, и нам это было очень лестно. Много положила на нас стараний добрая бабушка. Она была старинного строгого воспитания, но душа у нее была очень нежная. — Весь строй жизни в Красном оставил неизгладимый след в моей памяти. По субботам всегда приходили служить всенощную в доме. Мама (когда была с нами) и мы, дети, пели. Не у всех из нас был хороший слух — но в общем хоре друг от друга учились, выходило сносно — а главное, для нас это пение было большой радостью. — Успенским постом бабушка всегда говела и перед причастием, взойдя на солею, всегда обращалась к народу с поклоном, прося у всех

прощения — это производило на меня сильное впечатление. Говели и мы — дети преимущественно к 6-му августа. Священник наш о. Алексей Транквиллитатин был удивительно хороший духовник — исповедь у него всегда вызывала в нас благоговейное чувство. Бабушка же старалась предварительно повлиять на наше расположение и настроение. Церковные службы в с. Красном и тогда, как, слава Богу, и теперь, — всегда отличались своим благолепием. Мы привыкли любить церковь и вникать все богослужебные красоты. — Целые дни проводили мы в чудном парке, и чуть пробудилась та любовь к природе, которая украшает всю мою жизнь. — Когда мне было 8 лет, мой отец перешел на службу в Петербург. Мы за ним через год последовали. Это начало новой эпохи моей жизни. В Петербурге жили дедушка и бабушка (дедушка был сенатором) и Наденька, и я стала гораздо больше проводить времени у бабушки с Наденькой, разделяя ее воспитание. 1875-й год папа и мама жили со всей семьей на Сергиевской, а я провела зиму на Моховой у бабушки и дедушки с Наденькой. Детство мое еще не кончилось, т. к. я подчинялась всецело внешнему строю жизни и только воспринимала, а своего еще ничего не вносила. Когда я жила у бабушки с Наденькой — я занимала, конечно, второстепенную роль и подчинялась влиянию Наденьки. В 1875 г. весной умерла за границей жена моего дяди, кн. Алексея Юрьевича Долгорукого, оставив ему 3-х дочерей, старшую Лизаньку — больную и двух девочек здоровых 7 и 4 лет Оленьку и Мими (Емилию)⁷. Это событие имело громадное влияние на нашу жизнь. Дядя с дочерьми Олей и Мими приехал в Красное, куда привезли тело тети Ольги Петровны. Он был убит горем — вся обстановка похорон была очень трагичная — гроб с телом тети Ольги Петровны долго стоял в

церкви, покуда устраивался склеп. Служили панихиды, впервые услышала я тогда песнопения панихиды — красота их произвела сильное на меня впечатление. Наденька и я, когда приехали Оленька и Мими, — перешли сразу в «старших», и это повлияло также на наше развитие. Я помню, что наши еще полудетские чувства приняли направление сентиментальное под впечатлением всей грустной обстановки. Антонину Фёдоровну как особу с здравым смыслом очень это заботило. Она всячески старалась нас отрезать. — Из Красного бабушка решила переехать на зиму в Киев, более мягкий климат для дяди и детей, привыкших к югу Франции, и нас с Наденькой опять не разлучили, а послали меня в Киев к бабушке. У мама было много забот с здоровьем старшей нашей сестры Лизаньки, и она решила провести с ней зиму в Висбадене с дедушкой. Помню я, что в этом году я стала гораздо более сознательна. Я почувствовала себя совсем оторванной от мама и всей семьи нашей, и это развило мои чувства и сознание. У меня делалась тоска по мама — я иногда по вечерам плакала, что ее не вижу. Антонина Фёдоровна, которая продолжала мое воспитание (теперь и Наденька была ей поручена), всячески старалась сдерживать это настроение. Она казалась мне тогда суровой — теперь же думаю, что она действовала мне на пользу, вызывая во мне самообладание. — Когда мы вернулись на лето в Красное и я опять увидела мама, я была уже не дитя. В духовной жизни моей могу отметить только, что относилась ко всему более сознательно, но очень, конечно, еще незрело. Исповедовались мы в Киеве у о. Экземплярского (впоследствии епископа Иеронима Варшавского)⁸. Он опыта с детьми не имел — но был очень добр и внимателен к нам, мы же с Наденькой полагали, что самоуглубление состоит в том, чтобы как можно

больше назвать грехов, и очень утомляли его продолжительной исповедью. — Бабушка болела эту зиму. На Пасху она не могла быть в церкви — помню, как она плакала, читая пасхальное Евангелие «Слово плоть бысть», жалея, что не услышит его в церкви. — Это на меня произвело сильное впечатление. Перед отъездом из Киева побывали мы в пещерах; всю зиму слышали мы об них от нашей почтенной горничной Прасковьи, которая постоянно туда ходила, и сами всем сердцем туда стремились. — У нас в Киеве была подруга Лили Канкринина, которую я страстно любила, хотя она на меня обращала менее внимания, чем на Наденьку и Оленьку. Через год, когда я уже была в Петербурге у мама — в день моего рождения я узнала о ее кончине. У меня были гости — Катуся Васильчикова, моя кузина, и подруга — я так была поражена, что бросилась к мама и, задыхаясь, ничего не могла выговорить. Мама очень испугалась, покуда меня несколько не успокоила. Помню я, что утешение находила я в том, что теперь Лили Канкринина может видеть, как я ее любила, — на земле она этого не знала и любила других больше, а теперь ей все открыто.

В Петербурге мое положение в семье стало другое. Я занимала одну комнату с Лизанькой, моей старшей сестрой. Антонина Фёдоровна собиралась уезжать от нас и, так как она меня сильно любила, то ревновала меня к Лизаньке, а особенно к мама. Мама меня стала приближать к себе — говорила со мной как с взрослой — это мне открыло что-то новое, и я все свободные минуты старалась проводить с мама. Антонина Фёдоровна этим огорчалась и делала мне упреки — с которыми я не знала что делать — не понимая и не ценя ее сильную ко мне привязанность. — Когда Антонина Фёдоровна уехала — вопрос этот

совсем упростился. — У нас с Лизанькой произошло сближение, и я теперь думаю, что мама находила это отвлечение от ее собственных дум для Лизаньки полезным. Лизанька 27 лет заболела душевной болезнью — это же было в 1877 году за 5 лет до ее болезни. Она была очень возвышенно настроена, но мысли ее были неустойчивы, душа ее стремилась то к монашеству — то к супружеству — и отношение ее к жизненным вопросам было отвлеченное и восторженное. Моя мать ее не понимала — а она не понимала мою мать, хотя и сильно ее любила. Уже много лет спустя, после своего заболевания она написала в молитвеннике, который подарила она мама: «Матери и Другу в надежде, что время, проведенное в Петербурге в марте 1883 г., будет залогом еще большего сближения между нами». Моя мать видела некоторую ненормальность ее духовной жизни и старалась ее направить на здоровый путь — но это оказалось неосуществимо. Лизанька считала себя правой и не принимала указания мама, а только ими огорчалась. — Меня она полюбила сильно — знаю я это по письму весьма нежному, которое она мне написала, когда я весной уехала к бабушке и Наденьке в Москву. Всю эту зиму происходило сближение нашей семьи с семьей Орловых-Давыдовых, которые желали брака Лизаньки с дядей нашим⁹ Сергеем Владимировичем Орловым-Давыдовым. Так как он был не вполне развитой человек — то мама и папа этого боялись, и дело осталось невыясненным, когда весной заболел Ваня дифтеритом. Тогда и послали меня спешно в Москву. — В Красное мы на это лето не поехали, а бабушка наняла имение Видново близ Царицына под Москвой, и там мы, Лизанька и Ваня с бабушкой и дедушкой провели лето. — Дядя Алексей Юрьевич осенью 1877 г. женился на Екатерине Петровне Давыдовой¹⁰, и Красное бабушка

им отдала. Здоровье бабушки очень пошатнулось. Она требовала большого ухода, и мы все старались окружить ее заботами, как умели. Я была тогда очень живого нрава, и бабушка даже называла меня «наша хохотушка Машенька». Снисхождение и доброта бабушки к нам увеличивалась. У нее было много горя, но для нас она была все более и более доступна. Трогательно воспоминание, как в сумерки мы играли в придумывание шарад (на словах), и бабушка принимала в этом участие. Все более и более смягчалась бабушка, приближаясь к смерти; ее душа как бы освобождалась от футляра, наложенного на нее воспитанием и жизнью. Природой она всегда наслаждалась. Прежде Красное было для нее раем земным — а теперь она называла и Видново — рай Видново. Зимой после этого я опять провела в Петербурге, но приехала туда поздно, почти к Рождеству, т. к. мама и бабушка находили, что для меня и Наденьки полезно быть вместе. — Весной 1878 г. Ваня заболел воспалением легких, и я помню, что неумелою рукою я сообщала известия о ходе его болезни бабушке, не зная, как смягчить для нее дурные известия, — она же сильно о нем беспокоилась. После этой болезни необходимо было лечение для Вани, и мама поехала за границу с ним и с Лизанькой, настроение которой также вызывало беспокойство. Мы же провели это последнее лето жизни бабушки опять с нею в Виднове¹¹. Мы были с Наденькой уже полузрелыми, и, конечно, эта потеря глубоко в нас отразилась. 17 авг<уста> с трудом перевезли бабушку в карете в Москву — и 18 сент<ября> она скончалась. При ее кончине мы присутствовали — нас позвали, когда видно было, что она умирает. Смерть была тихая — мы видели ее последний вздох. — Дедушка оставался один — мама решила нас с Наденькой на эту зиму ему оставить. Трогательно было

снисхождение дедушки к нам. Он читал нам вслух наш первый роман «Моя невестка», не желая омрачить нашу молодую жизнь и, может быть, и сам находя утешение в нашем юном обществе. — Хотелось бы мне передать все то впечатление, которое производила на нас личность дедушки. Это был христианский философ, глубоко мысленный, молчаливый. Говорил он немного, но каждое слово его имело глубину и силу. Тем более трогательно было его снисхождение к нам. Так прожили мы зиму, а весной 1879 г. переехали к мама в наш дом на Садовой, где мы живем и до сих пор. Дедушка же взял себе квартиру в доме рядом. — Нас отдали осенью в пансион приходящими к Софии Сергеевне Головиной, другу нашей семьи, остававшейся до конца жизни бабушки ее секретарем и помощницей. Там пробыли мы два года и тем закончили наше воспитание. Младшие братья стали подрастать, и они стали играть роль в нашей жизни. В мне стали развиваться очень нежные и заботливые к ним чувства. Вообще я стала очень привязана к семье, и даже отсутствие мое из дома, пока я бывала в пансионе, — было мне очень тягостно. — Не помню, в это ли время или несколько позднее я стала размышлять, что не понимаю, как можно любить Бога, который кажется нам далеким. Любовь же к близким мне была понятна, и я стала молиться, чтобы Господь через любовь мою к моим близким меня к Нему приблизил. Молитва была искренняя, и замечательно, как Господь внял ей и исполнил это прошение моей души. — Вся моя жизнь была служением моим близким, и через это я достигла веры в Бога, которая стала по милости Божией неотъемлемым достоянием моей души.

Весной 1880 г. Лизанька сделалась невестой дяди нашего, гр. Сергея Влад. Орлова-Давыдова, и нас поразила перемена в

ее настроении — она стала такая веселая и жизнерадостная. Свадьба ее состоялась 4 июля 1880 г., после чего на зиму она уехала с мужем в Рим. Старшие братья наши Сережа и Юрий также давно покинули дом, и потому на нашу жизнь не имели никакого влияния. Тут уже начинается эпоха нашего сближения с матерью нашей, но личное мое к ней отношение стало особенно близким с осени 1882 года. — В 1881 г. мы лишились нашего дорогого дедушки. В своей предсмертной болезни, среди ужасных страданий, он молился: «Да будет с нами всегда и во всем не по нашей, но Твоей всеблагой, всесвятой, всепремудрой, всемогущей воле. Аминь. Аминь. Аминь». Эту молитву многие из нас с тех пор ежедневно говорят и находят в ней утешение и подкрепление. — Моей матерью эта кончина переживалась очень тяжело. Последняя связь с ее прошлым прекращалась, не говоря уже о том, что к отцу своему она была очень близка — натуры их были очень сходны. Когда были похороны дедушки, мама не имела сил на них присутствовать. Последнее лето жизни дедушки Наденька провела с ним в Москве. Мы же провели его в Благодатном, маленьком имении моей матери вблизи Красного, где мы жили все лета после кончины бабушки. Папа приехал пожить с нами, а мама уезжала в Уфимскую губернию в имение свое Крыкнерет, которое и продала. Продажа эта состоялась как раз вовремя и дала возможность маме купить Красное, которое дядя решил продать по настоянию своей второй жены, возненавидевшей место упокоения первой супруги.

Покупка Красного — поэма жизни моей матери. Это и для всех нас было как бы возвращение из ссылки — домой. Имение было разорено — старый дом, где мы проводили все лета с бабушкой, был разрушен, на его месте высился недостроенный

новый дом. И все же нам было хорошо в Красном, где все напоминало дорогое прошлое. Традиционные отношения крестьян к помещикам в Красном — возобновились. Они с доверием приходили с разными нуждами к нам, особенно же обращались к нам за лечением. Моя мать была очень в этом опытна. И в ранней юности в Красном и позднее в имении своем Курилове Нижегородской губ<ернии> она славилась своими лечениями — особенно ран. Она нас стала употреблять как своих помощниц, а вскоре и совсем передала лечение в наши руки. Помню я, как еще мало опытной пришлось мне лечить ребенка, которому лошадь копытом рассекла губу. Дитя выдумало дергать волос из хвоста лошади — лошадь слегка отмахнулась, но для ребенка это было все-таки серьезным поранением. Сшить губу я не умела — пришлось лечить с помощью липкого пластыря и компрессов. Лечение было удачно — но волнений пережила я при этом много. — В свободные минуты мама любила читать с нами, и выбор книг был всегда содержательный. Вечерами же предпринимались большие прогулки опять вместе с мамой, силы которой еще позволяли ей много ходить. — Еще при жизни дедушки осенью этого года стал женихом Ольги Волковой наш брат Юрий, приехавший из плавания (он был моряк), а к Рождеству приехал Сережа из Болгарии, где был секретарем консульства, и также сделал предложение Екатерине Шеншиной. Свадьбы их были на расстоянии двух дней. Знакомясь с семьями наших будущих невесток, мы в первый раз узнали светскую жизнь. Лето после кончины дедушки мы провели в Красном. Когда наступила осень и доходы этого года оказались очень не важными, т. к. уй-кай был плохой, — появилась у мамы серьезная забота. Юрий и Ольга ожидали рождения ребенка, у Юрия службы не было (для того,

чтобы жениться, он бросил морскую службу), средства к жизни должна была давать мама, т. к. средств Ольги не хватало им на прожитие. А где взять столько денег, чтобы нанять им удобную квартиру и обеспечить все расходы по рождению ребенка? — Мама решила поселить их в нашем доме на Садовой вместе с Наденькой, Ваней, Колей и Володей, а сама хотела пробыть зиму со мной в Красном, чтобы хватило им места в нашем доме. — Вот тут впервые я стала разделять все заботы мама. У мама был очень общительный характер, и когда она волновалась, ей необходимо было высказываться. Прежде она поверяла свои переживания Лизаньке, тут впервые стала говорить мне. Для меня открылся новый мир. До сих пор я проходила мимо событий, как зритель, — теперь же я углублялась в переживания, которые это событие вызывало. Моя натура оказалась очень сродной моей матери, ее слова я понимала и сочувствовала всей душой. Моя мать меня стала все более и более к себе приближать, я отвечала на это пламенно, и таким образом все страстное желание любви во мне нашло себе полное удовлетворение. Моя жизнь стала принадлежать моей матери всецело, и разрослась эта любовь в последующие годы до того, что я стала жить как бы двойной жизнью и за себя и за нее. — В эту первую осень я так ушла всем существом своим в новую жизнь, что, когда мы в конце октября поехали с моей матерью в Москву, как мы предполагали лишь на несколько дней, — я точно возвращалась из другого мира, все вне Красного казалось мне таким от меня далеким.

Человек предполагает, а Бог располагает. Когда мы приехали в Москву, нас там ожидало неожиданное горе. С железной дороги мы поехали не на Садовую в наш дом, а к Софии Сергеевне Головиной в ее пансион против Покровских казарм — так

как мама не хотела приехать прямо на Садовую, не предупредив там о нашем приезде. Сам Господь направлял наши шаги. София Серг. Головина, наш дорогой и верный друг, — только что вернулась из Троице-Сергиевой Лавры, куда ездила с Наденькой по следующей причине. Лизанька с мужем в сентябре вернулась в Москву и поселилась на Страстном бульваре в доме ее свекра¹², который скончался весной 1882 года. Перед тем она приезжала к нам в Красное и поразила нас переменой своего характера. Всегда добрая, ласковая и снисходительная к прислуге — тут она была строга и придирчива к своей девушке. Думали мы, что так влияет на нее богатство, — но оказалось, что это уже указывало на начало ее психической болезни. Болезнь эта разразилась внезапно. — В один день она ушла из дому, и только после нескольких дней ужасных тревог удалось найти ее и вернуть домой из Троице-Сергиевой лавры, куда она ушла пешком под влиянием восторженного настроения. София Сергеевна об этом сказала мама, и помню, каким тяжелым, беспросветным облаком показалось мне это горе! — Мама уехала к Лизаньке, а я стала на колени возле моей кровати и как бы замерла, склоняясь под тяжестью этого горя! — В Красное мы более не возвращались. Юрий и Ольга переехали на квартиру в Серебряный переулок, а мы вернулись на Садовую. — Зима была тяжелая — состояние Лизаньки внушало серьезные опасения — и большое внимание и заботу о ней. У Юрия и Ольги родилась девочка, но умерла на другой же день. Роды были несколько ускорены сильным беспокойством Ольги за свою мать Марию Михайловну Волкову¹³, у которой сделался удар. Она скончалась в то время, как были роды у Ольги, так что она узнала об этом уже гораздо позднее. Мы с Наденькой очень живо все это переживали и находились

под гнетом горестных событий, что положило отпечаток грусти на нашу жизнь. — В январе Лизанька уехала в Петербург, и пребывание там, под наблюдением врачей и на время разлученная с мужем, — принесло желанную пользу. Тогда-то и написано было в молитвеннике то пожелание сближения с мамой, о котором я говорила выше. — Весной 1882 г. была коронация Александра III. Лизанька была настолько хороша, что ездила в Лондон вместе с мужем и с нами — смотреть на иллюминацию города. На лето она уехала с мужем в Спасское (имение мужа ее под Москвой), но так как одиночество ей было не полезно — то София Сергеевна Головина и Наденька провели с ней лето. Улучшение скоро стало ослабевать, и к осени ее болезнь опять взяла верх — и в январе 1883 г. ее увезли лечиться в санаторий в Берлин. Мама поехала туда одновременно, чтобы устроить ее помещение. Моя душа, пробудившаяся к пониманию всего, что переживает мама, — сопровождала мысленно маму и в этом скорбном пути. — Желая уберечь нас от слишком грустных мыслей, которые могли повлиять и на наше здоровье, — мама, уезжая за границу, — просила папу выезжать с нами в свет. Не помню, как случилось, что папа был с нами? Вероятно, это еще был отпуск, которым он пользовался, служа в Петербурге, т. к. переход его в Москву на должность почетного опекуна состоялся лишь годом позднее. Выезды в свет послужили отвлечением для нас от грустных переживаний, но вместе с тем внесли и разлад в настроения. На душе было тяжело, и странными, вероятно, казались мы, такие молоденькие, появившись среди общего веселья с отпечатком пережитого горя.

Отсутствие мамы вызвало в моей душе почти материнские заботы о братьях — уже в ту эпоху у меня явилось стремление

помогать мама — заменяя ее там, где ее не хватало. Желание было хорошее — но исполнение было плохое, незрелость молодости выражалась в резкостях, которые были иногда тягостны для окружающих.

События зимы 1883 г. исчезают из моей памяти. На лето нас послали в с. Подоляны к тете и дяде Малиновским ([они были] самыми близкими по духу родными мама — тетя была дочь князя Григория Ал. Долгорукого, любимого дяди моей матери), где уже мы раз детьми провели лето в 1874 году. — Мы жили там беззаботно и весело. Характер тети Надежды Григорьевны был удивительно добрый, прямой и цельный — и отношение к нам самое теплое и родственное. Жизнь текла там в гораздо более простых условиях, чем у нас, — и это отсутствие этикета нас приводило в восторг. Наша кузина Надежда, совсем наша ровесница, была очень веселого нрава, красива и жизнерадостна. Мой брат Коля, тогда еще 16-летний юноша, сильно в нее влюбился, и эта первая его любовь носила самый поэтический отпечаток. Так жили мы, не подозревая, что готовилось для нас новое испытание. В июне Ваня, кончивший Семинарию, заболел воспалением в легких перед последним экзаменом. — Он был при смерти в продолжение многих дней. Дядя Алексей Юрьевич, который иногда был причиной для мама многих огорчений, — показал в этом случае, какое золотое сердце скрывалось под слабостью его характера. Он привез к постели умирающего Вани отца Иоанна Кронштадтского¹⁴, тогда еще только что начинавшего становиться известным. По молитвам отца Иоанна Ваня выздоровел. — У мама же от пережитых волнений в правом глазу произошла отклейка сетчатой оболочки, и она вдруг заметила, что эти глазами не видит. — В конце июля собрались мы только все в Красном.

Ваня был еще очень слабый и худой — для него был взят татарин, который делал кумыс. — Мама была счастлива его выздоровлению, но частичная потеря зрения очень удручала за нее папа. Она же сама несла бодро это испытание и занималась по-прежнему с энергией делами. Когда осень настала, решилось наше путешествие за границу для здоровья Вани. Не желая нас оставлять в России без себя, мама взяла нас обоих также с собой, но Наденька на зиму должна была остаться гостить в Берлине у Сережи и Кати (Сережа был там секретарем посольства), а в Висбаден поехали мы втроем, мама, Ваня и я. — Мне кажется, что с этого времени я уже была неразлучна с мамой до конца ее жизни за малыми исключениями — уезжала я только, помнится, на операцию Володи и навещать Лизаньку, заменяя маму же, — но об этом будет впереди. Зима в Висбадене была как бы оазисом в нашей многотрудной и горестной жизни. Жили мы в пансионе — я и мама в одной комнате, впечатлений новых было много и очень интересных. Я предалась занятиям живописью (у меня к этому был серьезный талант), ходила в atelier к живописцу Kögler'у¹⁵, жили мы с мамой и Ваней душа в душу — все горестное отступило, казалось, так далеко. Мама или сама отдыхала, или применялась к нашему настроению. Мы ходили вместе в концерты, на прогулки и навещали много милых друзей. Когда наступило лето, мы переехали из Висбадена в Крейцнам, где мне нужно было лечиться...

Н. С. АРСЕНЬЕВ

ДАРЫ И ВСТРЕЧИ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ

Деревня

Пахнет сыростью и свежестью весенней ночи. В темноте выхожу из поезда на маленькой станции Благодатная Орловско-Грязской железной дороги. В глубине, сбоку от станции, обозначилась в мягком сумраке коляска, почувствовался запах лошадей и кожи, слышно, как лошади жуют удила, переступают с ноги на ногу, временами фыркают; как слегка позвякивает сбруя. Мне 16 или 17 (а то и 19) лет, я вырвался из душной Москвы в конце мая в деревню — в наше Красное, Новосильского уезда Тульской губернии.

— Лошади из Красного?

— Есть, — отвечает незнакомый мне, звучный голос молодого кучера; это новый, я его не знаю.

— Все здоровы?

— Все, слава Богу.

Четверик трогается и врывается в темноту. Быстро едем через спящее большое станционное село с его белой церковью, через мост, затем выезжаем на простор. Еще сильнее потянуло

свежестью майской ночи, свежестью полей. Лошади дружно бегут навстречу струйкам предрассветного воздуха. Уже светает, или, вернее, слабо горевшая все время вдоль края неба желтая, светлая полоса теперь расширяется. Все нарастают и увеличиваются там, в вышине, струи и прорывы какого-то желтоватого-голубого чистого утреннего моря. Собственно, и не темно совсем, а лишь легкий, светлый полумрак, но и он все редет и светлеет; можно ясно различать листья кустов и деревьев, стоящих у дороги, и даже — через эту дымку прозрачной, все светлеющей ночи — отдельные колосья ржи.

А утро все разгорается. Все ширится вверх безбрежный, светлый разлив, захватывающий постепенно все небо. Зазвенели отдельные жаворонки, сначала робко и неуверенно, а затем уже все громче и звонче. Как хорошо быстрой рысью ехать по мягкой, непыльной дороге! Свежий утренний ветерок щекочет щеки. Но все же считаю и мерю в уме дорогу: когда же, наконец, будет «Калгановская Гора», что, как зачарованные ворота, встречает нас перед въездом в наше любимое Красное. И вот... Содрогаешься от неожиданной красоты. Неужели это — правда, это — не сон? Уже совсем рассвело, дорога спускается по крутому косогору, а напротив — по другому крутому склону — расстилается широкий зеленый луг, без тропинки, без дорожки; на гребне холма — статный дубовый лес, а отдельные молодые дубы и березки, в еще первой светлой майской зелени, сбегали вниз до половины спуска и раскинули свои кудрявые ветви в молчаливом приветствии. И все горит, сверкает росой и манит.

Мимо, вниз через речку и опять быстро в гору. Опять поля и поля. Хутор над лесистым оврагом — «Медвежьим Верхом» — мелькнул налево. Крутой поворот дороги. А вот и наш Краснен-

ский лес, который долго тянулся в стороне и теперь придвинулся вплотную. Три развесистых дуба — по обе стороны и посреди дороги, «сторожа» нашего Красного, встречают меня, как и в прошлые годы. За лесом мелькают домики духовенства — обоих батюшек и диакона — с зелеными металлическими крышами, красная кирпичная богадельня, и вот въезд в усадьбу, старые деревянные сизо-серые ворота дугой, вроде триумфальной арки. Живые изгороди акаций, жасмина, крыши флигелей над ними, двор. Останавливаемся перед высоким крыльцом, поросшим диким виноградом. Спать сейчас невозможно. Все блестит на солнце и в росе. В старом парке, по ту сторону дома, заливаются птицы. Обойти все углы, все любимые места, по старым аллеям, по залитым утренним солнцем лужайкам. Сколько лучших, незабвенных детских воспоминаний связано с этими аллеями, с этими скамейками, что опять стоят на своих местах! и щебетание, и лучи солнца со всех сторон. Желтые цветы и голубые колокольчики, и сплошные стены сирени в цвету. Один огромный праздник, и какое-то опьянение в воздухе.

*

Захватывающий, пьянящий воздух, нетронутые просторы, луга и перелески по оврагам, речка, извиляющаяся между каменистых берегов, с одной стороны, и заливными лугами — с другой. Молодой дубовый лес, рассыпавшийся по склону холма. Темные купы парка над желтой далью полей. В парке своя жизнь, своя немолкающая, неутомная, весенняя жизнь, когда цветет сирень, а за ней жасмин; когда красными шарами начинают блестеть пионы посреди ярко-зеленых лужаек и когда из сиреневых кустов рядом

с домом всю ночь напролет громко, не смолкая, заглушая, прерывая друг друга, поют соловьи. А утром кусты и ветки деревьев чуть заметно трепещут в лучах теплого июньского солнца, и так приятно подставить свое оголенное тело этому солнцу, когда трава кругом еще блестит бесчисленными росинками. Помню, девятилетним мальчиком я ощутил эту пронизывающую свежую теплоту утренних лучей и трепетание листы под этими лучами, когда я как-то утром выбежал из нашего детского «деревянного» флигеля через густые цветущие заросли парка к молодому грушевому дереву, стоявшему посреди залитой солнцем лужайки и каждое утро (уже с конца июня: это был какой-то ранний сорт) приносившему нам свою дань: маленькие сочные желтые груши, разбросанные по земле.

А в высокой траве лужаек растут и цветут колокольчики самых различных форм и цветов: лиловые и розовые, темно-красные и голубые, простые и махровые, некоторые — многогранные со звездочкой посреди, а с середины июня все полно сладкой, пропеченной на солнце, дикой клубникой или ярко-красной, свежее-пахучей земляникой. А там над головами сомкнулись вершинами ряды старых деревьев: аллея мягких, высоких лиственниц, липовые аллеи, из которых центральная, высокая, статная, посаженная моим прадедом и прабабушкой в 1845 году, ведет в направлении к дому. Она упирается в курган с переплетающимися спирально дорожками, весь обсаженный высоким папоротником: бывшая наблюдательная вышка сторожевых казаков в борьбе против степи (еще во время Московского царства), потом — украшение Давыдовско-Долгоруковского парка в селе Красном Новосильского уезда. А перед домом — беседки, купы пионов и желтых лилий и гигантские пихты, обрамляющие палисадник, и

поперечная аллея, пересекающая центральную липовую, с огромными 200-летними деревьями в несколько человеческих объёмов, существующими ещё с начала XVIII века, когда это имение принадлежало Голицыным (потомкам князя Василия, любимца царицы Софии). И жужжание пчел, и тяжелое гудение зеленых шпанских мух над жасмином около дома, и бодрящий воздух, и молодой аппетит, и верховая лошадь, стоящая у заднего крыльца, которая сейчас понесет меня через поля и луга. И напряженная отчетливость дремлющего воздуха в часы полудня, когда над насыщенными теплом кустами и грядками фруктового сада и огорода, с этим запахом пригретой на солнце малины и клубники, — реет вдали в вышине, среди ленивых белых облачков июньского полдня, голубой с золотыми звездами купол нашей деревенской церкви (также построенной прадедом и прабабушкой)¹. И эта повышенно-напряженная и, вместе с тем, сдержанно-молчаливая жизнь июньского полдня; и эта свежая прохлада летних вечеров; грустно-умирающее, умиленно-теплое догорание дня над полями, над вечеряющей дорогой, или там внизу — над пестрящими в цветах лугами у маленькой речки.

*

С вечера накануне соловьи наперерыв врывались своими трелями — громкими, отчетливыми, дробными, тут же, рядом, на сиреневом кусте под окном флигеля — в мой сон, и так всю ночь напролет. Но сон был какой-то благоуханный, какой-то опьяненный от свежего и теплого одновременно ночного весеннего воздуха, и крепкий. Через открытые два окна лились и свежесть и незамолкающее, победное пенье соловьев. Но вот заблестели лучи

на лужке, и все уже загорелось бесчисленными росинками и блестяло перед низкими окнами. Я вскочил: половина пятого! Это — мое назначенное время. Через окно спускаюсь на мокрую траву. Там лежат — приготовлены с вечера — две чистые дощечки и рядом с ними два ведра холодной колодезной воды. Я моюсь с ног до головы, лью на себя — с наслаждением и маленькой бодрящей дрожью — оба ведра воды, влезаю обратно в комнату, надеваю рубашку, панталоны, верховые сапоги, беру небольшой хлыст. По дороге в конюшню (хозяйственные строения отстоят минутах в трех быстрой ходьбы от главного дома и флигелей) иду по узкой тропинке среди высокой травы, зарослей польни, что вся мокрая от росы, по грани сада. Вот — конюшня, вот выводят Красавчика, конюх его седлает. Небо разгорается все шире. Все блестит, дрожит в росинках и как еще все тихо! Голосов не слышно, щебечут, правда, всю птицу, но это не мешает. И вот, несусь уже по «проспекту» (широкая дорога между хозяйственными постройками, церковью и погостом, с одной, домом и садом, с другой стороны), через серо-зеленые заросли польни, выезжаю через дугообразную арку, серо-синего цвета, воздвигнутую 50 лет тому назад в честь свадьбы моих бабушки и дедушки, скачу мимо домиков духовенства, мимо кирпично-красной богадельни и сворачиваю налево по проселочной дороге. Жаворонки заливаются над головой, несется свежий ветерок с полей, мы скачем карьером по плотно утопанной дороге, пролегающей прямо, как стрела, среди черных полей пара. Лошадь устала, и вот вдали уже лесок по склонам оврага. Никогда не видел я потом такого изобилия цветов. Они растут островками: лиловато-красные, белые, розовые, голубые, желтые. Какая масса полевой гвоздики, синих колокольчиков, белой и розовой кашки, белого цвета земляники. Пчелы

жужжат, земля и трава нагреваются утренними лучами. Осторожно спускаюсь на дно оврага и еду по тропинке между молодым дубовым лесом. Подымаюсь на ту сторону оврага. Мягкий лужок, весь в цветах, с отдельными кучами деревьев, сбегает к реке.

С небольшим перерывом в дальнем лесу, где лошадь щипала траву, а я закусывал сухим куском хлеба, взятым с собой, и пил из ключа, выбегавшего из горки, — выходит более трех часов верховой езды. Домой возвращаемся по узкой тропинке, что лепится по крутому каменистому склону над рекой: лошадь ступает осторожно, отдельные камешки из-под ее копыт скатываются вниз по склону. Возвращаюсь, когда солнце уже стоит высоко, бока лошади блестят от пота, уже жарко, девятый час. Я отдаю лошадь на конюшню, беру полотенце и сбегает вниз по горке к нашей холодной, манящей реке. Раздеваюсь в купальне и выплываю в реку. Вода свежая, бодрящая — от массы родников, бьющих на дне реки. Поплавать минут двадцать и потом быстрым шагом взобраться вверх в гору и идти к главному дому на балкон. Там уже все пьют кофе. Мне кажется, что я могу съесть целый мир. Так вкусен мягкий деревенский полусдобный хлеб с деревенским маслом! Уже девять часов. Для всех других это — начало дня. Для меня уже самая ценная, самая заветная часть дня — за мной, много уже воспринято, уже открылось мне, уже пережито мною, и душа моя полна какого-то радостного обладания — на весь день. И на долгие: и сейчас я во многом живу и душа моя питается этим.

I love not man the less, but nature more
 From these our interviews, wherein I steal...
 To mingle with the universe and feel
 What I can never tell, but cannot all conceal².

Эти слова Байрона находили отзвук в моей душе, соответствовали тому, что я сам чувствовал:

О луч утра! О золотой призыв!
О на лужайках трепет и сиянье,
Букашек ползанье, цветов шептанье
И ветерка волнующий порыв.

Иду, иду, все пути позабыв,
Весь погрузиться в это трепетанье,
Весь раствориться с ним в одно дыханье —
В лазурно-опьяняющий прилив.

Он набежал, и бедная душа
Захвачена, меж счастья и томленья,
Молчит, живет, внимает — чуть дыша.

Залиты солнцем все кусты сирени;
Лучами и прохладою дрожа,
Блестит трава под дымкою весенней.

А потом беру книгу и иду через залитый солнцем палисадник в глубину парка. Тут новый мир, свой, особый. Вот прохожу по узкой дорожке, по обеим сторонам которой стены цветущего жасмина. Как гудят в них большие, увесистые, блестящие зеленым гляncем по черному туловищу, как будто эмалированные, шпанские мухи. А в деревянную беседку, рядом с которой на лужайке пышно распустился красный пион и стоят заросли желтых лилий, все время залетают шмели и пчелы. И пахнет пригретой травой, а дальше — сыростью, когда вступаешь под свод огромной липовой аллеи, прямой и высокой, где лишь кое-где у края проскальзывают солнечные блики. Все остальное — тень, вечная тень, прохлада и молчанье. Но по обеим сторонам раскинулась залитая солнцем

лужайка, со старыми яблонями, высокой травой и самыми разнообразными по форме и по цвету колокольчиками. А впереди на заднем фоне прямой, как стрела, аллеи горка — наш старинный сторожевой курган. Но теперь он окружен со всех сторон тенистыми зарослями, высокими липами и могучими широкоплечими кленами, и сам он весь порос высоким папоротником и вьется по нему, извиваясь, причудливая дорожка, обложенная мелкими камушками, — Schneckenberg («гора-улитка»), как ее прозвало еще поколение прадедов в начале девятнадцатого века. Наверху под сенью двух тонких осин лежит огромная каменная чаша или что-то вроде корыта, разбитая пополам, по-видимому, доисторического времени. Сбегаешь вниз — и опять резкие переходы от яркого, сверкающего, победного солнца к сырой, густой, непроницаемой, шуршащей и манящей тени: эти переходы, столь характерные для старых полузаросших садов. И вдруг — прозрачное темное молчание сосновой рощи, с мягкой, заглушающей шаги хвоей и сосновыми шишками под ногами. Открывается незаметная калитка в плетне — вот залитое ярким, уже палящим солнцем и вместе с тем еще дышащее утренней теплой испаряющейся свежестью поле, с межой, изгибами извивающейся между двух высоких уже стен еще полужеленой ржи. И какая-то приглушенная сухая стрекотня и жужжание на фоне этой зачарованной тишины залитого лучами поля.

Никогда я еще так остро, так жадно, не давая себе даже отчета, не ощущал это, как тогда, без слов, почти без рефлексии, но впитывая в себя это, но питаясь этим.

В этом — юность: время собирания, обогащения, оплодотворения душевного. Мы живем потом всю жизнь этим достоянием. Но не только время восприятий и собирания, впитывания

впечатлений — и время также активной устремленности, активного, динамического ответа нашего духа. Мы стараемся прикоснуться к глубинным источникам человеческой мысли, к сокровищам художественного, поэтического творчества. Мы не только впитываем, мы также и реагируем — творчески, сознательно или бессознательно. Создается, укрепляется, растет в нас духовная личность. Особенно растет и укрепляется она в тишине, в сосредоточении, в пытливом искании мысли, чувств и совести. Но также — и в меньшей мере — и в *общении духовном с другими*. В этом — смысл «соборности», как ее понимали славянофилы. И юность тянется к этой соборности, тянется к этому духовному общению и бессознательно и сознательно, как к одному из высших достояний в жизни человека.

*

Муза! Детская, неопытная, никогда не окрепшая, интересная лишь лично для меня, но населившая мою юность внутренними звуками и чувством восторга, и чувством *принуждения*, их излить. Художественно ее произведения не имеют ценности, психологически были они произвольным, органически-естественным, более того — необходимым ритмом моей захваченной сиянием жизни, тянувшейся ему навстречу души. Они принадлежали к ее утреннему рассвету, и ее собственной утренней бодрости, были выражением ее внутреннего прилива. Так, пригретые полуденным солнцем берега нашей луговой речки Дерновки, заросшей тростниками (приток нашего Неруча), вспомнились мне с непреодолимой силой в классе латинского языка над книгой Овидия и сплелись с образами Овидиевских богов:

В моих ушах звенит волшебный рог,
Что изредка, меж сонною листвою,
К своим устам подносит водный бог
С увитою цветами головою.

Один, в тени трепещущих осок,
Я здесь прилег меж кашкой луговою,
И тихий звук игривый ветерок
Приносит мне — и шевелит травкою.

Я слушаю, а радостные сны
В лучах сияющих, что сходят с вышины,
Теснятся надо мной, невидимые взору.

И тихо всё: лишь ветер нежит слух
И в тишине полей стремится вольный дух
К безмолвным небесам и вечному простору.

*

Книги в деревне. Я совсем иначе читал в эти годы, гораздо интенсивнее — думаю, что и продуктивнее, чем потом.

После утреннего кофе я брал с собою книгу и шел через парк в поле. Проходил узкою междою меж высоких колосьев до ближайшего небольшого леса. Лес этот был всего в 60 десятин, остаток огромного леса, тянувшегося когда-то по обе стороны дороги и носившего имя «Товарного» (это название осталось и за сохранившейся частью), ибо здесь, по рассказам, разбойники нападали на везущих товары купцов. Иду через березовую рощу с прозрачной зеленою мелкими листьями в лоштинке, что отлого спускается вниз к цветущему луговому берегу речки Дерновки. В этой лоштинке ложусь на отлогий склон в тени деревьев на мягкую

сочную траву и читаю: — не научные исследования, а поэтов (или кое-что из «Диалогов» Платона). Тут я прочитал по-английски главные драмы Шекспира, по-немецки — драмы Шиллера, читал романтические повести и стихи моего любимого немецкого романтика Эйхендорфа; здесь я часто погружался в причудливый сказочный мир «Орlando Иннаморато» Боярдо и «Орlando Фуриозо» Ариосто или в стихи Байрона и еще больше — в поэзию Шелли, особенно в его волшеббно-захватывающий, исполненный торжествующего подъема «Prometheus Unbound». Читаешь часами, потом поднимаешь голову: где я? Не дома, не в кресле, а тут на траве, среди ползущих по стеблям муравьев, жучков и божьих коровок, среди еле колыхающихся голубых колокольчиков. И так интенсивно и непосредственно-ярко, оторвавшись от совсем другого, воспримешь вдруг эту окружающую сосредоточенную жизнь.

Или помню раннюю весну 1904 года. Мне около 16 лет, я с братом гощу две недели, еще до Красного, в начале мая — у Надежды Григорьевны Малиновской, рожденной кн. Долгорукой, двоюродной сестры бабушки, в ее имении Подоляны в южной части Орловской губернии (около ст. Поныри), бывшем Чернышевском (ее мать была рожденная гр. Чернышева). Еще холодная, несколько запоздалая весна, но все уже цветет. Старый каменный дом Александровской эпохи, несколько запущенный (кое-где на стенах внутри над лестницей облупилась штукатурка), но величественный и выстроенный на широкую ногу, имеет свое очарование. Отовсюду просвечивает прохладная зелень сада, врываются птичьи голоса. Он весь — на фоне прохладной зелени. Особенно библиотечная комната внизу, где зеленые тени листьев скользят по окну, по ярко окрашенному полу, наводя свежий полу-

мрак. В старинных шкафах и шкафчиках светлого дерева оживает перед взором конец XVIII века и особенно начало XIX — конец старого режима, Наполеон, наполеоновские войны, английская, французская, немецкая романтика, Шатобриан, старое издание «Лалла Рук» Томаса Мура, и особенно запомнились мне маленькие изящные томики отдельных песен байроновского «Чайльд Гарольда» в первом издании, 1815-го, 1817-го и 1818-го годов, с лирами, урнами, развалинами, обвитыми плющом, на главных листах и в тексте, в качестве виньеток.

В нашем Красном, где дом был сравнительно новый — середина XIX века — деревянный, небольшой, на месте большого старого, снесенного по фантазии единственного брата бабушки, кн. Алексея Юрьевича Долгорукого, владевшего до нее имением (он на месте старого дома хотел построить чуть ли не палаццо, но так и не сделал этого), библиотека также хранила в себе наследие культуры предков. В высоких, застекленных светло-ореховых шкафах стояли в тисненых золотом кожаных переплетах представители золотого века французской литературы, главным образом XVII и начала XVIII века. Особенно богато и полно были тут представлены религиозные писатели. Помню многотомное, чудное издание Боссюэ, тут же стояли Бурдалу, Масильон, многотомный Фенелон, *M-me de Guyon*, далее разнообразные мемуаристы: «*Memoires de Duc de Sully*» (в весьма многочисленных тисненых кожаных томиках XVII века), увесистые «*Memoires de Duc de St. Simon*»³, далее мемуары Наполеоновского времени, французские многотомные издания XVII и XVIII вв. латинских классиков (внизу — латинский текст, наверху — французский перевод; помню чудное старинное издание Тацита, которое было потом подарено мне), «*Voyage du Jeune Anacharsis*» и т. п. Не было ни энциклопедистов,

ни вольнодумцев: ни Вольтера, ни Дидро, ни Руссо, так как предки мои держались строго христианских взглядов. Были старые, отчасти первые издания (конца XVIII века) немецких классиков: Виланда, Гёте, Шиллера, Гердера, а также немецкие романтики: Тик, Вакенродер в типичных старонемецких белых картонных обложках с подклеенной синей, зеленой или красной бумажкой, чистеньких и аккуратных. Были, наконец, и старые русские книги конца XVIII века и начала XIX, но их было гораздо меньше: например, первые издания произведений Жуковского в кожаных томиках с приятно пахнущими, слегка пожелтевшими, страницами, которыми мы в детстве зачитывались. В общем же, с русскими книгами, особенно для нашего чтения, дело обстояло довольно слабо: главным образом, то были старые детские книжки начала XIX века — «Библиотека для ума и сердца» 1818 года, рассказы в духе сентиментальной добродетели, нудность которых понимали мы еще в возрасте 7–8 лет, когда брали их читать за неимением ничего лучшего. «Алиоша был изрядной рабенок» — так начинался один рассказ. Зато было большое изобилие хороших, интересных немецких книжек для детей, середины XIX века — сборники сказок, рассказы Иоганна Кристофа Шмидта, с трогательными старыми гравюрами, много было старых английских романов. Обильное чтение для более взрослого возраста давали и журналы: «Русский Вестник», «Исторический Вестник», журнал «Артист» — все это за многие десятки лет, — полная коллекция «Revue des Deux Mondes» с 1848 года до начала XX века (помню в книжках пятидесятых и шестидесятых годов увлекательные очерки Ампера: «Histoire romaine à Rome», которые я читал юношей)⁴.

Между книжными шкапами старые гравюры: Сивиллы Микель-Анджело, Рафаэлевские Девять муз. В углу старинные стоячие

английские часы, помеченные 1801 годом, заводившиеся на целый год. В гостиной портреты предков: Екатерина Петровна Давыдова, работы, по преданию, Кипренского, в высоком кружевном воротнике à la Marie Stuart; это была сестра прабабушки Долгорукой, завещавшая ей Красное, которое она в 1818 году купила у Голицыных. Далее, Наталья Борисовна¹ Долгорукая, рожденная Шереметьева, вдова казненного Анной Иоанновной молодого любимца Петра II, кн. Ивана Долгорукого — в монашеской мантии и скуфейке с четками в руках⁵. Какая-то графиня Панина — пышная дама, с холодными чертами лица и белой собачкой (по-видимому, сестра прабабушки Давыдовой, рожденной гр. Орловой)⁶. В маленькой «балконной» комнате — кресло с завитушками в форме восьмерки, на котором, по семейному преданию, мой дед сделал предложение моей бабушке в 1851 году. В комнате бабушки — старые немецкие мистики (чудное голландское издание Якова Бёме середины XVII века, с таинственными аллегорическими гравюрами, в белой свиной кожи переплетах)⁷, на стенах — старинные религиозные гравюры.

*

Соседи. В этом возрасте есть потребность и есть радость в общении — время от времени — со сверстниками. И это общение так же интересно, заманчиво и весело, как и вся жизнь кругом интересна и заманлива. Люди, особенно сверстники, озарены для нас лучами этого радостного восхода, этого свежего утра жизни, в котором они участвуют вместе с нами. Создается та естественная, веселая юношеская солидарность, которая так облегчает общение и делает его занимательным. Мы с братом ездили в гости — в

семьи, где было много молодежи, — обыкновенно верхом; сестры и старшее поколение следовали в коляске. В каждом из этих дружественных домов встречалась вся молодежь из окружающих имений: Затишьенские Арсеньевы (дети дяди Юрия и тети Ольги Львовны, рожденной Волковой), Свербеевы, Горяиновы, Шепелевы-Воронович, Бабаша Чагина, из Козловки, с подругой Комаровой и еще целый ряд людей, гостивших в имениях. Собиралось человек 20 молодежи. Съезжались на именины и дни рождений, играли в «бары», «горелки», «колдуны», «казаки и разбойники», шарады. На балконе или в аллее парка поставлены длинные столы (для молодежи — отдельно), за которыми пили шоколад или чай с вкусными мягкими сладкими лепешками, коржиками, с желтым бисквитным тортом, который так вкусно пах свежим вареньем, с разного рода домашними кренделями и сдобными печеньями, с сочной клубникой с молоком, сливками и сахаром. Иногда устраивались кавалькады по окрестностям; но особенно много было беготни по аллеям парка, на большом лугу перед усадьбой. Вечером возвращаешься домой верхом, уже при луне, радостно насыщенный веселыми переживаниями всего дня. Помню, как мы едем по Казацкой горе — по дороге из Затишья дяди Юрия и тети Ольги Арсеньевых в наше Красное: красновато-желтый диск луны уже выплыл над ветлами и полями и мало-помалу наливается золотым блеском среди все более синеющего неба. Веет ночной свежестью. Спускаешь поводья и едешь шагом. А потом уже крупной рысью и галопом мчишься по вечерней дороге, обгоняешь коляски — свои и соседей, — и лошадь бежит бодро, торопится домой. Как нам было приятно встречаться друг с другом, всей этой веселой и дружной молодежи! И приятно было, что случалось это не слишком часто — раза два в неделю.

И тем интенсивнее и усладительнее шла своя самостоятельная жизнь; в седле по лугам и полям, а то и в гостиной в кресле, с книгой в руках; или в лесу и парке...

Моя семья

Моя юношеская жизнь проходила среди двух, казалось бы, столь разных и, вместе с тем, все же связанных друг с другом сфер московской духовной и умственной среды: патриархального, религиозно обоснованного, старозаветного уклада семьи, в котором я вырос и который я сознательно и радостно воспринимал, — и динамического движения мысли, борьбы убеждений, борьбы философских взглядов, часто резко различных между собою, на жизнь и призвание человека и на жизнь мира. С этой борьбой противоположных идеологий и мирозерцаний я должен был соприкоснуться в своих университетских занятиях, знакомствах и встречах, но я вносил в нее, не мог не вносить, религиозные воззрения, воспринятые мною дома. Ибо и эта патриархальная, тихая жизнь дома была *духовно динамична* и, может быть, она-то особенно и была творческой и динамичной; в тиши, в сосредоточенности и собранности семейной обстановки она оплодотворяла душу.

1. Мать, Екатерина Васильевна Арсеньева

Дом моих родителей был основным фоном моей жизни, хотя я с четырнадцатилетнего возраста, как правило, только три месяца в году регулярно проводил в доме родителей. Это для меня — самое

дорогое и интимное из всего, что я получил в жизни (ибо и религиозное начало коснулось меня через родительскую семью), и потому писать об этом я могу лишь кратко, мало и в более общих выражениях. О том, что дорого и свято, мало пишется.

Моя мать оставила незабвенный след не только в душе своих детей, но и в душе всех, кто был с нею в более близком соприкосновении. В лице моей матери мы чувствовали приближение и пребывание среди нас чего-то уже освященного, принадлежащего уже к иному, высшему миру нравственной чистоты и святости, и, вместе с тем, происходило это в такой простоте, в таком огромном смирении, в такой само собой разумеющейся естественности, в духе такой любви, смиренной и добродушной, полной тонкого, незлобивого юмора и такой тонкости, чуткости и такта духовного, что душа невольно умилялась. Большой и светлый ум, огромная сила благородства, стремление к правде и сила негодования против неправды, доброта, бесконечная доброта, покрывающая, прощающая, воспитывающая, просветляющая и не сознающая себя даже добротою — до того была она естественная, как-то самопроизвольно изливающаяся и притом безмерно отдающая себя, делавшая всю жизнь служением и подвигом — и, наконец, трепет внутреннего предстояния перед Господом: вот черты, характеризующие духовный облик моей матери, Екатерины Васильевны Арсеньевой, рожденной Шеншиной (1858—1938).

Она была великая христианка, и верою и делами. Она питалась внутренне из веры своей в единого милосердного Господа Иисуса. Она жила христианством, то есть внутренним последованием Господу Иисусу; это была для нее не теория, не доктрина, а подлинная стихия жизни. Поэтому она так действовала на людей:

они бывали поражены простотой этой праведности, ее абсолютной беспритязательностью и подлинностью. Это было уже плодом благодати, все более и более проникавшей ее чистую, благородную, любвеобильную и смиренную душу. При большом богатстве ее духовных даров, один особенно поражал: это — огромная сила жалости, которая охватывала ее и заставляла ее деятельно и смиренно помогать, забывая о себе. А если помощь была вне досягаемости, то начинались ее молитвенные представления пред Богом, ее молитвенные борения, исполненные надежды и уверенности в помощи, — за семью ее, за детей, особенно — в последнее, советское время — за тех, кто был в тюрьмах, в ссылках, в большевистских концентрационных лагерях (и она их вымолила всех, и они все вернулись к ней), но также и за всех близких, друзей и, более того, за всех, о горе и нужде которых она слышала: она за них изливала душу свою перед Богом неотступно, горячо, все снова и снова, в смиренной и горячей молитве.

Это был живой урок, живой пример. Ибо и детей своих она старалась возбудить к тому же, учила тому же; ей важно было пробудить в них чувство деятельной жалости, научить их отказаться от своего, от любимой красивой игрушки и дать неимущему ребенку. Так понимала она свою любовь к детям, заботилась о них, оберегала их, но прежде всего хотела передать им *свое лучшее* — силу своей любви, своей живой жалости, своей живой, деятельной, себя забывающей помощи тому, кто нуждается в ней.

Ибо она была замечательная *мать*. Примером своей жизни и своим молитвенным подвигом она старалась и детей своих приводить к Господу Иисусу, высшему Сокровищу и Источнику обновленной жизни. Помню, как в дни нашего детства и отрочества — и юношеские тоже, когда мы бывали дома, она каждое

утро читала вслух главу из Евангелия и главу из какого-нибудь послания апостольского и часто еще один псалом (в русском переводе).

Моя мать стремилась к духовному благу, к духовному росту своих детей не меньше, чем к их физическому здоровью и преуспеянию. Она не мирволила их слабостям, а напротив, со всей силой указывала детям на их недостатки, часто в добродушно-юмористической форме (у нее было много светлого жизнерадостного юмора), но она негодовала на всякое их отклонение от любви и жалости к людям, на всякий их проступок против милосердия, на всякое проявление ими неуважения к личности ближнего. Она учила их своим примером, как нужно давать там, где есть нужда, часто не считаясь с тем, трудно ли это или не трудно. Позднее, в тяжелые годы жизни под советским игом, в самую голодную пору, она почти всю свою еду отдавала ближним: подсовывала свою часть скудного пайка моему голодающему отцу, у которого от голода открылись язвы на ногах, отдавала свою часть хлеба голодному сироте-племяннику. Но ее милосердие не ограничивалось домашним кругом: она отнимала у себя самое нужное, чтобы помочь людям, где было возможно, в то время (под властью большевиков), когда каждый кусок еды был драгоценностью. Но этим духом она жила и раньше. Это — незабвенные уроки, это — наивысшее воспитание, которое можно преподать: дети видели перед собою молчаливую самозабвенную любовь, героизм любви, во всей простоте и смирении, как нечто само собой разумеющееся, проявляющееся ежедневно.

То же было и в области жизни религиозной: она была *укоренена* в этом, это не было учение словами; просто мы, дети, видели религиозную действительность, реальность Божию, силу Христову, проявляющуюся наглядно в жизни самого близкого нам челове-

ка. Это уже не уроки, а смиренное и подлинное *свидетельство* жизни — самое убедительное или, вернее, единственно убедительное: *действительная жизнь во Христе*, постоянная направленность сердца к Господу Иисусу, но без всякой экзальтации, жизненно и просто.

*

Вот несколько черт биографических. Моя мать, Екатерина Васильевна Арсеньева, была дочерью камер-юнкера и помещика Василия Владимировича Шеншина и Анны Ивановны, рожденной Шаблыкиной. Через год после рождения моей матери, отец ее умер. Моя бабушка осталась 20-летней вдовой с тремя детьми и, по настоянию своей свекрови, вскоре вышла второй раз замуж за князя Николая Алексеевича Лобанова-Ростовского. Моя же мать и ее братья остались воспитываться у своей бабушки, Анны Николаевны Шеншиной, рожденной Ермоловой (она была двоюродной сестрой героя 1812 года и покорителя Кавказа, знаменитого А. П. Ермолова), сначала в деревне Рязанской губернии, затем в С.-Петербурге⁸. Моя мать всю жизнь с великой благодарностью и любовью чтит память воспитавшей ее бабушки. Анна Николаевна Шеншина была, по-видимому, очень замечательным человеком: глубокая, прямая и благородная натура, большой доброты к людям, человек большой веры и ясного ума. Многие люди обращались к ней за советами, прибегали к ее посредничеству и суду в семейных распрях и недоразумениях. Она была лучшим типом справедливой и мудрой русской барыни, очень сочувствовала освобождению крестьян. Она была домовитой и деловой (у нас долго сохранялась старинная ее записная книжка середины

прошлого века со многочисленными интереснейшими рецептами). Ее благородство, правдивость и активная, мудрая доброта питались от глубоко христианских корней, из жизни Церкви. В ней, и в деревенской жизни в родовом шеншинском поместье Рязанской губернии моя мать глубоко прикоснулась к лучшим вдохновляющим сторонам подлинной русской жизни и осталась им близкой всю жизнь свою. Как и ее бабушка, она любила все подлинное, настоящее, не аффектированное, подлинную духовную простоту сердца.

Воспитание было насыщено живым и действенным религиозным началом и, вместе с тем, отличалось высоким уровнем культурного развития, соединялось с первоклассным образованием. В Петербурге к моей матери ходили лучшие тогдашние учителя, в том числе профессора Университета, и преподавали ей историю, литературу, языки. Гувернанткой ее была шотландка, духовно очень замечательная женщина и, вместе с тем, очень образованная. С ней моя мать читала английских классиков, особенно любила она Байрона, Вальтера Скотта и Диккенса. Она превосходно изучила английский и французский языки и, наряду с английской, также и французскую, а позднее отчасти и немецкую литературу: классиков и романтиков. У моей матери был легкий и элегантный, изысканный и непринужденный французский стиль и в разговоре, и в письменном изложении. Она была начитана в исторической литературе, особенно любила она исторические и церковно-исторические работы известного французского историка времен Второй Империи, Amédée Thierry, автора многочисленных, блестяще и увлекательно написанных монографий, рисующих картины последних дней Римской Империи, нашествия варваров и некоторые особенно драматические моменты из истории Церкви IV и V века.

В ней находили живой отклик серьезные исторические и археологические интересы моего отца (его особенно занимала история Византии, Балкан и славянства и вообще христианского Востока, а также греко-римского мира, история сношений России с Западом). Но особенно ее привлекала религиозная сторона истории и жизни и красота поэтическая. Моя мать любила поэтов, особенно Гётевского «Фауста», и «Buch der Lieder» Heine, Байрона, стихи Хомякова. Ее любимой книгой была Библия. Много также читала она «Добротолюбие», творения Аввы Дорофея, Исаака Сирина, Макария Египетского и очень любила книги епископа Феофана Затворника (особенно его Толкование на 118-й псалом — ее любимый). Любила она очень «Отечник» (изречения египетских отцов-пустынников), творения св. Дмитрия Ростовского, «Fioretti» св. Франциска Ассизского, творения великого испанского мистика Иоанна Св. Креста (Juan de la Cruz), которые читала во французском переводе.

Очень интересовалась она политикой — русской внешней политикой, славянским вопросом, а позднее, в эпоху большевизма, она всеми силами души желала освобождения России и низвержения большевиков, все ждала и спрашивала: «Скоро ли? Скоро ли?»

Для меня было большим наслаждением читать ей вслух отрывки из Библии (особенно из книги пророка Исайи, 118-й псалом, из посланий апостола Павла, из 1-го послания апостола Иоанна), а также — для внутренней проверки — то, что я писал на религиозные темы. Во время конгресса ориенталистов в Стокгольме в 1889 году (когда мой отец был Первым секретарем Российской Императорской миссии в Стокгольме) моя мать вела оживленные разговоры с знаменитым ученым Максом Мюллером⁹,

приехавшим на конгресс из Оксфорда, и с такой глубиной интереса и понимания расспрашивала его про основы буддизма, что он был поражен и спрашивал потом, кто эта замечательная молодая дама, столь заинтересованная вопросами духовной и религиозной жизни. Но никогда не было в ней и тени «синего чулка»: все было так естественно, скромно, просто и тактично.

Она и детям своим запрещала распущенность в привычках, в укладе жизни. В ней было огромное чувство нравственной дисциплины, которая проявлялась и во внешних мелочах. Она была приучена к чистому, свежему воздуху, к холодной воде, и детей своих с детства приучала к дисциплине тела и духа, к скромности, к уважению к старшим, к уважению личности другого. Всякие остатки «крепостнических» замашек — пренебрежение, грубость с прислугой, она беспощадно преследовала в них. «Кто ты такой сам? Ты только клоп и больше ничего», — вот что она им говорила, когда проявлялись у них иногда замашки «барства», пренебрежения к людям. Это было результатом ее воспитания у своей бабушки, и в этом направлении — смиренного исполнения своего долга, простоты, естественности, скромности, сдержанности в манерах, при бесконечной доброте — она шла всю жизнь. Но заковка была дана воспитанием.

Возвращаясь к ее биографии. Потеряв через некоторое время после своего переезда из деревни в Петербург свою бабушку, она в возрасте 17 лет переехала жить к своей матери — княгине Анне Ивановне Лобановой-Ростовской, которая со вторым мужем и многочисленными детьми от второго брака жила в Москве, в одном из крыльев огромного дома Английского клуба на Тверской (принадлежавшего тогда Шаблыкиным)¹⁰. Большое влияние оказал на мою мать ее отчим, князь Николай Алексеевич

Лобанов-Ростовский, который называл ее своим «другом» и которого она необыкновенно высоко ценила и любила. Это был человек большой духовной чистоты, благородства, внутренней тишины и собранности духа. Он любил иногда сопровождать мою мать на прогулке. «Вот мы и помолчали кое о чем вместе», — говорил он. В Лобановском доме моей матери пришлось сразу выступить в роли старшей сестры — она была советником и другом, а иногда как бы духовным руководителем своих сестер и братьев, особенно более близких к ней по возрасту (в особенности, Ольги Николаевны, позднее леди Эджертон).

Светская жизнь мало привлекала мою мать, но ей приходилось, по тогдашнему обычаю, много бывать на балах и участвовать в светском общении тогдашней молодежи. Завязались у нее тесные дружеские отношения с теми девушками, которые так же, как и она, обладали внутренним духовным содержанием.

24-х лет моя мать вышла замуж за моего отца, Сергея Васильевича Арсеньева, начинающего молодого дипломата, служившего тогда на Балканах. Они были всю жизнь необычайно счастливы вместе. Она жила для моего отца — делила его интересы — дипломатические, внешнеполитические, научно-археологические, — была истинным товарищем и другом его жизни, и до конца проявляла к нему трогательную, умиленную любовь и нежность; подбадривала его в минуты находившей иногда на него хандры, уныния, смягчала его раздражение, умела, как никто, отгадывать и понимать его чувства. И он любил ее беззаветно, с каким-то преклонением и с тем чувством полного доверия и дружбы, которое характерно для истинно благословенной супружеской жизни. 35 лет провела она с мужем за границей, сопровождая его из страны в страну.

Дети почти все родились за границей. Моя мать только редко приезжала в Россию, но дом моих родителей в разных странах, где они были, был живым уголком России. Радужие и гостеприимство моей матери было очень велико, еще больше была ее доброта. И на чужбине она старалась воспитать в своих детях близость к Церкви и умела создать уют и тепло вокруг себя. Особенно была она популярна (сама о том не подозревая) среди местного населения в Черногории, ибо много бедных получало от нее помощь, многие бедные регулярно кормились у нее на кухне. Когда мой отец был посланником в Норвегии, она в 1914—1916 гг. возглавила организацию помощи русским военнопленным, голодавшим в германском плену, помощи, которую она почти только своими силами организовала из Норвегии, как страны нейтральной.

Перенесусь теперь вперед и скажу несколько слов о более поздних годах. Позднее — после возвращения моих родителей в 1916 году в Россию — в эпоху величайших испытаний, пришедших во время большевистского террора и беспрестанного гнета, голода, арестов и ссылок, — моя мать некоторое время сидела вместе с моим отцом в большевистской тюрьме и там поддерживала его духовно. Все ужасы голодного существования в Советской России перенесла она, не думая о себе, страдая от голода и в то же время отдавая последнее. Вскоре после смерти моего отца (в 1922 г. в Москве) отправилась она добровольно в ссылку вслед за своими двумя младшими дочерьми, сосланными в Архангельск, где пробыла 8 лет. Это было временем все большего и большего проявления ее силы любви и сострадания. Много эпизодов того времени необычайно трогательны и умильны — до слез: как мог человек так сострадать, так снисходить к нуждам и страданиям других, сам мучаясь (мои обе сестры были оторваны

от нее Советской властью и отправлены в концентрационный лагерь в Соловки; по освобождении оттуда, они арестовывались все снова и снова). Ее сердце разрывалось от тревоги за детей, но не ослабевала ее молитва за них.

В 1933 году она выехала с дочерьми ко мне в Кёнигсберг, в Германию, где я преподавал в университете. Советы выпустили их с трудом, за большой денежный выкуп, и то только благодаря усиленному вмешательству Великобританского правительства (сестра моей матери, леди Эджертон, была вдовой великобританского посла в Риме и, имея много связей в Англии, хлопотала за нее). Пять лет, проведенные ею вместе с детьми, в условиях безопасности и спокойствия, были незабываемым счастьем для ее детей.

Ее кончина — 80 лет от роду — 13 (26) августа 1938 года, была поистине высоко христианской. *Уверенностью* в Высшей Жизни, уверенностью, что не может и не должно быть окончательной разлуки, радостным чувством неугасимой любви и незабываемым, просветляющим душу примером для близких и дальних веет от ее смерти и от ее жизни.

2. Отец, Сергей Васильевич Арсеньев

Мой отец был на 4 года старше моей матери (родился в 1854 г.). Он был человек огромной детской чистоты и подлинности сердца, но мог казаться суровым — людям посторонним, тем, кто его мало знал. Он был действительно не очень общителен, замыкался несколько от людей (в противоположность моей матери), кроме семейного круга и некоторых друзей. В ближайшем семейном кругу, а также с отцом и матерью и сестрами на Садовой, в Красном, и с теми из братьев, с которыми он был

близок, он раскрывался душевно. Мой отец был человек научных и идейных интересов и горячего сердца. Он любил науку (историю, археологию, особенно русскую и всех тех стран, которые так или иначе связаны с историей России), московский быт, научные круги, деревню. Судьба сделала его дипломатом. Он светскую жизнь не любил вовсе (как и моя мать ее не любила), но его служебные обязанности требовали от моих родителей довольно активного участия в международной дипломатической светской жизни.

В дипломатии его интересовали великодержавные государственные судьбы России, ее влияние на Ближнем Востоке, причем он был горячим сторонником мира и считал, что судьбы России не должны зависеть от локальных интересов и внутренних раздоров балканских народностей, что русская политика никоим образом не должна быть на буксире, на поводу у балканских политиков, да и у западных держав, хотя бы и союзных. Его дипломатическое поприще было разнообразно, но сосредоточилось как-то в Восточной части Европы и на Ближнем Востоке.

Мой отец начал свою дипломатическую службу в 1881 году в качестве секретаря Российского консульства (а потом управляющего консульством) в Восточной Румелии. Затем он был первым секретарем Дипломатического агентства (и поверенным в делах) в Софии; затем — вторым секретарем посольства в Берлине, первым секретарем Миссии в Стокгольме, Генеральным консулом в Иерусалиме, Генеральным консулом в Стокгольме, Министром-Резидентом при Вольных Ганзеатических городах — Гамбурга, Бремена, Любека — и Великом Герцоге Ольденбургском; посланником в Черногории (1910—1912) и посланником в Норвегии (1912—1916). Таким образом он прослужил 36 лет на дипломатическом поприще за границей. Его же мечта была, по

окончании университета, посвятить себя научной деятельности. Муромцев¹¹, совсем молодой тогда профессор, предлагал ему остаться при кафедре истории римского права. Но эти планы наши сильное сопротивление в семье (главным образом, со стороны моей бабушки): профессорская карьера казалась тогда мало подходящей с точки зрения семейных предпосылок и разных светских условностей. Но мой отец всю жизнь оставался верен своей любви к науке. Он был большой знаток, большой ученый в области русской, славянской и византийской истории, страстно увлекался раскопками — особенно античных надписей и барельефов на Балканах и в Палестине, — коллекционировал античные и русские монеты. Особенно интересовался он теми областями истории, где древняя Русь соприкасалась с Западом и Византией: его увлекал варяжский вопрос, сношения Руси со скандинавскими странами, древние норвежские саги, также древние сношения Новгорода с Готландом и с Ганзой, борьба славян с германцами в Чехии, Моравии, Мекленбурге, также эпоха переселения народов, особенно остготы в Италии, и Византия, и влияние византийской культуры как на славян, так и на развитие итальянского искусства. Кроме того, он интересовался историей и культурой тех стран, где он бывал в связи со своей дипломатической службой: германским средневековьем (и особенно воздействием на него Византийского Востока), историей крестовых походов, историей Греции и Малой Азии, археологическими открытиями в странах средиземноморского бассейна.

У него составила первую классную тысячелетнюю библиотека, особенно по истории России, Восточной Европы, Византии и древнего мира, нумизматике, археологии, с рядом очень ценных и даже редких изданий. У него была превосходно подобранная

коллекция, в старинных изданиях, описаний древней России, составленных иностранцами, начиная с XV—XVI веков.

Отец интересовался не только старинными книгами, но и историей книгопечатания.

Он опубликовал ряд научных статей по сношениям России с Западом, по истории Ганзы. Заграницей, на местах своей дипломатической службы, он особенно дружил с местными известными историками, исследователями, археологами, директорами музеев (так, в Швеции он был близко знаком с Норденшельдом¹²), любил посещать научные доклады, археологические и этнографические выставки, участвовал в научных конгрессах. Еще одна область притягивала отца — этнография, народная словесность, народные легенды, обычаи, обряды. Его вообще интересовала жизнь крепкого, укорененного в историческом быту, местного крестьянского населения. Это совпадало с некоторыми его политическими и социальными взглядами.

Мой отец был убежденным сторонником реформ Столыпина, считал, что крепкое, культурное, энергичное крестьянство, остающееся на земле, крестьяне-собственники — вот основа государственной силы и народного благосостояния. Дворянство, культурный помещичий слой, должно быть в плодотворном контакте и творческом взаимодействии с энергичным прогрессивно развивающимся крестьянским классом. Поэтому мой отец так мечтал, выйдя в отставку, осесть одновременно в деревне и Москве, заняться имением, экономическим и культурным строительством на местах. Его очень интересовали центры русской провинциальной культурной работы, местные музеи, провинциальные археологические и исторические общества (в этой области как раз работал мой старший брат, Василий).

По своим политическим взглядам мой отец был прогрессивным консерватором, стоял за внутреннее оздоровление России, за подъем ее жизненных, культурных, производительных сил; во внешней политике — за путь осторожной, сдержанной великодержавности, полной чувства своего достоинства, чуждой авантюризма и ненужной, безграничной экспансии. По внутриполитическим вопросам мой отец никогда не выступал, сравнительно мало на эти темы говорил. Но он был убежденный монархист и сочувствовал умеренной, консервативно-конструктивной конституционной монархии, укорененной в историческом прошлом русского народа.

Отец был человек глубокой и искренней веры, но длинные службы церковные его утомляли, богословские вопросы его не интересовали. Он был верующий «лаик»¹³, со смирением перед Господом Богом, но не любивший того, что можно назвать «воинствующим клерикализмом». Он стоял за свободу научного исследования, свободу мысли. Для него истинная свобода и смиренная вера в Бога и крепкая жизнь нравственных и культурных устоев в области семейной, общественной и государственной друг друга не исключали.

Таков был культурно-умственный облик моего отца. Правопорядок, свобода и право — крепко вошли в его сознание, может быть, благодаря также его пребыванию на Западе (в Германии и Скандинавии). Он рассказывал, что, когда в юности читал «Историю Англии» Маколея, то с завистью останавливался на словах «Our happy constitution»¹⁴. Но, конечно, он был глубоко русский человек и остался им, несмотря на долгое пребывание за границей, как и моя мать. Он был прямой, не «гнувшийся» человек, не карьерист и не умел бы им быть — для этого он просто не

подходил, он был бы для этого слишком тяжеловесен и наивен (в хорошем смысле слова). Он был человек большого духовного благородства и большой прямоты и внутренней чистоты духа, при некоторой замкнутости по отношению к посторонним (он не легко вступал в дружеские отношения)*.

Он был нежный семьянин, человек большой затаенной внутренней нежности сердца, мы, дети, — видели и ощущали ее — и с годами все больше. А моя мать ее видела и чувствовала ее всегда.

Мы нежно любили отца, но несколько иначе, чем мать. Наша мать ничего не искала, не требовала никаких демонстраций, внешних проявлений любви — она сама вся излучала любовь. Мой отец, напротив, любил, чтобы с ним подолгу сидели, особенно когда, в связи с настоящими, или иногда преувеличенными неприятностями (связанными с независимостью его характера и неумением подлаживаться к вышестоящим лицам), на него находили периоды хандры, упадка настроения. Он сидел молча в большом своем кабинете и курил, курил... Тут была незаменима моя мать, которая умела его утешить и подбодрить.

Мы отца — повторяю — нежно любили и чтили, но ж и л и мы в той духовной стихии, которую создавала мать. Это была

* Он был очень дружен и близок с родителями (страстно любил свою мать), братьями, особенно двумя старшими, и сестрами, а из других родственников особенно с двумя лицами: со своей тетей княгиней Ольгой Александровной Долгорукой (рожденной кн. Львовой), вдовой кн. Николая Алексеевича Долгорукого, «la doyenne de la famille D.», и отцом своей невестки, А. А. Нарышкиным (членом Государственного Совета)¹⁵, и часто останавливался у них в свои приезды в Санкт-Петербург. Был он также дружен с двумя крупными русскими учеными: директором Румянцевского Музея в Москве Венициновым и профессором Киевского университета византологом Ю. Кулаковским¹⁶.

уже не только любовь, это было умиленное ощущение чего-то бесконечно высокого, родного и дорогого, ощущение какой-то трогательно-смиренной, возвышающей душу близости, от которой веяло святостью. Конечно, мы стали осознавать это лишь постепенно.

Я коснулся здесь моих родителей как духовно высоко стоящих русских людей, о которых хоть что-нибудь должно быть написано. Иначе я не стал бы писать о том, что мне особенно дорого и близко. По этой же причине не пишу здесь подробно о моей незабвенной няне — Fräulein Caroline Stroh — немке из Рудольфштадта (в Тюрингии), святой, праведной и умильной старушке, которая провела в нашей семье 26 лет (в ней же и умерла) и к которой меня привязывала (и привязывает) самая нежная любовь. Господь да благословит ее! Не могу даже высказать, сколь многим я ей обязан — самым сокровенным, самым глубоким во мне, — ей и моей матери.

Мы — три брата и три сестры — были очень дружны между собой. Но я касаюсь здесь лишь глубочайших влияний, действовавших на наше детство и юность, и потому, говоря о нашей тесной семье, остановился подробно только на родителях. Они больше жили за границей, иногда приезжали на лето в деревню, или младший брат и я ездили к родителям (сестры были большей частью с ними) на каникулы за границу. Но даже когда я жил у родителей за границей, была глубокая связь между духом нашей семьи и старыми московскими семейными устоями. В одном только — как я уже говорил — моя жизнь отличалась несколько от московского унаследованного склада: ей была чужда всякая тень «барства». Моя мать равно уважала людей, без различия их положения и состояния. Более несчастный более заслуживал внимания и любви: ибо для моей матери Сам Христос

обращался к нам через него. Атмосфера на Садовой в доме дедушки и бабушки была также глубоко и смиренно христианской, полной любвеобильной готовности помочь людям, без чванства, тщеславия, малейшего духа снобизма. Но некоторые остатки духа «барства» жили на Садовой (и вначале отчасти и в нас, детях). Они были абсолютно чужды и непонятны моей матери.

Говоря о моем юношеском и отроческом развитии в Москве, я не мог не сказать о родителях и о своей няне, ибо это был тот духовный и душевный фон, из которого вырастала моя отроческая и юношеская жизнь, как на этом же основном фоне прошло и мое благословенное детство, и всю жизнь мою я духовно питался из него.

3. Дедушка Василий Сергеевич Арсеньев (1829–1915)

Передо мной встает милое, с детства близко знакомое лицо моего деда: густые ярко-серебряные волосы, тщательно приглаженные и разделенные пробором, маленькие серебряные бакенбарды, румянец (несмотря на его 75, 80 и 80 с лишком лет), статный рост. Дедушка — очень красивый и видный старик. Но вместе с тем, или прежде всего, это — человек глубоко одухотворенный. В этой одухотворенности, в этой духовной направленности — питающий центр его личности, смысл его жизни.

Дедушка был скромный, несветский по своим интересам и вкусам человек (хотя необычайно воспитанный, отличающийся той изысканной вежливостью, которая уже редко встречалась даже и в это время моего отрочества и юношества); его главным интересом было духовное, мистическая жизнь, его мысль была направлена на религиозное созерцание: на созерцание спасения и

искупления нашего, тайн творческой Премудрости и искупительной Любви Божией. При этом он был не монахом-затворником, а отцом многочисленного семейства, которое он вместе со своей женой, а моей бабушкой Наталией Юрьевной Арсеньевой (рожд. Долгорукой) воспитал в духе христианского благочестия и крепких семейных, нравственных начал; он был всю свою жизнь на государственной службе, был даже «сановником» (почетный опекун, действительный тайный советник, кавалер ордена Александра Невского), но это «сановничество» как-то не приставало к нему. Доминирующим элементом оставалась его «обращенность во внутрь», его скромность, его отсутствие интереса к блеску, почестям и светской жизни — он чуждался этого и отгораживался от этого, — и его изумительная деликатность и необычайная вежливость, которые даже приводили людей в смущение (например, уже 80-летним стариком он не только провожал своих гостей, в том числе своих подчиненных, — приезжавших к нему с докладом учителей и инспекторов гимназии, — в переднюю, он бросался сам подавать им пальто, вырывая его из рук лакея).

Он любил иногда — правда, очень деликатно и необходимо — и пошутить, у него было тонкое чувство юмора (он превосходно читал вслух на разные голоса по вечерам в гостиной комедии и драмы). Он был большой любитель семейного уюта, семейной жизни. Будучи превосходным знатоком французской литературы, он обладал изысканнейшим французским языком, который отзывался еще XVIII веком, но, повторяю, главная его духовная устремленность была — *религиозная*. Он был христианский мыслитель и, более того, человек внутренней жизни, внутренней устремленности к Логосу Божию, подлинный «*христианский мистик*» (духовный сын известного в Москве в 60-х годах

старца и мистика слепца-протоиерея о. Семена Ивановича Соколова)¹⁷. Дедушка любил повторять слова псалмопевца: «Восхождение в сердце своем положи» — слова, указывающие на внутреннее восхождение к Богу в сосредоточенной и напряженной тишине сердца.

Замечательное по редкости своей собрание книг дедушки отражало его мистическую и, вместе с тем, *христоцентрическую* настроенность. Господь Иисус Христос, Царь и Господь, Логос Божий, через Которого был сотворен Спаситель наш и всего мира, Победитель ада и смерти — центральное и вдохновляющее начало его религиозно-мистической жизни и его религиозной мысли. Поэтому в библиотеке его стояли, наряду с Отцами Церкви, и великие религиозные мыслители и мистики христианского Запада: и Тереза Испанская, и Таулер, и Раймунд Люллий, и Екатерина Генуэзская, и Фома Кампанелла, и Паскаль, и Якоб Бёме, и Баадер (оба последние — любимцы дедушки). Был и Платон, и христианские каббалисты XVI и XVII веков, и кое-что из Шеллинга, и Сковорода, и многочисленные Новиковские издания (XVIII века), и особенно учителя духовной жизни Православного Востока: Исаак Сирий, Макарий Египетский, авва Дорофей и прочие отцы «Добротолюбия».

Характерно и интересно то, что по чертам своего «внешнего» культурного лица дедушка представлял не свою эпоху (он родился в 1829 году и окончил в 1849 году училище правоведения), а предыдущую — конец XVIII века и царствования Александра Павловича. Это объясняется теми решающими влияниями и впечатлениями, которые мой дед воспринял в доме своих родителей, и которые с ранних уже лет определили его вкусы и настроения. Он жил поэтому — что касается культурных воздействий —

более в мире современников своего отца, чем собственных современников. Русская литература (главным образом, мистическая) конца XVIII и начала XIX века, времени Дмитриева, Мерзлякова, Хераскова, Державина, была ему ближе, чем Пушкин и Гоголь. И слог его был часто старинный, старомодный, напоминающий слог писателей ранне-александровского периода. Из русских поэтов особенно был близок ему почти совсем забытый теперь (но напрасно, ибо у него есть стихи большой внутренней силы и даже большого мастерства) — Федор Глинка (1786—1880). Помню, как дедушка любил повторять вслух следующие стихи Глинки:

Напутствие ангелов идущим в жизнь душам

О Господи, они готовы
 Расстаться с здешней тишиной,
 Надеть телесные оковы
 И плавать в суете земной.

Пошли же, Господи, им крепость,
 Чтоб их состав был здрав и цел
 И чтоб стихий земных свирепость
 Не сокрушила ломких тел.

Но я молю Тебя сугубо,
 Да дашь Ты внутренний им свет,
 И чтоб под пеленою грубой
 Не сгас он от грехов и лет.

Да будут души их младенцы
 И все к Тебе обращены,
 Да помнят, что переселенцы
 Они из лучшей стороны.

Храни их в том быту зарадном,
 Не дай и сведаться с соблазном,

Исправь, благослови их путь.
(Голос с высоты) «Благословенны суть».

Облик дедушки будет неполным, если не остановиться немного на его идеальном, изысканном, благоуханном французском языке. Старая традиция французской дореволюционной культуры жила в его французском языке и стиле. Одним из обучавших дедушку и его братьев французскому языку был офицер Наполеоновской армии, взятый в плен после Бородинской битвы и попавший в имение моего прадеда, Сергея Николаевича Арсеньева, — село Горячкино, находившееся в двух верстах от Бородинского поля. За долгие годы пребывания в семье моего прадеда этот человек приобрел всеобщее уважение и любовь. Это был глубоко благородный, культурный человек, убежденный христианин (католик, но отличавшийся большой терпимостью). Ему в значительной степени обязан мой дед своим совершенством во владении французским языком¹⁸.

По-французски говорили между собою и члены семьи на Садовой, особенно со старшим поколением, еще и в период моей юности. Очень часто разговор шел по-русски — большей частью он и велся по-русски, — и вдруг, когда нужно было сказать что-нибудь особенно личное, — переходили на французский. Сдержанно-отточенные, безлично-изящные формы французского языка как-то особенно подходили для разговора о сугубо личных вещах — ибо своей сдержанностью целомудренно прикрывают чувство, лишь намекают на него, не вдаются в нескромную эмоциональность. Точно так же и в переписке с близким ему, бывшим на три года моложе его, братом Дмитрием Сергеевичем Арсеньевым, адмиралом и членом Государственного Совета, дедушка пользовался обычно русским языком: лишь когда он переходил

на более интимные тона, на воспоминания юности, начинал он в середине письма писать по-французски.

Еще одна черта дедушки: он был очень терпим к чужим мнениям и не любил спорить. Когда кто-нибудь в его присутствии из чужих, из гостей, начинал развивать взгляды крайнего, узкого, необъективного и некультурного фанатизма, дедушка не возражал. Оставшись наедине с близкими, он помолчит и потом кратко скажет: «Душенька! Их невежество... — и тут как бы на секунду приостановится, — для нас необязательно». И все.

Дедушка был не только христианский философ и мистик, но и горячо убежденный, горячо верующий и смиренно преданный сын Православной Церкви. Недаром двое из его пяти сыновей — мои дяди Иван Васильевич и Николай Васильевич — приняли священство (еще задолго до революции): к этому их подготовила атмосфера родительского дома. Другой — старший сын, мой отец — был дипломат и страстный любитель истории и археологии, особенно русской, византийской, обще-славянской и балканской, стран Ближнего Востока, а также скандинавской и северо-германской, то есть преимущественно тех стран, которые были связаны с историей России и славянства (и в которых, главным образом, протекала его дипломатическая деятельность). Следующий сын дедушки — дядя Юрий — был также археолог-историк, генеалог и Хранитель Московской Оружейной Палаты.

Смерть дедушки, последовавшая на 86-м году его жизни — в июле 1915 года, — была глубоко христианской. Уже на самом пороге перехода в иную жизнь он тихо сказал, как бы про себя: «Влеком ко Господу Иисусу». Это действительно было вдохновляющим центром всей его богословско-философской мысли и всей его жизни.

В его личности мы имеем не только представителя очень высокой христианской культуры старой России, но, вместе с тем, и отблеск сияния Некогого Высшего Света, просвещавшего его собственную жизнь и разливавшего вокруг атмосферу духовной средоточенности и просветленного мира.

*

Несколько слов следует сказать и о доме моего деда, где я жил в годы моего учения — гимназического (начиная с 4-го класса) и университетского. Редко, пожалуй, кому-либо из моих сверстников пришлось в такой степени пережить и воспринять как раз старую, патриархальную Москву в ее несовременности (яркой несовременности уже тогда, когда я ее переживал, ибо кругом в то время кипела бурная современная жизнь) и в ее своеобразном духовном облике, — как мне, моим братьям и сестрам, — в дедушкином доме на Садовой.

В глубине двора — заслоненный от улицы передним домом (тоже особняком, который сдавался в наем), окруженный службами (конюшней, каретным сараем), с балконом, спускающимся в небольшой, но уютный садик с беседкой, — типичный московский особняк середины XIX века. Когда закрою глаза, вижу перед собою светлую «залу» с шестью окнами (три во двор, три в сад), с до блеска натертым паркетом, с высокими фикусами в больших зеленых кадках у окон. Между ними стоят два мраморных бюста — пра-прадеда князя Алексея Алексеевича Долгорукого (бывшего министром юстиции при Николае I) работы Жиларди, и привезенный из Италии работы Кановы бюст пра-прабабушки (с другой стороны) — Натальи Владимировны

Давыдовой (рожд. гр. Орловой)¹⁹. В углу между окон — огромный Бютнеровский рояль, по стенам — гравюры, фарфор и фаянс, на шкафу и камине — четыре бронзовых канделябра александровского времени, изображающие античные божества или гениев.

Соседняя комната — гостиная, — уютная, с видом на заснеженный сад, на балкон; с большим красным смирнским ковром, с портретами по стенам. Тут два больших первоклассных портрета работы Боровиковского (А. А. Долгорукий с женой, тот же, чей бюст в столовой) и еще более, может быть, замечательный по яркости изображения портрет кисти Левицкого (моряк в зеленом кафтани екатерининского времени, с холодной загадочной улыбкой, одна рука сложена в масонский знак — тоже Долгорукий, Григорий Алексеевич, по-видимому, дядя²⁰ предыдущего). Висел тут в черной рамке и портрет благообразного старичка с высоко подвязанным под шею белым галстуком и приветливой улыбкой — президента Императорской Академии Наук, гр. Владимира Григорьевича Орлова (младшего из екатерининских Орловых) и рядом сходный по кисти портрет его дочери — Екатерины Владимировны²¹ Новосильцовой, рожд. Орловой. В тяжеловесной золоченой раме глядел со стены толстый человек с рыжими большими усами, пухлой открытой шеей и тройным подбородком — знаменитый Яков Федорович Долгорукий, учитель Петра, не боявшийся говорить царю правду в глаза²². На обтянутом бархатом щите — старинные семейные миниатюры: тут и сестры Панина и Давыдова (обе рожденные Орловы) и другая Давыдова, теща предыдущей, рожденная Самойлова, племянница Потёмкина-Таврического, в первом браке Раевская (мать генерала Раевского, героя 1812 года, и «Каменских» Давыдовых)²³. На столе — бронзовый подсвечник с наполеоновскими орлами, забытый

маршалом Даву при бегстве из России, бронзовый барельеф в красной бархатной рамке: слепой Мильтон диктует дочерям «Потерянный Рай».

В верхней части дома были маленькие, низенькие комнаты, типичные антресоли, но уютные и милые, залитые светом, с видом на двор. Сколько дорогих воспоминаний связано с ними! Вот две уютные, веселенькие комнаты милой тети Нади; вторая, маленькая, была, собственно говоря, сплошная божница, вся уставленная иконами; перед киотом стоял высокий складной аналой. На полках — духовная святоотеческая литература.

В этом доме было много света и много окон. Особенно весело в ясный зимний день сиял снег, которым был покрыт двор и высоко завален сад. Помню, как сижу (уже студентом) в кресле в гостиной и читаю: или «Историю Египта» Эрманна²⁴, или историю древней философии, или итальянского поэта. А по зале рядом медленно ходит взад и вперед в теплых фланелевых башмаках для «утреннего моционна» дедушка. Ему уже под 80 лет. Яркие пятна солнечного света лежат на гладко начищенных красновато-желтых ромбах паркета в столовой, на красном ковре в гостиной. В комнатах тепло, уютно, хорошо. Раскрывается дверь, входит слуга Владимир с большим медным тазом, в котором лежит раскаленный кирпич и налита горячая вода с мятой. Эту мятную воду кропит он по комнатам, чтобы воздух был приятный. Картина старой Москвы.

Еще дальше от современности уводило нас то, что в доме не было электричества, когда повсюду во всей Москве, да и в большинстве провинциальных городов, и в переднем доме тетей и дедушки, выходившем на улицу и сдававшемся жильцам, оно давно уже было. Проведение электричества волновало дедушку. В дедушкином доме на Садовой горели поэтому керосиновые

лампы — со всеми сопряженными с ними неудобствами: копотью, запахом керосина, невозможностью долго отлучаться из комнаты, оставив лампу зажженной. Возвращаешься — и все полно клубами дыма и вонью; в комнате черно, черные соринки копоти осели на мебели, на кровати, на белье, на скатерти, на книгах. Нужно проветривать и все чистить. Еще старомоднее был «регламент» нашего двора. Двор отделялся от улицы высокими дубовыми воротами, которые уже в 9 ч. 30 мин. вечера наглухо запирались. Спускались с цепи две злые-презлые собаки, которые часто бросались не только на чужих, но и на своих, и никого не признавали, кроме дворника. Когда гости засиживались дольше 9 ч. 30 мин. вечера, что случалось не часто, дворнику посылали сказать, чтобы он не спускал собак и не запирает ворот. Хуже было, когда приходилось возвращаться домой (а мы с братом часто по вечерам бывали в гостях у друзей, ходили на вечеринки, иногда на балы). Тогда нужно было у ворот звонить дворнику. Но электрический звонок часто не действовал; был и другой звонок — колокольчик на проволоке, надо было просто за нее дергать. Но... когда были завалы снега, проволока была вся покрыта снегом, и звонок этот, проведенный над самым ухом дворника в его избушке, тоже не звонил. Это была трагедия. Или же просто дворник спал слишком крепко и не слышал ни электрического звонка, ни колокольчика, независимо от снега. Наконец, после долгих звонков, после долгого стучания, слышно, как дворник, кряхтя, подходит к воротам и отворяет калитку. Разъяренные псы подбегают и обнюхивают, отгоняемые дворником. Бывали также случаи, что псы выбегали на улицу через отворенную калитку и бросались на прохожих. Одному они вырвали кусок из панталон. Тетям пришлось платить за убытки.

Проблема единения христиан

Одним из величайших даров, полученных мною в жизни, было то, что я в течение долгого времени был *свидетелем* живых примеров христианской праведности, более того — примеров такой христианской жизни, которая, судя по плодам ее и силе воздействия в любви, приближалась к святости (решаюсь сказать даже это). Это было — горение перед Богом, смиренно-мудрое, не бросающееся в глаза, но покоряющее любовью — безмерным, самозабвенным, смиренным служением любви. Вдохновение этого горения было *христоцентрично* — устремленное к Христу, оно питалось из этого устремления и приводило к этому центру и тех близких, кому эти люди служили в любви, особенно же детей их. «Вот я и дети, которых дал мне Господь», — как бы без слов говорила такая жизнь. И как вдруг в свете духовного горения таких людей раскрывались перед взором и источники христоцентрического горения и других праведных людей (например, и христианского Запада), живших из того же Источника — тем же пришедшим в мир Господом Иисусом. Вот — первые бессознательные практические уроки «экуменизма» (оставим, впрочем, это слово ввиду его непопулярности среди ряда серьезно верующих людей — непопулярности, вызванной промахами и ошибками, а также тенденцией к обмирщению, секуляризации и «политизации» веры, обнаружившейся в последнее время у многих деятелей этого нынешнего «экуменического движения»).

Ощутить это *христоцентрическое* горение в других горячо верующих и жизнью своей об этом свидетельствующих христианах, принадлежащих даже не к нашей Церкви, а к другим

христианским исповеданиям: вот первый шаг к обретению всеми нами, христианами, утраченного (но не вполне, не в глубине своей) единства.

Моей руководительницей в вере была моя мать, глубоко укорененная в вере и жизни Церкви. Этот дух христианской устремленности жил и в семье моего отца — таковы были его две незамужние сестры, мои тети, Надежда Васильевна и Мария Васильевна Арсеньевы, и мой дед, Василий Сергеевич Арсеньев, христианский мистик, человек высоко праведной жизни и верный сын Православной Церкви.

В благочестивых, близких по духу к нашей Церкви, произведениях некоторых праведников Западного христианства (не только католических святых и мистиков, но и благочестивых протестантов и англикан) наши предки находили поддержку и помощь против одновременно нахлынувших волн западного рационалистического неверия и атеизма*.

«Подражание Христу» Фомы Кемпийского было по крайней мере четыре раза издано на русском языке²⁵, первый раз в издательстве Н. И. Новикова при Екатерине, последним был издан перевод К. П. Победоносцева. Очень замечательный старец-протоиерей о. Семен Соколов (1772–1860) (он был слепым последние 18 лет своей жизни), духовник очень многих благочестивых лиц тогдашней Москвы и мистик, уважаемый митрополитом Филаретом**, был также большим ценителем Фомы

* См. об этом, например, мою статью «Встреча христианского Востока и христианского Запада в русской духовной жизни последних двух веков» (в журнале «Возрождение», октябрь 1960, с. 89–103).

** См. о нем ценнейшую книгу Н. Сушкова «Заметки о жизни и о времени Филарета митрополита Московского» (М., 1868, с. 11–25).

Кемпийского и также перевел его «Подражание Христу». Кроме того, он перевел на русский язык и другую, менее известную книгу Фомы: «Долина лилий и цветник роз»²⁶.

С. Соколов был также большим почитателем [книги] знаменитого протестантского мистика Иоганна Арндта (1555—1621) «*Vom wahren Christentum*» («Об истинном Христианстве») — первое издание 1606 г.; в 1610 г. вышло в расширенной редакции. Эта книга произвела большое впечатление на западного читателя. Автор ее, благочестивый лютеранский пастор*, излагает учение о спасении по ап. Павлу в большом согласии с учением древней Церкви и с основами учения Православной Церкви, а совсем не в духе тогдашнего чрезвычайно однобоко-полюемического ортодоксального лютеранского богословия (поэтому его книжка первое время вызывала недоверие в правящих тогда кругах лютеранской Церкви). Мы спасаемся силою Божией, *Ego* благодатию, не своими заслугами; но благодать Его делает нас не пассивно-небрежными, а, напротив, побуждает нас к *подвигу*. Мы спасаемся через духовное *сораспятие* наше со Христом, Сыном Божиим. «Я сораспяхся Христу, и живу уже не я, но живет во мне Христос», — пишет ап. Павел. Вот идеал жизни христианина — отдание себя, своей воли, но не своей силой, а силой Божией. Поэтому христианину присущи активность, напряженность, духовная борьба, подвиг и — смирение, ибо только *Ego* силой осуществляется совершаемый мною подвиг. Так учит Православная Церковь, так учили многие великие мистики и святые Западного христианства, так учит и благочестивый лютеранский мистик Арндт.

Эта книга выдержала на Западе огромное количество изданий и в XVII, и в XVIII веках (и даже в латинском переводе

* Позднее Ген<ерал->Суперинтендант в Люнебурге.

одним католическим издательством, но без указания, что автор — лютеранин). По-русски она печаталась несколько раз. Первое ее издание на русском языке вышло в 1735 году в Германии, в городе Halle*; переводчиком ее был русский студент-богослов Симеон Тодорский (1701—1754) — впоследствии епископ Вологодский, посланный Русским Правительством в знаменитый Богословский Семинар в Halle для изучения библейской филологии и восточных языков (еврейского, арамейского). Вот несколько цитат из этой книжки: «Восстановление образа Божия в верующем человеке имеет следствием, что он постоянно живет в новом образе бытия своего (собственно, «в новом рождении» — «in der neuen Geburt») и ежедневно подавляет и умерщвляет в себе ветхого человека. Это должно быть начато в этой нашей жизни». «Многоутешительное имя Христа — „Эммануил“ („Бог с нами“) — обозначает не только, что „Бог с нами“, но что Он обитает в нас. Так и в Евангелии от Иоанна мы слышим все снова: „Я в вас и вы во Мне“ (17), „Пребудьте во Мне и Я в вас“ (15)». А вот молитва Арндта к Отцу Небесному: «Дай мне быть преображенным в Его (Сына Твоего) образ» («in Sein Bild verklärt zu werden»).

Понятно, что многие русские православные читатели усмотрели в этой книге нечто сродное и близкое по духу. Так, Св. Тихон Задонский (1724—1783) очень ценил книгу Арндта**.

* В моей библиотеке был экземпляр этого первого издания, полученный от деда. На заглавном листе маленькой книжки стояло, между прочим: «В Гале 1735».

** См. об этом: Ivan Kologrivov. Essai sur la Sainteté en Russie. 1953, p. 353; далее: Попов Т. Д. Святитель Тихон Задонский и его нравоучение. М., 1916. См. мою книгу «Piété russe» (Neufchâtel, 1963).

Знаменитый Николай Иванович Новиков, так много сделавший для русского просвещения и для борьбы с неверием в эпоху Екатерины, среди многочисленных изданных им ценнейших книг (например, по истории России) особое внимание уделил книгам, касающимся христианского благочестия. Древняя Церковь и Православный Восток представлены особенно богато. Так, он издает Первое Послание Климента, выдержки из творений мученика Юстина (II в.), творения Лактанция и «Церковную историю» Евсевия (IV в.), целый ряд творений Иоанна Златоуста, «Шестоднев» Василия Великого, поучение Макария Египетского, Филофея Синайского и Григория Паламы, книгу «О Небесной и Церковной Иерархии» Дионисия Ареопагита, проповеди патриарха Хрисанфия Иерусалимского, творения архиепископа Платона Московского и Гавриила Петербургского. Словарь святых Православной Церкви, описание Московских Соборов, Житие Святого Григория Нисского и св. Сергия Радонежского, творения Дмитрия Ростовского и Тихона Задонского.

Вместе с тем, ряд книг дает представление и о благочестии христианского Запада, особенно много издавалось трудов блаженного Августина (десять заглавий), а кроме того, были изданы: одна из книг Бернарда Клервосского, «Подражание Христу» Фомы Кемпийского, «Enchiridion militis christiani» Эразма Роттердамского (все в русском переводе), избранные места из Паскаля, «Всемирная история» Bossuet, «Об истинном христианстве» Иоанна Арндта, «О самопознании» англичанина Месона; далее ряд художественных произведений Западной литературы религиозного содержания — Геллерт, Мильтон «Потерянный Рай» и «Возвращенный Рай», «Мессиада» Клопштока, «Esther» и «Athalie» Расина. Этими книгами Новиковского издания пользо-

валось много благочестивых русских людей, особенно Екатерининской и Александровской эпохи*.

Вспоминаю о целом ряде благочестивых наших предков, преданных сынов Православной Церкви, в библиотеках которых, наряду со святоотеческим писанием Православной Церкви, наряду с «Добротолюбием», встречались и такие книги, как «L'Esprit de St. François de Sales», и произведения немецкого мистика Таулера (XIV века), и Терезы Испанской и Иоанна св. Креста (оба XVI века), и Екатерины Генуэзской, и других мистиков христианского Запада.

*

Характерным является, например, такой эпизод из религиозной жизни одной русской семьи — кн. Юрия Алексеевича Долгорукого и его жены Елизаветы Петровны Давыдовой**. Оба они были очень религиозно настроены, были в дружбе с митрополитом Филаретом. Елизавета Петровна ездила в молодости к Преп. Серафиму в Саров, Юрий Алексеевич был очень образованный и даже ученый человек; кроме новых языков, он хорошо знал не только латинский и греческий, но и древнееврейский; он был знаток Писания и Отцов и религиозной литературы. Они знали Хомякова и, как и Хомяков, очень ценили сочинения швейцарского пастора Александра Винэ (Vinet, 1797—1847), профессора

* См.: Лонгинов М. Н. Новиков и Московские мартисты. М., 1860. Ср. мою книгу «Die geistigen Schicksale des russischen Volkes» (Graz: Styria Verlag, 1966, S. 138—140).

** Родители моей бабушки, матери моего отца.

истории литературы Лозаннского Университета, проповедника и автора ряда богословских и историко-литературных трудов. Человек горячей веры и большой чистоты и горения сердца. Винэ мечтал о большем взаимном понимании и сближении между христианами, исходя от полноты евангельского благовестия, особенно между протестантами и католиками. Он указывал и тем, и другим, что Евангелие говорит об основоположной силе благодати Христовой, творящей нового человека, призванного к активности, мужественному подвигу (но не своей силой, а силою Божией, силою благодати) и непрестанного возрастания духовного. В этом он был истинным учеником ап. Павла, и это приближает его к православному воззрению на характер духовной жизни.

Замечательны некоторые места из его толкования Послания к Колоссянам, особенно глава восьмая его Толкования (разбирающая поразительный 24-й стих первой главы Послания)²⁷.

Долгорукие были в переписке с Винэ. Более того, в 1842 году кн. Юрий Алексеевич специально приехал в Лозанну для встречи с Винэ и пробыл там две недели (с 6 до 19 мая) и каждый вечер от 6 или 7 до 11 часов проводил в интенсивных богословских разговорах и дискуссиях с Винэ. В дневнике Винэ есть ряд записей об этом. Обсуждавшиеся на этих встречах темы были богословского характера, но весьма разнообразны. Так, они говорили о молитве за умерших, о переходах из одной Церкви в другую, о Церкви первых трех веков, о Первом Послании апостола Иоанна и т. д. В мае 1842 года Винэ пишет в письме к своей дочери: «У меня был в течение 15 дней, так сказать, в полном моем распоряжении гость, пребывание которого оставило глубокий след в моей памяти. Это был иностранец, носитель очень известного имени, который провел это время в Лозанне специ-

ально ради меня, так как он думал, что он может много от меня получить, и от которого на самом деле я получил много». Винэ чувствует себя сильно утомленным от ежедневных вечерних заседаний, но «я ни в малейшей степени об этом не жалею»^{*}.

Те же Юрий Алексеевич и Елизавета Петровна Д. очень интересовались Оксфордским движением 30-х — 50-х годов XIX века, движением, которое явилось источником могучего внутреннего обновления и духовного возрождения Англиканской Церкви, из духа и традиций древней Церкви, которые вдруг раскрылись перед изумленными глазами целого ряда замечательных молодых служителей Англиканской Церкви. Это была своего рода элита из духовенства и верующих, охваченных идеалом восстановления *полноты* церковности — в духе древней Церкви Отцов. Отсюда началось усиленное стремление многих выдающихся представителей Англиканства к сближению с Православной Церковью, отсюда началась, например, дружественная и длительная переписка А. С. Хомякова с одним из виднейших деятелей Оксфордского движения — W. Palmer'ом of Magdalene College²⁸. Когда Palmer в 40-х годах приезжал в Россию, он часть лета провел у Долгоруких в их имении Красное Новосильского уезда в южной части Тульской губернии. Отсюда возник живой контакт семьи Долгоруких (и потом семьи Арсеньевых) с этим движением внутреннего обновления Англиканства. Моя тетьа Надежда Васильевна Арсеньева (сестра моего отца), которая в юности

^{*} Lettres d'Alexandre Vinet. Vol. III (1837–1843). Librairie Payot. Lausanne, 1949, p. 274, 386. Ср.: Philippe Bridel. La pensée de Vinet // Cahiers Protestants. Neufchâtel, 1947. См. об этом мою статью «Встречи христианского Востока и христианского Запада в русской духовной жизни последних двух веков» («Возрождение», октябрь 1969, с. 89–103).

некоторое время воспитывалась у своей бабушки, Елизаветы Петровны Д., — помню — подарила мне в мои отроческие годы первое издание стихотворений Keble'a (одного из вождей Оксфордского движения) «The Christian Year»²⁹, полных умиротворенно-созерцательных тонов и внутреннего подъема души к Спасителю — Господу Иисусу.

Sun of my soul, Thou Savior dear,
It is not night, when Thou art near³⁰ —

читаем, например, в одном из вечерних гимнов этой книжки. <...>

Стремление к сближению между Англиканской Церковью и Православной выразилось, например, в ряде посещений России со стороны некоторых членов Англиканского Епископата и других руководящих лиц Англиканской Церкви. Так, приехавшие в Россию на коронацию императора Николая II англиканские иерархи также вели беседы о возможности сближения Англиканства с Православной Церковью; они вели их как с рядом русских иерархов, так и с рядом верующих и образованных православных мирян, например, с зятем Долгоруких, В. С. Арсеньевым (моим дедом), с П. Б. Мансуровым³¹ и др.

Большую роль в ознакомлении англиканского мира с церковной и особенно с литургической жизнью Православной Церкви сыграл англичанин Джон Беркбек (Birckbeck), издатель очень замечательной переписки Хомякова с Пальмером, а также трактата Хомякова о Церкви, известного под заглавием «Церковь едина», в английском переводе³². Беркбек был великий любитель и знаток православного (и вообще христианского) богослужения. Он 18 раз приезжал в Москву на службы Страстной недели (которые он превосходно знал, так же, как и главные церкви

Москвы) и на Светлое Воскресение. Он говорил, что во всем литургическом христианском мире нет ничего равного по красоте московским службам Страстной недели и Светлого Воскресения. Помню, как он бывал в доме моего деда в Москве, на Садовой, и его разговоры.

В тишине, трезвенно и осторожно, в великой верности к своей Церкви, вырастала в некоторых кругах Русской Православной Церкви большая потребность ощутить единство со всеми христианами, верующими в того же Единого Господа; внимательным и ответственным изучением предмета, дружеским общением с западными христианами и собственным ростом духовным готовить и расчищать почву для взаимного понимания.

Мировые потрясения и кризисы XX века углубили и усилили этот процесс.

КОММЕНТАРИИ

Н. В. Арсеньева. Отрывок из воспоминаний о В. А. Лёвшине

¹ Лёвшин Василий Алексеевич, р. 6 августа 1746, Смоленск † 29 июля 1826, с. Темрянь Белевского у. Тульской губ. Переводчик, писатель, автор многочисленных сельскохозяйственных и экономических руководств, наставлений по домоводству, ветеринарии, сказок, комических опер и т. д. Сотрудничал в изданиях Н. И. Новикова. Жил литературным трудом; почти потеряв зрение, переводил при помощи своих детей. Выбран Н. И. Новиковым в преемники на посту масонского Орденского начальника, по 1824 возглавлял круг московских розенкрейцеров.

² Жена В. А. Лёвшина, урожд. Козяева (Казяева) Феодосья Степановна, дочь капитана.

³ Комынин (Камынин) Василий Дмитриевич, р. 2 марта 1776 (1777), Тверь † 25 (26) ноября 1842. Крупный помещик. В 1820–1837 Можайский уездный предводитель дворянства. Действительный статский советник. Масон с 1812. Один из основателей московской ложи Ищущих Манны, ее наместный мастер и 1-й надзиратель (2-й и 3-й по значимости посты в ложе). Масон «теоретического градуса» с 1819, затем секретарь этой степени. После кончины В. А. Лёвшина возглавил «внутренний» (розенкрейцеровский) Орден. Завещал все масонские книги и бумаги С. П. Фонвизину.

⁴ 1-я жена В. Д. Комынина — Евгения, р. 1781 † 31 декабря 1812, дочь В. А. Лёвшина.

⁵ Трое из пяти детей — дети В. Д. Комынина: Анастасия, р. 6 декабря 1801 (?) † 6 июня 1878 (1872), позднее замужем за Г. Н. Коро-

быным; Дмитрий, р. 19 апреля 1803 † 1828; Надежда, автор публикуемых воспоминаний, позднее замужем за С. Н. Арсеньевым (средняя дочь, София, умерла во младенчестве). Двое других — племянники Е. В. Комыниной, вероятно, дети Т. В. Бибиковой (см. след. примеч.).

⁶ У В. А. Лёвшина было еще несколько дочерей: Елизавета † в детстве; Надежда, р. 1767 † 1853; Елена † в детстве; Елена, в замужестве Шулепова; Евдокия, † после 1876; Татьяна † 1794, в замужестве Бибикова; Анна † в детстве; Екатерина, в замужестве Козяева.

⁷ О, почему она этого не сделала! (фр.).

В. С. Арсеньев. Воспоминания

¹ Глинка Фёдор Николаевич, р. 8 июня 1786, с. Сутоки Духовщинского у. Смоленской губ. † 11 февраля 1880, Тверь. Поэт, прозаик, публицист. Участник Отечественной войны и заграничных походов русской армии 1805–1806 и 1813–1814. В 1816, служба в л.-гв. Измайловском полку, посвящен в масонство в петербургской ложе Избранного Михаила, где затем занимал посты оратора, 1-го надзирателя и наместного мастера. В том же году — действительный член, а в 1819–1825 председатель Вольного общества любителей российской словесности. Один из основателей и руководителей С.-Петербургского общества учреждения училищ по методу взаимного обучения. Член Союза спасения и Союза благоденствия (член Коренного совета), организатор т. н. общества Глинка—Перетца. Привлекался по делу следствия декабристов, но был освобожден и переведен в гражданскую службу в Петрозаводск под надзор полиции. С 1834 в отставке, жил в Москве, Петербурге, затем в Твери.

² «Таинственная капля».

³ Речь идет об одном из первых сочинений по истории российского масонства XVIII в. — книге М. Н. Лонгинова «Новиков и московские martinисты» (1867). Лонгинов Михаил Николаевич, р. 2 ноября 1823, С.-Петербург † 23 января 1875, там же. Орловский губернатор, с 1871 начальник главного управления по делам печати. Известный библиограф, мемуарист. — Сен-Мартен, Луи Клод (1743–1803), французский мистический писатель, последователь Я. Бёме. О переводах из него см.: *Вернадский*. С. 468 (в т. ч. рукописные в фонде Арсеньевых).

⁴ Зачеркнуто: «диплом».

⁵ Шварц Григорий Ефимович, с 1820 командир л.-гв. Семёновского полка, печально прославился своей жестокостью, вызвавшей возмущение во вверенной ему части. В 1821 был приговорен военным судом к смертной казни, замененной в уважение прежней долговременной и усердной службы отставкой. Впоследствии генерал-лейтенант. В 1850 за злоупотребление властью и истязание нижних чинов вновь был исключен из службы.

Потёмкин Яков Алексеевич, р. 16 октября 1778, С.-Петербург † 1 февраля 1831. С 1799 служил в л.-гв. Конном полку. С 22 ноября 1812 командир л.-гв. Семёновского полка, заслужил репутацию «отца-командира». С 1819 начальник 2-й пехотной гвардейской дивизии. Во время выступления Семёновского полка способствовал прекращению волнений, но его действия были восприняты как способствующие порче «духа службы», в результате чего он был переведен на службу в Рязань. Впоследствии генерал-адъютант, генерал-лейтенант, временный Подольский и Волянский военный губернатор.

⁶ И. Н. Хруцов, р. 10 июня 1789 † 5 февраля 1858, Москва. Из дворян. В 1817–1827 коллежский ассессор. В 1836–1849 депутат дворянства Павловского у. Воронежской губ. В 1838–1843 предводитель дворянства Тульской губ. Введен в масонство Ф. Н. Арсеньевым, активный участник собраний московского круга вольных каменщиков до кончины.

А. М. Зилов, р. 21 августа 1798, Москва † 3 июля 1865, Баден-Баден. Из дворян. Получил домашнее образование. С 1814 служил в л.-гв. Преображенском полку. В 1823 в чине штабс-капитана уволен в отставку по домашним обстоятельствам. Поэт. Посвящен в масонство в 1818, член «теоретического градуса», посещал собрания московского круга масонов по 1862.

⁷ Р. С. Шулепников, р. 27 июля 1782 † 3 января 1851. Дворянского сословия. В 1793 вступил в службу кадетом в Морской кадетский корпус. Плавал на разных кораблях, в 1801 определен в Морской кадетский корпус прапорщиком (подпоручиком), в 1805 по прошению переведен во флот. В 1806–1808 на корабле «Св. Пётр» плавал в Средиземном и Адриатическом морях, а затем из Корфу в Тулон, где в 1808 был посвящен в масонство. В 1814 в чине капитан-лейтенанта уволен по прошению от службы. С 1817 на гражданской службе, дослужился до чина статского

советника. На протяжении многих лет член ряда попечительных комитетов. Активный масон, корреспондент С. И. Гамалеи, С. С. Ланского. Одно время руководитель петербургской ложи Елизаветы к Добродетели, затем член-основатель московской ложи Ищущих Манны. Один из руководителей ложи Владимира к Порядку (Великая провинциальная ложа). Масон «теоретического градуса» с 1820.

П. И. Маклаков, р. 28 июня 1784, Нежин. Купеческого сословия. Принят в масонство в 1818 в С.-Петербурге в ложе Елизаветы к Добродетели. Участник собраний «теоретического круга» в Москве и С.-Петербурге по 1833.

Человека с фамилией Яковлев в масонских ложах не было. Можно предположить, что речь идет о Дьякове Николае Алексеевиче, р. 29 апреля 1757 † 28 января 1831, члене Дружеского ученого общества, активном участнике масонских собраний с 1780-х вплоть до кончины, главным надзирателе собственного круга масонов «теоретического градуса» в Москве в 1819—1821.

⁸ С. С. Ланской, р. 23 декабря 1787 † 26 января 1862, С.-Петербург. Из старинного дворянского рода польского происхождения. Получил хорошее домашнее образование. В 1800 вступил в службу в Коллегию иностранных дел, с 1809 находился за обер-прокурорским столом в 1-м департаменте Сената, в 1814 причислен к департаменту государственных имуществ Министерства финансов, в 1817—1823 один из директоров Государственной комиссии погашения долгов. В 1818 был принят А. Н. Муравьевым в Союз благоденствия, но вскоре отошел от движения декабристов, к следствию не привлекался. В 1830—1834 Костромской, затем Владимирский гражданский губернатор. С 1834 по 1861 сенатор, с 1850 член Государственного совета. С 1851 действительный тайный советник. Занимался устройством и попечением над благотворительными и воспитательными учреждениями, почетный опекун. С 1855 министр внутренних дел. С 3 января 1857 член Секретного комитета по крестьянскому делу, один из руководителей подготовки крестьянской реформы. 23 апреля 1861 назначен обер-камергером, уволен от должности министра и возведен с потомством с графское достоинство. Посвящен в масонство в 1810. Вместе с М. Ю. Вильгорским и А. П. Римским-Корсаковым входил в «триумвират», который фактически управлял масонством.

В 1817–1821 мастер стула петербургской ложи Елизаветы к Добродетели и великий наместный мастер Великой провинциальной ложи. С 1821 главный надзиратель «теоретической степени» в С.-Петербурге. С 1828 главный Орденский начальник.

⁹ Гр. М. Ю. Вьельгорский (Виельгорский, Вельгорский), р. 10 (31) октября 1788 (1789), С.-Петербург † 28 (26) августа 1856, там же. Из старинного польского дворянского рода. Его восприемницей была императрица Екатерина II. Певец, музыкант-виртуоз, композитор. Библиофил. Меценат, содержатель литературно-музыкального салона. Был дружен с Н. М. Карамзиным, П. А. Вяземским, В. А. Жуковским, А. С. Пушкиным (душеприказчик последних) и др. литераторами. Член Главного правления училищ. Член попечительных советов многих благотворительных обществ. Посвящен в масонство в 1810. Мастер стула петербургских лож: Палестины (1810–1814) и Елизаветы к Добродетели (1815–1817). В 1817–1820 великий мастер Великой провинциальной ложи. Поддерживал контакты с участниками тайных собраний «теоретического круга» по 1827.

А. П. Римский-Корсаков, р. 7 августа 1783 (1778, 1784), Новоржевский у. Псковской губ. † 19 марта 1862, Тихвин Новгородской губ. Из литовского дворянского рода, известного с XIV в. С 1809 на протяжении 12 лет состоял при товарище министра внутренних дел О. П. Козодавлеве. В 1827–1831 Новгородский вице-губернатор, в 1831–1835 Вольинский гражданский губернатор. Действительный статский советник. Уволен от должности губернатора за либеральное отношение к местному польскому населению. Затем жил в Тихвине. Отец композитора Н. А. Римского-Корсакова. Посвящен в масонство в 1810. Наместный мастер ложи Елизаветы к Добродетели в 1817–1818, Великий канцлер Великой провинциальной ложи в 1818–1820. Затем присоединился к московскому «теоретическому кругу», с которым поддерживал контакты по 1857.

Поздеев Иосиф (Осип) Алексеевич, р. 4 апреля 1746 † 24 апреля 1820, Москва. Из дворян. Отставной полковник. В 1781 член Дружеского ученого общества. В 1782–1784 правитель канцелярии З. Г. Чернышева. В 1780 великий наместный мастер Великой провинциальной ложи, руководитель самостоятельных кругов «теоретической степени» в Москве, С.-Петербурге и Вологде (в Вологодской губ. у него было имя и стеклянный завод). Фактический руководитель масонства в России в

начале XIX в. См. материалы И. А. Поздеева и его сына А. О. Поздеева в собрании Арсеньева: НИОР РГБ. Ф. 14. Ед. хр. 598—648.

Степанов Руф (Руфий) Семёнович, р. 7 апреля 1745 † 11 января 1828, Москва. Из дворян. Воспитывался в Шляхетском корпусе, откуда выпущен в гражданскую службу, служил по межевой части в Саратовской губ. Надворный советник. Уже в 1792 работал в «теоретическом градусе» под руководством И. А. Поздеева. Один из руководителей московской ложи Нептуна в начале XIX в. В последние годы жизни почти ослеп, жил в доме А. О. Поздеева в Красном Селе. Участник масонских собраний до кончины.

Н. А. Головин, р. 13 апреля 1779, Витебск (Гжатск) † 9 июля (июня) 1831. Правитель Московской конторы адресов. Статский советник. Переводчик сочинений Дж. Мейсона, Фомы Кемпийского, И. Арндта, Франциска Сальского. Масон с 1806. Один из основателей московской ложи Ищущих Манны. Член «теоретического градуса» с 1819, до кончины участвовал в тайных собраниях вольных каменщиков (в 1823—1830 они проходили у него). В. С. Арсеньев посвятил ему отдельный мемуарный очерк: Из воспоминаний о покойном Н. А. Головине. М., 1893.

¹⁰ Д. В. Комынин, р. 1741, был женат на Анастасии Ивановне Желябужской, р. 1741 † 1807.

¹¹ Кн. Г. А. Долгорукий, р. ок. 1745 † 31 декабря 1812, с. Вязовка Борисоглебского у. Тамбовской губ. В 1768 поступил в Морской корпус. С 1778 лейтенант. Совершил множество плаваний, в частности, в 1780—1781 на корабле «Спиридон» плавал от Кронштадта до Ливорно и обратно, сопровождал пленную кж. Тараканову; член ложи Нептуна к Надежде в Кронштадте. В 1785 произведен в капитан-лейтенанты, в 1797 уволен от службы с чином капитана 1-го ранга. В 1806 начальник уездного ополчения. Член «теоретического градуса» в С.-Петербурге, розенкрейцер. В 1810—1812 ритор московской ложи Нептуна.

¹² С. П. Фонвизин (фон Визин), р. 14 ноября 1783, Москва † 7 июля 1858. Из дворян. С 1797 служил в Коллегии иностранных дел. Участник Отечественной войны. В 1814—1826 и в 1835—1858 предводитель дворянства Клинского у. Московской губ. С 1856 действительный статский советник. Масон с 1809. Член-основатель московской ложи Ищущих Манны, ее руководитель в 1819—1822. Член «теоретической степени» с

1819. В 1824—1834 у него проводились собрания вольных каменщиков. Мастер стула московской «теоретической» ложи с 1850 до кончины. В начале XX в. рукопись воспоминаний о нем В. С. Арсеньева хранилась у И. В. Арсеньева, нынешнее ее местонахождение не установлено.

¹³ Есть род, в котором никто не рождается (*лат.*).

¹⁴ книга книгу открывает (*лат.*).

¹⁵ Мудрому достаточно (*лат.*).

¹⁶ Тэр, Альбрехт Даниель (1752—1828), знаменитый немецкий агроном, которого современники называли «отцом плодосеменного хозяйства», создатель гумусовой теории питания растений, активно пропагандировал тонкорунное овцеводство. В переводе В. А. Лёвшина вышла его книга «Основания теоретического и практического сельского хозяйства» (М., 1828). См. также перевод масона С. А. Маслова: Основания рационального сельского хозяйства. Ч. 1—5. М., 1830—1835.

¹⁷ Н. В. Шеншин, р. 15 января (11 февраля) 1827 † 20 июля 1858. Из дворян Кромского у. Орловской губ. Крестник императора Николая I и императрицы Марии Фёдоровны. Обучался в Пажеском корпусе, окончил курс с наименованием «отличнейшего». В 1845 поступил на службу в л.-гв. Гусарский полк, к 1856 дослужился до звания полковника. Участник «венгерского» похода русской армии. С 1849 по 1852 адъютант военного министра. В 1854 захвачен в плен ок. Аландских островов. С 1854 по 1856 флигель-адъютант. В 1856 состоял при особе императора. Землевладелец Петрозаводского и Новолодожского у., ревностный сторонник проведения крестьянской реформы. Участник собраний «теоретического круга».

¹⁸ посвящен в рыцари согласно принятому ритуалу (*фр.*).

¹⁹ Вставайте, сударь, мы братья (*фр.*).

²⁰ Очевидно, описка, правильно — Феодосии.

²¹ Текст обрывается на полуслове.

²² У В. А. Лёвшина было несколько сыновей: Евгений, † до 1821; Денис, р. 1766 † в детстве; Владимир; Алексей, р. 6 февраля 1785 † до 1840, титулярный советник; Степан, р. 28 марта 1786 (1787); Александр; Павел, † в детстве; Лев; Нил, † в детстве. Масонами были Александр, Алексей и Владимир Владимировичи Лёвшины.

²³ Имеется в виду «Библиотека, содержащая в себе некоторые герметические, каббалистические, магические и иные книги, также писания высокохвальных брр. З. Р. К. истинных свбднх кмщцкв древняя системы» — рукописное собрание переводов (49 частей, 184 произведения), составленное Н. И. Новиковым (при участии С. И. Гамалеи) во время его жизни в с. Тихвинском в 1800—10-е гг. и завершённое после его смерти. Один полный комплект «Герметической библиотеки», принадлежавший В. А. Лёвшину, хранится в НИОР РГБ. Ф. 14. Ед. хр. 1579—1627 (ряд томов содержат пометы В. С. Арсеньева).

²⁴ В. В. Лёвшин, р. 26 июня 1777 (1766), окончил кадетский корпус и выпущен в чине подпоручика в Малороссийский кирасирский полк. С 1799 поручик. Участник войны 1805—1807. В 1810 штабс-капитан, в 1813 капитан, в 1836—1840 полковник.

²⁵ Чужая мудрость (фр.).

²⁶ Л. В. Лёвшин, р. 3 октября 1796 (1794) † 22 июля 1853, на морской службе дослужился до чина капитан-лейтенанта.

Александр В. Лёвшин, р. 23 августа 1787. Окончил Морской корпус, с 1804 на морской службе, участвовал в сражениях с турецким флотом. С 1807 мичман, с 1812 лейтенант, с 1823 капитан-лейтенант. В 1826 уволен в отставку в чине капитана 2-го ранга.

²⁷ Коробьин (Карабын) Григорий Николаевич, р. 1785 † 1840. Участник Отечественной войны (контужен при Бородино), заграничных походов. В 1822 отставной полковник. Действительный член Московского общества сельского хозяйства, агроном. В 1816—1819 член петербургской ложи Соединенных Друзей, с 1819 — московской ложи Ищущих Манны. Ученик И. А. Поздеева, часто жил у него, присутствовал при его кончине. С 1829 розенкрейцер.

²⁸ Известно более 40 писем С. И. Гамалеи к В. А. Лёвшину. 8 из них были опубликованы: *Письма С. И. Г.* Т. 3. С. 49—64. Остальные см.: НИОР РГБ. Ф. 13. К. 3. Ед. хр. 14; Ф. 237. К. 4327.

²⁹ Выполненный В. А. Лёвшиным перевод «Церковной и о еретиках истории» Готфрида Арнольда (1666—1714) хранится: НИОР РГБ. Ф. 14. Ед. хр. 729—735.

³⁰ А. В. Тутолмина, р. 1770 † 23 августа 1844, в 1-м браке замужем за сыном В. А. Лёвшина Евгением, за В. Д. Комыниным с 1821.

³¹ И. В. Тутолмин, р. 9 ноября 1760 † 7 апреля 1839, действительный тайный советник, член Государственного совета, сенатор. В. В. Тутолмина, р. 1769 † 23 августа 1844, замужем за бригадиром кн. Сергеем Андреевичем Друцким, р. 17 июля 1765 † 23 мая 1840. Их дети: Дмитрий Сергеевич, р. 30 апреля 1805 † 4 ноября 1874, военный; Даниил Сергеевич, р. 1807; Иван Сергеевич, р. 9 июня 1809 † 21 января 1884. На военной службе, вышел в отставку в 1840-е в чине штабс-капитана. В 1850-е служил в С.-Петербургском ордонанс-гаузе. Затем вновь вышел в отставку и поселился в Троице-Сергиевой лавре. Участник тайных собраний вольных каменщиков в Москве по 1879.

³² Кн. Голицын 1-й (5-й) Дмитрий Владимирович, р. 21 (29) октября 1771, Ярополец Волоколамского у. Московской губ. † 27 марта 1844, Париж. Учился в Страсбурге и Париже. Стал в Париже членом масонской ложи Олимпийского Общества. Свидетель событий Великой французской революции, участник штурма Бастилии. С 1794 на русской военной службе. Участник польской кампании 1794, заграничных походов русской армии 1806–1807 и 1812–1814, шведской войны, Отечественной войны. В 1814 генерал-от-кавалерии. С 1820 до кончины Московский военный генерал-губернатор, также управляющий гражданской частью губернии. Проявил незаурядные способности администратора и организатора. Внес большой вклад в восстановление города. Почетный член множества ученых и попечительных обществ. С 16 апреля 1841 светлейший князь.

³³ Кн. Елиз. П. Долгорукая, р. 29 августа (сентября) 1805 † 18 сентября 1878, дочь гофмейстера, тайного советника Петра Львовича Давыдова, р. 1782 † 1842 и его первой жены гр. Наталии Владимировны Орловой, р. 1782 † 12 сентября 1812 (1819).

³⁴ Скользите, смертные, не задерживайте (*фр.*). Строка из стихотворения французского поэта Пьера-Шарля Руа (1683–1764).

³⁵ В другом месте указан 1824 г. На самом деле, С. Н. Арсеньев был посвящен в масонство 1 ноября 1820 в петербургской ложе Трех Добродетелей по поручительству своего брата Фёдора.

³⁶ Кн. Александр Васильевич Хованский, † 1794; Анна Фёдоровна, урожд. гр. Головина, † 1796.

³⁷ Имеются в виду не оригиналы писем Леонарда Эйлера (1707–1783), а книжное издание: Письма о разных физических и философических

материях, писанные к некоторой немецкой принцессе, с французского языка переведенные Степаном Румовским, Академии наук членом, астрономом и профессором. Ч. 1–3. СПб., 1762–1774 (4 переиздания вплоть до 1808).

³⁸ Квадратные скобки здесь авторские; заключенная в них фраза зачеркнута карандашом, концовка фразы вымарана чернилами и почти не читается.

³⁹ Письмо (с явными неточностями и несколькими дополнительными завершающими фразами) опубликовано В. С. Арсеньевым-внуком: *Арсеньевы*. С. 223–224 (2-я pag.). Примечание публикатора: «На конверте рукою В. С. Арсеньева, сына Серг. Ник., написано: „Драгоценное письмо, полученное покойным отцом от своего родителя в 1821 году (единственное)“. <...> Письмо сие писано в СПбурге и ныне хранится у В. С. Арсеньева, правнука Серг. Ник.». В настоящее время письмо отсутствует в фондах Арсеньевых, хранящихся в НИОР РГБ.

⁴⁰ Изречение Иисуса, зафиксированное в «Разговоре с Трифоном иудеем» христианского апологета II в. Иустина Философа.

⁴¹ «De imitatione Christi», книга духовных наставлений, составленная фламандским монахом-августинцем Фомой Кемпийским (1379–1471). О ее переводах на русский язык см. прим. 25 на с. 473.

⁴² С. И. Соколов, р. 28 января 1772 † 30 мая 1860. Образование получил в Московской духовной академии. Служение начал диаконом при церкви Бориса и Глеба в Москве. Затем священник приходского храма Николы в Подкопаях, настоятель церкви Воскресения в Барашах на Покровке. Доверенное лицо митрополита Филарета. С 1818 член конференции Московской духовной академии. В 1831 протоиерей. Выдающийся проповедник. Переводчик сочинений Фомы Кемпийского: «О последовании Христу» (М., 1834), «Долина лилий во славу Божию и утешение искушаемым» (М., 1901, издание подготовил В. С. Арсеньев). В. С. Арсеньев посвятил ему отдельную работу: Из семейного архива (о. С. И. Соколов и С. И. Гамалея, духовные мистики). Орел, 1912. Один из руководителей московской ложи Нептуна. С 1819 масон «теоретической степени», заседания которой в 1834 проходили у него. Участник тайных масонских собраний в Москве по 1858. См. его материалы в собрании Арсеньева: НИОР РГБ. Ф. 14. Ед. хр. 651–652.

⁴³ С. И. Языков, р. 1787 † 24 мая 1865, помещик Белевского у. Тульской губ.; крестный отец и один из опекунов гр. Л. Н. Толстого.

⁴⁴ неясной тоски (фр.).

⁴⁵ История с выдачей денег Людовику XVIII известна в нескольких вариантах; другой вариант излагается Д. С. Арсеньевым (см. наст. изд., с. 220), третий — в ст.: Чешихин Е. К истории вторичного пребывания в Митаве французского короля Людовика XVIII // Русский архив. 1888. № 7. С. 269–282: «Арсеньев снабдил его свидетельством, что он недополучил из казны 100 000 рубл., следовавших ему за истекшее полугодие (что было действительно правда), и по этому свидетельству рижские банкиры выдали Людовику XVIII на дорогу 3604 червонца».

⁴⁶ Согласно В. С. Арсеньеву-внуку, было два благодарственных письма Людовика, одно из которых сгорело, другое же сохранилось (см.: *Арсеньевы*. С. 62). В 1911 В. С. Арсеньев-внук опубликовал это письмо в оригинале и собственном переводе (*Русская старина*. 1911. № 5. С. 392–394), снабдив указанием: «Вся записка собственноручная, была прикреплена к гравированному портрету Людовика XVIII, пожалованному им Н. И. Арсеньеву; ныне записка находится у С. Д. Ивашкевич, урож. Арсеньевой». Перепечатаваем перевод из «Русской старины»: «Покидая Курляндию, я считаю для себя долгом и утешением выразить г-ну Арсеньеву, насколько я тронут его заботами и в особенности выраженными им чувствами. Я не могу выразить ему моих собственных чувств иначе, как словами, но я питаю сладостную надежду на то, что такая душа, как его, будет оценена ее августейшим Государем и что когда-нибудь Император возьмет на себя заботу о моем долге (относительно его). — Я прошу г-на Арсеньева быть выразителем моих чувств по отношению ко всем тем, кто во время пребывания моего в Курляндии выказал мне расположение, — о чем я никогда не забуду. В Митаве. 9 (21) января 1801. Людовик». — Людовик гостил в Митаве дважды: с 9 марта 1798 по 10 января 1801 и (под именем гр. Делиля) с 3 января 1805 по 20 августа 1807.

⁴⁷ Иоанн Лествичник (ок. 525 — после 600), греческий аскет, синопольский монах-отшельник, его сочинение «Лествица райская» представляет собой руководство для иноков к духовному восхождению по ступеням совершенства.

⁴⁸ презренного металла (фр.).

⁴⁹ «Добротолюбие» — антология аскетических и мистических текстов восточных отцов Церкви. Греческое издание, составленное коринфским митрополитом Макарием Натаросом (1731–1805) при участии Никодима Святогорца (1749–1809), вышло в 1782 в Венеции. В 1793 и 1798 в Москве в Синодальной типографии вышел старославянский перевод «Филокалии» под названием: «Добротолюбие, или Словеса и главизны священнаго трезвения, собранныя от писаний святых и богодухновенных отец, в немже нравственным по деянию и умозрению любомудрием ум очищается, просвещается и совершен бывает. Переведено с еллиногреческаго языка». Издание неполное (26 из 40 книг), в основу был положен перевод архимандрита Нямецкого монастыря (Молдавия) Паисия Величковского (1722–1794). В XIX в. «Добротолюбие» не раз переиздавалась по печению митрополита Филарета (1822, 1832 и др.). См. рукопись Д. И. Попова в фонде Арсеньева: НИОР РГБ. Ф. 14. Ед. хр. 644. Русский перевод, более полный по сравнению с греческим оригиналом, был осуществлен Феофаном Затворником (1815–1894) (5 т., М., 1877–1889).

⁵⁰ В фонде Н. П. Киселёва (НИОР РГБ. Ф. 128) сохранились записи В. С. Арсеньева 1869 г. (дневникового характера) о последних днях жизни С. Н. Арсеньева. Эти записи были приобретены Н. П. Киселёвым 6 августа 1922 у В. С. Арсеньева-внука за 500 тыс. руб.

⁵¹ Г. С. Ниротморцева, р. 1788. Сестра масонов Л. С. и Н. С. Слепцовых. Была замужем за масоном А. П. Ниротморцевым.

⁵² Бар. Вревский Ипполит Александрович, р. 1813 † 20 августа 1858. Генерал-лейтенант, активный участник «усмирения» Чечни.

⁵³ Муравьева София Александровна, р. 31 января 1822 † 31 августа (1 сентября) 1851, дочь декабриста и масона А. Н. Муравьева и его первой жены Прасковьи Михайловны, урожд. кж. Шаховской. Из дневниковых записей В. С. Арсеньева за ноябрь 1856 известно, что все его «страстные» письма к Софии Муравьевой были возвращены ему, а затем сожжены автором.

А. Н. Муравьев (1-й, с 1857 4-й) Александр Николаевич, р. 1 (10) октября 1792, С.-Петербург † 18 декабря 1863, Москва. Из русского дворянского рода, известного с XV в. Получил хорошее домашнее образование. Слушал лекции в Московском университете, с 1810 вступил в

военную службу. Участник Отечественной войны и заграничных походов 1813—1814. В 1818 арестован по приказу Александра I «за неисправность унтер-офицера на крещенском параде». В знак протеста подал в отставку и уволен от службы полковником гвардии генерального штаба. Член преддекабристской организации «Священная артель», основатель Союза спасения, член Военного общества и Союза благоденствия до мая 1819 (член Коренного совета, некоторое время руководил Московской управой). После восстания декабристов осужден по VI разряду и сослан в Сибирь без лишения чинов и дворянства. В 1827 по его ходатайству ему было разрешено вступить в гражданскую службу; служил в Верхнеудинске, Иркутске, Тобольске, Вятке, Крыму, в 1837—1839 Архангельский гражданский губернатор. В 1843 причислен к Министерству внутренних дел, в 1846 назначен членом совета министров, с 1848 действительный статский советник. По его просьбе в 1851 вновь зачислен на военную службу и переименован в полковника Генерального штаба. Участник Крымской войны. С 1856 Нижегородский военный губернатор (назначен на этот пост благодаря протекции своего друга, С. С. Ланского). Активно участвовал в подготовке освобождения крестьян, принадлежал к левому крылу либерального дворянства. С 1861 генерал-лейтенант; в том же году уволен от должности и назначен сенатором с переводом в Москву. Мемуарист. Масон с 1810. Член ряда лож в С.-Петербурге (в том числе Елизаветы к Добродетели) и Франции.

⁵⁴ Ошибка мемуариста.

⁵⁵ Жанна Мари Гюйон, урожд. Бувье де ла Мотт (1648—1717). Ее сочинения с XVIII в. входили в круг чтения русских масонов. Ср.: *Вернадский*. С. 456.

⁵⁶ Михаил (в миру — Десницкий Матвей Михайлович), р. 8 сентября (ноября) 1761, с. Топорково Богородского у. Московской губ. † 24 апреля 1821, С.-Петербург. По рекомендации митрополита Платона (Лёвшина) обучался в Филологической семинарии, созданной членами Дружеского ученого общества в Москве. Одновременно слушал лекции в Московском университете и Московской духовной академии. С 1785 священник церкви Иоанна Воина на Якиманке в Москве. В 1780-е член «теоретической» масонской степени. Приобрел широкую известность проповедями, а которых сказывалось влияние И. Е. Шварца. 16 ноября

1796 по повелению Павла I вызван в С.-Петербург и назначен соборным пресвитером при дворе. В ноябре 1799, после кончины жены и детей, принял монашеский постриг под именем Михаила и назначен придворным иеромонахом. Через 2 дня стал архимандритом Юрьева монастыря в Новгороде. Затем епископ Старорусский, епископ Черниговский и Нежинский, с 1806 архиепископ. С 1813 вице-президент Библейского общества. В декабре 1813 вызван в С.-Петербург для присутствия в Св. Синоде. С 1814 доктор богословия, действительный член Российской академии. В 1815—1816 управлял Псковской епархией. С 1818 митрополит С.-Петербургский, Эстляндский и Финляндский, архимандрит Александро-Невской лавры. С 1818 первенствующий член Св. Синода.

⁵⁷ Фотий (в миру — Спасский Пётр Никитич), р. 4 июня 1792, погост Спасский Новгородского у. † 26 февраля 1838. Архимандрит, настоятель Новгородского Юрьевского монастыря, активный борец против мистических настроений в обществе, обличитель масонства. Вместе с митр. Серафимом, М. Л. Магницким, А. А. Аракчеевым составил партию, добившуюся отстранения А. Н. Голицына от управления министерством народного просвещения и закрытия Библейского общества. Запрещение масонства в 1822 лежит в русле того же поворота к охранительным настроениям в поздние годы царствования Александра I.

⁵⁸ А. Н. Голицын, р. 8 декабря 1773, Москва † 22 ноября 1844, имение Гаспра-Александрия Ялтинского у. Таврической губ. В детстве на счет Екатерины был определен в Пажеский корпус, где подружился с будущим императором Александром I. В 1803—1817 обер-прокурор Святейшего Синода. Основатель Российского Библейского общества, президент его Комитета. С 1816 исполнял обязанности министра народного просвещения. В 1817—1824 возглавлял Министерство духовных дел и народного просвещения. Содействовал изгнанию из России иезуитов. В 1819—1842 главноначальствующий над почтовым ведомством.

⁵⁹ Клемент-Венцель Меттерних, князь, герцог Порталла (1773—1859), министр иностранных дел Австрии. Идеолог Священного союза. Последовательный противник масонского Ордена (хотя его отец и был вольным каменщиком), не без его участия масонство было запрещено в Австрийской империи.

⁶⁰ Голубое масонство (фр.) — наименование масонства первых трех степеней.

⁶¹ Журнал «Сионский Вестник», включавший статьи на духовные темы, издавался А. Ф. Лабзиным в 1806 и 1816–1817, оба раза закрывался из-за цензурных преследований.

⁶² Речь идет о книгах:

1) Мейсон, Джон (1706–1763). О познании самого себя / Пер. с нем. Е. Луценко. СПб., 1819; Рассуждение о познании самого себя. М., 1820 (перевод с английского оригинала, выполненный проф. В. Н. Карповым, вышел только в 1865); 2) Арндт, Иоганн (1555–1621). Об истинном христианстве / [Пер. А. Д. Курбатова.] Т. 1–4. М.: Унив. тип., 1833–1835; 3) Фома Кемпийский. О последовании Христу; 4) Избранное чтение для любителей истинной философии. Кн. 1–6. СПб., 1819–1820; особо кн. 3: О вечной премудрости (перевод сочинения: *La voie de la science divine, ou Développement des principes et des bases fondamentales de cette science*. Paris, 1805; в свою очередь, перевод с английского книги Вильяма Лоу (1686–1761): *The Way to divine knowledge*); 5) Избранная библиотека для христианского чтения. Изд. 2-е. Ч. 1–4. М., 1819 (перевод с небольшого дополнением издания 1784 г., 3 ч., вышедшего в типографии И. Лопухина); особо (в 4-й ч.): Разговор сердца с Богом о приуготовлении ко внутренней молитве; 6) Дютуа-Мамбрини, Филипп († 1794). Божественная философия в отношении к непреложным истинам, открытым в тройственном зеркале: вселенная, человека и Священного писания / Пер. Е. В. Карнеева. Ч. 1–6. М.: Унив. тип., 1818–1819; 7) Прославленная Любовь, или Рассуждение о истинной Премудрости и истинном щастии, по тройственному свету Божественному: Благодати, Святаго Писания и здравого смысла / [Пер. с фр. Я. И. Бардовского]. М., 1818 (ср.: *Киселев*. С. 123); 8) Рассуждение об ислении и сожжении всех вещей по чудесам оного в царстве природы и благодати относительно к большому и малому миру. М., 1816 (вероятный автор — Иоганн Михаэль фон Лээн (1694–1776), оригинал: *סוד וריקבון ושרפה i. e. das Geheimnuß der Verwesung und Verbrennung aller Dinge: Nach seinen Wundern im Reich der Natur und Gnade, Macro & Microcosmicè als die Schlüssel: Dadurch der Weeg zur Verbesserung eröffnet, das Verborgene der Creaturen entdeckt, und die Verklärung des sterblichen Leibes gründlich erkandt wird.*

[S. l.], 1729; [5. Aufl.:] Fr. a. M., 1771); 9) Письма С. И. Г<амалеи>. В 2 т. М., 1832; Изд. 2-е. В 3 т. М., 1836; 10) Эккартсгаузен, Карл фон (1752–1803). Ключ к тайнствам природы / Пер. А. Ф. Лабзина. СПб., 1804; СПб., 1820–1821; 11) Преподобного отца нашего Макария Египетского, нареченного Великим, Духовные преподлезные беседы о совершенстве, христианам приличном, и о снискании которого им стараться надлежит, в которых истинные христиане, яко в некоем священном кладезе, целение от недугов душевных и самое спасение неоскудно почерпать могут / Пер. иеромонах Моисей (Гумилевский). Ч. 1–2. М., 1820 (перездание книги, вышедшей в 1782 в Университетской типографии иждивением Н. Новикова и Компании типографической); Слова преподобного отца нашего Макария Египетского / Пер. иеродиакона Германа. СПб., 1817; 12) Максим Исповедник (582–662). Святого отца нашего Максима о Любви. СПб., 1817 (5 изданий до 1863); 13) Иоанн Златоуст (ок. 347–407). Беседы на евангелиста Матфея. Ч. 1–3. М., 1839 (7 изданий до 1899).

⁶³ Вольховский (Волховский) Степан Григорьевич, р. 25 октября 1786 (28 октября 1785) † 15 сентября 1858. Из дворян. Обучался в Благородном пансионе при Московском университете. С 1801 на службе в Главном почтовом правлении. В 1815 командирован за границу в штаб генерал-фельдмаршала Барклая-де-Толли. В 1817–1823 исполнял поручения в Киевской губ. В 1822 начальник 1-го отделения департамента полиции исполнительной Министерства внутренних дел. В 1824 производитель дел Комитета министров. В 1830–1839 Черниговский вице-губернатор. В 1841–1850 в Вологде, в том числе в должности гражданского губернатора. В 1850–1853 Самарский гражданский губернатор. С 1853 сенатор, в том же году вышел в отставку. Действительный тайный советник. Массон с 1812. В 1817–1819 оратор петербургской ложи Елизаветы к Добродетели. Член «отборного круга» С. С. Ланского.

⁶⁴ А. И. Маслов, р. 7 января 1796, Рязань † 1870. На военной службе, 4 октября 1831 уволен «за болезнию» в чине полковника. Посвящен в масонство в московской ложе Ищущих Манны в 1818. Участник тайных собраний «теоретического круга» в Москве в 1827–1864.

⁶⁵ В. Г. Коробьин, р. 18 сентября 1826 † 7 января 1895, тайный советник, сенатор.

⁶⁶ Браки заключаются на небе! (нем.).

⁶⁷ П. А. Курбатов, р. 1788 † 30 декабря 1872, Москва. Из дворян. В 1796 поступил в Московский архив Коллегии иностранных дел. В 1804—1805 служил на месте канцелярского служителя русского посольства в Мюнхене, в 1805 в связи с войной с архивом направлен в Веймар, где находился до 1807. Был секретарем посольства в Лиссабоне. В 1810 послан И. А. Поздеевым «для обрабатывания бумаг» к А. К. Разумовскому, причислен к департаменту народного просвещения. В 1816—1851 начальник типографии Московского университета. В 1826—1830 также директор университетского Благородного пансиона. С 1831 статский советник. Выйдя в отставку, жил в своем доме в Грузинах (по его имени назван переулок, который идет от Грузинской площади в Пресненской части). Друг Н. А. Головина. Посвящен в масонство за границей до 1809. Член-основатель ложи Ищущих Манны, в 1817—1819 ее 1-й надзиратель, затем — наместный мастер. Вплоть до кончины С. П. Фонвизина почитался московскими масонами наместным мастером, затем — мастером стула. Член «теоретической степени» с 1819. У него в 1832—1834 проходили тайные собрания вольных каменщиков, их активный участник по 1862. После его кончины его бумаги перешли к С. А. Маслову.

⁶⁸ Масонство в России было запрещено рескриптом Александра I от 1 августа 1822. В 1826, уже в царствование Николая, последовало лишь подтверждение запрета и повторное взятие у государственных служащих подписок о непринадлежности к тайным обществам.

⁶⁹ обликом Мельхиседек (фр.).

⁷⁰ грудного баса, не меньше чем у Лаблаша (фр.). Луиджи Лаблаш (1794—1858) — знаменитый неаполитанский певец (бас), по отцу француз. В 1850-е с успехом выступал в Петербурге.

⁷¹ соединение вещей человеческих и небесных (лат.).

⁷² И. И. Кашкаров, р. 12 ноября 1797, Пензенская губ. † 1 июля 1827, Москва. Дворянин. В 1822, будучи капитаном, посвящен в масонство в ложе Ищущих Манны. Участник тайных собраний вольных каменщиков в Москве до кончины.

⁷³ П. А. Степанов, р. 28 августа 1805 † 30 мая 1891, генерал-от-инфантерии, друг художника К. П. Брюллова.

⁷⁴ В настоящее время местонахождение этих писем неизвестно.

⁷⁵ Здесь и далее все выписки приводятся не по подлинникам, а по рукописи воспоминаний В. С. Арсеньева.

⁷⁶ Я воображал себе друзей, собравшихся у дедушки или в его кабинете (с теми самыми сфинксами, что теперь у меня дома), или в его кабинете в Тёсово (фр.).

⁷⁷ Филарет (в миру — Дроздов Василий Михайлович), р. 26 декабря 1783, Коломна Московской губ. † 19 ноября 1867. Крупнейший церковный деятель, выдающийся проповедник. В 1812–1819 ректор С.-Петербургской духовной академии. С 1816 деятельно работал над переводом на русский язык книг Священного Писания, перевел Евангелие от Иоанна. С 1819 член Святейшего Синода. Один из основателей, в 1819–1824 вице-президент Комитета Российского Библейского общества. С 1821 архиепископ Московский и Коломенский и священно-архимандрит Троице-Сергиевой лавры. С 1826 до конца жизни митрополит Московский и Коломенский. Член многочисленных научных обществ, действительный член Российской академии. Составил манифест 19 февраля 1861 об освобождении крестьян. В 1994 канонизирован.

⁷⁸ Екатерина Владимировна Новосильцева, урожд. гр. Орлова, р. ок. 1770 † 31 октября 1849. Ее единственный сын Владимир Дмитриевич Новосильцев, † 14 сентября 1825, был убит на дуэли Константином Пахомовичем Черновым, братом отвергнутой им по настоянию матери невесты.

⁷⁹ См. 20-ю часть «Герметической библиотеки» (НИОР РГБ. Ф. 14. Ед. хр. 1598).

⁸⁰ Ю. А. Зверев. В 1784, будучи поручиком, посвящен в масонство в московской ложе Сфинкса И. А. Поздеевым. Затем член ложи Орфея при Рязанском полку. В 1791–1797 секунд-майор, затем в отставке. Жил одно время в доме В. Д. Комынина. Член-основатель ложи Ищущих Манны. С 1819 член «теоретической степени». Участник собраний московских масонов по 1828.

Н. М. Шатров, р. 4 января 1767 (1765; 1770), Москва † 11 октября 1841, там же. Сын пленного перса, вывезенного в Россию в 1727, крепостного М. А. Матюшкина. Воспитывался в доме Матюшкина. С 1787 на службе. Был управляющим у Анны Петровны Татищевой, дочери видного масона П. А. Татищева, ее гражданский муж. В 1805 возведен в дворянское достоинство. В 1816 вышел в отставку с чином коллежского

советника. Поэт, сотрудничал в «Вестнике Европы», член С.-Петербургского Вольного общества любителей российской словесности. В 1820 ослеп. Последние годы жизни провел в бедности. Посвящен в масонство в ложе Ищущих Манны в 1818. Затем член «теоретической степени». Участник масонских собраний (которые иногда проходили у него) по 1831.

С. А. Маслов, р. 20 декабря 1793, Москва † 20 апреля 1879, там же. Воспитанник Н. П. Николева. Учился в Московской славяно-греко-латинской академии и на этико-историческом факультете Московского университета. В 1809–1811 сотрудничал в «Друге юношества». С 1813 преподавал в Московском университете, в ряде частных учебных заведений. В 1820 защитил в Московском университете докторскую диссертацию «О системах политической экономии». Крупнейший агроном, почетный и действительный член 45 ученых обществ, в том числе всех русских экономических и сельскохозяйственных обществ. Автор большого числа работ по вопросам сельского хозяйства, переводчик трудов немецких экономистов и агрономов. Один из основателей (1820) и непреходящий секретарь совета Московского общества сельского хозяйства, редактор периодических изданий этого общества, основал множество комитетов при нем. Выступал за государственную поддержку сельского хозяйства, за внедрение новых сельскохозяйственных культур и техники, привнес в Россию ряд сельскохозяйственных нововведений. В 1870 вышел в отставку в чине тайного советника. Друг Ф. Н. Глинки. Посвящен в масонство в 1818 в ложе Ищущих Манны, затем ее секретарь. Активный участник собраний «теоретического круга» в Москве вплоть до кончины. После кончины его масонские документы были взяты у его наследника В. А. Бибиковым и В. С. Арсеньевым.

И. М. Воинов, † 1854. Протоиерей церкви Девяти мучеников иже в Кизиче (во Кизице) в Москве. Переводчик. Член ложи Ищущих Манны, затем (до кончины) участник тайных собраний «теоретического круга» в Москве.

А. О. Поздеев, р. ок. 1787 † 5 апреля 1834. Сын И. А. Поздеева. В 1797 поступил в Морской корпус кадетом, на морской службе по 1819. Уволен от службы капитаном 2-го ранга. Масон с 1802. Оратор ложи Ищущих Манны в 1819–1821. Активный участник собраний

«теоретистов» круга Ф. П. Ключарёва, затем (до кончины) тайных собраний вольных каменщиков, которые с 1828 часто проходили у него в доме.

⁸¹ Гр. А. К. Разумовский, р. 2 сентября 1748, С.-Петербург † 5 апреля 1822, местечко Почеп Мглинского у. Черниговской губ. Из мало-российского дворянского рода второй половины XVII в. Получил прекрасное домашнее образование под руководством известного историка А.-Л. Шлёцера. С 1765 по 1767 слушал с братьями лекции в Страсбургском университете, в 1767–1769 путешествовал с отцом по Италии и Англии. Находился в Италии на попечении И. И. Шувалова. Весной 1768 находился вместе с братьями в Англии. Подружился с Л. К. Сеп-Мартеном. Осенью 1769 возвратился в С.-Петербург, служил при дворе. Масон уже в 1771, находился под влиянием И. А. Поздеева. Весной 1778 вышел в отставку, жил в Москве и в своем подмосковном имении Горенки, где создал ботанический сад, летом на Украине, собрал крупнейшую в России библиотеку по естественным наукам. С 1786 тайный советник, сенатор. В 1795 из-за разногласий с Екатериной II вновь вышел в отставку. С 1807 действительный тайный советник, с 1810 член Государственного совета. С 1810 по 1816 министр народного просвещения. Один из основателей, с 1814 один из вице-президентов Комитета Российского Библейского общества. С 1814 подпал значительному влиянию Ж. де Местра, ввел новые цензурные ограничения.

Его брат гр. Л. К. Разумовский, р. 20 февраля (8 января) 1757, С.-Петербург † 21 ноября (января) 1818. Учился в Гёттингене, затем в Женеве. В 1774 возвратился в Россию. Зачислен в посольство кн. Н. В. Репнина в Константинополь. Служил в л.-гв. Семёновском полку (в который был записан с детства), в 1782 полковник, переведен генеральс-адъютантом к кн. Г. А. Потёмкину. Участвовал в боевых действиях против поляков и турок. Командовал егерскими полками под началом А. В. Суворова, дежурный генерала Н. В. Репнина. С 1790 генерал-майор. В 1796 вышел в отставку. Жил в Москве, впоследствии в его доме расположился Английский клуб.

⁸² Строка из «Федры» Жана Расина. В переводе Ф. И. Тютчева: «Едва мы вышли из Трезенских врат».

⁸³ Мыслю, следовательно, существую; люблю, следовательно, существую вечно! (фр.).

⁸⁴ Гермоген (в миру — Сперанский (Карпов-Федоровский-Сперанский) Георгий Прокопьевич), р. 26 ноября 1778 † 19 июня 1845. В 1799—1804 учился в Московской славяно-греко-латинской академии, затем преподавал там же французский язык. В 1813 пострижен в монахи, иеродиакон. С 1814 соборный иеромонах Донского монастыря. В 1814—1816 библиотекарь Московской Духовной академии, в 1816—1818 ее инспектор. В 1814—1818 член Московского духовно-цензурного комитета. С 1816 настоятель Серпуховского Высоцкого монастыря, архимандрит. С 1818 до кончины настоятель Спасо-Андрониева монастыря в Москве. Одновременно член консистории и надзиратель Единоверческой типографии. Строгий аскет. Друг Ф. А. Голубинского. Был посвящен в масонство до 24 апреля 1817, возведен во 2-ю масонскую степень до 28 апреля 1817.

⁸⁵ суровость (*фр.*).

⁸⁶ Когда вас разобьет паралич, будьте готовы к смерти (*фр.*).

⁸⁷ Багрянский Михаил Иванович, р. 29 октября 1762 (1761), с. Гладкое Новосильского округа Тульского наместничества † 7 (6) июня 1813, Москва. Врач. Обучаясь в Московском университете, сблизился с масонским кругом И. Г. Шварца. Посвящен в 1780. Сотрудничал в «Московском ежемесячном издании» и «Вечерней заре», занимался переводами. Член «теоретического градуса» с 1784, розенкрейцер с 1785. В 1786—1790 обучался медицине в Европе на средства Дружеского ученого общества. В 1792 присутствовал при аресте тяжело больного Н. И. Новикова в его имении Авдотьино. Добровольно пробыл с ним в одной камере весь срок заключения.

⁸⁸ Правильно: Левицкого. С 1922 портрет хранится в Третьяковской галерее. См.: Дмитрий Григорьевич Левицкий. 1735—1822. Каталог. Л., 1987. № 89. К владельческой истории портрета см. наст. изд., с. 130, 303, 403. В. Л. Боровиковским написаны портреты А. А. Долгокурова и его первой жены М. И. Долгорукой (оба 1811, также хранятся в Третьяковской галерее).

⁸⁹ Лайкевич Николай Петрович, р. 8 апреля 1786 † 2 апреля 1861. В 1822—1837 капитан. В 1822—1824 судья Можайского уездного суда. В 1837 почетный смотритель Гжатского уездного училища. Муж (с 1830) Софьи Алексеевны Мудровой, р. 1797 † 1870, воспитанницы Лабзиных, племянницы известного хирурга, масона М. Я. Мудрова. Масон.

⁹⁰ Выписки В. Д. Комынина и В. С. Арсеньева из магнетического журнала Верещагиной в настоящее время хранятся: НИОР РГБ. Ф. 13. К. 21. Ед. хр. 26.

⁹¹ Позднее мы познакомились с мужем этой дамы, полковником, ставшим затем генералом, Львом Николаевичем Верещагиным, которого наши дорогие родители очень любили (фр.).

⁹² Перенесемся туда (фр.).

⁹³ Л. С. Оржеховский (Оржаховский, Оржиховский), р. 7 (16) февраля 1773 (1777), Мстиславль. Из дворян. В 1820–1822 титулярный советник. Посвящен в масонство в ложе Ищущих Манны в 1821.

⁹⁴ А здесь, дорогой Друг, Руф Семенович намекал на тот хаос, в который вверглось первое материальное творение (то, что описано в первом стихе Библии), став бесформенным и таинственным вследствие падения ангелов. <...> Святой апостол Иуда говорит нам (фр.).

⁹⁵ Помета на полях: «(Писано в 1877 году)».

⁹⁶ На полях отчеркнуто и стоит помета NB.

⁹⁷ То же.

⁹⁸ То же.

⁹⁹ Неточная цитата из стихотворения В. А. Жуковского: «О милых спутниках, которые наш свет / Своим сопутствием для нас животворили, / Не говори с тоской: их нет; / Но с благодарностью: были».

¹⁰⁰ Поэтический сборник (1820) Альфонса де Ламартина (1790–1869).

¹⁰¹ Яковлев Ф. Надпись на Кресте Господа нашего Иисуса Христа. М., 1846.

¹⁰² Azaïs, Pierre Hyacinthe (1766–1845). *Système universel*. 8 Vols. Paris, 1810–1812; 2) Pascault Adolf (1800–1854). *Les Quatre saisons, ou la Botanique, la zoologie, l'astronomie et la physique, mises à la portée de l'adolescence*. Paris, 1832; см. русское издание: Пако А. И. Четыре времени года, или Ботаника, Зоология, Космография и Физика для юношества. М., 1828. (Автор с 1824 жил в России, с 1836 — профессор Московского университета.)

¹⁰³ Автограф поэмы Н. В. Арсеньевой «Рассказ о слепорожденном», посвященный В. С. Арсеньеву и написанный в Москве 19 апреля 1853, в настоящее время хранится: НИОР РГБ. Ф. 13. К. 5. Ед. хр. 9.

Автографы стихотворений и переводов Н. В. Арсеньевой за 1827–1853 хранятся: Там же. Ед. хр. 10–11.

¹⁰⁴ Выполненный В. С. Арсеньевым список перевода Н. В. Арсеньевой сочинения Джона Беньяна (1628–1688) «Страннический путь из мира в блаженную вечность» (1851) и предисловия к нему см.: Там же. К. 18. Ед. хр. 1 (54 л., окончание отсутствует).

¹⁰⁵ который был слегка не в своем уме (*фр.*).

¹⁰⁶ вероятно, он хотел сказать (*фр.*).

¹⁰⁷ М. М. Тучкова, урожд. Нарышкина, р. 2 января 1781, Москва † 29 апреля 1852, Спасо-Бородинский монастырь, в 1-м браке Ласунская, сестра декабриста, после бесплодных поисков трупа своего второго мужа Александра Алексеевича Тучкова 4-го, р. 7 марта 1777, Киев † 26 августа 1812, близ дер. Семёновское Можайского у. Московской губ., убитого в сражении при Бородино, решила на месте битвы построить церковь, затем основательница Спасо-Бородинского монастыря, в 1838 приняла монашество. См. о ней: Тольчева Т. Спасо-Бородинский монастырь и его основательница. М., 1875; Брайковский А. А. Монастырь во имя Спасителя на Бородинском поле и его основательница. М., 1912. О последующей судьбе монастыря, в 1992 возвращенного Церкви, см.: Отечество. Краеведческий альманах. Вып. 7. М., 1996. С. 159. — Ю. С. Колесова, урожд. Волкланевская, р. 22 июля 1796 † 3 января 1872. — С. Д. Алексеева, урожд. Раевская, † 30 июня 1853. — Варвара Александровна Фонвизина, урожд. Давыдова, † 18 апреля 1843. Ее дочь — Наталья Сергеевна Фонвизина, р. 22 февраля 1826, во 2-м браке Гумилина.

¹⁰⁸ с основания (*фр.*).

¹⁰⁹ О. Д. Аникеева, † 25 июня 1869, дочь известного писателя, масона кн. Дмитрия Петровича Горчакова, р. 1758 † 1824; троюродная тетка гр. Л. Н. Толстого. Замужем за Иваном Петровичем Аникеевым, р. 14 сентября 1775 † 11 ноября 1828.

¹¹⁰ Предисловие к указанному в прим. 62 (4) на с. 430 изданию книги Вильяма Лоу «La voie de la science Divine», подписанное псевдонимом «Lodoïk».

¹¹¹ [Louis Claude de Saint-Martin.] Tableau naturel des rapports qui existent entre Dieu, l'homme et l'univers. Edinbourg [i. e. Lyon], 1783.

¹¹² На странице 115 (в настоящее время — л. 62) и далее помещен текст, озаглавленный «О религии в делах обыкновенной жизни» с сопроводительной пометой В. С. Арсеньева: «Эта статья, составленная из речи Дж. Керда, сказанной в 1855 году и распространившейся в десятках тысяч экземпляров <...>». Оригинал — Caird, John. Religion in common life. Edinburgh; London, 1855 — проповедь на текст Рим. 12, 11, произнесенная автором (1820–1898), англиканским священником, магистром искусств, ректором университета Глазго, в церкви Grathie 14 октября 1855 в присутствии королевы Виктории и принца Альберта и опубликованная повелением королевы. Судя по всему, перевод самого В. С. Арсеньева.

¹¹³ сделать их мне доступными в своем кабинете (фр.).

¹¹⁴ коротышке (фр.).

¹¹⁵ Е. С. Жарков, р. 1791 † 23 июля 1867, Можайск. Из приказного звания. В 1814–1824 учитель математических наук Можайского уездного училища. В 1834–1837 штатный смотритель этого же училища. В 1839–1856 коллежский асессор. В 1852–1856 непреременный заседатель Можайского уездного земского суда.

¹¹⁶ Алексеев Николай Ильич, † 1 июня 1851, штабс-капитан. Сын генерал-лейтенанта Ильи Ивановича Алексеева, р. 18 июля 1772 † 3 октября 1830, и Натальи Филипповны Вигель, р. 1775 † 12 марта 1847, сестры известного литератора Ф. Ф. Вигеля.

¹¹⁷ П. И. Беневоленский, † 24 апреля 1865. Выпускник Московской Духовной академии. В 1834–1849 настоятель церкви Нового Воскресения на Остоженке, с 1849 — церкви Николая Явленного. Благочинный, цензор журнала «Душеполезное чтение». Участник тайных собраний масонов по 1862.

¹¹⁸ Д. В. Хвостов, р. 1811 † 20 февраля 1860. В 1835 прапорщик. Был женат на Александре, р. 18 апреля 1819 † 27 июня 1889, сестре уже упоминавшегося Н. В. Шеншина.

¹¹⁹ язычник (фр.).

¹²⁰ По всей видимости, Николай Иванович Богданов, р. 24 августа 1751 † 16 марта 1829, тайный советник, с 1807 генерал-лейтенант, в Отечественную войну начальник Тульского ополчения.

¹²¹ к маленькому капралу (фр.) — т. е. к Наполеону.

¹²² Окулов Матвей Алексеевич, р. 1792 † 3 июля 1853, командир Арзамасского егерского полка, с 1830 до кончины директор училищ Московской губ.

¹²³ Бертран Дюгеклен — французский полководец XIV века, имя которого стало нарицательным для обозначения рыцарской доблести и бесстрашия.

¹²⁴ Следует: Конвент.

¹²⁵ скамеечка для коленопреклоненного (фр.).

¹²⁶ алтарь (фр.).

¹²⁷ Митенька — мой ризничий (фр.).

¹²⁸ Господь вездесущ (фр.).

¹²⁹ «Швейцарский Робинзон» (1813), написанный в подражание Дефо популярный роман швейцарского писателя, протестантского пастора Иоганна Давида Висса (1782–1830). Оригинал — немецкий: *Der Schweizerische Robinson, oder der schiffbrüchige Schweizer-Prediger und seine Familie*. Ср. в «Детстве» Л. Н. Толстого игру детей «в Робинзона».

¹³⁰ О, Творец мой! Примите меня! Примите меня в свое лоно! (фр.)

¹³¹ Семья Арсеньевых — своему другу меся Александрю Пайену (фр.).

¹³² Жена (с 16 апреля 1841) императора Александра II — принцесса Гессен-Дармштадтская Максимилиана Вильгельмина Августа София Мария, в православии Мария Александровна, р. 27 июля 1824 † 22 мая 1880. Обряд миропомазания по уставу православной церкви она приняла еще в 1840, 5 декабря.

¹³³ Нащокин Павел Воинович, р. 8 декабря 1801, † 6 ноября 1854, друг А. С. Пушкина, в 1831–1832 снимал дом в Гагаринском пер. в Москве. По его заказу был выполнен точный макет этого дома, размером примерно 2 на 2,5 метра, со всей мебелью и утварью, включая, например, фортепиано, «на котором играть можно будет пауку» (Пушкин). Всё, что сохранилось от «нащокинского домика» (около 300 предметов), находится во Всероссийском музее А. С. Пушкина на Мойке, 12 в Петербурге.

¹³⁴ «Антошки», куда мы ходили «за рыжы» (*рыжики*), как говаривал добрый меся Пайен (фр.).

¹³⁵ Опера Карла Марии фон Вебера (1786–1826) «Волшебный [вольный] стрелок» (1820). Одно из действий ее разворачивается в страшном Волчьем ущелье (*Wolfsschlucht*).

- ¹³⁶ В рукописи помещен рисунок и схематический план ловушки.
- ¹³⁷ Анет, пойдите поговорите с монахиней (фр.).
- ¹³⁸ Замок в полном смысле слова, почти как укрепленное аббатство (фр.).
- ¹³⁹ В рукописи, действительно, на следующей странице помещен рисунок.
- ¹⁴⁰ шлема Мамбрина (фр.). См. у Сервантеса в «Дон-Кихоте».
- ¹⁴¹ «Четыре сына Аймона», один из самых известных старофранцузских эпосов (XII век), здесь очевидно в новейшем французском переложении.
- ¹⁴² Кж. Е. С. Горчакова, р. 1824 † 5 сентября 1897, Москва, фрейлина, главная надзирательница 3-й женской гимназии в Москве, поэтесса.
- ¹⁴³ ночь накануне посвящения в рыцари (фр.).
- ¹⁴⁴ Единственный! (фр.).
- ¹⁴⁵ Потому что у вас одни рыцари в голове, месье Базиль (фр.).
- ¹⁴⁶ госпоже вашей матери (фр.).
- ¹⁴⁷ принять участие в церемонии (фр.).
- ¹⁴⁸ Я посвящаю вас в рыцари (фр.).
- ¹⁴⁹ Ты падший рыцарь (фр.).
- ¹⁵⁰ С. А. Пошман, р. 29 июля (22 июня) 1792 (1788, 1789), Шклов † 28 (29) декабря 1847, С.-Петербург. Католик. Из дворян. В службу вступил в 1805 актуариусом в Коллегию иностранных дел, где служил до 1807. В 1808—1809 служил в комитете для Лифляндских дел. В 1811—1815 помощник директора Музеума ведомства государственного Адмиралтейского департамента (П. И. Русановского). С 1815 на военной службе, в 1824 вышел в отставку в чине полковника. С 1827 по 1834 находился за обер-прокурорским столом в Межевом департаменте Сената. С 1835 до кончины директор вновь открытого Императорского Училища правоведения. Действительный статский советник. Посвящен в масонство в 1810 в петербургской ложе Умиравшего Сфинкса, ее активный член по 1815. Под руководством А. Ф. Лабзина перевел сочинение К. Экартсгаузена «О фосфорной кислоте».
- ¹⁵¹ Я взял свой пропуск!.. (фр.).
- ¹⁵² Кж. К. М. Шаховская, р. 16 октября 1809 † 30 ноября 1883.
- ¹⁵³ М. И. Богословский, † 16 января 1884, протопресвитер.

¹⁵⁴ Принц Ольденбургский, Константин-Фридрих-Пётр (Пётр Георгиевич), р. 14 августа 1812, Ярославль † 2 мая 1881, С.-Петербург. Внук императора Павла I, племянник Николая I. Генерал-от-инфантерии, член Государственного совета, председатель департамента гражданских и духовных дел, сенатор, главноуправляющий IV отделением собственной е. и. в. канцелярии, почетный опекун и председатель С.-Петербургского опекунского совета, попечитель императорского Александровского лицея. Училище правоведения было основано им в 1835 на собственные средства для подготовки юристов для Министерства юстиции, Сената и губернских судов; существовало по 1918. См.: Папков А. А. Жизнь и труды принца Петра Георгиевича Ольденбургского. СПб., 1885. О деятельности принцев Ольденбургских в России см.: *Das Haus Oldenburg in Rußland*. Oldenburg, 2000.

¹⁵⁵ Ф. И. Прянишников, р. 2 (3) февраля 1793, Пермь † 28 апреля 1867, С.-Петербург. Из дворян. Учился в Московском университетском Благородном пансионе, вместе с П. Я. Чаадаевым в Московском университете. С 1821 по 1824 помощник секретаря Российского Библейского общества. В 1824 служил в почтовом департаменте. В 1827 как способный чиновник, знающий английский язык, отправлен кн. А. Н. Голицыным на год в Англию для изучения почтовой службы и ее усовершенствования в России. В 1831–1835 помощник С.-Петербургского почт-директора, в 1835–1853 почт-директор. В 1841–1854 также директор почтового департамента, провел успешные реформы. С 1854 член Государственного совета. С 1856 по 1865 почетный опекун в С.-Петербурге. Действительный тайный советник. В 1857–1863 главноначальствующий над почтовым департаментом. В 1857–1861 член Комитета министров. Входил в многочисленные правительственные комиссии и комитеты, благотворительные организации и др. Коллекционер картин, рукописей и книг, меценат. Почетный член Публичной библиотеки, передал туда ряд драгоценных изданий и рукописей. Пожертвовал до 2 тыс. томов (преимущественно исторического содержания) в библиотеку Новороссийского университета, передал много книг в Московский Румянцевский музей, в Карамзинскую библиотеку в Симбирске и др. Помогая бедным художникам и приобретая их картины, составил великолепную коллекцию, которая в 1865 была приобретена у него императором

Александром II и подарена в 1867 Московскому Румянцевскому музею (ныне в собрании Третьяковской галереи). Книжное и рукописное собрания были пожертвованы вдовой в ряд библиотек. Посвящен в масонство в ложе Умиравшего Сфинкса в 1813, впоследствии ее секретарь и ритор.

¹⁵⁶ Кж. Елизавета Михайловна Шаховская, р. 2 августа 1797 † 9 декабря 1877, и упомянутая выше Клеопатра Михайловна.

¹⁵⁷ Кн. С. Г. Шаховская, р. 30 марта 1804 † 15 апреля 1884.

¹⁵⁸ Гр. Н. А. Орлов, р. 27 апреля 1827, С.-Петербург † 17 марта 1885, Фонтенбло, Франция. Получил блестящее домашнее образование. С разрешения императора Николая I слушал курс законоведения, читаемый М. А. Корфом вел. кн. Константину Николаевичу. С 1843 паж. В 1845 выдержал офицерский экзамен в Пажеском корпусе, произведен в корнеты л.-гв. Конного полка. С 1846 по 1856 флигель-адъютант. В 1846 назначен состоять при вел. кн. Константине Николаевиче, сопровождал его в заграничных путешествиях. С 1848 состоял при особе его величества. В 1849 участвовал в кампании против «мятежных венгров». В 1850—1852 сопровождал Николая I в его путешествии по России и за границей. Во время Крымской войны в чине полковника участвовал в боевых действиях против турок. В мае 1854, во время осады крепости Силистрия, получил 9 тяжелых ран и лишился глаза. Взял отпуск, ок. полутора лет провел в Италии, где написал историческую работу о походе Наполеона в 1806. С 22 августа 1856, после производства отца в княжеское достоинство, также князь. В конце 1850-х — начале 1860-х составил несколько либеральных записок: «Мысли о расколе», «О евреях в России», «Об отмене телесных наказаний...». В 1856—1857 состоял при особе императора. С конца 1850-х на дипломатической службе: чрезвычайный посол в Бельгии, Австро-Венгрии, Англии, Франции, при Германском дворе. С 1878 генерал-от-кавалерии. Участник тайных масонских собраний «теоретического круга» в Москве.

¹⁵⁹ П. И. Голенищев-Кутузов, р. 1 ноября 1767, С.-Петербург † 12 (13; 29) сентября 1829, Тверь. Из старинного новгородского дворянства. Получил домашнее образование. В 1783 в чине капитана начал службу при Г. А. Потёмкине, его ординарец (адъютант). В январе 1785 переведен во флот генеральс-адъютантом в штаб адмирала С. К. Грейга. С 1786

С 1786 подполковник, служил в Павловском и Псковском драгунских и Екатеринославском кирасирском полку. В 1788 в ходе русско-шведской войны участвовал в Гогландском морском сражении. С 1796 полковник. В 1798 перешел на гражданскую службу, получил чин действительного статского советника. В 1798—1803 куратор Московского университета. Поэт, переводчик. Был близок к кружку литераторов-арханстов адмирала А. С. Шишкова. Принимал участие в кампании по дискредитации Н. М. Карамзина. С 1803 тайный советник. Один из издателей журнала «Друг просвещения», позднее сотрудничал в «Друге юношества». С 1805 по 1823 сенатор, с 1805 по 1821 сенатор в 6-м (уголовном) департаменте Сената в Москве. В 1810—1816 попечитель Московского университета и Московского учебного округа (назначен на этот пост по протекции И. В. Гудовича, женатого на сестре А. К. Разумовского), создал кафедры славянского языка, Общество любителей российской словесности при Московском университете. Выступил с проектом преобразования Благородного пансиона при университете в кадетский корпус. Писал докладные на профессоров, заподозренных в вольнодумстве, продолжал нападки на Н. М. Карамзина. Масон с 1785. Наместный мастер работ на русском языке ложи Нептуна к Надежде в Кронштадте с 1786. Основатель (в 1798) и бессменный руководитель московской ложи Нептуна. Участник собраний «теоретической степени» у Н. А. Дьякова, собраний «теоретистов» в Москве по 1827.

¹⁶⁰ Августин (в миру — Виноградский Алексей Васильевич), р. 6 марта 1766 † 3 марта 1819, архиепископ Московский.

¹⁶¹ Соколов Михаил Семёнович, † до 19 августа 1858. Приходской священник, затем настоятель церкви Николы в Столпах в Армянском переулке в Москве. Масон.

¹⁶² Гааз Фридрих-Иосиф, р. 10 (24) августа 1780, Мюнстерэйфель, ок. Кёльна † 26 августа 1853, Москва, известный врач-филантроп.

¹⁶³ Через кресты к свету! (*лат.*). То же латинское изречение вписано рукой В. С. Арсеньева в часть V «Герметической библиотеки», содержащую трактат Дузетана «Таинство креста» (НИОР РГБ. Ф. 14. Ед. хр. 1583).

¹⁶⁴ Протоиерей Полотебнов Андрей Григорьевич, с 1874 настоятель в церкви Константиновского межевого института в Москве, издатель

журнала «Радость христианина при чтении Библии», в котором активно сотрудничал В. С. Арсеньев и где публиковались также статьи Иоанна Арсеньева, переводы Надежды Арсеньевой. Портрет С. И. Соколова см.: Радость христианина. 1894. № 4.

¹⁶⁵ В. Н. Шеншин, р. 17 апреля 1784 † 18 февраля (16 мая) 1831, в Отечественную войну полковник, в 1813 произведен в генерал-майоры, в 1814 был комендантом Парижа, 14 декабря 1825 одним из первых бригадных командиров привел свою гвардейскую бригаду к присяге на верность Николаю I и пытался предотвратить выступление войск на Сенатской площади, за что пожалован в генерал-адъютанты, с 1826 генерал-лейтенант, затем статский советник; был женат на дочери тайного советника Неклюдовой Варваре Петровне, р. 17 июля 1794 † 3 мая 1827.

¹⁶⁶ С. П. Неклюдова, р. 11 декабря 1788 † 5 июня 1859.

¹⁶⁷ старого закала (фр.).

¹⁶⁸ Мадам де Севинье (Мари де Рабютен-Шанталь) (1626–1696), французская писательница; автор писем, образцовых по своему стилю.

¹⁶⁹ Гр. А. Ф. Орлов, р. 8 октября 1786 † 9 мая 1861 (1862), с 1844 шеф корпуса жандармов, председатель Государственного совета и Комитета министров, генерал-от-кавалерии, генерал-адъютант.

¹⁷⁰ Парфений (в миру — Краснопевцев Пётр Иванович), р. 24 августа 1790, с. Симоново Алексинского у. Тульской губ. † 25 марта 1855, Киев, иеросхимонах, старец Киево-Печерской лавры.

¹⁷¹ В. А. Бибиков, р. 29 апреля 1807 † 24 февраля 1883. Из дворян. До 1848 на военной службе (полковник), затем при дворе. Действительный тайный советник. Масон, участник тайных собраний в Москве и С.-Петербурге по 1879. Считался досточтимым мастером московских масонов в 1878. В 1851–1857 переписал значительную часть масонских рукописей. Переводчик духовно-нравственных сочинений, коллекционер редких западноевропейских мистических книг. Завещал В. С. Арсеньеву свою библиотеку и 100 тыс. рублей, из которых 50 тыс. определил на нужды масонства. Его материалы в фонде Арсеньева см.: НИОР РГБ. Ф. 14. Ед. хр. 1629–1658.

¹⁷² 13 писем Н. А. Орлова к В. С. Арсеньеву за 1849–1884 хранятся в настоящее время: НИОР РГБ. Ф. 13. К. 4. Ед. хр. 18.

¹⁷³ Кн. Ю. А. Долгорукий 2-й, р. 12 февраля 1807 (1808) † 6 марта 1882, Москва. Сын министра юстиции, члена Государственного совета, действительного тайного советника А. А. Долгорукого, р. 14 мая 1775 (1767) † 11 августа 1834, племянник масона Г. А. Долгорукого. В апреле 1816 записан в пажи к императору Александру I. В 1823 окончил юридический факультет Московского университета со степенью кандидата права. На службе по 1835, коллежский советник. В 1838–1840 Виленский, в 1851–1853 Олонецкий, 1853–1857 Воронежский гражданский губернатор. С 1857 сенатор, с 1864 тайный советник. В 1865 сенатор 8-го департамента Сената. Друг Д. И. Попова. Переводчик. Подарил свою обширную библиотеку Московскому обществу любителей духовного просвещения. Знал о проведении собраний масонов, присутствовал при встречах масонов «теоретического градуса» по 1864, но сам, вероятно, не был посвящен. Личный фонд Ю. А., Е. П. и А. Ю. Долгоруких см.: ГАТО. Ф. 36.

¹⁷⁴ Д. И. Попов, р. 1793 † 20 июня 1863. Из дворян. В начале 1810-х учился в Московском университетском Благородном пансионе. Сотрудничал в журнале «Друг юношества». Литератор, поэт. В 1817 надворный советник. Впоследствии коллежский асессор. В октябре 1817 стал директором Курмышского отделения Библейского общества, способствовал переводу Библии на чувашский язык. Состоял на службе до середины 1820-х. Помещик Курмышского у. Симбирской губ., где жил в слободе (сельце) Алексеевской (Алексеевке). Жил также в Москве. Знакомый А. Ф. Лабзина, П. П. Тургенева. Участник собраний московского круга масонов в 1828–1858, которые иногда проходили у него. Его рукописное собрание и наследие в настоящее время хранится: НИОР РГБ. Ф. 237.

¹⁷⁵ Кн. Г. А. Долгорукий, р. 1811 † 1853. Окончил Пажеский корпус в 1827. Участник штурма Варшавы в 1831 и Кавказской экспедиции 1834–1835. Подполковник Генерального штаба, вышел в отставку в 1839. В Крымскую войну начальник дружины Орловского у., умер в Симферополе от тифа.

¹⁷⁶ Ю. Н. Бартнев, р. 16 февраля 1792, дер. Золотово Галицкого у. Костромской губ. † 27 ноября 1866, Москва. В 1819–1824 директор училищ Костромской губ. В 1830–40-е служил при почтовом департаменте, состоял при А. Н. Голицыне. Посвящен в масонство в 1816 в

петербургской ложе Умирающего Сфинкса. Участвовал в тайных собраниях вольных каменщиков в Москве (по 1858).

¹⁷⁷ «Слово о вере и трех образех молитвы и внимания» в «Добротолубии» приписано (как и во всех греческих рукописях) преп. Симеону Новому Богослову, преп. Никифору же Уединеннику, или Исихасту, принадлежит также вошедший в «Добротолубие» трактат «Слово о трезвении и хранении сердца». Трактаты настолько близки, что издатель критического текста первого из них, о. Ириней Осэр, атрибутировал его преп. Никифору, что, однако, было опровергнуто другими исследователями (см. об этом примеч. В. Лурье к кн.: Мейендорф И. Жизнь и труды святителя Григория Паламы: Введение в изучение. СПб., 1997). Неточность Ю. Н. Бартенева (или, скорее, ошибка памяти В. С. Арсеньева) вызвана, очевидно, также близостью этих трактатов.

¹⁷⁸ Авдотья (Евдокия) Глинка, р. 19 июля (сентября) 1795 † 26 июля 1863, дочь П. И. Голенищева-Кутузова, с 1831 жена Ф. Н. Глинки, поэтесса, переводчица.

¹⁷⁹ Подоляны — имение гр. Григория Ивановича Чернышева (1762—1831), отошедшее его дочери Надежде, р. 1813 † до 1854, бывшей замужем за дядей Н. Ю. Долгорукой кн. Г. А. Долгоруким.

¹⁸⁰ כִּי לְעוֹלָם חַסֵּד (та же строка псалма).

¹⁸¹ Вероятно, кн. М. А. Долгорукая, урожд. гр. Апраксина, р. 1816 † 1892, жена дяди Н. Ю. Арсеньевой кн. Сергея Алексеевича Долгорукова, р. 2 ноября 1809 † 16 сентября 1891, статс-секретарь, действительный тайный советник, член Государственного совета.

¹⁸² Милая крошка (*англ.*). Новорожденный — Юрий Васильевич Арсеньев.

¹⁸³ Имеется в виду семейство кн. Долгоруких: ж. Н. Ю. Долгорукая с родителями и братом Алексеем Юрьевичем, р. 10 ноября 1831 † 15 февраля 1888, позднее камер-юнкер.

¹⁸⁴ Я страшно боюсь! (*фр.*).

¹⁸⁵ Кн. Н. В. Долгорукая, р. 1833 † 1885, дочь гр. В. П. Орлова-Давыдова, брата матери Н. Ю. Арсеньевой; замужем за кн. Дмитрием Николаевичем Долгоруким, р. 1827 † 1910, действительный статский советник, из другой ветви рода Долгоруких. Их сын Николай р. 1858 † 1899.

Д. С. Арсеньев. Воспоминания

¹ Жизнь — это не счастье и не несчастье, а тяжкий долг, за который нам надлежит отчитаться (Гизо) (*фр.*). Франсуа Пьер Гийом Гизо (1787–1874) — знаменитый французский историк, автор «Истории цивилизации в Европе», протестантский апологет.

² Д. С. Арсеньев указывает дату своего рождения годом ранее, чем в публикуемой ниже родословной Арсеньевых. Укажем сразу ряд дальнейших хронологических расхождений: даты рождения брата Николая 1831 (вместо 1832), сестры Евгении 1833 (1834), смерти деда Н. И. Арсеньева 1832 (1830) и бабушки А. А. Арсеньевой 1835 (1832), женитьбы С. Н. Арсеньева на Н. В. Комьниной 1828 (1827).

³ Сергей Александрович, сын императора Александра II, р. 29 мая 1857 † 4 февраля 1905 (убит эсером И. П. Каляевым), Московский генерал-губернатор, генерал-лейтенант.

⁴ Павел Александрович, сын императора Александра II, р. 21 сентября 1860 † 29 января 1919, Петроград (расстрелян во дворе Петропавловской крепости вместе с другими членами великокняжеской фамилии), генерал-от-кавалерии.

⁵ Уж 21 год миновал, / Как я видел Вас ребенком. / Сегодня я повстречал / Любезного, остроумного, / Образованного и услужливого человека, / Нежного отца и доброго мужа! / Пусть вам достанет мудрости / Как можно дольше сохранить / Все эти преимущества! / На этом свете все проходит, / И только добродетель может сохраниться. / В своем сердце я уношу глубокое Чувство / Того, чем я обязан Вашей привязанности! (*фр.*)

⁶ Правильно: в 1822.

⁷ дом (*англ.*).

⁸ Рисунок опускаем, равно как и в дальнейшем.

⁹ Кн. Гагарина Анна Петровна, р. 8 ноября 1777 † 25 (23) апреля 1805, дочь Петра Васильевича Лопухина, в 1803–1810 министра юстиции, председателя Государственного совета и Комитета министров, сестра будущего декабриста Павла Лопухина, фаворитка императора Павла I, с 8 февраля 1800 замужем за кн. Павлом Гавриловичем Гагариным, генерал-адъютантом, затем дипломатом. А. П. Лопухина приходилась родственницей Лёвшиным по матери, Прасковье Ивановне Лёвшиной.

¹⁰ фамильярность порождает презрение (фр.).

¹¹ Информация неверна.

¹² Тутолкина Софья Петровна, р. 18 октября 1772 † 22 мая 1833, дочь генерал-фельдмаршала гр. П. И. Панина.

¹³ Кн. Е. П. Друцкая, р. 11 декабря 1807 † 2 марта 1884.

¹⁴ Вероятно, речь идет о Хрущовых: Прасковье Дмитриевне, р. 11 октября 1834 † 12 марта 1884, и Александре Петровиче, р. 15 сентября 1818 † 16 марта 1880.

¹⁵ А. Н. Михнева — вероятно, р. ок. 1775 † 5 января 1865.

¹⁶ сотрапезников (фр.).

¹⁷ В книге помещен схематический рисунок мезонина. Особо там помечена «Этажерка, на которой был мой театр и все игры».

¹⁸ 4-й гусарский полк (фр.).

¹⁹ эти комнаты были очень веселыми и оживленными (фр.).

²⁰ из него можно пить чай (фр.).

²¹ Вероятно, Анна Петровна, р. 28 апреля 1801 † 8 декабря 1877.

²² Это была одна из сказок каноника Шмидта «София, или Деревянный крест» (фр.). Шмидт, Иоганн Кристоф фон (1768–1854), немецкий католический писатель, автор сказок и повестей для юношества, известен как «каноник Шмидт».

²³ «Генрих фон Эйхенфельс», «Людовик, или Маленький эмигрант», «Фернандо» [*повести каноника Шмидта, все во французском переводе*], «Римские вечера» и целая серия восхитительных историй, найденных мною позднее, два тома которых под заголовком «Христианская библиотека» составляли мое наслаждение и развили у меня и, вероятно, у моих братьев и сестры глубокое чувство добродетели и религиозности. С тех пор чтение стало моей великой страстью и любимым времяпрепровождением. — Среди прочего у нас были «Друг детей» Беркина [*Сборник новелл и пьес для детей Арно Беркина (1747–1791), в 6 т., 1784*] и другие книги, которые нам дарили родители.

Одна из них, «Мемуары Буки» Евгении Фoa [(ум. 1853)], стала моей самой любимой книгой, я читал ее и перечитывал без конца; тайны замка Плесси-Пике и подземные ходы, которые вели в развалины, где жил Бука, большой зал с приходящими в движение статуями, памятник монахине, который встает и поглощает всякого приблизившегося к нему, —

все это пленяло меня, очаровывало и всецело овладевало моим сознанием, и, увлеченный прочитанным, играя, я строил замки с подземными ходами и всякими тайнами. «Мемуары Буки» были всегда со мной. Сказки Перро в переводе на русский — издание *Плюшара*, столь известное в то время, — тоже стали предметом моего наслаждения, чуть позже, в возрасте 8–10 лет. Белая кошечка, синяя птица, добрая лягушка и т. д. стали моими друзьями и очень занимали меня; я проливал слезы, читая об испытаниях, выпавших на долю синей птицы, опасался, как бы ее не нашли, как бы с ней не случилось несчастье, и как я был счастлив, когда злые персонажи бывали наказаны, а герои, которым я отдал свое сердце, наконец торжествовали победу! Из русских книг — у нас их было немного, потому что в то время почти не было детских книг на русском языке — всего несколько томов, таких, как «*Детский Собеседник*», «*Детский альманах*», и всё, но однажды нам в Москву из деревни привезли книги моего отца, и я нашел в кипе книг, лежащих на стуле, маленький томик, озаглавленный «*Черная курица, или Подземные жители, сочинение Погорельского*»; это заглавие возбудило мое любопытство, и я спросил у папы, что это. Он подарил мне эту книгу, и ее чтение вызвало у меня огромный интерес. Эта книга тоже составила эпоху в моей жизни! Я отождествлял себя с персонажем и переносился в описанное место действия; это совсем иное, новое для меня существование поглощало меня целиком. «*Черная курица*» тоже стала моим другом, и я долго хранил ее в своем сердце. Я еще не знал тогда, что однажды дам ее почитать моим воспитанникам великим князьям Сергею и Павлу, а позднее и моим собственным детям; черная курица и Бука и у них пользовались большим успехом и интересом. Такое чтение и вызванные им мечтания и чувства придавали особое очарование моему существованию. Благодаря этим книгам во мне развились любовь и склонность к добру, сверхъестественному, чудесному, всему благородному и поэтичному.

В возрасте восьми лет я впервые посетил театр; давали балет «*Восстание в Серале*» [балет французского композитора Теодора Лабарра (1805–1870)], невозможно передать впечатление, произведенное на меня зрительным залом московского Большого театра; а когда занавес был поднят, наступило очарование, и до сих пор помню декорации и музыку «*Восстания в Серале*». Также нас водили смотреть «*Роберта дьявола*»

[опера (1831) Джакомо Мейербера (1791–1864)], и мы были им очарованы — особенно интересны нам были сцена заклинания проклятых монахинь в монастыре Св. Розалии и inferнальный вальс. Видели мы также «Парашу Сибирячку» [пьеса Ник. Алекс. Полевого (1796–1846), на основе которой была написана также опера Дм. Юр. Струйского (1806–1856)], но она нас заинтересовала меньше. Обычно на Масленицу и на Пасхальную неделю на Поднавинском бульваре, где находился дом бабушки и где мы жили, всегда сооружали *Балаганы* и устраивали «прогулки» — *катанье*. Там был *балаган*, принадлежавший Вейлю, он был лучше других, и нас туда водили, месье Пайен брал нас троих: Базиля, Николая и меня. Всё начиналось с циркового традиционного представления, которое мы любили смотреть по несколько раз, затем показывали «Арлекинаду», где часто менялись декорации и была возможность устраивать «Превращения»; мы следили за всеми несчастьями Пьеро, Кассандры, воздыхателей Коломбины, всеми чудесами и опасностями, преодоленными Арлекином, и наконец за его триумфом и свадьбой с Коломбиной, благословенной феей в храме, освещенном бенгальскими огнями. Мы смотрели с неослабевающим интересом, глубоко наслаждаясь увиденным, и испытывали грусть, когда падал занавес.

Театр и *балаганы* вскружили мне голову, и я тратил свои свободные часы, строя на этажерке театральную сцену с настоящими локами, переменной декораций и т. д. С восьми до десяти лет это было моим самым любимым и постоянным занятием, особенно зимой, когда мы жили в Москве. Зимой в Москве мы вставали в шесть часов, что всегда мне казалось тяжело, и, помывшись и одевшись, совершали молитву, за чем всегда следил месье Пайен; затем пили чай; потом наступало время уроков, в перерыве между которыми мы спускались к родителям, в одиннадцать часов был второй завтрак, затем нас вели на прогулку. Большею частью это было скучно. Месье Пайен шел с моим братом Базилем, Николая и я — впереди. Мы всегда шли по *Поднавинскому* бульвару, один день сворачивали налево к *Смоленскому рынку*, на другой день шли направо до *Кудрино*. Время от времени катались в карете, и такие прогулки, хотя и более продолжительные, были разнообразнее и интереснее. Однажды у *Никитской* церкви мы повстречались с большой похоронной процессией: хоронили какого-то генерала; похороны произвели на нас большое впечатление.

В два часа мы всегда шли обедать к дедушке в большой дом, где с нами обедали также и родители. На этих обедах всегда было много народу, иногда играла музыка (дедушкин оркестр) или тирольцы, или еще что-нибудь в этом роде, но только по праздникам. А вот в деревне у дедушки музыка была во время обеда почти ежедневно. Через час после обеда мы были рады вернуться домой к играм в нашем собственном маленьком кругу. Дважды в неделю мы приходили в большой дом по вечерам, к семи часам на урок танцев — но я был очень неловок и неуклюж и не слишком любил эти уроки. Нашим первым учителем был месть Фляге, высокий, помешанный на своем искусстве человек, высокомерный и педантичный. Он заставлял нас учить наизусть определения па, которые он нам показывал... «Из каких элементов состоит шассе?» — «Что такое жетэ ассамбле?» — «Что такое па Ригодон и антраша?» и т. д. и т. п. Месье Фляге был московской знаменитостью [Ср.: *Янькова Е. П.*] *Рассказы бабушки*. СПб., 1885. С. 207], и мы робели перед ним. Но на следующий год нашим учителем стал г-н Лобанов, артист Императорских театров [*Иван Карпович (1797–1840), артист балета и танцмейстер Большого театра; был учителем в университетском благородном пансионе, давал частные уроки (в частности, обучал танцам М. Ю. Лермонтова. И. С. Тургенева)*], и дела пошли гораздо лучше. Лобанов был очень забавный, веселый, он рассказывал анекдоты взрослым, сидевшим вдоль стен и наблюдавшим за танцующими детьми; после каждого анекдота, когда все громко смеялись, он подходил поцеловать руку у бабушки. В то время в моде у детей была качуча, и Лобанов выучил этому танцу с кастаньетами Евгению. Евгения танцевала очень хорошо, и дедушка был в восторге. Кроме нас троих, братьев, и Евгении с нами брали уроки танцев наша кузина Мария Комынина и часто Друцкие, а также соседи дедушки — три барышни *Глушковы*.

Кузина Мария Комынина была единственной дочерью маминого брата (единственного дедушкиного сына, умершего молодым несколько лет тому назад), кузина Мария и была **предполагаемой** наследницей. Она жила в Москве у своей матери *Софьи Дмитриевны, урожденной Раевской* и вышедшей замуж за сына генерала Алексеева (зятя знаменитого *Вигеля*, автора мемуаров), прославившегося в кампании 1812 года. Дедушка был огорчен вторым замужеством своей невестки, но, по натуре справедливый

и добрый, воспринял его как должное. *Николай Ильич Алексеев* был храбрецом и добрым человеком, но выпивал, и это было его главным недостатком, хотя все его очень любили. Жена родила ему троих детей — двух сыновей *Илинку* и *Сашу* и дочь Натали, которая вышла замуж за г-на Арапова. Мы знали друг друга с раннего детства, но так как виделись нечасто, особой близости между нами не было. Тетушка *Алексеева* была ангельским существом, безграничной доброты и очень красивая, как две капли воды она походила на княгиню Марию Вяземскую (мать графини Шереметевой), урожденную Столыпину [*Вяземская Мария Аркадьевна (1819–1889)*, невестка поэта П. А. Вяземского; ее дочь *Екатерина Павловна (1849–1929)* замужем за известным историком, генеалогом, археографом гр. *Сергеем Дмитриевичем Шереметевым (1844–1918)*]: те же черты, тот же рост, то же очарование большой ангельской нежности. Она была так молода, когда овдовела, и так хороша собой, что неудивительно, что вновь вышла замуж, но ее повторный брак был воспринят болезненно отцом и семьей ее первого мужа: всё же в нашем доме этот брак считали нравственным падением. При этом тетушка вместе со своим вторым мужем и всеми детьми всегда были приняты в доме у дедушки, как и прежде; а летом они жили в нескольких верстах от Тёсова, по другую сторону Москвы-реки в поместье, которое дедушка еще при жизни выделил своему покойному сыну. Поместье называлось *Шишимарово*, и дом и сами места были очень красивы. (*Пер. с фр. Е. А. Легеньковой*).

²⁴ как говорят (*фр.*).

²⁵ По разным сведениям бар. Алексей Андреевич Пасхин, р. 17 апреля 1831 † 20 июня 1863, был внебрачным сыном Николая I; Нелидовой, фаворитки Павла I; или, что более вероятно, служащего управления Смольного института С. Д. Комовского. Годовалый мальчик по имени Алексей был подброшен к дому бездетного И. В. Туголмина. Воспитатель выхлопотал Пасхину баронское достоинство Австрийской империи, которое было пожаловано императором Фердинандом I 29 апреля 1839 (уже после кончины И. В. Туголмина). Впоследствии А. А. Пасхин дослужился до чина ротмистра л.-гв. Гусарского полка. Обширные выписки из опубликованных источников об А. А. Пасхине см.: Губастов К. А. Генеалогические сведения о русских дворянских родах, происшедших от внебрачных союзов. СПб., 2003. С. 117–119.

²⁶ и в целом, он был не так уж плох, этот молодой человек, вот только образования и нравственного развития ему не хватало (фр.).

²⁷ как монастырь на холме Авентин (фр.).

²⁸ безделушки (фр.).

²⁹ Кн. Михаил Дмитриевич Горчаков, р. 1793 † 18 мая 1861. Участник Отечественной войны, заграничных походов 1813–1814, русско-турецкой войны 1828–1829, польской 1830–1831 и венгерской 1849 кампании. С 1844 генерал-от-артиллерии. Во время Крымской войны командовал войсками на Дунае, затем в Крыму (руководил обороной Севастополя). С 1856 наместник Царства Польского.

³⁰ и в этом заключалось все его очарование (фр.).

В. С. Арсеньев. Дневник

¹ Г. А. Шверин, р. 29 июля 1800 † 19 июля 1871. Католик. Из граждан Царства Польского. В 1818 окончил Харьковский университет. Отставной поручик польской службы. В 1819 вступил в службу в департамент государственного хозяйства и публичных зданий Министерства внутренних дел, в 1821 перешел на службу в собственную канцелярию императрицы, где служил по 1853. Действительный статский советник. Посвящен в масонство в 1819 в петербургской ложе Избранного Михаила, затем активный участник собраний петербургских лож Орфея и Елизаветы к Добродетели. Участник тайных собраний вольных каменщиков в С.-Петербурге по 1865.

² Орден.

³ Согласно легенде, кумская сивилла предложила последнему царю Рима из этрусской династии Тарквиниев Люцию Тарквинию Гордому (534–509) приобрести девять книг стихотворных пророчеств. Он отказался из-за дороговизны, и только когда сивилла последовательно сожгла шесть из них, купил оставшиеся три за ту же цену. «Сивиллины книги» хранились в храме Юпитера на Капитолийском холме.

⁴ По всей видимости, книга католического апологета Огюста Николя (1807–1888) «*La Vierge Marie et le plan divin, nouvelles études philosophiques sur le Christianisme*» (2 vols., Paris, 1852, 1853); в 1861 вышли два тома заключительных тома.

⁵ Возможно, один из «трактатов» книги «Божественная и истинная метафизика» английского мистика Джона Пордеджа (1607–1681); см.: Вернадский. С. 464–465.

⁶ *fixatio* — затвердение, потеря веществом летучих свойств (лат.), алхимический термин.

⁷ слабое (лат.).

⁸ Голубинский Фёдор (Феодор) Александрович, р. 22 декабря 1797, с. Селищи, ок. Костромы † 22 августа 1854, там же. Из духовного сословия. Учился в Костромской семинарии, Московской духовной академии, по окончании которой в 1818 оставлен на кафедре философии, впоследствии член правления академии. Член Московского комитета для цензуры духовных книг. В 1828 рукоположен Филаретом (Дроздовым) в священники, приписан к Вознесенскому девичьему монастырю в Кремле, службу исполнял в Сергиевом Посаде. С 1842 протоиерей. Член редакционного комитета по изданию творений святых отцов в русском переводе. Создатель первой в России системы теистической философии. Оказал влияние на славянофилов, софиологию В. С. Соловьева. Публиковался в журналах «Душеполезное чтение», «Странник» и др., лекции его опубликованы посмертно по записи учеников. Активно занимался миссионерской деятельностью в кругу интеллигенции. Участник собраний московского «теоретического круга» до кончины.

⁹ Соответственно — П. А. Курбатов; С. И. Соколов; С. А. Маслов.

¹⁰ И. С. Веселовский, р. 2 сентября (октября) 1795 (1794; 1796), Москва (Могилев) † 12 апреля 1867, Москва. Из дворян. Обучался в Могилевской духовной семинарии, окончил физико-математический и медицинский факультет Московского университета. Профессор Московского университета и Московского отделения Медико-хирургической академии. Посвящен в масонство в ложе Ищущих Манны в 1819. Активный участник собраний московского «теоретического круга» по 1862 (в 1826 они проводились у него).

¹¹ В. И. Кутневич, р. 1 января (7 апреля) 1787 (12 апреля 1786), с. Гладково Могилёвской губ. † 2 апреля 1866 (26 апреля 1865). Обучался в Могилевской, затем в С.-Петербургской семинарии, в С.-Петербургской Духовной академии. Определен бакалавром физико-математических наук в Московскую Духовную академию, где преподавал также и

немецкий язык. Профессор математики, философии и психологии (преподавал по 1824). С 1818 священник, протоиерей московского кафедрального Архангельского собора. С 1825 благочинный Кремлевских церквей. С 1832 главный священник армий и флотов. Член Святейшего Синода. В 1835—1844 протоиерей, в 1849—1863 протопресвитер. Его сестра Анна была замужем за Ф. А. Голубинским. Член ложи Ищущих Манны. Участник тайных собраний вольных каменщиков в Москве и С.-Петербурге в 1823—1857.

А. Д. Комынин, † в начале 1858, брат В. Д. Комынина. Участник собраний московских масонов по 1857.

¹² Норов Авраам Сергеевич, р. 1 (22) ноября 1795, с. Ключи Балашовского у. Саратовской губ. † 21 (23) января 1869. В 1850—1854 товарищ министра, в 1854—1858 министр народного просвещения. Масон, член петербургских лож Соединенных Друзей, Трех Добродетелей, Елизаветы к Добродетели.

¹³ Милованов Александр Симеонович (Семёнович), р. 23 августа 1815 † 19 ноября 1875. Обучался в Костромской гимназии, Московской духовной академии. В 1840 назначен учителем в Вифанскую семинарию при Троице-Сергиевой лавре. После кончины жены переехал с детьми в Москву, священник Александро-Невской, в Александровском институте, Сретенского сорока, церкви, где служил до кончины. С 1871 протоиерей. Владелец ряда редких печатных масонских книг, часть которых была приобретена Румянцевским музеем. Родственник Ф. А. Голубинского, которым был привлечен в масонство. Участник собраний московских вольных каменщиков по 1856.

¹⁴ Сочинение Якоба Бёме «О тройственной жизни человека по тайне трех начал Божественного откровения». См.: *Вернадский*. С. 442—443.

¹⁵ Delaage, Henri. *Doctrines des sociétés secrètes, ou Épreuves, régimes, esprit, instructions, moeurs des initiés aux différents grades des mystères d'Isis, de Mithra, des chevaliers du Temple, des carbonari et des francs-maçons*. Paris: E. Dentu, 1852.

¹⁶ 17 августа 1856 состоялся торжественный въезд императорской семьи в Москву перед Священным коронованием, которое состоялось в Успенском соборе Кремля 26 августа.

¹⁷ «Путь ко Христу» Якоба Бёме был издан в русском переводе А. Ф. Лабзиным в 1818.

¹⁸ половое излишество (фр.).

¹⁹ Фесслер, Игнац Аврелиус, р. 7 мая 1756, Цорндорф, Бургенланд † 3 декабря 1839, С.-Петербург. Учился в Раабском иезуитском коллегииуме, вступил в Орден капуцинов, в 1779 принял сан священника. С 1783 масон. В 1784 по повелению Иосифа II уволен из Ордена капуцинов, преподавал восточные языки и ветхозаветную герменевтику в Лемберге, доктор теологии. После возбуждения против него процесса бежал из Австрии, жил в Силезии, Пруссии, основал там Союз эвергетов, в 1791 перешел в лютеранство. В 1797 основал в Берлине Общество друзей человечества, написал историю масонства, реформировал ложу Royal York, в 1802 основал Союз научных масонов. В 1809 приглашен профессором восточных языков и философии в С.-Петербургскую духовную академию (здесь его лекции слушал В. И. Кутневич). При помощи М. М. Сперанского предпринимал попытки реформировать масонство и Церковь в России. В 1810 был вынужден оставить кафедру. Затем служил по части уголовного права в Комиссии составления законов. После обвинения в атеизме был отправлен на житье во внутренние губернии России. С 1813 жил в Саратове, основал там масонскую ложу; евангелический генерал-суперинтендант и президент консистории в Саратове. По упразднении Саратовской консистории с 1833 до кончины генерал-суперинтендант и церковный советник лютеранской общины в С.-Петербурге.

²⁰ знаменитостей (фр.).

²¹ целого (фр.).

²² Киреевский И. В. О необходимости и возможности новых начал для философии // Русская беседа. 1856. Кн. II. Отд. «Науки». С. 1–48. Самая значительная философская статья Киреевского, оставшаяся незавершенной (Киреевский умер 11 июня 1856).

²³ Сафонов Афанасий Ларионович, † 19 июля (июня) 1838. В 1784 из л.-гв. Измайловского полка вышел в отставку премьер-майором. В 1791–1793 Ефремовский предводитель дворянства. Помещик сельца Сафоновки Елифанского у. Тульской губ. Масон «теоретического градуса» по 1831. Архив и собрание рукописных книг Сафоновых см.: НИОР РГБ. Ф. 267. Письма С. И. Гамалеи к А. Л. Сафонову хранятся: НИОР РГБ. Ф. 13. К. 22. Ед. хр. 15 (36 писем за 1801–1815). См. также: Письма С. И. Г. Т. 3. С. 88–229.

²⁴ догадку, прозрение (*фр.*).

²⁵ Сковорода Григорий Саввич (1722–1794). О сохранении его наследия масонами см.: *Вернадский*. С. 489.

²⁶ Рафаэль. Иисус Христос среди апостолов (*фр.*).

²⁷ А. И. Титов, † 11 марта 1877. Похоронен в Троицкой Сергиевой лавре с С. А. Масловым.

²⁸ Французский перевод проповедей немецкого мистика, доминиканца Иоганна Таулера (ок. 1300 – 1361): *Les institutions de Thaulère, religieux de l'ordre de S. Dominique*. Paris, 1665.

²⁹ опорожнять и наполнять (*лат.*).

³⁰ Хуан де ла Крус (1542–1591), испанский мистик, богослов, поэт.

³¹ Д. И. Попов был фактически первым историком русского масонства: он составил «Материалы для жизнеописания пяти благочестивых людей в России», куда вошли масонские биографии Н. И. Новикова, С. И. Гамалеи, И. В. Лопухина, кн. Н. В. Репнина (см.: НИОР РГБ. Ф. 237. Ед. хр. 38) и, вероятно, А. Ф. Лабзина (ср. наст. изд., с. 298, 299).

³² См.: *Письма С. И. Г. Т. 1*. С. 52–53.

³³ Кн. Долгорукий Алексей Иванович, р. 1780 (1782, 1779, 1777), Москва † 5 августа 1840. Двоюродный брат кн. Ю. А. и С. А. Долгоруких. Служил в Коллегии иностранных дел, 6-м и 7-м департаментах Сената. В 1810–1815 советник Московского губернского правления. В 1820–1823, в звании камергера, присутствующий в Экспедиции Кремлевского строения. Действительный статский советник. Помещик Тамбовской и Владимирской губ. Посвящен в масонство в московской ложе Нептуна. С 1819 член «теоретической степени» (круг Н. А. Дьякова). Участник собраний московских масонов по 1827. Автографы 17 писем И. А. Поздеева к кн. А. И. Долгорукому за 1813–1816 хранятся: НИОР РГБ. Ф. 13. К. 33. Ед. хр. 30.

³⁴ задней мыслью (*фр.*).

³⁵ Письма С. И. Соколова различным лицам см.: НИОР РГБ. Ф. 13. К. 38. Ед. хр. 14–19.

³⁶ Рукопись «О святой вечери господи нашего Иисуса Христа. Из писаний И. Бёме», кн. 2 хранится: НИОР РГБ. Ф. 14. Ед. хр. 769.

³⁷ Победоносцев Константин Петрович, р. 21 мая 1827, Москва † 10 марта 1907, С.-Петербург. Юрист, выпускник, как и В. С. Арсеньев,

Императорского Училища правоведения. Служил в московских департаментах Сената. Впоследствии действительный тайный советник, статс-секретарь. С 1880 обер-прокурор Св. Синода. Сохранились 4 письма К. П. Победоносцева к В. С. Арсеньеву за 1877–1885. См.: НИОР РГБ. Ф. 13. К. 4. Ед. хр. 22.

³⁸ Ср.: *Письма С. И. Г. Т.* 1. С. 171–172.

³⁹ Имеется в виду протестантский перевод Библии второй половины XVI в.; ветхозаветные книги были переведены с еврейского Имануэлем Тремеллиусом (1510–1580) и Франсуа Дю Жоном (Франциск Юниус, 1545–1602), Новый Завет — Теодором Безой (де Без, 1519–1605).

⁴⁰ См. рукопись «Проповеди Блаженного Арндта взятые из Псалмов Давидовых» (НИОР РГБ. Ф. 14. Ед. хр. 724); Блаженного Августина [354–430] епископа Иппонийского Карманная Псалтирь. М.: Унив. тип., 1783 (многократные переиздания).

⁴¹ Оболенский Дмитрий Александрович, р. 26 октября 1822 † 22 января 1881. Выпускник Императорского Училища правоведения. Со второй половины 1850-х директор комиссариатского департамента Морского министерства. В начале 1860-х председательствующий в комиссии о выработке нового закона о печати. Впоследствии товарищ министра государственных имуществ, статс-секретарь, действительный тайный советник, член Государственного совета.

⁴² Вероятно, речь идет о Николае Васильевиче Сушкове, р. 15 ноября 1796 † 7 июля 1871, бывшем Минском губернаторе, драматурге, поэте, члене Московского общества любителей духовного просвещения.

⁴³ Где был похоронен В. Д. Комьнин.

⁴⁴ имеет право голоса (*фр.*).

⁴⁵ П. Д. Маркелов, р. 18 мая 1785, Гжатск † 19 мая 1841. Жил в Москве, С.-Петербурге, Калуге. Купец 3-й гильдии. Служил в Особой (личной) канцелярии А. Н. Голицына. В 1833–1835 производитель дел в особой канцелярии при главноначальствующем над почтовым департаментом (А. Н. Голицыне), служил под руководством А. И. Ковалькова. В 1835 титулярный советник. Философ-мистик. Посвящен в масонство в 1812 в петербургской ложе Умирающего Сфинкса, затем ее 1-й надзиратель и 2-й наместный мастер. Масон «теоретической степени», участвовал в тайных масонских собраниях вплоть до кончины. После его кончины

по повелению А. Н. Голицына его бумаги разбирали А. И. Ковальков и Ф. И. Прянишников.

⁴⁶ Книжка «О молитве» была напечатана во время путешествия Д. И. Попова по югу России (Одесса, 1843; 84 с.). Книжка редчайшая, ее экземпляр (не полностью разрезанный) есть только в РНБ (шифр 18.124.3.113). На титульном листе эпитафия из Фомы Кемпийского. Цензурное разрешение от 8 декабря 1842 протоиерея Ф. Голубинского.

⁴⁷ Р. М. Быков 1-й. В 1808 прапорщик, в 1813 поручик л.-гв. Измайловского полка. Входил в окружение Ю. Н. Бартенева. По 1856 периодически посещал собрания московских масонов, хотя жил в деревне, занимаясь копированием масонских рукописей.

⁴⁸ Имберх Алексей Алексеевич, р. ок. 1826, юрист, выпускник Императорского Училища правоведения.

Стояновский Николай Иванович, р. 31 декабря 1820, Могилёв на Днестре † 22 июля 1900. Выпускник Императорского Училища правоведения, затем его преподаватель. С 1854 обер-прокурор одного из московских департаментов Сената. Выдающийся судебный деятель, добившийся разделения судебной и административной власти. Впоследствии товарищ министра юстиции, действительный тайный советник, статс-секретарь.

⁴⁹ Ковалевский Евграф Петрович, р. 10 декабря 1790 (1788, 1792), с. Ярошовка Харьковского у. Слободско-Украинской губ. † 18 марта 1867, С.-Петербург. Окончил Горный кадетский корпус в Петербурге (1810), служил в департаменте горных и соляных дел Министерства финансов. Провел первое крупное исследование геологического строения Донбасса; дал прогноз о наличии в районе г. Бахмута залежей каменной соли. С 1826 командир Горного кадетского корпуса. В 1830–1835 Томский гражданский губернатор, главный начальник Колывано-Воскресенских и Алтайских горных заводов. С 1843 сенатор. С 1856 попечитель Московского учебного округа и председатель Московского цензурного комитета. Почетный член С.-Петербургской Академии наук. В 1858–1861 министр народного просвещения, провел либеральные реформы: преобразовал Главное управление цензуры, поднял вопрос о всеобщем начальном образовании, учредил при университетах курсы для подготовки учителей средних учебных заведений. С 1859 действительный тайный советник. Масон, ритор петербургской ложи Избранного Михаила.

⁵⁰ Открытая книга Натуры, в которой предлагается на созерцание обоих, т. е. умного и стихийного мира, благие силы в седмичном числе заключающиеся, дабы отсюда тем удобнее можно было познавать удивительное согласие вышних с нижними. Старанием и трудами С. М. R. AdaMah Boos. Таблица в один лист, отпечатанная в 1780-е в тайной масонской типографии. — С немецкого оригинала, помещенного в конце книги: Die sieben heiligen Grundsäulen der Ewigkeit und Zeit: In deutlichen Sinnbildern, zum Besten aller Weisheit Suchenden / Hg. von AdaMah Boos. Lpz., 1783. Автор — Адам Михаэль Биркхольц (1746–1818).

⁵¹ Жак де Моле, последний великий магистр (с 1298 по 1312) монашеско-рыцарского Ордена тамплиеров. Орден был обвинен в ереси и уничтожен папой Климентом V; Жак де Моле был сожжен на костре в 1314 в Париже.

⁵² Дубовицкий Александр Петрович, р. 6 января 1782, Белоруссия † 6 сентября 1848 (1842, 1852), с. Суходол Елецкого у. Из потомственных дворян Рязанской губ. Служил в л.-гв. Преображенском полку. Находился под покровительством масонов А. А. и М. А. Ленивцевых. Посвящен в масонство в московской ложе Нептуна. В 1809 вышел в отставку в чине подполковника. Жил в Рязанской губ., общался с крестьянами-мистиками, выработал свое духовное учение, с проповедью которого обошел многие города России. С 1824 неоднократно арестовывался по обвинению в распространении сектантства, высылался из столиц, содержался в монастырях.

⁵³ Ефимович (Яфимович, Эфимович) Алексей Иванович, † 24 ноября 1823. С 1802 служил в Коллегии иностранных дел, в 1822 действительный статский советник. Писатель. Посвящен в масонство в петербургской ложе Елизаветы к Добродетели.

⁵⁴ Гр. Дмитриев-Мамонов Александр Иванович, р. 24 декабря 1787 (24 апреля 1786 (1788); 1790), С.-Петербург † 9 декабря 1836. Участник Отечественной войны; во время Бородинского сражения адъютант М. И. Голенищева-Кутузова. Участник заграничных походов 1813–1814. Художник-баталист; в 1820 вместе с И. А. Гагариным основал в С.-Петербурге Общество поощрения художников. С 1823 полковник, участник подавления польского восстания 1830–1831. С 1831 генерал-майор. В 1835 определен к статским делам с переименованием в

действительные статские советники, служил по ведомству Министерства внутренних дел. Посвящен в масонство в 1808 в московской ложе Нептуна. Член-основатель ложи Ищущих Манн в 1817–1818. С 1818 мастер стула петербургской ложи Трех Добродетелей. Масон «теоретической степени», посещал собрания масонов этого градуса до кончины.

⁵⁵ последней воли (фр.).

⁵⁶ Подробнее неизвестно; возможно, это упоминаемый далее (с. 314) архимандрит Иннокентий.

⁵⁷ «Пастырское послание к истинным и справедливым свободным каменщикам древней системы», сочинение гр. Христиана Августа Гаугвица (1752–1832). Одно из центральных для русского розенкрейцера переводных произведений. Наряду с двумя печатными изданиями (М., 1785; СПб., 1806, пер. А. Ф. Лабзина, под заглавием «Наставление ищущим премудрости») существует огромное множество списков, в частности см.: НИОР РГБ. Ф. 14. Ед. хр. 1208–1221. См. также: *Вернадский*. С. 451.

⁵⁸ Ф. В. Окуньков, р. 1792 † 1875, надворный советник, участник собраний «теоретического градуса» по 1875.

⁵⁹ После смерти гр. М. Ю. Виельгорского его дочери: Аполлония (Апполинария), р. 15 октября 1818 † 5 сентября 1884, в замужестве Веневитинова, и Софья, р. 23 июня 1820 † 16 февраля 1878, в замужестве гр. Соллогуб, пожертвовали в Публичную библиотеку 2010 книг по мистицизму и 161 рукопись (в том числе подлинные письма И. А. Поздеева). Это была лишь часть обширного собрания Виельгорского. В настоящее время пожертвованные рукописи составляют отдельный фонд: РО РНБ. Ф. 142.

⁶⁰ См. списки: НИОР РГБ. Ф. 14. Ед. хр. 1541–1544 (последняя рукопись переписана С. Н. Арсеньевым, правка Ф. А. Голубинского).

⁶¹ Упоминаемые ниже лица были активными членами ложи Избранного Михаила, входившей в союз Директоральной ложи Астрей. Гр. Фёдор Петрович Толстой р. 10 февраля 1783, С.-Петербург † 13 (17) апреля 1873, там же. Посвящен в масонство в 1810 в петербургской ложе Петра к Истине. Член-основатель и в 1815–1822 бессменный мастер стула ложи Избранного Михаила. Воспитывался в Полоцком иезуитском коллегииуме и Морском кадетском корпусе. В 1800–1804 служил во

флоте, затем решил посвятить себя искусству. Художник-медаляр, в 1806 определен на службу в Эрмитаж, в 1807 смотритель при эстампах при комнатах е. и. в., с 1810—1814 медаляр С.-Петербургского Монетного двора, с 1825 преподаватель медалярного класса в Академии художеств, с 1842 профессор медалярного искусства. Почетный член Академии художеств (1809), член всех европейских Академий художеств. В 1828—1859 член правления и вице-президент Академии художеств, в 1859—1868 товарищ президента Академии. Один из основателей С.-Петербургского общества учреждения училищ по методе взаимного обучения, в 1819 его председатель. Член Союза спасения и Союза благоденствия (после восстания декабристов высочайше повелено оставить без внимания). Тайный советник (1846).

⁶² Сочинение Фомы Кемпийского. Перевод С. И. Соколова был впоследствии опубликован В. С. Арсеньевым: Фома Кемпийский. Долина лилий. М., 1901.

⁶³ Речь идет о 1-й жене Милованова — Ольге Никифоровне, родственнице Ф. А. Голубинского, скончавшейся во второй половине 1840-х.

⁶⁴ Кн. Голицын Андрей Борисович (старший), р. 19 июля 1791, С.-Петербург † 11 апреля 1861, Москва. Служил в л.-гв. Конном полку. Участник Отечественной войны (корнет). Посвящен в масонство в 1812 в военно-походной ложе Военной Верности. После Бородинского сражения ординарец генерала-от-инфантерии М. А. Милорадовича. Участник заграничных походов русской армии 1813—1814, дошел до Парижа. С 1817 по 1823 флигель-адъютант. С 1819 по 1823 полковник л.-гв. Конного полка. В 1820—1824 председатель Комитета С.-Петербургского общества учреждения училищ по методе взаимного обучения. В 1828—1829 участник войны на Кавказе, произведен в генерал-майоры за отличие. В 1816—1821 оратор и 1-й надзиратель петербургской ложи Трех Добродетелей. В 1831 подал правительству несколько доносов об обширном «масонском заговоре» в России, помещен для расследования в Кексгольмскую крепость, где содержался с 21.1. до 11.5.1831. В июне 1831 выслан из Москвы в 24 часа. Уволен от службы за болезнь. В 1835 за постоянные доносы в III отделение вновь выслан под надзор полиции из Москвы. В 1844 получил разрешение посещать Москву. На свои средства восстановил упраздненный Холковский монастырь в Новооскольском

монастыре Курской губ. Крупный помещик, разорился откупам, в конце жизни жил почти в нищете.

⁶⁵ В 1855–1857 в России была проведена геральдическая реформа. На государственном гербе был изменен, под влиянием германских образцов, тип орла, а св. Георгий на груди орла в соответствии с правилами европейской геральдики был повернут влево. Высочайшее утверждение новых гербов последовало 11 апреля 1857, указ Сената — 31 мая 1857.

⁶⁶ Кн. В. Н. Долгорукая, урожд. Текутьева, р. 11 апреля 1796 † 9 апреля 1885. Вторая жена А. А. Долгорукого, мачеха отца Н. Ю. Арсеньевой.

⁶⁷ Рунич Дмитрий Павлович, р. 19 декабря 1778 (1776), Москва † 1 июня 1860, С.-Петербург. В 1805–1812 помощник Московского почт-директора (Ф. П. Ключарева), затем почт-директор. Активный член Российского Библейского общества. С 1819 член Главного управления училищ, с 1821 попечитель С.-Петербургского учебного округа. В 1821 организовал суд над профессорами С.-Петербургского университета, доставивший ему славу «гасильника просвещения». Посвящен в масонство в 1804 в петербургской ложе Умирающего Сфинкса, откуда был исключен в 1820. В 1809 возведен в «теоретическую степень» Н. И. Новиковым, с которым в 1800–10-е поддерживал тесные отношения. После увольнения в 1826 жил в полунищете. В своих поздних записках отстаивал необходимость восстановления масонства в России.

⁶⁸ Шотландской.

⁶⁹ Вероятно, лекции И. Е. Шварца, прочитанные им в 1782: «О трех познаниях: любопытном, полезном и приятном»; см.: *Вернадский*. С. 490.

⁷⁰ Сестра А. Б. Голицына — Татьяна, р. 30 января 1797 (1801) † 6 (1) июля 1869, Берлин, в¹замужестве Потёмкина, статс-дама, известная благотворительница, миссионерка.

⁷¹ Возможно, сочинение «Нечто о пастырском послании» австрийского иезуита Иоганна Алоиза Шнейдера (1752–1818).

⁷² Известны лекции И. Е.¹ Шварца, переписанные В. С. Арсеньевым: НИОР РГБ. Ф. 13. К. 41. Ед. хр. 12.

⁷³ Вероятно, имеется в виду «Сочинение мага-каббалистическое» («Opus mago-cabalisticum») Георга фон Веллинга, вошедшее в части 43–45 «Герметической библиотеки» (НИОР РГБ. Ф. 14. Ед. хр. 1611–1613). Тома

содержат множество помет В. С. Арсеньева и следующее его указание: «Во всем этом сочинении одно только замеченное карандашом [волнистой линией на полях] хорошо». В конце 1-го тома вписано его же рукою: «До пришествия Спасителя диаволы жили в стихиях неисходно, но пришедшу Христу они изгоняются Его силою; водоемство освящено Им в Иордане и смертию Неповинного Христа изгнан князь мира из земли, которая потряслась и камене распалось. Нехристиански живущие в ужасном сообществе диаволов остаются. При св. крещении изгоняются диаволы, и все действия церкви к тому направлены».

⁷⁴ Ср.: НИОР РГБ. Ф. 14. Ед. хр. 1090 («Философия истории» Молитора, получена в дар от С. А. Маслова). Речь идет о книге «Philosophie der Geschichte, oder über Tradition» немецкого филолога Франца Иосифа Молитора (1779–1860), который под влиянием Франца Баадера обратился к изучению каббалы, находя, что она делает возможной собственно христианскую философию.

⁷⁵ История «обращения» («из гордого сделался смиренным») кн. Николая Васильевича Репнина, р. 11 марта 1734 (1732), Москва † 12 мая 1801, с. Воронцово Московской губ., прапорщиком Егором Егоровичем Гюне (Гюне), р. ок. 1755 † ок. 1833, изложена Д. И. Поповым в его рукописном труде «Материалы для жизнеописания пяти благочестивых мужей в России» (НИОР РГБ. Ф. 237. Ед. хр. 38). Соответствующий отрывок процитирован в кн.: Киселев. С. 280; как указывает Н. П. Киселев, в действительности Е. Е. Гюне к описываемому времени был уже поручик. Обе фигуры очень важны для истории русского масонства XVIII в.; см. там же примеч. 15 «Егор Егорович Гюне» и 21 «Репнин и его круг» (С. 277–288, 302–318).

⁷⁶ Ешевский С. В. Несколько дополнительных замечаний к статье: Новиков и Шварц // Русский вестник. 1857. № 21. С. 174–201; до этого: Лонгинов М. Н. Новиков и Шварц. Материалы для истории русской литературы и просвещения // Русский вестник. 1857. № 19. С. 539–585. При написании своей статьи М. Н. Лонгинов, как он сам указывает, пользовался, в частности, рукописными материалами, предоставленными ему С. Н. Арсеньевым.

⁷⁷ Перевод книги Абрахама фон Франкенберга (1593–1652) «Рафаел, или врач-ангел», осуществленный С. И. Гамалеей и переписанный его

же рукой, см.: НИОР РГБ. Ф. 14. Ед. хр. 1455; см. также: *Вернадский*. С. 473.

⁷⁸ Н. И. Орлов, р. 27 ноября 1795 (15 ноября 1794), Москва † 10 марта 1880. Из дворян. Посвящен в масонство в ложе Ищущих Манны в 1820. В 1825 пристав уголовных дел в Москве. В 1831 служил в управе благочиния, в 1833 — при кн. Д. В. Голицыне. С 1855 действительный статский советник. В 1855 председатель Московской палаты уголовного суда. По 1871 участник собраний «теоретического круга» в Москве.

⁷⁹ Моление из анафоры (евхаристической молитвы): «Твоя от Твоих Тебе приносяще, о всех и за вся».

⁸⁰ См.: Семь поучительных слов Иоанна Арндта / [Пер. А. Д. Курбатова.] М., 1832.

⁸¹ Из переписки Н. И. Новикова с кн. Н. Н. Трубецким сохранились три письма за 1816: два Новикова (Письма Н. И. Новикова. СПб., 1994. С. 216–219, 228–233), одно Трубецкого (Русская старина. 1890. № 9. С. 461–462). Были опубликованы также в кн.: *Письма С. И. Г. Т. 2*. С. 285–298. Копия переписки в фонде Арсеньева: НИОР РГБ. Ф. 14. Ед. хр. 594.

⁸² Татаринова Екатерина Фёдоровна, урожд. Буксгевден, р. 1783 † 1856, прорицательница, основательница экстатической секты хлыстовского толка, в которую оказались вовлечены многие масоны.

⁸³ Возможно, речь идет об энциклопедии символов «Mondo simbolico», составленной итальянским священником Филиппо Пичинелли (1604 — ок. 1667), в латинском переводе.

⁸⁴ «Amphitheatrum sapientiae» Генриха Кунрата (1560–1605); «Рассуждение философа неименованного о четырех фигурах великого амфитеатра» И. Арндта. О русских переводах, в том числе в собрании Арсеньева, см.: *Вернадский*. С. 440–441; *Киселёв*. С. 98.

⁸⁵ *Geheime Figuren der Rosenkreuzer aus dem 16-ten und 17-ten Jahrhundert*. 2 Bde. Altona, 1785–1788. См.: НИОР РГБ. Ф. 14. Ед. хр. 1072–1075.

⁸⁶ К дневнику приложен черновик письма В. С. Арсеньева к Михаилу Евграфовичу Ковалевскому, р. 7 октября 1829 † 31 января 1884, сыну его бывшего начальника, впоследствии действительному тайному советнику, сенатору, члену Государственного совета. В связи с назначением

Е. П. Ковалевского министром народного просвещения В. С. Арсеньев запрашивал своего друга о том, ожидать ли ему желаемого назначения на пост помощника попечителя Московского учебного округа или оставить службу, поскольку служить он хотел лишь в Москве, но не под началом лица, которое было бы младше его по возрасту.

⁸⁷ Протасов Александр Павлович, р. 19 апреля 1790 † 21 декабря 1856. В службе находился с 1803. В 1822–1827 чиновник по особым поручениям при Московском военном генерал-губернаторе, затем служил по Герольдии. В 1830 вышел в отставку. Действительный статский советник. В 1832 отпустил на волю своих крестьян. С 1835 служил в 6-м департаменте Сената (позднее обер-прокурор); попечитель Екатерининской больницы в Москве, московского императорского Дома трудолюбия и др. В 1842–1843 тайный советник, сенатор 8-го департамента Сената. В 1847 вновь вышел в отставку. Участник тайных собраний «теоретического» круга, возглавлял один из кругов.

⁸⁸ П. Д. Голембовский, р. 1 октября 1790, Владимирская губ. † 13 ноября 1873, Москва. Из небогатых дворян Костромской губ. До 1812 учился в Московском Благородном пансионе. Писатель, поэт, сотрудник «Друга юношества». Участник Отечественной войны 1812 (Бородино), заграничных походов 1813–1815. Затем состоял на гражданской службе, дослужился до чина коллежского ассессора. Жил в Юрьев-Польском, Костроме (секретарь канцелярии Костромского гражданского губернатора), затем по протекции П. А. Курбатова и С. П. Фонвизина получил место смотрителя Екатерининского (Матросского) богадельного дома в Москве. Казначей Комитета для разбора и призрения просящих милостыню, возглавлявшегося С. Д. Нечасвым. Одно время был смотрителем в доме умалишенных. Потеряв зрение, много лет жил в Москве под Новинским в доме священника, где и скончался. Посвящен в масонство в 1822 в ложе Ищущих Манны. В 1827 возведен в «теоретическую степень», посещал собрания масонов в Москве до кончины.

⁸⁹ Имеется в виду переписка московских масонов с А. М. Кутузовым; позднее была опубликована Я. Л. Барсковым: Барсков Я. Л. Переписка московских масонов XVIII века. 1780–1792. Пг., 1915.

⁹⁰ Женой П. Д. Голембовского (с 1831) была Громницкая Мария Фёдоровна, † 1858, сестра декабриста, бывшая классная дама Елисаветинского института.

⁹¹ Вероятно, речь идет о (возобновившем в 1857 связи с московскими масонами) Александре Петровиче Титове, р. 6 июля 1801, С.-Петербург. Из дворян. В 1818 камер-паж. В 1819—1824 в л.-гв. Преображенском полку, уволен от службы в чине капитана. В 1827 произведен в полковники и переведен в л.-гв. Измайловский полк. Посвящен в масонство в 1818 в ложе Ищущих Манны, затем член петербургской ложи Елизаветы к Добродетели.

⁹² Имеется в виду знаменитый гностический трактат «Пистис София», сохранившийся на коптском языке, в издании: Migne J. P. Troisième et dernière encyclopédie théologique. Т. 23. Paris, 1856.

⁹³ См. в фонде Арсеньева переводы сочинений Я. Бёме: НИОР РГБ. Ф. 14. Ед. хр. 747—821.

И. В. Арсеньев. Курилово

¹ Жребий брошен (лат.) — согласно Светонию, слова Юлия Цезаря при переходе через Рубикон.

² «Путешествие юного Анахарсиса по Греции» — построенный на историческом и археологическом материале роман (1788) аббата Жан-Жака Бартеlemi (1716—1795), в начале XIX в. дважды переводился на русский язык.

³ В. Н. Давыдова, урожд. Лихарева, вторая жена П. Л. Давыдова (деда Н. Ю. Арсеньевой).

⁴ Hoffmann, Franz. Die Noth am höchsten, die Hülfe am nächsten: eine Erzählung für Kinder und Kinderfreunde. Stuttgart, 1844.

М. В. Арсеньева. История моей жизни

¹ Е. В. Арсеньева, урожд. Шеншина, жена брата М. В. Арсеньевой Сергея (№ XXXVII в родословной, наст. изд.). Цитируемое далее письмо отсутствует в фонде Арсеньевых (Ф. 13) в НИОР РГБ.

² Гр. Варвара Григорьевна Шуазель, р. 1802 † 1873.

³ Макарий (в миру — Глухарев Михаил Яковлевич), р. 30 октября 1792, Вязьма Смоленской губ. † 17 мая (18 июня) 1847, Болхов (Болховский Троицкий монастырь Орловской губ.). Из семьи священника. Окончил

Смоленскую духовную семинарию, в 1817 окончил со степенью магистра богословия С.-Петербургскую духовную академию, где пользовался особым вниманием ректора Филарета (Дроздова). Постригся в монахи. В 1817–1821 ректор Екатеринославской духовной семинарии и уездных приходских училищ, в 1821–1824 ректор Костромской духовной семинарии и настоятель Богоявленского монастыря, возведен в сан архимандрита. С 1823 в Китаевской пустыни Киево-Печерской лавры, затем в Глинской Оптиной пустыни Курской губ. В 1830–1844 возглавлял православную миссию «для сибирских инородцев» в Бийске. Изучил алтайские языки, перевел на них основные богослужебные тексты и молитвы, положил начало составлению грамматик и словарей местных наречий. По его инициативе в крае были построены несколько церквей, школ и богадельня. Был знаком со ссыльными декабристами, особенно сблизился с М. А. Фонвизиным. С 1844 до конца жизни настоятель Болховского Оптина (Троицкого) монастыря в Орловской губ. Перевел с древнееврейского на русский язык Ветхий Завет, который лег в основу позднейших русских изданий Библии (первоначально перевод отклонен Синодом, а на переводчика наложена епитимья). Духовный поэт. Мемуарист. Посещал собрания «теоретистов» в Москве.

⁴ В фонде Арсеньевых отсутствуют.

⁵ не надо натягивать тетиву лука (фр.).

⁶ А. С. Ильинский, р. 26 августа 1828 † 13 декабря 1899, впоследствии протопресвитер.

⁷ О. П. Долгорукая, урожд. кж. Трубецкая, р. 1840 † 1875. Кж. О. А. Долгорукая, в зам. Волжина, р. 1867 † 1946 Париж.

⁸ Экземпляровский Илья Тихонович, р. 20 июля 1836 † 2 ноября 1905. Выпускник Киевской духовной академии, в описываемое время (середина 1870-х) священник в церкви свв. Петра и Павла в Киеве. В 1885 пострижен в монашество, принял имя Иероним. С 1885 епископ, в 1895 возведен в сан архиепископа. С 1898 архиепископ Холмский и Варшавский (в 1905 Варшавский и Привислинский).

⁹ Гр. С. В. Орлов-Давыдов — двоюродный дядя детей В. С. Арсеньева.

¹⁰ От второго брака у А. Ю. Долгорукого было еще двое сыновей: Алексей, † 1920 и Юрий, † 1909.

¹¹ Посещению Виднова посвящен мемуарный очерк М. В. Арсеньевой, включенный в «Mémoires de Благодатное 1879».

¹² Владимир Петрович Давыдов, р. 22 июня 1809 † 23 апреля 1882, с 1856 принял фамилию и титул деда по материнской линии гр. В. Г. Орлова и стал именоваться гр. Орлов-Давыдов.

¹³ М. М. Волкова, р. 9 мая 1829 † 28 ноября 1882.

¹⁴ Иоани Кронштадтский (в миру — Сергиев Иван Ильич), р. 1 ноября 1829, с. Сура Архангельской губ. † 1908. Выпускник С.-Петербургской духовной академии. Протоиерей и настоятель Андреевского кафедрального собора в Кронштадте. В 1990 канонизирован.

¹⁵ Каспар Кёглер (1838–1923) — популярный немецкий художник — портретист, пейзажист, жанровый живописец, иллюстратор. Выпускник Мюнхенской академии художеств. С 1867 в Висбадене, где основал художественную школу. См.: Leicher G. Kaspar Kögler. Leben und Werk. Wiesbaden, 1996.

Н. С. Арсеньев. Дары и встречи жизненного пути.

¹ Спасская церковь в Красном была построена в 1856.

² Цитата по памяти из 178-й строфы 4-й песни поэмы Дж. Н. Г. Байрона «Паломничество Чайльд-Гарольда». Приводим верный текст отрывка и вольный, но конгениальный перевод К. Н. Батюшкова:

I love not Man the less, but Nature more, / From these our interviews, in which I steal / From all I may be, or have been before, / To mingle with the Universe, and feel / What I can n'er express — yet can not all conceal.

Я ближнего люблю, но ты, природа-мать,

Для сердца ты всего дороже!

С тобой, владычица, привык я забывать

И то, чем был, как был моложе,

И то, чем ныне стал под тяжестью годов.

С тобою в чувствах оживаю:

Их выразить душа не знает стройных слов,

И как молчать об них, не знаю.

³ Жак Бенинь Боссюэ (1627–1704), французский католический поповедник, полемист, историк, епископ в Мо. Луи Бурдау (1632–1704).

французский проповедник, иезуит. Жан Батист Массильон (1663–1743), французский проповедник, епископ Клермонский, доминиканец. Франсуа Фенелон (1651–1715), французский богослов, епископ Камбре, последователь г-жи Гюйон, автор знаменитого романа «Приключения Телемака». Максимилиан де Бютен, герцог де Сюлли (1559–1641), французский государственный деятель, суперинтендант финансов при Генрихе IV. Луи де Рувруа, герцог де Сен-Симон (1675–1755), французский политический деятель.

⁴ Жан-Жак Ампер (1800–1864), французский писатель и историк литературы, сын известного физика Андре Мари Ампера.

⁵ Кн. Н. Б. Долгорукая, урожд. гр. Шереметева, р. 1714 † 3 июля 1771. Кн. Иван Алексеевич Долгорукий, р. 1708 † 8 ноября 1739, брат прадеда Н. Ю. Арсеньевой; после смерти Петра II был вначале сослан в Берёзов, а затем арестован и казнен; кн. Н. Б. Долгорукая последовала за мужем в ссылку, после его смерти постриглась в монахини.

⁶ Гр. Панина София Владимировна, урожд. гр. Орлова, р. 26 ноября 1774 † 7 января 1844; дочь гр. В. Г. Орлова. Ее сестра Н. В. Давыдова — мать кн. Ел. П. Долгорукой, матери Н. Ю. Арсеньевой.

⁷ Первое собрание сочинений Бёме в 15 томах («Alle Theosophische Werke»), выпущенное в 1682 в Амстердаме Иоганном Георгом Гихтелем.

⁸ А. И. Шаблыкшина, р. 1837. Кн. Н. А. Лобанов-Ростовский, р. 1826 † 1887. А. Н. Шеншина, урожд. Ермолова, р. 8 октября 1793 † 28 декабря 1876.

⁹ Макс Мюллер (1823–1900), знаменитый английский индолог.

¹⁰ Дом Разумовских на Тверской улице, в котором располагался Английский клуб, был в 1872 куплен тайным советником Иваном Павловичем Шаблыкшиным, р. ок. 1809 † 1888, отцом А. И. Шеншиной.

¹¹ Муромцев Сергей Андреевич, р. 1850 † 1910, юрист, историк, в 1877–1884 профессор Московского университета. Земский деятель, один из лидеров Партии кадетов, председатель 1-й Государственной думы.

¹² Бар. Нильс Адольф Эрик Норденшельд (1832–1901), знаменитый шведский полярный путешественник, иностранный член С.-Петербургской Академии наук.

¹³ Мирянин; греческое слово, относящееся к первым векам христианства, подчеркивает большую степень воцерковленности.

¹⁴ Наша счастливая конституция (англ.). «История Англии» — главный труд (5 томов, 1849—1861) английского историка и политического деятеля Томаса Бэбингтона Маколея (1800—1859).

¹⁵ Кн. О. А. Долгорукая, урожд. кн. Львова, р. 24 марта 1838 † 19 ноября 1921. Кн. Н. А. Долгорукий, р. 16 августа 1820 † 18 апреля 1885, действительный тайный советник. — Нарышкин Александр Алексеевич, р. 1839 † 1916, действительный тайный советник, в 1866 председатель Орловской губернской земской управы, в 1876—1877 уполномоченный Московского и Петербургского славянских комитетов в Сербии и Болгарии, в 1892—1894 Подольский губернатор, сенатор (1898).

¹⁶ Веневитинов Михаил Алексеевич, р. 1844 † 1901. Внук гр. М. Ю. Виельгорского (сын его дочери Аполлонии), племянник поэта Д. В. Веневитинова. Камергер. Историк. С 1875 работал в Императорской археографической комиссии. Избирался Воронежским уездным и губернским предводителем дворянства. С 1896 директор Румянцевского музея. Отрывок из одного письма М. А. Веневитинова к С. В. Арсеньеву (от 19 июня 1880) опубликован последним: Московские торжества 6—8 июня 1880 года по случаю открытия памятника Пушкину // Труды Тульской губернской ученой архивной комиссии. Кн. 1. 1913. С. 51—54.

Кулаковский Юлиан Андреевич, р. 25 июля 1855, Понеуж Ковенской губ. † 21 февраля 1919, Киев, выпускник Московского университета, профессор Киевского университета. Филолог-классик, археолог, автор «Истории Византии», многочисленных исследований по истории античности.

¹⁷ Небрежность: С. И. Соколов умер в 1860.

¹⁸ Имеется в виду А. И. Пайен.

¹⁹ Доменико Жиларди (1785—1845), швейцарский архитектор, в 1810—1832 работал в России (Дементий Иванович), восстановил после пожара здание Московского университета. Антонио Канова (1757—1822), выдающийся итальянский скульптор-классицист.

²⁰ На самом деле брат. О портретах см. выше, с. 436.

²¹ В оригинале ошибочно: Александровны.

²² Кн. Я. Ф. Долгорукий, р. 1639 † 1720, соратник Петра в борьбе за престол, в 1687 русский посол во Франции, участник Азовских походов 1695—1696, сенатор.

²³ Давыдова Екатерина Николаевна, урожд. Самойлова, р. 1750 † 1825, в 1-м браке за Николаем Семеновичем Раевским, † 1771, ее сын — генерал-от-кавалерии, герой Отечественной войны Николай Николаевич Раевский, р. 14 сентября 1771 † 16 сентября 1829; во 2-м браке за масоном генерал-майором Львом Денисовичем Давыдовым. Владелица имения Каменка Чигиринского у. Киевской губ., где в 1810–20-е собиралось тайное политическое общество. Ее портрет работы В. А. Боровиковского хранится в Музее А. С. Пушкина в С.-Петербурге.

²⁴ Эрман, Адольф (1854–1937), знаменитый немецкий египтолог, создатель грамматики и первого словаря египетского языка, автор книги «Ägypten und ägyptisches Leben im Altertum» (Berlin, 1885–1887).

²⁵ На самом деле, не считая рукописных и выборочных переводов, книга Фомы Кемпийского «О подражании Христу» переводилась пять раз: 1) Ф. Ф. Розанов (М., 1784); 2) М. И. Багрянский (М.: Тип. И. Лопухина, 1784); 3) М. М. Сперанский (СПб., 1819); 4) С. И. Соколов (М., 1834); 5) К. П. Победоносцев (СПб., 1869).

²⁶ С. И. Соколов перевел только «Долину лилий», ее продолжение «Цветник роз» перевел В. С. Арсеньев.

²⁷ Опускаем большое примечание, содержащее французскую цитату из книги: Vinet A. Etudes et meditations évangéliques. I. L'épître aux Colossiens. Lausanne, 1946. P. 193–195.

²⁸ Вильям Пальмер (1811–1879), англиканский архидиакон, вице-президент колледжа Св. Марии Магдалины Оксфордского университета. Стремился к воссоединению англиканской церкви с православной. Дважды приезжал в Россию: в 1842 и 1844. В 1855 перешел в католичество. См. общий обзор вопроса: Образцов П. О попытках к соединению английской епископальной церкви с православной // Православное обозрение. 1866. № 1. С. 41–70; № 2. С. 169–201; № 2. С. 244–270; особо отметим упоминание прот. Кутневича на с. 182.

²⁹ Джон Кибл (1792–1866), англиканский священник, поэт, инициатор обновленческого движения внутри англиканской церкви — т. н. Оксфордского движения. «Христианский год» (1827) — его самая знаменитая книга: сборник духовных стихов на все праздничные дни церковного календаря.

³⁰ Точный текст: Sun of my soul! Thou Saviour dear, / It is not night if Thou be near. — Перевод: Солнце моей души, Спаситель дорогой! / Ночь не пришла, когда Ты рядом (англ.).

³¹ Мансуров Павел Борисович (1860–1932), дипломат, писатель, участник «Кружка ищущих христианского просвещения» М. А. Новоселова; член Поместного собора 1917–1918; секретарь общины Троице-Сергиевой лавры. В 1920-е подвергался арестам.

³² William John Birkbeck, р. 1859 † 27 мая 1916. Указанные переводы см. в его кн.: Russia and the English Church during the last fifty years. London, 1895. Подробнее о нем см.: Глубоковский Н. Н. Светлой памяти друга России и русского православия Ивана Васильевича Биркбека // Труды Императорской Киевской духовной академии. 1916. Кн. XI–XII. С. 226–257.

ПОТОМСТВО
МИХАИЛА ИВАНОВИЧА АРСЕНЬЕВА

(от родоначальника
Аслана-Мурзы Челебея
колено XIII)

Колено I (XIII)

№ 1 МИХАИЛ ИВАНОВИЧ сын царедворца, стряпчего Ивана Еремеевича († до 1724), — Соловской (Дуброва, Доробина), Крапивенский и Алексинский (с. Луковцы, Пречистенское Гордеевское) помещик; подмастерье СПб. Морской Академии в ранге унтер-лейтенанта 1718—27. † 1747. Погребен в с. Луковцах Алексинского у. У него две сестры: Феодосия за Семеном Ивановичем Хрущовым и Акулина за Спицыным. — Его имения — с. Луковцы и с. Доробино принадлежали до последних дней сыну его праправнука А. Н. Арсеньеву [№ 137].

№ I Вторая жена ЕФИМИЯ АНТИПОВНА N, Воротынская помещица 1747.

Колено II (XIV)

№ 2 ИВАН МИХАЙЛОВИЧ от 1-го брака р. 16 марта 1726, опекун Московского Воспитательного Дома 1781—97, статский советник 1793, артиллерии фузегерь 1740, осадной артиллерии сержант 1753, поручик 1768, отставной артиллерии поручик 1781, Московский домовладелец 1799 (в приходе Николая в Кобыльском), Костромской (д. Голованово 1762), Крапивенский, Богородицкий (1756), Соловской и Алексинский (с. Луковцы) помещик, в 1784 с братом разделились; за ним и его второй женой дер. Шипово Тарусского уезда вместе с А. Л. Стромилковым 1768—69; родственник А. Т. Болотова и Г. Р. Державина, с коим был

в переписке; внесен в 1793 в VI-ю Московскую родословную книгу.
† 5 января 1799.

№ II Первая жена ЛУКЕРИЯ ГРИГОРЬЕВНА БАБИНА, ее сестра бабка А. Т. Болотова.

№ III Вторая — ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА ДЯТЛОВА.

№ 3 МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ от 1-го брака р. 1735 (1730?), в службе с 1740, Богородицкий (1756) и Алексинский помещик 1761, по окончании Морского корпуса участвовал в морской кампании Семилетней войны и Архипелагской экспедиции, 4 раза проходил Нордкап. Председатель Ярославской палаты гражданского суда 1775—80, Ярославский воевода 1777; на фрегате «Полярная Звезда» отвозил принцев Брауншвейгских из Холмогор в Берген 1780—01, за что пожалован чином бригадира и 3000 р., и от принцессы Екатерины Антоновны моржевой табакеркой, а от принцессы Елизаветы Антоновны 1000 р.; поручик правителя Тверского наместничества 1781—83, Калужский вице-губернатор 1783—84, правитель Иркутского наместничества 1785—91; генерал-поручик 1790, орден св. Владимира 2 ст. 1784, успешно вел переговоры с Китаем, за что его правнуки [№ 79, 80, 81] в 1856 пожалованы пажами, оставил записки, портрет был у правнуков Алексея [№ 80] и Александра А. [№ 81] Арсеньевых и у праправнучки Е. А. Херодиновой [№ 143] и на силуэтной группе Московского Исторического музея. † в апреле 1791 в Иркутске, где и похоронен 20 апреля в церкви Тихвинской Божьей Матери; надгробное слово напечатано в журнале «Иртыш, превращающийся в Ипокрену».

№ IV Жена АЛЕКСАНДРА КОНОНОВНА (ИОНОВНА) ПРОНЧИЩЕВА, Алексинская, Богородицкая и Ефремовская (с. Кольцово) помещица, Московская домовладелица, портрет был у Алексея А. Арсеньева [№ 80]. † 24 марта 1824 (6?), погребена в Московском Даниловом монастыре.

Колено III (XV)

№ 4 НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ, р. 3 ноября 1760 в Москве, в службе с 1767, помещик Костромского, Боровского (с. Семичево 1812), Калужского, Алексинского (с. Луковцы) и Подольского уездов (его Подольское

1

2

имение разорено французами); действительный статский советник 1800, Курляндский губернатор 1800—08, а до того Курляндский вице-губернатор, советник Тверского губернского правления и Тверской палаты гражданского суда 1795, Тверской губернский прокурор и директор училищ Тверской губернии 1797, орден св. Анны 1 ст. 1801, Высочайшим рескриптом от 13 июня 1801 получил в 1805 в аренду казенную дачу Валдон, дважды принимал в Митаве Людовика XVIII и ссудил его 5000 червонцами (никогда обратно не полученными), получил от него портрет и благодарственное письмо 9 января 1801, был в переписке с Эйлером и Гмелиным, внесен в Матрикулы избравших его своим дворянином рыцарств Курляндского 18 марта 1808 и Пильтенского 27 апреля 1808; Санкт-Петербургский домовладелец; портрет его и его семьи были у правнука его С. Д. Арсеньева [№ 109]. † 2 февраля 1830, погребен в Московском Даниловом монастыре с женою.

№ V Жена княжна Анна Александровна Хованская, р. 21 февраля 1765, Московская домовладелица, портрет ее с младшим сыном [№ 26] был у правнука ее С. Д. Арсеньева [№ 109]. † 2 марта 1832.

№ 5 Алексей Иванович, р. 1765, помещик Тарусского (с. Старкино и Шипово), Подольского и Тульского уездов, в Московском почтамте 1786, Рязанский почтмейстер 1797, действительный статский советник, Московский (1812) и Тверской вице-губернатор, в 1812 перевозил казну в Рязань, член Московского комитета для приема пожертвований на нужды ополчения в 1812, в 1812 пожертвовал 300 р. на военные нужды, имя его записано на стенах храма Христа Спасителя, орден св. Анны 2 ст. с алмазами, миниатюра его у В. С. Арсеньева [№ 161]. Отличался огромным ростом. † 25 мая 1820, погребен со 2-й женой в Московском Даниловом монастыре.

№ VI Первая жена — графиня Мария Андреевна Толстая.

№ VII Вторая — Анна Петровна Шубинская, р. 1785, Мышкинская помещица 1816—30, портрет ее был у С. С. Лачиновой [№ 97]. † 3 августа 1844.

№ 6 Петр Иванович, р. 1789 (1779), сотрудник «Каллиопы», Бежецкий и Тарусский помещик, полковник, за «отличность» пожалован в

2

2

секунд-майоры 1794, за отличие в делах против польского мятежа — Анна 3 ст. 1794, служил в Новгородском и Козловском пехотных полках, Екатеринославском гренадерском, Старобеженском мушкетерском, начальник Тверского ополчения во 2-м казачьем пехотном полку, аттестован за отличное исполнение должности 1814, надворный советник 1812—14.

№ VIII Жена NN БОЯРСКАЯ.

№ 7 ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ, генерал-лейтенант, капитан 1798, ротмистр 1802, надворный советник 1805, Алексинский помещик (с. Луковцы), Московский домовладелец, в 1807 дал 30 р. на военные нужды. † 27 ноября и погребен 30 ноября 1840 в Московском Даниловом монастыре. 2

№ IX Жена СТЕПАНИДА ИВАНОВНА АКСАКОВА, в 1-м браке за кн. Засецким, Алексинская помещица 1812—19.

№ 8 СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ, офицер 1811, жил в 1840-х в Казанском имении Державина. 2

№ X Третья жена ПРАСКОВИЯ ИВАНОВНА N.

№ 9 ВАРВАРА ИВАНОВНА, окончила Смольный институт в 1781 (II-го выпуска), погребена в Московском Даниловом монастыре. 2

№ 10 НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ, р. 1765 (?); Ефремовский, Тарусский (с. Семейкино), Грязовецкий, Алексинский и Богородицкий помещик, из Сухопутного кадетского корпуса, награжден большой серебряной медалью 1785, поручиком в Московском карабинерном полку 1785—86, в Пермском мушкетерском 1790—92 и Козловском пехотном полках 1792; из Московского карабинерного полка вытребован в Иркутскую губернию прокурором 1786—90 с производством в коллежские ассессоры. Майор 1790, адъютант Суворова при взятии Измаила и Праги; за отличие против польских мятежников подполковник (1794) и полковник (1797), шеф полка своего имени 1799—1800 (ныне Воронежский пехотный полк); за оказанную к службе ревность генерал-майор 20 января 1792, командор ордена св. Иоанна Иерусалимского 24 января 1794; пражский крест; бригадный генерал в Белоруссии 1797—99. В отставке 1800—05; шеф Навагинского пехотного полка для введения в оном воинского порядка и дисциплины 1805; уволен в отставку за ранами 3

1809. Был в походе Польском 1795—96, против Костюшки, под Сухочинным и Песошным, где и ранен пулей в правую ногу, под Красном, при Млыне, переправе через Вислу, блокаде Варшавы, под Монсиовицами, при взятии начальника и истреблении всего корпуса, где ранен в левую ногу; за штурм Праги золотая шпага с надписью «за храбрость»; при преследовании остальных войск начальника Вовжатского и при разбитии и взятии в плен остальных генералов; в 1797 за отличие на маневрах в Москве св. Анны 4 ст.; в Итальянском походе; в 1806 в Пруссии против французов; в 1807 за Гейльсберг орден св. Георгия 4 ст.; под Сухочинным, Пултуском, Янковым, Лянсбергом, где и ранен в ступень правой ноги пулей и за отличие орден св. Владимира 3 ст.; за высадку на форвассере у крепости Вексельмунд — орден св. Анны 2 ст. с алмазами; под Ворондитеном, при защите Кёнигсберга в 1808, в Финляндии при Каупинене, Туке и Денсальме; в 1812, будучи в отставке, командуя дивизией, составленной из Московской силы, формировал 7-й пехотный казачий полк; был до самой ночи под Бородиным (Монаршее благоволение), Тарутиным, Малоярославцем, Вязьмой, Красным; начальник Калужского ополчения; затем начальник 1-й линии депо выздоровевших, коих отправлял в действующую армию; «находясь при армии во все время славной и трудной кампании 1812, везде сказывал отличную храбрость и ревность к службе» — орден св. Анны 1 ст., окружной генерал 4-го, что ныне 7-го округа внутренней стражи 1816—25; состоял по армии с оставлением в должности 1817; уволен за ранами 6 января 1825. † в с. Семейкине Тарусского у., погребен в с. Луковцы Алексинского у.; портрет его был у внука А. А. Арсеньева [№ 80 или 81].

№ XI Жена ЮЛИЯ МАКСИМОВНА ФОН КЛУТЕН, † 10 мая 1816 (1824), портрет ее был у правнучки Е. А. Херодиновой [№ 143].

№ 11 ПАВЕЛ МИХАЙЛОВИЧ, р. 1767, ему до 1800 выдан из герольдии герб, действительный статский советник (1800) и кавалер, член присутствия Департамента уделов 1810—20; почетный член и 2-й наместный мастер ложи Соединенных Друзей, 2-й надзиратель ложи Умирающего Сфинкса 1814, 2-й великий надзиратель Директориальной Ложи 1816, член ложи Владимира к Порядку, член 2 ст. ложи Орла Российского

- 1818—20; портрет у внучатого племянника Д. А. Арсеньева; холост. † 11 октября 1820, погребен на Лазаревском кладбище Александро-Невской Лавры.
- № 12 АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВНА р. 1768 † 1812, погребена с матерью в Даниловом монастыре. За Иркутским вице-губернатором, действительным статским советником АНДРЕЕМ СИДОРОВИЧЕМ МИХАЙЛОВЫМ, погребен в Даниловом монастыре. Портрет ее у внука Владимира Ивановича Михайлова [№ 88]. 3
- № 13 ЕЛИЗАВЕТА МИХАЙЛОВНА. } Богородицкие помещицы 1812. 3
- № 14 ВАРВАРА МИХАЙЛОВНА. } 3
- № 15 МАРИЯ МИХАЙЛОВНА, р. 1783 † 2 апреля 1823 в Туле. 3
- № 16 ЕВДОКИЯ МИХАЙЛОВНА. 3
- № 17 ОЛЬГА МИХАЙЛОВНА, Богородицкая помещица 1812, р. 1784 † 10 февраля 1823 в Туле. 3
- № 18 СОФИЯ МИХАЙЛОВНА, † 25 сентября 1842, Московская домовладелица, Грязовецкая помещица, за кн. АЛЕКСАНДРОМ ПЕТРОВИЧЕМ ЮСУПОВЫМ, Белевским помещиком, † до 1842, из камер-пажей, гв. поручик, заседатель Тульской гражданской палаты. 3
- № 19 ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНА. } Богородицкие помещицы 1812. 3
- № 20 НАТАЛЬЯ МИХАЙЛОВНА. } 3
- № 21 ЕКАТЕРИНА МИХАЙЛОВНА, } 3
жива в 1829.
- № 22 АННА МИХАЙЛОВНА, } Московские домовладелицы. 3
Богородицкая помещица 1812,
погребена в Даниловом монастыре.

Колено IV (XVI)

- № 23 ДМИТРИЙ НИКОЛАЕВИЧ, р. 21 ноября 1779 (1795), титулярный советник, секретарь Курляндского губернатора 1804, старший столоначальник Вологодского губернского правления 1839, куда был выслан из Москвы за азартную карточную игру, член ложи Соединенных Друзей в СПб. 1817—20; портрет его был у дочери [№ 47]; † 5 апреля 1845 (8), погребен в Московском Даниловом монастыре. 4

№ XII Жена МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА РУКИНА.

№ 24 АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ, р. 18 декабря 1790, в Семеновском полку 1810–19, когда, за возмущение в полку, переведен тем же чином в Бородинский пехотный полк, подполковник 1824, орден св. Георгия 4 ст. за Бородино, св. Владимира 4 ст. и прусский железный крест, Кульмский крест, был в сражении под Бородиным, Тарутиным, Малоюрославцем, Кульмом, Лейпцигом, взятии Парижа, Турецкой войне 1828, доходил до Адрианополя. Музыкант, масон, † 27 марта 1852, погребен с женою в Даниловом монастыре.

4

№ XIII Жена АННА АЛЕКСЕЕВНА ТАТИЦЕВА, Московская домовладелица, р. 15 февраля 1800 † 12 июня 1875.

№ 25 ФЕОДОР НИКОЛАЕВИЧ, р. 15 сентября 1795, в 1813–14 моряк, в плавании у берегов Англии и Франции, майор Семеновского полка, коллежский асессор, по выбору Московского дворянства смотритель Шереметьевского странноприимного дома в Москве, товарищ ложи Соединенных Друзей в СПб. 1818–19. Портрет его был у внучки С. С. Лачиновой [№97], погребен в Московском Покровском монастыре, † 5 июля 1845.

4

№ XIV Жена МАРИЯ СЕРГЕЕВНА СЛЕПЦОВА, р. 1803 † 15 сентября 1828, 2 портрета ее у внучки С. С. Лачиновой [№ 97].

№ 26 СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ, р. 24 июня 1801 в Митаве, Костромской помещик, внесен, как и братья, в матрикулы Курляндского дворянства и перенесен вместе с детьми из IV в VI часть Московской родословной книги, коллежский асессор, чиновник Государственной Комиссии погашения долгов 1817–23 и Московской конторы Коммерческого банка 1823. Получал неоднократные денежные награды, состоял при Московском генерал-губернаторе 1827, почетный смотритель Можайского уездного училища 1828–35, производил в 1844–45 ревизию в почтовом отношении Орловской, Санкт-Петербургской, Псковской, Витебской, Черниговской, Киевской, Вольнской, Подольской, Гродненской, Минской и Могилевской губ. Член ложи Трех Добродетелей и Ищущих Манну. Портрет работы Добровольского у правнука В. С. Арсеньева [№ 161]. † 12 июля 1860, погребен в Святых Горах Харьковской губ.

4

- № XV Жена (с 22 (25) июля 1827 (в Москве)) НАДЕЖДА ВАСИЛЬЕВНА КОМЫНИНА, р. 17 сентября 1805 в с. Субботкине Козельского у. † 5 ноября 1855, погребена в Московском Андроньевом монастыре, писательница, в переписке с А. С. Хомяковым и гр. Е. Ростопчиной, портрет ее у сыновей ее В. С. [№ 54] и А. С. Арсеньевых [№ 57] (у последнего было 2 работы Фарнезича), Можайская помещица (с. Горячкино). 4
- № 27 ЕКАТЕРИНА НИКОЛАЕВНА, р. 1793, Костромская помещица, в переписке с масоном протоиереем С. И. Соколовым, с 1857 за обербургграфом бар. ФЕОДОРОМ МЕДЕМОМ, бездетна, погребена в Даниловом монастыре.
- № 28 ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ, р. 1785, помещик Тарусского, Медынского (с. Троицкое), Тульского уездов, капитан-лейтенант 1813, в экспедиции Сенинина в Адриатическом море, в Дарданельской и Афонской битвах (1807–08); в Отечественной войне 1814–15, в Турецкой 1828–29, польском походе 1831, майор и полковник Ахтырского гусарского полка (1823–25), полковник Александрийского гусарского полка (1826), командир гусарского св. кн. Витгенштейна полка (затем Мариупольский), 1828–35; генерал-майор 1835–39, бригадный командир 1835–39, орден св. Георгия 4 ст. 1831, золотая сабля с надписью «за храбрость» 1828, знак отличия за военные достоинства 3 ст. 1828, *virtuti militari* за отличие под Шумлоу 1829, Анны 2 ст. за отличие в делах с польскими мятежниками 1831, Анна 2 ст. с импер. короною, орден св. Станислава 1 ст. 1833, Высочайшие благоволения 1828–40 (в 1831 трижды); в 1836 пожалован в Варшавской губернии майорат 1362 десятины Любания и Кудерог, приносившие 10 000 золотых; в 1826 содержался в Петропавловской крепости по подозрению в соучастии с декабристами. Бездетен, † 1 октября 1851.
- № XVI Жена МАРИЯ ДМИТРИЕВНА АРСЕНЬЕВА, р. 1 ноября † до 1841, воспитанница Смольного института, двоюродная сестра матери М. Ю. Лермонтова, дочь премьер-майора Дмитрия Васильевича Арсеньева и жены его Марии Фоминишны Мальцевой (четвероюродная тетка мужа), правнучка бригадира Вас. Ерем. Арсеньева.
- № 29 АЛЕКСАНДРА АЛЕКСЕЕВНА, р. 1788, помещица Подольского и Тульского уездов (ее Подольское имение разорено французами); с 1853 5

- владела майоратом брата [№ 28], † 31 марта 1869; за вице-консулом в Париже подпоручиком ИВАНОВЫМ, † до 1853.
- № 30 МАРИЯ АЛЕКСЕЕВНА, р. 1806, владела майоратом брата [№ 28], † 28 июня 1879, погребена в Даниловом монастыре с мужем. За Виленским губернатором, действительным статским советником МИХАИЛОМ ЛЬВОВИЧЕМ БЕГИЧЕВЫМ, р. 1795 † 12 апреля 1866. 5
- № 31 ГАВРИИЛ (ГЕОРГИЙ) ПЕТРОВИЧ, р. 2 апреля 1796, полковник, Владимирский помещик, в службе с 1814 в 23-м батальоне 24-й артиллерийской бригады, поручик конной артиллерии 1825, ротный командир Волынской бригады, захвачен в плен польскими мятежниками, орден св. Станислава 3 ст., за отличие по службе бриллиантовый перстень 1839. 6
- № XVII Жена ПЕЛАГЕЯ ВАСИЛЬЕВНА N.
- № 32 МАРИЯ ПЕТРОВНА, замужем за N. 6
- № 33 АЛЕКСАНДР ПАВЛОВИЧ, р. 1 января 1803, Костромской помещик, в службе с 1823, масон, поручик Жандармского корпуса 1832, провинциальный секретарь, Шуйский городничий. † 15 октября 1844, погребен на Троицком кладбище в Шуе (памятник «усердием Шуйских граждан»). 7
- № XVIII Жена ВАРВАРА АЛЕКСАНДРОВНА ПУСТОБОЯРОВА.
- № 35 <так!> МАРИЯ ПАВЛОВНА. 7
- № 36 АННА ПАВЛОВНА, погребена с мужем в Киевской Лавре в дальних пещерах. За Киевским комендантом, командиром лейб-гвардии Егерского полка, генералом ИОСИФОМ ИОСИФОВИЧЕМ МУСНИЦКИМ. 7
- № 37 ЕКАТЕРИНА ПАВЛОВНА, Алексинская помещица, за поручиком (1827) ВЛАДИМИРОМ АФАНАСЬЕВИЧЕМ БАХТЕРЕВЫМ. 7
- № 38 АННА СЕРГЕЕВНА (от 3-го брака), † 19 мая 1874, неграмотная, нянька детей [№ 60, 61, 62] своей двоюродной сестры Бегичевой [№ 30], отдана отцом насильно замуж за мещанина НИКОЛАЯ ИЛЬИЧА ЦАПИНА, коего отец и сдал в солдаты. Бездетная. 8
- № 39 АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ, р. 14 апреля 1817, Тульский, Калужский, Вологодский, Богородицкий, Алексинский, Ефремовский, Московский и Судогодский помещик, в 1848 домовладелец в Москве по Б. Ордынке, из пажей выпущен в Сумский гусарский полк, в коем был полковым адъютантом, ротмистр Гродненского гусарского полка, статский советник, 10

почетный мировой судья Ефремовского у., гласный Ефремовского уездного земства, Ефремовский уездный предводитель дворянства 1852—53 и Тульский губернский предводитель дворянства 1853—58, председатель Тульского комитета о крестьянском ополчении, Комиссии о пересмотре крестьянского положения 1858; командирован на коронацию 1856. Портрет его был у сына А. А. Арсеньева [№ 80 или 81] и напечатан в V т. «Дворянского сословия Тульской губернии». † 9 декабря 1872 в СПб., погребен в с. Луковцах Алексинского уезда.

№ XIX Жена (с 1847) Евдокия Алексеевна Протасова, р. 22 августа 1825 † 18 июля 1897 в с. Кольцове Ефремовского у., погребена в с. Луковцах (прежде в с. Яндовке Ефремовского у.), попечительница Тульского дома призрения о бедных, портрет у сына А. А. Арсеньева [№ 80 или 81].

№ 40 Михаил Николаевич, р. 1818 † в молодости. 10

№ 41 Елена Николаевна, р. 1814. 10

№ 42 Елизавета Николаевна, р. 1815, в 1842 окончила с шифром Смольный институт, Тарусская помещица, † в Туле, погребена в с. Луковцах Алексинского уезда. За Лукой Павловичем Родионовым, офицером Кавалергардского полка, внуком основателя Казанского института. 10

№ 43 Иван Андреевич Михайлов, действительный статский советник, р. 31 марта 1799 † 17 марта 1879, погребен в Даниловом монастыре. 12

№ XX Жена Елена Павловна Тучкова, р. 11 мая 1818 † 14 июля 1898, погребена на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры в СПб.

№ 44 Александр Андреевич Михайлов, 22 лет погребен с матерью в Даниловом монастыре. 12

№ 45 Андрей Андреевич Михайлов, р. 1828 † 11 апреля 1837, погребен в Даниловом монастыре. 12

Колено V (XVII)

№ 46 Леонид Дмитриевич, р. 1857 † 1870, холост. 23

№ 47 Серафима Дмитриевна, р. 1852, за статским советником 23

- Мечиславом Антоновичем Ивашкевичем, † до 1906, с 1906 майоратовладелица в Польше.
- № 48 НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ, р. 28 февраля 1823, служил в гусарском полку и полковником Камчатского пехотного полка, во время осады Севастополя орден св. Георгия 4 ст. и золотая сабля с надписью «за храбрость», комиссар по крестьянским делам Варшавской губ. и Мариампольского уезда Сувалкской губ., статский советник (и. д. траншейного майора в Севастополе). † 16 января 1887 (1883?). 24
- № XXI Жена ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА ЕНАКИНА, р. 1865, с 1910 в Оренбурге.
- № 49 МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА, р. 15 августа 1824 † 1882. 24
- № 50 СЕРГЕЙ ФЕОДОРОВИЧ, р. 13 января 1823, окончил Московский университет действительным студентом с серебряной медалью, канцелярии чиновник при библиотеке Московского Главного архива Министерства иностранных дел и губернский секретарь 17 ноября 1844, в канцелярии Военного министра с прикомандированием к регистратуре, и. д. помощника секретаря 1-го отделения 1847, секретарь 1850, уволен с причислением к канцелярии 4 мая 1852, уволен от службы 30 октября 1852, камер-юнкер, статский советник, советник Нижегородского губернского правления, мировой посредник Калужской губ., Медьнский помещик. Портрет был у С. С. Лачиновой [№ 97] и С. Д. Ивашкевич [№ 47]. † 1892. 25
- № XXII Жена ЕЛИЗАВЕТА МИХАЙЛОВНА ГОЛЫНСКАЯ, р. 29 января 1817 † 21 января 1877, Московская помещица, погребена в Московском Симоновом монастыре.
- № 51 НИКОЛАЙ ФЕОДОРОВИЧ, р. 23 декабря 1825, прапорщик Нижегородского драгунского полка, убит на Кавказе в экспедиции бар. Вревского. 25
- № 52 АННА ФЕОДОРОВНА, р. 10 февраля 1828 † 30 сентября 1904 в Висбадене, где и погребена на православном кладбище. 25
- № 53 ИППОЛИТ СЕРГЕЕВИЧ, р. и † 1828, 6 месяцев от роду, погребен в церковной ограде с. Тёсова Можайского у. 26
- № 54 ВАСИЛИЙ СЕРГЕЕВИЧ, р. 8 ноября 1829 в Москве † 19 июля 1915 в Москве, погребен 23 июля в Андроньевом монастыре. 26

Действительный тайный советник 1896, почетный опекун Московского присутствия Опекунского совета с 1884, попечитель Московской женской гимназии с 1896 по 22 апреля 1914. Окончил Императорское Училище правоведения с серебряной медалью 1849, служил в 7-м и 5-м департаментах Сената, старший секретарь канцелярии Министерства юстиции, чиновник особых поручений при товарище министра юстиции, инспектор казенных училищ Московского учебного округа, состоял за обер-прокурорским столом 6-го департамента Сената, гласный 1-го состава Московской городской думы, выборный от Московского дворянства для введения нового общественного управления в Москве 1863, временный управляющий Московским архивом Министерства юстиции, член Московской судебной палаты 1867–74, член Комиссии для принятия прошений на Высочайшее имя приносимых 1874 и и. д. статс-секретаря Комиссии 1874, особое Высочайшее благоволение 1874; будучи почетным опекуном, заведовал учебной частью Московских Александровского и Екатерининского институтов, Коммерческого училища, Павловской больницы и родовспомогательными заведениями. Камер-юнкер 1852, камергер 1876, бриллиантовые знаки, орден св. Александра Невского 1908, аренда в 2000 р. 1896, медаль войны 1853–56, во время Коронования 1896 был назначен отвезти большую корону Императрицы во Дворец. Высочайшая Благодарность за ревностные труды 1911. Вице-президент Миссионерского общества, обязательный почетный член Общества любителей духовного просвещения в Москве и Тульской губернской ученой архивной комиссии, действительный член Православно-Палестинского общества, писатель по духовным вопросам, в 1898 учредил в с. Красном Новосильского уезда богадельню. Московский домовладелец, Можайский, Новосильский и Новгородский помещик, владел частью посада г. Ростова и с. Курбы. Портреты его (одни работы Фарнезича 1840) у внука его В. С. Арсеньева [№ 161]. Оставил записки, розенкрейцер, в 1850 ученик, в 1852 товарищ, в 1854 мастер, в 1857 шотландский мастер, в 1861 теоретический брат. № XXIII Жена (с 31 августа 1852 в с. Красном Новосильского у.) княжна НАТАЛИЯ ЮРЬЕВНА ДОЛГОРУКАЯ, р. 10 марта 1830 в СПб.

† 8 июля 1902 в Москве, погребена в с. Красном. Устроительница и попечительница школ в с. Красном и с. Архангельском Новосильского у. и с. Курилове Нижегородской губ. Имела кавалерский крест Креста св. Гроба Господня 1896. Московская домовладелица, помещица Звенигородского у. (с. Семейково), Новосильского (с. Благодатное и Красное), Белебеевского (с. Крыкнарат), Мценского (с. Аржаное), Нижегородского (с. Курилово, Богоявление, Рождественское, Майдан, Слободское и дер. Лом, Шониha и Учеватиха), владела частью посада Ростова Великого, внесена в синодик с. Красного и Общества любителей духовного просвещения в Москве, коего была членом. Портреты ее работы Лерне, Тимашевского и М. В. Арсеньевой [№ 106] у внука В. С. Арсеньева [№ 161].

№ 55 НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ, р. 28 марта 1832, сенатор 18 декабря 1877, тайный советник. Окончил Императорское Училище правоведения. Служил в канцелярии 5-го департамента 1853, чиновник особых поручений при гр. Муравьеве-Амурском 1856—57, производил всестороннюю ревизию Нижнеудинского округа и всех присутственных мест 1857, чиновник особых поручений при Московском генерал-губернаторе и заведующий Московским губернским архивом 1860—63, член от правительства в Волоколамском, Верейском, Можайском и Рузском уездных мировых съездах 1861, член мирового суда Московской губ. 1861—63 по выбору Московского дворянства, председатель Московской палаты уголовного суда 1862—66, участник освобождения крестьян, выборный от Московского дворянства для введения нового общественного управления 1863, товарищ председателя Московского окружного суда 10 марта 1866, председатель Воронежского (30 июля 1870) и Смоленского (4 ноября 1871) окружных судов. Поэт, Новгородский и Можайский помещик, орден Белого Орла 1902 и знак в память освобождения крестьян, аренда в 2000 р. † 17 мая 1903 в Гатчине, где и погребен.

№ XXIV 1-я жена КНЯЖНА МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА ДАДИАН, р. 8 августа 1840 † 8 января 1894, московская домовладелица, погребена в Московском Даниловом монастыре.

№ XXV 2-я жена графиня АННА (НИНА) МИХАЙЛОВНА КАПНИСТ, р. 20 июля 1858, действительный член патроната при Санкт-Петербургском дамском благотворительном тюремном комитете 1912.

№ 56 ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ, р. 14 сентября 1833, генерал-адъютант 1896, адмирал 1900, член Государственного Совета 1901. Служил с 1850, окончил Морской кадетский корпус, командир дивизиона из 4 канонерских лодок в Рижской флотилии 1854, в гвардейском экипаже 1855, адъютант управления Морского министра 1855, командир парохода «Фонтанка» в 1855, в Хивинской экспедиции Бутакова 1859–60, командирован в Лондон 1860, на фрегате «Гремящий» двукратно ходил в Свинемюнде для сопровождения Ея Импер. Высоч. вел. кн. Марии Павловны, адъютант вел. кн. Константина Николаевича 1860–64. Совершил плавание старшим офицером на канонерке «Морж» мимо мыса Горн в Николаевск-на-Амуре, флаг-капитан Тихоокеанской эскадры, командирован в Пруссию для устройства Вислинской флотилии 1863, воспитатель вел. кн. Сергея (с 1864) и Павла (с 1867) Александровичей, флигель-адъютант 1855, попечитель вел. кн. Сергея (1877) и Павла (1880) Александровичей, сопровождал вел. кн. Сергея Александровича на Турецкую войну, состоял на войне при Главной квартире Государя, подарок по чину за отличное исполнение обязанностей попечителя 1885, директор Морского училища и Николаевской Морской академии 1882–86, свиты Его Величества контр-адмирал 1877, присутствовал на Коронации 1883 и 1896, командирован в Москву во время пребывания Их Величеств 1900, состоял при Шведском кронпринце 1896, короле Сиамском 1897 и сопровождал его в Швецию, короле Румынском 1899, герцоге Саксен-Кобург-Готском 1899, шахе Персидском 1900, принце Вильгельме Зюдерманландском при приезде его на свадьбу 1908. Член Адмиралтейств Совета 1896–1901. Орден св. Владимира 1 ст. 1910, бриллиантовый знак ордена св. Александра Невского 1896, орден св. Станислава 1 ст. с мечами 1878 и Анны 3 ст. за экспедицию 1859. Всемиловнейшие рескрипты 1900 и 1910., Шведские ордена Меча 1 ст. с бриллиантами и цепью, Вазы 1 ст. с цепью и Полярной Звезды 1 ст., греческий Спасителя, персидский Эмир-Туманэ 1 ст. с бриллиантами, портрет шаха, украшенный

бриллиантами, для ношения на груди и сабля, осыпанная бриллиантами, гессенский Большой крест Филиппа Великодушного, тот же орден II ст. с мечами и Людовика II ст., папский Пия IX 1 ст. со звездой, баварские Михаила 1 ст. и Короны 2 ст. со звездой и бриллиантами, итальянские Короны 1 ст. и Маврикия и Лазаря, сиамский Белого Слона 1 ст. с бриллиантами, вюртембергский Фридриха 1 ст. и Короны, французский Почетного легиона, веймарский Белого Сокола, нассауский Адольфа Нассауского за военные и гражданские заслуги, Саксен-Эрнестинского Дома 1 ст., австрийский Железной короны 2 ст., румынские Звезды 1 ст. с бриллиантами и Железный Крест за переход через Дунай, Серебряный знак Красного Креста, Серебряный знак за состояние при Главной Квартире во время Турецкой войны, медаль за Среднеазиатские походы и войны 1853–56 и 1877–78. Аренда в 1875, пожизненная пенсия в 4194 р. в 1882 по случаю бракосочетания вел. кн. Сергея Александровича и вел. кн. Елизаветы Фёдоровны, пожалован золотой табакеркой с бриллиантами с портретами Их Императорских Высочеств. Высочайшая благодарность за труды, понесенные по сооружению в Москве памятника Императору Александру III. Числился в списках Гвардейского экипажа и Морского кадетского корпуса. Член комиссии по постройке памятника Императору Александру III. Почетный член Конференции Николаевской морской академии, пожизненный почетный вице-президент Православного Палестинского Общества, почетный член Псковского Археологического общества. Действительный член Русского Генеалогического, Русского Географического обществ и Тульской архивной комиссии. Член Санкт-Петербургского Яхт-клуба и Нового клуба. Санкт-Петербургский домовладелец. Острожский, Щигровский, Малоархангельский и Можайский помещик. Автор воспоминаний и статей по мореходству. Портрет кисти бельгийского художника. † 14 сентября 1915 в Царском Селе в Китайской Деревне. Погребен 17 сентября на Казанском кладбище Царского Села.

№ XXVI Жена ВАРВАРА ВЛАДИМИРОВНА СКАРЯТИНА — фрейлина Государыни Императрицы, портрет ее у мужа. Малоархангельская, Миценская и Щигровская помещица, † 4 августа 1906 в Царском Селе, где и погребена.

- № 57 АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ, р. 8 декабря 1837. Можайский (с. Дорники) и Новгородский помещик. Гардемарин, в ополчении в Севастопольскую войну в 1855, поручик стрелкового батальона Императорской фамилии 1859. Член Бакинского окружного суда Шемахинского уезда. Военный комиссар Дагестанской области. Председатель съезда мировых судей Можайского у. Почетный мировой судья Можайского у. Медаль за войну 1853—56 и серебряная медаль на георгиевской ленте за Севастопольский юбилей. † 13 февраля 1917 в Москве, погребен 15 февраля в Московском Андроньевом монастыре. 26
- № XXVII Жена АННА ФЕОДОРОВНА МУРАШОВА.
- № 58 ЛЕВ СЕРГЕЕВИЧ, р. 1 января 1839 † 13 ноября 1842, погребен в Московском Даниловом монастыре, портрет был у брата Александра Сергеевича Арсеньева [№ 57]. 26
- № 59 ЕВГЕНИЯ СЕРГЕЕВНА, р. 30 сентября 1834 † 19 марта 1873 в Пизе, погребена с мужем в Александро-Невской лавре. Острожская и Санкт-Петербургская помещица, ей посвящены стихи Тютчевым и Хомяковым («Подвиг есть и в сраженьи...»), дружна с Самариными, Тютчевыми и Хомяковыми, с коими в переписке. Портреты у брата Дмитрия [№ 56] и внучатого племянника В. С. Арсеньева [№ 161]. С 27 сентября 1850 за Георгиевским кавалером, флигель-адъютантом НИКОЛАЕМ ВАСИЛЬЕВИЧЕМ ШЕНЩИНЫМ, р. 11 февраля 1827 † 20 июля 1858. Член Санкт-Петербургской редакционной комиссии. Директор Комиссариатского департамента. Гвардии полковник. 26
- № 60 ИВАН МИХАЙЛОВИЧ БЕГИЧЕВ, р. 1828 † 5 марта 1857 в Гатчине, погребен в Московском Даниловом монастыре. Гвардии прапорщик. 30
- № 61 АННА МИХАЙЛОВНА БЕГИЧЕВА, р. 15 июня 1825, унаследовала майорат дяди [№ 28]. † 6 августа 1870, погребена в Московском Даниловом монастыре. За МИХАИЛОМ ЯКОВЛЕВИЧЕМ ХРУЦОВЫМ, р. 3 марта 1817. 30
- № 62 СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА БЕГИЧЕВА, р. 10 сентября 1826 † 27 августа 1906, погребена с мужем в Московском Даниловом монастыре, унаследовала майорат дяди [№ 28]. За доктором-гомеопатом ПЕТРОМ ЕГОРОВИЧЕМ ЕГОРОВЫМ, р. 16 января 1811 † 22 сентября 1884. Бездетны. 30

- № 63 ПЕТР ГЕОРГИЕВИЧ, р. 10 августа 1847. 31
- № 64 НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ, р. 15 февраля 1826, утонул. 33
- № 65 АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ, р. 1 августа 1827, орден за военное отличие в Севастополе, жандармский капитан в Иркутске, † 19 февраля 1867, погребен в Московском Симоновом монастыре. 33
- № XXVIII Жена (ЕМИЛИЯ КАРЛОВНА?) ТРАПЕЗНИКОВА, во втором браке Таль. 36
- № 66 СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ, р. 3 марта 1833. 33
- № 67 МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА, р. 21 ноября 1828. 33
- № 68 АННА АЛЕКСАНДРОВНА, замужем за N N. 33
- № 69 ЛЕОНИД ИОСИФОВИЧ МУСНИЦКИЙ, офицер в Болгарии, холост. 36
- № 70 МИХАИЛ ИОСИФОВИЧ МУСНИЦКИЙ, член Географического Общества. 36
- № XXIX Жена ВЕРА ПЕТРОВНА N. 36
- № 71 ЕЛЕНА ИОСИФОВНА МУСНИЦКАЯ, за генералом ЕГОРОМ ЕРМОЛАЕВИЧЕМ БУРМАНОМ. 36
- № 72 ОЛЬГА ИОСИФОВНА МУСНИЦКАЯ, за КОНСТАНТИНОМ АЛЕКСАНДРОВИЧЕМ ДИТЕРИХСОМ. 36
- № 73 ЕЛИЗАВЕТА ИОСИФОВНА МУСНИЦКАЯ, за генералом ПАВЛОМ ИВАНОВИЧЕМ КАШНЕВЫМ. 36
- № 74 СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ БАХТЕРЕВ, р. 1828. 37
- № 75 НИКОЛАЙ ВЛАДИМИРОВИЧ БАХТЕРЕВ, р. 1829. 37
- № 76 ИВАН ВЛАДИМИРОВИЧ БАХТЕРЕВ, р. 1830, анархист-опрошенец 60-х годов. 37
- № XXX Жена ЛЮДМИЛА ЯКОВЛЕВНА ЕРОПКИНА (Байкова?). 37
- № 77 ВАРВАРА ВЛАДИМИРОВНА БАХТЕРЕВА, р. в 1833. } умерли 37
- № 78 АННА ВЛАДИМИРОВНА БАХТЕРЕВА. } в детстве. 37
- № 79 НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ, р. 30 апреля 1846 в Москве. Зачислен пажем 1856, окончил курс гимназии с золотой медалью. Доктор медицины. Оставлен при Московском университете по кафедре гистологии 1874. Приват-доцент Московского университета. Титулярный советник. Председатель местного Ефремовского санитарного комитета во время горячки и холеры 1872. В Турецкую войну, безвозмездно, 39

во главе летучего санитарного отряда Красного Креста, составленного Московским дворянством, отправился на Кавказский театр войны, где умер в Карсе от тифа и истощения сил 16 ноября 1878. В 1879 ему назначен орден св. Владимира 4-й ст. с мечами. Гласный Ефремовского уездного земского собрания 1874. Погребен в с. Луковцах Алексинского уезда. Помещик Ефремовского, Алексинского и Богородицкого уездов. Стипендия его имени для бедных Тульских дворянок была учреждена в гимназии его жены в Москве.

№ XXXI Жена, 23 мая 1873 в СПб. София Александровна Витберг, в 1-м браке за А. П. Казначеевым, р. 29 января 1840, учредительница и содержательница женской гимназии в Москве, начальницей коей состояла с 1875. Помещица Алексинского уезда. Автор учебников иностранных языков, умерла 2 августа 1913 в Крыму, погребена в с. Луковцах, Алексинского уезда.

№ 80 АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ, р. 26 мая 1849 в Москве. Член Государственного Совета с 1905. Тайный советник 1901. Записан пажем в 1856, окончил Московский университет, служил с 1872. Тульский губернский предводитель дворянства с 1885 по 1905. Почетный мировой судья Ефремовского у. с 1875. Гласный Ефремовского земства с 1874 и Тульского губернского земства с 1880. Доброволец на Сербской войне, где ранен пулей в грудь. Председатель Ефремовского съезда мировых судей. Непременный член Ефремовского присутствия по крестьянским делам 1877–80. Ефремовский уездный предводитель дворянства 1880–85. Депутат Ефремовского уезда для рассмотрения отчетов о дворянских суммах и земских повинностях 27 января 1904. Член Особой Комиссии по делам земских кредитов. Член Комиссии, образованной под председательством И. Н. Дурново, для обсуждения вопросов о положении и правах дворянства. Член Комиссии по усилению флота добровольными пожертвованиями 1904. Пожизненный почетный попечитель Тульского дворянского пансиона-приюта и Тульского дворянского вдовьего дома. Пожизненный почетный член Екатерининского сельского приюта. Член-учредитель и член совета Историко-родословного общества в Москве. Почетный член Тульской архивной 39

комиссии. Был на коронации в 1883 и 1896. Орден Белого Орла 1913, золотая табакерка с портретом Государя, украшенная бриллиантами, и высочайшая благодарность 1902, Тульским дворянством учрежден капитал его имени для поддержания дворянского землевладения. Портрет его был в Тульском дворянском собрании. Ефремовский, Лебедянский и Алексинский помещик и Ефремовский домовладелец. Построил церкви в с. Дубровке Ефремовского у. и Шишковке Лебедянского у. † 15 декабря 1914 в с. Дубровке Ефремовского у., погребен в с. Яндовке Ефремовского у.

№ XXXII 1-я жена ВЕРА АЛЕКСАНДРОВНА ШИРЯЙ, † 1886, погребена в с. Яндовке Ефремовского у., портрет был у мужа.

№ XXXIII 2-я жена в Москве АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА СЕМЕНОВА, р. 1847.

№ 81 АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ, р. 1853, 15 июня в с. Яндовке Ефремовского у., действительный статский советник в 1905. Записан пажем в 1856, из камер-пажей выпущен в л.-гв. Семеновский полк в 1872, участник Турецкой войны 1877—78, за переход через Балканы орден св. Анны 4 ст. с надписью «за храбрость», орден св. Станислава III ст. с мечами и бантом за отличие под Филиппополем 3—5 января 1878, контужен в голову. Румынский железный крест за переход через Дунай и в память участия с румынскими войсками в обложении Плевны. Штабс-капитан л.-гв. Семеновского полка 1878. Ефремовский уездный предводитель дворянства 1886. Участковый мировой судья Ефремовского у. 1881—87, почетный мировой судья с 1884. Земский начальник Ефремовского у. 1-го призыва 1890—1905, гласный Ефремовского у. и Тульского губернского. Орден св. Владимира 4 ст. 1913 и Станислава II ст. Ефремовский и Керенский помещик. † 22 мая 1916 в Ефремове, погребен 26 мая в с. Яндовке Ефремовского у.

№ XXXIV Жена с 16 февраля 1883 в Москве МАРИЯ ЛЬВОВНА ТРИШАТНАЯ, знак Красного Креста за работу в Ефремовском лазарете декабрь 1915.

№ 82 МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА, р. в Москве 7 июня 1841, жива до сих пор. Ефремовская помещица, 1877 за действительным статским советником,

- Минским помещиком Всеволодом Николаевичем Пуцциным, р. 1 мая 1851 † 18 декабря 1907 в СПб.
- № 83 Николай Лукич Родионов, холост. 42
- № 84 Александра Лукинишна Родионова, † 1920 в Москве, погребена в Московском Ново-Девичьем монастыре, за Николаем Лаврентьевичем Дриневичем. 42
- № 85 Николай Иванович Михайлов, р. 29 мая 1833 в Неаполе † 9 марта 1853 в Москве, студент Московского университета, погребен в Московском Даниловом монастыре. 43
- № 86 Павел Иванович Михайлов, р. 8 ноября 1845 † 17 октября 1847, погребен в Московском Даниловом монастыре. 43
- № 87 Александр Иванович Михайлов, р. 9 апреля 1847 † 27 апреля 1854, погребен в Московском Даниловом монастыре. 43
- № 88 Владимир Иванович Михайлов, бездетен. 43
- № XXXV Жена Екатерина Феодоровна Морева, балерина.
- № 89 Юлия Ивановна Михайлова, р. 25 мая 1857 † 29 сентября 1904, автор воспоминаний. Погребена с матерью. За Анатолием Гриппенбергом. 43
- № 90 Александра Ивановна Михайлова, ненормальная. 43

Колено VI (XVIII)

- № 91 Мария Мечиславовна Ивашкевич, за офицером Серяковым. 47
- № 92 Николай Николаевич, р. 13 ноября 1879, офицер Сибирского полка 1910, делопроизводитель службы движения Ташкентской железной дороги в Оренбурге. 48
- № XXXVI Жена Анна Феодоровна Н.
- № 93 Мария Николаевна, р. 2 ноября 1878. 48
- № 94 Любовь Николаевна, р. 11 мая 1879¹⁸. 48
- № 95 Мария (большая) Сергеевна } умерли 50
- № 96 Наталья (большая) Сергеевна } в младенчестве 50
- № 97 Софья Сергеевна, р. 31 мая 1856, помещица с. Огникова Звенигородского у., портрет был у мужа, † 16 июня 1913 в с. Огникове, погребена 18 июня в Московском Ново-Девичьем монастыре с мужем. 50

- За генерал-майором ПАВЛОМ ИВАНОВИЧЕМ ЛАЧИНОВЫМ, † в 1920 в Москве.
- № 98 МАРИЯ (МЕНЬШАЯ) СЕРГЕЕВНА, р. 15 января 1858 † 1919 в 50 Воскресенске (убита бандитами).
- № 99 НАТАЛЬЯ (МЕНЬШАЯ) СЕРГЕЕВНА, р. 3 августа 1860, Кисловод- 50 ская домовладелица, за АНДРЕЕМ КОНСТАНТИНОВИЧЕМ БУХОМ, бездетная.
- № 100 СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ, р. 1 января 1854 в СПб., тайный совет- 54 ник 22 апреля 1915, почетный опекун Московского присутствия опекунского Совета 23 марта 1916—17. Окончил Московский университет — кандидат прав и Императорский Лицей цесаревича Николая и СПб. Археологический институт с серебряной медалью, в службе с 6 февраля 1878, чрезвычайный посланник и полномочный министр при Короле Черногорском с 31 декабря 1909 и Короле Норвегии с 25 мая 1912. Камергер 1893, 30 августа был вольноопределен в л.-гв. Преображенский полк, причислен к канцелярии статс-секретаря у принятия прошений на Высочайшее имя приносимых 1878—80, чиновник сверх штата Азиатского департамента Министерства иностранных дел 18 мая 1880, 1-й секретарь Генерального консульства в Восточной Румелии и поверенный в делах в Восточной Румелии 1880—81, 1-й секретарь и поверенный в делах дипломатического агентства в Болгарии 1881—83, 2-й секретарь посольства в Берлине 1883—86, 1-й секретарь миссии в Стокгольме 1886—89 (5 раз оставался поверенным в делах), подписал телеграфную конвенцию между Россией и Швецией и Норвегией 10 июня 1891, генеральный консул в Иерусалиме 1891—97 и в Стокгольме 1897—1900, министр-резидент при Дворе Е. К. Высочества Герцога Ольденбургского и Сенатах Вольных Ганзеатических городов Гамбурга и Любека 1900—09 и Бремена 1907—09, участвовал в Священном Короновании 1896 во въезде Их Величеств в Москву и был во время Коронования в соборе дежурным камергером при несении шлейфа, порфиры Императрицы Александры Феодоровны и дежурным камергером при Императорских регалиях 15 мая 1896, при крещении дочерей Вел. Герцога Ольденбургского: в 1901 принцессы Ингеборги Алисы был представителем

Восприемницы Императрицы Александры Феодоровны и в 1903 принцессы Альтбурги-Матильды Марии Ольги — Августейшего Восприемника Государя Императора, 23 августа 1911 Высочайшее Благоволение, 1-й делегат международной конференции о Шпицбергене 1914, почетный член Православного Палестинского Общества, почетный член Совета Императорского Санкт-Петербургского археологического института, почетный член Московского археологического института, Псковского археологического общества, Псковской, Витебской, Тульской архивных комиссий, действительный член Географического общества, Русского Археологического общества, Ростовского музея, Симбирской и Рязанской архивных комиссий, Исторического общества при Московском университете, член-корреспондент Московского археологического общества и Общества истории и древностей российских, служил в Румянцевской библиотеке 1918—19; орден св. Анны 1 ст. 1913, Ольденбургского Дома за заслуги герцога Петра Фридриха Людвика большой крест, черногорский Данила 1 ст., шведский Вазы 1 ст., командорский крест со звездой и Полярной Звезды кавалерский крест, командорский крест Креста св. Гроба Господня со званием гиппотиса Гроба Господня, болгарский св. Александра командорский крест, греческий Спасителя командорский крест, сербский св. Саввы 2 ст. со звездой, Золотой Звезды 1 ст., турецкий Меджидиэ 2 ст. и Османиэ 3 ст., прусский Короны 3 ст., норвежский Олафа 1 ст., наследственная медаль 1812, черногорская медаль золотая в память юбилейных торжеств 50-летия царствования Короля Черногорского, знак в память 50-летия принятия Императрицей Марией Феодоровной участия в деятельности ведомства Имп. Марии. В отставке с 16 июля 1917, автор исторических статей, внес своих родителей и себя с семьей в синодик церкви св. Праотец в с. Пастырей близ Вифлеема 1895, Московский домовладелец (до 1910), помещик 81 десятины при с. Красном Новосильского у. и 2284 десятины при хуторе Евдокиевском в имении Татарская Степь Новохоперского у., 10 десятины (до 1901) при с. Макопсе Черноморской губ. Портрет работы Семенова у сына В. С. Арсеньева [№ 161]. † 29 августа 1922 в Москве, погребен 1 сентября в Новодевичьем монастыре.

№ XXXVII Жена (с 22 января 1882 в Москве) ЕКАТЕРИНА ВАСИЛЬЕВНА ШЕНШИНА, р. 17 мая 1858 в Москве, именной крест св. Гроба Господня и черногорская юбилейная медаль 1910, помещица 335 десятин при с. Грязновке Раненбургского у. и с. Астапове Данковского у., портрет работы Коноплева у сына В. С. Арсеньева [№ 161], председательница дамского Кружка помощи русским военнопленным в войну 1914—16 в Христиании.

№ 101 ЕЛИЗАВЕТА ВАСИЛЬЕВНА, р. 15 сентября 1855 в СПб., окончила 3-ю Московскую гимназию с золотой медалью, Московская домовладелица, Нижнедевицкая и Нижегородская помещица, ее имени стипендия в Московском попечительском о тюрьмах комитете, стипендия в 3-й Московской гимназии, сумасшедшая, † 1 апреля 1919 в Головинском монастыре близ Москвы, ее портрет у сестры ее [№ 105 или 106]. Замужем за действительным статским советником в должности гофмейстера, гр. СЕРГЕЕМ ВЛАДИМИРОВИЧЕМ ОРЛОВЫМ-ДАВЫДОВЫМ (ее двоюродный дядя), р. 1849 † 22 апреля 1905 в Киеве, погребен 31 мая 1905 в с. Отраде Московской губ., учредитель детской больницы св. Ольги в Москве, СПб. и Московский домовладелец. Московский, Орловский, Воронежский и Гаврический (Селям) помещик. Бездетен, его бюст (в детстве) и портрет в больнице св. Ольги.

№ 102 ЮРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ, р. 3 февраля 1857, в СПб., действительный статский советник 1913, камергер, старший хранитель Оружейной палаты, лейтенант гвардейского экипажа, плавал к берегам Северной Америки и в Средиземное море, где сопровождал вел. кн. Константина Константиновича; участник Турецкой войны; земский начальник 1 призыва Новосильского у. Непременный член Новосильского по крестьянским делам присутствия, статский чиновник особых поручений при Тульской губ. Редактор неофициальной части «Тульских губернских ведомостей», непрменный член Уфимского по башкирским делам присутствия, гласный Новосильского земства, член Новосильского уездного о народной трезвости комитета, почетный мировой судья Новосильского у., профессор генеалогии и геральдики Московского археологического института, уполномоченный Тульского дворянства на Всероссийском

дворянском съезде; Таврический, Новосильский и Новохоперский помещик; автор исторических статей и курса геральдики, орден св. Владимира 3 ст. и Станислава 3 ст. с мечами и бантом, румынский железный крест за переход через Дунай и румынский Звезды командорский крест, папский Пия IX 2 ст., бухарский Золотой Звезды 2 ст., сербский Белого Орла 4 ст., гессенский Филиппа Великодушного почетный крест, французский академических пальм, баварский Михаила Архангела 2 ст., черногорский Даниила 1—2 ст. со звездой, брауншвейгский Генриха Льва 2 ст., медаль полтавской и турецкой кампаний, высочайшая благодарность 6 декабря 1912. Действительный член, учредитель и член совета Исторического родословного общества, почетный член Московского археологического института, Псковского археологического общества, Псковской, Смоленской и Тульской архивных комиссий, действительный член Московского археологического общества, Русского Географического общества, Общества истории и древностей российских, Тульского статистического комитета, Комитета 12-го года в Москве, Оренбургской, Витебской, Уфимской, Ярославской и Тамбовской архивных комиссий. Член-сотрудник СПб. Археологического института и Русского Генеалогического общества. Член Комиссии по определению Русских национальных цветов в флаге. Его портрет в детстве у сестер [№ 105 и 106]. † 4 февраля 1919. Погребен в Москве.

№ XXXVIII Жена с 24 января 1882 в Москве ОЛЬГА ЛЬВОВНА ВОЛКОВА, р. 25 июня 1861. Новосильская (с. Затишье) помещица. Портрет ее напечатан при ее повести «Тетушка». Писательница. Действительный член Тульской архивной комиссии.

№ 103 АЛЕКСЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ, р. 4 марта 1859 в Москве † 5 марта 1859, погребен в Московском Андроньевом монастыре. 54

№ 104 ИОАНН ВАСИЛЬЕВИЧ, р. 7 марта 1862 в Москве. Протопресвитер храма Христа Спасителя в Москве 1922, коего настоятель и митрофорный протоиерей с января 1918. Доктор богословия с 1914 (магистр с 1898). Окончил Московскую Духовную академию. Священник с 1891. Протоиерей с 1911. Помощник инспектора Вифанской семинарии. Законоучитель Московской учительской семинарии до 1895 и Московского 54

Екатерининского института. Автор книг по богословию и церковной истории. Член Московского епархиального училищного совета. Товарищ председателя Общества любителей духовного просвещения (основанного его бабкой кн. Е. П. Долгорукой). Золотой наперсный крест в 1904, право богослужения с открытыми царскими воротами в 1921, орден св. Анны 3 ст. Действительный член Тульской архивной комиссии. Новохоперский, Новосильский и Мценский помещик. С 1923 в ссылке в Твери.

№ XXXIX Жена с 28 апреля 1891 в Сергиевом Посаде АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВНА МАРТЫНОВА, р. 30 июня 1866, окончила Фишерскую гимназию в Москве с золотой медалью, автор нескольких статей.

№ 105 НАДЕЖДА ВАСИЛЬЕВНА, р. 29 мая 1863 в Москве, в иночестве 54
Салафиила с 1 октября 1923 в монастыре «Отрада и Утешение» Серпуховского уезда при игуменье основательнице Магдалине (гр. Марии Владимировне Орловой-Давыдовой, ее двоюродной тетке). Попечительница Евлашевской богадельни в Москве. Действительный член Императорского Человеколюбивого общества и Тульской архивной комиссии. Попечительница школ с. Красного и дер. Алексеевки Новосильского у., Еромол. церковно-приходской школы <...>. Серебряная медаль в память 25-летия церковно-приходских школ. Московская домовладелица. Новохоперская, Новосильская и Мценская помещица. Писательница для народа.

№ 106 МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА, р. 28 января 1865 в Москве. Попечительница мужской школы с. Красного Новосильского у., золотая медаль 54
на Анненской ленте за деятельность по церковно-приходским школам 1908 и серебряная медаль в память 25-летия церковно-приходских школ. Несколько переводов ее было напечатано. Действительный член Тульской архивной комиссии. Московская домовладелица. Новосильская и Новохоперская помещица. † 21 декабря 1918 в Москве, погребена 23 декабря 1918 в Московском Донском монастыре.

№ 107 НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ, р. 15 февраля 1867 в Москве. Окончил 54
Московский университет с серебряной медалью, кандидат на судебную должность при Калужском окружном суде. Прапорщик артиллерии.

Податной инспектор в Ядрине, Ливнах и Обояни 1891–96. Помощник делопроизводителя Министерства государственных имуществ и земледелия 1896–97. Младший юрисконсульт того же Министерства в Кутаисе 1897–99 и Тифлисе 1899–1900. Священник в Москве в церкви Троицы в Троицком 1900–09, церкви Воскресения Словоущего 1909–13, церкви Мирона Исповедника 1913–14, храма Христа Спасителя 1914–23. Девяти мучеников 1925. Протоиерей 1916. Отправился на Дальний Восток с походным лазаретом Имп. Александры Феодоровны 1904. Золотой наперсный крест, Палица 1924. Орден св. Анны 3 ст. Устроил придел св. Сергия в церкви с. Красного Новосильского у. 1910. Автор стихотворений и богословских статей. Новохоперский и Мценский помещик. Бездетен.

№ XL Жена с 1891 в Москве кн. ХРИСТИНА СЕРГЕЕВНА ГОЛИЦЫНА, р. 29 апреля 1871, окончила Московский Екатерининский институт с золотой медалью. Автор повестей. Сестра милосердия походного лазарета Имп. Александры Феодоровны на Дальнем Востоке 1904. Помещица Семеновского, Астраханского и Звенигородского уездов (с. Ямищево).

№ 108 ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ, р. 9 июля 1868 в Москве, окончил Московский университет, статский советник. Причислен к собственной е. и. в. канцелярии по учреждениям Имп. Марии 1912. В отставке 1916, до того: земский начальник Волоколамского у. 1894–96, непреременный член Калужского отделения Дворянского и Крестьянского поземельного банка 1896–1904. Старший делопроизводитель Государственного дворянского банка. Был на коронации 1896 с волостными старшинами. Орден св. Станислава 3 ст. Член совета Обществ Славянской Взаимности 1912 и действительный член Калужской архивной комиссии 1914–15. Задержан с женой в плену в Германии. Новохоперский, Новосильский помещик. Гатчинский домовладелец. † 26 марта 1921 в сумасшедшем доме близ ст. Столбовая Московской губ., где и погребен. Бездетен.

№ XLI Жена с 27 января 1896 в Москве кн. ВАРВАРА ВАСИЛЬЕВНА ОБОЛЕНСКАЯ (его троюродная сестра), р. 10 апреля 1872 в Москве, издательница в Москве 1923.

- № 109 СЕРГЕЙ ДМИТРИЕВИЧ, р. 9 апреля 1873, камер-юнкер в 1903, 56
 коллежский ассессор. Причислен к Государственной канцелярии. Почет-
 ный мировой судья и гласный Малоархангельского у., поручик л.-гв.
 Преображенского полка. Был на коронации 1896. Будучи призван из
 запаса, состоял в распоряжении вел. кн. Бориса Владимировича 1916.
 Помощник попечителя Голицынской больницы в Москве. Младший
 делопроизводитель 7-го класса Государственной Канцелярии 1913. Член
 Комиссии по постройке православного храма в Ницце 1913. Орден
 Станислава 2 ст., румынский Звезды 3 ст., сиамский Белого Слона 3 ст.
 Цигровский, Малоархангельский помещик.
- № XLII Жена с 18 июля 1910 в с. Дубровицах Подольского у. МА-
 РИЯ ПЕТРОВНА ИЗВОЛЬСКАЯ, р. 2 марта 1897, фрейлина Высоч. Двора.
 В разводе в 1924, классная дама в пансионе близ Парижа.
- № 110 ИВАН ДМИТРИЕВИЧ, р. 10 июня 1874. Учился в Царскосельс- 56
 кой гимназии, слабоумный. † 15 ноября 1919 в Детском Селе, где и
 погребен.
- № 111 МАРИЯ ДМИТРИЕВНА, р. 25 февраля 1877 в СПб., крещена 20 мар- 56
 та (восприемником был вел. кн. Павел Александрович), † 29 декабря
 1882, погребена в СПб. Александро-Невской Лавре, Тихвинское клад-
 бище Полежаевской церкви.
- № 112 НАДЕЖДА ДМИТРИЕВНА, р. 28 апреля 1885, фрейлина Высоч. 56
 Двора.
- № 113 АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВНА, р. 17 февраля 1886, окончила 57
 гимназию Арсеньевой в Москве с золотой медалью. Учительница
 математики в Московской 3-й гимназии 1908–12. Заведующая дет-
 ской колонией близ Сергиева Посада. С 28 июля 1913 в Москве за
 доктором ПАВЛОМ ЭМЕРИКОВИЧЕМ СТАНЕВИЧЕМ, участником войны
 1914–18.
- № 114 НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ, р. 14 ноября 1888, окончил 1-ю 57
 Московскую гимназию с золотой медалью, приват-доцент Московского
 университета по кафедре истории русского права 1917. Служил в Мос-
 ковском архиве Министерства юстиции, заведовал детской колонией близ
 Цскакова.

- № XLIII Жена с 19 мая 1913 КИРА ВСЕВОЛОДОВНА ХРЕБТОВА, классная дама Московской 5-й гимназии, воспитательница детской колонии близ ст. Химки 1925, в разводе.
- № 115 МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ ХРУЦОВ, р. 17 марта 1847 † 8 апреля 1898, погребен в Московском Даниловом монастыре, бездетен. 61
- № 116 ЗИНАИДА АЛЕКСАНДРОВНА, р. 15 мая 1859, за ФОН ГАРТЕВЕЛЬДОМ, в разводе. 65
- № 117 МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА, за МИХАИЛОМ ПАВЛОВИЧЕМ ДЯГИЛЕВЫМ. 65
- № 118 НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ МУСНИЦКИЙ. 70
- № XLIV Жена N N.
- № 119 ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА МУСНИЦКАЯ. 70
- № 120 ЛЕОНИД КОНСТАНТИНОВИЧ ДИТЕРИХС, художник. 72
- № XLV Жена ПИЯ РОЗЕТТИ-КАТТАЛИНИ.
- № 121 АННА КОНСТАНТИНОВНА ДИТЕРИХС, писательница. Крапивенская помещица. За ВЛАДИМИРОМ ГРИГОРЬЕВИЧЕМ ЧЕРТКОВЫМ, писателем, общественным деятелем. 72
- № 122 ЕЛЕНА КОНСТАНТИНОВНА ДИТЕРИХС, † 1918, в первом браке за статс-секретарем, сенатором ИВАНОМ ГРИГОРЬЕВИЧЕМ ШЕГЛОВИТОВЫМ, министром юстиции, председателем Государственного Совета, † 1918, его 2-я жена, в разводе, во втором браке за кн. Алекс. Алексеевичем Оболенским. 72
- № 123 ВЛАДИМИР КОНСТАНТИНОВИЧ ДИТЕРИХС, адмирал. 72
- № XLVI 1-я жена ЕКАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА СУСАЛИНА.
- № XLVII 2-я жена ЕЛИЗАВЕТА ФЕОДОРОВНА КОСТЮШКО-ВАЛЮЖИНИЧ.
- № 124 АЛЕКСАНДР КОНСТАНТИНОВИЧ ДИТЕРИХС, офицер Новороссийского драгунского полка, † 1888 самоубийцей. Холост. 72
- № 125 МАРИЯ КОНСТАНТИНОВНА ДИТЕРИХС, умерла в детстве. 72
- № 126 ИОСИФ КОНСТАНТИНОВИЧ ДИТЕРИХС. Толстовец. Шелковод. 72
- № XLVIII Жена АННА МАТВЕЕВНА ОРНАТСКАЯ.
- № 127 ОЛЬГА КОНСТАНТИНОВНА ДИТЕРИХС. Тульская помещица, за гр. АНДРЕЕМ ЛЬВОВИЧЕМ ТОЛСТЫМ, † 1916 в Петербурге. В разводе, 72

- его вторая жена Екатерина Васильевна Горяинова, разведенная Арцимович.
- № 128 МИХАИЛ КОНСТАНТИНОВИЧ ДИТЕРИХС, генерал. 72
- № XLIX Жена МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА ПОВАЛО-ШВЫЙКОВСКАЯ, приняла фамилию Хлюстиной.
- № 129 НИКОЛАЙ КОНСТАНТИНОВИЧ ДИТЕРИХС, глухонемой. 72
- № 130 МАРИЯ КОНСТАНТИНОВНА ДИТЕРИХС, без вести пропала, за испанским артистом ДЕ-ФЕРРАН. 72
- № 131 СЕРГЕЙ ПАВЛОВИЧ КАШНЕВ, офицер Преображенского полка, мировой посредник Виленской губ. 73
- № L Жена N N.
- № 132 МАРЬЯ ПАВЛОВНА КАШНЕВА за генералом НИКОЛАЕМ ХОМЕНКО. 73
- № 133 АННА ПАВЛОВНА КАШНЕВА за полковником ГРЕБЕ. 73
- № 134 ЕЛИЗАВЕТА ПАВЛОВНА КАШНЕВА за БЕРЕНСОМ. 73
- № 135 ЕЛЕНА ПАВЛОВНА КАШНЕВА за генералом МАТВЕЕВЫМ, расстрелян в Крыму. 73
- № 136 ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ БАХТЕРЕВ — инженер. 76
- № LI Жена АННА ЯКОВЛЕВНА ЛИВЕНЦОВА.
- № 137 АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ, р. 12 сентября 1874 в Москве, окончил естественный и медицинский факультеты Московского университета, оставлен при университете для приготовления к профессорскому званию, врач-хирург. Земский врач Алексинского у. Гласный Тульской губ. и Алексинского и Богородицкого уездных земств. Преподаватель географии в гимназии жены. Алексинский (с. Луковицы) и Богородицкий помещик. Действительный член Русского Географического общества и Тульской архивной комиссии. Помощник Тульского губернского комиссара март 1917. Председатель Правления Тульского общества кредитных и ссудно-сберегательных товариществ Тульской губ. 1917–19. Кандидат в Учредительное Собрание по списку № 9 кооператив. Тульской губернии. Казначей Просветительского общества Ясная Поляна, редактор и автор статей в «Известиях Тульской кооперации».

- № ЛII ВАРВАРА ВАСИЛЬЕВНА БИБИКОВА, р. 25 сентября 1875, учительница Арсеньевской гимназии в Москве. Учредительница и начальница училища в Москве, а с 1910 то же женской гимназии в Туле. Тульская домовладелица.
- № 138 СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ } от первого брака, † во младенчестве, по- 80
 № 139 ВЕРА АЛЕКСЕЕВНА } гробены в с. Яндовке Ефремовского у. 80
 № 140 АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ, от второго брака, р. 30 июля 1892 в 80
 Москве, окончил Петербургский университет и Николаевское Кавалерийское училище, к коному был прикомандирован. В войну 1914—18 офицер Дикой дивизии. Затем в эмиграции в Югославии.
- № ЛIII Жена (в Константинополе) ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА БУТЛЕРОВА, в первом браке за своим двоюродным братом Бутлеровым. Художница.
- № 141 АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ, р. 20 декабря 1883 в с. Яндовке 81
 Ефремовского у., паж, † в Москве 15 апреля 1898, погреб. в с. Яндовке Ефремовского у.
- № 142 СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ, р. 25 мая 1887 в с. Яндовке Ефре- 81
 мовского у. † 1895, погребен в с. Яндовке.
- № 143 ЕКАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА, р. 15 ноября 1890 в с. Яндовке, 81
 Ефремовская помещица и домовладелица, с июня 1909 в Москве за Владимиром Ивановичем Жеродиновым, р. 1877, член Тульской губернской земской управы, депутат дворянства Тульского уезда.
- № 144 МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА, † 1891, погребена в с. Луковцы Алек- 81
 синского у.
- № 145 АЛЕКСАНДР ВСЕВОЛОДОВИЧ ПУЩИН, окончил Петербургский 82
 университет, почетный мировой судья Новгород-Северского у.
- № LIV Жена ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА ТРИФАНОВСКАЯ, сестра мужа
 № 147.
- № 146 ВСЕВОЛОД ВСЕВОЛОДОВИЧ ПУЩИН, р. 28 сентября 1883, паж, 82
 адъютант л.-гв. Конного полка, убит в атаке 6 августа 1914.
- № LV Жена гр. ЕЛЕНА КОНСТАНТИНОВНА КЛЕЙНИМХЕЛЬ, во втором
 браке за кн. Николаем Петровичем Трубецким, разведены. В эмиграции
 во Франции.

- № 147 МАРИЯ ВСЕВОЛОДОВНА ПУЩИНА, за АЛЕКСАНДРОМ МИХАЙЛОВИЧЕМ ТРИФАНОВСКИМ, председателем Новгород-Северской уездной земской управы (сын врача-гомеопата), бездетны. 82
- № 148 ЕВДОКИЯ ВСЕВОЛОДОВНА ПУЩИНА, †1920. За камер-юнкером ПЕТРОМ ИВАНОВИЧЕМ МЕДВЕДЕВЫМ, р. 24 сентября 1874, бездетны. 82
- № 149 ОЛЬГА ВСЕВОЛОДОВНА ПУЩИНА, р. 25 октября [1886], за полковником бар. АЛЕКСАНДРОМ ЛЮДВИГОВИЧЕМ НОЛЬКЕНОМ, р. 29 августа 1879. 82
- № 150 ЕЛИЗАВЕТА НИКОЛАЕВНА ДРИНЕВИЧ; в первом браке за АЛЕКСАНДРОМ ИОСИФОВИЧЕМ ТРИШАТНЫМ, во втором браке за Белевским предводителем дворянства бар. МИХАИЛОМ ПАВЛОВИЧЕМ ЧЕРКАСОВЫМ, † 1922, погребен в Московском Ново-Девичьем монастыре. 84
- № 151 АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВНА ДРИНЕВИЧ, инспектор Арсеньевской гимназии в Москве. 84
- № 152 НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ ДРИНЕВИЧ, офицер Астраханского полка, бездетен. 84
- № LVI Жена ЕЛЕНА ИВАНОВНА ПРЬХУНОВА. 84
- № 153 ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ ДРИНЕВИЧ, † 1918. 84
- № LVII Жена ИРИНА ДМИТРИЕВНА КУЗНЕЦОВА. 84
- № 154 СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ДРИНЕВИЧ. 84
- № 155 МАРИЯ НИКОЛАЕВНА ДРИНЕВИЧ, учительница Арсеньевской гимназии в Москве. 84
- № 156 ЕВДОКИЯ НИКОЛАЕВНА ДРИНЕВИЧ, † в детстве. 84
- № 157 ЕЛЕНА АНАТОЛЬЕВНА ГРИППЕНБЕРГ, ненормальная. 89

Колено VII (XIX)

- № 158 НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ, р. март 1910. 92
- № 159 АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. 92
- № 160 ИВАН ПАВЛОВИЧ ЛАЧИНОВ, окончил Лицей цесаревича Николая. Вольноопределяющийся Преображенского полка, чиновник особых поручений в Ярославле. В войну 1914—18 офицер. Был в плену в Австрии, служил в Красной Армии и Наркомюсте в Крыму 1925, бездетен. 97

№ LVIII Жена ПЕЛАГЕЯ ДЕМЬЯНОВНА ВЕТРИЦКАЯ, в первом браке N N, учительница.

№ 161 ВАСИЛИЙ СЕРГЕЕВИЧ, р. 14 марта 1883 в Софии. Окончил гимназический курс Лицея цесаревича Николая с золотой медалью и университетский с дипломом 1-й ст., причислен к Московскому Главному архиву Министерства иностранных дел 17 ноября 1904. Младший штатный и старший сверхштатный чиновник особых поручений при Владимирском губернаторе 1904—05, юридический советник Седецкого губернского правления 1905—06. Причислен ко второму департаменту Министерства иностранных дел 1906—07. Причислен к 1-му департаменту Министерства иностранных дел 1907—08, выдержал дипломатический экзамен декабрь 1906. Советник Витебского губернского правления 1908—10. Непременный член Тульского губернского присутствия 1910—15. Помощник уполномоченного Российского общества Красного Креста при Тульском окружном эвакуационном пункте 1915. Псковский вице-губернатор 1915—17. Председатель и учредитель Витебской, Тульской и Псковской архивных комиссий и Седецкого отдела Историко-родословного общества. Секретарь Русского генеалогического общества 1906—08. Юнкер Александровского военного училища 1917, сражался у Никитских ворот и в Кремле 1917, где был контужен в голову. Вольноопределяющийся Конно-артиллерийской дивизии в Орле 1917—18, служащий Орловского Пленбежа и Московской школы маскировки. Заведующий юридической частью Орловского Совета кооперативных съездов. Профессор Московского Археологического института по кафедрам генеалогии и геральдики 1920—22, лектор французского языка на факультете общественных наук 1-го Московского университета 1923—24. Преподаватель Московской кавалерийской школы, Московской Высшей артиллерийской школы, школы Октябрьской железной дороги, 1-го Московского института социального перевоспитания, школы грамоты Московского Белостокского госпиталя, научный сотрудник Главного архива и Румянцевской библиотеки. Служил в Наркомземе и Комиссии по охране памятников старины и искусства при Моно, генеалог, автор исследований по генеалогии и истории. Служил 100

на сельскохозяйственной выставке в Москве. Орден св. Владимира 4-й ст. за труды при условиях военного времени 1 января 1917. Анна II и III ст., Станислав II ст., Черногорский Даниил 4 ст., знак отличия за труды по землеустройству, знак Красного Креста, медаль за мобилизацию 1914, знак 1 ст. Татьянинского Комитета и Тамбовской архивной Комиссии. Жетон Тульской архивной комиссии. Серебряный знак Русского Военно-исторического общества, Общества спасания на водах, Комитета воздушного флота, Общества ревнителей истории, камчатского братства II ст., золоченый знак детских приютов, Бородинского Общества охраны памятников, Холмско-Богородицкого Братства III ст. Почетный член Екатерининского Сельского попечительства. Действительный член Витебского и Тульского статистических комитетов. Почетный член Московского археологического института, Псковского археологического общества (и член Совета его), Псковской и Тульской архивных комиссий, Орловского церковно-археологического исторического общества. Член-сотрудник СПб. археологического института и Московского археологического общества. Пожизненный член Витебской архивной комиссии. Пожизненный член совета и действительный член Историкородословного общества. Пожизненный почетный председатель Тульской архивной комиссии. Пожизненный член Тульского и Псковского окружного Спасания на водах (в Пскове — председатель) и Тульского и Псковского отделения Российского Общества Красного Креста. Действительный член Общества истории и древностей российских, Русского военно-исторического общества, Русского географического общества, Русского генеалогического общества, Общества ревнителей истории, Курляндского общества генеалогии, геральдики и сфрагистики, Православно-Палестинского общества, Русского евгенического общества, Союза архивных деятелей, Общества защиты памятников старины и искусства, Комиссии Старая Москва, Общества изучения русской усадьбы, Московского общества сельского хозяйства, Московского библиографического общества, Общества друзей книги и любителей старины, Общества возрождения художеств Руси, Тульской епархиальной палаты древностей, Новгородского общества любителей древности, Нижегородской,

Владимирской, Смоленской, Оренбургской, Черниговской, Саратовской, Пермской, Тамбовской, Курской, Костромской, Орловской, Ставропольской, Таврической и Холмской архивных комиссий, Воронежской, Псковской и Калужской церковно-историко-археологических комиссий, Тульского общества любителей естествознания, Орловского Ломоносовского общества (учредитель), Бородинского общества, Общества потомков участников 12 года, Холмского Православного Богородицкого братства, Камчатского братства и Витебского Владимирского братства (был товарищем председателя), член совета Псковского и Тульского обществ сестер милосердия и Тульского и Псковского отделений Елизаветинского и Татьянинского Комитета, товарищ председателя Псковского отделения пожертвований Русского миссионерского общества и правления Российского Общества Красного Креста.

ЛІХ Жена с 4 июня 1908 в селе Красном Новосильского у. ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА НАРЫШКИНА, р. в селе Егорьевском Орловского у. 14 февраля 1882. С 1907 фрейлина Государыни Императрицы, сестра милосердия в Петербурге во время Русско-японской войны и Туле, Пскове, Москве и Орле во время войны 1914—18. Работала в складе императрицы Александры Феодоровны 1904—05. Заведовала лазаретом бар. Корф в СПб. 1905. Секретарь Общества повсеместной помощи раненым воинам в СПб. 1907—08, попечительница Приюта подкинутых детей 1909—10, помощница председателя Тульского попечительства о глухонемых 1910—15, попечительница Алексеевского лазарета в Туле 1915—16 и 3-го госпиталя в Пскове 1916—17. Председательница Псковского благотворительного Мариинского общества и попечительства слепых и товарищ председателя Псковской общины Красного Креста. Дежурная фрейлина на свадьбе вел. кн. Марии Павловны 1908. Член совета Витебской, Тульской и Псковской архивных комиссий, сестра милосердия в больницах и клиниках в Орле и Москве 1919—21. Делопроизводитель в Наркомфине 1921—22, знак Красного Креста и попечительства слепых, жетон склада императрицы Александры Феодоровны. Медаль войны 1904—05. Почетный член Тульской архивной комиссии, действительный член Витебской и Псковской архивных комиссий, Псковского

археологического общества, Орловского Ломоносовского общества и Историко-родословного общества в Москве. Портреты работы Висковатовой и Коноплева у мужа. Член Тульского и Псковского отделений Елизаветинского и Татьянинского комитетов.

№ 162 НАТАЛЬЯ СЕРГЕЕВНА, р. 29 июля 1884 в Берлине, окончила 100
4-ю Московскую женскую гимназию с большой золотой медалью, кончила Высшие Женские курсы в Гамбурге. Знак за работу в складе вел. кн. Елизаветы Феодоровны в Москве в войну 1904–05. Действительный член Витебской и Тульской архивных комиссий, имеет черногорскую юбилейную медаль, сестра милосердия Никольской общины в Москве 1915–17 и в санатории для русских военнопленных офицеров в Дании в Хорсерэде 1917. Учительница в Большом селе Рыбинского у. и показательной школе Моно в Москве 1924–25. Научный сотрудник Московского колонизационного института 1924–25. Несколько ее статей напечатано. С 4 сентября 1917 в Копенгагене за прапорщиком 129-го Бессарабского пехотного полка ИВАНОМ ИВАНОВИЧЕМ БАЛУЕВЫМ, р. 21 мая 1891, СПб. домовладелец, Угличский помещик. Участник войны 1914–17, орден св. Анны 4 ст. за храбрость. В разъезде с 1923.

№ 163 НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ, р. 16 мая 1888 в Стокгольме, окончил 100
гимназический курс Московского лицея цесаревича Николая с золотой медалью. Профессор историко-филологического факультета Московского университета, университета Шанявского, Высших Женских курсов в Москве, университетов в Саратове, Ярославле и Нижнем Новгороде, помощник уполномоченного дворянского санитарного поезда 1904, уполномоченный головного отряда Пуришкевича, уполномоченный Рязанского передового отряда 1916, уполномоченный Земского союза Южного фронта; на Дону 1917–18. Профессор и лектор Кёнигсбергского университета. Доктор философии там же 1924, профессор Русской Духовной академии в Париже 1925. Георгиевская медаль 4 ст. март 1916 и черногорская медаль за ревность. Действительный член Витебской, Тульской и Псковской архивных комиссий, Общества любителей духовного просвещения, Общества истории всеобщей литературы. Член-сотрудник

Общества любителей естествознания и антропологии, поэт. Автор трудов по философии и истории литературы.

№ LX Жена с 11 сентября 1919 в Москве МАРИЯ СИМОНОВНА ШИЛКАРСКАЯ, профессор Московского университета, Высших Женских курсов и университета Шанявского, † 3 августа 1921 в имении Иодзяны Паневежского у. в Литве, где и погребена на Старом кладбище.

№ 164 ЮРИЙ СЕРГЕЕВИЧ, р. 30 июля 1890 в Стокгольме. Окончил 100 гимназический курс и университетский Лицея цесаревича Николая с двумя золотыми медалями. Старший кандидат на судебную должность при Московском окружном суде. И. д. товарища прокурора Московского окружного суда. Прапорщик артиллерии 53-й артиллерийской бригады. Цензор в Тильзите во время русской оккупации в августе 1914, в составе 2-го корпуса. В феврале 1915 взят в плен в Германию. Орден св. Анны 4 ст. с надписью «за храбрость», св. Станислава 3 ст. с мечами и бантом, ранен в левую руку в отряде кн. Ливена 1919 (?). Действительный член Тульской и Псковской архивных комиссий. Служит в банках в Цетинье и Белграде 1921–25.

№ LXI Жена с 15 июля 1922 в Саввинском монастыре близ Бокка ди Каттаро ИРИНА ВАСИЛЬВЕНА МАРАЕВА, р. 6 августа 1895 в Криенсе близ Люцерна, англичанка, окончила в 1912 с золотой медалью гимназию Протопоповой в Москве и Высшие женские курсы. С 1915 сестра милосердия. В разъезде.

№ 165 ВЕРА СЕРГЕЕВНА, р. 6 мая 1893 в Иерусалиме, крестница патр- 100 риарха Герасима I, имеет крест св. Гроба Господня и черногорскую юбилейную медаль. Окончила 4-ю Московскую гимназию с большой золотой медалью и Высшие Женские курсы. Научный сотрудник Главархива. Служила в Наркомземе. В ссылке в Архангельске, Холмогорах и Соловках 1922–25. Действительный член Тульской архивной комиссии. Несколько переводов ее и статей напечатано в норвежских и русских газетах. Портреты ее и сестры ее Анны работы Ферхольма, Мейер и Теттерман были у родителей.

№ 166 СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ, р. и † 10 февраля 1895 в Москве, погребен 100 в Московском Покровском монастыре.

- № 167 АННА СЕРГЕЕВНА, р. 19 июля 1897 в Москве. Окончила 4-ю 100
 Московскую женскую гимназию, имеет черногорскую юбилейную ме-
 даль. Действительный член Тульской архивной комиссии. Несколько
 переводов ее и статей напечатано в норвежских и русских газетах. Служила в Главпрофобре и Московской товарной бирже. В ссылке в Архангельске, Холмогорах и Соловках (дважды) с 1922–25.
- № 168 НАТАЛЬЯ ЮРЬЕВНА, р. 28 ноября 1882 † 30 ноября 1882, по- 102
 гробена в Московском Новодевичьем монастыре.
- № 169 N ЮРЬЕВНА } † в младенчестве, погребены 102
 № 170 N ЮРЬЕВНА } в Орле на Крестит. кладбище. 102
- № 171 МАРИЯ ЮРЬЕВНА, р. 1888 † 9 сентября 1897 в селе Затишье 102
 Новосильского у., погребена в с. Красном Новосильского у.
- № 172 ЛЕВ ЮРЬЕВИЧ, р. 22 февраля 1890, студент Московского уни- 102
 верситета. Вольноопределяющийся Черниговского и Белорусского гусарского полка. Корнет (1.1.1.) л.-гв. конной артиллерии, участник войны 1914–18, походов Керенского и Деникина. Товарищ председателя Павловского городского самоуправления 1917. Домовладелец в Павловске, Новосильский помещик. Эмигрант в Юго-Славии.
- № LXII Жена с 21 июля 1913 в с. Красном Новосильского у. НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА ШЕПЕЛЕВА-ВОРОНОВИЧ, р. 17 июля 1887, окончила с золотой медалью гимназию кн. Оболенской в СПб.
- № 173 МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ, р. 3 февраля 1894, окончил Московский 102
 университет, служил в Купеческом Московском банке, на Московской Казанской железной дороге, в управлении Красного Креста и заведовал музеем на Мещанской, служил в Аре.
- № LXIII 1-я жена (с 13 ноября 1920 в Москве) ОЛЬГА ПЕТРОВНА ОРЛОВА, р. в июле 1898 в Варнавине, с 1921 в разводе, во 2-м браке за N N.
- № LXIV 2-я жена (с 16 апреля 1923 в Москве) АННА АЛЕКСАНДРОВНА ЕРШОВА, р. 4 июня 1896, окончила гимназию Пуссен в Москве, служила в Аре в Москве.
- № 174 АЛЕКСАНДРА ЮРЬЕВНА, р. 19 апреля 1899 в Москве, окончила 102
 гимназию Алферовой в Москве с золотой медалью в 1917, служила в

- Институте Карла Маркса 1924—25, в Аре и учительницей в школе при Никольской мануфактуре 1921—22.
- № 175 СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ, р. 23 сентября 1894 в Москве, окончил 104 3-ю Московскую гимназию с золотой медалью и Московский университет с золотой медалью, оставлен при Московском университете для подготовки к профессорскому званию, служил в Румянцевской библиотеке, несколько его рецензий напечатано.
- № LXV Жена (с 15 января 1923 в Москве) ЕЛИЗАВЕТА НИКОЛАЕВНА КАРЖАВИНА, р. 12 июня 1898 в Москве. Окончила гимназию Констан.
- № 176 МАРИЯ СЕРГЕЕВНА, р. 19 мая 1912 в СПб., ученица пансиона 109 близ Парижа.
- № 177 ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ, р. 23 сентября 1915 в СПб. 109
- № 178 АННА ПАВЛОВНА СТАНЕВИЧ. 113
- № 179 ВСЕВОЛОД НИКОЛАЕВИЧ, р. 6 сентября [1916] в Москве. 114
- № 180 N N ГАРТЕВЕЛЬД, собиратель песен о каторге. 116
- № 181 ОЛЬГА ЛЕОНИДОВНА МУСНИЦКАЯ, с 1924 за N N (итальянец). 120
- № 181а ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА [ЧЕРТКОВА], † младенцем. 121
- № 182 ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ ЧЕРТКОВ. 121
- № LXVI Жена МАТРЕНА ПАВЛОВНА КУЗЕВИЧ.
- № 183 КОНСТАНТИН ИВАНОВИЧ ЦЕГЛОВИТОВ, холост. 122
- № 184 КНЯЖНА ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА ОБОЛЕНСКАЯ, за кн. НИКОЛАЕМ АЛЕКСАНДРОВИЧЕМ ОБОЛЕНСКИМ, бездетны. 122
- № 185 КНЯЖНА ЗОЯ АЛЕКСЕЕВНА ОБОЛЕНСКАЯ, за БАКЕЕВЫМ. 122
- № 186 КНЯЖНА МАРИНА АЛЕКСЕЕВНА ОБОЛЕНСКАЯ за кн. ДМИТРИЕМ КРОПОТКИНЫМ. 122
- № 187 КНЯЗЬ МИХАИЛ АЛЕКСЕЕВИЧ ОБОЛЕНСКИЙ, холост. 122
- № 188 ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ ДИТЕРИХС, от 1-го брака, авиатор в Абиссинии при императоре Абиссинии. 123
- № LXVII 1-я жена (с апреля 1912) ЮЛИЯ ВАСИЛЬЕВНА ЭССЕН, разведены.
- № LXVIII 2-я жена N N.
- № 189 ДМИТРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ДИТЕРИХС (от 1-го брака). 123

- № LXIX Жена ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА БЛИНОВА. 123
- № 190 Илья Владимирович ДИТЕРИХС (от 1-го брака). 123
- № LXX Жена N N БАРСОВА.
- № 191 Анна Владимировна ДИТЕРИХС (от 1-го брака), за [Н.] Су- 123
САЛИНЫМ (двоюродный брат).
- № 192 ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА ДИТЕРИХС (от 2-го брака). 123
- № 193 Гр. СОФИЯ АНДРЕЕВНА ТОЛСТАЯ, за СЕРГЕЕМ МИХАЙЛОВИ- 127
ЧЕМ СУХОТИНЫМ, разведенным с Ириной Энери.
- № 194 Гр. Илья Андреевич ТОЛСТОЙ, студент в Америке. 127
- № LXXI Жена ВЕРА ИЛЬИНИЧНА СИДОРКОВА (в разводе).
- № 195 Николай Михайлович ДИТЕРИХС, артист Художественного 128
Театра (Горчаков).
- № LXXII Жена N N, артистка Художественного театра.
- № 196 Наталья Михайловна ДИТЕРИХС, за N N ЕРЕМЕЕВЫМ. 128
- № 197 МАРГАРИТА ДЕ-ФЕРРАН. 130
- № 198 РАФАИЛ ДЕ-ФЕРРАН. 130
- № 199 Николай Николаевич ХОМЕНКО. 132
- № 200 Ирина Николаевна ХОМЕНКО. 132
- № 201 Татьяна Николаевна ХОМЕНКО. 132
- № 202 Нина ГРЕБЕ, за N N АЛЕКСАНДРОВСКИМ. 133
- № 203 Олег Владимирович БАХТЕРЕВ. 136
- № 204 Игорь Владимирович БАХТЕРЕВ. 136
- № 205 Николай Александрович, р. 7 мая 1903, студент медицины 137
Московского университета.
- № 206 Татьяна Александровна, р. 18 октября 1904 в Москве, сту- 137
дентка Каширского техникума.
- № 207 Василий Александрович, р. 20 ноября 1906, студент Кашир- 137
ского техникума.
- № 208 Алексей Александрович, р. в июне 1907. 137
- № 209 Виктор Александрович, р. в июле 1908. 137
- № 210 N АЛЕКСЕЕВИЧ. 140
- № 211 Николай Владимирович ХЕРОДИНОВ. 143
- № 212 Алексей Владимирович ХЕРОДИНОВ. 143

№ 213	Александр Владимирович Хероудинов.	143
№ 214	Владимир Владимирович Хероудинов.	143
№ 215	Мария Александровна Пуцина.	145
№ 216	София Александровна Пуцина.	145
№ 217	Александра Александровна Пуцина.	145
№ 218	Елена Всеволодовна Пуцина.	146
№ 219	Баронесса Анастасия Александровна Нолькен, р. 11 февраля [].	149
№ 220	Баронесса Евгения Александровна Нолькен.	149
№ 221	Лев Александрович Тришатный, чиновник особых поручений при Тульской губ. Холост.	150
№ 222	Александр Александрович Тришатный, земский начальник Ефремовского у.	150
№ LXXIII	Жена Ольга Дмитриевна Бибикова (в разводе).	
№ 223	Ольга Владимировна Дриневиц, за Дмитрием Дмитриевичем Дриневицом (троюродный брат).	153
№ 224	Лидия Владимировна Дриневиц.	153
№ 225	Александра Владимировна Дриневиц.	153
№ 226	Мария Владимировна Дриневиц.	153
№ 227	Сергей Владимирович Дриневиц.	153

Колено VIII (XX)

№ 228	Иван Иванович Балувев, р. 10 мая 1918 в Москве.	162
№ 229	Сергей Иванович Балувев, р. 27 июня 1921 в Угличе.	162
№ 230	Елена Львовна, р. 28 сентября 1914 в СПб., воспит. Инстит. в Сербии.	172
№ 231	Ольга Львовна, р. 11 августа 1918 в Орле.	172
№ 232	Марианна Михайловна (от 2-го брака), р. 20 апреля 1925 в Москве.	173
№ 233	Н Н Бакеева.	185
№ 234	Княжна Марина Дмитриевна Кропоткина.	186
№ 235	Н Владимирович Дитерихс (от 2-го брака), † в детстве.	188
№ 236	Владимир Дмитриевич Дитерихс.	189

№ 237	ИГОРЬ Н. СУСАЛИН.	191
№ 238	ГРАФИНЯ СОФЬЯ ИЛЬИНИЧНА ТОЛСТАЯ.	194
№ 239	ИННА АЛЕКСАНДРОВСКАЯ.	202
№ 240	ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА ТРИШАТНАЯ.	222
№ 241	МАРИНА ДМИТРИЕВНА ДРИНЕВИЧ, р. 1924.	223

В. Арсеньев

7/20 июня 1925 г.

г. Москва

Дополнения

В. С. Арсеньев трижды составлял генеалогию своего рода: в 1903 (см.: *Арсеньевы*), в 1925 (впервые публикуется нами) и в 1936 в Кёнигсберге; последний вариант лег в основу публикации: ОДР. С. 136—267. В последнем издании встречаются разночтения с нашей публикацией (в ряде случаев вызванные, возможно, опечатками), важнейшие из которых мы приводим ниже как материал для дальнейших изысканий. См. также: Ikonnikov N. F. *La noblesse de Russie. Tome a—z (54 part.). Paris, 1947—1966 (Tome a)*;

№ 1 1-я жена — дочь Кондратия Фомича Нарышкина (ОДР № 662).

№ 2 Переписку с Г. Р. Державиным за 1786 см.: *Арсеньевы*. С. 210—216 (2-я pag.).

№ III Троюродная сестра Г. Р. Державина. Вероятно, Николаевна — дочь прокурора Николая Ивановича Дятлова (ОДР № 809).

№ 3 После смерти отца, принца Антона-Ульриха, мужа императрицы Анны Леопольдовны, семья принцев Брауншвейгских (Екатерина, Елизавета, Пётр и Алексей) жила в Холмогорах, откуда по распоряжению Екатерины II 26 июня 1780 они были увезены в Архангельск А. П. Мельгуновым, а затем М. М. Арсеньевым 30 июня 1780 — в Данию (датская королева Юлиана-Мария была сестрой Антона-Ульриха). С 13 октября 1780 эта семья жила в

г. Хорсенсе, где они умерли и были похоронены. Некролог М. М. Арсеньева перепечатан: *Арсеньевы*. С. 216—219 (2-я паг.). Автор — учитель главного иркутского народного училища Степан Белшев.

№ 4 Сын от 2-го брака отца (ОДР № 984).

№ 6 Р. 1779 (ОДР № 986). Дата 1789 не согласуется с данными его биографии и сына № 31. Возможно, совмещены данные из биографий двух тезок. Боярская — 2-я жена; 1-я — ок. 1794 Доротея Боскамп.

№ IX Муж по др. сведениям — кн. Засекин.

№ XI Дата смерти 1816 очевидно неверна: сыновья №№ 39 и 40 родились в 1817 и 1818.

№ 11 Д. А. Арсеньев — вероятно, опечатка. Внучатых племянников см. №№ 79—81.

№ 12 Дата смерти — согласно данным о том, что умерла 44 лет от роду, однако встречаются упоминания вплоть до 1826 (ОДР № 992). Кроме того, с датой смерти не согласуется дата рождения сына № 45 (1828).

№ 15 † 20 апреля 1823 (ОДР № 995).

№ 18 † 25 мая 1849 (?) (ОДР № 998).

№ 19, 20 Отсутствуют в ОДР.

№ 23 Даты жизни неверны. Вероятно, перепутан со своим дальним родственником (пятиюродный дядя), полным тезкой. Возможно: р. 1789 † 1852. См.: *Арсеньевы*. С. 64, № 508; С. 72, № 546.

№ XII Внебрачная дочь кн. Ивана Михайловича Долгорукова.

№ 24 † 23 марта 1852 (ОДР № 1157). Член ложи Орфея в СПб., в 1821 посетитель ложи Ищущих Манны в Москве.

№ 25 Р. 15 мая 1795 (ОДР № 1159). Посвящен 8 октября 1817 в ложе Северных Друзей в СПб., там же в 1818 возведен в товарищескую и мастерскую степень; также член петербургских лож Елизаветы к Добродетели, Трех Светил, Орфея.

№ 26 В ОДР № 1160 ошибочно: † 12 июня 1860.

№ XV † в Москве. Письмо гр. Е. П. Растопчиной к Н. В. Арсеньевой от 1843 см.: *Арсеньевы*. С. 235—236 (2-я паг.).

№ 27 Ф. фон Медем, р. 1783 † 16 апреля 1861 в Митаве. 1-я жена с 30 июля 1805 Бенинья Доротея фон Медем, р. 1781 † 1837, в разводе. 2-я

жена бар. Анна Юлиана Елизавета фон Гейкинг, р. 24 декабря 1801 † 18 сентября 1835 (ОДР № 1158).

№ 31 Возможно, совмещены сведения о двух разных лицах (ОДР № 1164).

№ 36 Р. 1802 † 1880. И. И. Мусницкий † 1866 (ОДР № 1168).

№ 37 В. А. Бахтерев р. 1801 (ОДР № 1169).

№ 38 Р. 19 марта 1874 (ОДР № 1170).

№ 39 Поддерживал в дворянском комитете либеральное меньшинство, но под давлением консервативного большинства покинул пост председателя. Л. Н. Толстой дал ему характеристику: «Неглуп и старателен». См. о нем: ТБС. Т. 1. Дате женитьбы 1847 противоречат даты рождения сына № 79 (1846) и дочери № 82 (1841); может быть, соответственно 1848 и 1851?

№ 41 † в молодости (ОДР № 1171).

№ 42 Л. П. Родионов † 1863 (ОДР № 1172).

№ 46 Р. 1851 (ОДР № 1237). Дата 1857 заведомо неверна (ср. дату смерти отца № 23).

№ 48 † 16 января 1886. Комиссар по крестьянским делам в Варшавской губ. — другой (ОДР № 1239).

№ XXI † 26 июня 1932 в Волковыске (ОДР № 1239).

№ 51 † 1849.

№ 54 Высочайшее благоволение — см. письмо кн. С. А. Долгорукова от 8 декабря 1874: *Арсеньевы*. С. 237 (2-я pag.). Высочайшую грамоту от 6 апреля 1903 см.: Там же. С. 241 (2-я pag.).

№ XXIII В ОДР № 1245 ошибочно: † 8 июля 1908.

№ 55 Писал также под псевдонимом Евгений Черский.

№ XXV † 16 марта 1929 в Москве (ОДР № 1246).

№ 56 См. подробнее: Фёдоров М. Р. Морской некрополь в Петербурге. СПб., 2003. Высочайший рескрипт от 9 августа 1900 см.: *Арсеньевы*. С. 240 (2-я pag.).

№ XXVI Р. 27 сентября 1844 (ОДР № 1247).

№ XXVII Крестьянка, за Арсеньевым 2-м браком (ОДР № 1249).

№ 59 † 19 марта 1875; замужем с 20 сентября 1850 (ОДР № 1248).

№ 63 В ОДР отсутствует. Вместо него: Евдокия Гавриловна, выпускница Смольного института в 1864 (?) (ОДР № 1251).

№ 64 В ОДР отсутствует.

№ 66 † после 1855 (ОДР № 1253).

№ 68 Муж Николай Павлович Чижов, р. 1835, в 1882 статский советник (ОДР № 1255).

№ 72 Р. 8 ноября 1840 † 26 марта 1893. — К. А. Дитерихс, р. 18 января 1825 † 20 (?) декабря 1899. Из старинного немецкого рыцарского рода (Дитрихштейн). Окончил Пажеский корпус, 15 лет провел в действующей армии на Кавказе. В настоящей работе указано 11 его детей; согласно В. Г. Черткову, детей было 12: 7 сыновей и 5 дочерей (см.: Толстой Л. Н. Полное собр. соч. Т. 185. М., 1935. С. 396).

№ XXXI 1-й муж, возможно, Сергей Петрович Казначеев (ОДР № 1256). Дочь известного архитектора, масона А. Л. Витберга. «В семидесятых годах прошлого века двумя выдающимися педагогами того времени — Софьей Александровной Арсеньевой и Львом Ивановичем Поливановым — были учреждены в Москве в районе Пречистенки две гимназии: Арсеньевская и Поливановская. Связь между этими школами была самая тесная; если сыновья учились у Поливанова, дочерей отдавали к Арсеньевой. <...> Злые языки отмечали некоторую семейственность в управлении школой, но беды от этого никакой не было. Все родственники начальницы: Арсеньевы, Дриневичи, Витберги были людьми высокой порядочности и эрудиции» (Аксакова-Сиверс Т. А. Семейная хроника. Париж, 1988. С. 80–81). «Все гимназическое хозяйство вела ее [двоюродная] сестра Александра Лукинична Дриневич [№ 84]. У нее было три сына и три дочери, две из них — Мария Николаевна [№ 155] и Александра Николаевна [№ 151] — после окончания Арсеньевской гимназии служили там классными дамами и даже подменяли учителей иностранных языков <...>. Моя мама [№ 223] тоже окончила эту гимназию. <...> После революции гимназию преобразовали в школу-семилетку, в которой преподавали прежние учителя и выпускницы (в начале 30-х годов школу сменил техникум, а через 20 лет — райком партии). <...> Флигеля, где раньше размещался пансион, были переоборудованы под коммунальные квартиры для служащих школы. В левом флигеле после смерти

Софьи Александровны (1913 год) жил ее сын Александр [№ 137] с женой и пятью детьми <...>. В нижней квартире остались жить мои бабушки <...>. Мои родители вернулись в Москву после гражданской войны из Сибири, где папа воевал сначала в Белой, потом в Красной армии (в 30-е годы он был арестован и погиб). Они получили комнату в квартире на втором этаже правого флигеля. Здесь я и родилась в 1924 году. Под нами жила мамина сестра Лида [№ 224]» (Дриневиц М. Д. Частная женская гимназия Арсеньевой // Московский журнал. 2000. № 5. С. 50–52).

№ 81 Женат с 16 января 1883 (ОДР № 1259).

№ 82 † 11 июня 1934 в Югославии. В. Н. Пуцдин † 18 февраля 1907 (ОДР № 1257).

№ 92 Добровольец в армии Колчака. Расстрелян большевиками в 1919 (ОДР № 1304).

№ XXXVI А. Ф. Черевкова, р. 1886 † 18 января 1921 в Оренбурге от тифа (ОДР № 1304).

№ 93 В 1932 жила под Волковыском. Муж с 1899 Фёдор Викторович Иванов, р. 25 января 1871 † 6 января 1936, полковник 3-го железнодорожного батальона (ОДР № 1302).

№ 99 † 16 апреля 1918 (ОДР № 1308).

№ 100 Р. 1 апреля 1854 † 9 августа 1922. В 1919–1920 прошел с женой через большевистские тюрьмы (ОДР № 1310). Грамоты патриарха Иерусалимского Кир-Герасима I от 16 июня 1893 на имя С. В. и Е. В. Арсеньевых см.: *Арсеньевы*. С. 238, 239 (2-я pag.).

№ XXXVII † 26 августа 1938 в Кёнигсберге.

№ 101 † в Нижнедевицке (ОДР № 1311).

№ 102 Согласно воспоминаниям В. С. Арсеньева, р. в Москве (см. с. 211). См. о нем: Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской общественности до наших дней). Т. 6. СПб., 1904; *Русская интеллигенция. Автобиографии и биобиблиографические документы в собрании С. А. Венгерова: Аннотированный указатель*: Т. 1. А–Л. СПб., 2001; Наумов О. Н. Ю. В. Арсеньев — геральдист и генеалог // *Гербовед*. 1994. № 5–6. С. 17–33.

№ XXXVIII † 12 мая 1940 в Москве (ОДР № 1312).

№ 104 15 мая 1918 назначен настоятелем храма Христа Спасителя в Москве. 3 апреля 1922 арестован по делу «Совета объединенных приходов» по обвинению «в агитации» против советской власти. Обвинялся в распространении воззвания патриарха Тихона, в призыве к противодействию постановлению ВЦИК. В ноябре—декабре 1922 осужден Московским революционным трибуналом по статьям 69, 62, 73 и 119 УК РСФСР. 28 мая 1923 освобожден из Таганской тюрьмы. 12 ноября 1923 арестован повторно. В январе 1924 выслан в Тверь. † 26 августа 1930 в Москве. См. о нем: За Христа пострадавшие. Гонения на русскую православную церковь, 1917—1956: Биографический справочник. Кн. 1. А—К. М., 1997.

№ 105 «В середине 1920-х лишена избирательных прав. После разгрома монастыря проживала в дер. Степыгино, занималась рукоделием. 4 ноября 1930 — арестована как „участница к-р организации монахинь и церковников“. В феврале 1931 — приговорена к 3 годам ссылки в Северный край. После освобождения вернулась в Серпухов. В 1937 — арестована, приговорена к высшей мере наказания и расстреляна» (*Обречены по рождению*. С. 374—375).

№ 107 † 1 декабря 1940 в тюремной санчасти в Ташкенте (ОДР № 1317).

№ XL † 1 ноября 1932 в Москве. Прошла через большевистские тюрьмы (ОДР № 1317). «... В одной из ветвей Голицынского рода хранилась как семейная святыня очень древняя икона, которую опальный Меньшиков вывез в Сибирь и которой он благословил в Берёзове дочь свою, княгиню Голицыну [на самом деле — невестку, княжну Голицыну] при выходе ее замуж. (Она перешла потом к протоиерею Н. В. Арсеньеву, женатому на княжне Х. С. Голицыной, старшей представительнице этой ветви.)» (Арсеньев Н. С. Из русской культурной и творческой традиции. Лондон, 1992. С. 22—23, 288).

№ 108 По др. сведениям, женат с 26 января 1896.

№ XLI † 9 августа 1952, Брюссель. Дочь Московского вице-губернатора кн. Василия Васильевича Оболенского и княжны Марии Алексеевны Долгорукой, с 4 декабря 1934 замужем за гр. Александром Александровичем Салтыковым, р. 1878 † август 1940, Париж.

№ 109 † 25 марта 1941 в Париже (ОДР № 1320).

№ 112 † 21 сентября 1937 в Слуцке (ОДР № 1323).

№ 114 2-я жена с августа 1927 Валентина Владимировна Щукина, р. 1909 (ОДР № 1325). Сын Александр Николаевич, р. 6 июля 1931 (ОДР № 1368).
№ XLIII Р. 1887 (ОДР № 1325).

№ 116 Речь идет о Юлиусе Наполеоне Вильгельме Гартевельде, в России — Вильгельм Наполеонович, р. 5 апреля 1859, Стокгольм † 1 октября 1927, там же. Швед, закончил Лейпцигскую консерваторию, в России с 1882. Дирижер, композитор (опера «Песнь торжествующей любви» по И. С. Тургеневу, романсы), собиратель и аранжировщик тюремных и каторжных песен. Автор книг «Каторга и бродяги Сибири» (М., 1912), «1812 год в песнях» (М., 1912). В 1918 вернулся на родину. Согласно ОДР № 1326, он был 2-й муж Э. А. Арсеньевой, 1-й — М. П. Дягилев (а не ее сестры Марии № 117), р. 23 апреля 1844 † до 1883.

№ 121 Р. 17 апреля 1859, Киев † 11 июня 1927, Москва. В 1886 окончила словесное, затем естественное отделение Высших Бестужевских курсов. Известен ее портрет работы Н. А. Ярошенко «Курсистка» (1883). С 19 октября 1886 замужем за В. Г. Чертковым, дальнейшая ее биография неотделима от деятельности мужа. Мемуаристка, друг и последовательница Л. Н. Толстого. См. о ней подробнее: Толстой Л. Н. Полное собр. соч. Т. 185. М., 1935. С. 396—403. — В. Г. Чертков, р. 22 октября 1854, С.-Петербург † 9 ноября 1936, Москва. Внук масона И. Г. Чернышева-Кругликова. В 1881 оставил службу в Конной гвардии, поселился в имении, где занялся благотворительной деятельностью среди крестьян. В 1883 при поддержке Л. Н. Толстого основал издательство «Посредник», публиковавшее книги для народа. В 1897 за помощь духоборам был выслан в Англию, где провел 11 лет и основал издательство «Свободное слово». Друг Л. Н. Толстого, последователь его учения. См. о нем подробнее: ТБС. Т. 1 (в т. ч. библиографию).

№ 122 Р. 22 октября 1862 † 15 февраля 1918. Убита в своем имении. — И. Г. Щегловитов, р. 1861, расстрелян ВЧК по постановлению Совнаркома от 5 сентября 1918. — Кн. А. А. Оболенский, р. 14 апреля 1856, Варшава † 22 мая 1910, Горки Могилевской губ. В 1877 окончил Пажеский корпус. С 1904 Чериковский Могилевской губ. предводитель дворянства.

№ 123 Р. 1864 † 1924.

№ 124 Р. 24 апреля 1864 † 21 мая 1888.

№ 126 Р. 29 июня 1868 † 14 декабря 1931. Офицер, инженер-путеец, последователь Л. Н. Толстого, его корреспондент и адресат. В 1897 за помощь, оказанную духоворам, административно выслан из пределов Кавказа, где служил «начальником над горцами». В 1901, после отлучения Л. Н. Толстого от церкви, написал письмо обер-прокурору Св. Синода К. П. Победоносцеву, где отрекся от православной церкви. В 1902 жил в Канаде у духоворов. Последние годы жизни провел в Туркменистане, где заведовал шелководческой станцией. Автор воспоминаний о Л. Н. Толстом. См. о нем подробнее: ТБС. Т. 1.

№ 127 Р. 27 сентября 1872 † 14 октября 1951 в Москве. Погребена на Кочаковском кладбище. Замужем за А. Л. Толстым с 8 января 1899 по 1906. — Гр. А. Л. Толстой, р. 6 (8) декабря 1877, Ясная Поляна Крапивенского у. Тульской губ. † 24 февраля 1916, Петроград. 4-й сын знаменитого писателя, состоял чиновником особых поручений при Тульском губернаторе, в 1904 участвовал в сражениях на Дальнем Востоке во время Русско-японской войны. Во 2-м браке с 14 ноября 1907. См. его воспоминания: О моем отце // Яснополянский сборник. Тула, 1965. С. 127–138. См. о нем также: ТБС. Т. 2. — Е. В. Горяинова, р. 14 января 1876 † 20 мая 1959 в Москве.

№ 128 Р. 5 апреля 1874, С.-Петербург † 8 октября 1937, Шанхай. Окончил Пажеский корпус, Николаевскую академию Генштаба. Служил в Туркестанской горно-стрелковой батарее. С 1901 на штабных должностях. Участвовал в Русско-японской войне 1904–1905. С 1915 генерал-майор. Во время Первой мировой войны генерал-квартирмейстер штаба армий Юго-Западного фронта (с 1 апреля 1915), командующий Экспедиционным корпусом (2-й Особой пехотной бригадой Русской армии) в Салониках (с 28 мая 1916), в резерве чинов при штабе Петроградского военного округа (с 18 июля 1917), генерал-квартирмейстер при Верховном главнокомандующем (с 10 сентября 1917), временно исправляющий должность начальника штаба Верховного главнокомандующего (3–8 ноября 1917). Во время Гражданской войны и в 1918 начальник штаба и командующий войсками Чехословацкого корпуса. В январе–июле 1919 руководитель комиссии по расследованию убийства царской семьи. В 1919 начальник штаба русских войск Западного

фронта, командующий Сибирской армией, главнокомандующий Восточным фронтом, начальник штаба Верховного главнокомандующего адмирала А. В. Колчака, военный министр Омского правительства. С 1919 генерал-лейтенант. В 1919 эмигрировал в Китай. В июне 1922 избран правителем Дальнего Востока, затем вновь эмигрировал в Шанхай. Работал главным кассиром Франко-китайского банка. Возглавлял Дальневосточный отдел Русского общевойскового совета. Подробнее о нем см.: Клавинг В. В. Гражданская война в России: белые армии. М., 2003; Цветков В. Ж. Генерал Дитерихс. М., 2004. В браке с осени 1897. 2-я жена с весны 1916 Бредова София Эмильевна, р. 1885 † после 1937, Шанхай, выпускница Смольного института, преподавала в Женском педагогическом институте, в женских гимназиях в Киеве, Смеле Черкасского у., Бердичеве. В Шанхае работала в детском приюте, русской женской гимназии. Дочь от 2-го брака Агния, р. 1 июля 1921, впоследствии уехала в Австралию.

№ 130 Р. 1877 † 1924.

№ 136 Окончил Императорское Московское техническое училище в 1903, инженер для технических занятий при Юго-Восточной железной дороге. Жил в Петербурге.

№ 137 † ок. 1958 в Алекино (ОДР № 1328).

№ LI Р. 25 октября 1875 † 1970 в Москве.

№ 140 Корнет Кабардинского полка Туземной дивизии. В 1920 эмигрировал. Одно время жил в Константинополе. В 1952–1957 сотрудничал в парижском журнале «Военная быль». † 8 июля 1964, Санта-Барбара, Калифорния, США. Автор воспоминаний: Из героических времен // Военная быль. 1958. № 32. С. 16–18.

№ 143 В. И. Херодинов р. 6 августа 1877.

№ 144 Отсутствует в ОДР.

№ LV Р. 1 декабря 1893 † 13 августа 1982, Баден-Баден. — Кн. Н. П. Трубецкой, р. 17 октября 1890 † 5 июня 1961. Брак заключен 14 ноября 1919 в Ялте.

№ 149 † 13 октября 1960 в Париже. — Александр (Альберт) фон Нолькен, окончил Орловский Бахтина кадетский корпус и Николаевское инженерное училище, затем генерал-майор Генерального штаба. В Гражданскую

войну служил у А. И. Деникина. В эмиграции — в Югославии, затем во Франции. Товарищ председателя Совета Союза русских дворян во Франции, и. о. председателя Гвардейского объединения. † 22 апреля 1958 в Париже.

№ 150 Известен инженер Александр Иосифович Тришатный, один из руководителей Союза русского народа.

№ 158 Р. 10 апреля 1910 в Оренбурге. Окончил Вильнюсский университет, польский подданный (ОДР № 1349).

№ 159 Отсутствует в ОДР, зато есть два других потомка № 92: Николай Николаевич старший, † в раннем возрасте в Оренбурге (№ 1348а); Ариадна Николаевна, р. 14 декабря 1912, в 1981 жила в Брюсселе. Муж с июня 1936 (7 февраля 1937?) Сергей Алексеевич Арсеньев, р. 12 июня 1907 † 15 ноября 1942 в Херберсдорфе под Лейпцигом. Гражданин Польши, изучал право и философию в Вильнюсском университете, приват-доцент и библиотекарь там же (№ 1349а).

№ 161 † 22 декабря 1947 в Брюсселе.

№ LIX † после 1947. Ее брат, Борис Александрович Нарышкин, р. в 1890-х, поручик л.-гв. Кавалергардского полка, лишился ноги на фронте в 1917, в 1922 был расстрелян большевиками. Его вдова, Софья Павловна, урожд. Кантакузен, прошедшая через Бутырскую тюрьму и исправительно-трудовые лагеря, и сын смогли в 1934 эмигрировать вместе с В. С. и О. А. Арсеньевыми. См.: *Обречены по рождению*. С. 49, 455, 456.

№ 162 Оставила воспоминания о вел. кн. Елизавете Фёдоровне: *Возрождение*. 1962. Тетр. 127. С. 63–70. † 18 апреля 1977. См. извещение о ее кончине: *Русская мысль* (Париж). 1977. 12 мая. № 3151.

№ 163 † 18 декабря 1977 в Нью-Йорке, похоронен на кладбище Розлин на Лонг-Айленде рядом с сестрой № 165 и братом № 164.

№ 164 Затем жил в эмиграции в Германии и Франции. Сотрудничал с Союзом младороссов. С конца 1940-х жил в США, где работал в ООН. После отставки был приглашен на радио «Свобода» в Мюнхен. Член НТС. Впоследствии вернулся в Си-Клифф, ок. Нью-Йорка, где занимался переводами. Скоропостижно скончался 14 декабря 1970 в Си-Клиффе.

№ 165 2 января 1919 арестована по делу своего брата В. С. Арсеньева № 161, вскоре освобождена. «16 ноября 1922 — Анна Сергеевна [№ 167]

и Вера Сергеевна были отправлены на 3 года в ссылку в Архангельскую область. В 1931 — вместе с матерью Екатериной Васильевной находились в Архангельске. В сентябре мать обратилась к Пешковой Е. П. с просьбой ходатайствовать об освобождении ее больной дочери Анны, у которой была обнаружена болезнь крови. В октябре 1931 — Анне Сергеевне было разрешено приехать в Москву на консультацию к врачам, но на один месяц» (*Обречены по рождению*. С. 49). † 19 августа 1952 в Си-Клиффе. Ее некролог, написанный Ариадной Тырковой-Вильямс, см.: *Русская мысль*. 1952. 3 сентября. № 481. Муж с 9 июля 1931 Евгений Андреевич Гагарин, р. 11 марта 1905 в Шенкурске (ОДР №1354). В эмиграции под псевдонимом Andrei Russinow издал две книги: *Die große Täuschung: Aufzeichnungen aus Sowjetrußland, die der G. P. U. entgangen sind*. Braunschweig, 1936; Berlin, 1937; *Auf der Suche nach Rußland. (Sowjetrußland und das wahre Rußland)*. Lpz., 1939.

№ 167 † 21 сентября 1942 в Кёнигсберге. В эмиграции под псевдонимом Alexandra Anzerowa издала две книги: *Aus dem Lande der Stummen*. Breslau, 1936 (перевод на голландский — Rotterdam, 1937); *Am Weißen Meer*. Paderborn, 1938. Авторство раскрыто ее братом Н. С. Арсеньевым № 163. «К сожалению, эти книги <...> никогда не были изданы на русском языке. Они рисуют не только ужасы советских тюрем, тюремных этапов и концентрационных лагерей, но и жизнь русской верующей семьи на фоне этих гонений и проникающие ее духовные силы, а также и другие оазисы несокрушимой силы духа в Советском Союзе. <...> Фамилия „Анзерова“ заимствована у одного из скитов Соловецкого монастыря» (Арсеньев Н. С. *Дары и встречи жизненного пути*. Франкфурт-на-Майне, 1974. С. 337).

№ 168 Р. 18 ноября 1882 (ОДР № 1357).

№ 171 Р. 1883 (ОДР № 1360).

№ 172 † 26 декабря 1970 г. в Аргентине.

№ LXII † 20 мая 1969 в Аргентине (?).

№ 173 АРА — American Relief Administration, Американская администрация помощи, созданная для оказания поддержки европейским странам, пострадавшим в Первой мировой войне. Действовала в 1919–1923, во главе ее стоял Г. Гувер, будущий президент США. В связи с голодом в Советской России М. Горький с ведома правительства РСФСР обратился через Гувера

к американскому народу за помощью голодающим и больным. В 1921 в Риге были проведены переговоры между заместителем наркома иностранных дел СССР М. М. Литвиновым и директором европейского отдела АРА, в результате которых отделения организации были открыты в Москве и еще 12 городах страны. В АРА в России работало ок. 12 тыс. сотрудников. — М. Ю. Арсеньев «родился в 1894 в Москве. <...> В 1917 — окончил Московский университет по специальности экономист-языковед. С 1919 — призван в Московский запасной железнодорожный батальон, через год демобилизован по болезни. Проживал в Москве, работал переводчиком. В середине 1920-х — выслан в Балахну Нижегородской области, где 20 марта 1928 — был арестован, но 10 апреля освобожден. С декабря 1934 — референт на Всесоюзной строительной выставке. 15 апреля 1935 — арестован. Обвинялся в том, что „систематически подвергал к-р критике мероприятия ВКП(б) и совправительства и высказывал террористические настроения“. 28 апреля 1935 — приговорен к 5 годам ссылки в Сибирь. В июле отправлен в Красноярск, но вскоре был освобожден. Вернулся в Балахну, работал бухгалтером. Весной 1937 — арестован. Как „участник к-р шпионской организации“. 26 октября 1937 — приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян» (*Обречены по рождению*. С. 374).

№ LXIII Во 2-м браке за инженером Шебеевым (ОДР № 1362).

№ LXIV † 1978. Ее мать Мария Константиновна Князева — внебрачная дочь вел. кн. Константина Николаевича и балерины Анны Кузнецовой, внебрачной дочери актера В. А. Каратыгина (ОДР № 1362).

№ 174 Профессор немецкого языка в Московской консерватории, прошла через большевистские тюрьмы (ОДР № 1363).

№ 176 Артистка балета в Дубровнике. С 10 ноября 1935 замужем за Борисом Игнатьевым (ОДР № 1365).

№ 177 Р. 27 сентября 1915 (ОДР № 1366).

№ 180 Перепутан с отцом № 116. На самом деле: Михаил Вильгельмович, р. 1895, поэт (ряд поэтических сборников в 1914–1916).

№ 181 Вероятно, ошибка; может быть, дочь № 69 (холост?!).

№ 184 Р. 20 августа 1893 в СПб. от 1-го брака своей матери, в 1905 удочерена вторым мужем матери кн. А. А. Оболенским. † 20 ноября 1965 в

Сен-Женевьев-де-Буа (ок. Парижа), где похоронена на местном кладбище. — Кн. Н. А. Оболенский, р. 17 февраля 1892 в Ницце † 24 апреля 1940 в Бухенвальде, Германия. Брак заключен 20 августа 1914 в Москве.

№ 185 Р. 25 декабря 1895, Езера-Чериков (Чернигов) Могилевской губ. † 20 марта 1956, Вестон, штат Массачусетс, США. — Андрей Алексеевич Бакеев, р. 8 апреля 1885, Мишельполе Тим Курской губ. † 7 августа 1960, Чикаго. Брак заключен 12 августа 1921 в Риме.

№ 186 Р. 17 сентября 1897, Езера-Чериков † 11 ноября 1947, Регенсбург, Германия. Первый брак был заключен в июле 1914, Москва, с кн. Дмитрием Дмитриевичем Кропоткиным, р. сентябрь 1891 † 1920; второй — 15 марта 1923, Подебрады, Чехословакия, с Афанасием Андреевичем Нестеренко, р. 1 мая 1893, Борисы, Украина. От 2-го брака у М. А. Оболенской было трое сыновей, родившихся уже после составления публикуемой родословной.

№ 187 Р. 19 июля 1901 в СПб. † 5 июня 1960 в Нью-Йорке. Жена (с марта 1926, Париж) — Кэтлин Траск, р. 7 декабря 1899, в разводе с 1932, во 2-м браке Венц. Имел сына Алексея (Гюи), р. 3 марта 1929 в Чикаго, также имевшего детей. — В росписи В. С. Арсеньева не указаны следующие дети Е. К. Дитерихс № 121 и кн. А. А. Оболенского: Алексей, р. 25 декабря 1895 † в молодости; Сергей, р. в августе 1899 † в детстве; Ольга, р. 1906 † в детстве.

№ 188 Известен Владимир Владимирович Дитерихс, старший лейтенант Балтийского флота, скончавшийся в 1951 в Париже.

№ 192 Известна Елена Владимировна Дитерихс, в замужестве Янова.

№ 193 Р. 12 апреля 1900 в Ясной Поляне † 29 июля 1957 в Малаховке под Москвой. Погребена на Кочаковском кладбище. С 1928 была связана с деятельностью музеев Л. Н. Толстого. В 1941—1957 директор толстовских музеев; провела большую работу по восстановлению Ясной Поляны после немецкой оккупации. Замужем с 19 октября 1921. С. М. Сухотин, р. 18 (26) февраля 1887, Кочеты Новосильского уезда Тульской губ. † 4 июня 1926, Париж. Участник убийства Г. Е. Распутина; в 1921 комендант музея-усадьбы Ясная Поляна; 1-м браком женат на И. А. Горяиновой. См. о нем подробнее: ТБС. Т. 2. Вторым браком С. А. Толстая (с июля 1925) замужем за поэтом Сергеем Александровичем Есениным, р. 21 сентября 1895 † 28 декабря 1925 в Ленинграде; третьим браком — с 1948 за

Александром Дмитриевичем Тимротом, р. 30 сентября 1915, разведены в 1957.

№ 194 Р. 3 февраля 1903 в селце Таптыково Тульского уезда и губернии † 28 октября 1970 в Нью-Йорке. Географ, основатель первого в мире дельфинария, полковник армии США, посланник президента Рузвельта на Тибет. Погребен на кладбище Ново-Дивеевского монастыря, Спринг-Вэлли, Нью-Йорк, США. Первым браком женат с 1920 на Зое Дмитриевне Платоновой, р. 18 декабря 1891 г. † 27 сентября 1978; вторым — на В. И. Сидоровой, р. 28 сентября 1894 † 10 августа 1974 в Москве, разведены в 1923. — С. А. и И. А. Толстые имели сводную сестру (от 2-го брака отца) — Марию.

№ 195 Р. 7 августа 1898, С.-Петербург † 28 августа 1958, Джубга. Ученик Е. Б. Вахтангова, режиссер МХАТа, художественный руководитель Московского театра сатиры и Московского театра драмы, профессор ГИТИСа, заслуженный деятель искусств РСФСР (1943), доктор искусствоведения (1948).

№ LXXII Т. М. Зяблова.

№ 196 Р. 29 июня 1902. Затем носила фамилию Полуэктова. Пережила 13 лет лагерей и ссылки. 13 июня 1992 получила «справку о реабилитации».

№ 205 Р. 8 мая 1903. Погиб на фронте в 1941. Женат с октября 1928 на Милиде Альфредовне Гюпнер, р. 1903 (ОДР № 1369).

№ 206 Р. 17 октября 1904 † 1972. Муж с декабря 1921 Николай Михайлович Некрасов (ОДР № 1370).

№ 207 Р. 20 апреля 1906 (дата 20 ноября наверняка ошибочна, ср. № 208), убит в 1933 басмачами во время научной экспедиции в Туркестан (ОДР № 1371).

№ 208 Р. 17 июня 1907. Геолог. Жена с 1931 Елена Анатольевна Нечаева (ОДР № 1372). Их дочь Наталья Алексеевна, р. 1939, инженер по телекоммуникациям, замужем за Евгением Павловичем Велиховым (ОДР № 1379), р. 2 февраля 1935 в Москве, в 1958 окончил МГУ, с 1961 в Институте атомной энергии им. И. В. Курчатова, директор института, с 1968 член-корреспондент, с 1974 академик АН, с 1975 руководитель советской термоядерной программы, с 1991 вице-президент РАН. Имеют троих детей.

№ 209 Р. 9 июля 1908. Зоолог, специалист по морской фауне. Жена Елена Ильинична, ихтиолог (ОДР № 1373). Их дети: Маргарита Викторовна,

р. 1938, микробиолог, 2-й муж Анатолий N N, физик (ОДР № 1380); Александр Викторович, р. 1941, выпускник Лесного института, авиатор, жена Галина N N, выпускница Лесного института, в 1977 у них двое детей (ОДР № 1381).

№ 210 Дети № 140 до 1925 в ОДР не указаны. Указан Алексей Алексеевич, р. 30 ноября 1927 в Константинополе (№ 1374).

№ 220 В замужестве Суворова.

№ 230 2-й муж с 1949 Эрих Фальтенхаузер (ОДР № 1375).

№ 231 Муж с 20 июня 1943 в Берлине Виталий Константинович Гроссе, р. 26 сентября 1907, московский инженер (ОДР № 1376).

№ 232 Муж Медведков Евгений Михайлович, р. 1922 † 1984. Сын Михаил, р. 1953 и дочь Ольга, р. 1957. У Михаила от брака с Верой Юрьевной Решетиной, р. 1952 сын Сергей, р. 1977 и дочь Ирина, р. 1982.

У М. Ю. Арсеньева также сын Лев, р. 22 октября 1929. Его жена Нина Степановна Калмыкова, р. 1934. Дочь Анна, р. 1959 и сын Андрей, р. 1963. У Анны от брака с Игорем Викторовичем Петровым, р. 1958 дочь Анастасия, р. 1981 и сын Вадим, р. 1985. У Андрея от брака с Татьяной Александровной Тимофеевой, р. 1968 сын Павел Андреевич Арсеньев, р. 1989. (Информация приведена по: Сапожников С. А. Потомство великого князя Константина Николаевича (1827–1892) от Анны Васильевны Кузнецовой // Историческая генеалогия. Екатеринбург; Париж, 1993. Вып. 2. С. 22–27.)

№ 233 Речь, вероятно, идет о Зое Андреевне Бакеевой, р. 7 мая 1922, Баден, ок. Вены, Австрия. С 11 июня 1944 (Вестон, штат Массачусетс) замужем за Эдвардом Шмидтом Петерсеном, р. 19 ноября 1921, имели двоих детей. Двое братьев З. А. Бакеевой: Алексей Андреевич Бакеев, р. 4 апреля 1928, Бостон, штат Массачусетс, женат с 23 июня 1962 (Мейн, США) на Джин Маккензи, р. 28 июля 1935; Дмитрий Андреевич Бакеев, р. 23 февраля 1930, Волгэм, штат Массачусетс, дважды женат.

№ 234 Р. 22 февраля 1916, Горки Могилевской губ.; с 11 августа 1934, Мейс, Австрия, замужем за кавалером Адольфом Стреером фон Стреерувитцем, р. 29 октября 1893, Мейс. Имела дочь.

№ 238 Р. 29 июля 1922 в Туле † 18 апреля 1990 в Москве. От 2-го брака отца. Погребена на Кочаковском кладбище. Замужем за Петром

Мартыновичем Вилистромом, р. в мае 1894 † в ноябре 1965 в Риге. Имела двоих дочерей. — От 1-го брака у И. А. Толстого был также сын: Александр, р. 19 июля 1921 в станице Ханской Майкопского района Краснодарского края † 12 апреля 1997 в Москве. Геолог, женат со 2 августа 1957 на Светлане Николаевне Синьковой, р. 4 июня 1923 в Москве. О других потомках Толстых см.: Толстой С. М. Древо жизни. Толстой и Толстые. М., 2002.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Арсеньевы** — Арсеньев В. С. Род дворян Арсеньевых. 1389—1901. Тула, 1903.
- Вернадский** — Вернадский Г. В. Русское масонство в царствование Екатерины II. Изд. 3-е / Под. ред. М. В. Рейзина, А. И. Серкова. СПб., 2001.
- ГАРФ** — Государственный архив Российской Федерации, Москва.
- ГАТО** — Государственный архив Тульской области.
- Киселёв** — Киселёв Н. П. Из истории русского розенкрейцтерства / Под. ред. М. В. Рейзина, А. И. Серкова. СПб., 2005.
- НИОР РГБ** — Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки, Москва.
- Обречены по рождению** — Обречены по рождению... По документам фондов: Политического Красного Креста. 1918—1922. Помощь политзаключенным. 1922—1937 / Сост. Л. Должанской, И. Осиповой. СПб., 2004.
- ОДР** — Шаховской Д. М. Общество и дворянство российское. Т. 2. Рени, 1979.
- ОПИ ГИМ** — Отдел письменных источников Государственного исторического музея, Москва.
- Письма С. И. Г.** — [Гамалея С. И.] Письма С. И. Г. Изд. 2-е. В 3 т. М., 1836.
- РГАЛИ** — Российский государственный архив литературы и искусства, Москва.
- РО РНБ** — Рукописный отдел Российской национальной библиотеки, Санкт-Петербург.
- ТБС** — Тульский биографический словарь. Т. 1—2. Тула, 1996.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Августин (Aurelius Augustinus) Иппонский 295, 410, 459
 Августин (Виноградский А. В.) 190, 444
 Авраамий о. 347
 Аврамов И. Б. 25
 *Адлерберг В. Ф. 10, 17
 Аксакова-Сиверс Т. А. 518
 *Александр I 38, 48, 83, 94, 174, 204, 374, 398, 399, 411, 428, 429, 432, 446
 Александр II 10, 218, 322, 323, 440, 448
 Александр III 360, 489
 Александра Фёдоровна имп. (1798—1860) 247
 Александра Фёдоровна имп. (1872—1918) 495, 496, 500, 508
 Александровская И. 515
 Александровская Н., урожд. Гребс 513
 Александровский 513
 Алексеев А. Н. 244, 453
 *Алексеев Д. Л. 16
 Алексеев И. И. 244, 439, 453
 Алексеев И. Н. 244, 453
 Алексеев Н. И. 160, 244, 245, 439, 453
 Алексеева Н. Ф., урожд. Вигель 439
 Алексеева С. Д., урожд. Раевская, в 1-м бр. Камынина 103, 154, 160, 244, 245, 438, 452, 453
 Алексей Антонович, принц Брауншв. 515
 Алексей Комнин, визант. имп. 54
 Альберт, англ. принц 439
 Альтбурга-Матильда Мария Ольга, герц. Ольденбургская 496
 Аметистов 238
 Ампер (Ampère) А. М. 471
 Ампер (Ampère) Ж.-Ж. 376, 471
 Аникеев И. П. 438
 Аникеева А. И. 177, 179, 180, 259
 Аникеева О. Д., урожд. кж. Горчакова 155, 177, 259, 438
 Аникеевы 179
 Аничков А. А. 313
 Анна Леопольдовна, имп. 515
 Антон-Ульрих, принц Брауншв. 515
 *Апухтин Г. П. 14

- Аракчеев А. А. 429
 Арапов 244, 453
 Арапова Н. Н., урожд. Алексеева 244, 453
 Аргамакова 154
 Ариосто (Ariosto) Л. 374
 Арндт (Arndt, Arnd) И. 72, 98, 119, 135, 156, 186, 292, 295, 296, 304, 307–309, 313, 314, 321, 322, 327, 408–410, 421, 430, 459, 466
 Арнольд (Arnold) Г. 66, 423
 Арсений Прокопьевич 54
 Арсеньев Ал. Ал. (1827–1867) 491
 Арсеньев Ал. Ал. (1853–1916) 476, 479, 484, 493
 Арсеньев Ал. Ал. (1883–1898) 504
 Арсеньев Алекс. Ал. (1849–1914) 476, 479, 484, 492
 Арсеньев Алекс. Ал. (р. 1907) 513
 Арсеньев Алекс. Алекс. (1892–1964) 504
 Арсеньев Алекс. Алекс. (р. 1927) 529
 Арсеньев Ал. Вас. 126, 214, 216, 498
 Арсеньев Ал. Вик. 529
 Арсеньев А. И. 477
 Арсеньев А. М. 529
 *Арсеньев Ал. Ник. (1790–1852) 48, 74, 89, 90, 103, 105, 481
 Арсеньев Ал. Ник. (1817–1872) 483
 Арсеньев Ал. Ник. (р. 1874) 475, 503, 519
 Арсеньев Ал. Ник. (р. 1931) 521
 Арсеньев Алекс. Ник. 505
 *Арсеньев А. П. 483
 Арсеньев А. С. 79, 165, 184, 195, 219, 233, 234, 254, 297, 302, 482, 490
 Арсеньев Вас. Ал. 513
 Арсеньев Вик. Ал. 513
 Арсеньев В. В. 214, 357, 362, 500
 Арсеньев В. Е. 482
 Арсеньев В. Н. 512
 *Арсеньев В. С. (1829–1915) 5–11, 14, 17–22, 28, 31–35, 38, 41–216, 219, 223, 225, 234, 238, 239, 242, 246, 261, 263–335, 344, 345, 347, 350, 356, 360, 377, 396–406, 409, 414, 415, 417, 421–423, 425–427, 433, 434, 437–439, 444, 445, 447, 451, 454, 458, 459, 463–469, 473, 482, 485, 519
 Арсеньев В. С. (1883–1947) 18, 22–27, 31, 32, 34, 36, 393, 425–427, 477, 481, 486, 487, 496, 497, 506, 515, 524, 527, 531
 Арсеньев Г. П. 483
 Арсеньев Д. В. 482
 *Арсеньев Д. Н. 48, 74, 87, 480
 Арсеньев Д. С. (1833–1915) 20, 32–34, 54, 77, 79, 85, 104, 105,

- 108, 126, 150, 154, 161, 163–165,
169, 170, 178, 180, 195, 204, 217–
262, 273, 400, 426, 440, 448, 480,
488
- Арсеньев Д. С. (р. 1915) 512
- Арсеньев И. А. 482, 490
- *Арсеньев И. В. 5, 11, 18, 21, 34, 35,
142, 151, 212, 216, 336–343, 347,
349, 353, 354, 357, 361, 362, 401,
422, 445, 468, 498
- Арсеньев И. Д. 501
- Арсеньев И. Е. 475
- *Арсеньев И. М. 475
- Арсеньев И. С. 127, 172, 238, 485
- Арсеньев Л. Д. 484
- Арсеньев Л. М. 529
- Арсеньев Л. С. 109, 165, 181, 182,
219, 490
- Арсеньев Л. Ю. 511
- Арсеньев М. И. 36, 475
- *Арсеньев М. М. 476, 515, 516
- Арсеньев М. Н. 484
- *Арсеньев М. Ю. 5, 11, 511, 526, 529
- Арсеньев Н. А. (1823–1887) 90,
485
- Арсеньев Н. А. (р. 1826) 491
- Арсеньев Н. А. (1846–1878) 476,
491
- Арсеньев Н. А. (р. 1888) 501
- Арсеньев Н. А. (р. 1903) 513
- Арсеньев Н. В. 21, 214, 357, 361,
401, 499, 520
- Арсеньев Н. И. 47, 70–75, 79,
81–85, 94, 100, 103, 118, 219–
221, 426, 448, 476
- Арсеньев Н. М. 478
- Арсеньев Н. Н. (р. 1879) 494
- Арсеньев Н. Н. (у. до 1910) 523
- Арсеньев Н. Н. (р. 1910) 505
- Арсеньев Н. С. (1832–1903) 20,
79, 80, 104, 105, 153, 163, 178,
180, 195, 211, 219, 225, 226, 234,
235, 237, 239, 242, 261, 448, 451,
487
- Арсеньев Н. С. (1888–1977)
27–30, 36, 363–415, 470, 509,
520, 525
- Арсеньев Н. Ф. 87, 88, 485
- Арсеньев П. А. 529
- Арсеньев П. Г. 491
- Арсеньев Пав. И. 478
- Арсеньев Петр И. 477
- *Арсеньев П. М. 479
- Арсеньев Серг. Ал. (р. 1833) 491
- Арсеньев Серг. Ал. (1887–1895)
504
- Арсеньев Серг. Алекс. (р. до
1886) 504
- Арсеньев Серг. Алекс. (1907–
1942) 524
- Арсеньев С. В. 18, 21, 22, 66, 72,
75, 158, 211, 214, 341, 356, 357,
362, 382, 385, 387–396, 401, 412,
414, 468, 472, 495, 519
- Арсеньев С. Д. 477, 501
- Арсеньев С. И. (р. 1811) 478

- Арсеньев С. И. (р. 1894) 18, 512
- *Арсеньев С. Н. 5, 7, 8, 12, 17, 47—53, 57, 58, 70, 71, 73—81, 84—87, 90—98, 100—103, 105—108, 117, 124, 126, 134, 136, 137, 141, 142, 148, 153—159, 169, 183, 184, 187—189, 196, 199, 205, 214—216, 219, 221—223, 231, 241, 248, 254, 278, 279, 281, 285, 289—292, 294, 296, 297, 301—310, 313—322, 324, 325, 327—335, 400, 417, 424, 425, 427, 441, 448, 462, 465, 481
- Арсеньев С. С. 510
- Арсеньев С. Ф. 87, 88, 291, 292, 485
- *Арсеньев Ф. Н. 48—51, 70, 74, 87, 88, 93—95, 100, 103, 221, 222, 325, 418, 424, 481
- Арсеньев Ю. В. 18, 21, 212, 216, 341, 343, 356, 357, 359, 378, 401, 447, 497, 519
- Арсеньев Ю. С. 510
- Арсеньева, урожд. Боярская 478
- Арсеньева, урожд. Нарышкина 515
- Арсеньева А. А., в зам. Чижова 491
- Арсеньева А. А., урожд. Ершова 511
- Арсеньева А. А., урожд. кж. Хованская 47, 70, 72, 74, 79, 83—85, 93, 94, 100, 103, 118, 142, 216, 220—222, 448, 477
- Арсеньева А. А., урожд. Татищева 48, 90, 103, 481
- Арсеньева А. В., урожд. Мартынова 499
- Арсеньева А. И., урожд. Семенова 493
- Арсеньева А. К. (И.), урожд. Прончищева 476
- Арсеньева А. М. 480
- Арсеньева А. (Н.) М., урожд. Капнист 488
- Арсеньева А. Н., урожд. Арсеньева 524
- Арсеньева А. П., урожд. Шубинская 477
- Арсеньева А. С. 24, 511, 524, 525
- Арсеньева А. Ф. 87, 485
- Арсеньева А. Ф., урожд. Мурашова 490
- Арсеньева А. Ф., урожд. Черевкова 494, 519
- Арсеньева А. Ю. 511
- Арсеньева В. А. 504
- Арсеньева В. А., урожд. Пустобярова 483
- Арсеньева В. А., урожд. Ширяй 493
- Арсеньева В. В., урожд. Бибикова 504
- Арсеньева В. В., урожд. кж. Оболенская, во 2-м бр. гр. Салтыкова 500
- Арсеньева В. В., урожд. Скарятина 32, 489
- Арсеньева В. И. 478

- Арсеньева В. М. 480
 Арсеньева В. С., в зам. Гагарина
 25, 510, 525
 Арсеньева Г. 529
 Арсеньева Д., урожд. Боскамп 516
 Арсеньева Е. А. 475
 Арсеньева Е. А. (Н.), урожд. Не-
 чаева 528
 Арсеньева Е. А., урожд. Прота-
 сова 484
 Арсеньева Е. В., урожд. Бутлерова,
 по 1-му мужу Бутлерова 504
 Арсеньева Е. В., урожд. Шенши-
 на 344, 357, 362, 379—389,
 394—396, 468, 497, 519, 525
 Арсеньева Е. Г. 518
 Арсеньева Е. И. 528
 Арсеньева Е. И., урожд. Дятлова
 476
 Арсеньева Е. К., урожд. Трапез-
 никова, во 2-м бр. Таль 491
 Арсеньева Е. Л., в зам. Фальтен-
 хаузер 514
 Арсеньева Е. М., урожд. Гольн-
 ская 87, 485
 Арсеньева Е. Н., в зам. бар. Ме-
 дем 48, 74, 91, 92, 100, 103, 117,
 189, 482
 Арсеньева Е. Н., урожд. Каржа-
 вина 512
 Арсеньева Евд. Мих. 480
 Арсеньева Ек. Мих. 480
 Арсеньева Ел. Мих. 480
 Арсеньева З. А., в зам. фон Гар-
 тевельд 502, 521
 Арсеньева И. В., урожд. Марасва
 510
 Арсеньева К. В., урожд. Хребто-
 ва 502
 Арсеньева Л. Г., урожд. Бабина
 476
 Арсеньева Л. М. 480
 Арсеньева Л. Н. 494
 Арсеньева М. А. (1824—1882)
 90, 485
 Арсеньева М. А. (р. 1828) 491
 Арсеньева М. А. (ум. 1891) 504
 Арсеньева М. А., в зам. Дягилева
 (?) 502, 521
 Арсеньева М. А., урожд. Гюпнер
 528
 Арсеньева М. А., урожд. кж. Да-
 диан 487
 Арсеньева М. А., урожд. Рукина
 48, 87, 481
 Арсеньева М. А., урожд. гр. Тол-
 стая 477
 Арсеньева М. В. 21, 35, 191, 213,
 344—362, 407, 468, 470, 487,
 497—499
 Арсеньева М. Д. (1877—1882)
 501
 Арсеньева М. Д., урожд. Арсень-
 ева 482
 Арсеньева М. Л., урожд. Тришат-
 ная 493

- Арсеньева М. М. 480
- Арсеньева М. Н., в зам. Иванова 494
- Арсеньева Мар. Павл. 483
- Арсеньева Мар. Петр. 483
- Арсеньева М. С. (р. до 1858) 494
- Арсеньева М. С. (1858—1919) 495
- Арсеньева М. С., в зам. Игнатьева 512
- Арсеньева М. С., урожд. Слепцова 48, 87, 103, 481
- Арсеньева М. С., урожд. Шилкарская 510
- Арсеньева М. Ф., урожд. Мальцева 482
- Арсеньева М. Ю. 511
- Арсеньева Н. А., урожд. Шепелева-Воронович 511
- Арсеньева Н. В., в монаш. Салафила 21, 213, 349—354, 356, 357, 359, 360, 362, 404, 407, 413, 445, 497—499
- Арсеньева Н. В., урожд. Комынина 20, 31, 32, 37—39, 53, 54, 60—64, 66—71, 76—78, 88, 101, 102, 104, 105, 107, 108, 117, 118, 120, 125, 126, 131, 142, 149—154, 160, 164, 170, 171, 178—183, 186, 187, 197, 202, 203, 205, 207—209, 211, 216, 222—224, 226, 227, 229—231, 233, 235, 238, 248, 253—255, 259, 261, 278, 304, 312, 323, 416, 417, 437, 438, 448, 482, 516
- Арсеньева Н. Д. 501
- Арсеньева Н. М. 480
- Арсеньева Н. С. 494
- Арсеньева Н. С., урожд. Калмыкова 529
- Арсеньева Н. Ю. (р. и ум. 1882) 511
- Арсеньева Н. Ю., урожд. кж. Долгорукая 32, 89, 130, 200—202, 208—214, 216, 297, 323, 332, 340, 342—363, 374, 375, 377, 394, 397, 411, 447, 464, 468, 471, 486
- Арсеньева О. А., урожд. Нарышкина 508, 524
- Арсеньева О. В., урожд. Енакина 485
- Арсеньева О. Л., в зам. Гроссе 514
- Арсеньева О. Л., урожд. Волкова 21, 357—359, 378, 498
- Арсеньева О. М. 480
- Арсеньева П. В. 483
- Арсеньева П. И. 478
- Арсеньева С. А., урожд. Витберг, в 1-м бр. Казначеева 492, 519
- Арсеньева С. И., урожд. Аксакова, в 1-м бр. кн. Засекина 478
- Арсеньева Т. А., в зам. Некрасова 513
- Арсеньева Т. А., урожд. Тимофеева 529

- Арсеньева Х. С., урожд. Голицына 315, 319, 328, 333, 334, 446, 447, 21, 500, 520 460
- Арсеньева Ю. М., урожд. фон Барышников М. Н. 17
Клуген 479 Батюшков К. Н. 470
- Арцыбашев Д. А. 25 Бахтерев В. А. 483, 517
- *Арцыбашев Н. С. 13 Бахтерев В. И. 503
- Афанасий (Виноградов А. З.) 104, 133 Бахтерев Ив. В. 491
Бахтерев Иг. В. 513
- Баадер (Baader) Ф. К. 398, 465 Бахтерев Н. В. 491
- Багратион П. И. кн. 167 Бахтерев О. В. 513
- *Багрянский М. И. 129, 436, 473 Бахтерев С. В. 491
- Байрон (Byron) Дж. Н. Г. 370, 374, 375, 384, 385, 470 Бахтерева А. В. 491
- Бакеев Алекс. Андр. 529 Бахтерева А. Я., урожд. Ливенцова 503
- Бакеев Андр. Алекс. 512, 527 Бахтерева В. В. 491
- Бакеев Д. А. 529 Бахтерева Е. П., урожд. Арсеньева 483
- Бакеева Э. А., в зам. Шмидт Петерсен 514, 529 Бахтерева Л. Я., урожд. Еропкина (Байкова) 491
- Бакеева Э. А., урожд. кж. Оболенская 512 Бегичев И. М. 483, 490
- Балуев И. И. (р. 1891) 509 Бегичев М. Л. 483
- Балуев И. И. (р. 1918) 29, 514 Бегичева М. А., урожд. Арсеньева 483
- Балуев С. И. 514
- Балуева Н. С., урожд. Арсеньева 509 Беза (де Без; Beza, de Bèze) Т. 295, 459
- *Баратаев М. П. кн. 13, 16 Белшев С. 516
- *Бардовский Я. И. 430 Бёме (Böhme) Я. 46, 132, 283, 294, 299, 313, 320, 331, 335, 377, 398, 417, 456, 458, 468
- Барклай-де Толли М. Б. 431
- Барсков Я. Л. 467
- Бартелеми (Barthélemy) Ж.-Ж. 341, 468 *Беневоленский П. И. 161, 279, 287, 294, 313, 316, 324, 331, 334, 335, 439
- *Бартнев Ю. Н. 12, 157, 204–207, 290, 297, 298, 300, 301, 308, 314, *Бенкендорф А. Х. 17

- Беньян (Bunian) Дж. 155, 438
 Беренс 503
 Беренс Е. П., урожд. Кашнева 503
 Бёркбек (Birkbeck) В. Дж. 414, 474
 Беркин (Berquin) А. 245, 449
 Бернар Клервосский 410
 *Бибииков В. А. 9, 11, 199, 263–266, 269, 272, 275–277, 279, 280, 286, 302, 434, 445
 *Бибииков И. М. 15
 Бибиикова О. Д., в зам. Тришатная 514
 Бибиикова Т. В., урожд. Лёвшина 417
 *Биркхольц (Birkholz) А. М. 461
 Бирон И. Э., герцог Курлянд. 220
 Благодарова А. В., урожд. Лопухина 159, 258, 259
 *Боборыкин А. Д. 16
 Богданов Н. И. 162, 235, 439
 Богословский М. И. 183, 185, 186, 441
 Болотов А. Т. 475, 476
 Болховская 91
 Бонне (Bonnet) Ш. 72
 Бонч-Бруевич В. Д. 26
 Борис Владимирович вел. кн. 501
 *Боровиковский В. Л. 130, 403, 436, 473
 Боссюэ (Bossuet) Ж. Б. 375, 410, 470
 Боярдо (Boiardo) М. М. 374
 Брайковский А. А. 438
 *Брок П. Ф. 10
 *Брусилов Н. П. 15
 *Брюллово К. П. 432
 Булгарин Ф. В. 309
 *Бунин И. П. 16
 Бурбоны (Bourbons) 83
 Бурдалу (Bourdaloüe) Л. 375, 470
 Бурман Е. Е. 491
 Бурман Е. И., урожд. Мусницкая 491
 Бурцев А. Е. 8
 Бутаков 488
 Бутлеров 504
 Бух А. К. 495
 Бух Н. С., урожд. Арсеньева 495
 *Быков Р. М. 299, 460
 Вакенродер (Wackenroder) В. Г. 376
 Варламов А. Е. 127
 Василий Великий 410
 Васильев И. 248, 249
 Васильчикова Е. 352
 Вахтангов Е. Б. 528
 Вебер (Weber) К. М. фон 440
 Вейль (Weyle) 242, 451
 Велихов Е. П. 528
 Велихова Н. А., урожд. Арсеньева 528
 Веллинг (Welling) Г. фон 464
 Вельмот А. Ф. 348, 349, 351, 352
 Венгероу С. А. 24, 519
 Веневитинов Д. В. 472

- Веневитинов М. А. 394, 472
 Веневитинова А. М., урожд. гр.
 Висльгорская 462, 472
 Верецагин Л. Н. 132, 437
 Верецагина С. А., урожд. Арга-
 макова 132, 154, 285
 Вернадский Г. В. 417, 455, 456, 458,
 462, 466, 531
 *Веселовский И. С. 278, 279, 309,
 316, 324, 325, 327, 331, 334, 455
 *Вигель Ф. Ф. 244, 439
 *Висльгорский М. Ю. гр. 13, 16, 52,
 53, 57, 70, 94, 98, 121, 125, 289,
 297, 301, 309, 419, 420, 462, 472
 Виктория, англ. кор. 439
 *Виланд (Wieland) К. М. 376
 Вилистром П. М. 530
 *Вилламов Г. И. 13
 Вильгельм Зюдерманландский
 принц 488
 Вине (Vinet) А. 411–413, 473
 Виолевы 28
 Висковатова 509
 Висс (Wyss) И. Д. 440
 *Витберг А. Л. 518
 Витберги 518
 Витгенштейн П. Х. светл. кн. 482
 Вовжатский 481
 *Воинов И. М. 121, 239, 434
 Волкова М. М. 359, 470
 *Волоцкий А. С. 12
 *Волховский С. Г. 100, 431
 *Вольтер (Voltaire) М.-Ф. 376
 *Воронцов-Вельяминов Е. Н. 12, 15
 Врангель М. Д. бар. 29
 Вревский И. А. бар. 88, 427, 485
 Вуверман (Wouverman) Ф. 185
 Вяземская М. А. кн., урожд. Сто-
 льпина 244, 453
 Вяземский А. Н. 26
 Вяземский П. А. 15, 420, 453
 Гааз Ф. П. 191, 346, 444
 Гавриил (Петров-Шапошников
 П. П.) 411
 Гагарин Е. А. 525
 *Гагарин И. А. кн. 461
 *Гагарин П. Г. кн. 448
 *Гагарин С. И. кн. 14, 16
 Гагарина А. П. кн., урожд. Лопу-
 хина 228, 448
 *Гамалея С. И. 8, 36, 61–63, 66, 99,
 107, 141, 157, 189, 199, 221, 281,
 290–292, 295, 309, 315, 317, 318,
 322, 324, 419, 423, 425, 431,
 457–459, 465, 531
 Ганзен 209
 Гарденин 250
 Гартевельд В. Н. 502, 521
 Гартевельд М. В. 512, 526
 *Гаугвиц (Haugwitz) Х. А. Г. гр.
 462
 Гегель (Hegel) Г. Ф. В. 315
 Гедвига (Ядвига), кор. пол. 48
 Геллерт (Gellert) Х. Ф. 410
 Генрих IV (Henri IV) 471
 *Гердер (Herder) И. Г. 376

- Герман, иером. 431
- *Гермоген (Карпов-Федоровский-Сперанский Г. П.) 127, 436
- Герцен А. И. 323
- *Гёте (Goethe) И. В. фон 376, 385
- Гизо (Guizot) Ф. П. Г. 217, 448
- *Гине Е. Е. 318, 465
- Гихтель (Gichtel) И. Г. 471
- Глинка А. П., урожд. Голеннищева-Кутузова 209, 447
- *Глинка Ф. Н. 44, 45, 135, 200, 209, 310, 399, 417, 434, 447
- Глубоковский Н. Н. 474
- Глушковы 244, 452
- Гмелин С.-Г. 477
- Гоголь Н. В. 159, 399
- Голембовская М. Ф., урожд. Громницкая 332, 467
- *Голембовский П. Д. 13, 331, 332, 467,
- *Голеннищев-Кутузов М. И. света. кн. 104, 166, 461
- *Голеннищев-Кутузов П. И. 6, 190, 443, 447
- *Голицын Ал. Б. кн. 311–313, 316, 321, 463, 464
- *Голицын Андр. Б. кн. 16
- *Голицын А. Н. кн. 97, 185, 204, 429, 442, 446, 459, 460
- Голицын В. В. кн. 367
- *Голицын Д. В. кн. 16, 69, 424, 466
- Голицыны кн. 367, 377, 519
- *Головин Н. А. 52, 70, 100, 101, 103, 104, 107, 117, 119, 121, 134, 157, 158, 190, 221, 286, 293, 305, 421, 432
- Головина С. С. 355, 358–360
- Голубинская А. И., урожд. Кутневич 456
- *Голубинский Д. Ф. 17
- *Голубинский Ф. А. 11, 12, 273, 288, 436, 455, 456, 460, 462, 463
- Гольбейн (Holbein) Г. 185
- *Горчаков Д. П. кн. 438
- Горчаков М. Д. кн. 259, 454
- Горчакова Е. С. кж. 177, 441
- Горький М. (Пешков А. М.) 525
- Горяинова Е. В., в зам. Арцимович, гр. Толстая 503, 522
- Горяинова И. А., в зам. Сухотина 527
- Горяиновы 22, 171, 176, 378
- Гофман (Hoffmann) Ф. 343, 468
- Гофман (Hoffmann) Э. Т. А. 168
- Гребе А. П., урожд. Кашнева 503
- Гребе, полк. 503
- *Грейг С. К. 443
- Греч 165
- Григорий Нисский 327, 411
- Григорий Палама 410, 447
- Григорий Синаит 299
- Гриппенберг А. 494
- Гриппенберг Е. А. 505
- Гриппенберг Ю. И., урожд. Михайлова 494
- Гроссе В. К. 529

- Губастов К. А. 453
 Гувер (Hoover) Г. 525
 *Гудович И. В. 444
 Гуйон (Guyon), урожд. Бувье де
 ла Мотт Ж. М. 91, 154, 292,
 375, 428, 471
 *Даву (Davout) Л. Н. 162, 163, 404
 *Давыдов Л. Д. 473
 Давыдов П. Л. 424, 468
 Давыдова В. Н., урожд. Лихаре-
 ва 342, 468
 Давыдова Е. Н., урожд. Самойло-
 ва, в 1-м бр. Раевская 403, 473
 Давыдова Ек. П. 377
 Давыдова Н. В., урожд. гр. Ор-
 лова 377, 403, 424, 471
 Давыдовы 366, 404
 Данилова, урожд. Волкланевская
 186
 Данте Алигьери (Dante Alighieri)
 24
 Декарт (Descartes) Р. 126
 Деникин А. И. 511, 524
 Державин Г. Р. 399, 475, 478, 515
 Дерриман Е. И. 159, 225
 Де-Ферран, артист 503
 Де-Ферран М. 513
 Де-Ферран Р. 513
 *Дивов Н. А. 16
 Дидро (Diderot) Д. 376
 Диккенс (Dickens) Ч. 384
 Димитрий Ростовский (Туптало)
 385, 411
 Дионисий Ареопагит 410
 Дитерихс, урожд. Барсова 513
 Дитерихс А. К. 502
 Дитерихс А. М. 523
 Дитерихс А. М., урожд. Орнат-
 ская 502
 Дитерихс В. В. 512, 527
 Дитерихс В. Д. 514
 Дитерихс В. К. 502
 Дитерихс Д. В. 512
 Дитерихс Е. А., урожд. Блинова 513
 Дитерихс Е. А., урожд. Сусалина
 502
 Дитерихс Е. В., в зам. Янова 513,
 527
 Дитерихс Е. К., в зам. Щеглови-
 това, кн. Оболенская 502, 527
 Дитерихс Е. Ф., урожд. Костиш-
 ко-Валюжинич 502
 Дитерихс И. В. 513
 Дитерихс И. К. 502
 Дитерихс К. А. 491, 518
 Дитерихс Л. К. 502
 Дитерихс Мар. К. 502
 Дитерихс Мар. К., в зам. Де-Фер-
 ран 503
 Дитерихс Мих. К. 503, 522
 Дитерихс Н. К. 503
 Дитерихс (Горчаков) Н. М. 513
 Дитерихс Н. М., в зам. Еремеева,
 Полуэктова 513, 528
 Дитерихс О. И., урожд. Мусниц-
 кая 491

- Дитерихс О. К., в зам. гр. Толстая 502
- Дитерихс С. Э., урожд. Бредова 523
- *Дмитревский Д. И. 12
- Дмитриев И. И. 399
- *Дмитриев-Мамонов А. И. 16, 33, 301, 308, 461
- Дмитрий Донской 54, 58
- Добровольский 481
- Долгорукая Е. А. кж. 350
- Долгорукая Ек. П. кн., урожд. Давыдова 353
- Долгорукая Ел. П. кн., урожд. Давыдова 69, 200–202, 205, 211, 216, 277, 311, 317, 346, 349–355, 366, 367, 377, 411, 413, 414, 424, 446, 447, 471, 498
- Долгорукая В. Н. кн., урожд. Текутьева 314, 464
- Долгорукая М. А. кн., урожд. гр. Апраксина 210, 447
- Долгорукая М. И. кн., урожд. Апайщикова 436
- Долгорукая Н. Б., урожд. кж. Шереметева 377, 471
- Долгорукая Н. В., урожд. Орлова-Давыдова 214, 447
- Долгорукая Н. Г. кн., урожд. гр. Чернышева 374, 447
- Долгорукая О. А. кж., в зам. Волжина 350–352, 469
- Долгорукая О. А. кн., урожд. кж. Львова 394, 472
- Долгорукая О. П. кн., урожд. кж. Грубещкая 350, 356, 469
- Долгорукая Э. А. кж. 350, 351
- Долгорукие кн. 202, 345, 366, 412–414, 447
- Долгорукий А. А. кн. (ум. 1834) 402, 436, 446, 464
- Долгорукий А. А. кн. (ум. 1920) 469
- *Долгорукий А. И. кн. 293, 458
- Долгорукий А. Ю. кн. 211, 345, 350, 351, 353, 356, 361, 375, 446, 447, 469
- Долгорукий Г. А. кн. (1811–1853) 201, 346, 361, 446
- *Долгорукий Г. А. кн. (ум. 1812) 56–58, 130, 290, 303, 403, 421, 446, 447
- Долгорукий Д. И. кн. 26
- Долгорукий Д. Н. кн. 447
- Долгорукий И. А. кн. 377, 471
- Долгорукий И. М. кн. 516
- Долгорукий Н. А. кн. 394, 472
- Долгорукий Н. Д. кн. 214, 447
- Долгорукий С. А. кн. 292, 447, 458, 517
- Долгорукий Ю. А. (1807–1882) кн. 200, 201, 205, 211, 282, 308, 310, 311, 313, 314, 318, 327, 329, 350, 351, 353–357, 366, 367, 411–413, 446, 458, 464
- Долгорукий Ю. А. (ум. 1909) 469
- Долгорукий Я. Ф. кн. 403, 472

- Должанская Л. 531
 Дорофей авва 385, 398
 Дриневич А. В. 514
 Дриневич А. Л., урожд. Родионова 494, 518
 Дриневич А. Н. 505, 518
 Дриневич В. Н. 505
 Дриневич Д. Д. 514, 519
 Дриневич Е. И., урожд. Прыхунова 505
 Дриневич Евд. Н. 505
 Дриневич Елиз. Н., в зам. Тришатная, Черкасова 505
 Дриневич И. Д., урожд. Кузнецова 505
 Дриневич Л. В. 514, 519
 Дриневич М. В. 514
 Дриневич М. Д. 515, 518
 Дриневич М. Н. 505, 518
 Дриневич Н. Л. 494
 Дриневич Н. Н. 505
 Дриневич О. В. 514, 518, 519
 Дриневич С. В. 514
 Дриневич С. Н. 505
 Друцкая В. В. кн., урожд. Тутолмина 68, 160, 230, 424
 Друцкая Е. П. кн., урожд. кж. Кропоткина 231, 232, 449
 Друцкие кн. 103, 232, 244, 245, 452
 Друцкий А. Д. кн. 232
 Друцкий Дан. С. кн. 68, 231, 424
 Друцкий Дм. С. кн. 68, 160, 231, 232, 247, 424
 *Друцкий И. С. кн. 11, 68, 160, 161, 195, 231, 232, 266, 269, 277, 279, 424
 Друцкий С. А. кн. 155, 160, 230, 251, 424
 *Дубовицкий А. П. 301, 461
 Дузестан (Douzetemps) 444
 Дурново И. Н. 492
 *Дьяков Н. А. 419, 444, 458
 Дюгеклен (Duguesclin) Б. 163, 440
 *Дюмутьель И. Ф. 11
 Дютуа-Мамбрини (Dutoit-Mambrini) Ф. 99, 430
 Дягилев М. П. 502, 521
 Дятлов Н. И. 515
 Евсевий Кесарийский 410
 Егоров П. Е. 490
 Егорова С. М., урожд. Бегичева 483, 490
 Екатерина II 66, 72, 73, 129, 219, 258, 260, 403, 407, 410, 411, 420, 435, 515, 531
 Екатерина Антоновна, принц. Брауншв. 476, 515
 Екатерина Генуэзская 398, 411
 Елизавета Антоновна, принц. Брауншв. 476, 515
 Елизавета Феодоровна вел. кн. 489, 509, 524
 Еремеев 513
 Ермолов А. П. 383
 Есенин С. А. 527
 *Ефимович А. И. 301, 308, 330, 461

- Ешевский С. В. 318, 465
- *Жарков Е. С. 12, 159, 160, 170, 245, 250, 319, 320, 439
- Жаркова Ю. И., урожд. Якобсон 159, 245
- Жиларди (Gilardi) Д. И. 402, 472
- *Жуковский В. А. 27, 154, 376, 420, 437
- *Загоскин М. Н. 155, 340
- Загрецкий Н. А. 26
- Замятина 251
- Замятнина А. А. 153
- *Зверев Ю. А. 120, 433
- *Зилов А. М. 50, 100, 121, 157, 200, 279, 284, 286, 293, 294, 300, 301, 306, 309, 310, 315, 317–325, 327, 328, 330–334, 418
- *Зубов А. А. 15
- Зяблова Т. М. 528
- Иванов 483
- Иванов В. 249
- Иванов Ф. В. 519
- Иванова А. А., урожд. Арсеньева 483
- Ивашкевич М. А. 485
- Ивашкевич С. Д., урожд. Арсеньева 87, 426, 480, 484, 485
- Игнатъев Б. 526
- Иероним Стридонский (Hieronimus) 272
- Извольская М. П., в зам. Арсеньева 501
- Ильинский А. С. 348, 469
- Имберх А. А. 299, 469
- Ингеборга Алиса герц. Ольденбургская 495
- Иннокентий архим. 314, 462
- Иоанн Алексеевич 247
- Иоанн Златоуст 99, 142, 410, 431
- Иоанн Кронштадский (Сергиев И. И.) 361, 470
- Иоанн Лествичник 84, 426
- Иосиф II (Joseph II.) 457
- Исаак Сирин 99, 292, 385, 398
- Исуповы 22
- Иустин Философ 410, 425
- Казакова 171, 176
- Казначеев А. П. 492
- *Казначеев П. М. 18
- Казначеев С. П. 518
- Казначеевы 11, 18
- Каляев И. П. 448
- Кампанелла (Campanella) Т. 398
- Канкрин Е. 352
- Канова (Canova) А. 402, 472
- Кант (Kant) И. 72
- *Карамзин Н. М. 420, 444
- Каратыгин В. П. 526
- *Карбоньер Л. Л. 16
- Карл Великий 177
- *Карнеев Е. В. 430
- *Карниолин-Пинский М. М. 15
- Карпов В. Н. 430
- Карраччи (Caracci) А. 185
- Картавцев И. М. 25
- *Кашкаров И. И. 107, 125, 135, 432

- Кашкин Н. Н. 22
 Кашнев П. И. 491
 Кашнев С. П. 503
 Кашнева Е. И., урожд. Мусницкая 491
 Кёглер (Kögler) К. 362, 470
 Кельцев 234, 236, 238
 Керд (Caird) Дж. 439
 *Керенский А. Ф. 511
 Кибл (Keble) Дж. 414, 473
 Кинштова А. П. 106
 Кипренский О. А. 377
 Кир-Герасим I, патр. 519
 Киреевский И. В. 289, 457
 Киселёв Н. П. 19, 31, 32, 34, 427, 430, 465, 466, 530
 Клавинг В. В. 523
 *Классен Е. И. 15, 16
 Клейнмихель Е. К., в зам. Пуци-на, кн. Трубецкая 504
 Климент V 461
 Климент Александрийский 95
 Климент Римский 410
 *Клопшток (Klopstock) Ф. Г. 410
 *Ключарев Ф. П. 6, 36, 107, 190, 306, 435, 464
 Князева М. К., в зам. Ершова 526
 *Ковалевский Е. П. 300, 310, 460, 467
 Ковалевский М. Е. 329, 466
 *Ковальков А. И. 459, 460
 Кодер, аббат 166
 *Козодавлев О. П. 420
 Козяева Е. В., урожд. Лёвшина 417
 Козяева Е. И. 62
 Колесова Ю. С., урожд. Волклав-невская 154, 186, 438
 Колчак А. В. 519, 523
 Комарова 378
 Комовский С. Д. 453
 *Комьнин А. Д. 279, 318, 456
 *Комьнин В. Д. 5–8, 12, 16, 20, 34, 38, 46, 52, 54–60, 63–65, 68–70, 76, 100–109, 118–121, 124, 125, 127–134, 141, 142, 148, 151–154, 158, 160, 170–172, 174, 176, 181, 182, 188, 189, 202, 215, 216, 219, 222, 224–226, 228–230, 233, 236, 243–246, 254, 259–261, 278, 293, 296, 304, 305, 323, 328, 416, 423, 433, 437, 452, 453, 456, 459
 Комьнин Д. В. (р. 1741) 54, 128, 129, 133, 421
 Комьнин Д. В. (1803–1828) 63, 103, 127, 128, 156, 160, 170, 245, 417
 Комьнина А. В., урожд. Тутол-мина, в 1-м бр. Лёвшина 68, 101, 103, 159, 160, 230, 423
 Комьнина А. И., урожд. Желя-бужская 216, 421
 Комьнина Е. В., урожд. Лёвши-на 38, 39, 54, 58–60, 63, 65, 118, 125, 130, 131, 171, 202, 215, 227–229, 416, 417

- Комынина М. Д. 63, 156, 174, 244, 452
 Комынина С. Д. 417
 Комынины 54, 172, 322
 Коноплев 509
 Константин Константинович вел. кн. 497
 Константин Николаевич вел. кн. 443, 488, 526, 529
 Конфуций 306
 Корде д'Армон (Corday d'Armont) М.-А.-Ш. 163
 Коробьин В. Г. 101, 195, 231, 301, 431
 *Коробьин Г. Н. 16, 63, 69, 101, 103, 121, 160, 416, 423, 424
 Коробьина А. В., урожд. Камынина 63, 69, 101, 103, 233, 301, 416
 Коробьины 174, 184, 301
 Корсаков Д. 22
 Костюшко (Kościuszko) Т. 479
 Кропоткин Д. Д. кн. 512, 527
 Кропоткина М. Д. кж., в зам. Стеер фон Стеерувитц 514, 529
 Кротков А. С. 196, 302
 Кузнецова А. В. 526, 529
 Кулаковский Ю. А. 394, 472
 Кунрат (Khunrat) Г. 327, 466
 *Курбатов А. Д. 430, 466
 *Курбатов П. А. 13, 104, 107, 120, 141, 157, 182, 188, 189, 199, 278, 279, 286, 289, 291, 293, 295, 301, 302, 304, 308, 312, 317, 318, 320, 322, 324, 329, 332–334, 432, 455, 467
 *Кусов Н. И. 15
 *Кутневич В. И. 12, 279, 287–289, 320, 456, 457, 473
 *Кутузов А. М. 467
 Лабарр (Labarre) Т. 450
 *Лабзин А. Ф. 36, 98, 99, 125, 204, 298, 300, 304, 319, 334, 430, 431, 436, 441, 446, 456, 458, 462
 Лаблаш (Lablache) Л. 105, 432
 *Ладомирский В. Н. 16
 Лажечников И. И. 27
 Лайкевич А. П. 153
 *Лайкевич Н. П. 130, 436
 Лайкевич С. А., урожд. Мудрова 436
 Лактанций Фирмиан (Lactantius Firmianus) Л. Ц. 410
 Ламартин (Lamartine) А. де 437
 *Ланской С. С. 6, 10, 13, 14, 51, 52, 70, 94, 100, 125, 419, 428, 431
 Лачинов И. П. 505
 Лачинов П. И. 495
 Лачинова П. Д., урожд. Ветрицкая 506
 Лачинова С. С., урожд. Арсеньева 477, 481, 485, 494
 Лашин С. 168
 Лёвенштейн 58
 Левицкий 234, 238
 *Левицкий Д. Г. 403, 436

- * Лёвшин Ал. В. 62, 422, 423
 * Лёвшин Алекс. В. 62, 68, 422
 * Лёвшин В. А. 5, 7, 8, 15, 19, 20, 22, 31, 37–39, 46, 58, 60–68, 101, 102, 107, 118, 131, 141, 160, 171, 202, 228, 301, 305, 328, 416, 417, 422, 423
 * Лёвшин В. В. 61, 62, 66, 68, 422, 423
 Лёвшин Д. В. 422
 Лёвшин Е. В. 422, 423
 Лёвшин Л. В. 62, 63, 68, 239, 253, 422, 423
 Лёвшин Н. В. 422
 Лёвшин П. В. 422
 Лёвшин С. В. 422
 Лёвшина А. В. 417
 Лёвшина Евд. В. 63, 68
 Лёвшина Елена В. 417
 Лёвшина Елиз. В. 417
 Лёвшина Н. В. 60, 63, 68, 159, 171, 181, 187, 229, 255, 417
 Лёвшина Т. В. 417
 Лёвшина Ф. С., уржд. Козяева 38, 58, 60, 62, 416, 422
 Лёвшины 22, 31, 60, 62, 67, 142, 176, 227, 448
 Легенькова Е. А. 453
 Лейбниц (Leibnitz) Г. В. 72
 * Ленивцев А. А. 461
 * Ленивцев М. А. 461
 Леонардо да Винчи (Leonardo da Vinci) 120, 157
 Лермонтов М. Ю. 27, 28, 452, 482
 Лерне 487
 Ливен кн. 510
 Литвинов М. М. 526
 * Лихонин П. С. 305
 Лобанов И. К. 243, 244, 452
 Лобанов-Ростовский Н. А. кн. 383, 386, 471
 Лозн (Loln) И. М. фон 430
 Лонгинов М. Н. 46, 318, 411, 417, 465
 * Лопухин И. В. 36, 292, 331, 430, 458, 473
 Лопухин П. В. 448
 Лопухин П. П. 448
 Лопухина П. И., уржд. Лёвшина 448
 Лоу (Law) В. 99, 156, 430, 438
 * Лубяновский Ф. П. 15
 Луи-Наполеон (Louis Napoleon) 293
 Лурье В. М. 447
 Луценко Е. 430
 Людовик XVIII (Louis) 82, 83, 90, 162, 220, 426, 477
 Люлий (Lullius) Раймунд 398
 Лютер (Luter) М. 62
 * Магницкий М. Л. 429
 Майкова К. А. 7
 * Макарий Алтайский (Глухарев М. Я.) 346, 468
 Макарий Египетский 99, 385, 398, 410, 431

- Макарий Натарос 427
 Маккензи Дж., в зам. Баксева 529
 *Маклаков П. И. 51, 419
 Маколей (Macauley) Т. Б. 393, 472
 Максим Исповедник 99, 431
 *Малаев В. С. 12
 Малиновская Н. 361
 Малиновская Н. Г., урожд. кж. Долгорукая 361, 374
 Малиновские 361
 Мансуров П. Б. 415, 474
 *Марат (Marat) Ж.-П. 163
 Мария Александровна имп. 166, 316, 440
 Мария Павловна вел. кн. (1854—1920) 488
 Мария Павловна вел. кж. (1890—1958) 508
 Мария Фёдоровна имп. (1759—1828) 59, 228, 422
 Мария Фёдоровна имп. (1847—1928) 496
 *Маркелов П. Д. 298, 326, 459
 Маркова С. И. 142, 152
 *Маслов А. И. 100, 278, 279, 301, 303, 304, 306—311, 317—321, 323, 327—331, 334, 431
 *Маслов С. А. 9, 11, 15, 16, 121, 278—281, 286, 287, 291, 292, 296, 297, 302, 304, 318, 320, 333, 422, 432, 434, 455, 458, 465
 Массильон (Massillon) Ж. Б. 375, 471
 Матвеев, ген. 503
 Матвеева Е. П., урожд. Кашнева 503
 Матюшкин М. А. 433
 Медведев П. И. 505
 Медведева Е. В., урожд. Пуцина 505
 Медведков Е. М. 529
 Медведков М. Е. 529
 Медведков С. М. 529
 Медведкова В. Ю., урожд. Решетина 529
 Медведкова И. М. 529
 Медведкова М. М., урожд. Арсеньева 514
 Медведкова О. Е. 529
 Медведкова С. М. 529
 Медем А. Ю. Е. бар. фон, урожд. бар. фон Гейкинг 517
 Медем Б. Д. бар. фон, урожд. бар. фон Медем 516
 Медем Ф. бар. фон 48, 91, 482, 516
 Мейендорф И. Ф. 447
 Мейер 329
 Мейер, худ. 510
 *Мейербер (Meyerbeer) Дж. 451
 Мейсон (Mason) Дж. 98, 119, 156, 199, 410, 421, 430
 *Мельгунов А. П. 515
 Меншиков А. Д. кн. 520
 Меншиков А. С. кн. 16
 Меншикова Е. П. кн., урожд. кж. Голицына 520

- *Мерзляков А. Ф. 399
- *Местр (Maistre) Ж. де 435
- Меттерних (Metternich) К. В. Н. Л.
кн. 97, 429
- Микеланджело Буонарроти (Michelangelo Buonarroti) 376
- *Милованов А. С. 12, 279, 280, 282, 296, 307, 311, 456, 463
- Милованова О. Н. 311, 463
- Милорадович М. А. гр. 463
- *Милорадович С. Н. 29
- Мильтон (Milton) Дж. 404, 410
- Минин К. М. 340
- *Михаил (Десницкий М. М.) 95, 96, 308, 428
- Михайлов Ал. А. 484
- Михайлов Андр. А. 484
- Михайлов А. И. 494
- Михайлов А. С. 480
- Михайлов В. И. 480, 494
- Михайлов И. А. 484
- Михайлов Н. И. 494
- Михайлов П. И. 494
- Михайлова А. И. 494
- Михайлова А. М., урожд. Арсеньева 480
- Михайлова Е. П., урожд. Тучкова 484
- Михайлова Е. Ф., урожд. Морева 494
- Михнева А. Н., урожд. Сабурова 233
- Моисей (Гумилевский) 431
- Моле (Molay) Ж. де 301, 461
- Молитор (Molitor) Ф. 317, 333, 465
- *Монюшко 13
- *Мордвинов Н. С. 15, 17
- *Мудров М. Я. 436
- Мур (Moore) Т. 375
- *Муравьев А. Н. 88, 284, 335, 419, 427
- Муравьев-Амурский Н. Н. гр. 487
- Муравьева П. М., урожд. кж. Шаховская 427
- Муравьева С. А. 88, 89, 427
- Муромцев С. А. 391, 471
- Мусницкая А. П., урожд. Арсеньева 483
- Мусницкая В. П. 491
- Мусницкая Е. М. 502
- Мусницкая О. Л. 512
- Мусницкий И. И. 483, 517
- Мусницкий Л. И. 491
- Мусницкий М. И. 491
- Мусницкий Н. М. 502
- Мюллер (Müller) М. 386, 471
- Назимов М. А. 26
- Наполеон I Бонапарт (Napoleon Bonaparte) 82, 104, 152, 162–164, 171, 220, 375, 400, 439
- Нарышкин А. А. 394
- Нарышкин Б. А. 524
- Нарышкин К. Ф. 515
- *Нарышкин Л. А. 15

- Нарышкин М. М. 26
 Нарышкина С. П., урожд. Кантакузен 524
 Наумов О. Н. 27, 519
 Нащокин П. В. 167, 440
 Неелова Ф. Н. 170
 Неклюдова С. П. 197, 445
 Некрасов Н. М. 528
 Нелидова Е. И. 453
 Нестеренко А. А. 527
 *Нечаев С. Д. 12–16, 467
 Никифор Исихаст 207, 447
 Никодим Святогорец 427
 Николай I 27, 98, 166, 174, 197, 246, 251, 402, 415, 422, 432, 442, 443, 453
 Николай II 496
 Николев Н. П. 434
 Николя (Nicolas) О. 300, 454
 *Ниротмирцев А. П. 427
 Ниротмирцева Г. С., урожд. Слепцова 87, 427
 *Новиков Н. И. 6–8, 17, 36, 46, 58, 61–63, 66, 99, 101, 104, 107, 117, 119, 125, 129, 136, 141, 154, 189, 190, 202, 221, 305, 314, 318, 321, 398, 407, 409–411, 416, 423, 431, 436, 458, 464–466
 Новоселов М. А. 474
 Новосильцев В. Д. 433
 *Новосильцев П. П. 16
 Новосильцева Е. В., урожд. гр. Орлова 117, 118, 345, 403, 433
 Нолькен А. А. бар. 514
 Нолькен А. Л. бар. 505, 523
 Нолькен О. В. бар., урожд. Пущина 505
 Норденшельд (Nordenskjöld) Н. А. Э. бар. 392, 471
 *Норов А. С. 10, 15, 279, 456
 Ньютон (Newton) И. 72
 Оболенская Е. А. кн. 512
 Оболенская М. А. кж., в зам. кн. Кропоткина, Нестеренко 512, 527
 Оболенская М. А. кн., урожд. кж. Долгорукая 520
 Оболенская О. А. кж. 527
 Оболенский А. А. кн. (1856–1910) 502, 521, 526, 527
 Оболенский А. А. кн. (р. 1895) 527
 Оболенский А. М. кн. 527
 Оболенский В. В. кн. 520
 Оболенский Д. А. 10, 296, 459
 Оболенский М. А. кн. 512
 Оболенский Н. А. кн. 512, 527
 Оболенский С. А. кн. 527
 Образцов П. 473
 Овидий Назон (Ovidius Naso) П. 372
 Окулов М. А. 163, 440
 *Окуньков Ф. В. 309, 462
 Ольденбургский П. Г. принц 10, 185, 239, 442
 *Оржеховский Л. С. 135, 437

- Орлов А. Ф. гр. 197, 445
 Орлов В. Г. гр. 403, 470, 471
 *Орлов Н. А. гр. 9, 11, 189, 197, 199, 310, 320, 443, 445
 *Орлов Н. И. 320, 466
 Орлова О. П., в зам. Арсеньева, Шебеева 511
 Орлова-Давыдова Е. В. гр., урожд. Арсеньева 32, 211, 342, 351—355, 358—360, 362, 497
 Орлова-Давыдова М. В. гр., в монаш. Магдалина 499
 Орлов-Давыдов В. П. гр. 359, 447, 470
 Орлов-Давыдов С. В. гр. 353, 355, 359, 360, 469, 497
 Орловы-Давыдовы кн. 353
 Осипова И. 531
 Остафьев А. М. 250
 Осэр (Hausherr) И. 447
 Отель (Ottel) С. Ф. 236—238
 *Павел I 55, 58, 59, 82, 83, 129, 215, 220, 228, 429, 442, 448, 453
 Павел Александрович вел. кн. 54, 218, 241, 448, 488, 450, 501
 Павловы 22
 Паисий Величковский 427
 Пайен (Payen) А. И. 152, 160—167, 178, 181, 184, 187, 195, 234—236, 242, 247, 249, 255, 257, 325, 440, 451, 472
 Пако (Pascualt) А. И. 152, 437
 Палицын А. 340
 Пальмер (Palmer) В. 413, 414, 473
 Панин В. Н. 9
 *Панин П. И. гр. 449
 Панина С. В. гр., урожд. гр. Орлова 377, 403, 471
 Папков А. А. 442
 Парфений (Краснопевцев П. И.) 199, 445
 Паскаль (Pascal) Б. 398, 410
 Пасхин А. А. бар. 68, 160, 245, 246, 453
 Перваго 7, 8
 *Перваго А. В. 7
 *Перваго М. В. 7, 8
 Перетц Г. А. 417
 Перро (Perrot) Ш. 240, 450
 Пестов 28
 Пётр I 247, 403, 472
 Пётр II 377, 471
 Пётр Антонович, принц Брауншвейгский 515
 Петров В. И. 529
 Петров И. В. 529
 Петрова А. И. 529
 Петрова А. М., урожд. Арсеньева 529
 Пешкова Е. П., урожд. Волжина 525
 Пифагор 275
 Пичинелли (Picinelli) Ф. 466
 Платон 275, 374, 398
 Платон (Левшин П. Г.) 411, 428

- Платонова Э. Д., в зам. гр. Толстая 528
- Плюшар А. А. 240, 450
- Победоносцев К. П. 10, 295, 298—300, 318, 407, 458, 459, 473, 522
- Повало-Швейковская М. А., в зам. Дитерихс 503
- *Погорельский А. (Перовский А. А.) 241, 450
- Пожарский Д. М. кн. 340
- *Поздеев А. О. 9, 121, 134, 135, 158, 190, 326, 421, 434
- *Поздеев И. А. 6, 8, 9, 52, 57, 58, 107, 121, 124, 125, 130, 134, 136, 137, 158, 190, 271, 276, 284, 285, 290, 293, 294, 303, 305, 310, 312, 323, 326, 330, 420, 421, 423, 432—435, 458, 462
- Полевой Н. А. 451
- Поленов В. Д. 26
- Поливанов Л. И. 518
- Полотебнов А. Г. 191, 444
- *Помиан-Пезаровиус П. П. 15
- *Попов Г. С. 14, 15
- *Попов Д. И. 9, 201, 292—294, 296, 298—301, 303, 306, 310, 313, 315, 318, 319, 321, 325—329, 332, 427, 446, 458, 460, 465
- Попов Т. Д. 409
- Пордедж (Pordage) Дж. 298, 327, 455
- Потёмкин А. Я. 48, 418
- Потёмкин Г. А. кн. 403, 435, 443
- Потёмкина Т. Б., урожд. кж. Голицына 316, 464
- Пошман А. П., урожд. Савелова 239, 449
- *Пошман С. А. 181, 184, 185, 239, 300, 441
- Присенко Г. П. 24
- Прокопий (Аслан-мурза Челебей) 54, 475
- *Прокопович-Антонский А. А. 16
- *Протасов А. П. 330, 467
- *Прянишников Ф. И. 10, 14, 185, 442, 460
- Пуришкевич В. М. 509
- Пушкин 232, 235
- *Пушкин А. С. 399, 420, 440
- Пушкина В. Д., урожд. кж. Друцкая 232
- Пущин А. В. 504
- Пущин В. В. 504
- Пущин В. Н. 494, 519
- Пущина А. А. 514
- Пущина Е. В. 514
- Пущина Е. М., урожд. Трифановская 504
- Пущина М. А. 514
- Пущина М. А., урожд. Арсеньева 493
- Пущина С. А. 514
- Раевские 174
- *Раевский Н. Н. 403, 473
- Раевский Н. С. 473
- Разумовские кн. 471

- *Разумовский А. К. гр. 125, 432, 435, 444
- *Разумовский Л. К. гр. 125, 435
 Расин (Racine) Ж. 410, 435
 Распутин Г. Е. 527
 Рафаэль Санти (Raffaello Santi) 291, 376, 458
 Рейзин М. В. 531
- *Рейс Ф. Ф. 16
- *Репнин Н. В. кн. 318, 435, 458, 465
- *Ржевский П. А. 13
- *Римский-Корсаков А. П. 52, 419, 420
 Римский-Корсаков Н. А. 420
 Родионов Л. П. 484, 517
 Родионов Н. Л. 494
 Родионова Е. Н., урожд. Арсеньева 484
 Розанов И. Н. 18
 Розанов Ф. Ф. 473
- *Розенштраух В. И. 15
 Розетти-Катталлини П., в зам. Дитерихс 502
 Ростопчина Е. П. гр., урожд. Сушкова 20, 482, 516
 Рохманова 320
- *Ру И. А. 13
 Руа (Roy) П.-Ш. 424
- *Рузвельт (Roosevelt) Ф. Д. 528
 Румовский С. Я. 425
- *Рунич Д. П. 314, 464
- *Русановский П. И. 441
 Руссо (Rousseau) Ж.-Ж. 376
- *Рылеев К. Ф. 154
 Рюисдаэль (Ruisdael) Я. И. ван 185
 Рязанов Д. Б. 25
 Сабурова А. И. 160
 Салтыков А. А. гр. 520
 Самарин Ю. Ф. 198
 Самарины 490
 Сапожников С. А. 529
- *Сафонов А. Л. 290, 317, 457
 Сафоновы 457
 Свербеевы 378
 Светоний Транквилл (Suetonius Tranquillius) Г. 468
- *Свиньин П. П. 16
 Севинье (Sévigné), М. де Рабютен-Шанталь 197, 445
 Семека А. В. 18
 Семёнов 496
- *Сен-Мартен (Saint-Martin) Л. К. де 46, 417, 435, 438
 Сен-Симон (St. Simon) Луи де Рувруа герцог де 375, 471
 Сеньяин 482
- *Серафим (Глаголевский С. В.) 429
 Серафим Саровский (Мошин П. И.) 411
 Сервантес Сааведра (Cervantes Saavedra) М. де 441
 Сергей Александрович вел. кн. 54, 217, 218, 241, 247, 448, 450, 488, 489
 Сергей Радонежский (Варфоломей) 68, 75, 231, 272, 411

- Сергий, архим. 77
 Серков А. И. 6, 30, 36, 531
 Сержиков 494
 Сержикова М. М., урожд. Иваши-
 кевич 494
 Сидоркова В. И., в зам. гр. Тол-
 стая 513, 528
 Симеон Новый Богослов 447
 *Скарятин Я. Ф. 16
 Сковорода Г. С. 291, 318, 398, 458
 Скотт (Scott) В. 340, 384
 *Слепцов Л. С. 427
 *Слепцов Н. С. 427
 *Соколов М. С. 191, 444, 455
 *Соколов С. И. 9, 10, 79, 80, 91,
 95, 100, 107, 117, 121, 141, 161,
 188–194, 275, 278, 279, 283,
 286, 289, 292, 294–296, 300,
 302–304, 307–311, 313, 314,
 317, 318, 320, 323–325, 327,
 328, 330, 331, 333–335, 398,
 407, 408, 425, 445, 458, 463,
 472, 482
 Соколовская Т. О. 18
 Соллогуб С. М. гр., урожд. гр. Ви-
 ельгорская 462
 Солнцева Е. М. 235
 Соловьев В. Н. 26
 Соловьев В. С. 455
 София Алексеевна, цар. 247, 367
 *Сперанский М. М. 457, 473
 Спицына А. И., урожд. Арсенье-
 ва 475
 Станевич А. А., урожд. Арсенье-
 ва 501
 Станевич А. П. 512
 Станевич П. Э. 501
 Стаховичи 8
 Стеер фон Стеерувитц А. 529
 *Степанов А. П. 139
 Степанов П. А. 108, 432
 *Степанов Р. С. 52, 107, 108, 121,
 124, 125, 132–139, 157, 190, 221,
 289, 293, 294, 317, 421, 437
 *Стефани Ф. Ф. 16
 Столыпин П. А. 392
 Стояновский Н. И. 10, 299, 460
 Стромиллов А. Л. 475
 Струйский Д. Ю. 451
 *Суворов А. В. 435, 478
 Суворова Е. А., урожд. бар. Ноль-
 кен 514, 529
 Сусалин И. Н. 515
 Сусалин Н. 513
 Сусалина А. В., урожд. Дитерихс
 513
 Сухотин С. М. 513, 527
 Сушков Н. В. 296, 408, 459
 Сушковы 300
 Сюлли (Sully) Максимильен де
 Бютен герцог де 375, 471
 *Табаровский О. С. 14
 Тарквиний Гордый (Tarquinius
 Superbus) Л. 454
 Татаринова Е. Ф., урожд. Букс-
 гевден 326, 466

- *Татищев П. А. 433
 Татищева А. П. 433
 Таубе М. А. 22
 Таулер (Thauler) И. 292, 327, 398, 458
 Тацит (Cornelius Tacitus) 375
 Тереза Авильская (Teresa de Jesus) 290, 292, 398, 411
 Теттерман, худ. 510
 Тик (Tieck) Л. 376
 Тимашевский, худ. 487
 Тимрот А. Д. 528
 Титов А. И. 292, 458
 *Титов А. П. 332, 333, 468
 Тихон Задонский (Кириллов Т. С.) 409, 411
 Тихон (Белавин В. И.), патр. 520
 Тодорский С. 409
 Толстая М. А. гр. 528
 Толстая С. А. гр., в зам. Сухотина, Есенина, Тимрот 513, 527, 528
 Толстая С. И. гр., в зам. Вилистром 515, 529
 Толстая С. Н. гр., уржд. Синькова 530
 Толстой А. И. гр. 530
 Толстой А. Л. гр. 502, 522
 Толстой И. А. гр. 513, 528, 530
 Толстой Л. Н. гр. 26, 426, 438, 440, 517, 518, 521, 522, 527, 529
 Толстой М. В. гр. 20
 Толстой С. М. 530
 *Толстой Ф. П. гр. 310, 463
 Толстые 530
 Тольчева Т. 438
 *Томилов А. Р. 16
 *Топоров 325
 Транквилилатин А. 350
 Траск К., в зам. кн. Оболенская 527
 Тремелиус (Tremellius) И. 295, 297, 459
 Трифановская М. В., уржд. Пущина 505
 Трифановский А. М. 505
 Тришатная Е. А. 515
 Тришатный А. А. 514
 Тришатный А. И. 505, 523
 Тришатный Л. А. 514
 *Трубецкой Н. Н. кн. 36, 321, 466
 Трубецкой Н. П. кн. 504, 523
 Тургенев И. С. 452, 521
 *Тургенев П. П. 446
 Тутолмин И. В. 68, 160, 230, 245, 246, 424, 453
 Тутолмина С. П., уржд. гр. Панина 230, 449
 Тучков А. А. 251, 438
 Тучкова М. М., уржд. Нарышкина (мать Мария) 153, 166, 251, 252, 259, 438
 Тыркова-Вильямс А. В. 525
 Тэр (Thaer) А. Д. 58, 422
 Тюнина 258
 Тютчев Ф. И. 435, 490

- Тютчевы 490
 Ушаков В. 170
 Фальтенхаузер Э. 529
 Фаренколь 160, 245, 246
 Фаренколь Ю. Ф. 159, 245
 Фарнезич (Фольнезич), худ. 165, 482, 486
 Фёдоров М. Р. 517
 Фенелон (Fénelon) Ф. де Салиньяк де ла Мот 375, 471
 Феоктист 296
 Феофан Затворник (Говоров Г. В.) 385, 427
 Фердинанд I (Ferdinand I.), австр. имп. 453
 Ферхольм, худ. 510
 *Фесслер (Fessler) И. А. 288, 457
 Филарет (Дроздов В. М.) 12, 117, 251, 273, 303, 304, 317, 321, 335, 345, 407, 411, 425, 427, 433, 455, 469
 Филон Александрийский 318
 Филонова Л. Г. 29
 Филофей Синайский 410
 *Флитнер Д. Ф. 15
 Фляге (Flagué) 243, 452
 Фoa (Foa) Е. 240, 449
 Фома Кемпийский (Thomas a Kempis) 9, 98, 119, 135, 156, 181, 294, 307, 309, 311, 407, 410, 421, 425, 460, 463, 473
 *Фонвизин М. А. 469
 *Фонвизин С. П. 9, 13, 56, 104, 107, 120, 142, 154, 188, 189, 221, 279, 281, 284, 286–288, 293, 301–306, 308–310, 320, 321, 323–332, 416, 421, 432, 467
 Фонвизина В. А., урожд. Давыдова 154, 438
 Фонвизина Н. С., во 2-м бр. Гумилина 154, 438
 Фотий (Спасский П. Н.) 97, 429
 Франкенберг (Frankenberg) А. фон 465
 Франциск Ассизский (Franciscus) 385
 Франциск Сальский (François de Sales) 157, 411, 421
 Фролов А. Н. 26
 Хализев В. Е. 30
 *Хвостов Д. В. 161, 196, 197, 439
 Хвостова А. В., урожд. Шеншина 196, 197, 199, 439
 *Херасков М. М. 399
 Херодинов Ал. В. 514
 Херодинов Алекс. В. 513
 Херодинов В. В. 514
 Херодинов В. И. 504, 523
 Херодинов Н. В. 513
 Херодинова Е. А., урожд. Арсеньева 476, 479, 504
 Хованская А. Ф., урожд. гр. Головина 72, 424
 Хованские кн. 85, 118, 220
 Хованский А. В. кн. 72, 424
 Хоменко И. Н. 513

- Хоменко М. П., урожд. Кашнева 503
 Хоменко Н. Н., сын 513
 Хоменко Н., отец 503
 Хоменко Т. Н. 513
 Хомяков А. С. 20, 198, 385, 411, 413, 414, 482, 490
 Хомяковы 490
 Хрисанфий Иерусалимский 410
 Хрущов А. П. 232, 449
 *Хрущов И. Н. 50, 108, 304—306, 308, 321, 323—326, 418
 Хрущов М. М. 502
 Хрущов М. Я. 490
 Хрущов С. И. 475
 Хрущова А. М., урожд. Бегичева 483, 490
 Хрущова П. Д., урожд. кж. Друцкая 232, 449
 Хрущова Ф. И., урожд. Арсеньева 475
 Хуан де ла Крус (Juan de la Cruz) 292, 385, 411, 458
 Цветков В. Ж. 523
 Цебриков Н. Р. 26
 *Чаадаев П. Я. 442
 Чагина 378
 Черкасов М. П. бар. 505
 Чернов К. П. 433
 Чернопятков В. И. 22
 *Чернышев Г. И. гр. 447
 *Чернышев З. Г. гр. 420
 *Чернышев-Кругликов И. Г. 521
 *Чертков А. Д. 15, 16
 Чертков В. В. 512
 Чертков В. Г. 502, 518, 521
 Черткова А. К., урожд. Дитерихс 502
 Черткова М. П., урожд. Кузевич 512
 Черткова О. В. 512
 Чешихин Е. В. 426
 Чижев Н. М. 26
 Чижев Н. П. 518
 Шаблыкин И. П. 471
 Шаблыкины 386
 Шатобриан (Châteaubriand) Р. де 375
 *Шатров Н. М. 16, 120, 433
 *Шахматов А. Н. 14
 Шаховская Е. М. кж. 443
 Шаховская К. М. кж. 183, 441, 443
 Шаховская С. Г., урожд. гр. Моден 187, 443
 Шаховские кн. 87, 88, 91
 Шаховской В. М. кн. 187
 Шаховской Д. М. кн. 530
 Шварц Г. Е. 48, 418
 *Шварц И. Е. 36, 46, 62, 63, 66, 107, 221, 314, 317, 318, 327, 428, 436, 464, 465
 *Шварц Павел И. 7, 15, 305
 *Шварц Петр И. 8, 15
 Шварцы 8
 *Шверин Г. А. 14, 16, 263, 276, 277, 454

- Шебеев 526
 Шевеленко И. 29
 Шекспир (Shakespeare) В. 154, 374
 Шелли (Shelley) П. Б. 374
 *Шеллинг (Schelling) Ф. В. 398
 Шеншин В. В. 383
 Шеншин В. Н. 196, 445
 *Шеншин Н. В. 59, 77, 83, 189, 195, 197–200, 209, 211, 219, 422, 439, 490
 Шеншина А. И., урожд. Шаблыкина, во 2-м бр. кн. Лобанова-Ростовская 383, 386, 471
 Шеншина А. Н., урожд. Ермолова 383, 384, 386, 471
 Шеншина В. П., урожд. Неклюдова 445
 Шеншина Е. С., урожд. Арсеньева 59, 74, 77, 79, 83, 104, 126, 167, 180, 184, 187, 195, 197–200, 209, 211, 215, 219, 225, 226, 231, 234, 236–238, 244, 255, 261, 448, 452, 490
 Шенщины 273
 Шепелевы-Воронович 378
 *Шереметев В. А. гр. 10
 Шереметев С. Д. гр. 453
 Шереметева Е. П. гр., урожд. кж. Вяземская 244, 453
 Шибанов П. П. 19
 Шиллер (Schiller) И. Ф. 374, 376
 *Шишков А. С. 444
 Шлёцер А.-Л. 435
 Шмидт (Schmidt) И. К. фон 239, 240, 376, 449
 Шмидт Петерсен Э. 528
 Шнейдер (Schneider) И. А. 464
 *Шостак Г. И. 16
 *Шрёдер Н. И. 15
 Шуазель В. Г. гр., урожд. кж. Голицына 345, 468
 Шуберт 310
 *Шувалов И. И. 435
 Шапин Н. И. 483
 Шапина А. С., урожд. Арсеньева 483
 Щегловитов И. Г. 502, 521
 Щегловитов К. И. 512
 Щукина В. В., в зам. Арсеньева 521
 *Щулепников Р. С. 14, 51, 319, 418
 Щулепова Е. В., урожд. Лёвшина 62, 63, 68, 417
 *Щуров С. П. 31, 34
 Эджертон леди, урожд. кж. О. Н. Лобанова-Ростовская 387, 389
 Эзоп 84
 Эйлер (Euler) Л. 72, 424, 477
 Эйхендорф (Eichendorf) Й. фон 374
 Экземпляровский И. Т. (Иероним Пражский) 351, 469
 Эккартсгаузен (Eckartshausen) К. фон 99, 119, 431, 441

- Энери И. 513
 Эразм Роттердамский (Erasmus)
 410
 Эрман (Erman) Адольф 404, 473
 Эссен Ю. В., в зам. Дитерихс 512
 Юлиана-Мария, дат. кор. 515
 Юлий Цезарь 341, 468
 Юниус (Junius; Дю Жон) Ф. 295,
 459
 Юсупов А. П. кн. 480
 Юсупова С. М. кн., урожд. Ар-
 сеньева 480
 Яблочков М. Т. 22
 Ягеллон (Ягайло), вел. кн. лит.,
 кор. пол. 47
 Языков С. И. 79, 426
 Яковлев Ф. 437
 Ямщиковы 258
 *Яниш Н. И. 16
 Янькова Е. П., урожд. Римская-
 Корсакова 452
 Ярошенко Н. А. 521
 Azaïs P. H. 152, 437
 Bird T. A. 29
 Bourne Ш. Д. 212
 Bouvier 251
 Bridel P. 413
 Delaage H. 456
 Hainglaise 165
 Heine H. 385
 Ikonnikov N. F. 515
 Kologrivov I. 409
 Leicher G. 470
 Lodoïk 156, 438
 Louis XVI 258
 Marie Stuart 377
 Migne J. P. 468
 Monier A. A. 236
 Stroh C. 395
 Thierry A. 384
 Zola E. 47

УКАЗАТЕЛЬ МАСОНСКИХ МАСТЕРСКИХ

- Александра к Военной Верности [XIX/92] 463
- Астрей, директоральная л., в СПб. [XIX/48] 462, 481
- Великая провинциальная л., в М. [XVIII/52] 420
- Великая провинциальная л. (Владимир к Порядку), в СПб. [XIX/51] 419, 420, 481
- Гермес, в СПб. [XIX/31] 6
- Елизаветы к Добродетели, в СПб. [XIX/56] 419, 420, 428, 431, 454, 456, 468, 516
- Избранного Михаила, в СПб. [XIX/57] 417, 454, 460, 462
- Ищущих Манны, в М. [XIX/33] 6, 100, 101, 124, 416, 419, 421, 423, 431–434, 437, 455, 456, 462, 467, 468, 483, 516
- Нептуна, в М. [XIX/35] 6, 421, 425, 444, 458, 461, 462
- Нептуна к Надежде, в Кронштадте [XVIII/32] 444
- Олимпийского Общества, в Париже 424
- Орла Российского, в СПб. [XIX/59] 481
- Орфея, в Рязанском полку [XVIII/123] 433
- Орфея, в СПб. [XIX/60] 454, 516
- Палестины, в СПб. [XIX/61] 420
- Петра к Истине, в СПб. 462
- Саратовская ложа [XIX/86] 457
- Северных Друзей, в СПб. [XIX/69] 516
- Соединенных Друзей, в СПб. [XIX/70] 423, 456, 481–483
- Сфинкса, в М. [XVIII/59] 433
- Трех Добродетелей, в СПб. [XIX/72] 6, 96, 100, 424, 456, 462, 463, 483
- Трех Светил, в СПб. [XIX/73] 516
- Умирающего Сфинкса, в СПб. [XIX/76] 204, 441, 443, 447, 459, 464, 481
- Royal York, в Берлине 457

ZUSAMMENFASSUNG

**W. S. Arsenieff. Erinnerungen und Tagebücher.
Dokumente aus dem Familienarchiv.
Herausgabe und Kommentar
von A. I. Serkoff und M. V. Reisin.
(Band 6 der Reihe «Russisches Freimaurertum:
Materialien und Untersuchungen»)**

Das Buch enthält Memoiren und Tagebücher von Vertretern mehrerer Generationen der Familie Arsenieff. Das auf das 14. Jahrhundert zurückgehende adelige Geschlecht Arsenieff spielte eine bedeutende Rolle in der russischen Freimaurerei nach deren 1822 erfolgtem offiziellen Verbot.

Die zentrale Gestalt des Buches, Wassili Arsenieff (1829–1915), Rechtswissenschaftler und hochrangiger Beamter in der Staatsverwaltung, war Freimaurer in der vierten Generation. Sein Urgroßvater, der bekannte Schriftsteller Wassili Löwschin (1746–1826), war ein Mitarbeiter von Nikolai Novikoff und übernahm nach dessen Tod (1818) die Leitung des (für die höheren Grade bestimmten) inneren Rosenkreuzerordens. Diesen Posten übergab er dann seinem Schwiegersohn Wassili Kamynin (1776–1842). Kamynins Schwiegersohn Sergej Arsenieff (1801–1860) und Arsenieffs Sohn Wassili Arsenieff waren Mitglieder des geheimen Moskauer Freimaurerkreises.

Mit der Zeit wurde der Freimaurerkreis von Novikoffs Richtung immer enger, bis er sich endlich um Wassili Arsenieff herum kon-

zentrierte und sich auf dessen Freunde und Verwandte beschränkte. In seinem Hause befand sich auch die reichste Sammlung von einzigartigen Dokumenten der russischen Freimaurerei.

Die letzten Mitglieder des Rosenkreuzerordens waren Wassili Arsenieffs Sohn, der Priester Johann Arsenieff (1862–1930), der letzte Dekan der Erlöser-Kathedrale zu Moskau vor deren Abbruch, sowie sein Enkel Michael (1894–1937), der von den Bolschewiken erschossen wurde.

Die vorliegende Ausgabe enthält, neben den aus sechs verschiedenen handschriftlichen Versionen zusammengestellten Erinnerungen W. Arsenieffs und großen Auszügen aus seinen Tagebüchern, welche wertvolle Informationen über die geheimen Freimaurerversammlungen liefern, die folgenden Texte:

— Erinnerungen seiner Mutter, der Dichterin Nadeshda Arsenieff (1805–1855), an ihren Großvater Wassili Löwschin;

— Erinnerungen seines Bruders, Admiral Dimitri Arsenieff (1833–1915), über dessen Kindheit;

— Aufzeichnungen seines Sohnes Johann aus der Zeit seiner Jugend;

— Autobiographie seiner Tochter Maria Arsenieff (1865–1918);

— Auszug aus dem Buch «Gaben und Begegnungen meines Lebens» von seinem Enkel, dem Kulturhistoriker und Religionsdenker Nikolai Arsenieff (1888–1977);

— Genealogie des Geschlechts Arsenieff, von seinem anderen Enkel, dem Historiker und Heimatkundler Wassili Arsenieff (1883–1947), zusammengestellt im Jahre 1925.

Der Band ist mit Einleitung, Kommentar, Namenregister und Logenverzeichnis versehen.

SOMMAIRE

V. S. Arséniëff. *Mémoires et journal.*

Documents des archives de famille. Généalogie de la lignée des Arséniëff

Composition, publication et commentaires

par A. I. Serkov et M. V. Reisine

(Série: «La franc-maçonnerie russe. Documents et recherches». № 6)

Le livre contient les textes des mémoires et des journaux écrits par les représentants de plusieurs des Arséniëff. Cette ancienne lignée de la noblesse qui remonte au XIVe siècle joua un rôle important dans la maçonnerie russe du XIXe siècle après son interdiction officielle en 1822.

Le personnage principal du livre, Vassili Arséniëff (1829–1915), haut fonctionnaire et juriste était maçon en quatrième génération. Son arrière-grand-père, Vassili Levchine (1746–1826), littérateur connu et collaborateur de Nicolas Novikoff, après la mort de celui-ci en 1818, se mit à la tête de l'Ordre intérieur (pour travailler aux degrés supérieurs) de la Rose-Croix et transmit à son tour ce poste à son gendre, Vassili Kamynine (1776–1842).

Le gendre de Kamynine Serguéy Arséniëff (1801–1860), ensuite le fils de celui-ci, Vassili Arséniëff, étaient armés chevaliers au cercle secret des franc-maçons moscovites.

Avec le temps le cercle des continuateurs de la tradition maçonnique de Novikoff devient de plus en plus étroit et ne réunit que l'entourage familial et amical de V. Arséniëff. C'est lui qui hérita les seules collections manuscrites des maçons russes. Au tournant des XIXe – XXe siècles le fils d'Arséniëff, le prêtre Jean Arséniëff (1862–1930), qui fut le dernier

doyen de la cathédrale du Saint-Sauveur à Moscou avant sa destruction, et le petit-fils, Mikhaïl Arsénieff (né en 1894), fusillé par les bolchéviques en 1937, sont les derniers à être armés chevaliers de l'Ordre de la Rose-Croix.

A côté des mémoires de Vassili Arséniev, compilés pour la présente publication à partir de six versions manuscrites conservées et de longs extraits de son journal qui nous offre des matériaux uniques sur les réunions secrètes des maçons, le livre contient :

— mémoires de sa mère, la poétesse Nadejda Arsénieff (1805–1855), consacrés à son grand-père V. Levchine;

— mémoires de son frère, l'amiral Dmitri Arsénieff (1833–1915), dédiés à son enfance;

— notes de son fils, Jean Arsénieff, écrites dans son album de jeunesse et ayant aussi le caractère des mémoires;

— autobiographie de sa fille, Marie Arsénieff (1865–1918);

— quelques chapitres des mémoires que son petit-fils, Nicolas Arsénieff (1888–1977), émigré, historien de la culture et penseur religieux, intitula «Les dons et les rencontres que la vie m'a offerts»;

— généalogie de la lignée des Arsénieff faite en 1925 par son autre petit-fils Vassili Arsénieff (1883–1947), historien, ethnographe régional et généalogue.

Le livre présente un grand intérêt non seulement pour l'historiographie de la maçonnerie russe, mais aussi pour l'étude du mode de vie et de la conception du monde de la noblesse conservatrice de la Russie du XIXe siècle ainsi que pour la généalogie des lignées de la noblesse russe.

Les documents publiés sont tirés des archives et paraissent pour la première fois. Ils sont présentés avec un article d'introduction et des commentaires. Le livre contient aussi un indicateur des noms propres et des loges.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Дневники и воспоминания Арсеньевых	5
ИСТОЧНИКИ ТЕКСТА	31

Н. В. АРСЕНЬЕВА

Отрывок из воспоминаний о В. А. Лёвшине	37
---	----

В. С. АРСЕНЬЕВ

Воспоминания	41
--------------------	----

Д. С. АРСЕНЬЕВ

Воспоминания	217
--------------------	-----

В. С. АРСЕНЬЕВ

Дневник	263
---------------	-----

И. В. АРСЕНЬЕВ

Курилово	336
----------------	-----

М. В. АРСЕНЬЕВА

История моей жизни	344
--------------------------	-----

Н. С. АРСЕНЬЕВ

Дары и встречи жизненного пути	363
--------------------------------------	-----

КОММЕНТАРИИ	416
-------------------	-----

В. С. АРСЕНЬЕВ

Потомство Михаила Ивановича Арсеньева	475
---	-----

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	531
-------------------------	-----

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	532
----------------------	-----

УКАЗАТЕЛЬ МАСОНСКИХ МАСТЕРСКИХ ..	561
-----------------------------------	-----

Василий Сергеевич Арсеньев

Воспоминания. Дневник.

Материалы семейного архива.

Генеалогия рода Арсеньевых

Составление, подготовка текста и комментарии

А. И. Серкова, М. В. Рейзина

Художественное *М. Ю. Заборовской*

оформление

Вёрстка *И. В. Смирновой*

Резюме *Е. В. Козловская*

Е. А. Легенькова

РУССКОЕ МАСОНСТВО МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Серия основана в 1997 году.
Под общей редакцией А. И. Серкова

ВЫШЛИ В СВЕТ:

1. *Г. В. Вернадский*. Русское масонство в царствование Екатерины II. Издание 3-е, исправленное и расширенное. — 2001 г., 576 стр.
2. *А. И. Серков*. История русского масонства. 1845—1945. — 1997 г., 480 стр. (Распродана; готовится новое, значительно дополненное издание.)
3. *А. И. Серков*. История русского масонства после Второй мировой войны. — 1999 г., 448 стр.
4. *А. И. Серков*. История русского масонства XIX века. — 2000 г., 400 стр.
5. *Н. П. Киселёв*. Из истории русского розенкрейцера. — 2005 г., 424 стр.
6. *В. С. Арсеньев*. Воспоминания. Дневник. Материалы семейного архива. Генеалогия рода Арсеньевых. — 2005 г., 568 стр.

Издательство имени Н. И. Новикова
190121, Санкт-Петербург, а/я 213
тел./факс: (812) 714-22-93
novikoff_verlag@mail.ru

Подписано в печать 02.12.2004 г. Гарнитура Академическая.
Формат 60×84/16. Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Заказ № 935.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Издательско-полиграфическое предприятие „Искусство России“»
198099, Санкт-Петербург, ул. Промышленная, 38, корп. 2.

250

05-72623

2007326383